

К 1447194

Александр Халов

Милый ненавидит
Мирин Людинот ймирн

ДОКТОР ХАС

...man&human...

K1447194

2012

Издательство «Семейные Традиции»

и

«Британский Страховой Дом»

представляют:

ВСЁ, к этому времени написанное

Мастером

*о современном
(и кое-что - о будущем!)*

- человеку .

Милый ненавидит
...man&human...
любит

КНИГА I

том второй

УДК 921.161.1(470.12)-3
ББК 84(2Рос-4Вол)-44
X17

Александр Сергеевич Халов (ДОКТОР ХАС)
X17 Милый ненавидимый любимый : [в 2-х т.]. Т.2 / Александр Халов. - Вологда,
2012. - 552с.: ил.
ISBN 978-5-91965-084-3

ISBN 978-5-91965-088-1 (т.2)
ISBN 978-5-91965-084-3

© Халов А. С., 2012

Конец Принцессы Анны

рассказ в 3-х частях

Часть 1

В одном исключительно приятном областном городе жила одна приятная дама.

(О том, какими ещё бывают дамы, резонно заключил коллега Гоголь; тем исчерпав сей неразрешимый вопрос.)

А вот когда женщины бывают: дамы? На сей счёт мнений - свет. Коль судить современно, нужно обязательно подразумевать возраст. По-нынешни - когда они в возрасте «за сорок», либо лет в сорок. Подытожим: когда им в районе сорока.

А вообще?

Пример сразившей собою героя предыдущих времён Татьяны являет нам даму другого света; но, верно, тогда времена были моложе; и старше мужья.

...Своё дневное время пять раз в неделю наша дама проводила в одном из тех строго приятных учреждений, где только и можно встретить дам. Где же встречаются дамы? А также, на каких местах и постах?

О, конечно, на тех и там, где кроме властной женственности востребованы атрибутами неприменности - царственный взор, сановные осанка и улыбка, отнесённость от мелюзги и мелочей жизни, плавная паво поступь равно как к чаю с булкой, так и с кошельком к кассе, - и по делам с папкой, и с сумочкой на фуршет.

Вот шествует женщина - начальник департамента. Это дама. А что - кассир? Та, что следом за ней. Не-ет... - преподаватель академии, института, доцент - дамы точно. А главный бухгалтер Облэнерго? А заведующая отделом налоговой инспекции? Начальник отдела ли подотдела мэрии? Директор, завуч школы? Судья?...

Конечно, не одно место красит человека. Однако, согласитесь: заниматься разноской газет, либо посудной мойкой, выдавать в гардеробе пальто, получая в нагрудный кармашек гривеннички, стоять за прилавком, исполняя ежеминутно желания покупателей и ежечасно вынашивая своё к концу дня не обмануть себя - не благоприятность для становления и жизни настоящей дамы.

Итак, кое что мы прорисовали и теперь и... Но мы забыли!!! Мы упустили из виду одно важное обстоятельство, целый фрагмент! Весь вид исказится, если...

Какое ж!?! «Одна». Да-да, там, где только что было проговорено «жила одна приятная дама», сжато обрисовывает назначенное ему в общей картине панорамное свойство - короткое слово, краткое числительное, да - дли-и-и-нное жизненное обстоятельство: **одна**. Итак (итак, и так), дополнение верно. В том (первом) предложении каждое слово - столп и всё так: жила приятная дама одна.

...У неё была квартира, у неё - дети, у неё - многое, что необходимо женщине на свете; но мужа не было теперь у неё. Вот в чём **не приятность** её.

Впрочем, живо враньё, что *«по этой причине и от разной женской нужды»* случались с ней, происходили в её не стоящей жизни разные - вначале *«банально-итоговые»*, затем чересчур оригинальные, в конце - вовсе никакие истории.

И одна из заключительных, вершающая всю приключенческую цепь - и закрутившись только что - случайно, естественно, попала на глаза. Вот она.

Часть 2

В тот вечер Ольга Валерьевна, что обыкновенно бывало вечером, была дома.

Отдохнув от дня, служебных забот, отужинав, она справляла мелкие хозяйственные дела, уже поглядывая на часы, - уже всё чаще взглядывая на часы, иногда мысленно опережая ход стрелок, иногда непроизвольно подгоняя их: близилось девять, девять вечера, её вожделенное суточное время, этот её один час с девяти до десяти два раза в неделю - пора её странствований, открытий, переживаний, всплесков эмоций, общения, знакомств по Интернету.

Нарушая порядок, - нарушая ей созидание вечернего настроения, вторгаясь в него бесцеремонным проводником оставленного и даже запертого с той стороны, за порогом квартиры, необходимого, но докучного мира, - зазвонил телефон. Ольга Валерьевна испытала лёгкое раздражение, ропчущее недовольство - *«Ну кто ещё там не вовремя!...»* Вздохнула, направилась к телефону (не в её правилах было иное), прогнала всё лишнее внутри, спокойно трубку сняла.

- Алло!...

Её чистый, высокий при кратком разговоре и восклицаниях и грудной вообще, характерно женский, хорошо поставленный голос и отвечал сейчас, и спрашивал одновременно, - одним всплеском, как одним цельным звуком «алло» и представляя владелицу, и здороваясь от имени её, - здороваясь с невидимым собеседником, - и его, неизвестного, вопрошая. Приятно слушать такие женские голоса; кроме всего, они вмиг разжигают мужское любопытство. Ольга Валерьевна знала и про то, и про это.

В трубке прозвучало:

- Здравствуй! Оль Валерьевна, это, кажется, ты.

Приятный мужской голос уверенного в себе человека спокойно выговорил слова

на том конце провода и смолк: мужчина слушал в трубку. Ольга Валерьевна молчала и мужской голос прибавил: - Ольга Валерьяна! Это Алексей... М-м-м... Любимый дядя твоей Надюшки. Я от неё письмо получил.

Ольга Валерьевна!... Словно опомнилась. Ведь она узнала - узнала звонившего сразу! Она узнала его, но в ней шла какая-то работа, необходим был толчок! Теперь же, после вторых слов, она обрадовалась звонившему безмерно. Она заговорила в трубку быстро, она улыбалась, она говорила радостно.

-Алексей! Алёша! Здравствуй! Это ты! Ты что? Ты где? Ты чего пропал!? Не звонишь, не приезжаешь... У нас столько изменений, столько нового! Ты куда-то уезжал?

Она растрогалась, она искренне радовалась, она поняла, как соскучилась по нему, Алексею, своему бывшему душевному приятелю, ласковому любовнику, заботливо-верному другу! И как не минутно рада внезапному не вовремя его звонку.

На том конце провода почему-то молчали.

-...Алексей! Лёша! Ты меня слышишь? Алло! Алло! ...Со связью что-то... Последнее она проговорила уже для себя. -...Алло! Алло!

-Да слушаю я, - ответили вдруг, ответили близко, спокойно. - Всё нормально со связью, это у меня в голове неkontakt какой-то произошёл.

По тону говорившего, Ольга Валерьевна поняла, что тот думает обидеться, она напряглась, ожидая, но нет, мужчина, по видимому превозмог себя. Тогда - «Какой неkontakt?» - нейтрально спросила она.

Конечно, она вмиг догадалась. И голос её давал это понять. Он давал понять: ей не нужны комментарии никаких её поступков. Одновременно он давал понять: она не зрит, не чувствует за собой вины, за ней нет проступка. Она поступила так, потому что. И никак иначе. Потому что. На иное (поступить иначе) - времени не нашлось. И вольно не - обижаться - не обижаться на неё, а - воспринимать, либо не воспринимать её такую, какая она есть.

-...Да нет, нет, всё нормально, - ответили ей. - Просто ты не звонишь, не напишешь уже больше, чем полгода. Как-то на улице встретил, прошла мимо. Даже не оглянулась. Я подумал: не нужен, не любят, решил не показываться... Пару лет. Только и всего.

-Ой!... - она действительно расстроилась. Голос зазвенел, поднялся выше, капнул слёзным сожалением вниз. Она чуть озаботилась. - Правда, встретил!? А я ведь тебя, значит, тогда, наверное, правда не заметила. Нет - честно, не лгу.

-Да понял я.

-Ты обиделся?

Она уже не напрягалась.

-Да когда я обижался на тебя...

-Ну да...

Алексей говорил с ней, она отвечала ему, рассказывала. И одновременно у ней - думалось. Ей было немножечко совестно. Ей очень-очень захотелось его, Алексея, сейчас же увидеть. При этом она не забывала поглядывать на часы: всё время помнила свой час, своё время.

-...Оля, ты слушаешь? - Голос Алексея вдруг прервался.

-Да-да! - удивилась она. - Слушаю, конечно.

-...Я, кстати, заезжал как-то к вам. Подумал, попал не туда. Какая-то женщина твоего возраста, примерно, - ну, может я ошибаюсь немного, немного поменьше ей - лет тридцать пять, - открыла на мой звонок. Я, видимо, повёл себя -э-э-э-... неадекватно, потому что она так странно посмотрела!... Да конечно! Я просто ошеломился, вот и всё. Ты знаешь, ощущение помню до сих пор: ощущение незабываемое! Помню, вышел из дома и всё оглядывался: на дом, на подъезд. Когда ехал обратно, уяснил себе изначальный смысл слова «ошеломили». Точно так: меня тогда крепко пошлѐму - я был в кожаной кепке, правда - ударили.

Ольга Валерьевна дозвешивав моментально, - да и не взвешивав всё, поддавшись самому движению, вектору весов своей души, - решила. И:

-Алексей, Алѐша, - я, правда, очень занята буду сейчас! Но это ненадолго, на час всего. Приезжай! Если сможешь, приезжай! Мы все будем тебе очень рады. Вот Надечка уже кричит, слышишь?

Она отвела руку с телефонной трубкой от уха, от щеки в сторону, в комнатное пространство, чтобы в трубке, на том конце, услышалось всё, что происходит поблизости в её квартире, и мужчина на том конце провода должен был, конечно же, заулыбаться от звонкого знакомого ему девичьего: «Дя- дя! Лѐ- ша! При- ез- жай!» Ольга Валерьевна вновь приложила трубку к уху, в трубке теперь рокотало - уже другое: радостное, добродушное, детски приветливое. Из трубки мягко, приятно ластило, - как пушистым лоскуточком по лицу: ласкало, щекотало тембром воспоминаний сердечные уши. Из трубки лилось: «Слышу - слышу, сейчас буду. Буду - буду. Дайте минут двадцать - буду. Приеду - приеду. Я недолго: вечер, улицы пусты».

Блаженно, трогательно улыбаясь - себе, своему прошлому с чудесным милым Алексеем, своему прочно устроенному настоящему, - Ольга Валерьевна поспешила закончить домашние дела, без пяти минут девять она уже сидела перед компьютером.

...Мир Всемирной Паутины!... Сотни провайдеров, тысячи городов, миллионы людей, триллионы голосов, мнений - биллионный кладезь информации. Вступившему сюда раз, ступившему и попавшему в этот мир ни за что уже не вырваться из тенѐт своего желанья шагать и шагать, видеть, смотреть, узнавать. Это - окно, это

твой личный поезд, где ты - машинист и ты пассажир. В вагоне СВ, приватно, в купе - мчишь, сидя у своего окна. И ты - повар, готовящий блюда фирменного ресторана, и ты - VIP-персона, и проводник, и пассажир.

Может быть после сотого сеанса в этом кино твоё лицо будет сухо-безразлично, безвыразительно-скупое, без красок. До того - оно волнуется, каждую минуту что-то творит, - оно рисует, выражает, - на нём весь спектр твоих внутренних переживаний, которые - как всё внутри тебя в минуты первых, самых первых свиданий. И вот - глаза горят, лицо говорит. Внимание, руки прикованы к предмету поэтической любви. Ольга!... Не отрывалась от экрана.

Когда пропел звонок и заговорщически, по-свойски, простучали во входную дверь, Ольга что-то делала и ожидала ответа «в Австралии». Она прокричала, она приказала «оттуда»: «Надя! Надя! Это дядя Лёша! Только спроси - кто? Всё-таки спроси!...» Дочь полетела к дверям, Ольга - вернуться на Шестой континент. У входной двери в коридоре заухали, закричали восторженно - она всё слышала - завозились, она улыбалась. Она была рада. Она улыбалась им, тем, кто кричит, говорит и смеётся сейчас за стеной, улыбалась себе, своему во всём приятному настоящему, этой приятной минуте, всей своей жизни, и, кажется, даже всему будущему: судьбе.

Она улыбалась: жизнь стояла к ней светлым лицом - довольным ухоженным лицом - милостливой снисходительной покровительницы. Руки которой - щедры, туника - бела, свежа, лавр на украшенной короной густых золотистых колосьев - кос голове благоухан, прянополезен.

...Небольшой недовес казался теперь пустяком - ничего, наверстаем в другом, не княгини... Да и не в этом главное. Главное, жизнь, конечно, не сахар, не мёд, но - приятствие. Да.

...Всё-всё-всё... Надюша - всё-всё-всё... Надя!... Надюша!... Всё. Дай на маму твою взглянуть.

Голос Алексея прозвучал совсем рядом и Ольга ответила, не отрываясь от своего: «Я здесь». Алексей вошёл, она на мгновение отвлеклась, стремительно улыбнулась, махнула ресницами, поздоровалась глазами.

Повела рукой вокруг себя, царственно отдавая на время свою квартиру, доверяя её, как доверяют всё своему.

...Я сейчас. Надя! Покажи, как у нас теперь, дяде Лёше.

Ольга заглянула ему, наклонившемуся к ней, к её щеке, в глаза, подмигнула ему обоими, проговорила дружески:

- Алёша, проходи. Посмотрите всё. Чай поставьте. Я - сейчас.

Дочь и друг водили друг друга за руку по комнате. «...А вот здесь у нас мамина комната. И комната это у неё, и спальня. А вот и наша комната. Только мама Серого

выселила теперь спать в большую комнату...» Ольга слышала их родные голоса, пыталась представить себе голоса тех, с кем общалась сейчас за океанами. Как это сомкнулось всё: одна сторона Земли, другая сторона Земли, одна сторона сердца, другая... Всё теперь одновременно.

Но вот - time is out - очень жаль, но закончен сеанс. У Ольги вздохнулось. Алексей сидел близ неё. Увлёкшись, она не заметила. Дочь хлопотала на кухне.

Ольга развернула вращающееся кресло. Алексей спросил:

-Всё?

Она ответила с жалобным вздохом:

-Увы... Всё.

-Всё ясно. Сейчас, я думаю, ты меня спросишь. Но вопрос уже излишен: я всё уже вижу, как ты живёшь.

-Ну и как.

Она приготовилась только к одобрению. Алексей поднялся.

Лет сорока, в добротной приятной глазу одежде - джинсах, толстой, рубашке свободного покроя, чисто выбритый, с тёмными, в крапинах седины волосами, - он и сейчас, как пятью годами раньше, внушал Ольге доверие. От его присутствия рядом ей всегда становилось надёжнее, даже теплей.

Она поднялась. А он - делая движение к ней, в своём движении - полу наклоне ткнулся лицом прямо ей в грудь. Неловкости не произошло, они беззаботно рассмеялись.

Тогда он поцеловал её в губы. Но поцеловал осторожно, касаясь едва, как спрашивая. Целуя - спрашивая. Спрашивая разрешения, отношение к себе поцелуем проверяя.

Она спокойно доверила ему свои губы, не уклонилась и от объятия рук.

Алексей подержал её за талию и отстранился. «...А живёшь ты, мой друг, - промолвил он, - хо-ро-шо». Ольга!... Осталась довольна.

Она была довольна, сияла, она не уклонялась от рук и Алексей, разрешив себе меньше скромности, опустил ладони чуть ниже её талии. Ладони скользнули ниже, пожимали и бёдра, но - Ольга это чувствовала - то было скорее движение рук тренера по формам спортсменки, или заключение оценка доктора. А отнюдь не поглаживания-потирания, притирание мужчины-кота.

«...И всё у тебя в порядке, - наконец заключил ей Алексей, - не отрывая своих глаз от её глаз, движением своих обозначая ей, указывая ей: квартира, дети, порядок, непустой кошелёк, - образованна, нескандальна, милостива, добра... Он не говорил далее словами, но Ольга прочитала помимо... Прочитала всё в его глазах и «руках». И зарделась. («И кожа - бела, и попка крепка... И выглядишь ты - на все сто!»)

Ольга!... Закрыла глаза. Она светилась улыбкой. Щёки пунцовели от удовольствия.

ствия.. Так начинает светиться своим прекрасным бордо роза, когда солнечный свет, наконец, прольётся на неё, покажет всем и её фон - зеленолиственный убор. Ольга рдела. Ольга обмякла, от удовольствия непроизвольно поводила плечами, как жеманилась одежде...

Нет, она не жеманилась! Не кокетничала - «Ах, ты мне льстишь, конечно...» Такое было не в её правилах, и совершенно - не в манерах. Кроме того, она знала: Алексей не подлизывается, не льстит. Она не забыла - она прекрасно помнила! - бывшего своего мужчину, сразу почувствовала его! Она знала: он тактичен, да прям. Она знала: комплименты к месту, к делу, к случаю, обожает. Но льстить не подрядится, и будь на деле худо, в словах и капли елея не прольёт.

...Впрочем, всё о себе она знала и сама.

Ольга выключила компьютер, поправила волосы. Алексей стоял подле. Оценивая компьютерную стойку, качал в восхищении головой, приговаривал: «Ну ты, мать, дала!... Ну ты даёшь!... Вот это отхватила...» Ольга потянула его за собой.

-Пойдём. Пойдём, теперь я покажу тебе квартиру, похвастаюсь. Мы ведь все сами. Вот смотри.

Они находились в гостиной.

-Ты знаешь, так захотелось устроить всё своими руками, что никого из мастеров не приглашала. Хотя услуги предлагали, когда мы сюда переехали. А вот захотелось всё самой. Да и нанимать, знаешь, это, конечно, дорого. А мы сами - так и дешевле. В общем, обошлись своими силами.

Она провела Алексея по детской.

-А где же Серёжка?- спросил Алексей.

-Гуляет. - Ольга вздохнула. - Ты знаешь, большой такой стал, обувь всё время меняю, нога ужасно быстро растёт.

Они втроём - теперь уже втроём, присоединилась Надя, вклинившись, втеревшись между ними - обошли всю квартиру. Ольга рассказывала о своих трудностях, трудах, планах, дочь по-детски что-либо прибавляла. Они осмотрели всё, поговорили о планировке, прошли на кухню, где по-русски любят принимать близких людей, - любят сидеть с ними и за вином, и за чаем, - чтобы без церемоний, чтобы всё под рукой, - и пить, и есть - и, дотянувшись до раковины, убрать в неё лишнюю посуду, и сразу тряпочкой промокнуть чайную лужицу от нечаянного неловкого движения в сближающей тесноте.

Они долго сидели за чаем. Вначале обменивались новостями, откусывали их, смаковали, проглатывали с наслаждением, как лакомство, как бутерброды из свежего хлеба с вологодским маслом и малосольной горбушей, которые Ольга срочно организовала на стол. Потом, когда верхний, вибрирующий пузырьками и пеной слой но-

востей иссяк, и далее можно было говорить лишь tet-a-tet и Надюшка, любимая ими обоими, уже мешала, стесняла, и оба искали повод, как её *попросить*, кстати забарабанил во входную дверь вернувшийся с двора, от друзей Серёжа. Ворвался в квартиру, прервал всех, прервал всё, возбуждённо, громко выкладывая всей квартире прямо из прихожей свои новости, как мелкие - он имел ввиду детвору восьми-десяти лет, дворовую шушеру - связали верёвкой за хвосты собачонку и кота, и кот искровянил собачку, и он, Серёжка, с друзьями услышал, увидел и разнимал животных. «...И разве можно так, а, мама!?» Ольга вышла в прихожую, прислонилась к косяку, скрестила руки, слушала бурные излияния, а при последних словах, при вопросе и одновременном отрицании сына лишь недоумённо пожала ему плечами в ответ, глазами сделал укор, словно говоря «*Ты о чём спрашиваешь вообще. Нет - конечно, это садизм, так нельзя*». Подошёл Алексей, она подняла на него глаза, оторвавшись от разглядывания одежды сына, расшнуровывавшего ботинки. Алексей мягко отодвинул её в сторону, позвал: «Серё-ога!... Привет. Дай руки». Ольга не вмещивалась. Алексей осмотрел руки её сына, нашёл порез, и довольно глубокий, порез - след кошачьего когтя, красневший на кисти руки ниточкой спёкшейся крови. «Кровь выдавил сразу?» Сын ответил. «Хорошо, молодец» - удовлетворённо констатировал Алексей. Приказал: - Руки вымой хорошенько. А порез не трогай. И не намочи. Быстрее заживёт». Ольга начала возражать, направилась за йодом, утверждая: «Надо же хоть чем-то смазать! Может спиртом протереть? А может марганцовкой надо промыть?» Но её развернули мягко и властно, развернув, увлекли на кухню, продолжать посиделки и разговор. «...Оставь его. Взрослый. Сам справится». Она посопротивлялась, но успокоилась. Только сели, Ольге расхотелось.

-Алёша, - сказала она, - знаешь, - жарко. И я уже не могу больше пить чай. Пойдём из кухни.

-Ну - пойдём на балкон.

Она согласилась: - Пойдём.

На балконе привольно развалился бедлам, приветливо встречал этакий невольный неорганизованный хозяйственный склад. Два велосипеда, банки с краской, старая тумбочка, расшатанный табурет с облезлым верхом, обрезки плитусов, коробки, коробки с пустыми стеклянными банками, сберегаемыми для варений... Ольга с Алексеем примостились на пяточке у дверей.

В спину бил яркий свет люстры, перед глазами стояла рассеянная темнота, струящийся долу матовый свет уличных фонарей, силуэты деревьев, столбов. Вверху темь, внизу, где-то под ногами, шаркает ветер, пошлёпывает, скрипит, напоминает о себе шелестом крепких ещё, но нет-нет и отрывающихся, и влекомых врозь резкими порывами, листьев. Строй невысоких тополей шеренгой стал вдоль дома. Пас-

мурность неба, вялый газон тротуара, бисерный холодящий воздух дождь. Незаметно приступала к своим делам осень.

-...А как у тебя с личной жизнью? - спросила, задумавшись, Ольга.

Алексей усмехнулся: - Да так...

-Что это значит?...

Не сказать, чтобы ей было по-женски любопытно или по-женски задевало, скорее она интересовалась, как старый друг, старый знакомый, имеющий на такой интерес право, её любопытство было чисто человеческим. Да и по давней привычке она хотела об Алексее всё знать.

-А у тебя?

Она помолчала:

-...Да как сказать...

Алексей предложил:

-Так и скажи.

-Тогда - никак.

-Что никак?!

-Никак.

-С личной жизнью?

-Ну да!...

Алексей риторически возмутился :

-Ну что это такое!...

Попросил разрешения закурить. Ольга встала так, чтобы дым не относил на неё, Алексей закурил. Она выбрала местечко на балконе, куда ещё можно было ступить, ступила, провела ладонью по балконным перилам, проверила их на чистоту. Ей захотелось опереться локтями, не стоять прямо, опереться, согнуть спину, постоять согнувшись, задумавшись. Перила были в пыли. Она вздохнула, опёрлась не локтями, ладонями, взгляд как-то сам собой сразу уплыл в дальнее, уплыл в темноту. Алексей курил рядом. У неё мелькнуло: *«С ним хорошо, пусть бы приехал»*. Внизу пронеслась машина. Прошумела, сверкнула фарами в остеклении лоджии первого этажа соседнего дома, скрипнула тормозами, качнулась на повороте, свернула за угол; мелькнула - пропала, исчезла. Алексей курил рядом, молчал. Ольга постепенно озябала. Думалось рассеянно: *«Сложно всё это семейная жизнь и вообще всё у одного одно у другого другое и всё время надо и придётся подстраиваться друг под друга хотя вдвоём лучше всё-таки вдвоём это вдвоём но ненадёжны все всё равно мужчины ненадёжны все...»*

-...Надюшке, знаешь, уже десять, - вслух сказала она. - А Серёжке уже четырнадцать.

А про себя продолжилось: *«Дети у меня есть...»*

Ночная прохлада, не чувствующаяся при первых её прикосновениях, всё ощутимей облегла тело, лёгкое домашнее платье не грело, не ограждало от неё.

-А как у тебя с работой?

Алексей ответил. И спросил сам:

- А у тебя?

-Да всё хорошо... Повысили вот опять. Вцепились и едут: вези, кто везёт.

-А ты - везёшь.

-Ой ... Везу...

Она тяжело вздохнула. Вздохнула и тут же взбодрилась:

-А как же - надо работать! - Добавила зачем-то: -Вот, за компьютер ещё не рассчиталась... Знаешь, - ей стало радостно, - я столько всего приобрела за последнее время! Но компьютер - это, пожалуй, самое лучшее.

На душе у неё стало легко, она принялась рассказывать Алексею о своей работе. Он слушал. Он мог бы слушать её без конца, но она быстро выдохлась, поскучилась, начала притягивать слова... Да, она была хорошим работником, у неё были знания, способности, опыт, - она могла бы сделать карьеру, она хорошо начинала, она, когда начинала, быстро пошла вверх, но потом утомилась, затормозила сама, увлекаться делами ей не захотелось, не хотелось и теперь - и это чувствовалось в разговоре. Видимо, Алексей понял её, поняв, прервал. Он вбросил в разговор: «Детям, наверно, пора спать?» Ольга обрадовалась: «Да, конечно. Им пора спать, пойдём. Я уже замёрзла, я иззябла вся... Грустно, такое впечатление - истекает и этот год. Пойдём, пойдём». «Пойдём».

Он загасил окурок о бетон пола.

- Куда его?

Она показала ему на пустой цветочный горшок. Алексей заглянул в него, опустил в него окурок, чему-то улыбнулся.

-Что?

-Так...

С её лица не сходило недоумение и он пояснил:

-Точно «никак».

-Что никак?

-Да ни одного окурка, мой первый.

-А-а...

Но Ольга не поняла его. Задержалась на балконе, постояла ещё.

Ветер совсем стих. Бисерный дождь исчез, закапало. Закапало, закапало... Тихий, непрерывно полил, словно потёк, настоящий осенний дождь.

Она увидела струи, озлябла ещё сильнее, с удовольствием вернулась в квартиру.

Они посидели на кухне за общими разговорами вчетвером. Прошло минут двадцать, Ольга заторопила детей: «Спать, спать». Те заупрямились, заупирались, тогда взрослыми было заявлено открыто, без обвиняков: марш отсюда, дайте нам посидеть вдвоём. «Ну что такое, дети!... Мы давно уже не виделись». На что дети заявили: «А мы тоже!» После чего Алексей с деланным неудовольствием на лице, которое так и расплывалось в улыбке, махнул на них, на всё рукой - а-а-а... мол, пусть сидят, пусть остаются, такая уж, видно, наша с тобой, Оля, доля. Ольга поднялась и, не слушая никаких доводов и никого, решительно выдворила с кухни и Надю, и Сергея. Заставила умыться, разойтись по комнатам, лечь в постели.

Наступила тишина. Они остались одни. Возникло какое-то новое состояние. Они сидели привычно, как будто на кухне засиделись муж и жена.

Согревшись после балкона, Ольга ощутила голод.

-Я есть захотела. Ты будешь есть?

-Давай.

Она поднялась, заглянула в кастрюли, в припасы, прикинула, что можно быстро подать на стол.

-...Вот есть курица, кусочками, с рисом. Хлеб есть, кетчуп. Может, рюмочку тебе налить? У меня есть немного вина.

Алексей широко улыбнулся:

-Но я же за рулём. Как потом. Ночевать?

Ольга поймала его взгляд, полный вопроса, полный... Она знала чего. Не смутилась, не обрадовалась, задумалась, отвернулась. Как бы к плите. Нет, она готова была к этому вопросу, вообще к тому, что он непременно возникнет, он не мог у них не возникнуть, - она была готова к тому, чтобы оставить Алексея на ночь у себя, если они засидятся допоздна; но пока ещё ей не хотелось ему ничего объяснять.

И она разогрела курицу, она кормила его, поела сама, они переговаривались, говорили. Они говорили уже, как попутчики в купе поезда, когда проснувшись, сидят поутру за чаем, когда устроившись, перезнакомившись вечером вчера, сидели ночь - полночь и переговорили обо всём. И вот - утро, чай, бегущие за окном поля, рожицы, перелески, мелькающие столбы, все знакомые в купе, кругом; и всё за окном привлекает теперь более, чем друг к другу взаимный интерес.

Наконец, Алексей поднялся:

-Всё, мне, знаешь, пора.

Он сказал «мне пора», произнёс свои слова твёрдо. Но всё-таки пауза после «пора» прозвучала.

Ольга... Не возразила, не поддержала. Не ответила ничего.

...Когда Алексей нагнулся в прихожей, присел, зашнуровывал ботинки, она подумала, а ведь поздно, как он поедет, пусть ночует. И предложила:

-А может останешься? Ночь ведь. Я, так, боюсь по ночам ходить по городу.

Алексей рассмеялся, не поднимаясь и всё ещё зашнуровывая, не глядя ей в лицо, ответил:

-Так я-то не боюсь... Нет, давай не сегодня.

Ольга согласилась: -Давай.

Когда он выпрямился, он устремил на неё взгляд, взял за руку. Повзвешивал её ладонь в своей ладони:

-Только... Если я ВДРУГ - он ударил по этому слову, выделил слово - приеду. Тут никого?... - Он нервно поулыбался и свёл к шутке: -Не хочется, знаешь, снова быть дядей Лёшей-вторым.

Ольга тепло, спокойно в ответ улыбнулась ему, ответила так, как недавно обливала на ночь тёплой, мягко-тёплой, успокаивающей водой Надюшку:

-Никого.

Алексей задумался.

-Точно?

-Точно.

Он пожал плечами: мол, странно. Приподнял в недоумении одну бровь: мол, не предполагал я в тебе такого. Закрыл паузу:

-Ну ладно.

Ольга смотрела, как он застёгивает куртку, как проверяет в карманах ключи - думает, всё ли взял...

«...Нет, надо же всё равно будет объясняться. Надо ему сказать.»

И она сказала:

-Только знаешь...

Алексей аккуратно поднимал «молнию».

-Что.

-Я не против, чтобы ты оставался, ночуй.

Она повела рукой, показывая, обозначая свою квартиру, доверяя её ему, как доверяют всё своё своему.

-Только спать я тебя положу в гостиной. Или в Надиной комнате, там есть ещё диван.

Очевидно, до Алексея дошло не сразу. К тому же - и она знала это - ответ «почему» ему вовсе было не найти, и никому не найти. Его взяло изумление, он смотрел во все глаза, не мигая.

Он смотрел на неё, как на престранную, и она пояснила:

-Ты знаешь, я столько времени отвыкала от этих отношений...

Она выдержала паузу, на секунду опустила глаза, чтобы он точно, недвусмысленно понял, уяснил себе: от каких именно отношений.

-...Ты знаешь, Алёша, мне так хотелось любить, любви, а я всё не находила, всё не находила ни в ком всего. Случайные мужчины мне не нужны, это уж не для меня, не в ту степь. - Она спокойно отмахнула, словно отмахивалась от таких связей, таких отношений, рукой. -Я искала и не находила. А я очень хотела быть не одной! Но я хотела только - *всего*. Я пробовала с разными... Я не идеалистка, мне не нужно было - в точности. Мне хотелось иметь хотя бы главное в мужчине. Но - нет... Ни в ком, к сожалению - нет...

Она грустно улыбнулась.

-...И я... Как раз, когда тебя не было долго, отвыкла от этого...

Она опять выдержала объясняющую паузу.

-...Общения. И я больше не хочу дразнить, пробуждать себя. Мне так легче.

Она поставила точку, чёткую точку, логически завершающую точку в конце. Подняла глаза, посмотрела в глаза Алексею. Алексей смотрел на неё растерянно, сожалеательно, не понимая, - казалось, до него по-настоящему не дошло.

Произошла пауза. Возникло и ширилось отчуждение. Их уже состоявшаяся общность, единение треснули непониманием-пустотой. Трещина ширилась, перерастая в протоку, длинную полынью, разъединяла навечно расколовшиеся льдины. Возникла натянутость, могло произойти полное отчуждение. Ольга улыбнулась, мягко, с доверчивостью, спросила, спросила как бы сразу концом предложения:

-...А ты?

Алексей улыбнулся, растерянность покривила поникшие края его губ.

-Я?

Он осуждающе закачал головой.

-Я - нет.

Показал на Ольгу, показал на себя, ответил ей в тон:

-...Тогда - это не я. Тогда...

Он пропустил слово «здесь».

-...Кто-то другой.

Ольга безразлично пожала плечами.

Они простились искренне, трогательно, - так прощаются братья и сёстры. Ольга подумала: придёт ли ещё когда? Алексей с чувством поцеловал её в щеку. Помедлив, поцеловал в другую. В губы не решился, вместо этого подмигнул. Ольга Валерьевна улыбнулась в ответ ему.

Затворив за ним дверь, заперев дверь, она медленно, рассчитывая его шаги и его,

Алексея, движение по лестнице, по пролётам, пошла в кухню. Вошла, отдёрнула занавеску, показалась в окне, помахала ладошкой из освещённого и поэтому выделяющегося в поздний ночной час окна. Алексей наверное увидел её, потому что на секунду включил свет в салоне автомашины. «Жигули» у него сейчас? Или «Москвич»? - Ольга Валерьевна не разбирала. Алексей помахал в машине рукой, она снова помахала перед окном. Тотчас свет в салоне машины погас, развернувшись и рокоча она ушла.

Ольга Валерьевна опустила на табурет возле окна, засмотрелась на занавеску. Потом увидела свежую царапину на холодильнике, от этого вздохнула, закрыла глаза. Вмиг прилетел сон, захотелось спать. Она отодвинула от себя чашку с остывшим чаем, сложила на столе руки, прилегла на руки щекой. Подумалось: так бы тут и уснула. Подумалось: нет никакого желания подниматься, идти в спальню. А ещё: какая разница, где поспать.

Край стола теснил, сдавливал грудь. Что-то отдалённое напомнило ей руку мужчины, заставило что-то побродить внутри. Что-то вспыхивало в сердце, в груди, даже в бёдрах. Тогда Ольга Валерьевна устало поднялась, рассеянно оглядела уютный беспорядок послетрапезного дружеского стола и, рассеянно улыбаясь себе, воскрешая в памяти с удовольствием прожитый, только что прожитый день, - и теща себя предчувствием аналогичного дня будущего, - ушла в ванную принять душ, а омывшись - спать. Постояв под душем, насухо обтёрлась, с удовольствием ощущая своё крепкое, полное жизненной силы тело.

Когда она проходила в спальню в ночной розовой сорочке, неся платье и бельё в руке, сын Серёжа повернулся во сне, задралось одеяло. Она повесила платье, положила бельё и вернулась: поправила на сыне одело. От этого она заглянула и в комнату дочери: взгляделась в темноту, убедилась, всё в порядке, неслышно прикрыла дверь, отступила в коридор. Снова закрылась в ванной и долго стояла под тёплыми струями, под душем. Словно что-то налипшее с себя смывала.

В полном молчании в себе легла, согрела свою постель своим теплом, тогда приятнее устроилась телом. Мгновенное, мелькнуло сожаление: долго ещё придётся ждать, пока включат отопление, а на улице уже будет промозгло, сыро, скоро придут холод, дождь, зябко станет в квартире. Согревшись, наконец, окончательно, до полусонности, она уснула. Спокойная, освежённая перед сном водой, прелестная, приятная и во сне; ни о чём не вздыхая перед сном, настраиваясь на него, скорый, чуть загадывая о новом дне; дела, заботы, заботы детей - всего мысленно касаясь, легонько трогая.

Часть 3

И вот, от чувственного взирания на всё это, от близкого внимательного рассмотрения всего этого несентиментального, немещанского благополучия, нам пришёл неожиданный вывод - странный вывод! ортодоксальный вывод! ибо по жизни это скорее грустно отчаянно, нежели зло, либо смешно.

Вот он:

конец Принцессы Анны был печ-а-а...а...а-лен...

(Произносить сё следует, как мы произносим всегда, артистически: «...Рыцарь печ-а-а-а!-...-льного образа...» Да, сёстры... И - да!... Да, братья.)

Непрестанным, многолетне-непосильным для её души трудом, своими трудами она, - о, поймите нетривиально! - переселилась, наконец, в свой Дворец. Она построила его. Возвела одна!

Она соорудила себе свой замок благополучия. Она - зажила. Ещё как зажила! Нет, она не жила на широкую ногу. (Да она никогда и не любила шикарность.) Её дети всегда прекрасно одеты. Веселы, довольны. Зная меру, ни в чём не имеют отказа - приятные дети. (Чуть не вырвалось: классная ребятня!). Её квартира, отремонтированная постепенно, доведённая до ума на её собственные средства, во многом руками её самой, - с рельефными обоями гостиной, пластиковым, под лепку, потолком

спальни, весёлыми картинками детской и керамической живописью ванной, - является постороннему взгляду образец семейной устроенности, налаженного милосердного быта, аккуратности и умеренности хозяев. Ещё немного и она сменит мебель, дополнит кухню вторым холодильником (имеющийся неудобен уж, стар), - дополнит телевизорами детскую и спальню. Однако сейчас она предпочла *всему* последней модели компьютер. (*«Надо же что-нибудь для души!»*) Предпочла, сказав себе также и по поводу новой стиральной машины «нет» решительное.

Она одевается, как всегда: не гонясь за модой, но следуя ей. И следуя хорошему тону и своему вкусу: современно, добротнo. Она привлекает одеждой.

Она выглядит свежо; как женщина, она хороша.

Её уважают коллеги, ценит начальство на её работе. Вся в заботах-делах, она крутится с утра до вечера, часто устаёт до нельзя; но жизнь ей интересна, интересна теперь всегда.

Она не замужем, не имеет друга.

Спит всегда одна.

Перемучавшись, переболев жаждой, желанием любить, быть любимой, отвыкнув от мужчины вначале в душе, затем в жизни, она отвыкла от него и в постели. Она (теперь уже сознательно) избегает интимных отношений.

Ей тридцать восемь сейчас.

Она увлекается дачей и Интернетом. Собирает информацию с сайтов и с картошки колорадского жука. С удовольствием пьёт чай с одним из своих бывших мужей-знакомых, когда тот заворачивает по старой памяти и новым делам к ней на *«напиток людей дар им богов»*.

Всё хорошо у ней - жизнь течёт, жизнь не стоит на месте, не тот случай; жизнь как бы развивается; надо многое успеть, ведь жизнь коротка.

Она любит весну и осень; меньше - зиму; всегда - отпускное лето.

Она - реалистка, и ей не досаждают несбыточные. Она какая-то реалистка теперь и не напрягается на звёзды, не вздохнёт ни о чём, зарясь поздним вечером в одиночку у окна на Луну.

...И лишь иногда...

Иногда попав в настроение...

Когда в лунную ночь у неё оказывается не задёрнутой штора и рассеянный свет ночного демонического светила дотягивается до неё, неспящей, до её, под одеялом - ног, рук, груди, - докрадывается до лица, она **просыпается** от чего-то глубинного! Ах...

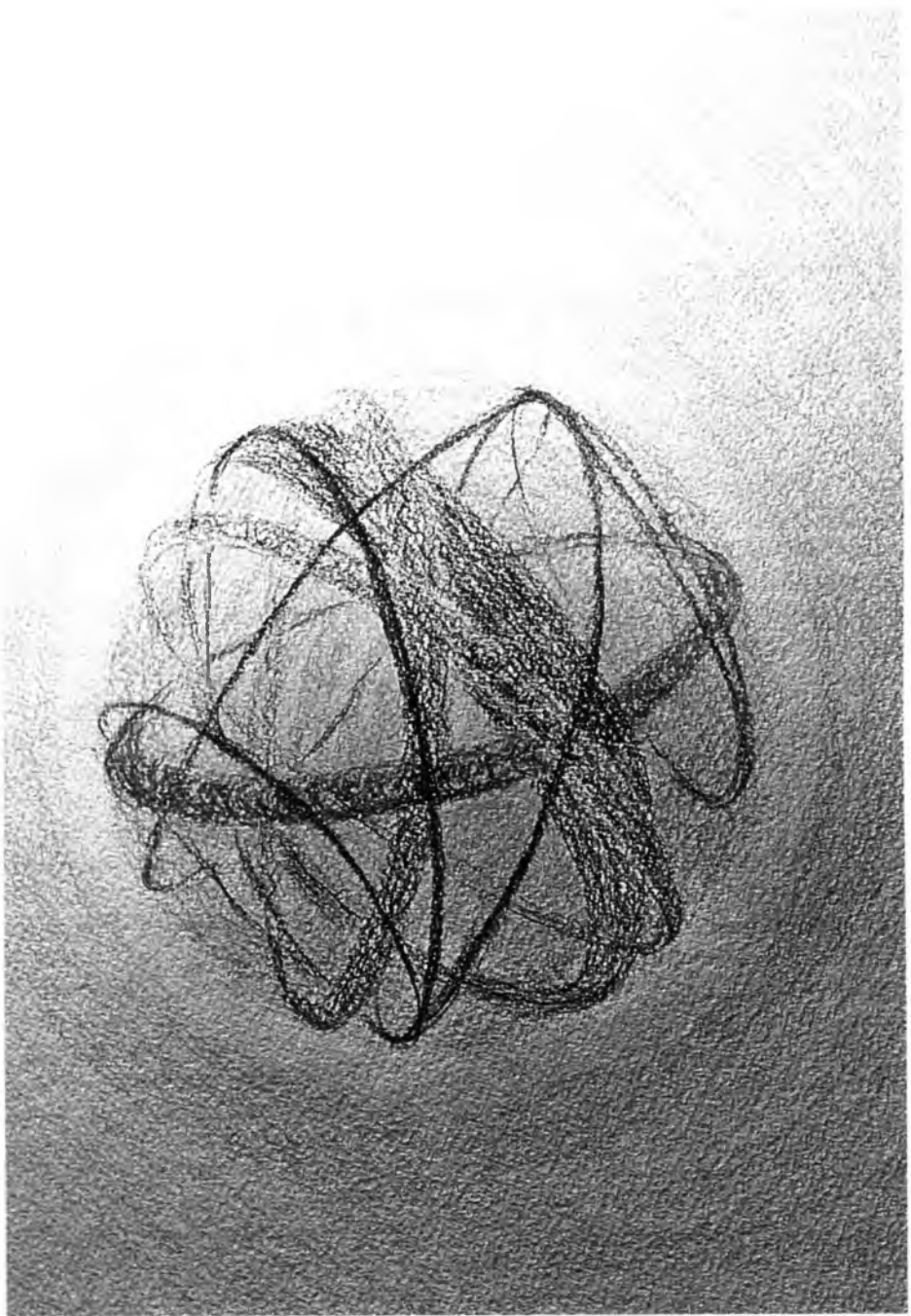
Животного и человеческого
одновременно!...

Уж не больного, не будоражащего, не бьющего,
согласного не мешать! И какое-то время лежит,
всматриваясь невидящими глазами:
тарашится на темноту.
...А ещё иногда,
в дороге, - автобусе, троллейбусе ли, -
подавшись всеобщему, уплотнившись со всеми людьми до чрезвычайности,
в часы пик в тесноте, при торможении на перекрёстках...
Загнанная во всеобщее, -
в колышание, вековечное движение масс людей,
она ненароком налетает на скалисто-острое плечо тоски и ей тогда!...
Становится мгновенно отчаянно.
Страшно от пространств...
Жутко, как одному в лесной глухомани...
И, как застрявшему в лифте: замурованно от одиночества.
...И захочется сейчас же вырваться!
Выжаться!...
Выбежать из единой толпы! Заплавав,
зареветь! Заголосить! Опомниться! Закричать!...
Сбросить сделавшуюся в одночасье ненавистной тяжёлую шубу!...
И прямо зимой, сейчас,
сей час же:
уйти от всего.
Броситься в неведомое - знакомое
В лёгком девическом
платье...
...Но!

Но выйти - «...Знаешь, Алёша...» Как всегда: конечно объективно невозможно. Кругом люди, затирают обычные люди, - которые всегда кругом, - кругом все едут, идут, все торопятся, спешат, - часы дня, чёткий круг забот и, - встрепенувшись взвиться! - она лишь трепыхнётся на тёплой груди судьбы воробышком, - поспешит отречься от былых чаяний, и поторопится далее; поспешит покориться делам.

Она довольна тем, как живёт - она очень довольна тем, как живёт! Она довольна всем весьма.

Она признаётся: жизнь пошла не так, не сложилась, зря состоялась.

ЗЛОДЕЙ

рассказ

Такого он не ощущал никогда. Что случилось? Будет понятно. А произошло следующее.

В это - открывшее глазам срез мира утро буднего дня он, Змеевов Лев Олегович, действовал привычно: то есть, согласуясь с действительностью.

Обыденно - в шесть тридцать, от злого звона будильника проснулся. Нехотя поднялся. Умывшись, оделся, пил чай. Съел бутерброд. Уже вставая из-за стола, подумал: зря не сварил яйцо. Подумал: с утра, чёрт возьми, неплохо варёное яйцо с майонезом. Но теперь - теперь он не успевал. Да и майонеза в холодильнике не было. И он испытал - ветряное недовольство.

В семь десять - обыкновенно безразлично поздоровавшись в коридоре с соседом, вставил ключ в дверной замок. Замок барахлил. И, подавляя сквознячное беспокойство, ему пришлось провозиться дольше обычного.

Пружинисто пройдя к двери лифта - с предчувствием не приятности вжал в панель кнопку. С первым за день раздражением поморщился: «Занят. Чёрт... Как всегда. Как нужен, так занят». Зло хмыкнув, начал ускоренный спуск своего тела по лестнице.

В подъезде - опять после вечера исчезла лампочка. С ночи здесь пахло кисло. Он дал привыкнуть глазам и шагнул к выходу. На сухом полу темнело: расплывающееся пятно. «Лужа...» Лев Олегович догадался и тупым носком ботинка удачно, вместе брезгливо, - пнул кота, мочившегося под дверь. Кот оказался на удивление тяжёлым. «...Вот же раскормят скотину! Кастрированный, наверно». Вялым мешком от футбольной оплеухи кот отлетел. Неудачно шмякнувшись о батарею отопления, закатился в тёмный угол. Там молчал. «Фу, чёрт... - обеспокоился Лев. - Не сдохни хоть, божья тварь». Но - ухмыльнулся.

...Что-то шуркнуло вверх над головой. На полу возле ног разлетелась штукатурка. «Ну!... Что за дела?» Он поднял глаза вверх. Ничего не увидев, не понял. И не воспринял. «Когда уж и ремонт сотворят!... Загажен весь подъезд до основанья!... Дь-я-явол!...» Недобро помянув помощника Воланда, хлопнув подъездной дверью - заспешил на автобус.

На остановке скопилось человек пятьдесят. «Чёрт побери - откуда каждое утро понавывлезает столько!...» Поёживаясь - с неприязненностью оглядел людей. Скоро подкатил длинный маршрутный автобус.

Вклинившись в мгновенно образовавшуюся толпу, он с помощью локтей продрался до окна. «Повезло». Но всю дорогу откренивал от себя безбожно давившую массивную, почти шарообразную женщину. Резкий запах дурных духов от её разползшейся груди плыл напрямик в его грудь. Его тошнило. «...Да - бес тебя заberi: ты можешь сама, без посторонней помощи прямо стоять?!... Провались ты вместе со своими духами!... Господи, что за наказание...»

Кипя чувствами, с брезгливостью ёршился в формах толстухи. А мысленно - мучительно выдирает из головы сегодняшний сон. Сон почему-то колот. Память уже заплывала пеленой, он с трудом вырвал из неё нечто, как клеща, напившегося памяти.

Был сон: книга. Её - кто-то передал ему. Обычное дело: передай другому, когда прочитал сам. Но: было какое-то «но».

Эта старая книга имела толщину сантиметров пять и формат стандартного листа. То есть, большая книга. «Да уж, помнится, объёмна». Истёртого чёрного цвета обложки - картон, обтянутый материей. Не было ни надписи, ни названия, ни рисунка. Непривычно сплошной текст без глав, без абзацев внутри. «Что это? О чём она?» Он вспомнил, как во сне с любопытством раскрывал книгу. И, - там, во сне, - не читая, совершенно точно понял: что. И сразу захлопнул! А теперь содрогнулся: в этой книге - разговоров, повествований, заговоров, наговоров и проч. - легко, подробно расписывалось, как создавать зло. Он проверил свою память ещё и ещё раз - всё точно: он тут же захлопнул том. И пошёл. Но - выпустить из рук книгу было нельзя. Он знал (даже там): выбросишь - подберут, а кто?!.. Страшно было подумать, что из этого может выйти. Он подумывал (там): закопать. Нет, не решился. Всё равно - когда-нибудь кому-нибудь она попадёт. Он нёс книгу (там) и думал. Даже стал оглядываться: кто же её передал? Он стал следующим владельцем донельзя исчитанной древней книги - руководства. Он понял, приобрёл власть, и раздумывал, как ему быть. Он хотел бы (там) сбить, сбгарить её. Сон был отвратителен. «Господи, наснитса же ереси!...»

«...Ай!» - в давке забитого автобусного салона выронил проездной. С пола после десятков подошв поднял грязный листок. Помедлив, швырнул в окно. «Тьфу!...» К восьми ровно - «Боже мой...» - прибыл на работу.

Служебные помещения наполнялись людьми. Он решал вопросы, рассматривал текущие дела, после - находился один в маленьком служебном кабинете.

Все мы, когда работаем в учреждениях, инспекциях, службах, администрациях, вообще офисах, немного начальники, немного подчинённые - всё одновременно. У него был даже заместитель.

Но сегодня заместителя не было!..

Он сидел за письменным столом погружённый в расчёты, когда в дверь один раз бумкнули, сразу открыли. В кабинетик вклинился заместитель. Он

неприятно подумал: «И где болтался с утра?!...» Сразу вспомнил: «А-а, да... Отпрашивался ведь вчера на час-два на сегодня, на утро».

Поприветствовав лишь кивком, что мгновенно раздражило его: «Что, слово доброе уж трудно сказать!...» - и не дожидаясь ответного «здравствуйте», прямо с порога зам гаркнул. Заговорил оглушительно! Возмутительно громко! «... Ну зачем так...» - поморщился он. Но в категоричнейшей форме заместитель вывалил на него свои возмущение, нетерпение. «...Лев Олегович! Ну что это такое?! Ну как так! Я уже столько!.. Я уже не в состоянии!.. Я так больше не могу!.. Бог знает что творится у нас!..» И так далее.

Дожидаясь, пока прекратит литься на его голову многотонный словопад, он угрюмо смотрел, он сидел, сжавшись кулачково. Он глядел на сотрясающего перед ним воздух отрешённым взглядом. Что? Он старательно пропускал мимо не относящиеся к делу, грузящие лишь слова. Наконец отфильтровал главное. Проблема, которую ему изрыгали, заключалась в... Была пустяковой. (Кому интересна она.) Он мог подняться, пойти, несколькими организационными движениями, несколькими умелыми распоряжениями разрешить всё. Но тогда к чему заместитель?! Однако... К чему тогда - ещё одна штатная единица? Он всегда считал: каждый должен исполнять своё, каждый обязан - свою работу. Поэтому: «Ю р и й Ге-ор-ги-е-вич». Голос его был официален, голос звучал демонстративно нейтрален. Да не сух. Голос уловимо звякал воршимым металлом. «...Юр ий Ге оргиевич! Ещё раз. Вам говорю. Повторю». Он старательно, даже с сарказмом нажал на это «повторю». «Подобные вопросы! И данный в том числе вопрос. Входят в Вашу - в Вашу! - компетенцию. Подобные вопросы - Ваша обязанность. Это - простой вопрос. И если Вы не в состоянии решить простой вопрос, подумайте о том, что есть места, где решать вопросы, возможно, попроще. Всё». И слово «всё», обозначающее в данном случае и конец, и начало, - по крайней мере, конец разговора, - он подкрепил веским шлепком ладони.

Юрий Георгиевич, крупнотелый пятидесятилетний мужчина, с проседью в шевелюре, большими ладонями, властно посаженной головой, - и тупоносных ботинках сорок первого размера, злобно сверкнул глазами. Как полувываливший пощёчину, на которую нельзя отвечать, стремительно развернулся: «... Всё?!» «Да, всё». Зам вышел, как вылетел из кабинета. Хлопнула дверь, каблукки - шаги дробно застучали по коридору. «Что - съел?! Работать надо, а не...» Он не без злорадства прислушался. Вслушиваясь, попробовал и впервые наглядно представил, как зам вышагивает сейчас: большой! пышущий! Вертящий головой, как на суку злобный филин!.. И - ищущий! - ищущий глазами: кому! кому бы тоже!.. Вдаль. Но - никого сейчас в коридорах.

...Он уже вновь погружался в расчёты, вслушивался лишь машинально, усмехался без зла, когда внезапно его озадачили мелкие пересыпающиеся пли. «Где это?! Что - так?» Будто шрапнель неслась впереди-позади Юрия Георгиевича по коридору. Злобно чиркала о стены, солью пересыпалась от по-

толка к полу, шарахалась от стены к стене. У него расширились глаза: «Надо же!...») В уме почему-то мелькнуло: «...Кто это: он или я?!»

После обеда, когда ему поручили и он был вынужден, - когда битый час - препирался с рабочими, приступающими к отделке служебного здания, и из указаний шефа и собственного желания сэкономить сознательно занижил расценки работ, его смутил чирикнувший по дуге от него незримый, яичку сообразный шар.

Подобный второй, формой опять же - с яйцо, но покрупнее, но шершавый, как камень, свистнув ватагу, сиганул вниз, в подвал, что заставило его замереть, растеряться. Это произошло, когда один из маляров, жидкобровый, костлявый мужчина, судя по виду больной желудком, может быть, с гастритом, может быть... - уязвлённый малой оплатой работ, злобно плюнул, сморщился, скривился, замахнул рукой, мол, - а-а-а... всех начальников, всех вас!.. И до сказал - куда и как - матом.

Он насторожился.

Вечером, после работы, напрямиком поехал домой. Настроение было неважным. Тяготила усталость, ничего не хотелось ни желать, ни делать. Хотя - день выходил не самый кривой.

Он вышел из троллейбуса, обогнув дом, торопился в подъезд, и уже ступил на бетонное крыльцо, когда от схваченного краем глаза, узретога почти спиной, остолбенел. «Ну!... Ну - нелепость! Мать моя - женщина...») (Какова поговорка?) Непроизвольно отшагнув назад, развернулся. Недоумению - «Ну, здрасьте... - и негодованию - «Вот же ё... тв... мать...») (опять прошёлся по матери) не хватило б страниц: в двух шагах от ворот его гаража, хамски расставив колёса, дремали грязно-серые «Жигули».

Неблагосклонно моргая, неуверенным шагом, всё ещё считая зрелое издёвкой уставших глаз, обманом, - нахальным миражом гнусной действительности, - он двинулся к «Жигулям». Подойдя, даже пощупал их: это не обман? Нет, грязные «Жигули» действительно существовали. Он обошёл их, мысленно представляя, как выезжает из гаража... «А-а-а... - он растерялся. - Никак!...») В уме завис не замыкающий никакого предложения знак - вопрос. Невнятный парад слов, пробулькав в горле, упал в пустой желудок. «А если бы мне сейчас выезжать?!») - вслух спросил он. Оторвал взгляд от наглой автосучины, задрав подбородок, стал озирать окна. Жаждалось завизжать! Жаждалось увидеть и крикнуть! Вызвать хозяина - подлеца сей же секунд, пусть полюбуется! Пусть убедится, какую пакость совершает!

Однако пока он выщучивал искомое в бесстрастных окнах-глазах, до него дошло: хозяин «Жигулей» всё понимает. И без его разъяснений. Как говорится, «и так». Тогда он ошарашился ещё более. «Ну как же это? - спрашивал себя. - А если бы у меня ребёнок заболел? И срочно нужно его - к врачу! Или жена - может, у меня в положении: беременная, может, у меня жена! И на последнем месяце. А вот если придётся везти!.. Как же тогда, как же тогда, как же

так, а?!») И неожиданно для себя выверенным движением бывалого угонщика вскрыв форточку, он открыл «Жигули».

На этом гнилом «ведре» не стояло даже сигнализации. Он начал безудержно давить на клаксон. «А вот буду сигналить, пока аккумулятор не сядет!!! Вот так».

Минуты через две явился хозяин «ведра»: крупный, вялый, как глотнувшая воздуха, и холодный, как только что выуженная, - рыба - молодой человек. Они повздорили. Лев Олегович убеждал, уговаривал, - указывал пальцем, махал руками, кричал. Ничегошеньки не выходило. «...А вот будете выезжать, и отъеду... А Ты - сто лет не выезжал - видно по гаражу. Да и по тебе тоже... А мне лучше, чем здесь, поставить некуда: МНЕ так из окна ЛУЧШЕ видно». В конце концов, они едва не подрались.

...Клятые «Жигули» так и остались на месте, он же, кипя негодованием, бесильной яростью - «Да что за сволочность-то такая?! Что за подлость, скотство!.. Что надо назло-то другому человеку обязательно делать?!..» - ушёл в дом. Пнул с ядовитым смаком комок жирной грязи в сторону разгневавшей его автомашины: сделать хоть что-то-нибудь напоследок! Грязь разлетелась, обрызгав и машину, и его, и холодного молодого человека.

...Свинцовоплотный, величиной с спелое антоновское яблоко шар, - но большой, но - явно мутант от Чернобыля, - заставил его вздрогнуть и пригнуться, шальнувшись близ лица. Проследив траекторию, он пробормотал - потерянно, мгновенно угомонившись: «Ничего не понял... Что творится сегодня?! Н-н-да...» Выругался на весь свет и зашагал. Поставил себе: завтра же вызвать автоинспектора, приходившего в их учреждение с просьбой, приходившего по личным делам. Постановил себе: дать ему задачу «выдрать» водителя «Жигулей» (номер он скажет) - установив гаишнику прямую связь между решением его проблемы и своего запроса.

Поднявшись домой, снова чертыхался с замком. И от нового уже не помнил, что сейчас во дворе между ним и другим человеком произошло. Переоделся в домашнее: «Ой, как хорошо. Я дома - слава богу!..» Пошёл на кухню. Сразу стало тоскливо: хотелось в удовольствие хотя бы поесть. Но тогда требовалось долго готовить. Он мешкал, желая вкусно поесть и не имея на приготовление сил. Разглядывал кухню, осматривал шкафы. Перебирая, осознавал: что же такое в его холостяцкой квартире найдётся съесть, что можно не готовить.

В квартиру позвонили, затем постучали. Он открыл. За порогом переминалась бывшая жена. Прошёл год, как они разошлись, с полгода не виделись. «Чего тебе!» - в уме было северным ветром дохнул он. Хотел пожелать: «Чтоб ты!.. Сдуло». Но, - не имея одарённостей Азazelло, - но, вспомнив дневное и утреннее, инстинктивно передумал.

«Здравствуй, Лёва», - робко улыбнулась бывшая жена. «Хм-м... - здравствуй. Проходи. Раз пришла». Однако тон его был категорически не приветлив.

Женщина ёжась вошла. На улице лил дождь, и пальто её было мокро. «Но она не шла с остановки. Скорей, намокла, пока бежала в подъезд. Значит, приехала с кем-то на машине». И он покривился. «С дружкой. Та-а-ак!..» Ещё без повода, ещё вообще ни от чего стал накаляться.

Смущаясь, словно извиняясь, будто чего-то стыдясь, женщина нервно заговорила; она волновалась, она словно боялась - она опасалась, что договорить не дадут, поэтому всё надо выпалить разом.

Без толку. Его раздражило её тараторенье. Её смущение он объяснил быстро: она стыдилась своего порыва - своей заботы о нём. Он стоял, слушал, он смотрел на неё, будто издалёка. Не знал, как поступить, смотрел, молчал. То криво, то надменно усмехаясь.

Он уяснил, он понял из сбивчивого: она видела его сегодня, видела днём, - он брёл хмурый, угрюмый, он едва переставлял ноги нахохленный, - и она подумала: не случилось ль чего, подумала, ведь он недавно из больницы, - и она расстроилась: может, ему плохо, может, и дома у него нечего поесть, и приготовить никак, и приготовить некогда, да ведь и - некому?.. И вот она побежала, вот она вспомнила, что он любил, она нашла, она купила кое-каких продуктов... Ему... Чтобы поддержать. Маленькая, невзрачная, - мышка. («...У тебя... Ничего? Ничего не случилось, Ль...»)

У него - задвигались скулы. В зубах проскрипело: «Твою мать!..» У него мерзко скрипнуло ещё где-то. И цокнуло: опять же - в зубах. В нутре и без того вздымалось, парило, теперь же - скрюжилось, как в подгорающей сковородке, и сделалось, как в закипающей кастрюле. Кипяток взволновался, задвигался, забулькал, полез, всё обдал пар!.. Крышка, предупредительно сдвинутая ранее, съехала назад, всё закупорила!.. Тогда кипяток взъярился, фукнул паром - пробить щель, прыгнул на стенки - вверх, вверх!.. Яростью пролился на огонь! Пламя заметалось, скособочилось, конфорка пыхнула зловещим, в пламени - красноватое!..

«...И я упросила Колю, упросила свезти меня, чтобы отдать тебе, - вот, возьми, вот... Извини...» Просяще, униженно, подобострастно клонясь, мокрая мышка протягивала ему пакет. Нелёгкая ноша гнула руку.

Он напрягся, он опустил глаза. Этот её виноватый вид, этот побитой собаки взгляд, извинения чему-то заранее... И - он их распрекраснейше видел! - сияющиеся смягчить его, сияющиеся понять, поддержать - безмерно, бескрайне радушные, перед ним в двух шагах, глаза.

Он заёжился, закряхтел, заскрипел, перекривляясь. Он ощутил себя грубой тварью. Подлецом, скотом. Страшно хуже! - подлецом, о котором, невзирая ни на что - что: подлец, что тварь, - по-божески, по-человечески заботятся.

И он хамски фыркнул! Он закричал на неё: «Что-О-О!... СО-всем спрыгнула с ума-А-А!...» Он грязно выругался, схватил её за дрожавшую руку, выдернул из руки её сумку вон!

То был большой полиэтиленовый пакет, какие дают за два пятьдесят в ма-

газинах, реклама масла «Рама» желтела на округлом боку. Хороший пакет, добротный, даже - добрый.

Он швырнул пакет в угол!

Пакет шмякнулся, как утренний кот, о край обувной подставки, налетев на угол, лопнул под вешалкой. По полу покатались стаканчики йогуртов, сосиски, булочки, яблоко, апельсин, пакетики кофе, кусок колбасы, сырок, сыр... Всё купленное, всё собранное, всё принесённое говорило о доброй суетливости, доброй заботливости, мягкости щедрой души, способной отдать себя на заклатие.

И. Он. ЗА-ГРО-ХО-ТАЛ! Он вспенился, взревел - взгремучился на неё! Как! Как она смела! Она! Она! Она, испортившая ему всю его жизнь!!! Как она!.. (У него не хватало дыхания.) Как она смела заботиться о нём! Ага!.. Кормить его!.. А её любовник, её ухажёр - или кто он ей там... Трахаль её... Сидит, отирается сей час в машине. А она - пакетик - х-ха!.. Завезти ему, голодненькому... Х-ха! Бедненькому.

Всё-всё накопившееся: желчное, дрянное, алчное, - зреющее, зрелое, спелое и лежалое, - в сердце, венных схронах, печени, темени, - даже то, что давно истлело, что сгнило или было гнилым - похоронено, было сейчас поднято им, вышелушено, сорвано с оков, обращено пастью наружу. Было зло - сознательно изготовлено, пущено в Свет. («Нехорошая квартира» - «отдыхает!»)

Он К Р И Ч А Л... Он с Н А С Л А Ж Д Е Н И Е М... Упоением, даже с садистской сладостью отыскивал, выкатывал, толкал, как глыбы с обрыва, унижительные, уничижительные, уничтожающие валуны-слова. Дошёл до гадких, цедимых сквозь зубы. Он вконец стал бить её: «Гадина! Гадина!! Какая же ты сволочь!!!...»

Она не отвечала. Она не дышала. Не мигала. Мёрла.

А ОН - Л Е Т Е Л! ОН - П А Р И Л! У него отросли птеродактильи КРЫЛЬЯ! Цапали воздух, били наотмашь. Ну же! Ну же - ответь! Ну же!..

Она не отвечала.

Тогда: «Во-о-н-н-н-н!!!...»

Съёженная, сжатая, - расплющенная чугунным катком и тут же сдёрнутая метлой ветра-урагана, - мокрая слепая мышка выбросилась из квартиры. Вылетела наружу в распахнутую властно могучей мужской дланью дверь. Опомнилась, когда налетела на угол, пискнув, бросилась по коридору. Семенящие всхлипы-шаги слетели с лестницы, упали в пролёт, изошли, сошли на нет, растаяли, - растеклись по ступеням сгустками болей. Ударилась внизу подъездная дверь.

Надменно усмехаясь, он задраил свою. Защёлкнул, запер, довольный, пошёл.

...Массивный... Львиногривый шар - свинцовый арбуз с провалами каменных глаз и оскалом черепа лошади - обдав и его, тяжело сорвался от квартиры. Сперва - во двор. Прицелил, догнал убегавшую женщину, клюнул в ле-

вый бок. Войдя, кубыльнулся, попотрошил. Так повар - рыбину; и так солдата кувыркающаяся пуля изуверского советского калибра, запрещённая даже для боевых действий специальной конвенцией ООН. Повоевав в своё, взмыл вверх. Словно разумный: оглядеться. Прошёл двор змеелокатором. Конкретных дел нет. Мстительно лопнул. Растёкся. Горизонтально раззмеился по-над земному пространству.

Он - онемел. Он замер, не довершив шаг. Озирался, спрашивал себя: «Что? Что? Что? Что произошло?!» Стоял на одной ноге, как очумелый днём филин, вращал глазами. «Где? Что?» На цыпочках, страшась любых звуков, прокрался к окну - показалось: рухнуло близ что-то. «Нет - уф... Слава богу, показалось».

Мир устоял. Но устало лил дождь. Быстро двигались тучи, пробивалось сквозь них солнце, - и обещало греть не преставая. Город не дрогнул. Улицы, дома... И он перевёл дыхание. «Фу-у... Слава богу».

Однако ощущение не отпускало. Врасплох застигнутый им, не зная, куда себя деть, что предпринять, он перестал кривляться сердцем, лицом. Тихонько ступая, прошёл в комнату к креслу. Осторожно опустил в него тело. Дотронулся до пульта, включил телевизор. Посторонние звуки успокоили. «Ну - всё. Всё хорошо». Экран засветился, проявилось изображение. Он обрадовался, стал вглядываться, желая отключиться, желая ничего не знать. Отнюдь! Он попал на новостной канал. «Какой день сегодня нехороший...» В Чечне снова! В Чечне всё также! В Чечне опять! - с повальным увлечением отрезали головы и, бородатые горцы, гордясь ТАК героическими собой, с улыбками - для потомков! - снимали процесс на видео. Задорно, не чураясь и смеющейся детворы, бомбили целиком всю страну Югославию, выдавливая из неё сатрапа Милошевича единого. С азартом грелись раскалённым свинцом в жаровне очередной смехотворной войне в Афганистане. И так далее... «Что за дурацкая планета!!!..» - вне себя, воплем насиуемого кастрата проголосил он. Сорвав голосок, петушино пугнул пустоту, швырнул в кресло пульт, утёк в кухню. Твердил: «Что у нас за мир какой!? Что мы за люди какие... Дикие».

Разорванный пакет мучил раной, трупом лежал на полу. Он не выдержал, побрёл подбирать. Поднял всё. Как бы оправдываясь, бережно теперь, уважительно брал в руки свёртки. Рассматривал пакетики, продукты. Подумалось: «Где она сейчас?» Сердце непроизвольно сжалось. Подумалось: «Плачет, наверное. Напрасно так я... больно...» Он начал вспоминать её. «Нет, - решил, - не плачет. И даже не ругает, и не обиделась, и не клянёт: такая она. Живёт дальше, делает что нужно. Вспоминает меня между делами, жалеет опять». Подумалось: «Напрасно она жалеет всех. И меня».

...Медведь заворочался внутри - наступала весна, цыплёнок вылуплялся - скорлупы треснула оболочка. Скрюченно он признал себе: «...а я... не был прав».

...Ощущение опять застало врасплох: ударило! Как налетело внезапно! От

неожиданности, от удара он плюхнулся возле пакета на пол. Сидел, тупо пялился на стену напротив, на свёртки. Штукатурка, шрапнель, свинцовый кулак, оскаленное ядро... «Сегодня я пустил в мир ещё зла». Констатировав факт, он поднялся, отряхнул брюки, зачем-то - руки, пошёл, вымыл ладони.

«Сегодня я пустил в мир зла ещё». Дёрнувшись, как паралитик, он двинулся по квартире. «Зачем я? На кой?... И откуда я взял его!?» Он донельзя удивился!.. «Его же не было! Его же не было до меня! До того, как я...»

...И опять, и - следующая, давшая с налёта пощёчину, неожиданность. Он напугался и заморгал. «Это что - я!!!..» Его указательные пальцы ткнули ему в грудь. «Это что же, я - создатель его?! Создал - я? Что - взял из себя? Как это, то есть?!..»

Он попытался понять. «Разве возможно? Из - себя. Как: взял, слепил? Как снежок? И - как мячик швырнул: на, белый свет?» Он попробовал замахнуться. «И - в мир, и - в окно! Бамс! Бабах!.. А оно теперь: породит новое?» Он вспомнил книгу.

«Сегодня я добавил в мир ещё зла, сегодня я...» - как кандальник по камере, звеня цепными веригами по калеченным, убиенным, под их многая тяжестью шаркая ногами, он двигался, гнойно бродил по своему миру.

Он родился, задвигался, делал движения, - он что-то делал, - вечером ложился, утром вставал, шёл, работал, ел, пил, веселился, смотрел, говорил, молчал - и каждый шаг, каждое... - даже жест, даже взгляд, обдавали мир нестерпимым злом-звоном.

Он теперь вспоминал, как жил, вспоминал, что произошло. И морщился, теперь понимая: ни убавить никак, ни отнять. (Законы Такие.)

КОММЕНТИК

рассказ

К. и Н. были друзья.

Так вышло, что теперь они жили в разных городах, - было три часа езды друг до друга, - поэтому лишь время от времени, редко, лишь иногда, - хорошо раз в три месяца, а обыкновенно раз в полгода - получалось встречаться.

Они были семейные люди. Дружили и семьями. Летом, собираясь у К., стремились выехать на дачу: К. умел окружить себя удобствами. Зимой предпочитали встречаться у Н. - зимой, в стужу, в метель уютней в квартире; а ещё ездили на ведомственную базу отдыха, где Н. устраивал для всех чудесные лыжные прогулки. Бывало также, что К. и Н., присоединясь к компании других своих приятелей, оставляли жён отдохнуть от себя, наказывали не скучать, а сами намыливались к кому-нибудь из приятелей, имеющих баню.

Однажды в июле (это было на даче у К.), когда жёны увлечённо пропалывали огород, а мужчины в тенёчке, в прохладе утра райски потягивали пиво, Н. сказал К.:

- Славка. Вообще-то можешь меня поздравить. Мне присвоили очередное: получил майора.

Вячеслав, это был среднего роста подвижный крепыш, с шапкой густых волос на голове, плотный, ещё не дородный, но начинающий в свои тридцать пять явно грузнеть телом, радостно воскликнул:

- Ого! Но как же так?! Что ж ты вечером?... - И с немым вопросом в засиявших глазах уставился на друга.

-...Ну так есть ведь и сегодня! - спокойно отвечал Н. - Вчера и без того был повод: за встречу!

- Ну так с тебя причитается!...

- Ну так непременно!

- Смотри...

Тут Вячеслав задумался. Друг окликнул его:

- Слав, ты чего?

- Миш! Так ты и до генерала дорастёшь? Сможешь?

- Ну!... До генерала... - Друг, прищурившись, усмехнулся. - Да и к чему?...

Одногодок с К., Михаил был выше ростом, шире в плечах. Крупный, сильным телом, неприметный правильным обычным лицом, даже сидя, он производил впечатление сильного спокойно-волевого человека.

- До генерала вряд ли...- продолжая смаковать пиво, поразмышлял он. - В нашей «конторе»?... Если только в Москву переведут. Да ну...- и он отмахнулся от затеи, как от не нужного, к тому же и нереального. - Надо быть реалистом.

- Нет-нет, - подхваченный своей идеей взволновался К. - Я же смогу тобой гордиться!... Нет! - безапелляционно, - шуточно, конечно, заявил он тогда. - Хочу! А вот - хочу!!... Хочу, к примеру, чтобы на свадьбе моей дочери сидел мой друг генерал!

Они переглянулись и, начав пересмеиваться, замолчали.

- ...Да ладно, - стараясь говорить бодро, не выдать внезапно прилетевшей печали, промолвил К. - Шучу я, конечно. В живых хоть останься, боюсь я за тебя почему-то иногда...

- Типун тебе на язык.

- Эт-т... точно.

Они сидели боком друг к другу, рядом, плечо у плеча, беспечно потягивали пиво, свободные в этот час от всяких забот рассматривали соседей по даче, рассматривали грядки, кусты, обсуждали посадки, гряды, огород.

- Да! - спохватился Вячеслав. - И кто ты теперь?

Михаил повернулся к нему лицом:

- Слав, я же тебе говорил.

Вячеслав отмахнулся:

- Да-да, ты называл зимой должность, да я не запомнил. Слишком длинно. Помню, говорил, что перевели, что в другой отдел. Скажи ещё раз.

Н. назвал. Н. служил. Н. служил в ФСВ, а конкретней: в УФСБ по области.

- А у тебя: ничего не изменилось? - спросил Н.

Вячеслав тихонечко посмеялся:

- Нет... Мне и на старом месте... тепло - хорошо.

К. работал. К. работал в городском управлении жилищно-коммунального хозяйства. Конкретней - ... был одним из начальников.

- ...Отдел по защите конституционного строя и борьбе с терроризмом, - глубоко-мысленно повторил вслед за Н. К., стараясь уложить в памяти, уяснить, покрепче запомнить. - Миша, ты бы мне... Ну это... Хоть вкратце, ну - то, что можно, рассказал бы? ...Ещё по пиву? Может, на вечер оставим сил?

- Давай-ка на вечер. Пойдём, поделаем что-нибудь, промнёмся, а то и обед не пойдёт.

Они поднялись. Н. пояснил К.: «...Терроризм, наёмники, заговоры с целью свержения госстроя, секты...» К. рассмеялся: «...Секты? Ха-ха-ха... Ну и занятия встречаются на твоей работе. А чего попы-то с сектами не борются!... Их ведомство».

Они решили заняться укреплением старого забора. Требовалось врыть несколько

новых столбов, перевесить на них изгородь, убрать столбы старые. Разговор о работе Н. закончился быстро, Н. только пояснил ещё, насколько - «Нет, не просто вредно, ты ошибаешься, Слава...» - опасно сектанство. И даже попросил, чего раньше никогда не делал: «Слава, в принципе, это долг гражданина. Но это у нас слишком высокие слова. Я тебя лично прошу: если услышишь, если увидишь, заметишь что... Что в русле моей работы... Дай знать. Я - о сектах. Заговор, подготовку теракта - вряд ли... Там ребята такие... Их не слышно. А вот насчёт сект, вполне вероятно. Можешь случайно заметить. Плодятся со страшной силой! И все от Бога. Я хоть и неверующий, а и то недоумеваю. Все секты и все - от Бога?!... Вот твою мать!...» Н. крепко выругался.

В ответ на просьбу Н. К. пожал плечами. Изобразив недоумение, немного подумал. В знак согласия, признавая право друга, слабо кивнул головой. Смущение, борьба чувств, видимо, так зримо отражались на его лице, что Н. крикнул от досады и прикрикнул на него - на него и вообще, вообще - ни на кого, неопределённо. «Да что ты, ей богу!... Нашёл вербовщика... В своём огороде... Да это не так делается!... Ты бы и не заметил!... Ну хорошо. Вот давай с другой стороны. Я бы, например, шёл, вижу: какой-то чудак на букву «м» пилит, грубо говоря, твою главную трубу. Что я должен делать? Сгонять его? Я - не полезу. Я же не знаю, что у него в голове! Может, «тараканы»... Может, психушка по нему плачет. Ну что, я бы вашей фирме не сообщил?»

Вячеслав, невольно заворчав, пробурчал: «Ну и сиди без воды. И туалет зас..шь» Михаил в шутливом гневе - за туалет! это святое!... - замахнулся на него молотком: «Ага!... Ну а... Ну, а дочь твою затянут в секту? Что будешь делать?! Куда побежишь!?... В милицию?! Ха-ха...» «Типун тебе на язык! - в гневе вскричал К. - На х... мне такая тогда дочь!... Мне ещё и внуки потребуются!...» «Тебе?... - спросил, глядя и оценивая его внимательно, Н. Решил: - Эт-т точно». Они замолкли, точно не договорились, занялись заборными делами.

И тот разговор тут же был забыт.

Прошло полгода.

На Рождество к К. всегда приезжала сестра. Сестра К. жила в другой области - соседней области, в районном городке.

В Рождество после праздничных разговоров, семейных разговоров, обсуждения насущных земных проблем, конечно, говорили о вере, о Боге, о религии, церкви. Сестра К. не была набожной, редко ходила в церковь, не соблюдала посты, но к вере, вере православной, относилась с благоговейным трепетом, говорила: «Все мы отсюда. - Говорила: Я иду туда».

К. смотрел телевизор, когда жена с сестрой вновь перешли с семейного на христианское. Он слушал ведущего телепередачи, слушал их в пол уха. Когда сестра заговорила, вначале понизив голос, почти шёпотом, а потом резко, без перехода, гром-

ко и горячо, перевернул внимание, больше слушал её. Сестра возмущалась сборищем, как она то назвала, которое образовалось в их городе при церкви. И мужчина лет сорока пяти - она в подробностях описала мужчину - руководит им и завлекает туда молодёжь. Какую? Пятнадцати - семнадцати лет. А священник даёт им место собираться по вечерам. Но кто должен собирать людей при церкви: разве не настоятель, не сам священник? Значит, он чему-то потворствует? Жена К. ахала, сестра К. подробно рассказывала. К. заинтересовался и поразмышлял про себя. Решил даже спросить у знакомого священника, в чём тут может быть дело? К. слушал.

«...А когда они выходят оттуда, у них в глазах такое! - сестра в ужасе затрясла руками и головой. К. видел: мурашки побежали у неё по коже, коже до локтей обнажённых рук. - Я, - возмущалась сестра, - случайно столкнулась с их толпой, когда они выходили... Боже ты мой!... Они разве выходили?! Какое!... Не-ет! Они не выходили - они выбирались!... Их там была целая толпа! А выходили-то они не толпой, нет, они выбирались. Не толпой, они выбирались группками, по несколько, - по несколько человек они расходились. Я столкнулась с такой группочкой. Ой!!!... И этот их... Наставник... Провожает... Из бокового выхода, из придела храма. Я ему: что Вы делаете!!! Вот же церковь!!! И показываю ему на саму церковь, на вход её. А он посмотрел на меня, так зыркнул - посмотрел, будто цыкнул, мол, заткнись, а то хуже будет. Я напугалась до!!!... До не знаю чего. Пока дверь квартиры не заперла, всё будто за мной гнались! Вот как испугалась... А на словах этот хромоногий мне такую религиозную фразу завернул, что ой-ой-ой!... Закрутил, дак!... Как президентушка наш, Горбачев, на выступлении: всё правильно, все слова знакомые, а ничего не понимаешь. Смысл такой: пути к Господу у всех разные».

«Е-ра-лаш... - криво усмехнулся К. - Туфта какая... Секта! И спрашивать нечего».

...Я своему, - закончила уже обычным голосом об этом сестра, - я своему сынульке строго-настрого наказала: только загляни туда - уши оборву. И мотоцикл запрещаю отцу тебе покупать. А он отвечает: «А я туда и не пойду, что я - псих?...» Ну раз он так сказал, я успокоилась, я своего знаю. И ещё сказал, они под воскресную школу маскируются.

Женщины перешли на семейные проблемы, К. отрешился в телевизор. После семейного они опять заговорили о Боге. К. услышал, поморщился досадливо: «Вот богомолки на час...»

Женщины начали вдруг вспоминать десять заповедей. Всех не назвала никоторая; тогда, как к решению кроссворда, привлекли мужа и брата: привлекли Вячеслава. Он повспоминал - повспоминал, тоже не помог: не вспоминалось ничего, кроме стандартного набора - не убий, не укради, не прелюбодействуй.

Вечер был поздний, выпили немало, сестра решила пошутить, поёрничать. Пошутила - глупо, конечно: «Славик, а как *на этот счёт* у тебя?... У такого мужчины приятного любовница, небось, есть. - Сестра поднялась, подошла к нему сзади, начала щипать, тискать. - Ну-ка признавайся, гневой мужчина!»

Жена К. вдруг под предлогом вышла. К. бросил ей вслед испытующий взгляд,

К. закричал. Дело было в том, что... Дело было в том, что по непреходящей своей детской наивности сестра попала в больное их место: только что у них закончилась - и слава богу, благоприятно - препротивная история. Виноват был Славка. История, которая во множестве случается с семейными людьми, история с взаимными обвинениями в начале, клятвенными заверениями в конце, даже битьём посуды и демонстративным дележом вещей. Утихомирившись оба, уяснив себе оба, и правая, и виноватый, что по жизни никто другой ей, ему - им не нужен, долго они говорили; и пили шампанское ночью, и курили вдвоём в постели, и плакались.

- Завязал, - недовольный, коротко отрезал К. - Отцепись, чуча... Больше не буду. Честное пионерское. Или сказать: ей богу?

- Ах ты, нечестивец! - притворно заголосила сестра. Потом, вздохнув, уронила, словно прощая заранее: Ой, врешь ведь - будешь, порода у вас такая. Главное-не-увлекайся, - последнее она шепнула ему уже на ухо, потому что вошла жена. «А сестрица моя не так и наивна!» - с удивлением отметил К.

Во время кофе заговорили о доме: отдельном коттедже, который вот уже три года строил К. Что так долго? Он тяжело вздохнул, посмотрел на сестру долгим взглядом, снова принял её за наивную: «Ты хоть представляешь! Хоть представляет твоя голова, сколько денег надо?!... Откуда?!... Я что их печатаю?!...»

...Этот долгострой был постоянной головной болью К., а временами чуть ли не ишемией. Голова не справлялась с нагрузкой, где добыть денег ещё, и ещё, и ещё. Размахнулся К. на полнокровный двухэтажный кирпичный дом, с гаражом под одной крышей, отдельным теремком - баней. Через год понял, какое непосильное ярмо на себя надел. Даже колебался: может, продать? Но разве можно, когда уже своё. Но делать нечего, уже не уменьшить, не сократить - стены были выше первого этажа. К. раскинул «mmm»-мозгами, и дом, простояв год, пошёл в рост. Совести К. приходилось туго.

По природе К. не был жаден, падок до чужого. Спокойствие, мир, удовольствие от всего - работы, семьи, друзей, развлечений, дел - вот главное, чего ему хотелось бы в жизни, поэтому своих доходов-расходов на дом он страшился ужасно. Тряса душой. Впрочем, нужные дела творил не дрогнувшей ни разу рукой. С этой своей позиции взирал на мир, в котором приходилось существовать, ясными, холодно-циничными глазами. Разбирал его по косточкам, вскрывал тайные действия порядочных людей, не посмеиваясь, учился на их ошибках. Решил, установил для себя: «Неподъёмное выполню, закончу, дальше... э-эх... перестану. Придётся достраивать на свои средства. Иначе - сколько верёвочке не виться... Да и правильно говорят: жадность фраера сгубила».

«...Ну, Слава, - ты чего замолчал?» Сестра с женой бросились в обсуждение планировки дома, обстановки комнат, тут же стали болтать о других домах, говоря, не так уж наш и велик, говоря, да он вообще маленький по сравнению с коттеджами С.,

Б., Ш. Вот у Ш. - вот это домина!... Ну, куда такой?! И дети уедут вот-вот. Что эти Ш. - будут бродить и аукать друг друга в своей домине!? «У них мобильник у каждого есть... - связал К. - Перезвонятся, найдутся». Сам начал думать: «Построить - это ещё не всё, это ещё полдела. Были деньги - раз вложил и всё. А вот сколько денежек этим Ш. придётся выкладывать за дом каждый месяц! Ведь дом-то - это как живой организм! Домик-то надо с обслуживать!...» К. невольно подивился. К. знал расклад по всем статьям расходов: отопление, освещение, вода, вентиляция, кондиционирование, уборка по найму, канализация, сигнализация - собственного дома. «Спутниковое телевидение у них, слышал. Да ведь и так видно - две тарелки висят. Плюс Интернет. Значит, плюс каждый месяц по каждому разделу приплюсуем... Абонентская плата...» К. прикинул сумму расходов, добавил две автомашины, два мобильных телефона, ещё кое-что, что он знал, подсчитав сумму, закачал головой. Ему не было завидно, он знал: замахнись он на такое, живо угодит под суд, и, как говорится, далее «твой дом - тюрьма». Да и вообще в их городе, по масштабам их города ни честно, ни нечестно таких денег не сделать: не украсть, не наторговать, не заработать. «Лукавые, видно, денюжки у этих Ш., видно, криминальные... От лукавого, как говорится... Вот, чёрт, умеют же жить люди...» Себя он к этой категории, кажется, не причислял. Тем более, считал он, он же сразу установил себе зарок: основные работы с домом сделаю - ...всё прекращу.

-...Слав, ну ты чего опять молчишь, поговори с нами, - жена улыбалась ему. - Похвастайся сестре, мы же не успели её сводить в дом.

- Что? О чём? - сразу вцепилась сестра.

- О том, что дом у нас к декабрю как бы готов!

- Ну-у-у... Не гото-о-ов...- развёл жене руками К. - Но-о... В це-е- лом... - Он с удовольствием потянулся. - Стены, крыша, рамы, двери, замки, стёкла, отопление, вода, канализация, штукатурка внутри, лестницы... Всё! Всё, всё, всё! Как квартирка, когда, знаешь, дают отделявать самим новосёлам. Как говорится, строитель построил, обои поклеишь и сам... Сруб бани проплачен, фундамент бани заложен. Так что... При большом желании... Хоть сейчас заезжай и живи. Будем клеить, будем красить, будем чистить, отделявать. Теперь всё сами. Перейду на другую должность, менее хлопотную - на бумажную работу. Буду отделявать дом: руки чешутся. И отец уже просится: когда можно приехать, когда можно приехать?... Лето наступает, вместе будем всё делать.

Конечно, после этих его слов всё другое было забыто. Теперь все втроём бросились в обсуждение: обои, линолеумы, краски, люстры, мебель...

Квартиру, конечно, они решили, они оставят дочери.

День и прошёл, и завершился светло. К. он запомнился ещё тем, что, выговорившись, поговорив с сестрой о доме, он будто снял с себя какое-то тавро, камень, смысл одно из пятен с души.

О словах сестры, о её рассказе про сборище при церкви К. вспомнил месяца че-

рез два. Можно сказать, его вынудили обстоятельства, а можно сказать, в разное время его что-то зацепило. Зацепило, да так и осталось в нём сидеть. Вспомнив, он сам удивился: ведь столько утекло воды и прошло дней!

...Вначале к нему, в его служебный кабинет, явился приятной наружности молодой человек, с поклоном и невнятно-молитвенными словами. Человек положил на стол бумажку - приглашение на некое собрание. И внимательно посмотрел К. в глаза... И к узкой полоске бумажки приложил сдвоенный листок... И затем к листку (непрерывно наблюдая за недвижно сидящим К. и по своему истолковывая молчание начальника) приложил книжечку - книжонку в 1/8 листа.

Всё это полетело в мусорную корзину сразу, как только молодой человек вышел: К. терпеть не мог мазни, где на первой странице говорится о Боге, на второй - от имени Бога, а с третьей идёт плавный заворот-переход к тому, чтобы все оставшиеся листы заполнить изысканиями и проклятиями на тему «жиды и спекулянты продали Россию».

Посетитель вышел и исчез, бумажки-книжки были выброшены, с глаз пропали, а неприятный осадок на душе у К. остался.

Через день нечто подобное (осадок на душе) случилось с ним ещё раз светлым днём. На этот раз на выходе из городского рынка. В тот день К. решил закончить рабочий день пораньше, взял ветчинки, огурчиков, хлеба из мини-пекарни и, прикрыв к обычному послерабочему вечеру отрезанные от службы три с лишним часа, направился оборудовать гараж в своём новом доме. Молодой человек и девушка, стоящие на крыльце, вызывая к проходящим через двери рынка громогласно, бойко (и навязчиво) совали в руки каждому узкие полоски бумаги. «Сегодня Господь поворачивается к человеку лицом!...»

Их речь, их слова были правильны, - и речь, и слова, благодаря энергичности, агрессивной энергии, завораживали. А ведь обращались ещё и от имени Господа! К. чуть не вернулся. Однако руки его были заняты: в одной - пакет с продуктами, в другой - дипломат - и приглашением молодые люди его обошли. «Тьфу, как хорошо, отвертелся. Тьфу ты! Что за напасть такая!...» - он желчно сплюнул, сходя с крыльца. «А глаза у девицы странные какие: неподвижные. Что, обкуренная? Чудеса... Сестрица моя, святой, можно сказать, по сравнению со мной человек, и то боится лишний раз без причины упоминать Бога. Эти - запросто!... Он им что - родственник?» Он остановился, издали поглазел на молодых - энергичных, занятых своим странным делом... Покрутил головой, поехал в дом.

К шести вечера подошли дочь и жена. К. всю устроив гараж. У жены было запланировано чистить и мыть «наверху» - так они называли комнаты второго этажа. Жена тоже принесла пакет с продуктами, втроём, семьёй, собрались на кухне.

На кухне можно было жить! Кухня, ванная, туалет - эта мини-квартирка, это мини-жильё в пространстве будущего большого дома для жизни были совершенно готовы. Пока жена собирала на стол, К. отмывал руки. Он смотрел на разбрызган-

ную по раковине смытую с рук грязь, думал о том, что ему до жути стало нравится всё себе делать своими руками. Рассеянно вспоминал, что такое постоянно ощущал только в детстве. «Старею что ли? - иронично, насмешливо ужаснулся себе. - Да нет, наверное, мудрею. - Улыбнулся: - Наверное...»

Сели за стол. Настоящего стола пока не было, столом служил огромных размеров перевернутый ящик, покрытый клеёнкой. Три старых, списанных из служебной мебели стула стояли впрытык, вокруг. К. с женой безумно нравилась сейчас такая обстановка, они говорили друг другу, что она воссоздаёт атмосферу первых их лет. Первую, полученную - свою! - комнату, «коммуналку», «шестиметровку», потом первую полученную квартиру, однокомнатную квартиру... Первых совместных лет счастье, восторг.

-...Славик, я тебе бутылочку пива взяла. Ты не против - к ужину?

- Какого?

- А темного, портер. Раз, думаю, к ужину.

Жена наклонилась, достала из пакета бутылку, протянула ему. К. поймал её руку, задержал, чмокнул:

- Спасибо тебе, дорогуля.

Она смутилась:

- Да перестань...

К. заметил, как дрогнули её губы, счастливо блеснули увлажнившиеся глаза.

-...Чего особенного... Вспомнила, так и купила.

Он улыбнулся ей:

- Да нет... Я - ничего...- и снова улыбнулся.

Она улыбнулась в ответ:

- Смущаешь меня сегодня... Перестань.

К. не жаловал портер, да дело было не в пиве! (Пива, вина, водки стояло у него, в его запасе, в его кладовой - камерке за железной дверью в подвале - несколько ящиков: появились сразу, как только К. включил отопление. К. всегда был запаслив.) Дело было во внимании.

В этот день вся их семья потрудились на славу, работали долго, только в первом часу ночи вернулись в квартиру, легли спать.

К. - не спалось!...

Весь вечер, - занимаясь ли в гараже, сидя ль за столом с женой и даже закусывая ветчиной пиво, - он думал! Клал в рот кусочек наисладительнейшей ветчины и, портя себе «обедню», думал. Пил чай, думал. Вытаскивал хлам, обрезки досок из гаража, думал.

Заворотил на место стол-верстак, установил на него тиски, прикручивал их, думал. Поднял, поставил к стене шкаф-стеллаж, разложил инструменты. И думал, думал. Завёл машину, въехал в гараж, ходил вокруг, примериваясь да прикидывая, что и как. И думал, думал, думал.

Думал он об одной простой и одновременно мучительной по сложности вещи: ещё по дороге от рынка к дому ему захотелось сообщить своему другу Н. о том зачатке секты, о том сборище, который живописала в Рождество сестра. В том, что это не простое собрание, кружок по интересам, даже не просто временная компания, в том, что у того коротконового наставника желторотых пацанов далеко идущие планы, К. почему-то ни на минуту теперь не сомневался. (И на эту тему, что удивительно, он даже с собой не порассуждал.) Для него были приметы. К. был неглупый человек. И по жизни, как говорится, не дурак. Высшее образование, жизненный опыт, опыт лавирования среди чужих интересов - жизнь знал. Да и глупому не построить дом. Да и начальниками отделов городских ЖКХ глупцов не держат, даже не назначают.

...Он думал, думал и думал. Думал напряжённо, мучительно. Напряжением души разряжаясь в пространство.

Думал ещё, что от нагрузки треснет голова. «Собственно, тебе-то чего? - не понимая себя, пытался он размышлять с собой. - Тебе-то какое дело? - Он пытался постигнуть. - Какой есть здесь мой интерес?! - Он даже ТАК попытался понять! - ...Есть на то соответствующие службы, разберутся. - Он так решил и успокоился. И снова: - Но ведь надо, чтобы они увидели? - Что-то его задевало. - ...Ты-то чего лезешь?! - так он говорил себе. - Да я и не лезу! - оправдывал он себя. - Напишу Мишке и всё. И всё!... Дальше их дело! Пусть смотрят. Разберутся... Нет оснований - значит, что поделаться... А хуже не будет. Зря не тронут. Вон эти на рынке: ведь никто их не трогает, глашатают во всю глотку. Милиционер стоит, хоть бы хны, стоит в сторонке, покуривает. - Сказав себе так, он понял, что ещё едкое мелкое его цепляло: - О! Ещё!... - Он кое-что знал о рыночной милиции. Подумал: - Может, хоть ФСБ у нас не продажная. - Подумал: - Не-е-ет, это дело надо пресекать! В корне! Дети наши пусть в походы ходят, на мотоциклах гоняются... Шлём не надел - башку расшиб. Скорость не рассчитал - башку расшиб. Мамка поревёт, папка п.....й отвесит. Ничего-о... Как пару раз с мотоцикла свалишься, враз научишься мозгами шевелить правильно. А тут... Тут им самим не разобраться. Тут сам чёрт ногу сломит!... Что за чертовщина - а то, может, этот «наставник» - сатанист! Что они - офигели?!... Это что за чертовщина: в церкви! По вечерам! Собираться в приделе!...» Когда он собрал всё вот так, когда он по кусочкам, по частичкам всё сформулировал себе, внутри появилось то основательное, веское, что его окончательно убедило.

И он решил сообщить.

Но снова начались мучения. Но - «Ну это же донос!... Ну что я, ей-богу... Что я им, - осведомитель!?» - И он - опять же мучительно - думал теперь на тему: сообщение ли, донос ли. «Что это: донос, сообщение, поступок?» Он думал и не мог решить. Голова заболела. В конце концов, изнурённый своими этико-государственными изысканиями, он нашёл, он принял как выход следующее: «Я сообщаю кому? В ФСБ? Фиг! Нет, - я сообщаю своему другу! Это ему надо для его работы. И это совпада-

ет с моими интересами». Заключая, формулируя последнее, он даже бросил работу и присел. Сел, смотрел вперёд, смотрел перед собой ясными, холодными, стального цвета глазами, трезво, даже цинично, расчётливо, без эмоций додумывал: «Я общаю своему другу. Это его работа. Скажем так, мне процентов на пятьдесят наплевать: секта там или не секта. И если бы я ничего не мог, я бы прошёл мимо. Но я, ничем не платя и ничем не рискуя, могу её прикрыть. Могу, значит, обязан». Ему вспомнилось даже: «Как, это, здорово Мишка сказал?... Но если какой-то чмудак пилит твою трубу отопления?... И что - у меня микрорайон останется без тепла?... Короче, я хочу видеть своего друга к пенсии генералом. И это ему поможет. Баста!» Так шуточно в конце вывернулся, как всегда умел - и на ёлку влезть, и задницу не ободрать - он.

«Однако я не буду ему звонить - вот это уж точно смахивает на донос! Я ему напишу. Я покажу ему: вот, я тебе, открыто, честно. Пишу, значит, не делаю тайно. Вот хоть в досье мою бумажку пришей».

Решив что-либо, он никогда не медлил и всегда доводил принятое до конца. Тут же, в гараже, взял дипломат и, сев в машину, достав два стандартных листа чистой бумаги, крупным, разборчивым почерком всё написал. Описал подробно весь се-стрин разговор, прибавил: «Миша, может, она перебарщивает. Но и другое тоже верно: женщины, существа острее нас чувствующие. Так что надо вам обратить внимание». И далее: город, церковь, наставник, священник, время действия. А в конце прибавил (он тоже был искушён в штучках): «Михаил, в конце концов, мне приятно, что ты продвигаешься по службе. Считаю, это мой вклад в твои погоны генерала». Прищурился, словно попытался вообразить, что пристально и испытующе смотрит в глаза другу. «Бумагу с такой припиской мало куда вошьёшь. Она, такая, только для личного пользования!» Вернулся к делу: точка, дата, подпись, расшифровка фамилии. (Привычка.) Случайно оказалось, что в папке среди бумаг был один чистый конверт. К. приятно поразился. К. сложил листки, последний - пустым оборот вверх, сходил в дом за клеем «Момент», тщательно заклеил конверт, написал адрес. «Может, дочери отдать? Завтра по дороге в школу бросит в почтовый ящик? Нет, завтра брошу сам: должен убедиться, что письмо пошло».

Закончив Дело, облежённо вздохнул. Однако напряжение с души всё равно не спало. И нервы расслабить не смог. И долго не мог заснуть.

...Раннее утро наступившего дня оказалось ужасным.

...Вообще, К. видел сны. Видел он их и в ту ночь. ЭТО был не сон.

Последний сон, в котором К. гулял под утро, протекал легко, был сумбурен, приятен: К. даже улыбался во сне. Он то витал, то погружался, он скатывался по каким-то барханам, зарывался в некий тёплый песок.

...Но ему пришлось буквально выдираться из песков сна! Над ним, над кро-

вату, той частью постели, где спал К., в воздухе что-то стояло. Оно висело и одновременно стояло. Висящее, висящее мрачнело ночной водой в глухом лесу, снеговым комом балансировало над К., грузнело нависшим обрывом. Безотчётная, смертельная тоска, тревога за свою жизнь, за себя, безудержный ужас, беззащитность, подобная беззащитности голого перед мечом, погнали К. прочь. Он рванулся! Он бежал из сна!

Сладкий сон как патока облепил, сладкий сон держал. К. заизгибался, заизвивался, упал в постели, как плеть, - пополз из неё, как дождевой червь, когда тот всем телом извиваясь, стремится прочь из вскрытой норки, выпадает из среза своего обычного хода, вдруг прерванного стальным заступом рыбака. Он полз - «рыбак» всё стоял: рассматривал его. Стоящее «думало»: взять, не взять? У К. верещали нервы, К. хотелось вопить. И одновременно он не смел даже пикнуть! Не мог! Почему? Он боялся! Он опасался даже мыслью шелохнуться. Чего он боялся? Нарушить. Нарушить сложившееся сейчас, к данной минуте, равновесие. Сейчас за ним только наблюдают. А что, а какие последствия вызовет его слово, крик, вопль? Было неясно. И он вился! Он уходил от опасности, уползал.

Полз, полз... Костоломным напряжением, чрезможным усилием К. вытащил себя из сна. Сладкая сумбурная ирреальность пропала. Душа вернулась. Всё в теле было на месте, он чувствовал: вот руки, вот ноги, сердце, живот, голова.

Он находился теперь в том зыбком состоянии, которое можно определить как: дрема, полусон. И в котором, как в межзонной полосе, как в отрезке между здоровьем и болезнью, как на перевале в горах, как на нейтральной полосе: справа граница, слева граница, и всё видишь по обе стороны от себя - видишь сразу две, обе страны - видишь всё. И знаешь, где ты, и не знаешь где ты. Видишь, чувствуешь и то, и то: и реальность, и неосвязаемость - обе составляющие, обе части. Чувствуешь одинаково: бельё постели, положение тела, затёкшие руки, запах из ванночки-туалета только что сходившей туда кошки и одновременно видишь только что покинутый сон. Ты ещё спишь - физически ты во сне. Ни сказать, ни открыть глаз, ни протянуть руки. Можно «вспомнить» конец последнего сна, зацепиться за этот кончик, потянуть за звено, и - ах! - встроился в сон. А можно выждать момент и шевельнуть мизинцем - и мгновенно будет: «О! Я проснулся». И с сном всё. Вот в такое состояние подвешенности между двумя мирами - земным, реальным и ... бог знает каким - мучительнейшим, наитяжелейшим напряжением себя (мысли, души, сердца, тела, воли?) сумел выйти К.

Уф... Теперь он всё как бы ощущал, *как бы «видел»*.

Он *видел*: вот справа под своим одеялом спит жена. Вот слева край кровати (который сейчас, как обрыв). Вот сзади, за головой, открытая в гостиную дверь. В ногах - окно и балконная дверь. Об этом всё сказал ему его извнутренний взгляд. К. всё обвёл *взглядом*.

К. перевёл дух. Уф... Теперь надо было посмотреть вверх. Рассмотреть, что там, решить, как быть. Надо, надо! Но - нет, но - ша! Вот этого-то делать прямо было нельзя: страшно. К. ужасался.

Тянулись мгновения. Ничего не менялось. Ничего не изменялось, и К. бросил *боковой взгляд*. Этот *взгляд*, отражённый от стены, у которой спала жена, сказал ему, что над ним, над спящим ним в воздухе висит тёмный... тёмный... тёмный... Там был - ??? Там был - «сгусток».!!!... Там стоял недвижимый непрозрачный «вихрь». Была субстанция, бестелесная субстанция. «Сгусток» был: тёмная воронка, сантиметров 40-50 в высоту, висевшая жерлом вверх. Воронка была также сантиметров 20-25 в «плечах». В плечах? Да, ведь «сгусток» был живой! Как бы скрестив на груди руки, он стоял под потолком, он висел в воздухе комнаты, он рассматривал. Он рассматривал К. При этом ни глаз, ни рук, ни ног - никакого намёка. Но К. сразу понял: его рассматривают. Субстанция мрачнела над ним, смотрела, решала, раздумывала. Так смотрят на вскрывшегося шпиона, лазутчика, предателя. Без гнева уж, только холодно. С неприязненностью морщась. Не жалея. Решая только - что: проткнуть, забить, расчленить? Или плюнуть и не брать.

И К. содрогнулся. К. затрясся. К. понял всё!!!

И К. ужаснулся: он понял ЧТО - тут! До него дошло - К. теперь знал.

...Но он не хотел сдаваться, он не желал вот прямо сейчас ВОТ ТАК умирать.

...Да ведь с ним ещё ничего не решили?! Да ведь сгусток пока лишь висел, наблюдал?!

Испугавшись до безрассудства, К. заворочался, начал раскачивать своё тело, стал выть, стенать! Он жаждал спасения! Спасение было в - выйти! выйти из полусна!

Не трогаемый, не пригвождаемый ничем, под внимательным *взглядом вихря-сгустка* К. дёргался, рыдал. Но - маялся, а двинуться не мог. Чувствовал, как быстро уходят силы, уже чуял близкий конец и знал, что ещё может уйти от конца. Слезы прощания с жизнью, слёзы жалости к себе текли по его лицу, тело корчилось, разум бунтовал. В стремлении высвободиться, очнуться К. закричал, заорал - в голос! в хай! Он заорал: «Кто-нибудь! О, боже, хоть кто-нибудь! Помогите! А-а-а-...» И, ощущая такую тяжесть, будто был прижат сверху ещё одной постелью и гирей на ней, - рванулся прочь из одра. Правая рука, ища спасение, зацепилась за детские бабушкины сказки: рука сложила пальцы, сотворила крест.

Ужасный сгусток **ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВИХРЕМ** сей же миг стремительно крутанулся, завьюжился на месте, колесом провернулся по своей центральной оси и, стрелой, запахом, вертолётном - стремглав ринувшись в соседнюю комнату, исчез. Одновременно К. начал стремительно проваливаться в сон.

А Сгусток моментально вернулся, Сгусток и не намеревался улетать.

Но и К. ещё не успел заплыть сном. В последний момент перед сном К. заметил ЕГО. «Боже!...- завопил К. -А-а-а-а!... Умираю!» Этим мгновенно тут же выскочил из

сна в полусон. К. хотел сразу же пролететь и полусон и сразу спасительно проснуться! И всё бы кончилось!!!... Но нет! Он не успел! Не смог? Не дали?

Снова *висение*. Снова корчи тела, крики, стенания снова стеной. Рука уже не поднималась. К. изгибался, жаждал ощутить зубы, чтобы укусить хотя бы себя! К. реально готовился к смертельному концу.

...Что-то он сделал. Ему показалось, столб, пригвождающий его, исчез. Тут же, не мешкая, очугуневшей рукой К. осенил перед собой воздух. Затем, не раздумывая, хлестнул наотмашь - пусть проснётся! - той же рукой по лицу, по голове жену. Скрючив тело, толкнул себя головой - надо упасть с кровати, упаду - проснусь! И упал за край. Сгусток вихрем умчался...

...Сгусток не возвращался.

...К. ударился о пол. Скрёб рукой пол, лежал. Сердце колошматилось в груди! сердце!!!... Паровозными колёсами неслось и стучало отчаянно. «Но я ещё не проснулся!!!»

Надо было срочно выходить, выводить себя из полусна. К. боязливо *оглядывалась*, отпустил нервы. Попробовал физически ощутить себя, шевельнуть ногой, рукой. Наконец у него получилось: «Уф...» К. открыл глаза.

Было тихое утро. Никто нигде не кричал. Жена спала рядом - всхлипывала рядом в постели. И К. лежал в постели: голова на подушке, не сбито одеяло. Руки, ноги, всё тело, как спал. «А как же?... - он повернулся на бок, посмотрел за край. - Я не упал?!... - он искренне изумился. - Сердце, что сердце? - Сердце его билось ровно. - Но что за сердце только что дралось сейчас!?!...» Он уже ничего не знал наверняка.

Он потрогал жену. «Спит. Эх!... Если бы она знала... О... - всхлипывать перестала. Бог ты мой!... Спи, милая. - С тяжёлой головой он пошёл на кухню. - Надо попить. - Был утренний полумрак. Было тихо в квартире. - Пять тридцать. Ну и...» Он пил воду медленными, мерными глотками, чувствовал капли, стекающие с нижней губы на подбородок, чувствовал хождение своего кадыка.

...Нет, он даже мысленно не сказал себе: ну и сон!... Не-ет!!!... Он был не дурак! Он УЖЕ думал о другом: о своём будущем! Он начал думать об этом сразу, как только понял, что он живой, что он в кровати, как только встал: как быть? «Как мне быть в следующую ночь!...» Он сразу устранился её, он боялся о ней даже поминать!

Он посидел на кухне, размышляя. Затем - лёг: не спал, лежал. И размышлял. За-втракал, говорил с женой, размышлял. Размышлял, когда спускался по лестнице, выходил из подъезда, шёл на работу. Он делал всё, всё выполнял и размышлял. Непрерывно. На некоторое время прервался - отдавал распоряжения, читал вышестоящие приказы. Ещё раз прервался, когда с удовольствием обедал. Даже выпил рюмочку (в этом, в удовольствии от обеда, он не мог себе отказать). Отобедав, вновь размышлял. Размышлял, когда заходил посетитель, когда сидел и убеждал его в чём-то подчинённый, - когда оставался один в кабинете, когда выходил из кабинета, когда хо-

дил по делам. Он размышлял не только о том, где, как найти выход, он также пытался понять, обнаружить: что сегодня утром, какое его движение - его сердца? руки, ноги? разума? глаз? - какое его движение его спасло. «Какое-то чудо, случайность. Что? Что?! Какое движенье?! Что-то же меня спасло?!...» Он не понимал. Но ведь что-то же его спасло?!... К. был уверен: такой же случайности может не произойти, повторись ночное. И ещё он знал: он отдал столько сил, что второй раз ему не напрячься также.

И он напряжённо искал выход.

Он напряжённо думал о том, что хочет построить дом, вырастить и выучить дочь, а выйдет она замуж - нянчить внуков... Хотя ему всего-то... И думать о внуках смешно, но он думал. Он думал о том, что, как никогда, сейчас любит - и хочет любить - жену. Быть полезным отцу, поддерживать его, поминать мать. И дружить с другом. Он машинально думал о том, что если душа его и темна, то всё-таки за всю свою жизнь, он не совершил ни одной пакости или подлости, и что ни одно из его жизненных желаний не связано ни с одной из жутких человеческих сторон. Он жаждал все осуществить и оттого хотел жить.

...Напряжением души мучительно разряжаясь в пространство.

Он безразлично прошёл мимо церкви - почему-то посчитал: помощь не тут. Он почему-то считал: помощь извне не спасёт, поэтому не нужна. Да и днём она, помощь, ему не нужна: только под утро. Да и при его положении, должности, известности в городских кругах вообще к кому-либо в городе с таким своим делом обращаться!... К. был трезвый человек.

Как трезвый человек, К. точно оценивал размеры опасности. Как практический человек, он знал: всё не вымысел, всё действительно с ним было. И он же знал: такого не бывает, поэтому ему не поверит никогда никто. И не поможет.

Конечно, раз речь заходила о жизни, можно было бы отбросить все условности и стеснение и, выбрав церковь, храм, уговорить настоятеля, остаться там на ночь. Причём К. был уверен: в его конкретном случае вий не придёт. Но... «Меня уволят потом после такой выходки. Или это навсегда испортит мне репутацию». И эту возможность спасения он не рассмотрел.

Конечно, можно было бы не спать в грядущую ночь. «А в следующую?!... Где гарантии, что ТОТ не придёт тогда в следующую?!...» Но всё же К. казалось, главное - пережить предстоящую ночь и предстоящее утро. День уже склонялся к вечеру, а К. всё размышлял.

Он ничего не нашёл.

Не найдя никакого разумного выхода, К. поступил своеобразно. Он позвонил жене, пожаловался: «Что-то прихватило спину, наломался вчера. - Он сказал: - По-еду, дед знакомый есть, печник, живёт в пригороде. Живёт в собственном доме. С русской печкой. Знаю, он топит её - напрошусь, посплю ночку на печи, надеюсь, вылечит она, всё будет нормально. - Жена возразила, он оборвал: - ...Да нет, нет, всё

нормально у меня! Рано ещё к врачу, сам попробую. Сам попробую выкарабкаться, сам». И поехал к тому печнику, деду.

Основания для уверенности в защите, собственно, не было никакого. Нельзя же серьёзно воспринимать то полусутиливое, что К. к трём часам дня нашёл, вспомнил: «Печнику сам чёрт не брат...» - вспомнил он. - Ах ты, чёрт! Ведь точно! И дедок такой: светлый! Шустрый такой и наивный. Какой-то, как святой». Так подумав, он и решил искать спасения на русской печи, у печника.

С дедом просидели за чаем до позднего вечера. От выпивки К. решительно отказался. (Опасался расслабить и ослабить себя.) Чуть с опаской засыпал.

Он засыпал на жёстком кирпичном ложе, на истрёпанных фуфайках, среди рукавиц и валенок. Голову прикрывала от напастей кирпичная стенка (щиток русской печи), правый бок - тоже кирпич (стенка «подтопка»). Сразу слева была капитальная деревянная стена бревенчатого дома. «Ноги, ноги не прикрыты...» - подумал он. Он погружался в сон медленно, чутко слушал средю круг себя. Уже засыпая, всё вздрагивал веками, готовыми молниеносно открыться, а ноздрями втягивал воздух, нюхал его. Успокоительно, по-земному, обонялась пыль. Он засыпал, как погружался - так опытный водолаз несуетливо погружает себя в глубину. Чаё было выпито немало, и в последний миг, уже задёргиваясь занавеской сна, К. подосадовал: «Зря. От этого снов может быть много».

...Он мирно проспал всю ночь.

Ощутив где-то свет (горела лампочка в кухне - старик хлопотал), проснулся. Встал ни рано, ни поздно. Никуда не торопился. Подивился потом, что целый час сидел задумчиво у окна: ел голый хлеб, молчал, и пил чай с кусковым сахаром. Уходя, стараясь не привлечь внимание, от всей души мысленно благодарил старика. Словами отбояривался: «Здоров, здоров! Лучше! Гораздо стало лучше! Даже на душе потеплело. Спасибо! Вот выйду на пенсию, тоже поселюсь за городом, куплю дом, где есть печь». Уходя, цепким взглядом практика ощупал всё дедово хозяйство, нашёл главное, чем может помочь, решил, что пошлёт бригаду сменить кровлю («Ну и худая же у него крыша!...») и подкинет тележку досок старику («Пусть порадуется, будет, чем занять руки. А городское хозяйство не обеднеет... Меньше украдут. Спишем железо на... Придумаю куда. А доски - на какой-нибудь забор»).

И ушёл, и уехал. И Событие не повторилось.

...А событие и снова не повторилось: прошёл следующий день, и следующая ночь. Ожидание её, дующей опасностью ночи, уже не вызвало страх. К. спокойно заснул в своей постели, заснул, как всегда, заснул, притянув к себе жену. И наступило ещё утро, и наступил и прошёл ещё день.

Прошла неделя, прошёл месяц. Прошёл целый год.

Прошла вся жизнь. НИЧЕГО ТАКОГО больше не повторилось.

К. мирно дожил до старости. К. довершил дом. К. выдал замуж дочь и отписал молодым квартиру. Остаток жизни К., как нянька, обслуживал - отказали ноги - свою первую и последнюю подругу, жену.

Все последующие годы К. вёл себя, как раньше, как всегда. За неким исключением. Первое. Он больше никогда не вмешивался в дела Демона. Второе: у него появился некий «нюх» - в любовных и денежных делах (а всё людское сводится в итоге к этому) он, как прежде, спокойно переступал, если того требовали его интересы, законы общественные, придуманные людьми, и тщательно, подобно сапёру в работе, подобно дезинфектору при эпидемии, соблюдал Верхние.

...Да. Н. не стал генералом, но дослужил до пенсии и вышел живым полковником.

А то письмо К. к Н. так никогда и не пришло.

Ситуация "Michael"

Ситуация "Michael"

рассказ

В день, который навеял ему решение провериться в КВД, да и в день следующий тоже, конечно, он не думал ни о каких снах.

...Да, он был из тех, кто привык ничего не пропускать, кто в случайностях жизни ищет судьбу - течение, направление, знаки... Он пытался подмечать, и трактовать, и расшифровывать после - всё. Всё - Знаки. Ковырялся даже в снах; добывая из них информацию.

Но снилась последние дни какая-то белиберда, которой уже утром не разберёшь, а дальше, напрочь забудешь, - а сны, что были ранее - совершеннейший прочерк; да и нельзя всё время думать! В том числе и о двухнедельной давности снах.

В утро того дня он с усмешкой подумал о том, что кожно-венерический диспансер, куда он собрался, столь заземлённое место, что уже при второй мысли о требуемом визите туда из него, человека неравнодушного и нераспущенного, будто чу-

довищным шлепком враз вышибло всю осязаемую воздушно мистику и всю предыдущую ночную мистическую полуромантику.

Он не болел и не считал, что, возможно, болен, ему показалось: а вдруг - какая-нибудь «стоящая встреча»? Или вообще: «настоящая встреча»? Как он будет любить тогда? С сомнениями, страхом - *что* оставила предыдущая женщина? (Однажды он был поражён и напуган *этим*.) Он намеревался развеять только страхи.

Знакомый врач рассудил: хватит экспресс-анализа: «Если уж так хочешь... Но, если всё вообще хочешь проверить, валяй, можешь пойти на приём. Скажи: была случайная связь. Тогда сделают и мазки. Но ведь по времени можно судить: всё бы давно уже вышло... Так что не бери в голову, не нагромождай: много надумываешь».

Отпросившись с вечера на работе, он с утра сходил на экспресс-анализ и после около полутора часов (необходимо было ожидать один час) просидел на скамейке в сени акаций и берёз в безлюдном утреннем сквере. Читал (взял с собой толстый журнал). Вернулся в КВД с некоторым испугом: а кто его знает, всякое в жизни может быть! Ведь всё бывает - найдут сейчас какой-нибудь «спид» у него!... (Хотя сам в себе был точно уверен.) Выждал, пока растиснутся зубы и успокоится сердце, и, пропустив несколько человек, вошёл в жёлтое двухэтажное здание. Знакомыми коридорами... Нашёл нужное окошечко... Встал в конец очереди... Впереди были одни юнцы.

Почти тотчас, наверное, меньше чем через минуту, вслед ему в очередь к тому же окошечку пристроилась женщина. Его лет или немного моложе. (Он подумал с оттенком изумления: «Надо же! С виду совершенно приличная... А «залетела».) Возникла из-за поворота коридора (как и он только сейчас), молча встала (за ним). Она не спрашивала «кто последний», он не кивал «я» - здесь не то место, где без крайней необходимости хочется себя обнаруживать: находясь здесь, ты уже себя показал...

Женщина почудилась знакомой. Он с опаской покосился и наглухо отгородил лицо спиной.

...В день, когда она, без причины заволновавшись (сказался в очередной раз мнительный характер), надумала пойти ещё раз сдать анализы в КВД, она без труда (что было необычно) отпросилась с утра на работе и уже через час (пройдя экспресс-анализ) слонялась бездумным глазением в витрины в ближайших магазинах, поглядывая на часы: ну когда же пройдёт этот нестерпимый час и можно будет идти за справкой. Сама думала о разном, например, о том (всего лишь, например), неужели теперь необходимо спрашивать справку из КВД у того, кто вознамерится познакомиться с ней близко. Думала: «До чего я дожила - какой кошмар...» Час, наконец, истёк, она, сжавшись от наихудших опасений, хотя все возможные анализы были сданы месяц назад, и все оказались нормальными после курса лечения, поспешила обратно в диспансер. Знакомыми коридорами пришла к нужному кабинету, обыденно

встала в недлинную очередь у окошечка, настроилась ждать только хороших результатов. Мужчина, стоявший впереди, недружелюбно зыркнул глазами и отвернулся. Ей подумалось: «Ну, благо никого знакомых нет - не будут потом судить».

... «Следующий». Он шагнул к окошечку и негромко сообщил: «Веселов». Медсестра, не поднимая головы, протянула бумажку. Он заволновался (подумал про себя: «Я что, специалист разбирать эти анализы?!»), потянулся за границу окна: «Скажите: все анализы в порядке?» Женщина в белом халате, всё так же не поднимая головы и строча что-то в журнал, утвердительно кивнула. Он понял и обрадовался. Но ему был нужен категорический, однозначный ответ - а зачем ещё он сюда пришёл? - и он обратился ещё раз: «Скажите, все - э-э-э... (не знал, как спросить) - в порядке?» (Он бывал в этом заведении два раза: на приёме и после излечения, давно, когда-то.) Услышал: «...Да-да. Там же всё написано. Ничего у Вас нет. Следующий».

Удержавшись от того, чтобы выкрикнуть «спасибо», - ведь глупость! - он кивнул и, в душе подпрыгивая от радости, быстро освободил окошечко, шагнул прочь. Сделав уже несколько шагов задержался, на всякий случай просматривая бумажку: та ли фамилия, что за анализы и так далее. Сзади услышал: «Я - Вырихова». Это женщина, стоявшая в очереди за ним, вставшая после него, произносила свою фамилию. Звучание фамилии показалось знакомым. Он нахмурился и автоматически задержался. Глядя в свою бумажку, сам прислушивался - машинально, одновременно.

Женщина Вырихова получила ответ на анализы - такую же бумажку, как он, - так же, как он, неудовлетворённо переспросила, получила такой же, как дали ему, словесный ответ. «Читайте!... - услышал он, сказали ей. - Всё в порядке... Да-да».

«...Ой, слава богу...» Обогнув мужчину, она с бумажкой побежала к двери. У окна, у цветов на подоконнике, на минутку задержалась, остановившись и отступив с прохода. Уже расстёгивая сумочку, чтобы убрать бумажку, всё вглядывалась в неё: прочитывала результаты анализов, старалась расшифровать ответы.

...Он недоумённо взглядывал на неё: «Откуда я её знаю?!...»

«...Выринова!!!... Боже!!!...» - вдруг как сверкнуло в мозгу. Не давая себе времени подумать, он решительно подошёл к ней.

Без «здравствуйте» (решил: здесь неуместно) обратился: «Извините, Ваша фамилия - Выринова?» Женщина, застегнув сумочку, подняла на него глаза. Внутри себя он издал изумлённый вопль: «Точно: она!» Теперь он был во всём уверен. Женщина торопилась и машинально ответила: «Не-ет, Вы ошиблись. Вырихова».

...Она невнимательно взглянула на него: «Чего он хочет?»

...Он чувствовал: ситуация нелепа. Как поступить? Решил действовать без обиняка. Она могла уйти, поэтому он заторопился: «...Да, конечно, просто, понимаете, я не расслышал. Было сказано не совсем внятно, я решил - Выринова».

Она отрешённо на него посмотрела. Он опять заспешил: «Вы работаете там, где много машин, да? Ну я точно не видел, не знаю: то ли станки, то ли стойки по сторонам, узкий такой проход». Женщина удивилась, всё ещё думая о чём-то своём и не обращая на него внимания.

«Да!...» - понял он! Он понял - совпали две приметы, два признака, у него вырвалось: «Фу-у... Ну это Вы. Слава богу...» В ней что-то мелькнуло.

...С недоумением, высокомерным холодком, отступая от чудика, она воскликнула (вскрикнула и тут же понизила голос): «Вы что: познакомиться со мной хотите?!...» «Ну да!» - не подумав о том, что говорит, как это звучит здесь и сейчас, о том, что она ничего «не знает», прямо ответил он. Она с тихим ужасом в сердце прошептала: «Здесь!!!... Так?!...»

Они оглянулись.

Сторонясь друг друга, они вышли из кожно-венерологического диспансера. Он пропустил её в дверях, на крыльце она оказалась впереди. Сразу же, не оглядываясь, шагнула вперёд. Услышав за спиной «Может быть, мы...» прибавила шаг. Не оборачиваясь, козочкой сбежала с крыльца и быстро - быстро - быстро! - начала удаляться. «Постойте же!» - чувствуя трагикомичность ситуации, слабо крикнул он вслед. Она с гневом оглянулась, всё удаляясь. Он крикнул и широко зашагал за ней. Нагнав, шёл, отставая на шаг, выждал, пока - никого, крикнул в спину с досадой: «Да что же это такое!... Марина!...» Она вздрогнула от удивления и остановилась. Он подскочил и встал перед ней.

Она с ненавистью спросила: «...Как Вы узнали имя!» «Так Вы Марина?» «Вы сумасшедший» - кривясь, сквозь зубы, со злостью, выговорила она. «Нет, - он решительно отсёк всё рукой. (Покачал головой: «Где у меня тактика?...») - Всё не так. Просто я - один. Один!... Понимаете?... То есть - половина! А мир - это целое, мир - это две половины. И я хочу быть целым миром! Поэтому - только вдвоём, жить по-настоящему полноценно можно только вдвоём. Вот и... Мне Вас представили».

Она пресекла этот их разговор: «Вы ненормальный?» Он вдруг испугался: «А вдруг я ошибся? Вот не подумал...» И перебил её: «Ох, я не спросил: Вы замужем?» Она хмыкнула: «Жошмар...» Попожимала плечами, усмехнулась. Покусала губу: «С некоторых пор - нет». Он мгновенно спросил: «...Когда?» «Да вот недавно...» «Развелись?» «Развелась...»

«Когда! -а!...» - он повысил голос. Она задохнулась от возмущения: «Да Вы кто

такой! Да Вам-то что!!!... Что это за допрос?!...» Он сделал жалобное лицо, проговорил просительно: «Ну, пожалуйста...» Она снизошла: «Ну - месяц».

Он задумался: «Как интересно: две недели плюс две недели». Она подумала: «Кой ляд я с ним говорю!...»

«...А я, знаете, где-то с год. И с полгода как совершенно один. А знаете, как плохо одному?»

Она, внимательно глядя ему в глаза, согласилась кратким поднятием бровей.

Тогда он продолжил: «...Бывает, видишь: всё у тебя в жизни нормально - ну всё!... А чувствуешь себя, как рассечённый сверху вниз на две половины. - Он прочеркнул рукой линию от низа, от земли до головы, и ещё выше волос. - Представьте!!... Будто раскрыт на две половины. И одна убрана. Поэтому вдоль ты весь раскрыт. Ведь больно. Вытекаешь. Кровоточишь. И машинально - даже не разумно, а как-то инстинктивно - хочется закрыться. А нечем. Вернее, нечем. Потому что.... Можно только кем-то. Как жить так?!... Разве так поживёшь?!»

...Она внимательно на него смотрела. Мысленно поддакивая всем его словам, сердечно она отталкивалась от стоящего перед ней мужчины. «...Но он же говорит почти моими словами, как я себе иногда, когда хочется броситься к первому встречному: мужчина, можно я буду Вас любить, не прогоняйте меня...» Но - «Поэт... - далее неприязненно подумала она. - Ещё не хватало. Первый был журналистом и писал стихи. И пил. И загнулся... И ещё теперь этот».

- ...Вы - поэт?

- Не-ет, - искренне удивился он. - С чего Вы взяли?! Запоем писал когда-то, как все пишу в пятнадцать лет, но это ж когда было!...

- Вы пьёте?

Он не понял:

- Что - пью?... Что люблю пить? Чай больше всего. Хороший, конечно, дешёвые не покупаю!... А Вы?

Она разгневалась:

- Вы что - издеваетесь?! Кошмар...

Он нахохлился:

- Вы о чём?

- Да сами знаете...

Он начал сердиться:

- У Вас что, с головой не в порядке? Вы нормально можете говорить?

Она поразмышляла.

- ...Хорошо.

Ладно, проехали. Ну так всё равно, а кто Вы?

- Сварщик, слесарь, механик - не знаю, всё вместе. Всё - что с металлом, станками.

Она, всё не могущая определить, к чему весь этот разговор, зачем она стоит и разговаривает с этим мужчиной, и снова кривящаяся, глядящая хмуро, собирающаяся уйти, остановилась:

- Так. Уже лучше.

- ...Так знаете, как плохо одному?

- Пожалуй... Пожалуй, уже знаю: с год, как одна.

- А здесь зачем? - он не удержал какое-то ревнивое своё.

Она с вызовом усмехнулась:

- Кошмар... Пионерский галстук сдавала!

...Лечилась. А Вы-то зачем?

Он ответил с рассеянностью:

- Ну да... Конечно...

Она усмехнулась с грустью:

- И Вы ещё до сих пор не передумали? Хотите познакомиться?...

- ...Вам нужен друг? - в упор спросил он.

Она вспыхнула и хотела ответить резкое, но... Но он был без подвоха серьёзен. И она открыто согласилась:

...Да. А Вам?

- Друг? Друг?... - он нарочно переспросил.

Она нехотя сдалась:

- ...Подруга...

- ...Да.

И они впервые посмотрели друг на друга, как обыкновенные мужчина и женщина.

Он предложил: «Пойдёмте, пройдемся. Вам не нужно куда срочно?» Она согласилась: «Пойдёмте. Нет, не нужно. Да». Они пошли, поглядывая друг на друга.

Она решила: внешне он ей скорей не нравится, к тому же, как будто она чуть выше его, но одежда, фигура, манеры противоречий не вызывают. Изъянов она не почувствовала и удовлетворилась: приемлемо.

Он решил: фигура у неё, кажется, суховата, но в то же время бог его знает, какие формы скрываются под одеждой. Ноги положительно красивы. И руки тоже - руки совершенно приятны. На лицо - да, не красавица, но всё-таки, скорее, симпатична, чем не-. Приемлемо.

- ...Только печально, знаете, - продолжил разговор он, - осознавать, что друга - подружку тебе как бы навязывают... Обидно как-то, что мы марионетки в руках каких-то сил.

- Как это? - она решила выслушать его до конца: пусть покажет себя.

- Ну... Можно я закурю? - внезапно спросил он.

Она кивнула. Он достал сигареты. Она стрельнула глазами по названию.

-...Всё-таки, знаешь, не каждый день такие вещи происходят, волнуюсь как-то необычайно!...

Ей понравились его прямота и искренность.

А он перешёл на «ты», так как собирался говорить о глубоко личном, она, кажется, не возражала.

- Так где... (тактично пропустил пока «ты») работаешь?

- А я инженер. Работаю на центре коммутации в узле связи. Знаешь - телефоны, соединения... В чём дело?

Она запнулась, потому что он зачарованно вперился в её лицо.

- ...Вот они... Узкие длинные проходы... Стойки... А я-то решил, это станки. Я был на таком центре один раз. Как я не догадался!...

Она попросила:

- Объясни, пожалуйста, о чём ты всё время говоришь.

Он улыбнулся:

- Да, конечно... Значит, ты ничего не знаешь... Жаль.

...Да, люди, скажем так, склонные к мистике, говорят, что есть разные миры в одном и том же объёме. Вот мы идём сейчас в нашем мире и одновременно в каком-то ещё. И все миры пересекаются. Есть Средний мир, есть Тонкий мир... Наверняка, ещё какой-то... Ты верующая? - Она не ответила. Он огорчился. - Как будто из Тонкого мира нам подсказывают, ведут, помогают. Или наоборот... Кстати, эти понятия не противоречат вере... Иногда я вижу во сне событие, которое потом случится. Может случиться. Бывает, случается. Через месяц, через полгода - когда как.

...Самое интересное - это передалось моему сыну! Ему двенадцать лет. Он тоже иногда «знает». Недавно вот он ошарашил меня. Я пришёл к ним, а он говорит: «А я знал, что ты сегодня придёшь». Я чуть не упал... Стал выпрашивать его, узнал о других случаях и всё понял. Атас... Даже по наследству...

Она засмеялась:

- Класс!... Здорово!...

- ...А у тебя есть дети?

- Есть. Дочь.

Он улыбнулся:

- Всегда мечтал...

...Но интересно, что у него не так: я вижу дальние события, он - только те, что случаются сразу.

Она забеспокоилась:

- Ты точно сварщик и механик?... А то я сейчас уйду. Точно? Докажи!

Он ошарашенно остановился:

- Как я тебе докажу?!

Он бросил жёстко:

- Иди.

Он, негромко сочно выматерившись, вытянул перед ней руки.

Она покраснела. Она осмотрела. Она согласилась. Она осталась.

- ...Я всё умею, - глухо, в ином тоне, будто перешёл в другой разговор прибавил он. - Всё могу починить, что чинится.

...Так вот, ты была мне представлена. Видел тебя, как в кино. Я так назвал это: «представлена». Извини, - навязана что ли.

- То есть.

- То есть видел во сне!... Облик, - он обозначил круг перед своим лицом, - не лицо, а вообще - как-то в целом лицо. Формы, черты... Ну и причёска, - он показал на её причёску, - это вообще совпало один к одному. Рост, цвет волос, фигура, имя - Марина. О! Ой. Так ты - Марина?!

Она просто подтвердила кивком.

- ...А вот фамилию я уже не смог понять: всё заканчивалось, сон прерывался. Вырисова, Варюхова, Выринова, Выригова... Какая-то необычно звучащая, странная.

Она рассмеялась: всегда диковинно, когда кто-то считает странной, не может правильно произнести твою родную фамилию.

-...Вы-...та-та... -ва. Характер фамилии запомнил и количество слогов. И механизмы, станки. И комната. Женщина между ними в узком проходе.

...Знаешь, - он посмотрел ей в глаза, - признаюсь, ты мне сегодня вначале была так себе. Теперь приятна. Но вот так: навязывать!... Не подумай, я не о тебе, не о себе. Мы что - не вольны? Что, у всех - жёстко судьба?...

Дым сигареты погнало на неё, и он отшагнул в сторону. Остановился, отвернулся. Нервно затягиваясь, думал: «А если обидится сейчас? И уйдёт? Плохо». Она его чем-то примагничивала. К тому же был сон!...

Она постояла в одиночестве, погрызла ноготок. Подумала: «А чего я теряю. Надо хотя бы посмотреть, раз дают». Протянув руку, тронула его за плечо. Он её уже интересовал.

...Он повернулся. Выражение лица её было серьёзно и по-новому мягко.

- ...А если не навязывают? Если просто подсказывают? Ты сам только что сказал. Например, нам подсказывают, на кого обратить внимание. Помнишь фильм «Майкл»?

Он оживился:

- Да-да-да!... М-м-м... - Тогда уж так: на кого нужно обязательно обратить внимание! Мы же не всё знаем об этом мире. А может вообще ничего!... А?

Он посмотрел в небо, вокруг себя, над собой осмотрел верх.

- Мимо кого нужно не пройти. Почему я должен мимо тебя не пройти?... Я не знаю.

...Я тебе нравлюсь? Скажи честно. Не для меня, - он взмахнул рукой вверх, - вон для «них» - для «ребят».

С усмешкой он пояснил:

- Я «их» так для себя называю.

Она восприняла более чем серьезно и медленно, покачивая головой, ответила:

- Скорее, нет, чем да. В обычном случае я бы на тебе не остановилась.

...Но вот сейчас уже «да» равно «нет». Ты всё время улучшаешь впечатление.

Он рассеянно ответил:

- Согласен... Наверное, так же и я.

Она вдруг воскликнула:

- Ой!... А я тебе?

Теперь она бросила с ним условности незнакомства и начала вести себя так, будто встретилась с давним... одноклассником, однокурсником, приятелем. Повернулась фас, профиль, прошлась.

Он вздохнул:

- Честно?

- Ну - привет!... - оскорбилась она. - Конечно, честно! А ты можешь и не только так?...

- Но я же сказал уже: приятно.

- Нетушки, - возразила она, - нравлюсь или нет!

Он начал подбирать ответ.

- ...Ещё пять минут назад - скорее, нет. Сейчас, особенно после... - он обозначил рукой её последние движения, - скорей, -м-м-м...- да. Очень даже мне...

- ...Что у тебя за эти - м-м-м!... - передразнила с иронией она. - Ты что директор?

- Нет.

- Так и говори прямо, без -м-м-м-...

- Ты что: командуешь!?!...

- Нет! Я. Хочу. Прямого. Ответа. Я тебе нравлюсь?

- В общем да.

- А не в общем!...

- А я не знаю!...

Они пошли дальше в обособленной задумчивости, иногда заинтересованно поглядывая друг на друга.

- ...Да-а... - протянул он и оглянулся на КВД.

- Да уж... - оглянувшись, подтвердила она.

Они начали говорить, как спутники, одолевшие вместе в пути шаткую, опасную переправу.

- Скажи, не способствует... Можно было придумать что-нибудь и получше.

- Зато ты меня ошарашил. Я вообще не собиралась сто лет ни с кем знакомиться!!!...

- Ну - сто!...

- Ну пятьдесят.

- А что так?!

- Да ну их!... Придурки...

- Ого! Значит, достали тебя крепко.

- Ещё как! Как репку...

Она многозначительно кивнула назад. Посмотрела на него внимательно: выдержит?

Он смутился:

- Да... Действительно... Попался козёл...

- Ой...

Она вздохнула.

- ...Кстати, а как у тебя?...

При этом оглянулась назад.

Он выдохнул:

- Чист. А... У тебя?

Она заиграла:

- Тебе уже справку из КВД предъявить? До ночи ещё далеко, кстати!... Ещё только двенадцать дня!... И, кстати, я ещё ни на что не соглашалась!...

- Марина... - укоризненно протянул он.

- Ну!... - она легкомысленно сделала глуповатое лицо - что поделаешь, вот такая я. И развела руками.

Они посмеялись, они посмотрели друг на друга нежно, проникновенно.

«Хорошо: мне нравится лёгкий характер. И острый язычок: скучать не даст. Только чтоб была беззлобной. Не жеманится: хорошо. Что до лица: приятное лицо, черты правильные, а больше - к чему?»

«Тяжеловатый характерец, будет давить. Но не злой - выкручусь. Зато нет живота - терпеть ненавижу у мужчины. Руки рабочие, а чувствуется образован. Ничего не скажешь: решителен. Но не наглый. Хорошо».

- Сергей, - он протянул ей руку.

- Марина, - она с удовольствием подала свою.

Он чуть замешкался. Она мгновенно среагировала.

И нахмурилась:

- Что ещё?!...

Он опустил глаза.

- ...Марин... Я вообще-то действительно пишу... Только, как хобби: пишу песни, пою для друзей.

Она улыбнулась:

- Да я уж поняла...

- Да не ври.

- Да по тебе ж видно...

- Да ну ж - неправда!...

Она замялась:

-...А я тоже, знаешь, - м-м-м...

- Что у тебя за - м-м-м... - передразнил он. - Ты что директор!...

Она внезапно кивнула.

- Ой, угадал... Любительского театра. И сама играю.

Он поразился:

- Вот здорово?!... А что, например?

- Да вот последнее: роль Эвридики.

Он вспомнил утро, вспомнил сквер, вспомнил полтора часа... И в изумлении закачал головой.

- Что?! - смеясь, спросила она. - Что-то ещё?...

Поймав её взгляд, он сцепил его со своим. Поднял оба к небу, перед тем с улыбкой разведя руками и пропев:

- «...Ты помнишь, сколько раз встречали утро мы сколько раз!...»

Она мгновенно откликнулась, пропев своим зазвеневшим голосом:

- «Здесь! У нашего озера!...»

- «И тысячу раз!...»

- «Да - тысячу ра-аз!...»

- «И тысячу раз видели небо...» - задумчиво проговорил он.

Вместе усмехнувшись, они улыбнулись друг другу, как мужчина улыбается своей женщине, а та отзывается своему мужчине

...и вдвоём ушли в неизвестном направлении.

В 199...-м году Джон Траволта снялся в фильме «Michael» («Майкл») в роли ангела, спустившегося на Землю и принявшего образ человека, для того чтобы столкнуть двух людей, мужчину и женщину, которые ничего не знают друг о друге, но которые друг другу нужны - именно и непременно.

Вспомните Траволту: грузный и артистичный, всегда со вкусом, модно, шикарно одет, всегда обаятелен. Талантливо сыграет любую роль. Представьте Ангела - Траволту: босиком, в одних трусах. Свищающие с ляжек семейные трусы, жирный небритый мужик с обрубком сигары во рту, банка пива в волосатой руке, хипповские, сальные волосы. Озвереть... Кожно-венерический диспансер, пожалуй, даже получше.

-Ситуация «Майкл»- в области личной жизни подсказка человеку из «Т.- мира» - когда, либо на кого, либо где обратить внимание, - либо действие (создание ситуации), направленное на столкновение на жизненном пути двух совершенно необходимых друг другу по жизни людей.

Судья

рассказ

Он слыл : судья! судья-а.

Впрочем, к чему мудрствовать до чтения?...

Он действительно был им, раз в суде работал судьёй.

Ох, какой, доложу я вам, то был судья: казалось, он пропитан духом закона!

...А ещё многим казалось, что, стоя на букве закона, как находясь сразу - у перископа, со стетоскопом и на скале - он всё и вся видит насквозь; и слышит одновременно. (Даже его новый секретарь (секретарь судебных заседаний - примеч. автора), - двадцатитрёхлетняя разбитная, практически относящаяся к жизни девица, имеющая «лапу» в Верховном суде, а районном суде этого провинциального городка набирающая необременительно юридический стаж, норовом нравя Москву, вскакивала при начале судебных заседаний под собственные слова - «Встать! Суд идёт!» - не из процедуры, а из непреходящего страха: ей всё казалось, что серый глаз Константина Петровича!... просвечивает её сквозь; так что он (Ка Пэ), едва войдя в зал, (и поведя оком тут раз) УЖЕ всё знает (он - видит!); и она делалась старавшей протокола, она прятала от него глаза; сегодня, в частности, потому, что его снисходительный чудной взгляд и его вниз-вверх покачивания головой - лишь тактичная форма неодобрения её вчерашнему, ночному балу; («баловалась, баловалась...») с «травкой» на квартире у смешного дружка... а затем, - до ноля трёх часов и, кажется, («вот-вот, именно - кажется...») двадцати пяти минут - парному («там же, там же...») катанию в постели.)

Да-а-а... Когда Ка Пэ входил в зал!... (И особенно с тех пор как ввели эти умопомрачительные мантии.) Собранный, величественный, равноготовый дать и отнять, неумолимый грозный, - даже невосприимчивый к ударам фемидо-закона местный прожигатель жизни Вовчак, с регулярностью, множество раз присылаемый на скамью за поножовное хулиганство вкпе с беззастенчивым воровством, привскакивал и умилялся; и в состоянии какого-то безумного опь... ..летворения сладко-страстно ширил глаза; готовый, как европейский мазохист, подставлять плети закона по полности свои любые места: ему до обалдения нравилось КАК его судит «Ка Пэ»!

А вот девочки, молоденькие непутёвые секретари судебных заседаний, ума лишились от Ка Пэ всерьёз. Вздрагивали истерически, плакались друг другу за сигареткой, горячась в судейском архиве и шепча дымочками в форточку. «ОН опять

орал-л-л... Сказал-л чичи-чи-тать старые протокол-л-ла...». И, укрытые как кустами, томами и полками, вытягивались губочками, тряслись с пеплом пальчиками, востря ушки и кося глазки : не идёт «зверь»? («...Где наши «зайки»? Опять попрятались... Опять этот «ведмедь» их распугал...» - хмуро брюзжал тогда - примеч. автора - председатель суда.)

Ка Пэ с них спрашивал! Требовал: «Каждое слово. Каж-до-е! Барышни, что вам не ясно? Каждое, произнесённое на суде, должно попасть в протокол! И попасть - чётким почерком, а не так!... Девушки. Что это такое?!... Что тут у нас за курица водила лапой?!... Это же судьбы людские... Наконец поймите!... А не бумаги. Эти бумаги... И не смейте там марать! Не умеете - учитесь. Не справляетесь, не можете, не хотите, тогда - марш отсюда!...» И секретари у него вкалывали до жалоб, увольнений и слёз.

Управы не было - судебный ДЕПАРТАМЕНТ пособствовал Ка Пэ, как солнце виноградарю искусному: феерически. Спросится почему? Ни одной серьёзной «отмены». Ни-од-ной! (Какое это имеет значение, как доступно всем дать понять? Ни одной аварии в работе водителя, ни одной скисшей бутылки у винодела на тысячу их, бутылей, вина...) Вообще всего две отмены решений суда случилось у Ка Пэ за последние десять лет! Вот это профи, вот это да! Кто может превзойти пониманием.

...А взять хотя бы события последних дней? Конечно (и вы поймите), подобное - случай нечастый и несчастный весьма: действия отдельного человека на целую неделю, от одних выходных до других, стали предметом пересудов, споров, размышлений, то есть внимания, страстей - повышенного внимания! - целого города; всего районного града. Ведь судья (Ка Пэ...) не посадил. Мало того - отпустил на свободу! Вора, рецидивиста. Судья (чёрт побери! и - боже мой... - сказали городом - примечание автора) упёк за решётку местного водочного «короля».

...Говорили, у последнего случился на суде ш-ш-Ш-шок; после - инфаркт (настолько он не сумневался в своих силах, своей правоте и - конституционной - свободе). И теперь на Ка Пэ!... Готовят наезд четверо!... Причём одна пара гнедых этого безапелляционного цуга из дорогих областных, а одна - из претенциозных московских адвокатов.

Ка Пэ, интриговались, во время процесса прикинулся - э-э-э... «дедушкой слепеньким»... (Что, мол, что с меня взять?! Я старенький судья-а-а, у меня скоро пенсия... Что вы хотите - всё исполню, всё сделаю! Но я... лишь регулировщик. Раздатчик... Сижу вот тут в балахоне у владычицы, просто служу. Рыбка у неё на посылках... У этой, этой, которая никого не любит, ничего не видит... Сам спрашиваюсь, сам трепещу буквы закона. Так что - чего от меня ждать? (транскрипция автора)) Сделал вид: «беспристрастен, холодно справедлив, никого не отличаю»... И не учитывал необычайно иезуитские доводы адвокатов. Как бы взял и отошёл в сторо-

ну, по принципу «не мешать» предоставил катку закона свободно ехать. «Проехал» его туда... сюда... туда-сюда-туда-сюда, и ещё-о раз... и обра-а-атно... Пока тот - неожиданно! - как бы сам собой (как это и водится у катков) не закатал то, что положено (в асфальт, да); вот как так? (...А - нельзя насиловать девочку, даже если она сама садится в твою машину и сама едет с тобой; а у тебя, как тебе кажется, всё куплено, на лацкане - значок «всё: я - депутат», а за глаза называют «мафиози».) Всеспёкся «король». Город гудел, как взбудораженный улей. Судачили про «короля» недобродушно: спешит-деньги теперь, нанимай хоть всех столичных адвокатов. Если успеешь... С клеймом известной статьи в «зоне»...

Случай с вором трепанировался особо. Осведомлённые шептались в узком кругу о том, что, когда на первом же судебном заседании, дождавшись обращения суда к нему, Петя-Палёный встал и негромко объявил - «Гражданин судья. Прошу учесть Вам моё заявление. Железнодорожный (магазин - примеч. автора) - не моя работа. Железнодорожный взяли 1 января. А 25 ноября мне стукнуло 55. И я тут сдуру, на спор обязался завязать. А базар тот проспорил. И вообще - болел я, хоть бы проверил кто толком. Зря меня, гражданин судья, парите.» - Ка Пэ вдруг резко отложил дело и устроил так, что минут пятнадцать беседовал с Петей тет-а-тет в одном из служебных кабинетов. *Что однозначно является служебным проступком и даже нарушением этики.* Вспоминали, что свои вторую и четвёртую ходки Палёный делал посредством него, судебные процессы были долгими, и Ка Пэ знает вора до желёз. *И по-ве-рив-во-ру-на-сло-во!... Ма-те-ри-алы-об-ви-не-ния-раз-ва-лил!* Палёного - в миру Петра Акиндиновича Палёнова - отправил лишь под подписку о невыезде в посёлок, к матери, дело - как говорим мы - «шапками закидал»... и отправил - а тоже «к ...матери» (на новое расследование - примеч. автора). Вот так.

Да! Ехидничали - по обоим случаям, по «королю» - особенно, Ка Пэ подстраховался, где как кем только смог. У прокурора чайку попил, в РОВД, у начальника, за рюмкой, чай, посидел, съездил в облсуд, даже в ФСБ к однокашнику заходил. *«...Видимо, всех убедил, что ИМЕННО ТАК нужно».*

...И заклеимённый Палёнов теперь (Пётр - Автора примечание), мол, ходит везде с гордо поднятой башкой, на участкового чуть не плюёт, свысока цедит, что у него «типерича «крыша» есть» - Ка Пэ, и совсем не ждёт «срока».

Говорить - говорили, но никто на тему правильности решений Ка Пэ не рассуждал. Делает человек своё дело, судя по всему неплохо, грамотно делает, - ну так везде кому-то надо с чувством, толком, расстановкой работать, - ну так за пять лет в прокуратуре и двадцать три года в суде можно научиться добротной, профессионально работать? В конце концов кто что «в верхах» заключил!... Для города!... С населением восемнадцать тысяч человек!... Рвение директора «Водоканала» в устройстве четвёртой и пятой скважин питьевого забора не менее - гораздо более! - интересно и жизненно важно, чем любые, самые неожиданные, самые справедливые реяния в суде.

Суд в городе и районе уважали; в том числе и из-за Ка Пэ. Как мы говорим иногда, это - Учитель или это - Врач, так и Ка Пэ в Торжественных Случаях подношения грамот и наград, бравируя им, возносили: это Судья. Сей человек (дань должно отдать) всю жизнь посвятил (должено вам) нелёгкой службе-работе. Никто в городе и помыслить себе не мог, что на месте Ка Пэ - Константина Петровича - возможен кто-то другой; Ка Пэ - это не судья даже, это уж имярек место! Все привыкли: с утра и до вечера, а случается, допоздна, бывает, и в выходные дни у Константина Петровича всё страда. Я думаю, вы уже поняли всю его жизнь. Умница, труженик, профессионал.

...Забавно, однако, что если когда-либо у обывателя и существовали заблуждения, то заблуждение о Константине Петровиче - ярчайшее! Всякий, кто свёл бы знакомство с ним в непринуждённом кругу, к примеру, на речке во время купаний и солнечных ванн, на рыбалке, мужской тусовке в бане, - либо просто дома, у него, при обычном вечере и своих гостях, узнав впоследствии, кто Константин Петрович, первым делом бы непременно подумал, что мститесь, изумленно кликнув: «Петрович!? Что?!... Костя-то?! Не верю». Завернув известное в фразу Станиславского. «Конечно, Вы шутите. Не шутите?!... Хм-м. А я думал, он... А оказывается, он...»

О-о-о !... Он был толстый большой весёлый человек. Ра-а-душный, хлебо-сольный, гостепри-и-имный; любознательный, начитанный; беспечный (в кругу друзей - примеч. автора!); балагур и атаман; приветливый, свойский, хоть несколько церемонный. Ярый любитель маленьких тесных компашек, шашлычков, винишка, рыбалочек, бани, страстный огородник и пчеловод. Завзятый автомобилист, сейчас он разъезжал на «Ниве»; а на даче, которая являла собой участок в сорок ухоженных соток с простым, да отменно добротным деревенским домом на краю отшельной деревни, под навесом, заботливо ограждённые хозяином от воды и ветров, за стеной тесовых досок красовались снегоход «Буран», трактор ЮМЗ и ЗИЛ-самосвал; без номеров, лишь для деревни, списанные.

Зимой Петровичу было скушно. (О работе, - примеч. автора, - сейчас молчим.) Иногда, вернувшись от дел и отужинав, он сообщал своей половине: «Валюша-а, что-то я поустал сегодня, прилягу пойду». И - укладывался с книжкой на пухлый кожаный диван; или упал в кресло с газетой; либо приникал, как к окну, к телевизору. Иногда он звонил жене ещё днём, заранее, на работу и стенал: «Ну что-о-о, душа моя... Вечером опя-агь заняться нечем. Сердце моё, пойдём напросимся сегодня к Ко-й.» Или: «Я пригласил, знаешь, сегодня в гости Пов-х. Ты, солнышко, не против?»

Его бессменная благоверная ре-е-едко ему возражала. (И то заметим: а чем?... И - любимой «стене»?!...)

Воскресные прогулки на лыжах не вдохновляли его. За зимние удовольствия он почитал книги, газеты после ужина, толстые журналы, телевизор, походы в гости и баню.

А вот начиная с ранней-ранней весны!... А в лесу? Как только сойдёт снег. А сезон копки и посадки гряд?! А время роения пчёл?! А заготовка веников! Сбор урожая! Осимые посадки! Вывоз на гряды навоза!! (Примеч. автора: Вам как??)

Под любым предлогом Петрович точь-в-точь (если уж ну совершенно преступно и - никак невозможно «*поранее*») в семнадцать пятнадцать, ноль-в-ноль, вылетал с работы.

...«Тот ещё... гусь... - ворчал (правда, только себе под нос - примеч. автора) председатель суда. (Он был, в отличие от подчинённого, заядлым охотником и мыслил зоологически.) - Дел стая, отчёт на хвосте!... А у него - ну-ка: бу-бух! - вторым жаконом в одном стволе второй больничный... Высадка помидоров у него, а не ОРЗ! Уж я-то его повадки знаю. Это вот, что, а?...»

Ну, брюзжи не брюзжи, а каждый сведущий мало-мальски понимает: рассаду надо высаживать более точно в срок, нежели, скажем, плеяду уездных басурманов; рассада, она тем и свойственна, что пока суд да дело, ждать не будет; и урожая не даст. И Константин Петрович понимал это куда более жизненно, чем судейская голова.

... А какие шашлыки устраивались у Петровича по пятницам!... А молодого барашка? А в кругу друзей! А на вольной природе... Принять «витаминов Це» - сольце, мясце, винце... (Ах - (это автор...) и мне бы словце!...) - дабы восторгом воспрять от бездушной болтанки недели.

Постепенно Валюша его приучилась игнорировать дачные послерабочие пятницы и появлялась в деревеньке лишь в утро субботы; поэтому с 18 до ...-дцати, и до краю-упаду, на дальнем конце деревни, в королевстве Петровича пленительных людей, царило настоящее мужское раздолье! (Не смущаемое, не спутываемое в угоду некоторым нашим мучествам соблазнительным инополым присутствием. Ибо если десятью годами ранее Петрович и был ценителем и любителем *всего*, то ныне... Ныне, когда возраст, как говорится, «к шестидесяти»... И обоим детям «под тридцать»... И кроме репутации, привилось что-то большее, что нужно хранить, а можно утратить, совсем потерять... *Левый* интерес Петровича свёлся к безукоризненно-безобидным поцелуйчикам и потискиваниям (на предмет сохранения форм) секретарей (всё - женщины, - примеч. автора) соседнего районного суда; где председателем сидел у Петровича закадычный друг и куда Петрович изредка наведывался с коньячком, дружественными визитами и конфетами женперсоналу. Валюша снисходительно смотрела на такое *это*. «Вот не ревнивая ты у меня, - иногда вслух сердился Петрович, - как, право, маня».)

...К среде либо четвергу оформлялась компания. С обеда в пятницу на дачу Петровича засылался самый свободный, имеющий «колёса» - «*гонец*». Задачей гонца было вместе с постоянным жителем деревни Егором-«Аборигеном» протопить к шести баню, охладить в проточном пруде пиво, наносить воды, начерно подготовить вечер-

ний стол. Закончив городские дела, друзья слетались, парились, грузились пивом, рыбой, шумно плескались; обсыхали, вновь взмокали за чаем; отдыхали от всего предыдущего и, лёгкие на помин и подъём, подымались к застолью; словно престолу.

Всегда крепко сколочен был возвышенный круг друзей!

Выбор же их Константином Петровичем *непосвящённому*, впрочем, показался бы странным. Что Вы, например, скажете о следующем конгломерате, свободно манкирующем разграничительными принципами обычных сословных компаний: хозяин дачи (уважаемый в городе, районе и областном департаменте судья), оператор котельной (почти кочегар?), главный инженер - и.о. директора «Водоканала» (весьма солидная фирма), рядовой автоинспектор (произносится сквозь зубы ... - взяточник дорог), зубной врач (изверг всех нас спасибо мучитель), врач-хирург (эскулап!), мелкий предприниматель (в привычном русском понимании - спе ку лянт), крупный предприниматель (в том же... - хапуга), житель деревни Егор (в местном речении - местная пьянь; он же - сторож дачи Петровича, он же помощник Петровичу в копке гряд, заготовщик ему дров, подручный - в ремонте автомашин и бульдозерист зимней дороги), один писатель, директор расположенного вокруг маленького совхоза, начальник следственного отдела РОВД, завотделом областной администрации, один военный пенсионер - инвалид-майор, инспектор районного филиала Госстраха. Это костяк.

Из него собирались за стол по обычным пятницам пять-семь человек; нечасто - более восьми, крайне редко - все пятнадцать. К сговорившимся пяти-семи генеральным, по желанию хозяина - и с одобрения оных - могли присоединяться на время иные, так сказать, не входящие в круг; приятные варяги, или на раз гости.

Случалось и не на раз: иной махрово рядится пол лета; да к осени отцветёт. А тот же Егор беззаботный - прекрасный люпин безвременьем увядшей деревни, в вечных кирзачах «здравствуй, село» - забрёл когда-то нецеремонно, совсем не по городскому обычаю на огонёк да «при огоньке» и остался! И директора совхоза - однажды пригласили к столу чисто из вежливости (раз уж подъехал...) да так ладно подошёл костяку, что сам теперь бал правил. Разные люди случались, по большинству отсеивались: компания не использовала впрямую, на что иные рассчитывали, подбиваясь, чего бы хотели - чины, накопленные связи, возможности, авторитет друг друга. Станный конгломерат.

Вот в последнее лето к ближайшему окружению прирос новый следователь прокуратуры (год проработал в районе молодец). Приехал как-то по срочному делу, за начальником сэо, в мае, в пятницу, в поздний вечер, - да сто раз извинился, что от *дела* людей отвлекает, да минут двадцать из уважения к компании посидел - молча речивым, светло улыбаясь и застенчиво реагируя, - да от водки отказался, а хоро-

шего вина стаканчик вы-ы-пил, и окорочок с хлебушком (когда предложили) съел. (Ночь предстояла ему, кажется, отвратительная, служебная, бессонная.) На гитаре сыграл ещё; душевно (когда попросили - примеч. автора).

Был зазван две недели спустя. Вдруг пришёлся ко двору. (И в городе заговорили: «Ка Пэ-сан» готовит свои кадры в прокуратуре?...») Ну это зря - мальчику всего двадцать.) (точнее - 23 года - примеч. автора) Практический такой мальчик, перспективный без протезирования; с любопытством к жизни, и умненький; скромный; однако не нерешительный, когда требуется! И твердолобый: упрётся бычком - не свернёшь. (Тридцатилетние разведённые женщины таких любят.) Олег звали.

Вот этот-то мальчик и сыграл, что называется, роль ставящего иголки в мелодии здесь акупунктуре.

Вышла история.

- - -

В августе, в одну из пятниц, собрались у Петровича на даче как обычно. Съехались шесть человек. После баньки сидели в беседке, под крышей, кутались в тёплое: день выдался не гош. Все вдруг притихли, как заскучили. Нечто печальное витало в природе, листья уж падали - может, грусть потому?

Не слышалось смеха, баек, нашлись какие-то тихие занятия у всех. Грузный мешковатый Аравик учил тоненького Олежека что-то жарить на камнях очага, Петрович им мешал - сталкивал, коптил окорочка. У стены невидимые от огня Сергей с Владимиром вполголоса разбирали геройства выпестованного Егором из черники молодого вина. Егор при хвале клокотал голосом и на кряже в бликах и ветках чудился сатиром. Сатир на колкости блял по козлиному, мял в кулаке бороду, просто парировал: «А идёт-то приятно...» И густо дымил самосадам. Вечер быстро хладел, чувствовался близкий дождь.

Петрович заглянул в вёдра (приносилась родниковая вода; запрещаем далее примечать автору), вёдра пусты, передал своё занятие Сергею, решил принести воды до дождя, заранее. Огляделся: кого в спутники взять? Двести метров до родника! Олег толкается рядом. Ничем не занят? Ну и пошли.

Позвал: -Олега-а!... Олег эхом откликнулся: -А? - Петрович рассмеялся добродушно: -Как гаварыт мнэ инагда наш друг Са-ар-кисан!... - Аравик расплылся в улыбке, открывая ровные крепкие зубы, поднял руку, указуя перстом Олегу: тебе, мол, говорят, тебе. Передразнил сам себя и Петровича: -Ти памаложе, дарагой, схади, пажалуста.-

Будь так. Взяли вёдра и флягу. Олег на всякий случай захватил, бросив на плечо, куртку, Петрович перекинул через руку накидку-плащ.

По очереди набирали воду, стояли, слушали, смотрели. Вдыхали всей грудью: чудесно вокруг!... Тихая, дозревала природа.

...Стесняясь, робея, даже с перехватыванием голоса - так волновался! - Олег внезапно заговорил:

-Константин Петрович, вот... Вот скажите мне!...

Возникла пауза. Петрович поднял от родника взгляд, удивился:

-Ты что? Чего тебе?!

Нервно, ломано Олег зачастил:

...Кнсти Петрвч... Скажите ...Пжалста!... Нет, мне у Вас всё здесь нравится! Но вот скажите, пожалуйста...

-Да ну чего?

-Да вот компания ... М-м-м... Наша... Только! Я Вас прошу! Пожалуйста! Не рассказывайте ничего никому. Не говорите. Пожалуйста.

Петрович отставил ведро.

-Ну слушаю. Чего случилось-то? Как на духу говори!...

-Ну Константин Петрович...

-Да что ты заранее!... Как женщина.

-Слово дайте.

-О, бог ты мой... Тьфу! Ты что, копаешь, что ль под кого? Из своей прокуратуры...

Олег мило перепугался. Петрович ещё раз удивился и замолчал. Вода была набрана, и пора, и можно идти.

-...Пошли давай. - Петрович взял вёдра, пошёл. Поставил их, повернулся вдруг : -А!... Понял тебя - валяй. Давай: валяй дальше.

Поободрённый пониманием, Олег осмелел.

-Константин Петрович, вот я не понимаю просто и всё: я же всего в четвёртый - пятый? - раз у Вас. Вот смотрите. У Вас сегодня...

Петрович перебил тихонько:

-Не у меня, а у нас...

-Ну да - у нас... У вас... Начальник нашего сэо ровэдэ! И предприниматель Саркисян. Говорят он... Ну прохиндей из пройдох!!!... Хотя мне так нравится.

Петрович начал слушать внимательнее.

...Преступление совершил?

-Н-нет!

-И не совершит!

-Но он же!... Он же всё деньги крутит, как!!!... Ну, я не знаю, кто... Вот-вот может сорваться! Сорвётся...

-Типун тебе на язык! - вскрикнул Петрович. - Нельзя так, Олег! Не каркай! Слово силу имеет - это тебе ещё не ведомо.

-...Ну всё равно - на грани фола всё, по лезвию ходит!... Деньги! Кругом него всё одни деньги!

Петрович возразил:

-Не та-ак... Совсем не так! Он - любит **делать** деньги! У него увлечение такое. Открою тебе секрет - лет с пятнадцати. А уж - шестьдесят пять. Дед!... Ему не жалко их - попроси на дело, сколько надо даст!...

Олег оскорбился:

-Да я?!... Денег просить?!?!...

Петрович махнул рукой:

-Да я не о том...

Олег посмотрел строго:

-Но он же как бы... Плохой?...

Петрович длинно, по коровьи, вздохнул, и промолчал.

Олег завёлся, разошёлся, дальше в дебри полез:

-...А ещё: бывший начальник ГАИ. Его же не просто так перевели, его, надо понимать однозначно: разжаловали! Турнули с должности!...

-Ох, всяко бывает, все мы люди... - едва слышимо уронил Петрович.

Олег наострил уши:

-...Может, подсидели?...

-Нет-нет, всё нормально... «Прошли...»

И - Олег «побежал»:

-...А из котельной? Бывший заворг райкома КПСС!... Все его коллеги при должностях! А он!... Странный... Теперь в церковь ходит... И сторож Егор. Как ни увижу - всё, как пьян. Так и думается: «местная пьянь». А с ним сидит - из областной администрации. Ну!...

И Олег в бессилии развёл руками, потом махнул рукой.

Петрович опечалился, скис.

-...Тебе что, Олег Юрьич: пре-тит?!...

Олег обиделся, завопил!

-Вот!!!... Так и знал!!!... - завопил - Нельзя-а ни с кем откровенно!... Нельзя откровенно даже с Ва-а-ами!... Вообще-э уж тогда с кем!...

Отвернулся, застыл истуканом. Сердито играл желваками, сердито моргал. Пробурчал жёстко: -... Да мне, может.. Егор больше всех тут, это... Нравится! - Спихватился. - Ой, извините...

Петрович тихонько добродушенько посмеялся.

-...Егор, - продолжил Олег, - он хороший... Я вообще! Я же просто Вас как бы со стороны спрашиваю, как посторонний как будто. Как вот только пришёл, и впервые, и никого не знаю, только по слухам всё да по именам.

Петрович обрадовался, развёл ему руками, словно приглашая к чему. А вокруг лежали поля?!...

-Ну так и вот?!...

Но «бычок» добивался конкретного ответа!

-...Так я у Вас и спрашиваю: как у Вас такие... Почему такие друзья! Отчего? Почему так? И почему я здесь?!...

Петрович выразительно, демонстративно по-мужицки, хлопнул носом, почесал затылок, посмотрел на небо: упали первые капли дождя.

А Олег продолжа-а-ал:

...Ну - Василий Ильич, он директор совхоза, понятно... Он, конечно, фанат своего дела. Но - понятно: тут совхоз кругом, без Василия Ильича никак.

Ка Пэ тяжело вздохнул, выронил:

-...А я-то, было, подумал... Ну - дура-а-ак!...

- И не дурак!!!... - уже не на шутку разволновался Олег. - Как будто словами не можете сказать! Дурак... Конечно, дурак! Вот и рассудите мне! Вы же у нас... - Поискал подходящее - не нашлось слова; так вертелось привычное, что не приходило иного; и брякнул им, достал... Как только что долечки ковшичком черпал из родничка. Звякнул тем, что само сорвалось: «Судья!» И было для языка столь обычным, перво-знакомым.

-...Вёдра бери и пошли, судья...- рявкнул Ка Пэ.- Люди ждут.

Посыпал дождь. Пришлось одеваться. Олег застегнул куртку. Петрович расправил свою накидку-плащ. Шагнул вперёд, к дому.

-Давай, Юрьич... Пора идти.

-...Ну Константин Петрович!- взмолился тот.

-Да ну что тебе?!...

-Ну почему...

Петрович остановился, мальчик смотрел на него, ждал.

...И тогда, завернувшись в плащ-накидку, как в мантию, судья, большой весёлый человек, мягкой улыбкой ответил ему: *«милый - то Вы мой...»*

А сказал: *не-важ-но-кто-хо-ро-ший-а-кто-пло-хой. Важно, кого мы любим!...*

2001 - 2003 год

Санкт-Петербург - Усадьба Архангельское

(...Две недели спустя, кажется - да-да, именно так, кажется - в ночь, в вагонном купе всегда ухоженного знакомого поезда, будучи зван составить компанию и сбившись тесно в странный конгло-

мерат свойских попутчиков полупустого вагона - радушных, любознательных, не сонных, - как оказалось, учитель, жена военного с братом-врачом, как оказалось, - феерических любителей всего - за чаем, за бутылочкой червлёного проезжая многое, и города-городки... - Волховстрой, позже Тихвин, - от размышлений над рьяно, ревностно писанным и беспечно в кругу друзей сейчас же прочтённым, сам собой родился, созрел на нашем шумно расплесканном ночном балу - за рюмкой, чай? - равноготовый укутать всех в скуку и молодцем свитьсь в хвалу вопрос, - забрёл нецеремонно «на огонёк», повис точь-в-точь, не оставив выбора, как медведь пришёл за ответом.

И опять дома, - за неделю от одних выходных до других соскучась почти истерически! потому до краю-упаду, до обалдения, сладко страстно горяча теперь трясущуюся не из процедуры, а от непреходящего страха банную печь с ума лишившимся от клокотанья котлом - сдуру тут завяжусь! не моя работа! зря меня парите! - и вообще, - хоть бы проверил кто аборигена этого толком! - будь так, - то заботливым хозяином меняя ему воду, набирая её ковшиком в вёдра, нося из ограждённого родника, то в угоду некоторым своим мучествам восторгом воспаряя над густым самосадам беззаботных люпинов, изумленно мстясь отшельникам увядшей деревни, то, отдыхая от болтанки недели и всего предыдущего и, тихо дозрев, едва слышимо шепча, дымком, что-то зоологическое в по полностью распахнутую дверцу печи - огоньную форточку, - а затем, как балагур и атаман ширя глаза! в состоянии какого-то безумного оплетворения от комарино-слепнёвой, совсем не по-городскому обычаю акупунктуры! - поножовной и хулиганской, в любые места, - но не смущаемый, не спутываемый в сей престольный час даже лёгким на помин и подъём, соблазнительным даже в парной, инополым присутствием, - а всё находясь под ка-пэ напором и ка-пэ снисходительным оком моих пленительных людей! - наконец расплываясь в улыбку, ещё, что им в чередовании полустанков и узловых, мелькании бликов и веток молча речивым и светло улыбающимся, почудилось!... - реагируя застенчиво да бычком учась тут водить всё-таки не как курица лапой самостоятельно - ведь это судьбы людские, эти бумаги, а не бумаги! *И* не сметь там марать! - для возвышенных друзей, крепко сколоченных ценителей всего, - прибавляю.)

(...За кадром, от автора.) Скажем теперь же городу, помудрев после чтения: что за вино пестовал? Что был за виноградарем? Слывший судьёй

Судья.

Гурман

рассказ

«Через базарную площадь идёт...» - помните известный «Хамелеон»? Помните, конечно. Так вот: случилось как-то - через век этак - нечто весьма похожее и даже не местное, - хотя, ежели в тонкостях разбираться, всё аналогично лишь симптомами маятниковости и всё схоже не так. Да и шла - она, а он... Да вот он!

...Он стоял. На городской автобусно-троллейбусной остановке он ожидал автобуса. Была середина лета, полуденный час воскресного дня. Солнце палило каминьки в тысячах окон домов - плюс тридцать три в тени и сорок два - над плавящимся асфальтом. Город как вымер. Транспорт редок, из людей - на всей улице никого.

Превозмогая себя, он стоял, давал одну за другой клятвы: то сейчас же пойти за машиной, то не прикасаться сегодня к своей легковой. Скучал и всё рассматривал. Так длилось минут десять.

Он взглянул на часы. «...Уже двенадцать минут! О, ё...». Рука непроизвольно потянулась за сигаретой. Из кожаной наплечной сумки, цветом в тон одежде, а размерами явно подобранной в пропорции к его фигуре, он вынул пачку. Окружающее марево приняло разочарованный вздох. «Оу!...» А про себя: «...Ты чего положил!... Кто же курит «Gitanes» на такой жаре!... И без того дышать нечем». Повзвешивав, всё-таки сигареты убрал.

Прошло минут пять. Он ещё раз взглянул на часы. «...Так. Прошло уже восемнадцать. Да... Это жестоко, так редко...

...Ну да они и правы! Кому надо, те уехали с утра. А водителю каково весь день в кабине париться!... Он тоже человек. Нет, не могу осуждать».

Прошла ещё минута. «Ну что такое! Это же невыносимо. Садизм!... Хватит! Пойду за машиной!»

В сумке послышался призывный трезвон. Он что-то нащупал, достал мобильный телефон, приложил к уху.

«...Да - я.

...Нет, у дома на остановке. Жду автобуса.

...Нет, на машине не поеду, раз предвидится выпивка.

...Нет, сестричка, извини.

...Ну уж!... Прошу подождать. Сама выдернула так внезапно.

...Йес. Ноу. Окей.

...Да. Думаю, в течение часа буду. Стой, не клади - вы вдвоём? Дети, конечно, с бабушкой на даче. Жаль, жаль... Ну ладно, посидим тесной компанией. Что-то я, Танюша, заскучал...

...Пригласишь знакомую?

...Да я не знаю - ну давай... А я её знаю, не знаю?

...Ноу, ноу, ноу!!!... Только не эту! Я не поеду!!!

...Нет, нет, нет и нет. Хоть сегодня - побыть со своими людьми. Хватит чужих за неделю... А эту - ну эту, твою эту - я представляю: она фамильярна и не умеет вести себя за столом. Не надо - договорились? Пока.

...Что муж кричит из ванной? Благодарит за... Тань. Ты можешь нормальным языком сказать... Благодарит за подсказанные нюансы поведения? Ого! Хм-м... Тебе не понять, о чём это... Хм-м, приятно. Спасибо... Пока-пока...

...Что? Предлагаешь продать теперь мою древнюю «Ауди»? Купить последнюю модель «Жигулей»?... Если только модельку, ага... При тоске по столу гонять... Всё, Таня, всё. Приеду, приеду. Уже еду... Давай поболтаем потом!

Закончив разговор, машинально взглянул на дисплей телефона. С некоторым аппетитным чувством отметил: «Две минуты пятьдесят девять секунд. Классика жанра. О!» Убрав телефон, подумал: «Как хочется поскорей к ним... Нет, ну и парга!... Ещё пятнадцать минут, и я точно плюну на всё: не выдержу и пойду за машиной».

Прошло с минуту. Ни транспорта, ни людей. Он стал прохаживаться и рассуждать. «...Приятно, что Резо вернулся так скоро. Каждый раз переживаю за него.

...Татьяна говорит: привёз сногшибательный коньяк. Всего бутылка. Только для гурманов. Не приедешь - к вечеру не будет.

...Сделка удачна. Это хорошо. Резо как всегда, на высоте. Финансовый гений.

...Но пить дорогой коньяк прямо так - сразу, с налёта?!... Пусть бы постоял, порадовал... Предвкушение тоже дорогого стоит!

...Нет, но кто же пьёт изысканный коньяк с шашлыками?! Да на такой жаре. И в... - он с недоумением оглядел себя - ...Футболке, кроссовках и шортах. Ну!... Уж, ребята, увольте - нет.

...А вот «Цинандали» из старых запасов я уговорю у них сегодня, раз так - полностью.

...Нет - нет, ребята, так нельзя: на машине тогда ни за что не поеду. Вы у себя дома, а мне потом домой возвращаться. А моя «айнька» копирует все мои движенья. Ни за что».

Прошло минут пять.

Он начал откровенно томиться, скучать, закрывать от солнца глаза, задерживать дыхание, обороняясь от тяжких запахов зноя.

Из-за угла дальнего, в начале квартала, дома появилась фигурка - в сторону остановки повернула, пошла женщина. Его взгляд сразу зафиксировался на ней. «Молодая жен-

щина, - отметил он себе. - Нет, скорей - девушка. Двадцать два - двадцать четыре года».

Брючки, блузка, лёгкая жилетка, туфли, сумочка на длинном тонком ремешке. Короткая стрижка, правильная женски фигура, приятные черты лица. Чем ближе, тем больше притягательных деталей открывал взгляд. Внимание его непроизвольно сконцентрировалось. Кто-то возражает?

Ему было на вид лет тридцать или почти так, рост примерно сто семьдесят пять, хорошо сложен, недурён собой. Он был разведён (не женат).

Засмотревшись на приближающуюся *girl*, спустя минуту, он вспомнил, что сейчас не имеет подруги и... Соответственно, кое-что мужское в нём поднялось, собралось, внимание обострилось, зациклилось.

Достигнув остановки, девушка кинула взгляд через плечо, назад: улица пустынна. Помедлив, сделала ещё несколько шагов. Теперь автобуса (или троллейбуса) ожидали и смотрели в сторону возможного появления двое. Возникла общность. Мужчина находился по ходу движения далее, поэтому одновременно мог разглядывать и у спутницы всё.

Тщательно изучив профиль миловидного лица, простую причёску, тоненькое небольшое ушко, скрытые блузкой плечики, цвет и форму цепочки, сбегаящей с шеи в хорошо очерченную грудь, обнажённые по локоть руки, форму ладоней и пальцев, узость талии, и особенно форму перехода её в бёдра, ниже лежащий объём, - и его величину, - соотношение длины ног, рук и всего тела, - определив размер туфелек, лифчика и ... гм-м... спроецировав на себя...-м-м- всю фигуру, он сделал стойку. Глаз хищнически сощурился, высоко вздёрнулась бровь.

Ожидание - минута, другая. Теперь он улучал случай заговорить. «Повод найдётся». Ожидание.

По-мальчишески - нет, скорее - *unisex* развернувшись (нога к ноге, на одних каблукках), девушка решила пройтись. (Так обычно прохаживаются от одного края платформы к другому ожидающие.) От его взгляда не ускользнуло... Оттого про себя: «...И подошва туфель чрезмерна для неё. И для этого лета. К чему таскать под собой столько?! Да и грубовато, пожалуй, для её фигурки и черт лица». И у него чуть-чуть-чуть-чуть-чуть подпустилась бровь.

Двигаясь при своём прохаживании в обратном направлении и при этом пристально глядя в городской горизонт, девушка равнодушно уронила красующемуся близ мужчине: «...Давно?» «Да, давно...» - он отвечивал сразу, как ждал. С взглядом глаза в глаза, улыбкой - доброй, приглашающей к разговору.

Она прошла, как только дев... отвернулась. А про себя: «...По крайней мере надо было: скажите, давно автобуса не было? Или: извините - тут необходима пауза, обозначающая пропущенное слово - давно не было? Ну - вместо извините или скажите,

пожалуйста, женщине можно просто приятно улыбнуться. Да?» И! Глаз ещё остался сощурен! Да опустилась бровь. (Волна отлила.)

Девушка походила рядом, спустилась с возвышения остановки. Быв боком, снова оказалась спиной. (Всё в нём снова зашевелилось: формы не ерунда!...) Девушка походила по мостовой, вновь вошла на тротуар. Постояла и опять походила. Ходить ей наскучило. Она отошла в глубь тротуара (так стоят давно ожидающие), развернулась в сторону появления автобуса. И оказалась к мужчине боком, в профиль. (Попала в солнечный рисующий глаз.) Сбоку, в профиль, личико её, её фигура были аппетитны по-прежнему. Однако стойка его слабела.

Протекли минуты. Никто не подходил, транспорт не появлялся. Делать было нечего, девушка переминалась рядом. Появлялись внутренние и внешние основания заговорить. Он собрался. Как раз тут, расстегнув сумочку, девушка достала пачку сигарет. Он подумал: «Не попросит ли прикурить?!...»

Пристально глядя в конец улицы, девушка привычно, ловкими пальчиками, (от него не ускользнуло!) вскрыла новую пачку, вытянула сигарету. «Хм-м, - подумал он, - странное. Неужели она постоянно курит?!... Но - неясно... У неё «Bond». И «Bond» красный - вот что больше отметил он для себя. - Для жары, как сегодня, - тяжеловатые и длинные».

Не заглядывая в сумочку, всё так же внимательно разглядывая длинную пустынную улицу, девушка, привычно нащупав, достала из сумочки зажигалку. «Ба! Она курит! Курящая!... - сведя всё вместе, констатировал и удивился он. И осмотрел её уже *по-иному пристально*. - Прошло, - он взглянул на часы, - минут шесть. А она уже не утерпела... Пацан... Мужик».

Девушка стояла, соблазнительно отставив ножку, рассеянно хлопала ресничками, смотрела вдаль, непринуждённо держа двумя вытянутыми изящными пальчиками белую с ярко-жёлтым сигарету. Картинка лишь забавляла. «На вечеринке это было бы самое то. Но здесь, сейчас?!...» Плечи его самопроизвольно пожали.

Не облегчённый «Бонд» - сигарета, докурить которую до конца на июльском солнцепёке, при полном безветрии, неспадающем недельном зное, в котором сам город мрёт от жары, истекая асфальтом, скажем так, нелегко. Он смотрел на зрелище, уже играя в пари с самим собой: докурит до фильтра - не докурит, дотянет - не дотянет... Докурит до половины, до трети... До пятей!...

...*Mandibula* (нижняя челюсть - мед., лат.) его отпала, когда, не оглянувшись посмотреть урну, мусорное место, девушка безразлично уронила окурков в две трети сигареты на вычищенный дворником с утра асфальт. «Оба - на! - проморгавшись, восхитился он. - Простенько... Уж я бы, мужчина, хоть носком ботинка придавил».

Таким образом докурив, девушка снова решила пройтись. Край остановки - край остановки, стена дома - проезжая часть, обрез тротуара.

Абстрактно заманчивая фигурка маячила перед глазами. Окурок дымил, сам прогорая. Он - щурился вдаль, брезгливо кривясь, мысленно призывая скорее какую-нибудь городскую машину. Стойка канула.

Лета текли минуты, девушка передвигалась рядом, иногда уже исподтишка взглядывая на него. Транспорта всё не было. Он стоял, с высоты своего роста калейдоскопически рассматривал её, сожалел о потерянном.

...Наконец, автобус. Вместо рейсового - дежурный, маленький... Сидячих мест - двадцать, одна дверь, узкий проход... Сколько-то человек вошло на конечной остановке да на каждой следующей плюс три, плюс два - автобус пришёл битком полон. Как джентльмен он пропустил даму вперёд, как городской страждущий уехать влез за ней. Втиснулся с натугой, вынужденно прилипнув сзади.

«...Это потряс!!!... Представь!»... - месяца через три рассказывал он для забавленья своей новой подруге, когда они!... Когда она!... Когда она, выйдя из душа и всё ещё нервно, счастливо-опустошённо дрожа, разом проглотив омыть и всё внутри себя полстакана вина, а затем - и ещё так же - залпом, с жадностью треть стакана, протянула руку к нему с одним - вместе и приказным, и просительным - словом: «...Сигарету». И сигарета явилась. «А...» И закипав вспыхнула в его руке. «...Только, милая, чуть отодвинься от аквариума». «Да?!... - в мгновение надутые губки, сведённые брови, сверкнувший сердитой искрой взгляд: «Будто не понимаю...» «Да нет же! - Он легко посмеялся. - Ты роскошно смотришься в своей пелеринке на фоне этих волнистых штор. Пожалуйста!... Хочется любоваться». Она с облегчением рассмеялась: «Зачем ты мне всё льстишь!...» Он поднял бровь: «Разве?!... Так?!... Ничуть! Мне всё в тебе... - здесь пропустил слово. - Даже твои сердитые искры из глаз!» Пришурившись, беззвучно, немо рассмеялся: «Как в песне - «ах, какая женщина! Мне б такую!»... Ты - восхитительна». Она!... - даже поникла. Потом: «...Ты несносен. Учти, я могу до смерти влюбиться в...» - здесь опустила местоимение. Что-то робко мелькнуло в его, их глазах. Он спохватился.

«...Да... Так вот представь. Мы простояли в этом автобусе, прижатые друг к другу, всю дорогу: остановок пятнадцать! Причём, всё ведь, как обычно, то есть люди и выходили, и входили: приходилось то разворачиваться, то уплотняться... И остановок семь я стоял к ней лицом к лицу и телом к телу: прилип, как кусочек балыка в бутерброде к маслу!... Ощущал все её выпуклости, все формы. Пару раз взял за плечо, когда качнуло, да раз она схватила меня. Вот испытанье было - садизм...»

«Ну, что ж ты!... Ну, вот же... Вот бы и!... - эффектно затягиваясь, непринуждённо держа в чуть подрагивающих музыкальных пальчиках жвмящийся, свивающий колечки смог, лукаво намекнула, засмеялась молоденькая женщина. - Что ж ты растерялся?! Съел бы её!... Как меня».

«Да что я - всеядный!!!»... - всерьёз вздыбился он.

«...А-а-ах! - какие мы разборчивые...» - тотчас привстав с кресла и вытягиваясь к нему для миротворительного поцелуя, забыв курить и не глядя роняя точно в пепельницу «More» - длинную тонкую наполовину выкуренную и дымящую сигарету, с удовольствием проговорила она.

Мастер

монолог (о творении человека)

Первой - пришла мечта.
За ней - мысль.
Затем человек. Воплотил мечту - рёк слово.

Но один человек - не совершенство, а половина.
И возникла она. Так - пара.

...А (в русском) : «Бог любит троицу»?...
А «без четырёх углов изба не строится»!
...Вот как единый слитный замысел разделился на 4 части.

I. Описательное начало:

Старинный дом окружён с трёх сторон высокими берёзами и липами. Вдоль проходящей близ дороги молодые посадки - рябины и совсем недавние - клёны.

За домом - сад.

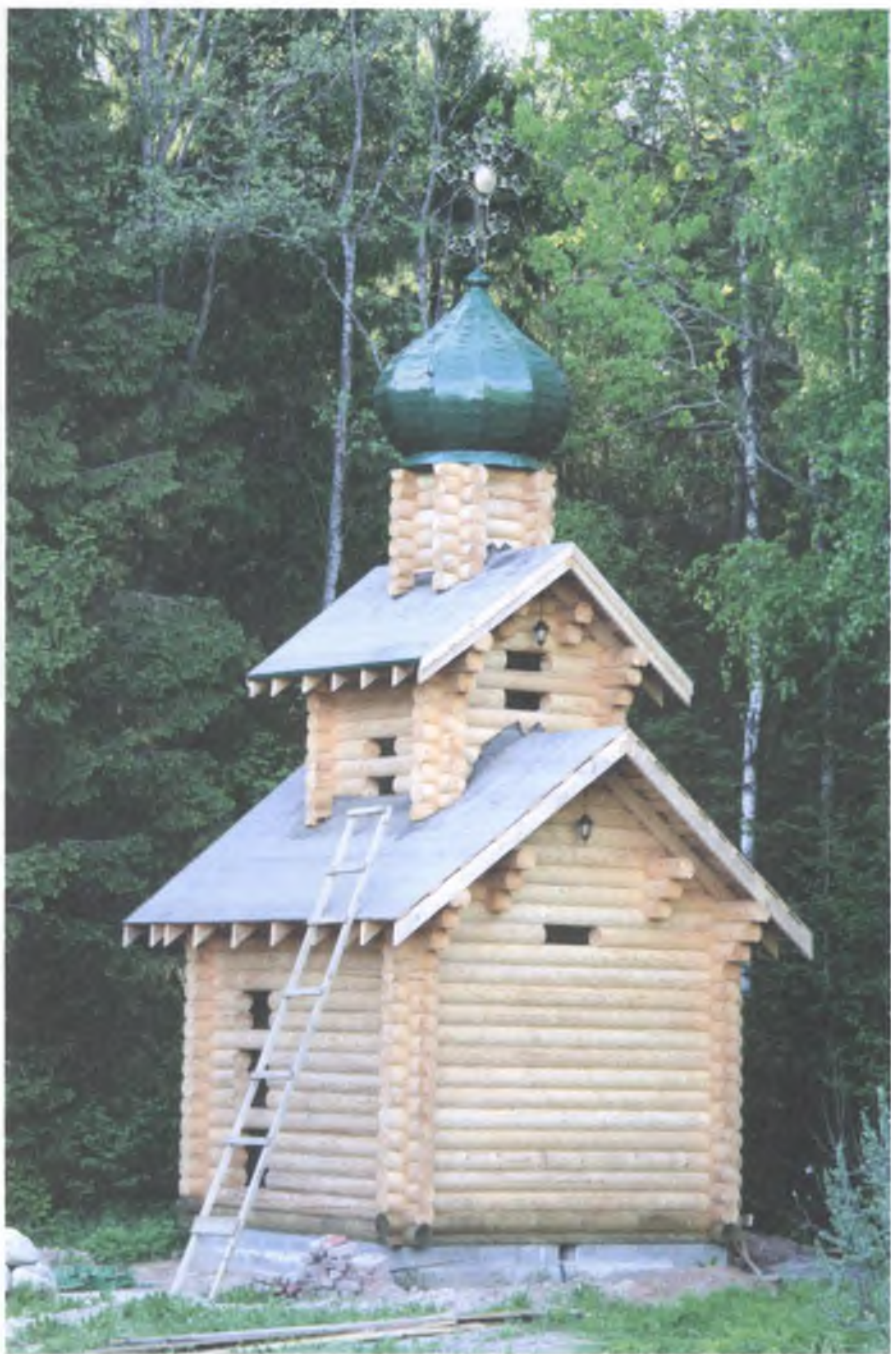
В окнах фасада - тюль, шторы: чувствуется, там живут.

Окна, выходящие в сад, запылены. В верхней фрамуге одного - раструб, за которым гудит вентилятор. По всему - там какая-то мастерская.

За двойными дверями просторное помещение. Пахнет деревом и лаком, стоят готовые деревянные вещи, на полках также они. Посредине - массивнейший, отличающийся лаком стол.

В помещении трое. Видимо один - хозяин, мастер, двое - к нему пришли. Идёт разговор. Двое в чём-то убеждают одного. Переубедят? Посмотрим, интересный разговор. Слышен мастер.

II. Трезвые размышления :

(Ещё раз оглядывает двоих, пришедших к нему.)

«...Послушайте, ведь я вам всё уже объяснил: что, почему и как.

(выслушивает)

...Что? Что вы говорите? Ах, трудно меня понять...

(пожимает плечами)

(выслушивает)

(пожимает плечами)

...Да нет - могу объяснить и ещё раз!...

(делает жест, означающий - не жалко)

Но это - время терять?

(Распрямляется, откладывает в сторону листочки рассматриваемых до того схем, чертежей, оглядывает мастерскую, выбирает, чем заняться, пока продолжится разговор)

А время -

(смотрит очень и очень серьёзно, смотрит пристально)

это главная ценность, которая у меня есть. Моё время - это единственная собственность, какая у меня есть.

(смотрит на пришедших выжидательно, пристально)

..Время - моя универсальная ценность, моё сокровище. Я могу перевести его в вещи, деньги, работу, развлечения, - даже в здоровье. Или, скажем, в воплощение своих желаний, мечты.

(берёт лист мелкой наждачной бумаги, отстригает от него кусочек, начинает шлифовать лакированную поверхность кажущегося огромным вблизи стола.

Проводит несколько раз, спохватывается, откладывает в сторону наждачку, находит бритвенное лезвие, начинает зачищать поверхность им)

...Уже всё объяснил, вот.

(словно спохватывается)

Вот! Всего три слова сказал, три слова!... И три секунды моей жизни улетело. Куда?!...

(демонстрирует удивление, показывает, что ищет. Глядит вверх, в сторону, показно водит взглядом. Обшаривает помещение сверху донизу и ничего не находит. Тогда разводит руками.)

А куда...

(ладонью гладит стол)

А провёл туда-сюда ладонью по столу, и - вот они:

(тычет пальцем в стол)

все они тут!

(заглядывается на то место, по которому только что водил бритвой, и которое потом оглаживал ладонью. И на которое сейчас указывал пальцем. Заглядывается, даже любит.)

И можно увидеть их! Их можно потрогать!... Можно предъявить их миру: посмотрите, я не зря живу! Я не только ем да пью - потребляю, - я создаю, творю! Мои секунды не пропадают даром! Моё время не пропадает даром! Не-ет, вот они, мои мгновения, я их остановил! Да-да! Материализовал! В конце концов - заставил материализоваться! Воткнул вот сюда!

(вновь указывает пальцем в стол)

А ещё что я с ними сделал - дальше передал. Другому человеку, следующему человеку. Отдал, передал.

(грустно улыбается, не спеша выглаживает бритвой (циклюет) стол)
(выслушивает)

...Я - поэт?

(ничуть не конфузится, размышляет)

Если могу передать свои ощущения своим вещам!... И через вещи - людям!... Если могу вложить свои чувства в линии, формы, в сочетания древесины, в подбор текстуры!...

(соглашается, кивая головой)

Тогда поэт.

(после паузы)

Ещё. Если в своих изделиях, - тех, что делаю не по заказу, не для заработка, а так, как бы для себя, для души, чисто по-своему, - если в них могу передать своё понимание мира, да так, чтобы и другие это увидели, не только один я. Тогда...

(отрывается от циклевания, идёт по мастерской, берёт с полки круглую вещицу)

Вот что это?

(услышав ответ, демонстрирует, что донельзя доволен ответом, притопывает ногой, прихлопывает рукой.)

Наконец, хлопает свободной рукой себя по колену.)

Ай да я, ай да сукин сын!... Конечно, солонка! Конечно, солонка, раз всё в ней говорит: я - солонка.

(Любуется. То отведёт от себя руку с солонкой и взглянет со стороны, то поднесёт близко к лицу и во все глаза в упор разглядывает.

Бормочет себе под нос, говоря с придыханием.)

...А форма-то какая!... Ах какая... Эх ведь!... Ах! Всё, как одно целое! Всё, как одно из другого идёт. Как одно из другого растёт и одно в другое переходит! Каждый элемент! Ничего не вырвешь, ничего другого не вставишь. О! Вот это -

(предъявляет, выставляет на обозрение себе и присутствующим на раскрытой

ладони возносит вверх свою вещицу. И гордо -очень, очень гордо! -

даже чрезмерно, несоразмерно предмету, ситуации сообщает - скорей возвещает.)
моё самое большое достижение в этом году. Са-а-мое огромное.

(После замечания и длительной паузы оглядывается в недоумении.

Оглядывается, отыскивает глазами, пытается сообразить, понять,

на что большое - большее солонки, лежащей у него на ладони - ему настойчиво указывают.)

...Что?

...Что?!

...Вы о столе, что ли?!...

(выслушивает)

...Ну да, примерно. А точные размеры : две семьсот на тысячу, толщина - девяносто. Миллиметров.

...Что?

(в глазах появляются по очереди: изумление, удивление, печаль, взгляд издалёка, усмешка. В движениях растерянность, потрясённость.)

...Стол - больше?

(вертится на месте, ищет и не находит слов)

Стол - больше, да? Да???!...

(демонстрирует кривое небрежение)

Да стол - ерунда... Мелочёвка. Да он - мелочёвка! По сравнению с... Его даже не видно на фоне этой...

(Вновь поднимает в раскрытой ладони маленькую вещичку.

Смотрит на неё радостно, даже мечтательно, смотрит на неё, как ребёнок.

Просияв, идёт к полке и бережно ставит на место.)

Стол - взял и сделал. А её - несколько лет не мог осилить.

...А вообще, если говорить о формах, над столами мне ещё - работать и работать. А она -

(кивает в сторону солонки на полке)

она моё совершенство. В ней я всё своё, что думаю о солонках, всё сказал. Всё передал, всё выразил, говорить больше нечего.

Причём, что самое замечательное, что меня ещё восхищает: руки сумели выразить то, что было в голове, в душе. Нечасто так бывает. А тут вот, получилось, вышло.

(Однако мешкает, оглядывается на солонку на полке ещё и ещё раз.

Разворачивается, не отрываясь, смотрит на неё.)

...Вот если только изгиб ещё... Изгиб ещё, изгиб...

(задумывается)

Да подъём от краёв к центру крышечки. Что-т-то... Что-т-то не могу никак понять: что мне здесь не нравится... И пимпочку - пимпочку ещё надо доделать.

(выслушивает, смеётся)

...Да... Штучку эту, за которую крышечку поднимают.

...Есть ещё, есть в форме крышечки что-то неуловимое, что мне не нравится, над чем можно подумать. Кажется в...

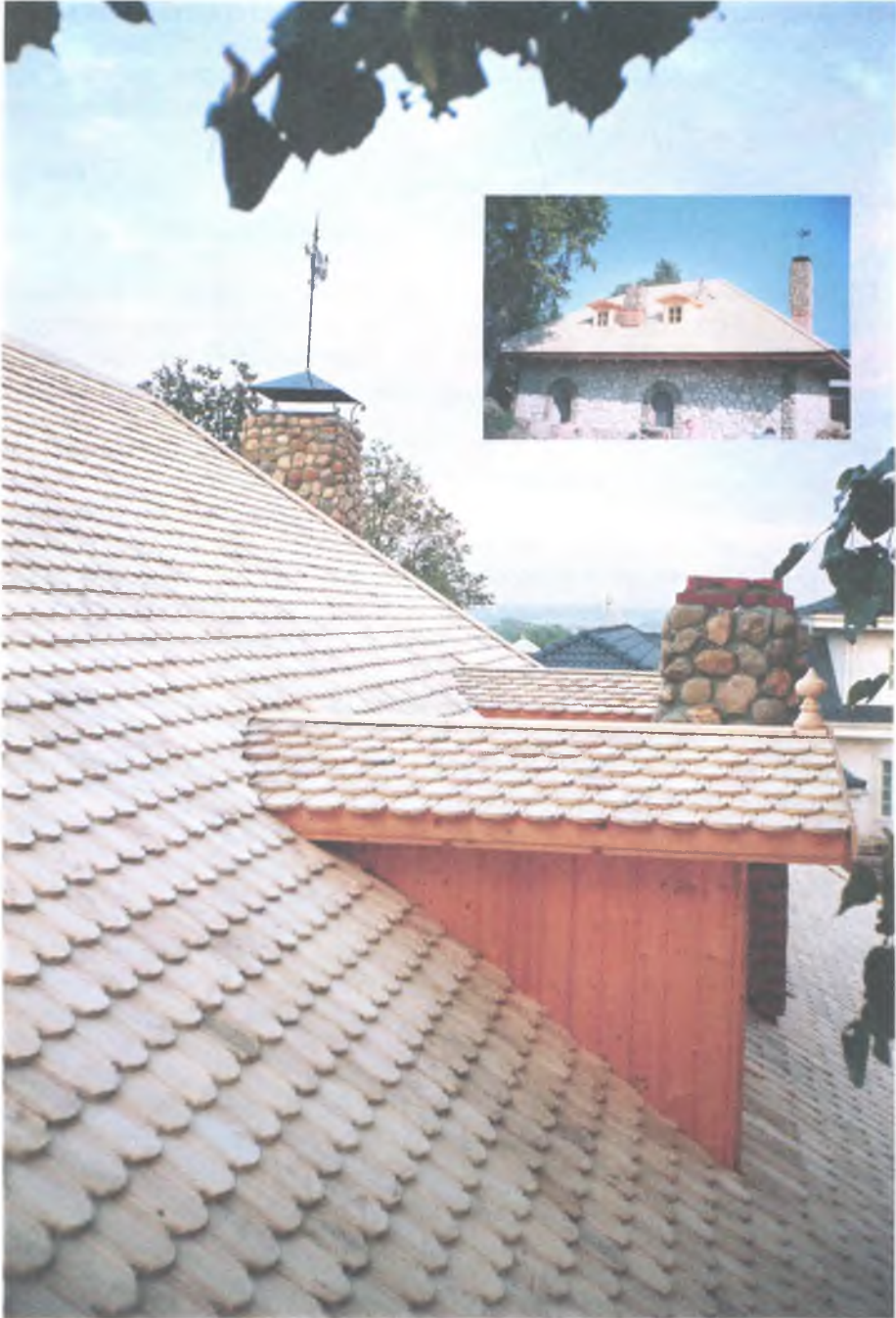
(смотрит на солонку. Вначале задумчиво, потом - отрешённо.)

...Не могу поймать. Мелочь, совершенная какая-то мелочь! А покоя не даёт. Ну да ладно. А так...

(опять принимается циклевать лаковую поверхность стола)

Всё!

(излагает, как рапорт)

Форма - завершена! Форма моему пониманию - соответствует! Вещь предназначению - соответствует! Отработку - закрываю.

Так что, где такую увидите, сразу узнаете. Сразу скажете: это...

(называет фамилию, видимо, свою)

...Это он. То есть, я. Это моё, моя.

(выслушивает)

...Я вас заговорил?!...

(расширяет глаза, старательно показывает себя совершенно изумлённым)

...Да ну... Не может быть. Я, кажется, работаю!...

(показывает, что с усердием трёт стол. Смотрит вниз, глаза опущены долу.

При этом хитро улыбается. Отряхивает от пыли и белых лохмотьев счищенного лака одну ладонь, оглаживает короткие усы, бородку, словно старается стереть улыбочку с лица. Бормочет с лукавством.)

...Это я тоже могу...

(встряхивается, как бы опомнившись)

...Так вы запомнили адрес, куда обратиться? Адрес-то простой.

(выслушав ответ, огорчённо вздыхает)

...Послушайте... Мы уже всё проговорили...

(поднимает на присутствующих глаза, в которых недоумение, даже досада, в которых вопрос. Снимает вопрос, разводя руками.)

Объясняю ещё раз. Объясняю: это - вот как бы получше сформулировать, как бы это вам объяснить... Это - «не мой заказ».

Для вас лучше, если эту работу вам сделает мастер Гусев. Значит что? К Гусеву!

Вам-то какая разница?! Вас направили ко мне, я направляю к Гусеву. Ручаюсь за него, если это для вас важно.

(выслушивает)

...Почему я не могу сделать? Да, в принципе, могу!

...Вам сказали, что - мастер? Ну, мастер...

...Что мастер с большой буквы? О-о-о!...

(Выказывает смешанные удивление и изумление поднятием бровей, округлением глаз. Однако складочки, появившиеся в уголках губ и мягкость, проявившаяся во всём выражении лица, говорят, что - улажен, польщён, тронут, весьма доволен.)

(бормочет)

...Мастер, мастер... Мастер-ломастер...

(вскидывается и - отчётливо, звонко)

...Вот как Мастер я и!... Как Мастер я точно знаю: именно эту работу лучше сделает Мастер Сергей Гусев. Улица Кирпичная, сорок четыре, частный дом.

Кирпичное зданье мастерской во дворе, сзади дома.

...Ну, зданье-то...

(чесет затылок)

Такое, впрочем... Не маленькое. Сразу видно. Метров двадцать на метров десять.

И в полтора этажа. Не пропустите.

(тихо бормочет под нос, совсем тихо, только для себя)

Но у меня-то всё равно побольше будет...

(выпрямляется, упирает взгляд в присутствующих)

...У вас в заказе что? «Стенка». А в ней что? Множество шкафов. То есть - большая часть работы это плоские поверхности и «фасады».

(после этого рассуждения поднимает к потолку глаза)

Также. У вас всё надо выполнить строго по чертежам. И отступлений ни в стиле, ни в размерах, естественно, не допускается.

А это не мой стиль.

И ещё: повышенные требования к лакировке.

...Ну и всё! Я рейсмусом не пользуюсь, и не имею его - раз. У меня лакировка - кисть, тампон, валик. Краскопультom не пользуюсь, его и нет. Два. А у Сергея всё это есть.

Так, что ещё. Сумма оплаты. Сумма, по-моему, работе соответствует. Значит Сергей не откажется. Всё.

Всё то, что вам нужно, то что в вашем заказе, он сделает лучше и дешевле, чем я. Что всем и требуется. И вам.

(смолкает, выдерживает паузу, не добавляет более ничего.)

После услышанного в ответ на свои объяснения улыбается, шутливо насупливается, машет, словно отмахивается, руками.)

...Ой, погодите!... С двух-то сторон!... Не понял - что? Извините - можно не все сразу.

(внимает, слушает)

...Почему у него - дешевле? Почему у меня - дороже? Вы хотите лакировку тампоном?

(Прыскает. Затем осуждающе качает головой. Затем вздыхает, как взрослые без слов вздыхают в ответ на глупые вопросы маленьких детей.)

(ёрничает)

...Ну пошто, как говорится, вам-от так!...

(сердится)

Ничего вы не хотите, неправда это.

...Лакировать вашу штукoвину надо краскопультom. И только краскопультom. Так ровнее, быстрее, дешевле. Сейчас все так делают. Представьте, тампоном лакировать - это сколько раз надо взад-вперёд рукой провести. А?

(смотрит, широко раскрыв глаза, на стену мастерской, будто у стены уже стоит готовая «стенка» и эту «стенку» требуется отлакировать.)

Рассматривает её некоторое время, как бы оценивает количество необходимого труда. Ошарашено качает головой.)

...Ничего себе!!!... Это же ничего себе!!!...

А смысл!? А смысл-то какой, а!? Зачем? Зачем?!... Этакую махину рукой отлакировать... Ничего себе труд?!... Это ж сколько она будет стоить?!... Сколько она будет стоить? И кому?! Мне? Вам?!

(широко раскрывает глаза, но уже актёрствует. Оторопело)

С ума можно спрыгнуть! Как говаривала моя первая жена... Она и по сей день жива...
...У вас есть лишние деньги?!

(и сейчас же - словно найдя и найденному обрадовавшись)

Ой-й!...

(изображает бедного, изображает просителя, почти кривляется.
Напоминает юридивого.)

...Пода-а-йте мастеру на отработку поставца-а-а... Пода-а-й-те, люди добрые.

(шутить перестаёт внезапно, склоняется к столу, снова принимается
тереть стол. И совершенно серьёзно, ничуть не стесняясь своей выходки,
произносит тоном клерка, принимающего заказ.)

...Э-э-э, простите - зачем вам «вбивать» в «стенку» лишние деньги?

(совершенно уже строго, даже с назиданием)

Зачем?...

Деньги - никому не лишнее. И не лишние. Деньги трудно зарабатывать.
Кто работает. Не надо ими сорить. Деньги - это время. Потратьте ваше время на что-
нибудь более...

(не договаривает, так как не хочет показаться нравоучителем)

...Вы пришли к Мастеру? Вот он вам и...

(не хочет произносить слова «советует», ищет иное)

...М-м-м, - даёт консультацию: как лучше в вашем случае поступить.

(выслушивает, чего-то не понимает и переспрашивает)

...Что? Вам сказали, его вещи «светятся»? Оу...

(на вдохе непроизвольно останавливает речь, пламенеет лицом.

Застеснявшись, утыкается в стол, играет бровями, губами, морщит нос, вообще
морщится, тщетно стараясь сдержать широчайше расплывающуюся улыбку.

Долго прячет от присутствующих лицо, скрывая огромное довольство.

Наконец, - когда это ни в какую не даётся, - начинает посмеиваться и таким
образом, - и вдобавок - словами, - ставит завесу.)

...У-ух - представьте себе... Выключаете вечером свет... Чтобы лечь спать... А это чу-
дище... Которое во всю стену... Светится. Кошмар.

(впрочем, остаётся очень и очень доволен. Начинает приговаривать,
становясь похожим на старичка, отрешённо и любовно возящегося в огороде
с единственной грядкой. Или на ребёнка, выстраивающего свой город
в песочнице - подростка с его заветным домиком между поленищами.)

...Оно ведь, когда сто-то раз рукой проведё-ёшь!... Где проведёшь пошкуришь... Где
проведёшь ещё раз потро-огаешь - нет ли бугорка-а...

(демонстрирует все движения на столе)

...Где ладо-онь прило-ожишь - нет ли впадинки, неровности какой... Да сто раз возьмёшь-
ся, да переложить, да повертишь, пока делаешь, да... Да всё-то любя-а, да всё душу-то
напряга-а-я... Так ведь немудрено, что всё, что в руках есть, всё, что в сердце есть...

(со вздохом кивает на стол)

Войдёт от рук в него, в него через руки вольётся.

Как мужчина в женщину.

(подмигивает без улыбки, говорит дальше строго - и тем будто и оговаривает, говорит серьёзно, по-деловому, как про обычный деловой вопрос)

...А чего вы смеётесь! Странно тут смеяться. Тут всё именно так.

...И вот тогда, какой мастер человек, что из него исходит, такую и атмосферу в доме его вещи создадут, такой и фон от них будет. Мастер добрый, значит от вещей тепло будет.

(спохватывается внезапно. Нахмуривается, словно сказал что-то не то. Одёргивает себя.)

...Фу-ты, что я говорю...

(почти назидательно)

Что я несу, хоть бы остановили! Мастер, он если - Мастер, он естественно добрый! А какой же он ещё?!...!

(задумывается. После паузы.)

Верно и обратное. Пока человек не добрый...

(отрицательно мотает головой)

Ему не стать... Не бывать ему Мастером.

(задумывается)

...Д-д-да... Сначала, сперва, видно, надо жизни научиться. Потом только браться за инструмент.

(задумывается)

Тут, может быть, даже и ещё серьёзнее всё.

(уходит в себя. Смотрит на людей, но стоит, словно - один, словно особняком.)

Начинаю думать, дело тут намного-намного серьёзнее. Любить надо уметь. Сначала надо любить научиться. И любовь научиться отдавать. А только потом...

(машет с усмешкой рукой)

(машет с отчаянием рукой)

...А любить - это!... Очень трудно, очень тяжело. И поучиться негде.

(склоняется над столом, водит по нему ладонью. Потом снова шлифует.

Потом снова просто водит ладонью. Кажется, будто через ладонь слушает, прислушивается, пытается что-то почувствовать, ощутить, что-то измерить.

Что-то проговаривает про себя. Вслух, словами - бросает отрывисто; ничего не акцентируя; как условным кодом, понятным лишь посвящённым.

Словами и вслух. И в тоже время - как скрытно)

...Как попробую... В полную силу... Так к вечеру... Едва ноги волочу. Вот как устану.

(вздыхает тяжело)

(вздыхает утомлённо)

(поворачивается к людям)

...Не понял, что?

(понимающе)

А-а-а...

(возвращаясь в разговоре к чему-то ранее начатому)

...Вы спрашивали ещё: не стыдно ли? Не стыдно ли признавать, что другой мастер лучше?

(стопорится в своих действиях, колдовстве со столом, - распрямляется, делает негодующие, делает широкие изумлённые глаза. На всём лице написано теперь неопишное изумление, об изумлении красноречиво говорит и весь его вид: поза, выражение лица, положение фигуры.)

...Но мне-то за работу-то мою - не стыдно!!!...

(разводит руками, всё ещё продолжая жестами реагировать на тот вопрос)
Вам не нравятся мои вещи - мои изделия??

(констатирует по услышанному)

...Нравятся. Ну так...

...Простите, не спрашивал, раз вы ещё не заказчики - поэтому не спросил. Простите, как ваши имена - отчества. Извините,

(обращается)

как Вас величать?

(повторяет услышанное)

...Николай Васильевич. Понял.

А Вас?

...Иван Сергеевич. Так.

(вдруг изумляется)

...Иван Сергеевич?!!!...

(вытаращивает глаза так, что специально показывает: уже был изумлённым, но стал ещё изумлённее. Восхищается.)

...Ух ты!! Как Гоголь с Тургеневым в гости в мастерскую ко мне зашли. Вот здорово! Вот представьте если бы...

(смеётся, качает головой. Качает и качает головой)

(обращается)

Николай Васильевич...

(но продолжить не может, снова смеётся)

Николай Васильевич! Чего это Вы, как сели, так и не вылезаете из моего кресла-качалки? И всё примериваетесь, да примериваете. И уже третий раз сказали: «...Некуда, ну некуда поставить, а то бы!...» Вы что думаете - я всё, что происходит здесь, даже спиной вижу и слышу.

(переводит взгляд)

...А Иван Сергеевич, пока мы тут баяли, все подсвечники одинарные перетергал. В руки брал, прямо перешупал, как любимых женщин...

(хитро, с пошлинкой смеётся. Бормочет негромко, как бы про себя. Впрочем и для всех.)

...Тут, щупает, «бё-о-дра» узковаты... Тут, ощупывает, «по-о-па» велика...

(в ответ на замечание)

...А чего мне стесняться!

(взмущается демонстративно)

Я, - когда это, конечно, к месту, - вывожу в своих изделиях женское. Я рисую его, иду от этих форм! В моих вещах - явно проглядывает. Поэтому вам и нравится. Поэтому вам и...

(делает вспыхивающим свой взгляд)

Кажется... Что, вот, вроде бы и ничего не видно, а что-то есть. Что-то тут есть ужасно знакомое. Ужасно притягательное... Притягивающее...

(искренне, от души смеётся)

Да и конечно!... Да и понятно что!...

(выслушивает)

...Что? Да не знаю, у каждого своя направленность. Что мне - мужское что ли рисовать?!

(негромко матерится)

Вот х...ю уж придумаете...

(делается брезгливым в лице, возмущённым, делается оскорблённым)

У меня с детства нормальная...

(тоном указывает на специфическое значение слов)

Традиционная... Нет - чугунно-традиционная!...

(помахивает рукой с сжатым кулаком)

Ориентация. Я мужчин не люблю.

(словом «не люблю» ставит жирную точку)

(долго молчит)

(вдруг хохочет)

...Ох и бабником, говорят, был один мой пра дед!... Ой-ёё!... Ни одной юбки не...

(обрывает себя, отмахивается рукой, как от роя ос или от мух, бросает, словно отрещивается)

Но я не таков.

(но тут же заливается смехом. Показывает мгновенно и вдруг, как стреляют глазами, как по сторонам стреляют глазками. Вздыхает.)

...Ой... Ёй... Всякое бывало...

...Ладно, давайте лучше про работу.

...Ну как вам объяснить...

(задумывается)

...Стыдно - не стыдно, другой лучше - я хуже... Взять себе работу - отдать другому работу...

(что-то обдумывает)

(начинает медленно)

Мастер - Мастеру...

(подчёркивает смысл дальнейшего ещё и тем, что отдельно, по слогам произносит слово)

Не кон - ку - рент.

(последним слогом, последующей паузой крепко вбивает точку)

(приглашает к размышлению)

...Я - один человек, другой - назовём его Сергей - другой... А Владимир, скажем, - третий. Мы не совпадаем, как люди! Поэтому!

...У нас разные таланты!

...И разные меры одних и тех же талантов

...У нас разные пристрастия!

И даже, если мы все начнём делать одно и то же, например, -

(оглядывается, оглядывает мастерскую, попадает
взглядом на один стол, потом на другой)

вот хотя бы - столы. Один заказчик пойдёт ко мне, другой - к другому из нас, третий к третьему. Чего ж тут непонятного?! Это - жизнь. Кто чего любит..

(пожимает плечами)

(обращается)

...Извините, вам по сколько лет?

...Ну, так, интересно мне.

...Пятьдесят и пятьдесят два.

...Мне? Зачем? Что вам это даст. Мне почти пятьдесят: сорок восемь.

(внимательно смотрит на лица)

...А-а-а...

(догадывается, машет рукой. Снисхождённо)

...Я так и знал - дедушку думали тут увидеть... С бородой... И бородатой мудростью. Старца. Может, Зосиму даже.

(выслушивает)

...Старца Зосиму? Из «Братьев Карамазовых». Романа Фёдора Михалыча...

(внезапно увлекается)

...Так ведь и Зосима! Прежде, чем старцем и старцем Зосимой стал, всем в жизни увлекался. А в юности, кажется, даже гусаром был.

Много дров наломаешь... Пока мудр-то станешь...

(делает винтообразные движения вверх рукой)

Да мне вообще кажется: мудрость иначе, чем через все страсти жизни и не приходит. Вот...

...Нет, нет и нет: не конкурент и не соперник Мастеру Мастер.

Изготовители друг другу -

(взвешивает, решает)

конкуренты. Предприниматели - конкуренты. А мы -

(отрезает решительно)

нет.

Там -

(как бы указывает на упомянутое только что, показывает
за стены мастерской, показывает: у них, там)

остаётся сильнейший. Да? Самый умелый! Самый находчивый! Самый умный, хитрый. Самый оборотистый, предприимчивый. И так далее.

Здесь остаются -

(обводит взглядом и жестом мастерскую)

все!

Все! И всякие!

Все, кто имеет что-то своё - все. Потому что. Не знаю почему.

(выслушивает)

...При чём здесь деньги. Да, один мастер будет зарабатывать тысячу рублей, другой - пятнадцать. Но при чём здесь деньги - мастерство, ремесло - это образ жизни.

(начинает философствовать. Показывает)

Вот, посмотрите на подлокотник кресла. Я его ТАК делаю. А, скажем, тот же Гусев в жизнь не станет делать таких. Скажет: ну!... Скажет: фигня. Скажет: как это - подлокотник точить, а потом верх сострогать?!... Глупость... Скажет, мне такое и в голову никогда не придёт...

(разъясняет)

Вот я вам и хочу это объяснить. Почему так скажет. Потому что он - другой.

...А вот ещё, возьмите морилки, морение. Вот знаю я человека -

(называет фамилию мастера)

морилки только сам варит. Сам - и никаких гвоздей. Не понравится заказчику цвет его морилки, - а у него всего-то их две или три, - значит, не его это заказчик. Значит и заказ этот не его, и ему не получить.

Скажешь: возьми финскую. Ответит: чушь! Вот так.

Я -

(показывает на себя)

морилки использую наши, российские. Водорастворимые порошковые. Иногда варю сам, варю из черёмухи, варю из ольхи. Иногда смешиваю свои с порошковыми.

Гусев применяет исключительно финские. И морилки, и лаки.

Почему? Что правильно? Кто правильной? Что верней?

(пожимает плечами)

Не знаю. Не-зна-ю.

И то, и другое. Просто, я, например, - да и видно же!

(показывает на большой стол)

Считаю, что наши водные морилки вы!-являют

(подчёркивает, акцентирует)

текстуру дерева. Про!-являют. Под!чёркивают.

Даже поверхность фактурнее делают, впитываясь. Даже грубят её. Когда, скажем, по ёлке.

А финские морилки, те скрадывают, затушёвывают. Я попробовал, мне это не понравилось. Я этого, для дерева, не принимаю. Они ложатся на! поверхность. Это не для меня.

И что?!... Это ни хорошо, ни плохо.

Мне!

(словом ударяет)

это не нравится. Это не совпадает с моим!

(ударяет)

отношением к дереву, с моим! его пониманием. Вот и всего.

(вдруг морщится. Говорит дальше морщась.)

...А есть ещё у нас деятель - новбытхимовские хлорвиниловые морилки и лаки начал применять в художественных работах, вещах.

(вскидывает кверху руки, поднимает вверх взгляд, говорит возмущённо)

...Все магазины сейчас ими завалены... А настоящей морилки - не найти, всё эта - хлорвиниловая. И кто эту дрянь догадался делать?!!...

Ну да...

(рассуждает сам с собой)

Быстро. Ну да - дёшево. То бишь - удобно? Ой, не зна-а-ю...

(качает головой)

...Но от неё же стаканчики из под йогуртов расползаются!... Хлопьями доньшки и стенки висят, когда нальёшь и дашь постоять... Разъедаются стаканчики, как корабли землян в фильме «Чужие» - кошмар... Кошмар не меньший...

И эту химию - в дерево?!!...

(ругается)

...Обос..ть тогда хоть надо сначала бедное дерево - легче ему будет -

(указывает на столешницу)

предварительно.

Шучу.

...Но ведь встают вопросы!...

(смотрит на присутствующих вопрошающе)

Какие?!...

А как эта морилка себя через десять лет поведёт?!... А через двадцать?!...

(вопрашает, впрочем, больше в пространство)

(трёт лоб и спрашивает уже себя)

...А через сорок? А через сто?

(продолжает дальше без звучащего раньше негодования)

Кто ответит?

...Он об этом подумал?... Взял, понимаешь, на себя ответственность...

(бурчит)

Я, так вот, побоюсь: не возьму.

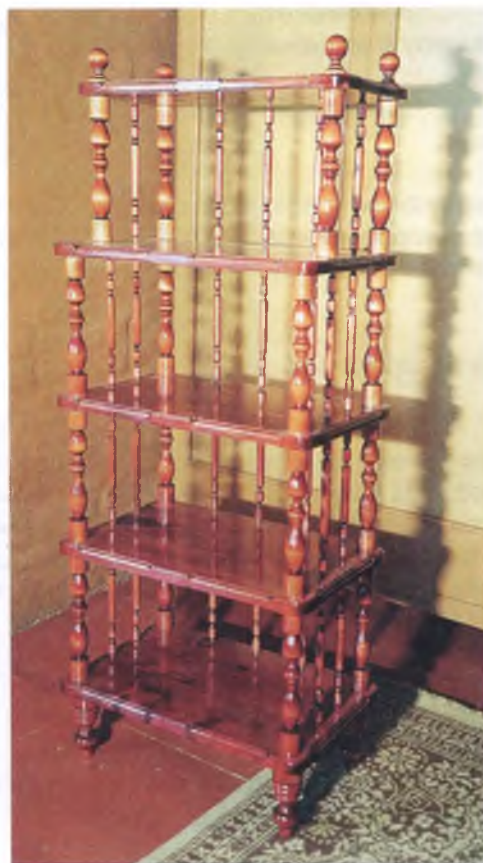
(встряхиывается, переводит разговор на основную тему)

...Я вам всё объяснил? Всё. Уже, кажется, и лишнее. Я вас, как заказчиков, не могу удерживать - это не моя работа.

...Да и не люблю я, надо честно признаться - по чертежам. Делаю, конечно, когда особенно нужно. Только в исключительных случаях. И в основном постоянным заказчиком. И - когда это новое моё изделие моим старым, моим предыдущим изделиям у них не противоречит.

Я люблю вещь - изделие - создавать! Я его выстраиваю, строю!

(выслушивает)

Что это значит? Сейчас...

(отряхивает руки, начинает помогать себе жестами)

Сейчас расскажу.

...Как-то мои заказчики - анastasийцы спросили меня, почти о том же: как создаю вещь - строю образ? Имеется ввиду строю мысленный образ, затем материализую его. Они же видят, что я не делаю чертежей.

Ну - с ними понятно: их хлебом не корми, дай образ построить...

Но это такие люди, которым хочется отвечать, я задумался. И вот что пришло.

...Нет я не создаю его умом. Я не строю предварительно образ будущего изделия - часто вообще не имею его. Даже когда уже приступил. А уж чертежей - помилуй бог - никогда не бывает. Для нового изделия, для нового. Созданные - потом зарисовываю. На память.

Часто бывает так: смотрю в пространство, пытаюсь понять свои ощущения.

Или смотрю на первую сделанную часть вещи, пытаюсь ощутить, какой должна быть вторая. Так возникает вторая. За ней третья.

А общий ответ поймал совсем недавно. Вот что я делаю, когда творю: я материализую поток своих ощущений. Понимаете? Я материализую поток своих ощущений.

Анастасийцы сказали: да... Вот это да... (Обалдели.) Образом, - сказали, - проще.

(выслушивает вопрос)

...Всё-таки до конца непонятно, почему от работы, от денег отказываюсь.

...Да нет, работа всегда нужна, заказы всегда нужны. Заказы лишними не бывают, работа лишней тоже не бывает.

(усмехается недоумённо)

(выслушивает)

...Да не торгуюсь я.

(уже с досадой, на грани раздражения)

Да зачем мне цену себе набивать - мне что торговаться?! У меня работы на полгода вперёд... И очередь по заказам на три месяца. И заказчики: наполовину постоянные, кто по много лет, наполовину - по второму кругу. Так что с ценами у меня так: сколько стоимость насчитал, какую цену сказал, столько и подали, все мой подход давно знают. Кто хочет торговаться, может пойти на рынок.

(выслушивает)

...Вот если бы я был предпринимателем, я бы, конечно, вас ни за что не отпустил, как клиентов. И как клиентов бы убажрал. А тут...

(выслушивает)

(показывает, что подбирает слова, размышляет)

Тут вот ещё что, вот ещё в чём дело: я предполагаю, что благодаря своему нраву, сделаю вам то, что вам не совсем понравится.

(поднимает глаза, смотрит глаза в глаза)

И зачем мне это?!

(во взгляде настойчивый вопрос)

Зачем мне потом, после моей работы, не доброе слово! А? Так? Не-ет, ребята...

(ёжится, как от холода или опасной неприятности,
потом перестаёт, распрямляет плечи)

Мне нужно обязательно только доброе. Чтобы то, что я сделал, только нравилось. И только добрые чувства вызывало. И чтобы только добрые слова за моей спиной звучали. Тогда только я себя комфортно чувствую.

Так что...

(разводит руками, улыбается виновато)

Мне не повезло...

(выслушивает)

...Хотите на память что-нибудь приобрести? А вот, Иван Сергеевич, возьмите солонку! Нравится?

(выслушивает)

(расплывается в улыбке, доволен невероятно)

...Я рад. Всё-таки выходит не зря я столько лет...

...Из чего она? Из ольхи. Это ольха. А вообще, могу делать из всех наших местных лиственных пород.

(выслушивает)

...Да-а, я работаю только с местными породами. Берёза, у меня, ольха, осина, черёмуха, рябина, липа, ива.

...Нет, ель и сосна тоже есть. Но для мебели и для пищевых изделий они не подходят.

...Ну так - берёте? Одну? Тридцать рублей.

(принимает деньги)

У Вас - пятьдесят... А меньше нет? У меня сейчас нет с собой сдачи, надо домой идти.

...Что? Сдачи не надо?... Простите, здесь не ресторан.

(кричит в глубину мастерской)

Коля! У тебя нет двадцати рублей? Или пятьдесят разменяй!

(подходит запыхлённый молодой человек лет двадцати пяти
в джинсовом костюме, в берете, под который от пыли забраны волосы.

Кивком здороваются, молча подаёт деньги, уходит)

...Вот, Иван Сергеевич, держите двадцать рублей сдачи.

...Что? Хотите заплатить за солонку пятьдесят? Но она у меня стоит тридцать.

...Что?

(смотрит болезненно, затем осуждающе, потом почти насмешливо.

Затем говорит. Почти возмущаясь, выказывая этим своё удивление
чужому непониманию прописных истин)

Как я могу взять пятьдесят за то, что по-моему стоит тридцать. Как?!...

...Так дать вторую солонку? Пожалуйста! Добавьте, пожалуйста, десять рублей.

...Нет, за пятьдесят я две не отдам, этого мало. Этого недостаточно, а свой труд надо ценить.

Если хотите оставить у меня свои деньги, возьмите две за шестьдесят рублей. Или три - за девяносто. От денег я не откажусь, что я - дурак, от денег отказываться?! ...Откуда знаю, что солонка стоит тридцать? Сколько стоит этот журнальный столик?

Знаю, считал.

Этот - полторы. Полторы тысячи.

...Рублей, рублей... Баксы в Америке. Но баксами возьму тоже.

(заливисто смеётся)

...И фунтами стерлингов, и марками. И песо... Но нет, песо и тугриками не возьму, лучше - евро.

...Сколько - кресло? Три с половиной это. Откуда я знаю? Так также, как и в других случаях: сделал, посчитал. Подсчитал - обычная калькуляция: время работы - зарплата, стоимость материалов, электроэнергии, отопления... И так далее, обычная калькуляция. Вот это лёгкое кресло-качалка и вышло три с половиной тысячи рублей. Причём, три с половиной - это именно ЭТО кресло!

(делает ударение, ставит акцент)

Другое подобное может выйти по-другому.

Могу ведь сделать похожее и на три тысячи, и на четыре, и на пять тысяч. Меньше двух восемьсот, пожалуй, нельзя.

(бурчит)

...На гвоздях тогда его, что ли... Сколачивать...

(выслушивает)

...От чего такая разница? Можно вложить меньше или больше труда.

...Верхняя планка у стоимости тоже есть. У этих кресел сейчас - пять с половиной - шесть тысяч. Выше, надо из рябины делать. Или резьбу применять.

(выслушивает)

...Нет, нет и нет!

(решительно отводит протягиваемые назад двадцать рублей.

И следующую фразу произносит холодно, почти высокомерно)

...Я не Ваш крепостной. Не надо здесь свои порядки устанавливать. Выйдете за мои пределы - там дело ваше. Там устанавливайте свои. В моей мастерской - мои правила. Иных здесь не будет. Или не будет меня. Точка.

(смягчается, переходит на обычный тон)

...Сами же сказали - не я это говорил: вас направили к Мастеру. Вот он вам и говорит:

(разделяет слова)

Не имеет права Мастер

(разделяет слова)

братъ пятьдесят за то,

(разделяет слова)

что по его разумению у него стоит тридцать.

...Взрослые же люди!... Внуки уж, наверное, деньги умеют считать! Чего непонятного?!...

(показывает, что удивлён)

(выслушивает. После услышанного поднимает бровь, разводит руками)

...Что?

...Да. Ошибиться в расчёте, в стоимости могу, бывает.

(смеётся)

...Я заканчивал «Бонч-Бруевича», а не финансово-экономический.

...Как Вы назвали фамилию? Про него не знаю.

...Что заканчивал Гусев? ПТУ. Профессионально-техническое училище по столярному профилю.

(смеётся)

...Поэтому у него и руки лучше и денег больше. И прибабахов меньше в голове.

(отмахивается)

...Да перестаньте!

(отмахивается уже вяло и добродушно)

...Перестаньте вы меня деньгами соблазнять. Человек слаб, чёрт упрям - могу соблазниться.

(вытягивает из подаваемых дополнительно двадцати рублей одну бумажку - десять рублей, протягивает, отдаёт назад. Подаёт вторую солонку.)

Так вот, чтобы закрыть тему. Я могу ошибиться в расчётах. Но не могу ошибаться в деньгах, не имею права. Деньги штука хитрая, и подлая даже. Дай им волю, они тебя быстренько под себя подомнут! И будешь делать их. А не то, что хочешь. В моём случае - не вещи. Так что, тут надо выбирать. Или раз и навсегда выбрать: либо ты мастер, либо бизнесмен.

...Есть ли у меня патент? Есть. Не так это сейчас называется.

(силится, вспоминает)

...Вот уж назвали, так!... Шерхебель легче вспомнить, хотя сто лет уж им не пользовался... Как его!... А, вот - свидетельство о предпринимательской деятельности.

(выслушивает)

...А-а... Вот вы куда клоните... Да, по бумагам я тоже предприниматель.

Но это же название меня государством. Государству хочется называть меня предпринимателем, бизнесменом - бога ради. Раз получаю доход, значит предприниматель. И плачу налоги.

Но зря оно так, ей-богу, зря. Мастер, ремесленник - это иное. Меня даже в нашей налоговой инспекции предпринимателем не называют.

(садится за стол, начинает с жаром объяснять.

Видно, что разговор задел за живое)

Государство берёт с меня деньги - налоги, пускает на разные нужды. Что ж, нужно. В том числе, на культуру берёт, на развитие культуры.

(долго смотрит то в одну точку, то в другую. Наконец,

погасив возмущение, говорит, не обращая конкретно ни к кому)

...Думаю, на своём уровне я, мягко говоря - намного эффективнее вкладываю деньги в развитие культуры. А фактически - у меня все деньги на это уходят.

(поясняет)

Это завуалировано, этого не видно. Но мастер тем, собственно, только и занимается, что зарабатывает деньги и тут же вкладывает их в культуру.

...В чём разница между мастером и предпринимателем, бизнесменом? Оба получают доход? Да.

Но при этом предприниматель делает деньги. Мастер делает вещи. Предприниматель вкладывает новые деньги, свободные заработанные деньги в расширение своего дела, в получение новых денег - деньги делают деньги. Мастер вкладывает новые деньги в новые вещи. В их появление, отработку. В их линии, размеры, пропорции - в гармонию.

(встаёт, отходит от большого стола, берётся за журнальный столик)
Я о прибыли начинаю думать тогда только, когда

(подчёркивает)

вещь делать закончил. А не когда её планирую.

А предприниматель, а бизнесмен

(разводит руками)

по моему разумению должен поступать ровно наоборот! Иначе ведь он проговорит мгновенно?!

(подходит к столику, приседает, держится руками за столик.

Присев перед ним)

Когда его начинаю, думаю только о нём. Купят, не купят, сколько заплатят, столько - не столько, нисколько, столько, половину столько, четверть столько...

(отбивает, как небольшой мячик рукой)

Меня не волнует. По барабану. И не должно волновать.

Он мне нужен!

(тыкает в стол)

Он МНЕ нужен!

(тычет себя в грудь)

Лично мне. И больше никому.

А вот когда сделаю, когда вышло, тогда оценю. И оценю, и стоимость посчитаю.

(выслушивает)

...Бывает ли, что не выходит?

(раздумывает, соглашается)

...Бывает. Но в другом смысле. Как вещь, функционально, выходит всегда. А вот сделать так, как хочешь, как видишь - вот трудно. Сделать его

(покачивает столик)

так, таким, как я хочу его видеть. Вот это трудно. Очень трудно.

(распрямляется, показывает на стол)

Вот, пока что удалась только столешница. В столешнице уже всё хорошо.

(машет рукой)

...Путаю я вас, чувствую, ой, путаю! Когда я говорю, всё хорошо, это значит - в смысле всё отработано, мне всё нравится.

(нагибается, приседает)

А вот, смотрите - вот ножка с опорами и окончаниями. Сказал Николаю:

(показывает, кивает в сторону молодого человека, стоящего вдалеке у станка)

вот тебе «моя ножка», точи с неё. Изменишь
(указывает места на ножке)

здесь и здесь.

(выслушивает)

...Зачем? Да как же - я же её делаю! Вырабатываю, творю.

(заметив, что не понимают)

Отрабатываю! Как проще сказать - создаю!

...Ну вот, Николая выточил. Выточил всё, как ети. Но я вижу, что я! ошибся.
Ошибся, пошёл не туда. Не-ту-да...

(размышляет негромко)

Сочетание новых элементов выглядит плохо.

(выслушивает)

...Что? Красиво?

(качает головой, отрицает абсолютно)

...Ну-у... Что вы... Какое же это красиво - смазливо.

...Да это же просто ужасно, это полная ерунда! Заблудился я. И выйти не могу.

(туманясь смотрит на ножку)

(в ответ на высказанное присутствующими вскипает)

...Вы не видите.

Вы не видите, а я-то - вижу! Я-то вижу! Я же вижу! Не видел бы - проще
жить было...

Вижу. И что мне делать?!...

(выслушивает)

...Да, я согласен.

(успокаивается)

...Это очень хорошая бытовая вещь. Это хорошая добротная бытовая вещь и не бо-
лее того. На большее - на Вещь - она не тянет.

Вот и всё - полторы тысячи рублей по работе и всё тут. Берёте? Столик де-
лался без заказа. Свободный.

...Что там, на верхней полке? В пакетах? Подсвечники. Трёхсвечовые.

...Почему в пакетах, зачем их в пакеты?

(смеётся)

(ёрничает)

Прячу!... Чтоб без спроса не смотрели!...

...Вот-вот, точно: за показ деньги платят.

(делается серьёзным)

...Да шучу, конечно. Я их только для того и делаю, чтобы на них смотрели. Для чего
ещё подсвечник?

...Нет уж, сниму, раз разговор зашёл.

(ставит стул, встаёт на него, тянется к полке,
снимает два изделия в пакетах. При этом рубашка сбивается,
из-под воротника выбивается и поблёскивает тонкая серебряная цепочка)

Вот.

(ставит пакеты на стол)

Смотрите.

(понижает голос, говорит медленно, тихо; благоговейно.
Благоговейно разворачивает, снимает пакеты.)

...Смотрите, смотрите - это настоящая вещь!

(под целлофаном оказываются два трёхсвечовых подсвечника сантиметров
тридцать высотой из какого-то необыкновенного дерева.

Рисунком текстуры дерево больше походит на камень - янтарно-жёлтый камень с
коричневыми, тёмно-желтыми, чёрными разводами.

Элементы фигур подсвечников: ваза, колокольчик, капелька, тарелочка.

Поверхность дерева матово блестит, лучше сказать - светится.)

...Я их называю «Берёзка». Это условное название.

...Начал делать потому что из берёзы. А ещё: чем-то неуловимым они для меня на берёзку походят.

Я, кстати, начинал вообще именно с подсвечников. Может, потому что люблю свечи, их горение, огонь... А может, потому что самым доступным станков оказался - токарный.

...Но первые мои подсвечники были!!... У-у-у-...

(берётся за голову, изображает, как в унынии воют)

Как колоды. Толстые, невнятные.

(разводит в изумлении руками)

Что тот мастер хотел сказать?!... Бог его знает. Непонятно.

...Когда я их приносил в художественный салон, мне деликатно так, говорили: конечно... свечи в них ставить... можно.

(произносит, повторяет то, что ему говорили, растягивая окончания слов)

Снеси-и-те их в магази-и-ин. Вот тут есть хозя-а-йственны-ый, за уго-о-ом.

(смеётся от души)

...И было это...

(закидывает руки за голову, устремляет вверх взгляд, мечтательно улыбается)

...Всего каких-нибудь полтора десятка лет назад. Когда я оставил уж всякую иную работу и занялся своим...

(вдруг сбивается, удивляется, беспокоенный, - подыскивает слово, формулировку. Найти не может. Тогда говорит)

...Призванием-делом.

(выслушивает)

...Что? Да нет, пилю-то и строгаю лет с шести, наверное. Раз первый палец распилил в семь лет.

(усмехается снисходительно)

...Но это же просто так - все чего-нибудь пилили и строгали, вот и я. Так у всех, наверное, было.

...Сильно ли распилил? Да-а уж... Отметка на всю жизнь. Да вот, посмотрите.

(убирая руки из-за головы, потягивается, протягивает вперёд левую руку, показывает пальцы. Три средних пальца изуродованы: на указательном крупный шрам, у среднего и безымянного недостаёт первых фаланг.

Ногтей, соответственно, тоже. Одёргивает рукав и воротник рубашки, которые сбились. Под светом электрической лампочки снова взблескивает на шее цепочка.)
...Два-то средних пальца - это потом... Года четыре назад...

...Эх, жаль те подсвечники проданы все, надо было хоть один оставить - в назидание себе! Чтоб знал: чем, на каком основании пытался считать себя талантом!... Совершенно беспардонно.

...Что?

(несколько секунд недоумевает оттого, что резко сменили тему разговора)

...А-а! Цепочка зачем?

...Нет, для украшения на шее ничего не ношу, не женщина.

(фыркает)

На руках тоже.

...Крестик на ней.

...Крещёный, крещёный.

...Какой? Что, какой.

(смотрит великонедоумённо. Даже с осуждением. Даже, словно его задели)

...А каким ещё? Может быть по-вашему. Русский мастер.

(выслушивает)

(затем поддакивает, кивает всякому слову ответа в такт головой)

...Верующий, православный.

Я - крещёный.

(пожимает плечами в ответ на следующие вопрос и слова)

...И надо ли это обсуждать?!

Это лично каждого дело...

(берёт в руки один из подсвечников, поднимает вверх, ближе к источнику света.

Приглашает посмотреть на текстуру, затем - на очертания, фигуру.

Затем то же самое проделывает с подсвечником другим)

...Посмотрите, какая интересная текстура. Вот этот подсвечник, жёлтого тона - из берёзы. А другой - из рябины.

Но они не просто из берёзы и рябины!... Из берёзы и рябины, выдержанных в коре.

А там

(кивком головы указывает на полку)

ещё - из ивы, из черёмухи, ели, осины, ольхи, яблони, тополя.

Форма у них всех одна - форму я с год как отработал и завершил. Лет десять шёл к ней. Уж поблужда-а-ал... Уж покружи-и-ил... Но - потихоньку, помаленьку... Шаг за шагом... Год за годом...

Сделаю очередной подсвечник, который самому понравится, поставлю на полку. Сразу не стремлюсь продать. Пусть постоит.

...То на уровне глаз, то ниже, то выше. Работаю, хожу, смотрю. Пока новые ощущения не придут, не трогаю. Придут, осознаю, что дальше делать, куда двигаться - берусь, делаю.

(показывает, что чешет в затылке)

...Научиться творить, оказывается, тоже наука!

(взглядывает вопросительно)

Да?

...А завершал так. Всё основное однажды понял, всё основное - сложилось, остались малости. Оставалось только точить, да мелочи в элементах менять. И друг к другу части подносить и рассматривать. В разных сочетаниях, в разных вариантах. Смотреть, как всё целиком смотрится. Точил и пробовал.

...Аж руки задрожали, когда в очередной раз - составил подсвечник, собрал его целиком и увидел: вот моё!

...Целую неделю до этого, кажется, точил да примерял! Подсвечников на-творил!!!!...

(показывает жестаи груди)

(замолкает)

(потом - самозабвенно и благоговейно)

...И вот возник - ПЕРВЫЙ...

...Я его даже склеивать не стал. Почему? А потом копировать с него, с отдельных частей, удобней. А ещё для того, чтобы было не продать. Чтобы если в сторону отклонись, так потом было как к основной форме вернуться. Тут ведь так!...

(усмехается)

Бывает, настолько удачно под настроение сделаешь, что потом, при обычном настроении никакими силами не повторишь самого же себя.

...Да и не нужно каждый раз на износ работать. Я теперь эту форму всю жизнь буду повторять. Форма одна - дерево всегда разное!

Буду элементы её деталей отрабатывать. А потом элементы элементов.

(выслушивает)

...Как? В профиль подсвечники напоминают ещё и крест?

(смотрит на подсвечник, задумывается)

...Странно другое: не вы первые мне об этом говорите. Признаться, и не я сам первым заметил.

Я вообще раньше над этим не задумывался, просто делал свою форму. Я её сделал, теперь...

(жестом обозначает: что вышло, то, мол, и вышло)

(возвращается к рассказу о возникновении формы подсвечника)

...Ну вот, - форма и в основном, и во второстепенном была закончена, оставались ещё мелочи. Их уже подмастерье доводил. Как? Что? А вот, скажем.

(показывает на подсвечник)

Изгиб тарелочки. Чуть-чуть-чуть...

(берёт карандаш, водит им, как указкой)

Или форма капли. Капля должна быть каплей. Это должна быть - капля! Висит! Готовая сорваться!...

...Так что Коля тоже неделю точил. У Коли руки получше, когда надо что-то повторить, в точности повторить, повторить и изменить чуть-чуть.

Я ему объясню смысл, он выточит. Составим. Прикину. Скажу: нет, это не туда, давай попробуем иначе. Он снова выточит. Снова составим. Получится. И так далее. И так по всем элементам.

(смотрит, зачаровываясь, на подсвечник)

...Да-а... Свечи стоят... Воск течёт... А вот - застыл... А вот течёт!... Воск, стекающий в чашу... Под чашечкой колокольчик... Из колокольчика, как набат - капля! Из колокольчика вытекает капля... Три чашечки - три ветви, и все три - на основании: колоколе!

...Верите ли, совсем недавно взял в руки, поверяя ещё раз форму - посмотреть, как я сейчас её чувствую? И неожиданно открыл для себя: сверху донизу линия фигуры под руками, когда ведёшь ими, течёт, как волна! Я так удивился!!!...

(выказывает безмерное удивление)

...Я так удивился!... Смотрю и не могу понять: боже мой, это что?! Это что же: я создал?! Боже правый!...

...А дерево что вытворяет! А какой рисунок у дерева!...

(улыбается, как ребёнок)

Уж, кажется, каждый день оно перед глазами, ан нет: снова взгляну, снова заморозило.

(улыбается, улыбается)

(выслушивает)

...Говорите, может это камень?

(улыбается снисходительно-добродушно)

Да нет, что вы - это дерево.

(выслушивает)

...Разводы, как рисованные? Я нарисовал?

(насмешничает)

...Ага!... По ночам. Пока никто не видит, с карандашами сижу, заперев двери покрепче.

(жестикулирует)

...Да если бы я так умел рисовать!... Как говорят преферансисты - жил бы в Сочи!...

...Да разве можно такое нарисовать человеку!? Не-ет, ни я, никто этого не рисовал, это само дерево такое. Только природа такому способна.

(вдруг улыбается хитро)

...Но я ей помог...

(начинает рассуждать)

Ведь что есть берёза? По древесине, имею ввиду. Однотонное жёлтое дерево. Однотонное, жёлтое. Ну, сучки есть, что ещё?

Откуда тогда, спрашивается, у моего подсвечника такая текстура? Все эти разводы разные, линии? Видимо, всё это в берёзе есть!

Я заметил, когда берёза в лесу упадёт, начнёт гнить, мощнейшая текстура проявляется. Те, кто доски пилит для продажи, называют - сухая гниль.

...Но линии быстро переходят в чёрные. Хочешь поймать светлые - ищи иголку в стогу: в лесу такое дерево.

Можно найти сухостоину. Можно то, что упало, но загнить ещё не успело. И всё равно найдёшь с чернотой только.

Первое время я и искал. А теперь сам делаю. Я его...

(показывает, как подталкивают, как осторожно,
как аккуратно подталкивают)

Брёвна привезу из леса, уложу под навес. Как? Есть мелкие премудрости. С год брёвна полежат.

Через год кору кусочками сниму - залысины сделаю. Снова сложу. Дерево теперь начинает по настоящему сохнуть.

Через год ещё поокорю. Перенесу брёвна в холодный склад. Ещё через год - ещё. И - в тёплый.

Через полгодика их надо в тёплом складе перебрать: перевернуть, переложить, ещё поокорить.

Три-пять лет - и можно в работу.

А рябина, та - лет пять-шесть-семь, по уму, требует.

(выслушивает)

...Что?

(хмыкает, отмахивается)

А куда мне спешить.

...Жить?

(пожимает плечами)

Так я и так живу!

(возвращается к рассказу, к теме)

...Вот, потом берёшь, выпиливаешь кряж, делаешь срез.

Как сделаешь срез!!!...

(мотает, как оглушённый, головой)

...Так и ахнешь... Как картина!... Ну - картина!... Ей богу, картина. Вот картина!...

...Боже ты мой, думаешь - вот чудо твоё передо мной!

...И к чуду этому причастен я. Вот где чудо!...

...То волну увидишь, то ветер!... То пашня коричневеет!... То дорога стелется. А то - морские буруны.

...Ага. Теперь и вы увидели... Теперь понятно, что за кусок дерева и зачем он стоит тут на полке.

(рукой указывает в сторону)

...Что на нём? Да не знаю я!... Каждый видит своё, по-своему. Но все говорят: земля, за землёй - река, над рекой небо. Говорят, так.

...А дома у меня вообще целый пейзаж висит! Правда, та картина составная, из трёх досочек. Две нижние - берёза, верхняя - осина. Так там даже солнечный свет в проёме туч есть! Ах...

(смолкает, видимо воскрешая что-то в памяти, представляя, переживая)

...Отчего подсвечники стоят? Отчего стоят здесь? А куда я их дену...

Это вещь такая... Выставочная. Дорогая. Надо в Питер или в Москву везти.
...Берите, если так нравится!

(выслушивает. Хмыкает.)

...Как бы не так... Ещё чего - двести-триста рублей...

(называет цену)

(услышав возглас, смеётся)

...Вот и я о том же... Поэтому и стоят. А меньше!...

(разводит руками, при этом как бы и оправдываясь)

Меньше нельзя.

(ненадолго задумывается, бормочет)

...Но, думаю, и я о их стоимости, настоящей, не всё знаю, и стоят они гораздо больше - гораздо больше... Чем я сейчас оценил.

(встряхивается)

Вот и стоят. Ждут своего часа. А может, своего человека... Некогда мне с ними бегать, наваливать их, продавать... Иногда продаются. Придёт черёд, сами продадутся, моё дело - сделать.

(показывает, что вспоминает)

Уже не раз так бывало

...Вот как-то - давно это было: сделал я набор из сухостойной ольхи. Я тогда ещё сам дерево не готовил, ходил в лесу каждый раз искал. Искал, естественно, сухостойное - из сырого же нельзя делать. Набор такой был: самовар, чашечки с блюдечками, вазочка, подсвечник. Да - на самоваре чайничек был! Как бы заварочный. Красивый набор вышел, мне нравился.

Ладно, постоял он у меня, я налюбовался - дальше куда? Никуда...

(пожимает плечами)

Что я с ним - ходить буду?! Купите, люди добрые...

Три года этот набор у меня стоял! Теперь дома у профессора...

(называет фамилию)

педагогического института стоит.

(выслушивает)

...Нет, чай пить из него не получится.

(берёт в руки с полки деревянные чашечку и рюмочку)

...Да вообще-то, можно!...

(смотрит вопрошающе)

Мы же иногда вино из них пьём!... И всё нормально!

...Я больше люблю пить из черёмуховой рюмки - черёмуха свой аромат и привкус горчащий древесины своей всему сообщает. Ну а Николая предпочитает рябиновый бокал - он у нас эстет, этаким «игорь костолевский»...

...Кто - Коля? Рабочий? Работник? Нет.

(последнее произносит не как отрицание, а как опровержение)

(выслушивает)

...Тогда и я: рабочий, работник.
...Нет, конечно. Вернее назвать его: подмастерье.
...Нет разницы? Есть разница...

(хмыкает)

Причём, не какая-нибудь, а огромная.

...Зачем мастеру подмастерье?

(задумывается над ответом. Вдруг хохочет. Сквозь смех выговаривает)

...А сами и спросите!...

(кричит)

Коля! Коля! Оторвись на минутку!

(подходит тот же молодой человек с резцом в руке)

...Коль! Николай Сергеевич, зачем...

(неожиданно начинает говорить в манере Генерала из фильма
«Особенности национальной охоты»)

...А вот скажи мне, Николай Сергеевич. Зачем мастеру?! Подмастерье.

(молодой человек внимательно взглядывает на мастера, молчит.

Видимо что-то зная, решает в каком ключе требуется сейчас ответить)

...Ну, хорошо. А ученик? Зачем мастеру! Ученик. Скажи тогда это. Вот ты был не-
которое, - недолгое, впрочем, - время, учеником.

(молодой человек вычисляет, наконец, стратегическую хитрость
за бесстрастным тоном Генерала и, приняв на мгновение армейское положение
«смирно» бодро выговаривает, почти выкрикивает - впрочем, держа себя
независимо: «Ученик мастеру, гм, затем, чтобы, когда мастер трезв,
за водкой ему бегать. А подмастерье мастеру затем, чтобы когда мастер пьян,
сопли ему утирать». Выговорив, - выдав «на гора», - внимательно
взглядывает на мастера, разворачивается и, не заботясь о церемонии, уходит.)
(все смеются, молодой человек, оглянувшись, прыскает, качает головой)

(просмеявшись)

...Да ничего смешного! Подмастерье, - и ученик, сначала, - во всём смотрит на ма-
стера, подражает мастеру.

...Не знаю, что здесь, что при этом важнее: по жизни или по работе. По всему. Ма-
стер живёт своей работой!

(выслушивает)

...А откуда бы тогда взяться новому мастеру?

Нет, лучше сказать, не новому - следующему мастеру!

...А мастеру - кому свой подход передавать? Рабочему? Который только ра-
ботает. Сегодня работает, завтра - ушёл в другое место работать, на другую работу,
где больше платят...

Кому передавать свои приёмы, способы, открытия, навыки, хитрости,
взгляды, знания... А?

...Но главное, я считаю - подход! Подход к Делу. Это ведь, как род! Не мо-
жет род прерваться, а потом снова начаться! Так и здесь: мастерство - как род! Нака-
пливается всё сотнями лет. И каждый в роду важен.

...А прервать можно - быстро и легко.

...Вон, к примеру, большевики у нас какую х....

(ругается матерно)

сотворили... Тысячи родов прервали!... А сколько мастеровых родов?! А учёных?! А просто хороших труженических?! Кошмар...

...Я! За десять лет! Только ещё!

(выговаривает всё разделяя, всё с ударением)

Только ещё!!!... Цикл! Полный, настоящий цикл работы в мастерской с деревом! Установил. Закруглил, зациклил. То есть, от леса, от дерева в лесу - до готового изделия.

...А формы вещей?!

(поднимает вверх руку и потрясает рукой, а потом и обоими руками)

А формы вещей я ещё только-только начинаю устанавливать, понимать!

Ещё десять лет - и дойду до понимания. И закреплю. И затем кому-то передам.

То есть, нужно ещё, чтобы кто-то попался мне на моём жизненном пути такой, который вещи, формы понимает также, как я!...

Откуда он возьмётся? Из кого? Только из подмастерьев.

...Вот это

(говорит так, будто говорит о чём-то глубоко личном, своём) и будет наследник. Вот ему всё это и

(показывает рукой кругом, даже поворачивается кругом)

передам.

И вообще отдам... Потому что мастерская - это не собственность! Это ответственность, обуза!...

(задумывается и добавляет)

...Да. И вообще отдам, без разницы - родной будет, неродной будет... Возьмёт на себя всё, продлит в мастерстве мою линию, потащит всё - бога ради, бери! Повезёт - родной сын наследником будет. Это будет здорово, это мечта!

(сошуривается, смотрит жестко, начинает о другом)

...Или вот. Сижу я, кроплю! Здесь! У себя, в своей личной - и собственной, конечно! - мастерской. Скажем, лет пятнадцать - двадцать. Когда безумно много уже наработано!... Когда у меня много уже и в уме, и в сердце - я же не по чертежам, я же по чувствам, по ощущениям всё делаю!... Когда много уже и в кошельке - я же вкалываю целыми днями день за днём пятнадцать лет! Пятнадцать лет!...

...И создан уже целый пласт культуры!...

...Приходит ко мне, как всегда у нас, в России, какой-нибудь чин от государства, и объявляет. Например. Ты платишь мало налогов. Будешь теперь платить больше. Или намного больше. Или - будешь работать от городской администрации, а не от себя. Или придёт такой: с лысиной Ильича, личиной Зюганыха и оскалом Анпилова. С винтовкой и красным бантом.

(выслушивает. Отмахивается раздражённо)

...А-а-а!... Не знаю... Не верю... У нас в России всё возможно...

...Богатенький? - скажут. Да, скажу, не бедный. Не голытьба.

Какой же я бедный, если я по двенадцать часов в день два десятка лет не кривыми руками вкалываю?!... Да пару подмастерьев буду иметь. Да потом и работники возникнут... Да один-два-три ученика будут...

...Ну и всё, скажут мне: плати! Расплачивайся! Поделись с бедными!

...И придётся мне уже не мастерством заниматься, а денежки заколачивать. Чтобы и на свою жизнь заработать, и культуру своих вещей поддерживать, и ещё ту-неядцев содержать... Вместо мастерства - зарабатывать, заколачивать деньги.

...Или - костыли в шпалы... На новом БАМе...

...И всё!...

(разводит руками)

И - всё! Линия прервалась!

(потрясает руками)

...За десять лет! Только-только можно цикл замкнуть, создать!

(трясёт руками, потрясает руками над головой)

Вот что я вдруг увидел! Вот здесь какие масштабы времени! Какие длины!

(глядит сосредоточенно, почти печально)

...И при этом всё время знаешь-понимаешь, что опустить всё в нашей стране могут в небытие за пять суток и пять минут. И жалко не будет.

(выслушивает)

(мнёт зубами губы, явственно кусает губы)

...Вы умом думаете. А мне - мои гены говорят. И говорят они мне только одно: не доверяй никакой российской власти.

(замолкает)

...Так вот... И жалко не будет... Всё оборвётся. ...Как ведро упадёт в колодец...

(обозначает резкое падение резким махом руки)

Уу-у-у-х!... - и нет его.

...Шарь потом... Следующий... За тобой пришедший... Нашаривай снова...
Всё тоже самое ищи... В этой невообразимой глубине...

(присев на край стола, выговаривает всё это, как жалуясь.

Будто жалуется - тихо, печально)

...Нет уж!

(поднимается, встаёт на ноги. Отрезает решительно)

Пусть моё ведро висит на колодце. И пусть им следующий черпает.

...Как поёт Розенбаум: мы умрём, чтобы пели другие поэты.

...И я ещё успею попить. И попить. И напиться.

...О чём это я? А вы не поняли?!

(страхивает какие-то опилки с колена, страхивает, смахивает.

Становится насмешлив.)

...Да о вине, конечно!

(выслушивает)

(возникает пауза)

(после. Очень тихо.)

...Что-о-о?!... У вас с собой есть настоящая «Хванчкара»?! Грузинская?! И!...

И-и-и-...

(перебегает с одного предмета на другой взглядом, не знает, куда деть руки, топчется на месте. Не знает, как спросить, не решается спросить)

...И куда вы её -э-э-э-э...- планируете?

(услышав ответ, улыбается)

...Выпить, конечно?

(спохватывается, снова улыбается)

...Да-да, конечно! Что я такое говорю, куда же её ещё. Выпить, конечно, с хорошим человеком.

(принимает подаваемую бутылку)

...Мне?!... Такую вещь я?!... С удовольствием!

...Ну! Раз вам не жалко!...

(ищет глазами что-то, находит сухую чистую тряпочку, бережно протирает от лаковой пыли, от сциклёванных бритвой ленточек лака поверхность большого стола)

...Вот здесь и!...

...За настоящее вино!... Душу не продам, но десятину её - уж верно.

(жестом приглашает к столу)

...Нет, стол не испортится.

...Нет, этот заказчик не обидится.

...Кому такой стол? Одному хлебосольному человеку.

...Очень богатому? Новому русскому? Да перестаньте!... Как с ума все походили от вида стола!... Человек очень хотел иметь такой стол, он его заказал. Он год со мной рассчитывается, год мне деньги подаёт понемногу, пока я делаю. И ему удобно, и мне. Каждый так может.

(снимает с полки три деревянных стаканчика, расставляет на столе.

Откуда-то в руках возникает штопор. Откупоривает бутылку, разливает вино. Разглядывает бутылку.)

...Бог мой - настоящая «Хванчкара»! Настоящая грузинская, ей богу!... Настоящая, а не эта мутота из под Твери...

Настоящее вино - это вещь!!!

...Что? Как и этот стол? Вот спасибо...

(донельзя довольный оценкой, качает головой)

...Сравнить мой стол с настоящим грузинским вином - это, конечно, великая похвала... Великая похвала...

(повторяет то же ещё несколько раз, всё тише)

...Что у стола за толщина? Сантиметров десять? Да-а, не просто так такая толщина. Я считаю, у настоящего стола такая должна быть толщина. У нас даже уговор с за-

казчиком был - в шутку, конечно, в шутку! Чтоб - хоть пировать, хоть плясать, хоть спать на нём. Ну и вот... Доски - на торцы посмотрите! Из целиковых брёвен пилены! Одна доска - одно бревно. Брёвна - пять лет сушки.

(налитое вино под тост « За мастерство» выпивается.

Стаканчики наливаются снова. Далее разговор идёт за наполнением стаканов и распитием вина)

...Заказчик, видимо, хороший человек? Раз я его так хвалю.

(качает головой)

...Я этого не знаю, трудно мне сказать. Он - из мира политики и бизнеса, вряд ли руки его чисты.

(спохватывается)

...Да в нашей стране никакой капитал вообще не делается честно!

...Я хвалю заказчика, а не человека.

(задумывается, сосредотачивается, как бы выводит)

...Знаете, у меня такой взгляд. Неважно кому!

(подчёркивает «кому»)

Я делаю.

Неважно у кого!

(подчёркивает «у кого»)

Будет моя вещь стоять.

Мне - неважно: у хорошего, у доброго человека или...

(жестом, неопределённым взмахом руки как бы обозначает всё остальное)

Для меня - почти нет никакой разницы.

Важно вот что. Я. Своей работой. Действую на мир. Этого человека.

Если мои вещи! Стоят в его квартире! Я вношу в неё свой мир.

Воздействую на этого человека. Влияю. Передаю что-то своё ему.

(показывает глазами: вот такие дела!...)

...А ещё - я участвую во всём этом нашем мире, в создании его! Влияю на него. Вообще влияю на весь этот мир!... Вношу в него своё!...

(колеблется)

...Я думаю - доброе, красивое. Вечное.

...Моё дело - делать! Делать и делать.

Рассуждать о сделанном - куда его, кому его, что его, как его... Рассуждать-размышлять, пусть размышляют размышлюны.

(сморкает, слушает)

(выслушав, показывает, что озадачен. Трёт нос, трёт лоб, морщит лоб.

Чешет затылок, показывает, что - «скребёт в затылке»)

...Как стать мастером? Да пойти училище окончить, да работать!...

...А-а-а... Как стать - Мастером? О-о-о!... Это вопрос. Я не знаю.

(но колеблется. Как бы раздумывает: стоит ли говорить. Смотрит. То испытующе на присутствующих, то отрешённо - в себя. Думает. Раздумывает, колеблется. Видно, что ему хочется что-то рассказать, да он колеблется - нужно ли, стоит ли, поймут ли присутствующие)
(наконец)

...Но за таким вином! Да за таким столом!...

...Ежели так интересуется!... Наговорю.

Думал об этом. Само как-то думается. Поймёте?

(выдерживает паузу. Смотрит на стену, сквозь стену, смотрит куда-то под потолок. Просит налить ещё вина. Начинает издали)

III. Хмельные мысли :

...Знаете, рискну отрицать: Мастер, Мастерство не рождаются из знаний и умений.

...И поставив задачу научиться отлично что-то делать - не важно что, неважно в какой области: шить, вязать, рисовать, строить, строгать, точить, варить... Только этому и научишься.

Рискну утверждать: Мастер, Мастерство приходят в мир вместе с младенцем. Но могут «спать». А развиваются у человека из трёх главных посылок. Искр?... Ощущений?... Данностей?... Талантов? Чувств? Да, что-то такое... Каких? А вот каких.

Удивление!

Восхищение!

Жажда, потребность творить, потребность создавать.

...А вот - откуда, как, почему возникают они в человеке?

Сказать невозможно. Можно предполагать. Можно погадать.

По-моему это либо - да-но, либо... Либо - не-дано. Ни научить, ни научиться этому нельзя, невозможно.

Тогда откуда? Дано от рождения? Дано от Бога?

...Конечно, о свойстве «научиться» можно спорить. Да. Можно. Наверное.

...Научиться приёмам, навыкам, научиться замечать прекрасное!... Можно даже добиться того, что человек начнёт замечать его самостоятельно!... И даже воспроизводить!...

И даже вос-про-из-во-дить.

...Но самому творить своё!... Как научить?!?!...

...Как научить неподдельно! Искренне! Как это делают дети! Или - как старики: радуясь каждому следующему жизни дню!... Нет! Не замечать! Другое!... Удивляться! Восхищаться! Любить! Хотеть его - хотеть творить!

...Иногда меня спрашивают: «Как Вы сотворили такой подсвечник?» Варианты: кресло, карниз, шкаф, занавесь... «Вы где-то учились?»

Да - в институте радиоэлектроники... Потом работал на заводе. ...А как сотворил?

А самый верный ответ будет: а бог его знает!... Так получилось!... Так получилось и всё тут.

Не знаю. Может удивить хотел себя? Может, хотел что-то, хоть что-то создать? Создать такое, что мне нравится? А в жизни такого не было? Искал, да не встретил? Вот и решил, что должен.

...Однажды ко мне приехал человек. Заказчик. «Конкретно» приехал. Ему, «в натуре», требовались балясины. «Ну, типа».

Я его провёл туда, где у меня висели образцы. И где стояли разные готовые изделия.

...Там, например, был рябиновый трёхсвечовый подсвечник с умопомрачительной текстурой! Там висела картина, - она у меня дома сейчас, - созданная самой природой: пашня, вода, солнце...

Человек повёл взглядом по мастерской, упёрся взглядом в нужную ему балясину, заказал, сколько нужно. Уехал. Я пошёл по делам.

Пошёл, что-то делаю. Какое-то странное ощущение не покидает!... Что такое?! Не могу понять никак: что я такое чувствую?!

И только когда собрались за чаем, - и я привычно залюбовался деревянной картиной - неописуемо это всё: игра линий, цветов, тонов - как всё сложилось в рисунок?! Как это - картина природы?! Вот когда я понял! У меня даже вырвалось непроизвольно: «Ребята! У меня сегодня знаменательный день: сегодня я впервые видел слепого за рулём!...» Сразу отмахиваюсь от обвинений: фильм «Слепая ярость» не в счёт...»

...Но ведь слепой был у меня! Да? Но ведь слепой приезжал! Так? Был слепой. Слепой приезжал на машине. Раз так, значит, слепой был за рулём. Ведь так, а?

...А ведь человек смотрел, проходил по всему взглядом... Я видел: он цепко пробежался взглядом по всему. Он смотрел! Но ничто не задело душу. Как так?!...

...Итак! Поэтому я говорю, вот первое: Удивление.

Удивление.

...Сколько помню себя, - а с детства! - с детства и до сих пор не проходит у меня необъяснимое удивление перед тем, что вот, лежит бревно, свалена куча обычных досок, валяется деревянная упаковка от мебели... Человек берёт это, берёт инструмент, что-то задумывает и!...

Вот тебе, свет божий, полочка! Хлебница! Подсвечник, столик, стол, шкаф, дом...

...А ты смотришь - как это?! Ты смотришь, как бы сопоставляя: что было, что вышло, что стало! Понимаешь, конечно, умом. И всё-таки - никак не понимается до конца! Не понимается до конца никак: как это?! Откуда? Как это вот выходит всё?!

...Вот это чёрное, с гнилой уже корой, бревно - это изяшный столик?

...Это, как у Окуджавы: «...Как умеют эти руки эти звуки извлекать!... Из какой-то деревяшки! Из каких-то грубых жил. Из какой-то, там, фантазии, которой он служил... А ещё, ведь, надо в душу к нам проникнуть и зажечь...» ...И как это происходит? Здесь какое-то таинство! Здесь что-то невероятное, удивительное!

...Кажется, уж теперь я сотни раз его прошёл. Все дороги известны. Но само чувство не проходит до сих пор.

...А вот второе слагаемое: Восхищение.

...Не знаю почему, не знаю и - отчего, меня всегда восхищало то, что сделано мастерски. И до сих пор, и до сих пор... И некоторое своё... И сейчас...

...Неважно, что именно: шито платье, заломбирован зуб, заасфальтирована до-

рога, написана книга, рассказан анекдот, устроена цветочная клумба, обрезаны яблони, спаяна плата, написана компьютерная программа... Сработано что-то из дерева.

Казалось бы, работал с электроникой, с компьютерами. То есть, как кажется многим, - с самым совершенным, что придумано человечеством. Что может быть изощрённей, виртуозней, сложней, филигранней?... Ан нет, всё не так - есть штуки более сложные.

...И вот! Идя по городу! Мог, забыв обо всём: остановиться и разглядывать! Как говорится - пялиться! На какой-нибудь старый... Обветшалый дом. И готовый рухнуть - балкон этого дома... И на наличники... И на двери... Какие там бывают двери!!!... А какие там бывают балясины!...

Смотришь на такой дом и чувствуешь: сё - творение! И чувствуешь: это строение совершенно!

...А вы разглядывали когда-нибудь старую, старинную кровлю? Видели, как всё продумано до мелочей?

Однажды я залез на чердак брошенного - боялся ещё, как бы он не рухнул вместе со мной - двухэтажного, лет ему сто пятьдесят, дома. Там на стене была табличка металлическая - год постройки - но я не смог её рассмотреть, изржавела. Залез я посмотреть, поглазеть: таки, как же устраивались кровли?...

...Ну я вам доложу!... Снизу, с чердака смотришь, видишь: всё железо - все листы кровли! - по сути сгнило. Всё в дырочку. Всё проржавело. Но листы стоят! Стоят!!!... Держатся! Служат! Боже мой! Продолжают исполнять! Кровля продолжает выполнять назначенную ей функцию.

Листы - они не оторвались. Не загнуты ветром. И доски обрешётки продолжают стоять. Не провалились, хотя местами сгнили. О! Кто-то чувствовал, как надо устроить всё. Вот Мастер. Завидую, жутко завидую.

...Старые вещи, старые мастера... Они не торопились. Это по крайней мере. ...Даже, если работали топором.

...Кстати, о топорности. Электроника тоже может быть сработана по-топорному. А может - изящно.

...В вещи, сработанной Мастером, всегда есть чудо. Форм! Пропорций! Замысла! А в вещи из дерева - ещё и текстуры, фактуры, осязаемости поверхности и пород!

Но, но, но... Удивляться и восхищаться, скажу я вам... Можно без конца. А кроме охов и ахов из этого ничего не выйдет. Разве что от большого восхищения кто-то сподвигнется создать одну вещь. Так... Так сказать, на волне. И всё.

По-моему, для того, чтобы постоянно создавать, творить, делать - причём, делать и создавать не из-за денег, не для заработка, не из-за необходимости заработка! - нужен постоянный напор изнутри человека. Потребность постоянная. Жажда!!!...

Да, вот оно - жажда! Постоянная! Как постоянная жажда в пустыне. Как желание - пить и пить! - у алкоголика. Хочу! Жажду! Без этого мне - никак. Кажется мне, термин этот «жажда» подходит здесь более всего, так понятнее.

...Так мы в обыденной жизни обозначаем нашу потребность в воде. Физиология!... Что поделает - свойство организма. Это мы хорошо изучили. Пить нам будет

хотеться всегда, не перестанет никогда. Умрём, если перестанем пить. И это понятно, всем это понятно.

...Вот так и с потребностью создавать. Как желание пить, неудовлетворённая, она переступает все барьеры, рушит, переступает все законы. Жажда сердца она?

...И почему ещё очень похоже на жажду. Сделал что-то, удовлетворился. Проходит день, другой, третий... Мысли завертелись снова, заходили кругом, заходили вокруг какого-то предмета. И по твоей воле, и без, и против твоей воли. Начинаешь обдумывать, начинает хотеться сделать и!...

...В конце концов берёшься за инструмент, берёшься подбирать инструмент, начинаешь делать. Что ты делаешь - а? Что. Что?! Вещь? Стол?

Да, конечно.... Но нет конечно! Удовлетворяешь свою жажду!... Чего? Созидания.

...При этом, тебе всё равно, тебе совершенно неважно, какой у тебя имеется инструмент. То есть, какие у тебя средства, какие возможности изготовления. Например, есть электрофуганок - слава богу, будешь строгать им. Нет - будешь строгать и выстрогаешь всё, что надо, ручным. Есть шлифмашинка - считай, тебе повезло! Нет - возьмёшь брусок, кубик поровней, обернёшь наждачной бумагой и будешь шлифовать так.

Умения! Приёмы! Навыки! Первоначально не играют ни-ка-кой роли.

При чём здесь руки?! Я хочу сказать - при чём здесь умения?! Это - потом. Если ты что-то делаешь постоянно! Да упорно! Да служишь тому, что делаешь! Умения придут, возникнут навыки. Инструменты всякие появятся.

...А потом, кстати ещё - с какого-то момента сделанное тобой люди начнут покупать. Изготовленное, у тебя начнут покупать.

И ты приобретёшь более хорошие инструменты, потом ещё более лучшие, потом ещё, потом приобретёшь электроинструмент, потом станки...

...А ещё ты приобретёшь известность! Ты станешь нужен!

И твоё занятие начнёт тебе вначале просто материально подмогать, затем - кормить, потом - полностью обеспечивать. И так далее.

...Но всегда. Если ты - мастер! Твоим процессом создания. Возникновением твоих изделий. Будет руководить не потребность в деньгах - отнюдь нет! Потребность, жажда выражения себя! Потребность, жажда созидания! Творения! Творчества!

Без неё!!!... Ты простой исполнитель. Зритель! Работник. Имеешь её - ты режиссёр. Она делает Мастера, она!

...И многое...

...Кстати, она не всегда приятна. Порой жестока, резка. Что-то делаешь, забываешь о других своих потребностях, других интересах, интересах своих близких, пренебрегаешь ими...

IV. Мечтательное окончание :

...Они страдают. И вообще... (болезненно морщится, машет рукой)
...Вот я сегодня: вместо того, чтобы стол... (указывает на стол,
на начатую илифовку)
...Завершить. Да на последний раз отлакировать. Да поскорее сдать работу, да
денежку за неё получить...

(глядя себе под ноги, потом в сторону.
Потом как провинившийся школьник)
Взялся за настенный подсвечник. Приспичило, блин... Ей богу, ведь - как дитя... А
один дядя, Толя...

(указывает на стол, обозначает, что имеет ввиду заказчика)
ждёт стол. Стола жаждет! (подтрунивает, смеётся)
(выслушивает)

...Что? Что мы пьём на нём? Нет, не обидится. Посмеётся.

...Откуда узнает? Да я сам расскажу! Когда стол сдам и историю его буду рас-
сказывать.

...А что такого?! Столу от этого только прибавится, только лучше! (смеётся)
(возвращается к прерванному разговору)

...Вот как устроено всё!... Да...

(В мастерскую входит молодая женщина лет тридцати
с ребёнком на руках. Затворив дверь, ставит мальчика на пол,
поддерживает его, вместе идут)
(Мастер мгновенно разворачивается в их сторону, вскрикивает,
широко улыбается. Улыбается!)
(выслушивает)

...Что? Такой маленький первенец? Да нет...

(мгновением печально)

Первому уже двадцать...

(начинает спешить, бросает взгляды по сторонам - смотрит:
всё ли сделано, смотрит, что не сделано, что убрать,
что оставить. Раскланивается)

...Всё. Всё, жаль. Пришли звать меня на обед. Всё, поехали, отвезу - провожу к Гусе-
ву. Сделает он вам «стенку» - мечта! (вслушивается)

...Что? Послушайте, нельзя же так едва знакомым людям сразу!... (бормочет)

...Мечта, мечта... Есть ли у меня мечта... (поднимает взгляд)

...Только вам... Только за прекрасный разговор-вино...

(выслушивает, кланяется)

...И вам спасибо.

...Была у меня мечта -

(указывает на мастерскую, поворачиваясь кругом)

вот она, вся.

...Есть у меня теперь только мысли, желания - даже целая душа желаний!...

Есть такое желание: переработать по-своему все, какие возможно, какие у нас есть вещи из дерева. И дать им свои формы.

Научиться печь настоящий хлеб. Дожить до ста тридцати - ладно, по крайней мере, до восьмидесяти. Передать всё - мастерскую - следующему. Сделать гусли.

...А насчёт мечты!... «Голубой мечты розового детства...»

(уголком губ мечтательно улыбается)

Вот ему бы -

(указывает на мальчика)

мечтательно всё передать.

(уголком губ мирно улыбается)

А более!... Всё у меня для жизни - то есть, для любви и творчества - есть, всего достаточно. Чего и вам желаю».

ЯЗЫКИЦА

1.

Мы с моей бывшей женой очень похожи. Я бы даже сказал: схожи, как близнецы. (Мы «Близнецы» и есть.)

Есть известная аксиома: люди, прошедшие бок о бок множество лет, становятся подобными, похожими. (А супруги, дожившие вместе до глубокой старости, говорят, имеют подобие даже в лицах.)

У нас с моей «бывшей» (простите за сей жаргон) - всё не так. (У нас вообще всё не как у людей.) Мы уже родились одинаковыми! (В один день, в один месяц. Правда, в разные года. В подобных друг другу городах, - конечно, у разных родителей.)

Встретившись однажды (столкнулись на вечеринке), мы едва взглянули один на другого (была большая дружеская толпа), как уже знали: вот это - самый здесь интересный для меня человек! На всякий случай один раз проверили. (Церемонясь потанцевали.) После третьего, наверное, короткого разговора уединились для выяснения взглядов и намерений на кухне. После, наша жёсткая установка друг на друга быстро повела нас к последней степени доверительности. (Постели.)

С тех пор, как мы разошлись, мне всё хочется кое о чём рассказать.

Зачем? Понять самому.

О чём? О нашей поразительной разнице при нашем головокружительном сходстве. Но сперва о себе. И вот по чему я пройду.

2.

Я - мастер, это кредо.

Отторгнутый городом (и сам исторгшийся из него), - этим безумным скоплением людей, где каждый куда-то бежит, где все спешат, - а суть жизненных движений есть потребление, вожделение, деньги, слава, власть, - и попираание себе подобных, - где закон совместного колыхания людских потоков и масс - мысленных, эмоциональных - подчиняет себе настолько, что из него не вырваться, - никому, никогда, - одно время я мечтал уйти (и затворить себя) в монастырь. Но моя мечта - не о молении богу! Но я - неверующий (был, есть): зачем я там? Но я люблю, - нет, не так, - но моё кредо не только в особенном отношении к жизни (я творю; даже деньги приходят из творчества (по дереву)), но в любви ко всему, что составляет жизнь. Вот так.

Когда хочется поёрничать, я говорю: я как вечно студент - помните песенку? «...Они курят, и пьют, и на бога плюют, и ещё кое-чем зани-ма-ют-ся...» И я занимаюсь ВСЕМ! (Что составляет жизнь.) При любой возможности. И я бы установил платиновый знак восклицания (с рубиновой звездой на его лице) монументом сей фразе о себе. И себе, как сей фразе. В её не урезанном цензурой и правилами хорошего тона классическом конце!

Я думаю, судьба благосклонна к жаждущим и творящим. Результатом моих «плачей Ярославны» по своей «горькой судьбе» было то, что она («за шкирку») привела меня сюда. И теперь я живу в шикарном старинном особняке. Он бревенчатый, он высоченный. С моей помощью - двухуровневый, со стороны кажется - двухэтажный. Теперь, когда я вложил в него пять лет упорнейшего беспросветного (но изобретательного) труда, и пять ... денег, многие разевают на него роток. Они говорят, он достался мне даром. Но... (Странно: отвык хамить.) Но извините, вежливо (научился) отвечаю я, когда я его брал, он был не нужен ни-ко-му.

Он находился в глуши, бездорожье, он был окружён какими-то кучами (битый кирпич, битое стекло! Что здесь творилось - «битва на Калке?»), он стоял в луже (по колено в воде!). Столетнюю липовую аллею местные деревенские дроводелы пустили в трубу (на дрова), пруды в форме двуглавого орла сквасили. (Теперь это болото.) Всё было разграблено, опустошено, брошено.

Я всё поднял. (И себя.)

...Я поднял всё. Теперь это мой дом. (Моя крепость, мой монастырь. Да?)

Разведясь во второй раз, я решил больше никогда не жениться. (Ну да - зарекался цыган лошадей не воровать.) Иногда я знакомлюсь, иногда интересные особы подолгу нравятся мне. (Наверное, и им я.) Так или иначе, я не давал повода Господу Богу ограждать меня от женского пола. (Хотелось сказать - от счастья.) Я молил отгородить только от толпы. (От - умников, снобов, праведников, руководителей, завистников, ханжей, мздоимцев, подлецов...) Короче, я просил его оградить меня от людей.

Когда мои друзья (тут я имею в виду тех из них, кто стали верующими) спрашивают меня, пытаются меня о моём истинном отношении к вере, к Богу (почему-то им всё кажется, что я прячу своё истинное, сокровенное лицо, ведь видно, мол, «вооружённым глазом»: я заключил себя в монастырь и служу!), я смеюсь: ей-ей, я скоро пове-

рю в Него. Поверю, поверю! Поверю, потому что - я хотел, я мечтал, я трудился, мне удалось. Они поправляют: далось, а ты внял и взял. (Мол, дал Он, а ты только понял Его.) Я не противлюсь: далось, не возражаю. Другие мои друзья иногда в шутку упрекают меня: ты вовремя «оторвал» себе дом!... (Нашёл способ купить, то есть.) Считай, купил ты его за бесценок. У тебя сильно развита интуиция, теперь за такие деньги, если только сарай возможно купить! А ты купил рай... Я и тут соглашаюсь.

Да! Моя жизнь (для тех, кто любит её всю, а не только тот лишь узкий объём, который заполняют деньги и удовольствия) подозрительно напоминает рай. Особенно сильно я чувствую это по моим интересным особам.

Порой мне кажется (я подозреваю): моя очередная подруга ездит сюда уже не ко мне. Нет! Она ездит любить... (Как бы это выразить?) Здесь всё! Всё!!! (О, неблагодарная.) А я (здесь), - и я здесь для неё абсолютно то же (ни больше, ни меньше, для неё - равно), что тенистый пруд, обступленный берёзами и липами, или теремок - баня с терраской, - с крыльцом, после трёх шагов от которого входишь в песчаный омут - мягкую водицу завернутого в пруд лесного ручья. Или картины и графика Саши Немировой на стенах моей гостиной, и огромная русская печь, на которую, уже не стесняясь после второго пришествия, уединяются нежиться с домашней булкой за щекой, чашкой с кисельными берегами и книжкой в руке. (И напрасно я бросаю призывные взгляды: «Не понял - а я?!...») Вот те раз: печное тепло милее?!...) Или тёмно-жёлтый свет абажура над двуспальной кроватью, нежный мужчина... Благоухающий чистой кожей, такими же намерениями и терпким вином... И!!! Ни-од-но-го! -любопытствующего, завидующего, занозистого, подлого, нежелательного, недоброго - ни души! Шторы можно не закрывать! - никого рядом. На сто пятьдесят метров по радиусу: чис-то-га! (От посторонних людей и их мира. ВСЁ вокруг в Объёме мира по данному радиусу - только - намолённое и вымоленное - моё!) Сеттер в доме и волкодав (на самом деле добрый в душе, но я резонно молчу об этом), порывающийся в сад.

И от моих трудов весь здесь мир - мир.

Какие они странные - они эгоистки, эти интересные особы! - они приезжают именно к этому всему! Как будто я - только фиговый листок. Удавшегося откровения.

Но было ли бы всё это?! (Здесь.) Без меня.

3.

Хватит. Мне уже не по себе: что я всё о них, да про них! Можно подумать, я только ими и занят. И не люблю себя. Продолжу о себе.

Как и все, я не лишён недостатков. Например, я не люблю авто. Кой бес выдумал удовольствие садиться за круглый баран и пялиться на дорогу?! Куда лучше автобус. Автобус это мой ритм, мой ритм - плановость, созерцательность, вбирание.

Я одеваюсь по погоде и иду к остановке. Двадцать пять минут? Ну и что. А сколько тех же единиц я бы убил на отпирание, открывание ворот гаража, залезание под капот, смотренье в какие-нибудь стёклышки, дырочки, точки? (Не дай бог шупать гайки...) Ну уж нет! При необходимости я могу повести и КАМАЗ, и трактор, и даже танк. Но ещё никто не смог убедить меня в том, что мне в моей действительности позарез необходи-

ма автомашина. Для чего? Для дела? Мой заказчик придет ко мне сам. Мой стол (шкаф, комод, этажерку, кресло...) заберут по первому звонку. Зимнюю дорогу (ко мне, к дому) я прокладываю и расчищаю, подняв перед грейдером руку. (В руке 100 рублей.)

Всё, никаких гвоздей: моя личная легковая автомашина - рейсовый автобус.

Он - ностальгия, выводящий неунывную мелодию об одной ноте, старый добрый «Икарус». Он заранее оповещает меня о своём приближении: за несколько километров, воспевая свой маршрут тянущим задним мостом. Я жалею, что «Икарусов» совсем не осталось на моих дорогах, везде бесшумные комфортабельные «Мерседесы» и «Вольво». Никто из них не поёт.

Из точки на карте (где автобусов ожидаю я) - из укрытия от дождя с кукарекающей надписью «Великий Устюг - родина Деда Мороза» (километров тысячу до него) до Вологды - восемьдесят, Ярославля - сто двадцать. До столицы - четыреста, Питер - он всех далее: с пересадкой ехать с вечера до утра.

Ещё есть райцентры. До ближайшего ярославского районного центра двадцать километров, вологодского - двадцать пять.

Одни реки текут отсюда к северному полюсу, другие к южному. Я живу на стыке. Здесь водораздел, стык. (И я «стык» и «водораздел»). Наверное, оттого меня трудно понять.)

Я люблю свою остановку. С ней связаны тысячи воспоминаний. Помню, зима, мороз - хватает и щиплет, отмораживает всё, что голо. Провожая Машеньку, - бунинская ситуация, - все чувства ещё остры, мы всё целуемся, автобуса нет, мы целуемся... И она чуть мне не отдалась.

4.

Три дня назад я, как исправный, совершенно послушный налогоплательщик, решил отдаться родному государству. Поехал в райцентр, к которому приписан. Поехал выяснить и уплатить налоги за третий квартал и, если таковые случились, отдать долги. Налоговая инспекция, пенсионный фонд, центр занятости, соцстрах, медстрах... Подумал: везде заодно пройду, поболтаю, поболтаюсь, - я всех, и все меня, знают, город небольшой. Заодно развлекусь: узнаю городские сплетни. Что-то домыслию, что-нибудь спровоцирую. Что-нибудь вычислю, проверю свою интуицию.

Хотя уже нет необходимости, по привычке, выработанной десятилетиями, привык всё знать - в людских дебрях, как в лесу: постоянные жители должны распознавать, понимать каждый шорох. Иначе не миновать проблем. Постоянно идёт игра «Кто кого обойдёт». И люди хитрее зверей играют в жестокие, на выживание, игры. Некогда участвовал в таких и я. Теперь - нет. Но на всякий случай в своём городке привык знать всё. (Дурная привычка.)

Ступая в него, - будто входя из автобуса, - я подумал (совпали несколько обстоятельств, возник ключ к ячейке памяти, ощущений и возникла ассоциация): когда-то вот так же я стоял у лобового стекла «Икаруса» и при подъезде к автовокзалу уже высматривал. Её! И она... Завидев меня, она махала! (Стояла, поджидала, запаздывала, нетерпеливо шла!...) Она меня ждала. Год знакомства и год совместной жизни. И всё. Она здесь, я там. Где сегодня она?...

...Я вздрогнул: она бежала навстречу мне! Я чуть не выскочил из автобуса, но опомнился: да что это я!... Конечно же, она не ко мне.

Всё та же торопливая походка, всё также спешит, и от этого у неё чуть подпрыгивающие шаги.

Она бежала прямо ко мне! Я схожу с ума?! Нет, повернула - уф, пронесло...

Наши чувства остыли, как на морозе чай. Мы видимся иногда. (И оба обожаем чаепитие!) Но мы гурманы: ни один из нас не станет пить перемороженный чай. Мы не потребляем старую - нет! Мы каждый раз заварим новую! - заварку.

5.

Я вышел из автобуса и как раз пересёк путь её.

Она: - О! Привет.

Я: - Привет.

Она: - Как дела?

Я: - Да ничего дела! А у тебя?

Она: (скривилась и махнула рукой) - А!...

Я: - А что так.

Она: - Да!...Бывает... Ты чего приехал?

Я: - Да вот...

Мы оба остановились. Ей явно хотелось со мной поговорить, я это почувствовал. И ещё что-то... Но что? Непонятно.

Тогда я начал глубокомысленно объяснять ей: куда и зачем. («Внедрялся».)

Она глубокомысленно отвечала:

- А-а-а...

Она явно о чём-то усиленно думала.

И я спросил:

- А ты чего здесь?

(Я решил выждать.)

- Домой... Ходила домой - бумаги забыла, ночью отчёт составляла. Ой... - Она потёрла глаза. - Не вы-ыспалась!...

- Теперь это называется отчёт... - не зная, что предпринять, ввернул я старую шутиливую банальность.

(Надо же что-то говорить, пока она «дойдёт»! Мне, после моей вычищенной жизни, ужасно любопытны городские сплетни. Кстати, чего только не наворотят и на меня в этом городе.)

- В самом деле отчёт.

Она строго взглянула на меня. И... (Вот оно! Начинается!) Прищурилась.

- ...А ты... Если к своей... То её нет сегодня. Она уехала. С классом на экскурсию. В Кириллов, на три дня. С мужем, с Юркой, можешь пока пообщаться...

(Вот это удар!... Хук слева разине. У меня аж потемнело в глазах! И, как говорят, в зобу дыханье спёрло!)

Я прикрыл глаза (на секунду), задержал вдох (восстановить заударявшее не в такт сердце). Конечно, таким образом я однозначно выдавал себя. Но чего скрывать, раз она знает? У нас с ней не принято. К тому же, чему стесняться: мы свои...

Но - как?! Откуда?! Когда?!?... Т. была у меня всего один раз. Это первое! Была вот только: позавчера. Второе! Я - лопухнулся с Т. А ведь был абсолютно уверен, был убеждён, что она не болтлива - третья. (Но всё равно: с такой скоростью слухи не-рас-хо-дят-ся! Странно.) И ещё: самое противное! Значит, Т. обманула меня: сказала - разведена. (Я не встречаюсь с замужними женщинами. А умникам на вопросы отвечаю по-деревенски: а непошто. На самом деле мне нравится открыто смотреть всем в глаза.)

...И самое последнее - я вляпался в ... по самые уши: мне сейчас идти к Юрию, уточнять платежи по медстраху! (Фонд обязательного медицинского страхования.) А я не смогу - ни посмотреть ему в глаза, ни пожать руку. И...

Нет, самое последнее другое: я только что потерял классную подружку! Жаль. Всего жаль.

...Я осторожно, медленно выдохнул. (Как после удара в солнечное сплетение.) Восстановил дыхание. Взял её под руку. (Она внимательнейше всё наблюдала. Но я и не скрывал.)

- ...Ну и откуда?...

- ...А!... - обрадованно вскрикнула она. И удовлетворённо констатировала: - Значит, я не ошиблась! А то были сомнения.

И ехидно ухмыльнулась.

И это был уже второй удар мне за последние две минуты.

- Тьфу, чёрт!... - произвольно вырвалось у меня. - Какой я болван!... Старею... Теряю форму. (А про себя: ну ладно, милая, - сыграем.) - Какой же я бол!...

Я без стеснения постучал себя по лбу. Раз, и два. И... (Стоп, этот стук уже лишний, сейчас вляпаюсь! Нет, - ура! - не заметила.)

- Ну надо же так лопухнуться!...

(Вам, наблюдающим за происходящим издалека, я всё сейчас объясню, подождите. Или нет - пока подгадывайтесь сами. У вас есть интуиция?)

- ...Что за болван! Прос-та-чок... Как ты?!...

Я наваливал слово на слово, слова на слова, - я усиленно петлял, делал прыжки, скидки, - шёл след в след по своему обратному следу: я думаю, редко встречается столь расчётливый заяц. Я составил такой коктейль, в котором за десять минут (пока я с ней) не разберёшься. Что? Нагромождая слова на слова и крепко держа её под руку, я её «вёл». «Вёл, уводил». И как можно дальше уводил её от автовокзала. Когда я (как бы случайно, забывшись, не рассчитав) «выгляну из-за куста», она тотчас спросит. И тогда - я дам ей по хвосту! А - мсть! Вишь, лиса патрикеевна! Возомнила.

Наконец, мы были у городской площади. Мимо проходили люди, здоровались то с одним из нас, то с другим - город небольшой, в «светских» кругах все всех знают.

Мы уже только мило болтали. Пора расставаться.

...Нет! Всё-таки первой не выдержала она! Женское любопытство...

- ...Ну и как Т. тебе?

Я прикинул для себя, что крючок сидит достаточно глубоко, рыба не сорвётся. И проронил:

- Я, в отличие от неё, не распространяюсь о своих...

Я договорил взглядом. (Мы понимаем друг друга.) И продолжил:

-...Слушай, раз ты знаешь, расскажи - интересно: откуда ты знаешь...

- Что?

- Да брось... Что она... Моя... Ну - что была у...

- А почему это тебя интересует?

- Ну как это - почему?!...

Я делано оживился.

- Видишь ли, мы ведь только что познакомились. И встречались всего дважды.

Она тут же всадила в меня взгляд - пику, посоображала. Решила:

- Хм, верю.

Я молчал, ожидая. (Я понимал, что просчитывает она, она понимала, что это понимаю я. И жду её решения.)

-...Раз в городе, - продолжил я, и указал на сей город. - Да раз у меня, «в деревне». Ты не можешь этого знать. Никто не знает! От-ку-у-да!... Т. трепачка? Вот чего я боюсь и чего хочу знать

Я, (намеренно) чуть суетясь, помахивал руками, жестикулировал пальцами.

Она дерзко прищурилась и стала сверлить меня.

(Тут проходящий мимо очередной знакомый - то был молодой человек, судя по одежде, какой-то «белый воротничок» - чуть отлично от иных прошедших её знакомых поздоровался с ней. «Здравствуйте... (имя - отчество)». Ей пришлось оторваться от смотра только на меня. Она среагировала на него, на наносекунду «ушла в себя», ответила ему. Он прошёл, она посмотрела на свой ноготок, что-то нашла на нём, чего-то отёрла. «Вернулась». И опять дерзко смотрела.)

- Так мы играем... - глубокомысленно покивал я.

Она утвердительно... Она дала утвердительный ответ. Бровью.

Я сделал вид: думаю!

(Если бы мы сидели сейчас за столом, я бы даже принял позу роденовского мыслителя.)

Мой лоб пошёл складками. (Я нашёлся: пусть я буду толстовский Билибин. «Движения этих морщин составляли главную игру его физиономии. То у него морщился лоб широкими складками, брови поднимались кверху, то брови опускались книзу, и у щёк образовывались крупные морщины».) Мой лоб покрылся складками, глаза подёрнулись пеленой.

Выждав положенное (по моему разумению) время (чтобы совсем-то уже не обидеть её - всё-таки женщина) я...

И тут мне сделалось скучно. Скучно! Бог мой, чем я занимаюсь... Я!... Каждую минуту дома стремящийся положить на созидание, творение!!! По-иному вздохнув (она мгновенно насторожилась), я бросил:

- Давай не будем дальше играть, а?... Я всё понял ещё пятнадцать минут назад.
Она недовольно фыркнула.

- ...Ну и ...

(То есть - откуда, как?)

Я спросил:

- Что - вытягивать всю цепочку? Зачем.

Она ответила:

- Мне интересно. Жизнь здесь, - она кивком указала на город, - скучна.

Я пожал плечами. (Бедные люди.)

- ...Не тяни.

- Как знаешь...

- Давай - давай...

Мне пришлось сконцентрироваться, так как последовательная разумная цепочка обычно всегда бывает очень длинной (разум, в отличие от ощущений, чувств, охватывает всё долго, и обычно с пробелами), а выстроить, показать просили логично.

Для начала я тоже... Шлёпнул её. (Не смог удержаться. Как не позлорадствовать!)

...-Ты просто видела её на автостанции...

Вот это бомба!... Фугас под неё!

Если бы мы сидели за столом, она б отбила себе ладошку - так (хак!... по-чапаевски!) рубанула воздух!

-Тьфу!...

(И меня по фамилии.)

Ну ты и...

(Дальше почти нецензурное.)

А я-то думаю: чего это он меня тащит прочь, всё дальше и дальше от автовокзала!... Какая дура!... Как я сразу не догадалась!...

Она была почти в ярости - в весёлой.

- Да. Не догадалась. В «Что? Где? Когда?» ты бы не вышла в финал, - осмелился уколоть я. (Она - «Тигр».)

Она сверкнула взглядом «заткнись, а то укушу!»

И тут же попереступала, как козочка:

- Ну - хитрец!...

Она решила:

- Ну, давай- выкладывай дальше.

- Тебе?! - недоумённо шевельнулся я.

Возникла пикировка взглядами, пауза.

- ...Но ведь скучно?! Тебе - скучно.

(Поясню. Я сказал: скучно мне выкладывать тебе, ты и без объяснений всё уже поняла, враз поняла.)

Она посмотрела мне в глаза.

Мы посмотрели друг другу в глаза.

Она согласилась.

(Всё-таки мы с ней абсолютно одинаковы. Мы даже родились в один день! Только не в один год. Только у разных родителей.)

Её взгляд всё объяснил мне, я замолчал.

Но объясню вам. Вот примерная цепь.

Она опять что-то дома забыла (терпеть не могу подобные привычки, и эту; а когда-то, меня влюблённого, она умиляла). Забыла, и опять бегала с работы домой. Она то-ропилась, проходила через автовокзал, было десять утра, когда в мою сторону из этого городка отбывает проходящий междугородний автобус. Она увидела это женщину - Т. Мгновенно обьяв всё разом (начиная с времени года и положения в стране), - сегодняшнюю одежду Т. и её обычное одеяние, сегодняшнюю сумочку и обычную сумочку, время дня, день недели, маршрут автобуса, - а она сама ездила ко мне когда-то, - время обратного возвращения автобуса вечером - 17.10, как раз конец рабочего дня, - присо-вокупила все дела семейные Т., её любвеобильность, - и так далее, и так далее, и тому подобное - право, не во все тончайшие оттенки мышления грубым инструментом языка, имеющего звуковой алфавит всего из 33-х букв, хочется влезать, - она разложила все кнопочки мозаики на доске. И увидела, что выходит интересная картинка.

...Поджав губы (как внимала), она слушала, кивая (то есть, поддакивая) всем моим словам. Она всё-таки вынудила меня длинно и про всё говорить.

Но я закончил, а она - нет: она ещё чего-то ждала.

Я всполошился:

- Что?! Что!... - почти вскричал я. - Я что-то упустил?

Она, явно торжествуя, кивнула.

Вот крах!... Чувства мне отказали, пришлось браться за ум. Вот когда он заработал отчаянно!... Раз. Два. Три... Чёткое последовательное перебирание и прошёлкивание всех вариантов - шахматный компьютер. Но моя лихорадка ни к чему не привела.

Я сдался.

Она позволила добродушную иронию:

- Эх ты...

- Сдаюсь, сдаюсь - говори.

...- Во-первых, я специально проверила расписание автобусов: не ошиблась ли я.

Я отмахнулся:

- Это неинтересно - это техническое действие, так...

- Но главное, я специально прошла через вокзал в пять часов. Когда приходит автобус. И убедилась: она вышла из него! Значит, она откуда-то вернулась. Значит, куда-то ездила. Вопрос: куда. В Ярославль? Возможно. Для дураков. Для меня - один процент вероятности.

А по её фэйсу - уж такой она была сияющей!... - просто противно было на неё смотреть...

(Ничего себе - ревность?!...)

- ...Вся изулыбалась! Кому?! Но только шаг из автобуса, масочку на лицо!... Деловая женщина.

И-и-и!... Тогда всё па-а-нятно.

Я сделал непроницаемым лицо.

- ...Но опять-таки: всё-таки это была просто догадка. Так!... Версичка...

А вот когда ты закрыл сегодня глаза!... Задержал дыхание!... А потом взял меня под руку... Чего, кстати, уже сто лет не делал - я же тебе неприятна! Ну конечно! Конечно, эта проститутка тебе...

- Так, хватит!... - обрезал я женскую сволочность.

- Да, - легко согласилась она, - Т. не проститутка, она порядочная женщина, Анна Каренина...

- Ну ты!... - восхитился я.

Она с жеманством потупилась, мол, спасибо...

(Ну ты даёшь! - вот что взглядом сказал я. Ведь ты легко согласилась на - «не проститутка» ТОЛЬКО ради того, чтобы беспрепятственно повторить ещё раз «прости-тутка», нужное тебе слово! Пять баллов! Отличница!)

...- Так вот. - Скромницей - школьница в фартучке, даже глазки потупила - продолжила она. - Когда ты взял меня под руку, я поняла. Что не только не ошиблась!!!...

А - ого-го там! Что у вас закрутилось!

Я молчал, переживая.

- ...Что? Спросишь, откуда я знаю?

Я посмотрел на неё, как на школьницу.

Она поняла, что перебирает.

...-Да... Действительно... Извини, забылась - забыла, что это ты, а не...

Она небрежно махнула вбок и за спину рукой - в город.

- Ну не с кем здесь...

(Нет - не с кем ей посражаться; а не - поговорить.)

Я молчал.

(Вот попал в переплёт.)

- Интуиция... - вымолвила она.

- Что?!... - высокомерно и небрежно уронил я.

- А что?!

- Ещё чего!...

- Ну?

- Это не интуиция. Что за глупость - так мы всё будем приписывать интуиции. Интуиция у тебя сработала только один раз: когда ты, увидев на автовокзале Т., соединила Т. и меня.

То, что ты проделала дальше - это простое знание обстоятельств. И умение их связывать. Из слагаемых - получать сумму. И только. Так может каждый.

Она отрицательно помотала головой.

Я поразмыслил, и кивнул. (Как будто помотал тоже.)

- Каждый из нас, - соглашаясь с ней, поправился я.

Она подумала и растерянно посмотрела на меня:

- Но ведь это и называется: интуиция...

Я пожал плечами. (Как хочешь. Не знаю.)

Мы стояли на городской площади, как «два тополя на Плющихе». (Даже в выборе места для разговора была игра: теперь мы играли «на город». Мы прилюдно демонстрировали свои дружеские отношения, связь. Но это так, третий план действий.)

...Она стала весьма серьёзна.

...- Она тебе очень скоро вряд ли понравится.

Я распахнул глаза, поднял бровь. (Спасибо! Но поясни, слушаю тебя.)

Я ждал.

...- Если у вас только вторая встреча...

Она подыскивала слова.

- Вот помани моё слово: она не понравится тебе.

- Почему?

Она облизнула губы.

(О! Теперь я точно удостоверился: сейчас она не играла и не врала.)

- Она не подходит тебе.

(Точка.)

Пока она договаривала до конца, я успел выстроить всю цепь. И по этой увесистой кляксе - даже не точке! - в конце я узнал. Первое: она *была* с Татьяниним мужем. (Боже, как мы похожи.)

...- И что он врал тебе? - вырвалось у меня. - Что не живёт с женой?

Она кивнула мне, не спросив даже взглядом - кто? О чём? Когда?

(Да, и *эти* тоже похожи... Сладкая парочка, муж с женой - «семь я».)

Второе. От этого, - от того, что *была*, - она представляет, она догадывается об интимных пристрастиях Т. (Я покраснел, она криво усмехнулась, мол, ладно уж, герой-любовник, ладно.) Её манерах, свойствах... Вообще намерениях, поведении, жизни.

Она дождалась, пока я прекращу сопоставлять и... Подвела за нас обоих черту:

- Она тебе не-под-хо-дит.

...Но она цепкая! Как клещ. Бросай!

Как можно быстрее бросай - избавляйся от неё! Любыми путями!

Я закрыл глаза, постоял так. (Согласен, принимаю решение.)

- А всё-таки пообъясни - почему?

Она, недоумевая сама, пожалала плечами.

- Слушай, чёрт возьми, сама не могу объяснить. Даже себе. Наверное, просто интуиция!...

Я склонил голову.

- Согласен.

Я совершенно согласился. Да, чутьё её не подвело - я сам что-то чувствовал в Т., что-то совершенно уж чуждое. Но совершенно неуловимое. И определить не смог - всего две встречи, ещё не создалось «мозаики». А, надо сказать, у меня есть характерное свойство: я не делаю никаких ни действий, ни выводов, пока не вижу полностью, во всех ипостасях и подробностях человека. Иногда это срабатывает, как изъясн.

...Как клещ. Как ёмко! Припечатала. Всего одним словом. Одно слово - а по мне: оно, да ещё из её уст, словно очерк, большая статья. С продолжением на вторую «полосу».

- Спасибо. Честно - спасибо. Я учту твоё мнение.

Она тихонько засмеялась.

(Какой приятный сейчас смех.)

- Всегда пожалуйста! Спрашивай ещё, пока стоим. Обращайся при случае. Пока тебе продаю бесплатно.

Я поклонился и.

...- Может... Посидим? Нет желания? Сегодня вечером. Я останусь в городе... *Тряхнёт стариной... А?*

(Это было с моей стороны и мгновенное глупое мужское желание и... Вот уж не выключиться, не выключаюсь никогда, почувствовав игру - подлый «шар».)

Она не заметила: проворонила одну мою лишнюю паузу и два лишних слова, - она не поняла, что я уже изо всех сил «ловлю» её.

(Ведь я-то её знаю!... Вот он: затуманенный взгляд вдаль - туда! В ту сторону, куда ушёл тот молодой человек... Который...

Он гораздо младше её, лет на семь - восемь - десять. Она старше его; но ею многие увлекаются: она интересна.

...Вот погрызенный ноготок... Вот заминка с ответом - всего лишнее мгновение! Вот неопределённость, раздумывание - чуть необыденное, чуть неестественное. Штрихи, мазки, полутоны, отсветы, блики, тени - «картина».)

Она покачала головой:

- Я... Не знаю сегодня... Много работы...

- Х-х!...

Я выскочил из засады, из-за кустов - нет, выпрыгнул из листвы с высокого дерева, как Чингачгук - и откровенно ослабил:

- Теперь это называется работа...

Я показал большим пальцем себе за спину.

- Вместе отчёт делаете?... Х-ха...

Скорее всего, мне не стоило так поступать. Видимо, взяла своё моя обыденная беззаботность: всё чисто, мирно и естественно, там, где живу.

Она вспыхнула! Она мгновенно маниакально озлобилась!

Даже ступила вперёд!

(Куда? На кого! На меня. Она же - «Тигр»!

Но не забывайте - ах, да, я ещё не говорил: я - «Крыса». Чуткое, мгновенно обучающееся, живучее, ловкое, не нуждающееся ни в ком - чём животное.)

Но - исчезла приятная женщина, предо мной ярился готовый к прыжку хищник.

(Точно, дикий тигр!)

- Спокойно, спокойно!... - Я показал, что отступаю, даже отшагнул назад. - Ты же знаешь: я - только склад. И всегда на замке. И не выдаю никому ничего в розницу. Тем более, не разглашаю чужих тайн. Тем более - из личной жизни.

(Я уговаривал её.)

Она сверкала глазами, охватывая при этом всё поле - не видит никто? Не поймёт никто, о чём тут речь? - по сторонам.

...- Откуда! Откуда!!! Ты!... Ты - настоящая скотина!... НИКТО не знает! НИКТО!

- Спокойно, спокойно - успокойся. Я - только склад.

Я постарался с мягкой улыбкой, пристально, без страха, без хитрости смотреть ей в глаза.

Она закрыла свои. Она зажалась так, что у неё не стало дыхания.

(Как я недавно. Как мы похожи.)

...- Господи... Ты бы знал - мне аж дурно стало!... У него сейчас такая должность - всегда у всех на виду!... У него такая жена!... Стерва!

- Какая разница - нельзя связываться с женатыми, нельзя...

(Я продолжал уговаривать её.)

- Что, холостых стало мало?

Она подышала.

- Уф-у...

...Он очень интересный, очень...

...Отстань, нравоучитель!...

...Сам перетра... всех учительниц в своей округе... Отстань!

- Неправда! - воскликнул я. И тоже зашерстил взглядом по сторонам. - Это несправедливо!

Она ещё раз задержала дыхание и медленно выдохнула.

Мы вяло поперестукивались взглядами, как уставшие мальчишки деревянными саблями или дубинками, и помирились.

...- А если влюбишься? - посочувствовал я. - И он тоже... А он женат...

- Жена не стена, можно подвинуть...

- Ого! Даже у тебя уже так!... Ну, знаешь!...

- Знаю...

Она вдруг мягко взяла меня под руку и повела. Я с удовольствием пошёл.

(Но я не ведусь.)

- Рассказывай...

Я не стал прикидываться.

- ...Давай, дружок - давай, рассказывай. Что, откуда, и как: всё, что ты знаешь.

Я положил ладонь сверху на её ладонь.

- Это несложно. «Пойдём».

...Я знаю тебя. Да?

Она согласилась, чуть наклонив голову.

- Знаю твой взгляд - как ты смотришь на деревья, дома, машины, небо... Не усмейся - это важно. Я знаю, как ты смотришь на людей, как - на разных людей... Как ты с ними здороваешься, как здороваются с тобой, - а ведь по-разному! По-разному?

- Она согласилась, кивнув. - Пока мы с тобой стояли, с нами - кстати, ты увлеклась «преследованием» пропустила один взгляд на меня... - Она удивилась, я показал ей язык и погордился. - С тобой, в частности, поздоровались несколько раз. Понима-

ешь, несколько! - Я пристально посмотрел ей в глаза, подсказывая, что я имею в виду.
- Значит, создался тон - тональность! В которой с тобой сейчас здороваются. Пойми, звуки, естественно, разные, но тональность, к которой они все принадлежат - одна. А вот один тон был... О-о-о!!!... Нотка не из той гаммы... Тональность, краски! Не более. Но в этом - из ряда вон. И я машинально «оставил» - но ещё и запомнил - того, мелькнувшего человека. Одежда, манеры, вид, походка, взгляд... Добавил кое-чего воображением... Знания ж!... Плюс воображение. Игра? - Она усиленно внимала, она сверхспособный ученик. - Или так: знания, плюс игра воображения. Или вообще без знаков - помнишь? Как - казнить нельзя помирить. - Она впитывала, внимала. Она так усиленно впитывала, что я обеспокоился: нельзя давать такие методы каждому! (Но тут же подумал: многие многое знают. Например, каждый знает, как строгать. Но никто этого не умеет.) - ...Тогда я спросил тебя начёт вечера. - Уже на втором слове слова «вечер» она кинула губу и шепнула: «Тьфу...» Прошла несколько метров в состоянии рассеянности, задумчивости. «Вот дура...» - проговорила вслух. - У него же постоянная камера наблюдения... И интуиция».

- ...А уж когда ты взяла меня под руку!!!... Чего, напомню тебе, не делала уже сто лет... Скажу тебе прямо: я обеспокоен!

Она заметно удивилась.

- Чему?

- Этот человек, по-моему, очень подходит тебе.

Но не ты ему.

Но у него - жена и ребёнок. Опомнись.

Она зло сверкнула на меня глазами. Но и я сверкнул в неё взглядом. Она стала сверлить, буравить меня. Но и я упёрся. И «стал держать». (Не люблю Злодеев.) Не сразу, но она сдалась.

-...Ладно, правоучитель. Вечером заходи. *Тряхнём...*

Мне плохо одной. Одиноко до смерти.

Да и скучно: все настолько просты!

...А этот мальчик...

(Она уже не скрывалась.)

Он такой славный. Чистый. И он умеет любить.

Она вздохнула.

- И он ценит меня.

...Не то, что ты.

Заходи.

(Увесисто!)

Хоть побыть со своим человеком.

(Ну уж нет! Я уже не *свой!* Да. Природа, поработав надо мной, заметно изменила меня.)

Она сделалась просто женщиной.

(Надо признать: без её *свойств* она - ну очень! - приятна.)

-... И чего мы разошлись?! Ты не знаешь?

Когда-то этот вопрос был у нас риторическим. Мы настолько похожи, что...
Когда-то мы никак не могли ответить на него.

Спустя несколько лет постепенно, - по крупинке, по капельке - как берёзовый сок, собирающийся посредством соломинки в кружку - во мне собрался ответ. Он даже концентрировался. Теперь я знал его.

- ...Да, знаешь, мы схожи.

До сих пор я не встретил равной тебе.

- И я - тебе.

- ...Но мы схожи... По «модулю». Как равные величины разных знаков.
И в скобках я люблю тебя.

(Но я не сказал: люблю тебя.)

Но теперь я говорю себе так: хвала богу - любому! Хоть Магомету, хоть Иисусу - любому аллаху!... Слава богу, я вовремя откололся, оторвался, отрезался от тебя. Она внимательнейше слушала. Но я замолк.

Возникла пауза.

Мне больше бы нечего было говорить. Насчёт вечера я тоже (заодно) всё сказал.

- ...У меня новая должность, - тогда заполняя паузу, похвасталась она.

Я забылся и вошёл в откровенность. Я забыл, где я и с кем я: я в городе. И тяжело вздохнул.

- Слышал. Знаю.

Не надо было этого делать. По глупости я так откровенно посмотрел на неё, что... Вмиг она всё поняла! А я - вмиг получил зверя!

Причём не того сытого тигра, способного скорее поиграть, чем съесть, - гораздо более опасного: готового рвать! Ещё одно моё слово, и он когтем вспорет мне живот. (Оплошность.)

Не хочу по глупости умирать. Да и было бы за что! Я научился созидать, и теперь жажду этого, теперь все мои стремления направлены на это, и только на это: создавать! А тут люди дерутся насмерть за комфорт и потребление в достатке.

-... Я не поила её!

Она жарко выдохнула свой ответ мне в лицо.

Я развёл руками.

Я больше не желал смотреть ни в лицо ей, ни в глаза. (К тому же я разучился обманывать взглядом, мой взгляд непременно выдаст меня.)

- ...Она пила сама! Она пьющая! Она - пьяница! - жарко, запалённо дыша, убеждала она. - Она дважды не вышла на работу! Шеф сам ездил к ней и всё видел, в каком она состоянии. Он по собственной инициативе, сам уволил её.

Чем сильнее она меня убеждала, тем гаже становилось у меня на душе.

Вам поясню. С хорошей должности - завидной, высокооплачиваемой - была уволена чиновница: невыход на работу. При этом руководитель лично ездил к ней на дом (на квартиру): работник его находилась в пьяном, невменяемом состоянии.

А моя «бывшая» три года мечтала об этой должности. А место было занято! А освобождения его не предвиделось.

Занято место было по сути неподходящим для должности человеком: не уважаемым, не толковым, - слабым, неспособным работником. Будь я руководителем того учреждения, я лично давно-предавно бы вытурил её! Да, у нас - КЗОТ, да - права и так далее, уволить без веской причины трудно. Ну и что?! Я бы загрузил её под завязку работой, я бы заставил её работать по вечерам и в выходные (а не нормированный рабочий день!...), я бы заставил её показать все способности, я бы заставил её регулярно не справляться. И так далее. Я бы показал всем (и ей) всю её никчёмность - вредность для учреждения! Она бы у меня сама ушла!... Как говорится, от греха подальше. Пока по статье не уволили. И всё! Проблемно. Но, какие проблемы?!...

Однажды, я, как-то в шутку, бросил моей «бывшей» (мы устроили год назад

«ночь воспоминаний» - «тряхнули стариной» - свободные люди...): «Так в же дело?! Вы «помогите» ей уволиться. Какие проблемы?! Несколько выговоров, прогул... Я слышал, она не прочь выпить, даже любит это дело... Надо всё использовать!... Если ты говоришь даже так - «пьёт», «помогите уволиться»: за пьянство!...» Я заметил тогда лишний оттенок в цвете пребывающих в любовной неге близких женских глаз.

И вот всё свершилось. И, как по писаному! Услышав неделю назад новую городскую сплетню, как я клял себя!...

Я сразу заподозрил (почти решил): дело нечисто. Во-первых, за такие должности зубами держатся. (А иные, кому «зубов» не хватает, подставляют и *другие* места.) Во-вторых, представляя руководителя учреждения, я знал: надо ещё изловчиться найти хитрый способ убедить его поехать проверять подчинённую! Он шепетил, в отношении женщин он джентльмен. В-третьих, один я знал о произошедшем некогда разговоре, и силе своих способностей (я нашёл, подсказал метод), и о том, что «бывшей» когда-нибудь надоест ждать! У неё маленькая зарплата, ей надоело, она начнёт действовать... «По модулю», конечно, «по модулю»...

Не-ет, тут явная подстава, интуитивно чувствовал я. Но для категорического вывода не хватало деталей. Вот убедился...

-... Некрасиво, - чтобы хоть что-то сказать, пробормотал я.

Она дёрнулась.

- Ну ты! Бабник!... Учить будет. А сам как?...

Нет, она не вспомнила, не нашла: что - «как сам».

- ...Никто не докажет, никто!

...Никто ей в глотку не лил! Сама пи...

Я перебил:

- ...А ты вообще в этот день была не здесь, а в Вологде...

Я сразу пожалел о брякнутом: она онемела. Потом её схватил тик:

-... От... От-т... К-куда ты зн-наешь...

Я вполне уже овладел собой, поняв, как, каким путём выкручусь, и спокойно отмахнулся:

- Это несложно - это я брякнул просто так, наугад. Чтобы что-то сказать. Так что не бери в голову. Я бы, знаешь, именно так подстраховался.

Она отвернулась, с трудом скрывая ярость. Злоба корёжила её симпатичное лицо. Она чуть не клацала зубами.

Что такое жалость, смешанная с отвращением? Вам не знакомо это чувство? Сейчас я испытывал именно его.

- Послушай, - я тронул её за плечо. - Как ты не понимаешь - как до тебя не доходит: я ни во что не собираюсь лезть! Зачем это мне?! Зачем мне это!... Кого ты испугалась?! Кто я такой - ванька с фермы? Ванька с топором.

Она усмехнулась: не надо уничижения.

- ...Ну - с рубанков и стамеской.

- ...Ты не из деревни...

Она строго посмотрела.

Что меня разозлило?!... Вполголоса, но я начал кричать.

- Живите! - припечатывал я. - Живите - как хотите! С кем хотите! Против кого хотите!... Меня только не трогайте!

В последнем - был и приказ, и просьба.

- ...Я вам мешаю?

Она не подтвердила. Её губы, до того стиснутые, сжатые, начали размыкаться, поехали в стороны. Что-то немо подали. Её губы вернулись в прежнее положение, я подхватил:

- Вот и вы мне: не мешайте! Мне больше от вас ни-че-го не надо! Живите, как хотите. Даже - как хотите!... Как говорит один мой знакомый дед.

Я вдруг понял: она меня совсем не слушает.

- ...Как ты догадался. Отвечай! Быстро!

(Сквозь зубы.)

-... Только интуиция? Говори. Я поверю.

Всё-таки мы одинаковы: я понял её.

- Знаешь, нет - помудрёнее. Знание прошлых обстоятельств, знание нынешних, предположение о будущих, плюс чутьё. То есть, знания плюс чисто интуитивные соображения.

То есть, знание множества крошечных обстоятельств, плюс знание тебя. Движение в бездне. В космосе - по карте звёздного неба.

...Ты знаешь, я не покупаю мёд у одного известного, уважаемого пчеловода.

Она мгновенно прилепилась к моей мысли и последовала за мной. (Боже, где и когда я ещё такую найду!) Наши мысли потекли рядом и слились. От этого моя - усилилась.

- Хотя у него - все говорят: прекрасный мёд.

- Но...

Она ещё не могла даже почуять, откуда будет «ветер», не то, что догадаться, о чём будет речь! Но уже раскрылась, как цветок, и головкой, бутоном потянулась в нужную сторону. Она (я-то по ней видел) УЖЕ спроецировала меня и мой нынешний образ мыслей на мои последние слова! Она УЖЕ объяла всё то мелкое и мельчайшее, что слышала когда-либо об этом пчеловоде, и «суммировала». И сложила с моим. Я восхитился. Такие способности - за обычной гранью...

Я улыбнулся ей. Она сразу поняла и кивнула, и погордилась. Тогда вместо «но», я непроизвольно произнёс «итак». (Произведём расследование.)

- ...Итак, я помню несколько его замечаний. Брошенных в разное время вскользь.

- Давай.

- Например, как и когда он собирает для продажи берёзовые почки.

Я посмотрел на неё: её жутко заинтересовало. У меня даже снова мелькнуло: стоит ли давать ей ТАКИЕ знания?!

- Он собирает их по заморозку осенью. - Я помолчал. (Переживая; потому что для меня он при этом: подлец! Потому что - нарубил веток, одел голицы (рукавицы) и - одним движением смахнул все почки с ветки. Удобно!... Не то что весной: обрывать замучаешься!) - Ты понимаешь, что он делает!... (Они бесполезны.)

Она кивнула.

- И ещё несколько подобных же... - Я не смог найти определения. - Деяний.

...Я не могу проверить его мёд, но что там нечисто, и мёд балованный, я знаю на-
верняка. Также и...

Я хотел сказать: «с тобой». Не договорил: не захотел обижать.

Она криво усмехнулась: мол, поняла.

- ...Ты бы не стал.

- Да, не стал.

(Мы говорили теперь про увольнение.)

- Что делать: такова жизнь! - холодно заметила она.

Я молча пожал плечами. (Ваша.)

Она вздохнула:

- Да, не зря мы с тобой разошлись... - решила она.

- Да не зря.

...Нет, не так.

- Ой!... А как?!

Она уже не стояла вполоборота, не смотрела искоса. Она вся была предо мной, глаза искрились, в них плескалось чистойшей воды любопытство. Стояла предо мной прелестная женщина!

- Скорей, нас развело. Расколело.

Кстати, я всегда что-то не улавливаемое противоположное - при всём нашем стопроцентном совпадении! - чувствовал в тебе. И никак не мог этого ухватить.

- А теперь ухватил.

- Нет, не так.

- А - узнал.

- Да, как-то так. Увидел. С высоты прошедшего времени и отделённости...

- От меня.

- Нет, вообще от твоего мира.

- Так скажи, сообщи!...

(Во взгляде её стояло: мне неразумной.)

- Да-да.

Мне пришлось собраться, потому что мои слова разводили нас, как говорили во времена революций, по разные стороны баррикад. Разводили уже навсегда, мы никогда больше не будем искренни друг с другом.

- ...Я никогда не мог увидеть нашего с тобой будущего. Даже, когда мы слепо любили друг друга! Даже, когда царила любовь, одна любовь. Вот.

Она начала наглухо затворяться, вставать в оборону.

- Только пожив там, - я кивнул, она поняла (я обозначал своим «там» - мой сад, мой дом, мой лес, мои ручьи, - труд, творчество, уединение, нарастающее чувство общности со всем этим новым моим миром), - я понял. Видишь ли, городская жизнь забивает чувства, отупляет человека.

Я понял (тут постучал себя по груди, по тому месту, где обычно у всех висит крестик): я, как говорится, неверующий, безотчётно тянусь ко всему божественному. В человеке. Хотя бы внутри себя, в душе.

А ты (и тут я неожиданно для себя, грубо, ткнул пальцем ей в грудь - туда, в основание блестевшей на шее цепочки, туда, где под одеждой, я знал, на груди - крестик с распятием, с распятым Христом) - ты всегда была... И только изошрённое стала.

Она легко кивнула, подхватывая и мысленно договаривая мои слова, - да, между нами не принято вслух договаривать, нам хватает намёка, кивка, взмаха ресниц, одного взгляда, либо даже только изменения тона голоса - мы понимаем без слов.

- Можешь не говорить, поняла.

- ...Нет, скажу!

- Да?!...

- Условно, я назвал себе это так. Ты любишь теньевую сторону человеческого - Тень, я Свет. Ты - от дьявола... Я... - Я почему-то устыдился возможной гордыни, - всегда тянулся к Творцу.

- К Богу?

- ...И я всегда почему-то опасался тебя.

Она хмыкнула.

(Этим она «сказала»: но тебе очень нравилась раньше «дьяволица»)

- Опасался... Ты прав. Я не понимаю тебя, ты всегда поступал как-то странно: вразрез мне. Интуиция, то есть, чутьё?

Я покачал головой:

- Не знаю... По-моему, интуиция, это не мысленное знание.

- И чутьё.

- А тут - тут Сущностное знание.

... Не так давно прочитал в одном Источнике: «Интуиция - это щит, прикрывающий нас от тьмы». Тогда он говорит о другом. И тогда я понимаю, почему опережаю тебя. Не знаю, как это назвать, но этого у тебя нет. Нет и не будет. Это то, что вслед за интуицией по вертикали.

Она беззастенчиво попросила:

- Так расскажи!... Или нельзя, Учитель?

Я взмахнул рукой: да почему - легко!...

- Сколько угодно, кому угодно.

- Мне.

- Сейчас.

Видишь ли, рассказать - расскажу. Но сама способность открывается только при определённом уровне помыслов.

Она опередила меня:

- Читала: при их чистоте.

- Ты читала, я узнал сам.

И тогда интуиция - действительно щит...

Она оборвала меня:

- Хватит! Нашёлся учитель!

Мы молча постояли. Не знаю, чем бы наше молчание кончилось - у меня есть скверная привычка не поддерживать неискренних отношений, только она неожиданно легкомысленно рассмеялась:

- Всё: я опаздываю на работу. Нельзя, уволят. Заходи на кофе. Там у меня на тебя как раз кляуза лежит - ваш участковый написал. Как ты меня встретил вовремя?!...

Она посмотрела с подозрением, которое сразу отвергла.

- Странно. Не знал и приехал, и встретил. Надо об этом подумать...

...Я бы и сама её отшила, да раз ты попался, приходи: вместе придумаем, какое перо ему в ...

- Ага, с удовольствием. (Да понял я, о каком месте ты.)

- ...Ему вставить. Терпеть его ненавижу: весь такой законник, а копнуть - гниль!...

Дерьмо.

Придумаем вместе... А шеф подпишет всё, что я ему подам... (Он мне верит.)

Я кивнул. (Согласен.) И опомнился. Меня пронзило вдруг!

- Н-не п-п-понял! Я н-не понял: какой р-рапорт?!...

(Тьфу, чёрт! Это что же такое: что я пропустил?! За что?! А - вспомнил: трубу я попросил тракториста мне притащить, от дороги. Но ведь брошенная она!...) Ну я ему устрою, этому... Говнюку! Тьфу, отвык ругаться! Наверное, зря. Ладно, с этого дня с участковым разговариваю исключительно по-английски. Пусть понервничает. Белены поест для успокоения. Пусть попереживает.)

Она махнула рукой. (Не бери в голову, как-нибудь отфутболю. Я «бывших» не выдаю.)

- Хорошая у тебя привычка.

- Неплохая.

Заходи. Всё равно в медстрах сегодня не пойдёшь, так что останется время свободно.

Она сбила меня с толку, я помотал головой. (Как баран.)

- Я не понял: откуда ты знаешь. Я только минуту назад принял решение.

Она расхохоталась и побежала. (Какая милая женщина! Как все. И с чего я всё дальше отхожу от людей?!)

Она обернулась и помахала мне, и показала какой-то знак в воздухе ручкой. Без сомнения, она хотела этим сказать: «Что же ты!? Интуиция!...»

Woman of Moon

или

Дань Маринам

повествование в частях

...And that is - part one!

...Or no!... - there are: **часть первая.**

Ей было тридцать два, она жила в городе, её звали Марина.

Часть 2

В том всё.

Часть 3

Однажды...

«...Однако, здравствуйте», как в двадцать один тридцать иногда говорят нам из любимого «окна». Да, мы снова у «телевизора» и... «С вами, уважаемые...» - здесь опустим приставку - «при» - «...зрители, программа «Нарушение этики» и я, её ведущий...» Ведущие, однако, меняются. С вами сегодня - я: автор.

Однако - вот в чём. Изрядно вспотев в северных своих широтах над знойной второй частью, и порядком устав, - а теперь отдохнув (брал отпуск, летал в... На юг), - и с высоты верблюжьего вкуса и южных гор, с волн и глубин - превратностей моря, вдруг иначе увидев написанное, я подумал: не весь читательский ряд меня сможет понять. Однозначно. А кто-то - такой же отдохнувший и теперь сочащийся словоохотливостью как виноградная кисть при давлении вина - возможно не удержится поболтать. Воскликнет: «Да первая часть коротка!...» И повесит гроздь (вопрос). «Ничего себе, - скажет, - «Часть 1...» (Но где написано «Часть 1»? Не переверните контекста.) И ещё скажет: «Ну и автор... Ему что - лень писать?!... Или у него проблемы с чернилами?»

Так вот: отнюдь. Что отнюдь? (А забавная была бы телепрограмма. Но наша будет - приготовьтесь - забавней.) Отнюдь - всё. Прокравшийся на служебные ряды зритель! Сойдите в партер, мы здесь не ради забавы!

Да-да, - вы будете не правы, если именно так расчувствуетесь, разочаруетесь и воскликнете. Часть первая даже длинна! (Тут упреждаю: не знаю, откуда я это знаю, этого я не знаю.)

Шерше ля Марин! (Это ужасно: в моей компьютерной главе нет французского.) Найдите, - спросите наугад любую из названных выше. Спросите, спросите Марину! Хватит автору за всё отвечать - сегодня делу знания и ответственность на три! Найдите Марину, и прочтите ей мою первую часть!

И если вы опять поторопитесь, и у вас ненароком вырвется - «Тут не коротко ль? Не следует поподробнее? Не нужно ли - э-э-э... - порасписать». Загодя уверяю: учтите, Вас вряд ли поймут! Скорее так: на вас посмотрят, как на большой детский сад.

Моя часть первая - приблизительно сто шестьдесят пять листов. (Кстати, ещё не считал.) И если разумному автору удалось выразить их общий их смысл столь кратко, - если удалось упаковать так, что компьютер транслирует теперь все его (мои) - образы, ощущения, раздумья, - синяки, опыты, - шишки, размышления, - предложения, словосочетания, запятые, многоточия, прочие знаки - дефисы (это невозможно: дописываю то, что дописываю, и всё - снова улетаю: устал нет сил. В Сочи, в Сочи!) - одной строкой! То это (милосердие, милосердие к читателю!) - говорит не о его проблемах с чернилами, а лишь о том, for example, что (просто в пример): WinRAR у него хороший.

Впрочем. Теперь. Благодаря вашей до-критике. Благодаря собственному иному однако-взгляду, автор видит в самом подходе к изложению «Части один» слабое звено. (Вот уж не хотелось бы вновь касаться телевидения.) А именно: не все мои читатели - Марины.

Вот так, выходит, хоть что-то (назрело) о них - этой части, срезе, прослойке женского в общем женском, - этом частном человеческом в вообще человеческом, - всем остальным автор должен рассказать. (Затем и пишет.)

Что ж, науки ради искусство требует жертв; так что, впереди - отнюдь не литература. К тому же, «*errare humanum est*». Да-да, - человеку свойственно ошибаться, писателю тоже; важно не болеть этим хронически. Начну ещё раз, не символически.

Часть 4

Недавно ей исполнилось тридцать два, она родилась и выросла - и жила теперь - в городе, её звали Марина.

Она училась в школе и в семнадцать окончила среднюю. Поступала в институт; не хватило ноль целых две десятых балла, не прошла по конкурсу. Конечно, расстроилась; но много не горевала, подобрала работу, начала трудовую жизнь. Так устроилось.

Так... Специальное образование - вначале среднее, затем высшее - получала заочно.

Вышла замуж уже в двадцать; к тридцати оказалась разведена. Осталась собственницей отдельной квартиры и девятилетней дочери. Близкие люди - отец и мать - были и родственники, и опора.

И теперь Марина работала. (Марины не умеют - ах, начинается... - сидеть сложа руки.) Где, не будем сейчас уточнять. *Наша* Марина нашла применение себе там, где, говоря образно-шумным языком политической экономии, предметом и средством труда являются право, закон, права, обязанности. Описывать - труд: область та широка.

Можно бы, - и обязательно нужно! - согласно незыблемым правилам, постулатам банальной (чуть не сморозилось - банановой) литературы, продолжать поступенные роспись и уточнение, и даже выписать всю *ту* Марину конкретно. Соблазнительно, согласитесь, придумать ей цвет волос, формы, - и профиль лица, - цвет глаз, длину ног, изгиб и длину окружности талии... Теша читателя (но вначале, конечно же себя - себя!) воображенческим стоном. И!... Законы обоих союзов писателей (России) требуют: если - литература, образ - живописать. Всё увесисто строго. Дать детали, представить читателю всё до мелочей. Читатель должен увидеть живого человека, всё должно быть реально, конкретно.

Но - скука!... И!... - право. Стоило ли затевать целый рассказ по причине причинно-следственной связи с какой-то единственной из моря Марин... Скукотища. Ску-ко-та... Едва представляю себе *что* нужно писать, рука отказывает. Ей-ей - сама;

errare humanum est (лат.) - человеку свойственно ошибаться
«Однако» - название популярной телепрограммы на российском телевидении
«Слабое звено» - также

даже не божусь. Рука отказывает; а глубинный мир замирает: осмеют, не лезь, не стоит этакого затевать. Н-н-да...

Вот что я думаю: историй - наслушаетесь, а деталей насмотритесь в жизни. Не-ет! ЗДЕСЬ всё любопытно, - и заслуживает описания! И сопоставления событий! Как раз тем, что здесь нет инд-частности: здесь характер, система! Подобное могло произойти с любой из этих непотопляемых - нет, лучше, вернее - непотопимых! - женщин.

Что же такое - Марина?!

Вот тут-то я подумал... (Догадайтесь.)

Ещё я подумал: кто я такой, чтобы сломя голову лезть в омут?! Я порассуждал: в любой области есть специалисты. Если есть область знаний, значит, имеются и принадлежности её: лаборатории, институты, младшие научные сотрудники, доктора. Пусть - область странна и узка. Но даже среди энтомологов есть разделение, неужели наши прелестные бабочки не имеют своих докторов?

В глазах появился прищур, рука потянулась к телефону.

...Часть 5

«...Кх-х, гм-м, кх-м. Э-э-э... - я внимательнейше Вас слушаю» - ответили мне.

Я испугался. И молчал.

«...Э-э-э... - кто, собственно, гм-м, говорит?»

Робея перед такими явными признаками учёности, я ответил: «Собственно, Ваш коллега. Однако здравствуйте. Доктор?»

«...Ну-с, здравствуйте, коллега, здравствуйте... Homo homini amicus est!»

Меня обрадовало, меня воодушевило - что он догадался.

«...Кх-м, гм-м, кх-м... Великодушно простите за любопытство: Вы - каких наук?»

Я представился. Назвал также и цель встречи.

«...Гм-м, приходите. Я как раз ничем не занят сейчас.

Любопытно, любопытно, - даже любопытно: как Вы точно попали в цель. Ведь я узко специализируюсь. Именно по Вашему именно-вопросу!»

...У меня масса стереотипов/комплексов. (Нет бесконтрольной внутренней свободы.) Часто мои мышление, либо ощущения, - либо простое невнятное, никогда не объяснимое себе самому беспокойство, - такой камешек в почках - козявка в печени, нервируют меня. Кроме того, я уже точно знаю: люди оценивают себя неадекватно. Я собрался с тщанием.

Взял два внешне неразличимых пакета. (Не ударить в грязь лицом - сориентироваться, на ходу сообразить.) В один поклат фуфыр портвейна и пачку «Примы» с фильтром (громко называемую теперь «Balkan Star»). В другой - в другой аккуратно завёрнутый «Токай», «Furmin», пятилетний жар винограда, чуть-чуть подмороженный в холодильнике, и одну из разновидностей волшебных тонких «Virginia Slims».

...Мы встретились.

- Э-э-э - здравствуйте, коллега.

- Здравствуйте. Кол...

- Так Вы что же - какой вопрос волнует Вас?

- Да Вы знаете - Марины. Я к Вам по поводу Марин: вот взволновали.

- О-о-о! Вы попали в точку, точку и точку! В настоящее время я! Являюсь самым крупным - первейшим! - специалистом в данной, надобно Вам заметить - труднейшей! - области. Я Вам расскажу.

...Э-э-э - у Вас есть деньги?

Я понял его правильно.

- Да-да, у меня найдётся, чем заплатить.

И (ну глупо же!.. Впрочем, почему, глупо?) пошутил:

- После общения с Маринами я платежеспособен.

(Хотя это была не шутка. А «шар».)

Он рассмеялся. (Гм-м, а он его пропустил!... Странно. ...?)

- Ха-ха-ха - мои услуги недёшевы... Знаете ли, знания, - настоящие знания! - требуют и настоящих затрат. Больших затрат!... В своё время для глобального изучения - э-э-э - предмета мне пришлось понести большие расходы. И - поймите меня правильно!... *Lupum auribus tenere*.

Я понял его верно.

- Я согласен на Ваш тариф, я думаю, он разумен. Напишите в счёте нужную сумму.

- Ну что ж, тогда приступим. С?...

- Да-да, уж начнём,с.

И мы начали.

Я вкратце изложил ему предпринятое мной самостоятельно начало - первые главки. Он согласился. Записывать его на диктофон он запретил. (Либо - «пятьдесят червонцев» - вот флюс...) Поэтому излагаю всё по памяти. (Она у меня такова, что смысл всегда остаётся тютелька в тютельку, смысл транслирую, как радио: дословно.) А вот стиль изложения, манера речи врезались не полностью (я вникал больше в смысл), поэтому манера речи здесь путаная - где его, где моя.

Прошу жаловать: консилиум Докторов!

SIX part !

Итак...

...Гм-м, спросим себя: что же такое «Марина»?

Присмотревшись к поверхности, заметишь интересное невероятно: в этих лагунах всегда кипят страсти - море страстей! Как говорится, всё, как в море: волны, рифы, шторма, таинственные острова, - полуострова, мысы, материки, - случаи,

лат. *lupum auribus tenere* - «держат волка за уши», т.е. находятся в трудном положении

обстоятельства, - неординарности, крайности, - поступки из ряда вон, переделки...
Во всём - мужчины, мужчины, мужчины...

И что удивительно! Что поражает!... Представителям отблесков этих витрин блестящего огнями, умытого водой вечернего города, кажется дела нет до внешности - этих рельефных ландшафтов, волн, - этих переливов и не мизантропических сверканий: радужных полос женского в нашей общей, к сожалению - разделённой, природе!

(К какому сожалению... К чьему?!... К счастью!! Какой он странный... Дурак - «к сожалению...» - помнится тихохонько хмыкнул я.)

...Им нет дела! В то время как иных представительниц того же пола они прежде ощупают глазами, руками, - оценят с ног до головы и наоборот. И снова с ног. И вновь наоборот. И так без конца. А вот Марину!...

Он входил в раж. Он увлёк меня - он поэтически рисовал! Доминировал! Как настоящий художник, он бросал крупные мазки на чистое до него полотно, - не глядя смешивал обычные краски, получал новые и запросто пользовался ими. Я - засмотрелся!

...Красива или не красива Марина, с детства до старости она обладает неким шармом, необъяснимым волнительным магнетизмом, притяжением высоты и бездны, Марины - женщины экстра-класса. Пред сей силой беззащитны сильные мира сего.

(Мужчины).

Конечно, несправедливо пусть даже и косвенно умалять достоинства женщин иных, - блюда вообще глупо сравнивать, их надо пробовать, кушать! Надо учиться вкусу, надобно вкус развивать, а вкус блюд - понимать!

К тому же, сравнивать и оценивать Блюда законное право имеет лишь их Повар? Мы же - разве мы Повара?! Мы способны лишь разливать!... Нам - испробовать, откусать, понаслаждаться, понаблюдать...

Описывая после свои ощущения, об этом можем что-то сказать. Вот, например.

(Да-да, коллега, - если можно, пора бы уже поконкретней. За что платим?! Где анализ, где детали, где глубина?! - где мои деньги?!)

...Скажем, если Елены, - существа, которые желают стоять НАД миром, властвовать им, по врождённой привычке дожидаясь, пока из-за них разразится война или очередной парис схватит и понесёт, - если Елены - женщины, из-за которых из миллениума в миллениум трясёт множество земных мужчин и весь наш и без того неустойчивый земной мир, то Марины!...

Маринам претит война - они любят ВСЮ жизнь целиком. Как любят САМИ и участвовать в ней. Обязательно. Всем своим существом, всеми чувствами - мыслями и руками, всем телом.

И им не требуется для неземного счастья весь земной шар!...

(Да конечно, - она скажет: фи, право...)

Достаточно одного... Герцогства, графства, королевства! Главное для них - имение собственного. Собственного! Чтобы царить!... А для этого достаточно царства.

К тому же, рассудок их никогда не спит, и всегда гласит им: нет мужчины, который без серьёзных проблем для вас обоих бросит к твоим ногам весь мир. Это первое. Такой мужчина, если он и есть, очень быстро *уйдёт*: погибнет, будет перехвачен другой, и так далее... Это второе. Зачем тебе одной - и то третье - весь этот сумасшедший шар!

Нет, нет, - Марина смела, горда и активна, чтобы царствовать, - но лишь настолько, чтобы одной страной. Но - собственной. Но безраздельно.

...Эти натуры - романтики.

(По-нес-лось...)

...Вернее - как бы по-скрупулёзнее? - это они думают, что они романтики! Тогда как их бескрайняя морская чувственность, их способность создавать миражи, поэтические пространства, надолго затихать и неожиданно смертельно волноваться, - их романтизм и неоромантика имеют и ложе расчёта, и ограничительные берега! И кроме того, периодически, методически, с интервалом не длиннее минуты закругляются оверлоком того осмотрового механизма, направляются огоньком того сигнального бакена, - всегда находящегося в поле зрения маяка, - который всю жизнь непрерывно промеряет фарватер их. Отмеряя чувствам секунду, а разуму - две. В их несомненно романтической голове. У людей приземлённых он называется неизысканно: расчётом.

Да-да! Чувственность и расчётливость, практичность и романтизм смешиваются у Мариночек постоянно, да так, что непосвящённому легко заплутать: ум у них в сердце? Сердце у них в голове?!... Чувственность и расчётливость растут у них, что называется, как кажется, из одного корня и, разойдясь над поверхностью Земли в две прелести, что начинаются со ступни, вновь сплетаются чуть выше чрез сердце. И ещё выше - гнездятся. В вышине - в голове, как в облаках. Нельзя - боже Вас упаси!... - ни искать лишнее, ни отделять одно от другого. И многих такое отталкивает! По причине, вследствие - необъяснимо! Но то же и притягивает многих!... Завораживает сморгнуть в высоту-бездну...

(Неизвестно, правда, кто в кого смотрит: ты в бездну, или бездна в тебя.)

...Марины легки на подъём. И легко зажигаются. Однако не вспыхивают пожаром, и не полыхают мрачно. Они не угрюмы, даже когда прогорят.

Загораясь, они умеют гореть долго. До-о-олго-о-о!... Да вот проблема: дров в этот костёр кто-то восхищённый - его теплом, его огнём, его даже полохами - должен всё время подкладывать ещё и ещё. Удаляться от огня, от обязанностей кострового, нельзя. Нет, нет и нет! Всё время необходимо неумоимо и изобретательно изыскивать, находить, подкладывать дров. Огонь должен быть обеспечен, тогда и вам обеспечен огонь.

(Даже не каламбур! Я всё более им восхищался.)

...Они умеют любить.

А вот маленькая их характерная деталь: Марина НИКОГДА не увлечётся мужчиной, в котором нет изюминки. Пусть, скажем мы несколько увлечённо, её обожатель будет стар, лыс, страшен, толст, коротковат - но! Какое прелестное «но»!

Если в нём имеется эта «ягода», Марина притянется к нему, пойдёт с ним, Марина будет его. Просто размер изюмины должен в таком случае компенсировать ей всё.

(А вот это можно было бы и не провозглашать. Сказал бы одному мне, и шёпотом.)

...Марина уйдет, в конце концов, от «денежного мешка», пусть и обеспечивающего кругом её материальные интересы, в котором раздавились былые свойства романтика. Марина не вытерпит поэта, который долго детально не задумывается о брэнном - всё бос да гол. Марина будет искать, скорее всего, всего сразу: сочетания душевного и материального. По-настоящему её интересуют лишь такие теп-ы.

(О какие мы!!...)

...Марины умеют дружить. Причём, в дружбе они -«би»: одинаково сходятся и с мужчинами, и с женщинами. А надо отметить: не все женщины по-женски умеют дружить.

...Они умеют трудиться, работать, это люди - и женщины, о, конечно - действия.

Они не станут «пахать». Но могут поркалывать. И способны самое трудное дело доводить до конца. При этом, - имея чувства и ум неразделёнными половинками единого целого, - они тонко-умно понимают жизнь! И подобно Жанне Д'Арк не сгорят на работе. Вот уж чего нет, так нет никогда. Жизнь для них лишь постольку работа. Жизнь для них шире - многогранна, перемененно-фокусна, по-морски широка.

...Трудно приписать им большой интеллект.

Оазис их деятельности - серединка. Например, - среднее административное звено, некрупный бизнес, юридическая, медицинская практика, - средняя семья, - среднее управленческое звено. Среднее?! Но на своём месте они расправляют крылья! На своём месте они велики: не укорить, не умалить достоинств их.

(Да, отдавая дань всегда довлеющей справедливости, необходимо заметить: как и везде, как и у всех, бывают выдающиеся случаи, можно сказать, исключения. Например, в связи с интеллектом, из современных нам, из нашего времени Марин, можно упомянуть ту Марину, которая, не будучи даже военнообязанной, в 90-х годах двадцатого столетия несколько лет замещала начальника сектора самого умного Управления - управления автоматизации - Генштаба. И бывала впереди в то время, в тех трудных случаях, когда майоры и подполковники с академическим образованием вставали в тупик, оставались позади: за нею по интеллекту сзади. Я начал подражать.)

Это женщины с синтетическим типом мышления, пожалуй, им доступно всё.

(Я начал уставать.)

...У них есть редкое - интуиция!

Их интуиция - кошачий глаз в темноте! Они зрячи там и тогда, где и когда слепы другие!

(Так, так, так - вот это интересно! Надо быть повнимательнее!)

...Но им напрасно гордиться: их интуиция - это, скорей, их чувствительность и чувственность! Помноженные на объёмное, без провалов и исключений, понимание жизни. Интегрируем сюда некоторый интеллект, плюсуем жизненный опыт. И - непременно - расчёт!

Тонкая чувствительность плюс тонкий, почти бестелесный, расчёт - весь фокус!... Да-с!...

...Дело случая, но при желании Марина способна обвести вокруг пальца всех.

(Я не согласился. Со мной это у них не проходило.)

Я бы сформулировал: достаточно многих.)

...А вот в сферах мистических Марины слабы.

Да, да и да, и нет, нет и нет. При начальном общем, они определённо отстают от Маргарит.

(И - друзья-писатели! - кому ЭТО важно, придётся прикармливать Маргариту. Ну вы помните: жёлтые цветы... И так далее.)

...Марина никогда не полетит на метле.

(Здесь просто необходимо прибавить! Даже с таким мужчиной, как Воланд. Даже за ради Мастера. Доктор - Вы молодец!)

...Во-первых, обревизует она, - это неудобно...

(Ну зачем ставить многоточие!...

Здесь вы можете его не понять - translate: некомфортно, некомфортабельно.)

...А будете настаивать, навязывать - может некорректно... -э-э-э... отшить... Да так, что!... Ушки у неё крепки... Выдаст что-нибудь разэтакое: «Летать? Ну ладно. Но уж не на деревянной палке между ног, милый!...» Вот и конфузья потом - что имела?... А она - ничего: ничего двусмысленного! Она так прямо и заявляла: кощунственно *улетать* на метле ног между.

Кому - кто, чему - что... Избирайте!... Для своих полётов.

Нет-нет, шутки в сторону: мистическое им не дано и всё тут, и не о чем говорить.

...Зато есть область!... Где Марины!... .. - ... ! ... !! ... !!! ... - ... --- ... -----
..... !

(Я обрадовался, что он не будет изъясняться скабрёзностями.)

...За-ме-ча-тель-но превосходят многих и многих.

(Он вдруг пригрозил мне пухленьким пальчиком. Ба... При чём тут я?!...)

...И по одним моим знакам пре-, и при подобном внимании, Марины уже догадались!... И, я думаю, скромнея от нахлынувшей чувственности, пунцовеют, при этом нескоромно смеются.

...Да-да! Их сексуальность, их умения и желания - Марианская впадина! Да нет - Эльбрус-гора!... Смотреть вниз, вверх, - в глубину, даль!!!... Вершины - завораживают, глубины - потрясают.

...Секс для них - это... Это... Это - э-э-э... - всего словцо. Словечко. Полупустое, бросовое. Термин плотоядности самцов и самок. Наименование полусимпатий. Чтот-то такое... Скажем так: малоинтересное. Ну я не знаю...

А вот - любить для них!... Заниматься любовью!...

И половина жизни, - и сердечное наслаждение, и телесная сладость, - и лакомство, и времяпрепровождение. Наслаждение - желание - обоняние - осязанье - мука - холод-голод - жар - страсть. Да-да-а!... Предмет сердечных забот и страсти рассудка!

...Заниматься любовью с Мариной - наказание, мученье, кошмар.

(Мне показалось странным, что тут он применил точку: точка - это уверенность.)
...Для тех, кто это - ах, каким бы сердитым термином изъясниться!... Как жизнь!... Как любовь!... Как лакомство!... И искуc, и искусство одновременно!... Как обольстительное плавание на волнах, - шторм, полусмертный взлёт! И - сразу!... - низвержение в пучину! Не уме-ет... Не желает... Не лю-юбит.

(А может не так, а вот как: не умеет, не желает, не любит?)

...Марина не даст спокойно повозлежать.

(Боже правый, он что - «марина»???)

...Прочим - настоятельно рекомендуется.

Это женщины с сильным влечением. Однако, произвольно попасть к ним в постель либо невозможно, либо невозможно никак.

...И до смешного легко, если Марина сама положила глаз. Если мужчина ей положительно нравится, считайте, он уже в её постели. И - никаких особых усилий. Даже если ей придётся согрешить. «Изюминка»! «Изюминка»! Вот что всего на свете для неё важнее!... Если Марина захотела, Марину не остановить. К тому же, Маринам не под силу разделять душевное и телесное тяготение, любовь и близость, близость-любовь, любовь и близость, и...

...И для полноты, для завершения картины, я бы добавил вот что: Марина - длительная любовница для достоинствами неравноценной ей жены однозначно опасна, страшна. Почему? Обычно, она изощрённый кулинар. (См. связанное свойство: секс.) Неплохая хозяйка, и вообще нескудная жена.

Конечно, в Маринах нет той же основательности, - заодно - статности, - каковые качества природно присущи Галинам. (Зато в них нет и тяжеловесности Галин.)

Нравственность Марин довольно крепка, установлена уже врождённо. И совершенно определённо имеет знак плюс. Марина, да - смела и да - раскована. Но не доступна, но не распущена - однозначно. К тому же, низко пасть ей помешает врождённый вкус (он машинально определит: это невкусно) и внешняя склонность попротиворечить.

Проблемы случаются при действиях. Как любой обоз не поспекает за ведущей наступление армией (или как сорвётся с привязки буксира баржа), так и у них: при энергичных действиях, при бурных страстях, страстях - безудержной деятельности, их нравственность на время может просто не поспеть за их действиями. Сорваться. По-от-стать. И тогда, в чистом поле, на чистом листе (если им выгодно) свои моральные принципы (на время «полевых действий») они могут менять.

Негромкость, притягательность, вкус, общительность, воля, расчётливость, чувственность, независимость, сексуальность - вот основные черты характерных марин.

Что ещё. Это женщина характерная. И не позволит, не даст себя изучать. Почерпните отсюда, кто не знает Марин.

...Что же касается планет, - вы уж простите... Название нашего повествования к Маринам вообще ни-ка-кого отношения не имеет. Так получилось. В смысле - вышло так.

В смысле планетарном, если продлять тон, в Маринах есть всё: от Меркурия до

Марса, от Венеры до Плутона. Даже до Фэтона... Даж... - до Калипсо.

Но если... Если хотите, коль жаждется!... И автор должен (впасть в ересь и отчитаться)!... Что ж, кому пусть на время не мечтается показаться: и я с умом! Конечно, на время можно не только принять умный вид, но даже надеть очки.

В смысле планет, доложу я вам, Марина - плоть от плоти Земли. Хоть именем и «морская».

Эта, вышедшая, как и все мы, из моря воды, из моря веков, и, но не утратившая с ними связь, женщина, один из срезов и средоточений отменного качества женского: женского естества, женственности. Она - земная женщина во всех случаях понимания данного слова. Она - морская, и она земная. И от этого всё.

В нашем же конкретном случае (возвращаюсь к банальной литературе, к вопросам описаний частных, индивидуальностей) с той individual Marin история вышла из её, всем известного в городе, городских кругах, бзикового на тот момент увлечения английским. И неоднократного повторения одним прожектёром не к месту обыденной поговорки: далеко, как до Луны.

Что ж, вот, наконец, и обещанная *Woman of Moon*.

Зрите.

Часть 7

«...Однако!... - воскликнет дотошный читатель. - Смотрите... Что за вольное обращение с моей дыхательной диафрагмой!... Деньги были уплачены!... Так деньги на что пошли?! Где? Где окончание предыдущей беседы?!... Либо - где деньги?!»

Ах да, забыто «про «докторов». Надобно отчитаться.

...Он мне подмигнул: «Не знаю, как Вы, - то бишь, не знаю насколько Вы понимаете меня, коллега...» Мне показалось, академический снобизм выиграл в нём. «...Вам знаком - по крайней мере, хотя бы в общих, ну, хотя бы самых общих чертах - разбираемый предмет?... Э-э-э-... А?...» - небрежно добавил он.

Не знаю, как вам, мне надоело. Мне надоели это его шаманство.

Его многозначительность, умничанье, - его переливания из порожнего в пустое. Меня уже заражали - арканили! гипнотизировали! - бубновые свистопляска и заклинания. «...Любовь и близость, любовь и близость, душевное и телесное, близость - любовь!...»

И я выхватил бубен у шамана. *Lupo agnum eripere!* «Три мои жены, - (хотите - верьте) - и шесть, в разное, впрочем, э-э-э - коллега, а-а-а - время подруг - были Марины.

Может, я подзабыл чего, - (я специально огрубил слово) - манёхо. Но...» И я вперил в него - «Где, родимое сердце, деньги?!» - голубико-наивный (с эксклюзивной жестокостью: голуби - удивительно кровожадное племя: за понюшку заклюют своего) взглядик «М.Б.» - Борисовны: первой святой из моего причта Марин.

Надо отдать ему должное: он не был полным профаном - соблюду справедливость. И кое-чему, по-видимому, у него можно было поучиться. (*Excuse me*, коллеги: но не за такие же деньги!...) Он парировал неплохо поставленным взглядом - «Зачем ТЕБЕ деньги!...» - «оу-Юрьевны», третьей из м-Марин.

Возможно, мы бы ещё пикировались. «Я вижу...» - церемониально начал фехтование он... Но он обидел меня. И я выкинул шпагу и вынул дубину. (Чем? Как? Тем, что загнул сумму (в сравнении с крутизной своих знаний) в два раза. Это по крайней мере, по крайней!)

«Я вижу...» «Вот как?! Вы видите?!... Я - не столь специалист. Как Вы. Сколь любитель. Дилетант!... Если Вы помните, что *diletto* - удовольствие. Любовник... (Пусть трактует, как хочет.) Нынешний мой интерес - Ангелины. Марины - это просто, это для мэнээс... (Младших научных сотрудников.) А не докторов. (Чего не придумаешь на ходу.)»

Вы можете заметить по стилю, манере изложения, по знакам, где кончилось в «*Six part*» его повествование.

Но - люблю игру в докторов!

Произошло, как всегда. (Так женщины, не думая, брякнув, попадают в точку.) Ведь я же случайно, без умысла сунул ему имечко «Ангелина»! А он - вз!... Его реакция - ах! - улеезила моё самолюбие! Вы бы знали!...

Он вздрогнул - взгорел, взопре! «Вы что-то знаете об Ангелинах!!!» - вскричал он! И пальчики его стрекнули. (Ой - ёй...) Глазки его миномётно стрельнули. Так цыганёнка выдают глаза - выдают его маниакальное желание выманить у Вас, не монетку - нет, не монетку, которую он просит. Отнюдь! Ему - не копеечку, не рублик - ему весь! - весь целиком Ваш кошелёк! «...Расскажите! Расскажите, я заплачу!» - вскричал он.

Я покашлял, соображая. («Фу - какой... Что делать?! Как быть?!»)

«...Я хорошо заплачу, у меня есть деньги!...»

(«Да, деньги мне очень нужны, может, взять?»)

«Расскажите, расскажите! Я не возьму с Вас денег - давайте просто обменяемся услугами!»

(O sancta simplicitas!)

«Услугами? Прекрасно, мудрое решение. Вы - доктор ВСЕХ НАУК! По рукам».

Но я уже решил услугу и месть ему совместить. (Homo homini lupus est.)

Вы помните, про всякий случай я брал с собой два пакета. Я просто не знал, с кем буду сидеть за столом, будем ли курить. А так как он не предложил мне стола, содержимое не выставлялось. Мы беседовали даже без «чашечки кофе», не говоря о вине. (Ответьте себе сами: нормальный человек в таких условиях начинает разговор о женщинах?) Я решил их использовать теперь.

- Возьмите, это Вам, - начал откланиваться я. - Возьмите, дружище, когда будете один - фужер, - стараясь заранее гримасками не выдать своей клоунады, блюсти лицевое глубокодумие, - и гранёный стакан. Вот мой Вам - затёртый жизненной практикой и коллоквиумами с a students - гранёный стакан. В последний плесните «Токайского», а в фужер налейте портвейну. Раскурите и «Приму с фильтром», и «Вирджинию». Непременно поставьте музыку - не увлекайтесь попом, лучше Моцарта.

И ввечеру!... В полностью интимной комнате - самим собой приватизированной атмосфере... На границе светового пятна! Производимого любимым интимным абажуром... После глубокой - фугасной - затяжки, под симфонию, - «Примой», делайте плоток «Токая». Затем - сразу из фужера. И непременно затянитесь «Вирджинией» - батенька, всенепременно! Инструктирую дальше: понаслаждайтесь. Также и Моцартом. Да-да, - погрезьте Моцартом, музычкой, посозерцайте закат.

...И если найдёте в этом всё - вкусе и действиях - смысл, - если сумеете найти в этом гармоническое наслаждение!... Сможете насладиться и своей Ангелиной... И раскусить Ангелин.

И вписаться в мир Ангелин.

лат. O sancta simplicitas - о, святая простота
Homo homini lupus est - человек человеку волк

Ха-ха-ха-ха... Sic transit gloria mundi ...» - с этим добрососедским гоголом над чужой бедой я удалился.

Veni, vidi, visi...

Скважину дальше пришлось бурить самому, одному.

Что бы я добавил... Чего-то не хватает. Запутали. Запутался. Всё - сердит без меры! Развелось бездельников - каждый, кому приспичит... Кто хочет, тот и выписывает себе книжонку. Удостоверение: Доктор! Бездельники - путают добрых людей. Вот! Вот - частностей в Повествовании недостаёт, частностей! Интригующей индивидуальности! Всё плоско и общо - изображение размазано, несъедобно; как непечёный блин.

Всё, спешу поднять себе настроение.

А способ один: к Марине...

Смотрите.

Часть 8

Ей было теперь тридцать два, близкие, подруги и друзья в её городе обращались к ней свойски: Марина.

Её характер вам теперь знаком, внешность, - конкретная, в нашем reality-show - будет представлена, её манеры и линию поведения вы почти знаете.

...Вы знаете, некоторые незамужние, - и, особенно, разведённые - женщины имеют у нас привычку регулярно посещать ресторан. Обычно по субботам; или пятницам; в воскресенья реже. Вот и наша героиня, оказавшись в жизни бессемейно-одна, незаметно для себя приобрела эту общую привычку. Втянулась, как говорится, вошла в колею.

Неделя идёт и проходит, вот пятница. Но вначале (жаль, что в неделе есть и иные дни), с восьми утра нелюбимого понедельника, Марина крутится, как белка, в заведённом не собой колесе.

Понедельник - собрана и напряжена.

Вторник - сосредоточена.

Среда - блестящая речь на заседании.

Четверг - приём посетителей.

Пятница - the last of pea time - отлынивание, чай, мелкие дела и отчёты.

(Да, в учреждениях - пятница лишь до обеда день дел.) И в этот, ожидаемый и любимый даже более выходных, день, к двум часам (к четырнадцати) у Марины, - там, где обращаясь по имени к нему непременно прибавят отчество, - закончены заседания и подписаны протокола, - там к четырём часам выпровожены вызванные и незваные (не посетители), - закрыты папки и навERNЯКА заперт сейф, - шеф извещён

лат. Sic transit gloria mundi - так проходит мирская слава

лат. Veni, vidi, visi - пришёл, увидел, победил

англ. the last of pea time - последний этап, последняя стадия

о скором убытии подчинённой. К шести - решены все вопросы «бабушка - внучка» (с вечерним досугом и ночлегом дочери). К восьми готова причёска, в девять заедет друг. Если же такового нет сейчас, - вообще нет или сейчас отсутствует, - к девяти для весёлого вечера (что ж, прекрасна и чисто женская) компания из трёх - четырёх подруг на «извозчике» подрулит к давно облюбованному ресторану.

В тот раз было лето. Выдался прохладный денёк!... Вечер, после двухнедельного зноя, животворя, дунул усладой... Настроение взлетело!... Настроение взмыло вверх острыми рожками блестящего месяца, вырвавшегося, наконец, из чёртова мешка на хуторе близ Диканьки!... Приспичило оторваться, покуролесить: «хорошо посидеть».

Попрыгав от дивана к шкафу и от шкафа к зеркалу в одних носках и трусиках (меняла на пути туфли, прикидывая и разбрасывая колготки), Марина натянула кожаную юбочку, рубашечку, сверху - кожаный жилет, с всевозможными облегчающими вырезами. Было желание попрыгать (потанцевать), побеситься и поблестеть. Раз так, на шею цыгански, монистом упали крупные бусы. Глянула в зеркало - сегодня понравились. Ну так что-нибудь ещё по крупному! Что?!... А вот. И в мочки ушей впились клипсы - золотые колёса. Побегала ещё, меняя пары туфель и насаживая на пальчики золото, и насадила штук шесть колечек и перстней (любила жёлтое). Покрутила, попереоаживала - какие два сегодня выберутся? Предпочтения не получилось, задумалась: что за настроение сегодня такое?! Прохлада влияет? Марка долго нет, - и ревность внутри кусает и сама в себе бесится?!... Оставила до выхода пока всё (что было надето) на пальцах.

«Так... Маникюр... Очки теперь в сторону... Звонок?!... Ну кто ещё там не вовремя - ring me tomorrow!... Девчонки - вы, что-ли?!... Отвлекаете!... Да, девочки, уже выхожу! Всё - всё... Встречаемся на нашем месте».

Ещё разок к зеркалу подбежать!... Глянула на себя - повертелась, осталась довольна. Ножки стройные (но не худые) - аппетитны, колготкам льстят. Бёдра крепкие, до «не могу» обтянуты юбочкой... Попа упругая, кажется прикрытая, а так - вся, как на виду, - прелесть попа... Руки - обнажённые до локтей, и руки привлекательны не менее ног. Грудь, - «карандашный тест», но поболее - натягивает рубашечку!... Что ещё. Глаза карие таинственно, лучше - нагло, блестят, губы полные, - губы чувственные лакомо млеются. Кудряшки на лбу и локоны по плечам.

Помигала на себя отморозенно: н-ну!... Повыхохатывала, вертясь у зеркала - «Блин, ты даёшь... О-пу-петь...» Да - девочка-оторва!

«Так... Пора - поехали!» Ничего на себе не меняя ключ от квартиры в сумочку - шмяк! Входной дверью - хлоп! Каблучком, удало изогнув ступню, пивную банку, пустую, гремящую, с лестничной площадки (а не бросайте где попало!...) - бац! Шар-рах!... Чирк-чирк, тук-тук-тук... Через минуту только дверь в подъезде - как камешек по воде - прохлопала.

...Друг у Марины тогда был. Любить, - как-то страстно, безумно, безудержно,

- не любила: притягивал, был надёжен, была увлечена, весьма нравился. Но друг в тот день был в отъезде (дела, вопросы бизнеса) и Маринкина женская троица, уговорившись заранее, скатилась к одному времени в свой ресторан без цели знакомств. Исключительно - посидеть; и в большом обществе, и втроём; выпить, потанцевать, пообщаться, - понаблюдать «кто с кем» сейчас, раствориться в шуме, развинтиться в гвалте ресторана.

Ресторанные завсегдатаи всегда чувствуют, кто за чем пришёл; кроме того, компанию знали, и мужчины со стороны с намерением и предложением более чем «потанцевать» не подходили. Так сказать - не лезли, под ногами не путались, веселиться по-своему женскому обществу не мешали.

Всё шло прекрасно, гладко: расслабляющий пятничный вечер. И подружки - *sing like a lark*.

Через час стало чуть обыденно. (Вздых.) Невозможно более *roar with laughter*.

Через два (тут зевок) - скучновато. (Всё-таки мрачно в мире - *make no mistake about it* - даже ресторанным мирке - без мужчин.) Марина уже позёвывала. Позевала, выпила, рассеянно водила глазами: хоть бы какой-нибудь «друг»...

Вдруг!... В середине ресторанный вечера!... Перед ней, скучающей, возник - интересный на вид один. Как!... Как - мессия ей во спасение; из табакерки. Из шума, говорив, музыки, танцевального хлопа, блеска фужеров и полутемноты. «Можно Вас станцевать?» - проговорил неизвестный. Марина прищурилась. (Очки в сумочке.) «Так можно?!» Марина сощурилась, оценивая. «Ну что...» Мужчина был ей неизвестен - никогда не видела: как быть? (Любила порядок.) Для постоянной компании ресторана нов. Марине - любопытен; но не люб.

Сдержанно-крут, явно манерен. Кричаще дорогой костюм, белые лаковые туфли. Выдающий чужой вкус галстук. О чём-то говорящий (о недавней бедности? Нет. Но о чём?!) - массивный золотой перстень.

...Белого пальто с шарфиком не хватало - ага: Кристофер Ламберт на работе, позёр, сосланный в трактир «Сороконожку». *Aim at the moon ...*

Марина прикинула и... Благосклонилась. Танцевали.

Во время танца ламберт назвался, у неё имя спросил. Она ответила. Он разговорчик завёл. Она поддержала - междометием. Он начал действовать: туману напустил; и сгустился величественно. Марина подумала: да - пари бога ради, мне-то что...

Оттанцевали, туман до столика её проводил. Кивнул, испарился. Она присела и дугу испарения спиной чётко продолжила - область, точку приземления тела вычислила. Развернулась, как бы просто - просто так, попробовала тот островок, ту отмель хотя б искоса поразглядывать. Что-то ускользало от неё в нём - что-то

англ. *sing like a lark* - распевать весело, звонко, от полноты счастья

roar with laughter - локатываться со смеху

make no mistake about it - не обманывайтесь на этот счёт

aim at the moon - быть тщеславным, высоко метить

такое, что не дало при танце поболтать не зажимаясь, - хохотнуть, потрепаться. Сидела с сигареткой, чувствовала: обязательно ещё раз явится. Решала: провести до закрытия время в его обществе? Дать понять, что занята? Каждый раз в туалет улупётывать? Наблюдала пока исподлобья - темноты якобы опущенных глазок - как новый заводделом городской администрации секретаршу пенсионного фонда «облизывает». Уламывает, трудится. Прыскала про себя: «Вот болван! Это ты думаешь, что её надо обхаживать. А она уже обхожена... Уже уломана - сразу! Как тебя заводделом назначили. У неё мечта всей жизни: выйти за начальника... Но Любка, девушка ничего, всё при ней, может для вида поартачиться... И правильно делает! Давай, Люба, за так ничего ему не давай! Хватит с него - и так, нахалюга, бесплатно дом строит! Но - не подкопаешься... К сожалению...» И продолжала покуривать да краем глаза отстреливать ту сторону, где ламберт размачивался. Высказывала пожелания другой парочке: «...Слава, ты, дурак женатый, - другого места выбрать не мог?!... Или думаешь, в темноте, да в столпотворении вас никто не увидит?... Вот светиться охота!!!... Сразу трахаться надоело, решили на виду у всех до этого дела - того: потанцевать...» И - краем глаза - «Ого!... «Мой» -то уже не вытерпел» - краем глаза: манерный в её сторону пробирается.

Музыка - медленный танец. Оглянулась по сторонам, подруги разобраны. Подумала: «Пойти, что-ли?...»

Кавалер подошёл, приглашает. Лицо высокомерно-слащавое.

Музыка на танец пришлась - бывает такая - невыносимо длительная; невыразимо приторная, медленная-медленная. Влюблённым парочкам под неё удобно на виду у всех друг с другом колыхаться - объятия, качания, сладкие взгляды, ретроспективы чувств, жмуренье от удовольствия, поцелуйчики, предвкушения!... Нет слов! (Без слов, одни взгляды.) А другим что делать? И наша пара поневоле разговорилась. «Мариночка» - осторожно и нехотя, от непонимания, кто перед ней, - слово от слова за километр, как дорожные знаки, километровые столбики - только особенности дороги отмечают. А танцор её, - оказывается, он на неё давно глаз положил, только проверял, одна она или с кем-то, - оказывается, он выбрал её потому, что она здесь сегодня самая яркая! Луна пригожая!... Лукавый - слова, как козы горох свой из под хвоста рассыпают, когда ветки обдёргивают, да топчутся. Он - ну ей в уши её достоинства расфасовывать!... Марина поняла, время зря потеряно - чем заняться? («Ах, вот». Продолжила свои английские упражнения. Тема всё прежняя - пословицы, поговорки.) Разговор же попробовала перевести на другие рельсы. Кристофер сейчас же ей - про свои достоинства. («...Persuade somebody that the moon is made of green cheese ...»)

...Какой он крутой да важный! Да какая судьба у него была трудная! И его ковала... («The man in the Moon?!...» - Марина начало послушала.) Как за друзей своих он -

англ. persuade somebody that the moon is made of green cheese - убеждать кого-либо, что Луна сделана из молодого сыра. Т.е. доказывать явную нелепость

the man in the Moon - мифический человек, обитающий на Луне. Или - с Луны свалился

горой! Чуть ли не в Афганистане воевал. Да как пострадал, и страдал долго. Марина: что за страда? Он не понял. А что за друзья? Друзья? О-о!... И друзья за него горой. Во - друзья! У них такая дружба!... По гроб. Марина: по чей? (Уже язвительно.) Он: умрём друг за друга, но в обиду не дадим!... Друзья его не забыли, не бросили, - и только он опять сюда... Тут же они ему... Они его... И «хата», и «тачка», и «бабки» - живи друг, живи, братан!

- I have a bad man ... - тут Марина вздохнула и насупилась.

- Бэтмэн? Без проблем!...

Да! Он, как Бэтмэн! Только покруче будет.

- Black man, - вздохнула Марина. И, повздыхав, поинтересовалась (не могла не поинтересоваться): типа, а где были-то, в каких местах так долго, что Вас забыть могли?

Ну!-у... - тут певец её вообще, в натуре, ну - типа вербой после зимы, - новогодней ёлкой с лампочками расцвёлся. «Да Вы панима-а-ете!...» Да уж как-нибудь. «Да это та-а-ки-и-е лю-ю-ди!... У нас ба-а-льши-и-е дела!... Бальши-и-е «бабки» делаем!...» Ваз-мо-о-жно, может бы-ы-ть, при более близк-а-ом зна-а-комстве, при удобном случае - он расскажет ей. Но ей не понять, потому что... «Но для Вас это...» Тут он при танце как бы отодвинул от себя Мариночку, как бы давая ей понять, что откровенно её оценивает, разглядывает её - её, такую вот... Такую вот чистенькую, гладенькую, беззаботную бабочку, - аккуратненькую, сытенькую, - даже холёную. Возможно, умненькую. Да-а! Девочка не без ума - техникум, наверное, закончила.

- Так я не пойму, всё-таки... А... Нет - понятно... - покивала Марина. («A confidence man ... Promise me the moon».)

- Да - снизошёл он. - Для Вас это, панимаете... Для Вас это, как до Луны? - так он своё детерминирование прервал.

После чего, уже по-свойски, как по своей, собственной - по ручке её, оголённой до локтя, пальцами прошершал! (Марина про себя поморщилась.) Стиснул у локоточка. К себе «девочку» подтянул. И прижал - груди её прочувствовать, аппетитно глаз грели. (Марина про себя фыркнула изумлённо.). А он уже попку её смело, - расковался, брат, - потискивает. Марина икнула от изумления, но и это стерпела, потому что - «Ах так!...» - мгновенно связав все обстоятельства, уже придумала, кто кого (и как - get a fair show) «здесь и сейчас» будет использовать. Бёдрами машинально повела - ручонки убери!... А он понял, наверное, - бога ради, приятно, не жалко. А что он ещё мог подумать, - такой? Он же на раз привык завоёвывать «девочек». И вот - очередную: завоевал. Пора «окучивать».

Но - танец всё идёт, пара наша танцует. Марина (решив всё на раз) - хоть бы что, пируэты своего «фаэтона» дотерпливает, не прерывает. Почему бы нимфой Калипсо себя не почувствовать?! Чувствует себя уверенно: be at home. Ничего с

англ. a bad man - злодей, головорез, закоренелый преступник black man - злой дух, дьявол, сатана
a confidence man - аферист, мошенник
promise me the moon - обещает мне луну с неба, т.е. (рус.) вешает лапшу на уши
get a fair show - использовать удобный случай, представившуюся возможность
be at home - чувствовать себя, как дома

ней не делается, она и не такое, и не таких видывала. Нашёлся, тоже, наследник Макдональдса... Вот Марк у Марины, действительно, в своём городе был «крутой», и за Марком она (и в его отсутствие) в любой городской точке чувствовала себя, как за стеной. (Своей охраняемой квартиры.)

Присматривалась к танцору - надо же! Собрался её окучивать... Неумно, по меньшей мере. «Это мы вдвоём, парой нашей с Маричкой, в этом городе - можем и посадить, и закопать, и окучить».

А этот!!... Как карт-бланш получил - попку сверху юбки потрогал. Расковался, раздухарился, - ведёт, распоряжается. Командует. Утянул Марину к своему столику. Одного компаньона подвинул, другому кивнул - ублажать, сам щёлкнул пальцами официанту.

Миг! И крупный фужер полный духмяного вина пред Мариной, притворившейся размягчённой и чуть пьяненькой, поставили. «Мариша! Давай-ка...» Мариша не наклоняясь - и не придвинувшись, - издалека, как собака благородных кровей верхним чутьём - носиком винный воздух с фужера потянула! «Фи!» - коротко бросила. Заявила, - с поджиманием губок, с брезгливостью, что она эту муть за сто рублей - амаретто тверского разлива - с детства не переносит. Как в средней группе детского садика бросила, так больше и не употребляет. «А вот рюмочку настоящего коньячка...» - начиная времяпрепровождение по-настоящему и обращаясь больше к официанту, чем к застольщикам, - сейчас бы, именно сейчас! Бы с удовольствием выпила. Это раз.

На счёт три чуть ли не председатель совета директоров участвующего в нашем спектральном событии однокоренного ресторана склонялся перед ней с в правой руке тёмной бутылочкой. Как говорится, наклейку и пробочку просмотреть не соизволите?... Жаль, что у полотенца один цвет - белый. Ну так лицо сверкало у служивого всеми цветами солнечной от радости радуги. А вот рот - на замке, - а глаза, почему-то, в кучку. Рот так хорошо заперт, что вместо двух губ одна полоска - губ не видно! Что с ним делается?!?...

Марина заворожённый взгляд с коньяка перевела, глазами попыталась с глазами встретиться - а вот ни фига Вам, Марина Владимировна, а нету глаз! А нету - их вообще нету. Взгляд поймать не сумела, послала гримаску - это-то он увидит: «Ой, будь другом, исчезни,а! Ты мне ещё днём надоел!»

Гримаска собутыльниками была истолкована не! правильно. Служителя услали чуть ли не самим Бахусом - «Моей даме этот ваш коньяк не нра-вится!...» Марина генеральному официанту (как раз следила за плеском коньячного вкуса во рту) возмущённо (и отрицательно): «У!... Гу!...» Ручкой - «Нет, нет! Всё не так! Прости, пожалуйста, это не я, это вот балбес!...» И - ручкой, ручкой (губы от коньяка не оторвать) - показывает.

Ну что, налитый коньяк она обстоятельно пригубила, вкус оценила. (Коньяк был дорогой, качественный) Начала смаковать глоточками. Спросила ещё - лимончик в сахаре да маленькую шоколадочку. Да!... И кофе заварить не запамятуйте.

Продолжила. Пригубляет, каверзно прищуривается. Наблюдает, молчит, головкой кивает, наслаждается. Всему поддакивает. А, в принципе - что?! За такое вкусовое великолепие один раз можно... Кроме троих, кругом все свои, и свой, ресторанный, знакомый, приятно рассеивающий внимание, шум кругом! Красота.

То, что перед ней сейчас несколько мужчин расстилаются, её не вдохновляло. Во-первых, у неё имелся собственный, куда более интересный и куда более надёжный, во-вторых, она предпочитала иные «коврики», в третьих, ничего интересного, кроме коньяка, она за этим столиком не сыскивала... В-четвёртых, - и вот в четвёртых... В-четвёртых, она уже спрогнозировала, чем после коньячного запаха завоняет. И вонь та её обоняние никак не устраивала. (Например, на трупы она принципиально, из-за атмосферы при них, не ездила.)

Ногу на ногу закинула, - с задирием юбочки и коварной усмешкой: Шэрон Стоун вспомнила, - коньяк пригубляла. В пение и шёпот в ушки старалась не слушиваться.

Но - внимание, восхищение, суэта вокруг её персоны, ей, безусловно, лстили, лстили, лстили. (Так как завистливое внимание окружающих дам приковывали.) Были приятны, пьянили крепче коньяка.

...Незамедлительно отведала второй коньяк. Подняла глазки на официанта, промолвила: «М-м-м...» (В смысле, хотелось бы уж - трилогию! Подыграй, пожалуйста? Не Марка же разорять тут у вас!...)

...На четвёртом коньяке актёрствовать перестала - совестно маленьких дурачить, неприлично настолько объегоривать. Обратилась к своему фигуранту попросту: «Хотелось бы сравнить эти коньяки с каким-нибудь ещё - равноценным». Отпробовала.

Официанты!... С каждой новой бутылкой каждый раз новые подходили, как следующие в очереди, - кажется, прибывали даже из других ресторанов и баров города. Тоже, развлекаловку себе устроили: пробиться лично позреть, как Марина Владимировна коньяки стоимостью в среднеобластную среднемесячную зарплату дегустирует. И всем знакомым наливает: а пусть пробуют!

Наконец, Марина решила: побаловались и хватит, пора опомниться - fly in the face of Providence. Причины следующие: сигналы из сердца голове - момент подсказывают. Кроме момента - контролируемая сумма расходов: безопасность превысила. Кроме того, в голове периодически, а в ушах уже бесперебойно, и всё более какими-то словами путаными, пошумливает, позванивает. Что-то нашёптывают, и что-то всё более тискают. А это уже и неприлично, и не нравится. «...Что ж, пора и честь знать...» - вдруг заявила. (И - не роняя её - shoot the moon! - выкручиваться.)

Стоимость выпитого (всех коньяков, самой и знакомыми) она списала на стоимость её (дражайшей Марины) общества. А вот нашёптывания и тисканья, это уже ей в дебет - в дебет... Итого, общий баланс у угощавшего - минусовой. И далее поэтому: «Ну так где! За что! И по какой статье Вы всё-таки отбывали - так и не расскажете». Без подтекста и без иронии, закончив не вопрос не застольным пафосом, приготовилась подниматься. «Ну и ладно, мне и... Будет нужно, сама

узнаю» - доверительно сообщила она. Этому... Этому, - который (ask for the moon) в друзья по сну напоследок, в струю коньяками, обволакивающе греющими под юбочкой, одеялочком набивался.

Официанты!... Every man jack! Во главе с администратором!... К тому времени уже в колонну по одному, как тридцать три богатыря с дядькой Черномором, дважды мимо продефилировали. И почти прыскали. Что Марину беспокоило, раздражало, сердило - нарушало комфорт. И способствовало её раннему отлёту к подругам, и в пенаты. Марина могла прыгать и визжать под «Мадам Брошкину», и задира́ть ноги до ушей, пусть даже трусики мелькают и грудь нечаянно при всех вывалится - это в порядке вещей, когда ВСЕ разошлись и все ТОЛПОЙ на миг в пике веселья в ресторане взбесились. Но тот цирк, который происходил, её угнетал, не устраивал.

...Контингент её, простофиля её услышал только знакомое. Соответственно, реакция: «Да ты па-а-ни-ма-а-ешь!... - начал он гнусавить в ответ и гнуть пальцы. - Да я па-а-нима-а-ю, да-ра-га-а-я: для тебя это, как до Луны!...»

- Слушай, дорогой, - вздохнула, вставая, и ещё раз вздохнула, подманив его пальчиком, Марина. Усмехнулась сатирически, глядя на свои пальчики, пооглядывала их - ах, вот в чём дело. Растопырила. Как - ну, типа, - у *этих* принято. Бровки вздёрнула, носик задрался. Ладонкой махнула, подумав, фужер подальше - не опрокинуть б случайно - оставила. Ручкой помахала перед собой. (Зрителей - официантов разгоняя.) И перед *этим* - как привлекают отвлѣкшегося, как проверяют спящего. «Эй, мол, внимание попробуй сконцентрировать!» Не вышло. Тогда: «Ты-ы па-а-цан, я-а па-а-ца-ан, что ли?» - поддразнила.

«Дорогой» восхитился: надо же - своя, оказывается! И какая сообразительная!...

Тогда она развернулась к нему, потянулась всем своим аппетитным корпусом, головушку его к себе, поближе, мигерой ласково за ушко притянула... И отчеканила раздельное.

Как зачитывала днём. Тоже в зале, только не ресторанном.

- Слушай, дорогой - every man is a fool sometimes, and non at all times. Я в этом городе - помощник прокурора. И через день и каждый день. На эту твою луну! Людей отправляю.

...Что и как (эти последние слова) она ему говорила, мало кто слышал. Те же, кто присутствовал при их расставании утверждают: из-за стола компанию, наливавшую Марине, как отливом морской волны слизнуло. Сдуло, как ветром, как говорится.

А официанты её, после того вечера, с лёгкой руки одного умника, за глаза - иначе чем наша «woman of moon», - то есть, женщина луны, - и не называют.

Yes - she pass into a proverb. And...

Но нет - кончим на этом. Далее только лишь - bark at the moon. А нам ещё надо...

Часть 9

Она всё такая же. Только ей уж не тридцать. Она живёт, она работает. Друзья и близкие в городе её величают Марина.

fly in the face of Providence - искушать судьбу
shoot the moon - ночью съехать со снимаемой квартиры, не заплатив за неё
ask for the moon - просить луну с неба: требовать невозможного
every man jack - все до одного, все, как один, все без исключения
every man is a fool sometimes, and non at all times - никто не бывает дураком всегда, а вот изредка - всякий
pass into a proverb - войти в поговорку
bark at the moon - лаять на луну, то есть тратить время попусту

(«...я старый солдат Питера» (из письма - черновика рукописи))

PS: Признание в любви - редкому, Родине, городу

Поздравляю

Ваша Юлия

...Славяне, ратуйте!

В нашем культурой стольном городе, - канавок и львов, - гранитном, на костях, - и Неве, реке, бегущей иногда вспять, в зад к азиям - к Руси от Европы, - и городе от ума российской истории, тиснутом в бородастый лик её стахановцем августов пикой селищу своих азиатов в веке, когда опять захалестилась золотуха и с лихим колокольным звоном понесло по великим просторам самого неопрятного государства благой крайний стул, - на коем привольно раскинулись очередные времена громких русских плюх, - есть проспект.

Титулованный победоносным - и красивым - военным именем «Суворовский», - сугубо гражданский, - и один из старинных, он слитком Смольного рождается близ набережной Невы, оперется против Большой Охты, - за миг распушась воесю! - трелью машин наполняет сад и дворец, и тихую улицу - Таврические. В упор не замечая музея своего прародителя, а стремясь вкусить цивилиности «Невской першпективы», рассветывает сам себя вширь галошами троллейбусов, раскланивающихся с автомашинами, и!... Но!... Полный уже воздуха и зрелого благородства, удавкой плотоядной слюны давится от предательских сальностей последнего квартала. Упичкавшись в нём, - ожирев в его кафешках и пельменных! - теперь лишь задавленно пукает в бок Старому Невскому: всё, весь. В двухстах шагах Московский вокзал, - и нынешняя площадь Восстания; со стелой за местом царя с конём посредине.

Это обширный район многоэтажных гряд частного Санкт-Питер-лэнда и общежитие неутешных коммуналок социума - Ленинбурга. Здесь легендарный аристократический институт целых девиц (залапанный некогда самым образованным мужичьём), сказочно-известная (пивная) давалка «Три богатыря», базар (али рынок) имени народного барина, защитника - поэта, дюжинный трамвай, улочка, с которой не знаком ни один таксист, заодно десять необходимых Советских улиц (ать - два, три - четыре, трам-тарарам, трах-тарарах, девять, десять), и одна, противная (вся - стошаговая) - «Старорусская». Здесь столпленье эпох и совокупленье строений. И то же - историй: всех - не переписать. Вздывим одну.

Вот светлыми очами жёлтого, каменно-спелого полукружья фасада, бравадой чугунной ограды обезопасенный от неуставных взаимоотношений с приезжими и прохожими, умозрительно равняет свой проспект главный корпус построенно-царской Академии Генерального Штаба. Изгибаая своим пиететом суворовскую перспективу, и машинальному грозя львом, прекрасная панорама донельза притягивает взгляд сведущего ещё и единственным в городе львиных полюций лёвою спящим. Ничему он не внемлет. Кажется, выноси всё! Каменный страж проспит!!!... И дрыхнувший посреди розовой клумбы охранник пути к (и «из») высшей военной стратегии здесь у нас такой же «от кутюр» истории, как слив аристократических генов, в данном случае - академии, под испод кухарке. Ныне здесь (вообразите малопонятное) - военный универси...

Тут с главного входа, - в это, как на х... теперь его?... - нас категорически - жуковски!!!

рокоссовски!! На Берлин - бей немца! - не пустят, но податливо (кутузовски до Москвы) союзнически предложат вострить лыжи: пройдите в бюро пропусков. «...А - да-да, всё по проспекту, вдоль ограды - не ошибётесь». Вот так. Затем кусочек пути по запущенной Таврической... Далее - тенью, тишайшим местом... Меж лип, где лекарствует прохлада... Мимо чудного тихого склада музея, Суворова, - за сим обогнуть врачевательный институт с трупной кладовой - вот так... Каждый поворот, каждый изгиб всё влево, влево, - и уж, когда кажется, скоро конец пути сомкнётся с началом, - и уж когда от напротив ворот сада Таврического подумывается «Ну, ясно: послали...», когда кажется «Левей некуда. И где тут военное?!» Вам бам! Под ноги ясный партикуляр: улка длиной с победный марш спринтера с одностежным фортелем в названии: «Парадная!» Рассекшая - ах мы попали в зад... - в милитаристские советские времена попятившееся в город военное училище; размежевавшая его, как аллегорическая нева готическое строение лубейного государства.

Стоически промаргиваясь от случённых открытий на впечатлительной Парадной, войдя в историю, в пору сочинить и крайне русский анекдот.

Для чего обойдя всё ещё и ещё раз, нанеся на пиар-карту опознавательные знаки (как название повести, - как название повести! - и эта записка), - стрелки, засады, места привалов, благоуханье портянок, направления атак, громы сапог и стенанья рожков, - на цыпах откинемся, пацаны, ну, мы тут чё, блин, типа... - тихонько каная суворовским непобедимым маршрутом, недопущенные с его имени главного входа, парадно впятимся в тыл. (Да - и «чисто конкретно» устроим «базар»!) В нём показав тихосапого греческого троянского коня, а в нём - осатанённую русскую кузькину мать не только военной теме.

...Ах, Ленинград!

Как бы тебя ни перерекали в стадные дни народостранствий по времени - Питербурх, Петербург, Санкт-Петербург, Петроград, Ленинград, снова Санкт... - Питер всегда, для человека родившегося - выросшего при креплённом социализме, ты вначале непременно: ЛЕ - НИИ - ГРАД.

Лишь сполох мысли, ещё только заря белых ночей ума о тебе, а язык уже сам прижался к мокрому небу: л-е-е... Ле!... (заимствую у питерца, заимствую у Набокова, - продолжаю питерство! раздвигаю набоковство!) - и стан Невы между гладким, как бритое лицо, Литейным мостом и вечно щетинистым стальным Большеохтинским, повернулся!... Смак, обёрнутый берегами, сонно покачивается в глазах, и, небо, широко зевнув, вздрёмывает; как сытый гиппопотам: ходи по нему.

...И пошли - пошли корабли! И мосты разошлись - дрогнули, разомкнулись!... Тут - «нин»-н!... Где первая «н» - глуховата, где первая «н» приглажена утром ночи, начальственным «Ле» - и потоком машин, стекающим в проспекты с мостов бесконечно, с Невы на площади, - первая «н» пока - пощада. Но някнул колокол в Лавре, - в Александро-Невской, конечно, ибо где ещё - в каком ещё городе трепещут: Лавра! Лавра!... «Давно не бывал в Лавре? Пойдём завтра в Лавру! Был я третьего дня в Лавре...» - и через «и» вторая «н», она звонкая: уж удар! Дар медного звука - звон-н-н!... Каменный бом, его клон, - скачущий смех, цок, и смех-стон, - кок свадебных рюмок, бюстов, каблучков, целых фужеров на пяточке Стрелки! В виду Крепости, Адмиралтейства, Зимнего, - ввиду праздника, - и у всего города на виду. Дзынь!... Стекло хрустально по камню.

Но - «нин-н-н»... Росчерки столбиков «и» - то половины мостов; то скальные пики в светлой ночи, в чём посреди - створ, крепости «н-н» по краям. «Н» - крепления,

опоры! Опоры - берега, в берегах - андеграунд, костистые фундаменты великого, кряжистых зданий. Гро-мы-ханье.

Но - Лее-е-нии-и... От дыханья Невы над водой «Грибоедова» повздулись толстые мостики; а под ними, их подводной средой - ползущие нескончаемо в глуби - вглубь, вглубь, вглубь! - ленты, рельсы, эскалаторы, потоки людей, подземные трамваи... Метро. Ещё «Ле-е-ни-и!...» Как чьё-то «Ау-у-у!...» - с моста «Лейтенанта Шмидта».

Ау-у?!... Что? Ах - лейтенант... Что, литёха: не дослужи-ился до полко-о-о-вника?!... «Ау...» - влез, встрял, вклинился во времена русских плюх... Ни-и-и... Немцу?! Да уразуметь России действительность???

Но - на время забудем. Город! Город на вёрсты, мили, на километры, - город никогда не кончится, - город на века! Оттого - «град».

Град - полуденный обрыв утра петропавловской пушкой! Град - горсть тяжёлой рябины: спелой, изжелта сочной, - горсть вишнёвых, черешневых косточек, кинутых шалуней ли, шалуном с какого-то этажа и пробарабанившая по гладкой розенбаумной голове. Враз запоёшь! Ещё не такое.

О, город Питер, мачтовый государства. Стольный да отставной, дворцовый, да пролетарский, - записанный в мечтовый революционный!... А ещё - кунсткамерный, романовский, таврический...

...Вот вышли дворничихи, вот - алкаши, вот - солнышко, вот старушки. Асфальт. Тротуарчики, лавочки-деточки, толпятся дома... Скверики, обрезанные калигулами зданий, липочки на цыпочках - рученьки вздели! Вверх! Сохнут, исчахают - не хватает небес. Солнца не бывает ниже второго этажа - старый район. Старушки на лавочках чинны, как в присутствии, дышат ровно, и ровно глядят, - им май по сентябрь; им кружево лет - равно с прилежаньем одеты. Кто оне? Кто они? Последние из «блокадниц»? Досыта хлебнувшие глада и вкушающие сыто в закатные дни? И на дворе год одна тысяча девятьсот девяносто девятый? Вышедшие подышать служанки, отгорбатившие служивый суетный век? Старые девы в прихожих на сундуках, год одна тысяча девятисотый? Ах, равно. Сто, сто пятьдесят, двести, - говорят, уже триста!...

Нет! Тебе не триста лет. Триста - выдумка гуннов! Зависть шведов! Злокозненность баев! Варварство арийцев, хамство монголов, казанство татариев! Нет!... Хрен им на голубом блюдечке без майонеза! Ломы абордажные ... под солидоллом... Пусть голоса, раз вопят - пусть, жопы, радуются.

Ты был всегда, мой оплот. Ты мне кремль!

Ты искони детинец моей крепости от всех, от всяческих половцев! *Руце воздею и устне к похвалению, осквернены скверною*, Спасителя за тебя *прилежно умоляючи*, - мой рим, моя мекка, - троя, - рио-де-жанейро, акапулько, берлин, париж, - лас-вегас, новгород, - царьград; моей невозможной, моей глумливой истории. Ты был всегда, будешь всегда.

Будь безупречен! Город, сражающий осевшего провинциала и врастающий в приезжего своего.

...О, город-пьеро, рисуешься мне ты слезами и смехом.

Театр... Служитель... Военный...
Военный театр.

...Вот полковник. Взирая на что-то сквозь гребень Казанского прогуливается по набережной. Гранит Грибоедова канала. У полковника в зубах изящная трубка, у полковника под руку отяжелевшая от лет любимая девушка - жена. У жены в руке поводок, на поводке собака. И стриженный бобриком поджарый полувековой муж седым пеплом волос и гранитным рельефом лица роднится тёсаному серому камню и дымчатому собачьему аристократу. Они приятели! Хотя у последних в тысячу раз благородной крови в родословных больше.

Группа курсантов с девушками и «хи-хи, ха-ха» вальсирует мимо; и полковнику приходится вынимать трубку из зубов: его понимание благородства, его чувство собственного достоинства не позволяют одновременно сосать и служить. Даже жена с её невоенными формами, гражданским взглядом, влюблённым в Казанский, мужа и терьера одновременно, - наездила по родимой сторонушки хлябям и весям, туфельки надевала три раза в год, отдыхает теперь душой и телом на твёрдом - граните, паркете, - даже женщина под руку смущает служивое существо полковника при отдании чести. Но вот всё исполнено и глава воскресной процессии с дамой с собачкой вновь с трубкой в зубах и взглядом вдаль. И мыслями в голове. Кто он? Комбриг из Сертолова? Начштаба из Приозёрска, из Сиверской комэск? С Чёрной Речки комполка? Весь город - город со всех сторон! - окружён... А может, этот полковник - преподаватель, начальник кафедры? Несчётно в городе и при- военных училищ. Что так?! Но - что-то замыслил полковник, не будем тревожить. Некстати мешать, он думает о своём: кафедра жизни сложно устроена, высока.

А вот рой старичков - секстет негромко говорящих. Их спортивные костюмы, их цепкие взгляды, не сутулые фигуры, хоть хлипкие плечи, их ровно подбритые щёки и шеи, вкупе с чем-то ещё, неуловимым, не броским точно говорят опытному взгляду о их прошлом и настоящем. И пухлощёкий выпуклопузый блюстителю порядка, поравнявшись с моционерами, однозначно приветствует их, отдавая гражданским честь. На что они благодарственно, - и снисходительно: послужи ещё, зелён ты, парень... - вскидывают сухонькие ладошки, взмахивая сложенными по-старообрядчески пальцами, и не донося их до виска - уже не положено, и соблюдают. Офицеры! (Запаса.) И удаляются, по-курсантски сторонясь патруля - посмеиваются над собой.

На одном Невском (одном из сотен проспектов) города военного патруля четыре маршрута. (Читай - четыре состава. Двенадцать человек! Каждый день. Двадцать четыре каблука!) Много. Накладно для государства. Сокращать бы и сокращать. Вообще, к чему - пусть порядку служит милиция.

Тот, кто считает: можно без армии, - пусть селится в заграницу. Царь - град Петров без военных, Россия без армии - что справка без печати! что женщина без ребёнка. Не- дейст- вительны.

Справка

Дана настоящая Россия - матушке

Без армии Ты - не действительна.

*Михаил, Архангел
Архистратиг*

...К полдню полно детворы.

Мальчик, писающий в Петергофе прилюдно - это фонтан. Мальчик, сторонясь людей поливающий кустики Петерграда у собора Казанского, (ну нужна. Близ мама. Пытается прикрыть фигуркой, телеса ещё не нажиты.) - это свой. И только приезжий осудит его: «Ну ты и чува-ак...»

А вот другой мальчик. У кустиков же, у же Казанского! Кем этот напуган? От чего? Застыл, как истукан. Похож на второго, только схватился не за ... - за мамину руку. Он словно в ужасе! Он таращится на собор!

Мама уже отпялилась, жуёт шоколадку. Думает (наверняка) - где тут туалеты, куда ещё пойти, сколько до поезда, что купить...

А он! А он!!!... Он пятился б!... Видимое его отбрасывает! Если б и не втягивало одновременно. Эти колонны!... Эти колоссы, столпотворящие небо, - они не продавят земли?! Они не провалятся в Землю?! Они из камней?!... Эти, эти... Держащие тучи и само небо. А ступени? Они - фантазия? Фантастика? Они - они что: гранит?!... Как все люди смеют своими ступнями семенить по сим ступеням?!

Вот страх!... Мальчик «парится»; он не изумлён, он не шокирован, не потрясён, не растерян - он вообще не представлял, что такое бывает! Вот что. Он приехал сюда отсюда, где самое-самое - верх! Высочайшее в культуре - типовой двухэтажный ДК; вокруг райцентра - леса, и ровная поверхность «сухопутной» земли; и высоко - лишь сигать в пруды, подпрыгивая с их берегов. И вот теперь, здесь, тут, он распахнуто уразумевает; он силится поскорее принять в утробу: такое бывает. Это так!

Он уже хочет жить только здесь! Он уже жалеет, что здесь не родился! Ведь был бы ленинградцем! Питерцем! Он странно смотрит на маму! Приглядывает других мам!...

Тот, кто считает, питерцем нужно родиться, определённо родом из подМосковии! Питерцем нужно проснуться; а каждый день вновь потребует от тебя питерцем стать.

...«Да, мальчик, это - Ле - нин - град...» И питерец добродушно посмеётся, и доброжелательно подскажет маме: как пройти, что сейчас посмотреть, как добратся, как не опоздать, когда она немым вопросом в остановившихся глазах заставит замедлить шаг его. И объясняя, посочувствует: «Казанский, мальчик, это далеко не всё. Попробуй сам город!»

Не пробовал Питера, считай, не жил.

Этот город - жизнь. Его плоскость - объём.

Что - объём - жизнь?

...Летать, царствовать, важничать, княжить, - пажествовать, шестерить, лизать ж...ы, вылизывать блюда, - кочевряжиться, бражничать, химичить, - батрачить, - возделывать пажити, созидать тома, писать этюды, - муравьём, стрекозой, - самому по себе кружить... С кем жить, как жить, где жить, во имя чего - вопросы, ответы, ответы - вопросы...

И питерец добро посмеётся и ...

Попробуем! Но - какое?!... Троллейбусы на Невском, телевизоры в витринах Гостиного и «фарца» смакует дефицитно-экзотическое «Мальборо» у подземного перехода на пяточке - «Не желаете приобрести? А - нам у Вас? Пжалста, без вопросов - всё купим и всё продадим. Что? Родину? Нет, Родину - нет, это свято». Ну - пока... А под Аркой Генерального Штаба люди с орлами в жёлтых пуговицах длиннополых шинелей. «Стр-р-ой!...» Царские орлы, сокол - поручик, привычно поругивающий солдатню - да что тут?!... Времени измененье?! Скорее, совокупленье, с театральным насилием. Мужик в джинсах, с матерной пастью и копной волос - во главе.

«...В атаку! Вперё-о-од!...» Побежали, рассыпались, полезли на штабеля! Винтовки вздели вверх! Холостая пальба по небу и гром до небес!... И всё разом стихло, и все разом вернулись. Отштурмовали, оторали, отбляхали... Закурили и мирно копят. «Ребята, тут что?» «А!... Зимний штурмуем...» Ну да - обычное дело, после великого поста разговляется народ.

...Штурмуют Зимний?! Э, э - не смей! (Не слышат.) Вы рехнулись!? (Да и не слушают!) Какой ужас - «Р-р-разогнать! Всех! Немедленно!» (Вот так лучше.) Да - куда смотрит правительство.

Никуда. При кризисах это позиция.

Гм-м. Попробуем стать в неё, эту позицию. Ох, мудра-а-а...

Тот, кто считает: Питер можно завоевать, пусть попробует удовольствия с женщиной носящей пояс верности. Такие города не даются. Не любя, с этим нужно смириться; к ним можно привыкнуть, они требуют жить, живя, от-давать.

...Не стонать - правительство сбросили. Господи, креста на вас нет, - защиты, Богородица! Опять за своё: «поматросили, бросили». Но куда глядит ответственный «пиотровский»?!...

Действительно - конский навоз кучами, - валками, грядками, клумбами, отдельными экскрементиками... - огород по всей Дворцовой. Боже, сколько же здесь побывало полков!...

А сколько засранцев?

Всё загажено - всё! Где, наконец, хоть какой-нибудь авторитет?!

Раз нет теперь в Отечестве царя, пусть хоть кто-то обеспечит чистоту и порядок!

Главная площадь - гордость города! Сама история! И её «дворцовые» и «парадные» - желтее теперь бульварных газет и сранее, чем бесплатные вокзальные туалеты.

...Матросики курят «Родопи», надувают ртом пузыри американской жвачки и смотрят на мир через очки «Монтана». Всё, как всегда - вот порядок...

И год? 1981-й. Сергей Бондарчук снимает свои эпохальные «Красные колокола». Мат победоносного советского режиссёра, перенекиваемый по цепочке друг другу фигурами на крыше великого пристанища культуры, дофутболивается до музея Суворова...

Здесь действительность - вечность, здесь попадаешь, куда захочешь.

О, Ленинград.

Вот мечта: с Дворцовой площади, от Зимнего - Эрмитажа, по набережной Невы, а именно, - по улицам: «Дворцовая набережная», «Набережная Кутузова», «Набережная Робеспьера» (что за переменчивый дух?!) дойти до «Смольной»; где кончается гранит, запрещён проход; тогда переулками выбраться на дивную явь вновь.

Так - за мечтой?

Да, длинно. Да, не понять, - и ноги уже устали; но мы движемся, мы идём - мы подходим, уже наш район!

Но мы и пятимся в тыл. Захватанной теме. В лоб сейчас не пробьёмся. Так маршируем задами! Ничего; осталось всего ничего. Нам теперь в район города: «Смолянинский». Где многоголит «Суворовский»; что исходя от Невы ковыряет ребром Старый Невский. И вот мы идём, мы обходим дозором его. Что зрим?

Пока мёд истории зреет, можно ещё попройтись- прогуляться. А ради одних названий стоит здесь побывать. «Синопская набережная»!... Где ещё такое найдёте?! Как звучит! Как действует! Что пробуждает!... Усладу ушей при лести, сладость на языке, как при слове «халва». Ассоциация, образ целой сказки - «Синопская»... Воспоминание о победе, вход в бесконечность!...

Минуем мост Большеохтинский и скоро выйдем - скоро, скоро, осталось чуть-чуть, совсем ничего - выйдем к Лавре. К лавре, к площади, и метро, мосту - всё Александра, нашего, Невского! Былой воин, «понимал» немца.

Мы сделали круг, почти сделали круг - прогулочный, городской, исторический, лиро (литературо) спиральный. До конца пути - нам к Московскому вокзалу - по земным меркам - рукой подать: пройти весь Староневский, всего ничего.

Не извольте роптать - мы уж пришли. Почти пришли: квартал вернуться, минут пять постоять. (Нежелательно отмыкать чужие квартиры в отсутствие хозяев. Наши - вот-вот в свою войдут.) Идём - наш мальчик, пока мы всё проходили, наш первый мальчик с мамой - вернулся. У них был воскресный поход. Прогулка. По «Кафе-мороженым» до «Гостиного», - и кустиков-скамеечек у Казанского, - а затем по другой стороне Невского - той, что «наиболее опасна при артобстреле» - было и в двадцатом веке у русских с нерусскими («немцами») «дело под Полтавой» - обратно.

Существует всего два пола героев, мужской и женский, третьего при трезвомыслии не изобрести. Отсюда, выбор у автора всегда фифти-фифти. И ткнув ещё до начала Пути наугад (а автору Сегодня всё равно - однако - о чём писать, важно, что писать, важно, как писать!), сей раз он попал в не женский. И правильно, возбудимся на клич: «Парни! Сделаем это!» Оставим грудастой куполостой Москве «Пятницу», Сегодня нам страшен вид аборигена! Сегодня у нас есть не потерпевший крушение «Робин» из зон, а целый Роб Рой! Оцеола! Подрастающий Зорро! Да, он пока невелик, и «джунгли» добры; он - «маугли». Но всегда были и будут: и «засуха», и «бандерлоги», и «рыжие псы». И он будет - поавторитетней.

Он действительно будущий «авторитет». (Района.) Смолянинского. Будущий житель острова. (Не южных широт, - Васильевского). Кто знает, потерпит ли когда он крушение, попавший в волны очередных наших Плюх вместе с командой, с кораблём своего города, юный наш; истинно русский! Не какой-нибудь Петерсон.

Только что наш герой поднялся в квартиру. По «чёрной» лестнице, со двора (парадный вход заколочен), на третий этаж, прямо. Сказочная пора. В те годы он обитал на «Староневском».

Распахнуть окно - захлебнуться проспектом. Нет, надо сесть на подоконник и выглянуть. Напротив хлебный магазин. И кондитерский. И выход на сотворённый царём - стахановцем проспект улицы «Дегтярной». Кварталом левой чувствуется Суворовский. Дегтярная вольна, тиха; а на Суворовский всё въезжают и выезжают. Под квартирами, на этаже первом, междугородний телефон, переговорный пункт, весь день чудно хлопает дверь.

Жить на Староневском - что может быть прельстительней этой мечты! Только действительность: жить на Староневском.

Когда тебе семь, восемь, девять лет после школы можно часами смотреть на него в окно. Или, сидя на широком подоконнике, когда по улицам потекло, - когда к лету после зимы выставлены вторые рамы, грызть яблоко, яблоки, и читать книжку. И смотреть в окно. Ждать маму.

Как сладко, когда тебе восемь лет, устроиться сидеть на подоконнике, мечтательно смотреть за окно, просматривать книжку, хрумкать яблоки и ждать маму!... Что может быть лучше? Только мечта всего этого.

И если пять - пять дня, семнадцать вечера - она скоро придёт.

Она повариха, и, конечно, принесёт что-то и сегодня - вкусненькое. Конечно. А ещё, бывают такие празднества, что от всех угощений остаётся, и тогда - у-у-у!... - сколько она притаранит!... Мама заботлива. С сумками, не покладает рук. Бабушка горда.

Случайный сын миленькой поварихи и крупного городского функционера - потомка замаскировавшегося после революции 1917-го под сына кухарки (сына князя) - импозантного советского аристократа, пресыщенный вкус которого минутно увлекли её нежные маленькие формы - её, в конечном итоге, сын не знал ни отказа ни в чём, ни влиянья отца.

Того бойцовские гены взяли своё: в десять лет её сын вовсю ходил на борьбу. Дзю! - до.

Крепко вцепиться правой пятернёй в рукав кимоно противника, левой - в плечо. Подталкивать его к действиям - подталкивать, раскачивать... Однажды мгновенно вытянуть на себя! Найти слабинку! Не упустить своего! Приз - остался на татами. Мама горда.

Её чувственная заботливость о нём не знала границ. Безмерно его обожая, счастливая, как многие одинокие женщины, своей случайной, но сразу - любимой, игрушкой, она продолжала заботиться о нём, как девочка в детском саду: украдкой отливая, отделяя от завтрака и обеда своей куколке, которая осталась в песочнице. Она таскала ему супчики, сливая их в кастрюльки, термоса, иные подходящие судна, когда не случалось кастрюль, - в сущности, она и сама была судном, в который слили крепкий жизненный настой. Она лишь материализовала, овеществила в этом пространственно-временном мире его. И на щецах, рассольничках, борщецах,

казённых/столовских харчах с хлебушком, «Глеба» (он - Глеба; а можно и так обласкать: Глебкин, Глебушка) рос и рос. Без конца. Постоянно.

Он легко перерос маму, которая, когда он её перегонял, была и в рост, и в ширь телес уже, как кубический саратовский холодильник, - он обогнал в росте и стремлении вверх многих сверстников. Крепкий и в учёбе, он в семнадцать лет одновременно с отличным аттестатом получил отличное спортивное звание. Кандидат в мастера спорта: дзю-до.

Выпускной бал, до утра гуляние по белоночному городу - ах... Восторг окончания и начал - красноречие, прекрасный вздор, из окон вздохи - ох; а подкреплённый белыми платьями пунцовеющих девочек, бутылкой белого - красного, розового, снова белого! - ты паришь! Ты, бог... Толпы таких же ликующих, перекличка со знакомыми прохожими. Стычки с чужаками, грабителями - разными каликами перехожими, приставалами к своим девочкам. Бродить до утра малой компанией замечательно!... Опасно. Но в той, где «Глеб» - той разрешено всё: везде вхож. С ним, хоть на Ржевку-Пороховые, хоть в заулки Советских. Две сломанных хулиганских руки за ночь и один нос. К утру - тройной авторитет. Компания уже прёт напролом, через все шайки-лейки! Девочка горда.

Да... Утро! Впереди жизнь.

Впереди жизнь, всё дано, нестерпимо хочется от жизни всё взять.

Что - жизнь? Пока не знает никто. Как быть в ней - никто тоже.

Что - жизнь. При желании её также можно одеть в кимоно. Тогда - правой клешнёй - жёстко в правый рукав, левой в плечо. Раскачивать, подталкивать к действиям, - найти, не упустить, вытянуть на себя всё своё.

Ударов с тыла можно не опасаться - за спиной мама. Такая мама - стена.

Они уже только иногда с мамой гуляли - обоим некогда: он познаёт девочек, она - трест столовых. Она уже выросла из заведующих столовой, у неё - «генеральская» должность, служебная «Волга», начальственная зарплата. Замуж так и не выходила; и, имея постоянную слабость к мужскому полу, не питала симпатий к гражданским лицам. Ей, через отвращение к оным, нравились теперь только незапятнанные (личным опытом) военные.

Военные были везде, и совсем рядом. Если в погожий день прогуливать себя, - пройти квартал по Дегтярной, пойти налево, - по трамвайным путям «2-й Советской» выйти на проспект (на «Суворовский»), то достаточно десяти минут, чтобы дойти до «Чебуречной», она на правой стороне. Здесь можно подкрепиться кавказским блюдом, чтобы от прогулки не потерять форм, чтобы зажечь в себе горный огонь. Затем перейти на левую сторону (уже маячит чугунная ограда), заодно, по пути, заглянуть в «Пышечную» - утолить последний голод взора нежно прожаренным тестом в сытой сахарной посыпке, - что, легко усвоаясь, откладывается в мягких частях тела, наливая, умножая его, - обогащая все схрончики, пончики, кончики, губончики, прочие бутончики; что вовсе не страшно при такой должности; не опасно для женской фигуры, если...

Сын пока рядом, как бы выводит маман гулять.

Миновав прямым путём изогнутое, вожделенное ею училище, на носу Таврической улицы можно заглянуть ещё в «Кафе-пирожное». Прогулка - высший пилотаж!

...Все эти гиларовские знания Глебу чрезвычайно пригодились: в 1977-м он поступил. Откуда-то «сверху» пришло ему персональное приглашение-предложение и... Он поступил в военное училище! В то самое! В то самое, где (до Того - до предыдущих Плюх) - Академия Генерального Штаба Империи! И царственно спящий охранник розовой клумбы!... И!...

Но! Это в старательно заглаженной мучнистыми калориями женской фигуре пирожки задерживаются, как сажа в кривой трубе. Осаждаются, оседают, потворствуют весу - вредят. И каждая полукалория, как единица в хоккейный счёт! А курсант ВЭУ обнулён для еды всегда! Каким бы элитным, каким бы сверх суперпрестижным оно ни было, курсант военного училища первые полгода просто приторочен к голоду! И страшен еде, как верующему чёрт.

О, эти опасные пирожковые калории!... Военная мечта первокурсника. Он просто стремится их завоевать!... Пирожки, булочки, слоёнки, трубочки, рогульки, песочные, корзинки, ром-бабы, коржики, ватрушки, пышки, печенье, торты, шоколад... Он любит их истово! Как христианин молитву. Они - его священная страсть! Он пожирает без последствий просто - всё; что не приколочено. (У него вообще девиз (на лбу, в горящих глазах): есть - всё, что не приколочено, пить - всё, что горит, и ... Э-э-э, дальше мы не солидарны с писателем Лимоновым. Можно писать о чём угодно. Но не как угодно. И нельзя что угодно - всякое-то своё г... в мир запускать.) Да-да; и у курсанта военного училища пища по-настоящему считается только парами, как при баскетбольном счёте. И абсолютно нигде, ни в чём, ни в одном месте никогда не залёживается. И если к пятому - выпускному - курсу (оженившись по причине традиций и ночных бдений) он становится (Питер же, Питер! Не Караганда.) поневоле гурманом, то на первых - особенно первых двух - любая еда в любых количествах проваливается в него также бесследно, как в морскую пучину кашалот. Вот неплохой образ: потому что к концу первого семестра первого курса зубы растут у него - от желудка, и щёлкают, а глаза горят, как у молодого, в весеннем тощем лесу, волка.

Впрочем, питание после ужина - как действительный ужин - он же сообразителен, голодный курсант, он же ненаписанный Тёркин! - организуется всеми. Тайные вечера: кто как сможет. Легче тому, кто родом из Питера. А уж допаяк от зав трестом столовых Смольнинского района города Ленинград-на-Неве поступало в учебное отделение/группу Глеба - Рукопашного (особенность ВУ: почти у каждого есть кличка) беспрестанно.

Иногда подвозили его на блестящей черной «Волге»; что, безусловно, правильно, ибо вид респектабельной - и вообще сам факт наличия! - служебной автомашины родителя тлетворно действует на алкающие «держат и не пушат» военно-звериные инстинкты его начальства.

Ни «держат», ни «не пушат» к курсанту факультета автоматизации средств управления Глебу ... (не будем обозначать фио) не относилось. Он мог за... - о, нет, пардон таракан мерси, как говорил, когда увлекался, один замполит - зачеркните это, дальше пока нельзя... Отличный своими способностями с первой сессии, отмеченный жирной галочкой спортивной кафедры ещё до поступления, Глеб был поставлен на особый учёт всяческого, зависящего от показателей училища, начальства. Без пяти

минут мастер спорта и многия призёр города (Ленинграда). Это вам не что-либо где. (Нет, - не что-либо как! Нет... Короче: не хухры-мухры, а ёлы-палы.)

Увольнительная в город - по первому требованию. Там, где знания на четыре с плюсом, оценка - пять с минусом. Как так?

Тот, кто считает: потворствовать талантливому человеку, тем более - юноше, - неправильно, пусть взывает о справедливости к Мавзолею!

Глеб мог бы... Но всегда пользуясь случаем не упустить своего - никогда не злоупотреблял.

При всей элитности факультета и элитарности курса, где за каждым безусым и юным, будущим военным математиком, - алгоритмизатором, программистом, электронщиком, - курс факультета называли «голубая кровь», называли - элита армии! Будущая армейская аристократия! При поступлении было на одно место двенадцать человек плюс... Легче стать знаменитостью города, чем на этот курс попасть, - жизнь которого находилась в безграничном ведении непосредственного, прямого - вообще всякого начальства, - маячила тень папы, дяди, друга папы, - другого дяди, которые через механизм сложнее устроенных обществом, каверзно составленных общественных приспособлений регулярно могли (и регулярно делали это) дёргать за ниточки-верёвочки, управляя тем самым училищное, факультетское и, ниже - курсовое начальство, никто - ни одна фанатеющая к справедливости сволочь! - никогда не смогла упрекнуть этого курсанта в том, что его успех - связи. Его успех в нём самом! Его ставили в пример: вот он, успех! Успех - он.

...Но, конечно - имеет значение и гибкость, всё жёсткое легко сломать. Всё, как на ковре - татами: рост, вес, подвижность, сила, ум, упорство, опыт, знания, умения. Обыграть противника, тренеру подчиняться. Режимность училища, режим военного училища, режим высшей математики в каждом втором предмете плюс спортивный режим - жизнь сварена покруче яйца. И жёстка.

Только на миг - только на миг! - имеешь право расслабиться.

О, эти часы расслаблений!... Кто не знает, как любят веселиться курсанты? Смехопанорама вблизи. А издалека? Поглядим. Существует два основных сюжета.

Сюжет № 1: любовь изощрённая. Объединённое условное название: «Овощебаза». Вариантов несколько. Начнём так.

Разгружать баржу с картошкой на гладкой Неве: почти то же, что вагон с картошкой на не плавбазе. Даже (в смысле труда) милей: голландская, немецкая картошка - аккуратистка. Она, как продавщица на саносмотр: добросовестно помыта, от всякой гнили отделена, демонстрирует свои прелести в ловко прихватываемых, как крепкая талия, сетчатых двадцатикилограммовых одеждах. (Мешках.) Не сравнить с «русью» - скажем, брянской, тамбовской, и проч. со волками товарищи.

Какой умник в родимой сторонущке придумал затаривать её полстакилограммовые, тяжкие, как сытые мертвецы, пыльные холщовые мешки?! Впрочем, ещё больший - бросать 17 - 18 - ти летних пацанов на разгрузку этак набитых вагонов. Вагон россыпью опустошать нуднее и дольше, зато каждый может нести свою меру.

Но что там, на барже, кроме картошки?!... Картошка. Палуба, борта, - старпом, шкипер, да мать-перемать капитана. Никакой любви, одно грубое мужичьё. А вот овощебаза!-а... Полна ощущений. Тут есть перед чем тетеревом покружиться, о чём соловушкой посвистать.

...И что значит какой-то вагон!... Что на нём написано - «Нагрузка на ось 50 тонн»? Да начхать... Да делать нечего на пятерых, когда после... А ещё: между, сразу, с собой, до, вместо! - мандарины, апельсины, бананы, груши, виноград!... Не вспоминаем даже про всякую «мелкоту» (ощущений, вкуса): яблоки, арбузы, черешня, - помидоры, лук, огурцы...

Выпачканный, мятый, в каком-то полурванье, то ли пилотка, то ли тубетейка облепила голову (ну точно «из...»), познавший в вагоне с бульбой всю ненормативную лексику Родины и почвы родных полей, зелёный пацан (курсант) бочком, бочком, как к броненосцу шлюпка, подгребаёт к разгружающим иной вкусности вагон штатским лицам. Командующая парадом здесь женщина, ценою в центнер, кидает нокаутирующий любого (!) (но только не курсанта!) кривой взгляд и после более как бы его не видит. «Тебе чего, земля? - хохочут грузчики. - Ты откуда выполз красивый такой... Хоть лицо от грязи протри». «Да сами знаете, - утирает чёрную зависть курсант, медля и оценивая обстановку, как юродивый, посланный разведчиком на поле будущего боя. - Закурить не найдётся? Мы чего-то не рассчитали - работы пропасть, курево кончилось». За вопросом о «закурить» следует: «а ящичка битого нет?» (Штатские перекидывают персики.) «Да как нет, - есть...» При возникшей приязни сторон бракованные персики собираются, уносятся. Жалко, что ли? Когда работаешь, когда перекидываешь их сотнями ящичков каждый день. Сам-то много ли съешь? Вполне же съедобный «брак» перевозки-перегрузки всегда остаётся. Куда его? Здесь - бери, ешь вволю, с собой - ни-ни! Нельзя!

...Это директор и К* накладывают для своих чад и домочадцев полные багажники служебных «Волг» - берут - что и сколько захочется. А всё, что рангом ниже, чем «завсклад», весь рядовой состав территории благоуханной, шмонается, как зэк на пересылке. Апельсин в кармане не пронести! Разве что по половинке: одна во рту, вторая под кепкой.

А вот к дармовой силе, солдатам, курсантам, отношение иное. Можно сказать, особенное. Он же собственность Родины - этот рядовой брат! Его же Родина кормит, поит, обувает и одевает. Что он съест, то, считай, Родина съела!

Да и много ли он съест?! Не ведро ж! Чего, там, в него войдёт. Ишь, какой... Худош-шавый...

«...Тётя Маша, сегодня нельзя не на картошку - мы же в прошлый раз её разгружали!...» Диспетчер овощефруктовых потоков благоволяется: «Сегодня - можно, сегодня вагона нет. Сегодня - арбузы». «Арбузы!!! Го-го-го-го... Куда? Куда идти? Го-го-го...» (Стадо динозавров.)

Автобус (курсантский) остаётся на территории базы. (...) (Многоточие.)

Про первый арбуз не по назначению спрашивается. «Тётъ Маш, можно мы - во-он тот маленький арбузик... Ну это...» (Учёные! Прямо не говорят.) «Да ешьте... С собой не брать, всех проверим». «Да ну - Вы что, конечно! А мы с собой не берём-ом!...» («Толпа плотоядных возмущена.»)

...И как мыши - тихо мелькают серо-зелёные тени. Нет - только одни тени! Люди ж - работают!... А поди их разбери, все одинаковы на взгляд, когда в форме.

...А тени - носят. Носят и носят. Носят, носят и носят... Под сиденья, под седушки, под сиденьечки... Шинельками прикрывают, под шинельки всё припоровляют...

У какого советского человека поднимется рука на шинель?! Нет такой руки! Отсохла! (В 1937-м) (Рука)

Потому - идёт тихое соревнование теней олимпийцев. Квасная олимпиада: «Кто больше вывезет с Калининской овощебазы». Осенний марафон... «А мы 50-т арбузов вывезли! И 2 ящика персиков! Болгарских!... Каждый в отдельную бумажку завернут!...» «У-у-у - хвастуны. Подумаешь... Мы - 5 вещмешков винограда и три - бананов!... Во!» «У-у-у!...»

А на базе - работа. Работа! Он умеет работать, курсант! Он - лошадь. Кроме того, - патриот. Вагоны с хорошим фруктом разгружаются влёт! (С картошкой ещё быстрее. Почему? Чтоб от неё быстрее избавиться!)

...Кто придумал резать арбуз дольками?! Дать ему нож, нехай весь день тупит о шары полосатые. Работать же будет некогда!... Если только резать, да есть. В отделении два боксёра и один дзюдоист - пусть тренируют кулаки! Х-х-лоп!... К концу вагона из самых сладких арбузов (научились выбирать!) берётся только самое (среднее) сладкое. Ударом об угол (боксёр уже бить не в состоянии - обожрался, икает) самый тяжёлый арбуз раздрызгивается пополам. Из всей красно-липкой мякоти, истекающей сочным, истекающей сахарным вожделением, как поцелуй засидевшейся девушки круглых форм, - из всей арбузной мякоти пятернёй выдирается (прелесть - занятие!) малая - с теннисный мяч - серединка. Это - в рот. Остальное на свалку. Удовольствие из разряда уже точно сексуальных. Даже синдром «после» аналогичнейший: неудержимо спать хочется.

...Кто-нибудь пробовал съесть вагон арбузов? Их столько не бывает!... Ленинград ж! Не бахча.

...В Ленинграде и не бывает. А здесь... Глаза бы на них не смотрели, на эти арбузы... Кто придумал их разгружать?... Это же издевательство над желудком: столько, сколько можно есть, съесть невозможно!!!!...

Вот персики!... Они и вкуснее, и контроль за ними жёстче! Объединённое высокоуровневое психологическое - низкопробное животное удовольствие: сожрать как можно больше того, что и вкусно, - не оторвать! - и много оттяпать нельзя на халяву.

Впрочем, к завершению трудового подвига всегда кушаются - только самые налитые яблоки! Только самые спелые груши! Только «самый бескосточковый» виноград, самый нежный персик! «Самый вкусный айва!...»

...Но какой сумасшедший - какой недоумок - брандахлыст! - догадался запустить пятерню, - но ведь рукав же перед тем пришлось задрать по самые уши! Засучив по плечо - в затхлую, стопятидесяти литровую, забытую богом и людьми среди пустых ящиков, обломков досок и окурков бочку?! Идиот? Сумасшедший? Полоумный! Ненормальный, кретин, параноик, стукнутый, умалишённый, в детстве с печки упал! Кирпич на голову уронили... Ну у парня и воспитание, ну и голова!!!... Как - как?! Каким нюхом проник?! Как он догадался?! Как вызнал?!? Кто его так в детстве натаскал?!?!... Внизу, под плёнкой плесени, под непроницаемым для взора полуметровым слоем рассола - покоились солёные огурцы. Обычные солёные огурцы. Везде солят такие: огурец, соль, вода, какой-нибудь листок. Но вот ТАКИХ ОГУРЦОВ - действительно на вкус просто: вода, соль, огурец, какой-то листок, - но от которых за уши не оторвать! Хрустких! В ту тонкую меру, когда «ни больше, ни меньше» посолёных! Окрашенных в истинный цвет среднерусского солёного огурца! Временем ядрёных, размером средних, не маленьких, не больших! Никто - ни «Тётя Маша», ни грузчики, ни толпа курсантов, в которой обычно представлено пол России, ни их командир, объездивший её четверть! - никогда, ни до, ни после - в жизни не едал.

Какие персики, какой виноград, какие мандарины!... Да эти марокканские «помидоры» - гов...!

К бочке выстроилась очередь. Подходили, как к священному для России замавзолеенному телу: вкусить, сколь можно, сколько успеешь, сколько дадут, и... Задние напирали: «Ну Родина-мать!... Как ты чего где берёшь?!...» Отходили в прострации: «Настоящие...» Настоящий солёный огурец - вода, соль, какой-нибудь листок - святее святых. Всё за него можно отдать! Во какая сущность! «Овощебаза», апофеоз.

Учитесь! Господа с амбициями. Чем свой народ полонять! Не фанатичным маринованием и шпигованием населения России, а искусным, а любовным солением её любимых даров.

Настоящий солёный огурчик! Настоящий солёный грибок. Так, чтобы - соль, вода, деревянная кадушка, умелец - искусник. Всё за них отдадим! Все, как один, проголосуем! Не потребуем воевать.

Тот,

кто научится ПО-РУССКИ СОЛИТЬ ОГУРЦЫ -

завоюет Россию.

...Но вот про помидоры - надо догнать «поверхность», помидоры тоже важны.

ПРО «помидоры».

Срочная работа - аврал: в Порту большой сухогруз, «порт» сам не справляется, просят помощи. Нужны опытные - кого послать? «Так, товарищи курсанты, поедет

четвёртый курс. Разгружать будете мандарины». Факультет загудел: «У-у-у!...» Лавровые венки сразу, до «соревнования». И финиковая, в хвост, зависть!

Но автобусы, не в пример овощебазе, охрана остановила до проходной. «Народ» поскущел. «...Ну ладно, тогда на «пароходе» «повеселимся»... А может, и чего придумаем. Но жаль...»

Огромный океанский корабль. Тысячи тонн. Бочки «Ром Негро» на палубе и пирамиды ящиков в чреве. Охрана бдит и то, и другое, охрана здесь зла. Суббота. С 9 до 15-ти отработали, руки-ноги оттащали до отпадения, животы набили до синдрома «недопереел» (то есть, съел всё, что смог, но не всё, что увидел), пора. «Курс, на выход». Все пошли. Да, вот так просто, с пустыми руками. Команда дана, стайки грузчиков в зелёном потянулись к проходной. Начальник курса бдительно осмотрел - никто ничего не несёт? Не опозориться б! - чуть не подавился: «Сержант! Что с?...» Чуть не подавился, потому что не понял, а - не подавился, потому что понял. Быстро дошло - сам был таким. Хотел крикнуть: что там с... Он что - как он идёт: в штаны наложил? Товарищ майор, кто Вас просил разглашать?!... Да, человек наложил в штаны. А куда ему ещё класть?

Рассчитали «боевое» построение: четверо идут по краям, один в середине. Точно вычислили, - они же - четвёртый курс! Математики! - что вневедомственная охрана - ну процентов на 99! - за ту минуту, которую они с пустыми руками будут в её видимости, ничего не поймёт. Поэтому они наложили ему целые штаны аж от сапог! Галифе ж!... А от жадности, он набил ещё и за ремень под гимнастёрку - «Поспели вишни, в саду у дяди Вани...» Беременность снискавший. Неважно. Важно, что товарищей, свою девушку и своих родственников накормит. Дармовым!...

Тот, кто считает: при хорошей охране можно пускать козла в огород... Родился не в России.

Сюжет № 2: просто любовь. Условное начальное название: «Культпоход в «женское» училище».

Начинается *это*, как правило, с чинных увольнений строем: культпоходов - знакомств.

Слово «культпоход» родилось, что точно известно, из сокращения словосочетания двух полных слов. (Но каких? Как они звучат?) Но его не раскрыть. Не получится! Тогда как понять?!... Ближе всего к истине - изначально: «культурный поход». Но выразиться так может только... Только нерусский может рассудить, что культпоход - это есть культурный поход!... «Ага» - как говорилось в старом анекдоте. А что тогда - «некультурный»? Впрочем, судите. (Писано ведь для русских.)

Первое медучилище (где одни девушки), педагогическое училище, культпросветучилище... Пол «противника», которого поставлена задача завоевать, везде женский. И везде с обеих сторон все действия одинаковы.

При третьем заходе сё уже называется без прикрытия своим горьким сущностным определением: «идти на случку»...

Проникать по ночам в женские общежития подобно джину не так легко, как

поётся об этом в песнях про Хоттабыча; особенно взводом; поэтому строевые двадцатки разделяются на десятки, десятки на тройки, и если кто-нибудь из не ленинградцев снимает к третьему-четвёртому курсу квартиру, то все его приятели, они же - приятели пирожных, пышек, ватрушек, шоколадок - в общем, откровенно сладкого: клубнички-малины - все эти «яки», «су», бомбардировщики, - эсминцы, крейсера, торпедоносцы, - и прочие «миги» обретают на дружеской «хате» свою гавань, пристань, - свой запасной «аэродром».

...Вам никогда не свалился на голову, атакующий подбитым «мессершмитом», свежий, пахнущий майонезом и рвотой салат? А пустая бутылка - не делала попытки с досады проломить асфальт, не попадая вам в голову? Это салажня - гаврики. Так наружно выказывает любовь первый-второй курс.

А голая девица в окне пятого этажа? Конечно, перепоясанная по всем правилам «Строевого устава» португеей. О - это уже гораздо солидней: курс четвёртый-пятый. А табличка на дверях фотолаборатории: «Не входить. Идёт половой процесс». Тьфу - какое пижонство... Абстракционизм, изыски - терять нечего, знает, что распределён в Бурятию, - это явно писал без пяти минут лейтенант.

Но где - где, спрашивается, все эти дотошные летописцы и пронырливые паппарацци?! Почему никто до сих пор не отснял для истории походы военных курсантов в 1-е, 2-е, - трам-тарарам, трах-тарарах - десятое - медицинское, педагогическое, бухгалтерское, культпросвет и так дальше училища?! Какие провалы в культуре!...

Все куда-нибудь ходят. Глеб тоже: ходил. И в недостатке девушек у Глеба образца конца восьмидесятых несчастья не было. Были категории: девушки, «девочки», «метёлки», «тёлки», «станки»... Да.

Это неправда, что слово «станок» вызывает однозначную ассоциацию с негнушимся железом, попробуйте пофантазировать. Стан, стань, становись (фу, это сексуально-военное, не к нашему лицу)... Привстань, тань... Станина (если Нина)... Стань-ка (если Анька)...

Всё-таки кажется немотивированным? Ей-ей. Для вящей проникновенности - вхождения (в тему) - недурно тогда приспустить покров (и с героя штаны) со слова безусловно чистого, безусловно военного: «позиция». Станок и позиция - не будьте столь филологически консервативны.

Из историек, требующих себя рассказать, осталась одна. Спустя год после Глебова вступления в ополчение неспящих у царственнолапого, в ВЭУ случилось знаменательное событие - тихо-знаменательное, иначе не назовёшь. Произошло у всех на виду, - легло, как золотой пяти-, десяти рублёвик под угол фундамента закладываемого здания - кто бы смог намекнуть, рассказать: зачем он там? Для чего он туда кладётся?! Но без них почему-то настоящих сооружений не ставят.

Вот история. Из Главного корпуса бывшей царской Академии, из гулкого коридора первого этажа, где прошмыг мыши подобен грохоту тайком перелистнутых страниц в аудитории, когда сдаются экзамены, а человеческий шаг рождает эхо, как падение камня в горах, - где каждую минуту (!) в разных точках - местах, из которых

прослушивается всё здание(!), и, конечно, весь коридор первого этажа, находятся по крайней мере три (3) (3!) имеющих уши сущности: дежурный по корпусу, часовой в подвале у вещевого склада, часовой у знамени училища (аккуратно поставленного в геометрическом центре всех коридоров и самого здания) - пропали часы.

Часы - невелика пропажа.

Нет возражений - 65 - 70 фунтов всего.

...Это только в фильмах про джедаев колоссы парят от мысленной силы. И могут не вырабатывать шум. В земной - Санкт-Петербургской - реальности, несмотря на то, что сам город возник от мысли, от фантазии, замысла, - что сам город способствует фантастическому уму, - несмотря на все ухищрения, трёхсотлетние потуги бритых, и брадатых военных, телепатически удаётся распылить на неосозаемые зрением атомы группу не более отделения; когда она возвращается из самовольной отлучки по девушкам и пельменным и попадает под немигающий взгляд начальника патруля. (У него план, скольких поймать. Перевыполнение приветствуется.) Вот только тогда, в единственном случае, сразу и мгновенно: 600 - 700 килограммов вещества, как не бывало. Вот сейчас, вот только что человек был! Только что был!!!... И нет. И - нет, как нет. Как по мановению волшебного жезла. Как испарился. Сколь ни оглядывайся, исчез, словно туман. Как ветром сдуло. Смыло волной! Как в воде растворился, как в воду канул. Сколько ни жди, нет и в помине. И помин простыл. Как сквозь землю провалился. Как - в колодезь. Корова языком слизнула. Как Карлсон - улетел. (И т.д. Темна вода во облацех...) Но то - народная мысль, квинтэссенция вековых жизненных наблюдений за причудами и чудесами. Но никакой силы военной мысли! - даже мысли объединённой группировки личного состава всех военных учреждений города Невопограда! - даже возведённой в квадрат, - и даже умноженной на сто! - не хватит на то, чтобы, не привлекая внимания, бесшумно и беспрепятственно вы... (не придуманный ещё словесностью глагол) ночью из здания, окружённого двух с половиной метровыми пиками чугунной ограды, шулающей рёбра пролезающему сквозь неё коту, - старинные напольные, обременённые тяжкой тумбой, 150-ти килограммовые часы. Не верю!

Легче доказать главврачу психиатрической клиники, что Суворовский проспект проектировал и мостил лично генералиссимус Сано Суворов, чем - что часы - бесследно - генералитету! Нет.

Произошло расследование.

Ни к чему гении, работает простая формальная логика. Если часы вынесли (а других вариантов нет, потому что часов - нет), - а это - так, точно (потому что их нет, так как на их месте пусто - логика!), то значит... Что это значит?! (Заминка. Потому что абсолютно нет ни единой возможности их вынести. Их что, телепатировали? Ну и враги... Ну у нас и враги! Да, у нас есть враги. Но на кой ляд врагам?!... Значит, не враги.) Значит, возможны два пути: либо их несли через левый боковой выход, либо через центральный. Почему? Потому что. Потому что других способов нет!

Исследуем вариант: «Боковой». (Часового сейчас расстреляем.) «Часовой! Вы не отлучались с поста?» (Сам вопрос из области ирреальных.) «Никак нет!» (Ага...) «Но тогда Вы не могли не видеть, кто и как выносил часы!» «Никак нет!» (Не видел.) «Тогда - слышать!» «Никак нет!» (Не слышал.) «...Значит, Вы отлучались с поста».

«Никак нет!!!» - все три смены (часовых у вещсклада) отреклись от «видел-слышал» с такой же принципиальностью, как гомосексуалист от связи женщиной! Произошло - «Хм-м... Ё... Ладно...»

Ладно, считаем, через боковой выход часы не выносили. Тогда совсем легко ($2 - 1 = 1$ - математика!): вынесли через центральный. И - мимо льва.

Льва оставили в покое сразу: он никогда и не скрывал: спит. Сплю. Плю... И даже хвостом к акаде... чилищу.

«Ага-а... Значит, дежурный по корпусу!... Насмотрелся на него и! Тоже... (Мысль, обезбашенная безвыходностью и логикой!) «Агь!...» Под белы руки его: «Попался!... М-мерзавец... Спал!» «Никак нет». «Нет, признавайся: спал! Видели...» Дежурный от изумления (кто?!... Дежурный - третий курс - спит «на войне» только в том случае, если всё проверено-перепроверено!) признался: подремал. «Гад! Скотина! Сволочь! В Туруханске сгниёшь! В Кап-яр вместо Москвы поедешь! На Эмбу! На Печору - вражки голоса ловить! Рыбу жрать... Вместо колбас». «Да я... С-сидел... З-за с-столом... З-за... дремал... Простите... М-минут пять - н-не более!...» «Ч-ч-ч-т-т-о-о-о?!...» (Локомотив. Не остановить.) «Ну - полчаса!» «Откуда знаешь?!» «По часам». (Следователи аж взмокли...) «Так-так-так!... Говори-говори!... Ах, по часам... По каким - не расскажешь?» (Вот она, ниточка! Сейчас потянем и!...) Но!... Дежурный намёток не понял: «Как по каким?! По наручным!...» «Тьфу, мерзавец...» (Сбил реляцию сыщикам!) «А почему дремал? Как смел!... Ты же дежурный!!!...» Дежурный замекал: «У ме... Ме-меня... Виноват... У тества... У Ник... Пальгча... Было... Вот и... Простите...» (Добавил бы ещё - дяденьки... Фу ты: какой детский сад... Армия...) «Что за теть!... Что за Ник-Пальгч!... Что ты нам какого-то Пальгча суёшь!... Что за родня?...» Дежурный оскорбился. (Он же - третий курс, он уже мно-о-гое понимает... В сложных военно-неуставных взаимоотношениях...) «Что ты нам тут глазки строишь!...» В ответ - ещё более детски-удивлённые. «У Н...» (По фамилии.) «Ему генерал-лейтенанта дали. Мы с ним отмечали и...» Теперь у сыскарей в глазах девичество. «Сю-сю-сю-сю-сю...» (Суть: не волнуйся, сынок, успокойся, сынок, не переживай ты так - мы пошутили. Безмолвный диалог, обмен флюидами - мыслями. «Так зачем копаете?» «Кто копает?! Мы?! Ты что - мы наоборот: окапываем! Все подкопы под тебя - завалены, входы забетонированы. Сверху - броня - щит, сзади стена, слева Сцилла, справа Харибда, но мы, как раз мы их и держим: будь спокоен...») Вердикт: «Николаю Павловичу - привет передавай, когда увидишь. Не идёшь сегодня в увольнение? Нет? Как так, почему? Пойди, пойди - тебе отдохнуть надо. И привет передать... А на дежурстве не... Не дремли, сынок - мало ли что!... Вдруг война! Или тревога?... Или украли что. А ты задремал. А?! Как быть?! Не выспался, подойди к начальнику курса, объясни ему - мол, так и так. Он тоже человек, поймёт. Отпустит домой, выспишься». (Ага... Отпустит... Жди... Фу, какой детский сад... А на вид - полковники?!...)

Два минус два это ноль?... Или что-то в те дни специально менялось в мире?!

...Может быть, через «первый» отдел и в окно? Может, через «восьмой» и под пол? Какая-то обструкция логике, но разве есть альтернативы? (Мимо часового у знамени есть ещё два прохода: в «первый» отдел и в «восьмой» отдел. Вот только ходить туда по ночам (советское время!...) сумасшедших нет. Приветливей кладбище, с призраками иметь объяснения спокойнее.) Если сумасшедших нет, тогда выхода - тоже. Смены часовых у знамени допросили только для проформы, для протокола: не спал, не отлучался? Услышали то, что сами знали: нет, нет. Тут спрашивать лишне - работает машинальный анализ: курс, факультет, семейное положение, папа-мама, успеваемость, поведение - типичный просчёт траектории предполагаемого поведения спускаемого аппарата. Любой начальник курса скажет, как поведёт себя такой-то его курсант в такой-то ситуации. И не ошибётся. Вышло - нет: не спал, не отлучался.

Кроме того. Часы - да, ценность, да, немалая. И на излёте социализма уже приходило в голову, что всё покупается и всё продаётся. Так что... Нет, конечно, это чистой воды теория, но... Чисто теоретически, часового у вещевого склада можно купить, скажем, - за миллион. Дежурного по корпусу - скажем, за два. Но никто и никогда ещё не смог купить часового у знамени! Нет таких денег! Не заработано! Даже мелкий человечиска, ступив в оборону знамени части, становится таким, каким не бывал никогда! Трус - никогда не трусил! Лгун - не лгал! Предатель - не изменял! Вор не воровал! Никто не продавался. Он неподкупен на эти часы - человек у знамени части! Каким бы он, когда ни был: верный пёс или шелудивая скотина.

Скотов в военных училищах - перечесь «по пальцам». (Т.е. крайне мало. И, обнаружив, изгоняют.) Безмозглых болванов также: крайне мало встречено. Заснул? Задремал? Да и бог с ним - расследуется не то дело. Часовой у знамени может находиться только в положении: стоя. Он и спать может только стоя - он все два часа смены стоит навытяжку, в положении «вольно» (одна нога напряжена, другая ослаблена). Автомат на плече, затвор взведён, патрон в патроннике. При таком положении задремавший часовой напоминает дремлющую при мозговой кости собаку. И любой шум в безмолвном здании - для него, дремлющего, как скрежет у самого уха.

Нет, пусть прикемарил дежурный (что, кстати, вовсе не возбраняется - дежурному по корпусу, не находящемуся в составе караула, разрешено за сутки дежурства спать не более 3-х часов), но в 15 шагах от него - часовой! Они в прямой видимости друг от друга! Как прохожий и манекен в полностеклянной витрине.

...Значит, часы не выносились.

Но если часы не выносились, тогда где они? На своём месте. Но на своём месте часов нет! Значит, часы в здании. Обшарили всё здание без паникёров и с лупами. Нет.

Значит, часы вынесены. Но если часы выносили, значит...

Кругов было пятнадцать, пойдём сразу по последнему кругу.

...Во-первых, их несли двое-трое-четверо. (Сто пятьдесят килограммов! Как иначе?) Во-вторых, их несли через левый боковой выход. Так как через правый - всё равно, что через центральный, только ещё длиннее. И так как нет никакой возможности - через центральный. Но боковой выход ночью (с шести часов вечера) не только присутствием часового, но и ещё замком заперт до утра! И ключ - в сейфе дежурного! Так что, даже если... (Читал конспект, сдающий в эти дни сессию часовой - пронюхали) И не обратил внимания на крадущиеся шаги... Стоп, но там должен был стоять топот?!... Тяжесть тащат - мёртвого могут разбудить! Значит - через центральный. Но на нём дежурный. И этот дежурный не настолько дурак, чтобы... Хотя бы в том, чтобы подкузьмить тестю - разорвёт! (За то, что подмочил ему следующие генеральские погоны.) Так что дежурный не спал, а только дремал. Что признал часовой у знамени. (Приватно.) Часовой от знамени не уходил. (Что приватно подтвердил дежурный.) Так что даже если он стоя задремал, то...

Господи! Царица небесная!... Хотя бы вы помогли! В Сталинграде же помогли?!...

Кто, как и когда - этот трёхмерный вопрос так и остался висеть в воздухе, как

запутавшийся ниточкой в ветвях деревьев плут - первомайский шар. И пока скис, спустился от естественных природных условий (время, дожди, ветра...), порядком успел всем надоесть своей ярко-красной назойливостью.

Происшествий без виновника не бывает - армия. За каждое явление кто-либо должен отвечать. Нет «уполномоченного» заранее, находится потом. Пока подыскивали, кого назначить виновным, нашёлся курсант, который заявил: «А это я!...»

Вначале возликовали, затем чертыхнулись (разобрались). «Чудик» решил «сделать ноги» из училища, нашёл «тропинку».

Но сумел разозлить. И - ах ты так!... Был отправлен тренировать голову (и чудомысль) с «Суворовского» на «Скворцова-Степанова». (Есть разница. В психушку.) Не жаждешь служить Родине? Послужи её докторам... Бегун... (Кстати, перворазрядник, спринтер, любимчик спорткафедры.)

Как бы то ни было, наш экскурс в кунсткамеру любовных отношений с историей, городом, государством, - начальства с курсантами, курсантов с пищей и девушками - пришёл к концу. Освоив (и охватив) многое, наш герой на пятом курсе (как 90% выпускников) женился.

Всё: хватит Слов, пора говорить! Дракон окровавлен, заяц бит, утка подстрелена, яйцо в руке. В скорлупе остроконечное дело.

Пятый курс!... Быть пятикурсником сладко в любом вузе. В военном - вдвойне: это «старики». Пятикурсник уважается всеми. Пять полосок на рукаве - стоп-сигнал даже для патруля. И даже старшие офицеры - даже генералы! - относятся к рядовому с пятью полосками уважительно. Верх службы. Верх знаний. И!...

Но - следующий шаг, всего шаг, но - вверх - и ты снова презелёная зелень! Детка! Детвора. Да ещё какая!... Каждый, кто в ином звании, готов тебя пошпынить. Лейте-нант...

Лейтенант! Красивое звание. Первое офицерское звание. Молодое. От самого слова веет задором, свежим пером, неопытностью, лейтенантство - детство, и юность. Как маленькому ребёнку, тебе надо - хорошо кушать, смотреть старшим в рот, быть послушным, часто менять штаны. (Служба - то брюки повседневные навыпуск, то повседневные - галифе, то «полевые пэша», то - парадные, то полевые хэбэ. Учись выпрыгивать из штанов за минуту.) В дела старших не вмешиваться, быть на подхвате, старательно тянуться, расти.

Показалась «иглочка»: привет, малышок.

...В самый разгар - и уже на обшлагах, одновременно - эпохи развитого российского социализма был оставлен по распределению служить на одной из кафедр бывшего тогда здесь военного училища, в светлом, гулком, памятующем военные шаги императоров, и престижнейшем в качестве места ратования Родине,

уже упомянутом здании, одинаково во все времена облагораживающем Суворовский проспект, один офицер. Лейтенант. Выпускник 1982 года того же училища и коренной ленинградец. Пет... буржец.

Что ещё. Естественно - член. (Коммунистической партии!) И сам насквозь коммунист. (Пожелание Родины - приказ, «Кодекс Строителя Коммунизма» - норма жизни. Деньги - лишь то, что подают в финчасти первого числа месяца и тринадцатого.) В остальном - светлая голова и, в подтверждение светлости: «красный», заполненный всяческими отличиями, диплом.

Мастер спорта (дзюдо), рост - сто восемьдесят, вес - семьдесят два - семьдесят пять; сложение тела и характера правильное. (Характер выдержанный.) И внешним, и внутренним бог парня совсем не обидел: симпатичен. Женщины обожали всеми частями самозабвенно - защитничек, душка. Мужчины симпатизировали: боец, мол, ничего не скажешь - душа компаний. (Ревновали.)

Естественно! Легче Суворовский проспект превратить в крытую ледовую дорожку, чем курсанту без «мохнатой лапы» («Очень сильное протезе, «блат» - сов.термин, жаргон.) остаться служить по распределению на кафедре высшего военного училища в городе Ленинграде! Позавидуешь. (Что ещё? Говорят, легче верблюду пролезть в игольное ушко, чем богатому войти в царство Божие. Так вот, легче богатому войти в это царствие, чем объяснить не советскому человеку: ЧТО ЗНАЧИТ - «остаться по распределению на кафедре в Ленинграде». Уже этот воздушный корабль мечтаний улетел.)

Что ещё. На службе - любимец и негласный протезе начальника кафедры - молодежаватого седого полковника, армейского волка с адмиральскими атрибутами: неизменной трубкой в зубах, немногословностью, непререкаемым авторитетом, и непостижимым чувством собственного достоинства. И вразумительной военной фамилией. (Курсантики от страха и уважения только шёпотом - «Зверь» - звали, и видели будущим начальником училища и генералом.)

Прямо шёл полковник, лёгких путей не искал. Как в десять лет потрясся Питером, внук крестьянина, окромя своего тишайшего райцентру ничего не выдавший, где даже речки захоластной, и той не было, - как увидел, понял, проникся, - усвоил, насколько он меньше Казанского, так и бросился, не умея плавать, сразу сажёнками его нагонять! Можно усмехнуться: предпринял невозможное, плебейство - в венах.

Тот, кто считает: всё - гены, - пусть молится на «Май кампф» немецкого фюрера.

Человек способен ВСЕМУ. А в добром подобен богу.

...К сорока - сотворил из себя аристократа.

Кто бы мог подумать сейчас: тот мальчик, из которого вырос сей мужественный суровый - и весь седой - человек с тонко вырубленным лицом, в восемь лет плакал от страха в тёмной комнате, писался ночами в постель. Такого не бывает.

В тринадцать - смотрел в рот всякому, кто больше его.

В двадцать два, лейтенантом, служил больше, чем его полковой командир. Командовал, - что вверяли: и на Енисее, и на Печоре, - и на Ангаре.

Возможно, именно такие мужчины грезятся примадонне Пугачёвой: «Ах, какой, был мужчина! Настоящий полковник». Возможно, прима сама не знает, о чём поёт.

Прямо в начальники высшего военного ленинградского училища поднимался полковник; чтобы мальчиков ставить на ноги, чтобы птенцов оперять. И первого протеже своего от зелёного лейтенанта до образцового капитана прямо вёл. Знал, знал «Зверь», кого взлелевает! Кого по своей прихоти из серых курсантских масс за личные достоинства выклевал: такого же будущего военного зверя. (Только некурящего, значит, будет без трубки - ах, минус.) И начальника кафедры - это по крайней мере. Выцелил, вытащил, держал за шиворот, пинал, натаскивал, почти дрессировал. Знал всю подноготную, родословную до 4-го колена. Жёсткие у полковника были руки. Глебу с курсантов нравились повадки начальника.

Служил наш, не мнимый сейчас, герой верно, лямку тянул расчётливо: себя не забывал, интересы Родины с своими не путал; таланты свои, когда требуется, проявлял; а также - главный: был у него незаурядный талант, который называется «не упустить своё»; поэтому, и потому, видимо, что служить умел, карьерный рост его ни на год не останавливался, звания и чины получал согласно положенным срокам.

Ка- пи- тан.

Неправда, что внешнее не влияет на внутреннее - название чина определяет даже характер. «Капитан» и «полковник» - самые красивые, самые авторитетные воинские звания! Их носят такие же люди.

Капитан и полковник. Их разделяют три огромных перехода - аллегория: «С полной выкладкой! За спиной автомат, в скатку шинель, мышцы всмятку, нервы - в скрутку...» И две высокие ступени, - лучше сказать: два порога. И далеко не каждый капитан станет полковником. Но они похожи. Они чем-то похожи, родственны, эти два далеко разнесённые звания - военных человека. Капитан и полковник - это - устойчивость, умудрённость, ответственность, мужественность, военное провидчество, надёжность, уважение сослуживцев, авторитет подчинённых. Можно не прибавлять фамилии, просто сказать: он капитан. Или: он - полковник. И уже будто сказано о нём всё. И уже ясно всё. Отчего так?!

Можно долго пытаться рассказывать, - можно, например, накопать, что подполковник, это «незавершённое» звание (соответственно, и обладатель его), и у носящего звание «подполковника» всегда будет оставаться стремление «подтянуться» ещё, шагнуть ещё, - нет успокоенности, надо подрасти - вверх. А - например - майор (кажется - вот только что он был капитан) - это первое звание старшего офицера - и всё впервые. Впервые опять!... Он уже не меньше восьми трудных лет офицер! И вновь (в новой среде) - как зелёный литёха.

Капитан и полковник - два пика военной службы. Они - знаки отличия, независимо от наград. К тому же, это самые красивые воинские звания.

...Как приятно, когда ты - капитан, - уверенному в себе, со знанием дела, - уважаемому, отдохнувшему, - в понедельник, - в выглаженном мундире, подтянутому, выбритому - свежему! Как новенькому! - сам себе приятен, как крепкий огурец! - козырнув дневному, отпечатывать шаги по асфальту; меж вековых лип, где каждая прожилка дороги изучена, много лет уж родна, - по центральной аллее училищной. Где!... В самом центре жизни! В самом-самом!... Городе на Неве.

...На Неве - не Амуре!... Да-да, не в Братске на Ангаре! Или - «У Печоры, у реки, где живут олениводы и рыбачат ры-ба-ки!...» Ещё чего... Не на Енисее, Двине, Урале, Эмбе, - как там - известно: сокурсники, приезжая, делятся по-братски, когда плачутся в горжетку в Ленинграде. Служить - так только в нём! Не-ет, главный корпус, построено-царский, жёлтый полукруг на Суворовском, современная техника, современные отношения, современные удобства на службе и дома - только здесь может ликовать душа. Есть места лучше. Но там завидуют нам.

Вожденной мечты: «служить в Ленинграде» может быть только сама служба в нём! Здесь случилось начало, здесь же пусть будет конец.

...Ненапряжённых служб не бывает. Сам термин «служить» сразу подразумевает в себе перенапряг.

Надо расслабляться.

Отдыхать умом при службе на аппаратуре (причём, любой степени сложности аппаратуре!) можно на аппаратуре. Закончилось служебное заседание, прошёл строевой смотр, сдано дежурство или наряд, коль ещё не домой, то быстрым шагом «к себе». И - приналёг на аппаратуру. Взятся за свои прямые обязанности - отдыхаешь. Почему? Тут всё целесообразно. Эта деятельность не требует «морщить ум». Потому она отдых. Ибо тем, кто прошёл высшую математику до «ять», гармонически в аperiodические козловатые всплески - затухания армейщины никогда себя не встроить. Мозгов не хватит, сосуды полопаются; потому что теоремы Коши, даже «белый шум» - детский сад по сравнению с высшей военной тьматикой; где параллельные прямые (видимо, в пику Лобачевскому) в армейской практике не где-то в абстрактной бесконечности, которую при желании можно предоставить самой себе и не ломать о ней голову - всё время, на виду у всех пересекаются. И даже наскучивают. А жидкость в сообщающихся сосудах («до кучи» пусть и физические явления) явно реагирует не на законы, а на приказания. Так что даже у мотострелковых и комендантских майоров от распоряжений начальства - особенно дальнего, особенно из Минобороны - делаются тоскливыми раз и навсегда умалишённые глаза. Куда уж военному инженеру по радиоэлектронике!...

Глеба, как всегда, вырочала борьба.

Когда особенно досадят, можно в конце-концов просто «слинять»: внеочередная тренировка, подготовка к ответственной схватке, подготовка к чемпионату города. К борьбе, да на высоком уровне, любое начальство почему-то относится до подобострастности положительно.

Но борьба - борьбой, борьба - дело сугубо мужское. Бездушное. Что такое борьба? По сути, то обнимаются, то катаются по подстилке два крепких мужика, срывают друг с друга то штаны, то рубахи. А зачем? А как отдыхать - где отдыхает? - душа? А как быть с телом?!

Требуется женское участие. Желательно разнообразное.

А так как дома - жена, надо смекать.

Василий Тёркин был сметлив по части каш и сапог. Платон Каратаев приветил

Пьера и собачку. (И оба зарегистрировались в истории.) Наш герой, на пару с товарищем, по-мудрому организовали «хорошую квартиру».

Надо сказать, она и раньше была хорошей для военных - снималась военными, раньше - курсантами.

Надо сказать, многие курсанты, начиная с четвёртого курса тайком от начальства (не положено) снимают квартиры. Не положено. Но хочется. Не положено! Но хочется - ужинать в домашней кухне, а не по распорядку в столовой, курить за столом или на балконе, а не в туалете или курилке, спать ложиться на кровать, а не упадать по приказу в койку ровно до стольки-то утра.

Снять квартиру - это проблема. Снять квартиру вблизи Суворовского, за небольшие деньги - везение не в сто - на тысячу карат! Кому-то однажды повезло.

Есть квартиры, переходящие - и передаваемые бережно: как вымпел - из рук в руки. Как эстафетная палочка. Одни курсанты женятся, уезжают, освобождают квартиру, передают её другим курсантам; если квартира хорошая, обычно друзьям.

Хозяева обычно согласны: с курсантом квартиродателю приятней, удобней иметь дело, чем с гражданским неорганизованным лицом. Курсант не исчезнет, не запьёт, не нахамит, не навредит - не квартиростьёмщик, а удобствами кишмя-кишащая масса. Все довольны.

Квартиру номер... (Повременим.) Дома номер 33/... (Пропустим.) Что на углу улицы Дегтярной и... (Заклеим!) ...-й Советской, передавали - и брали! - трепетней, чем Царьград. Это не дом: песня! Это не квартира - квартира номер... хозяйки «Тёти Кати». Для военноучащихся на Суворовском - она была сущий клад! Судите сами. Парадный вход (с Дегтярной), чёрный ход (скверик, акации, тротуар Советской), напротив парадного - три (!) пивных ларька («Три богатыря» - пивточка), квартал вправо - «Рюмочная», квартал влево - «Пивной зал», четыре квартала - баня, один - троллейбусы - автобусы, пять - трамвай, шесть - Невский (Староневский), семь - Московский вокзал. (Как география?) И - ни- ка- ких тебе патрулей!... До училища 653 шага. Даже всё на свете проспав, ты через пять минут (сиганув через чугунный забор - к чёрту приличия, лучше быть на хорошем счету: опоздание себе дороже!) в Главном корпусе. Мечта.

Внутри мечты. Отдельная комната шестнадцать метров, - и два окна, - отдельная кухня, отдельная ванная, отдельный туалет, - горячая вода, холодная вода, вся мебель, газовая плита, - а ещё - коридор-прихожая. И славная добрая хозяйка - пенсионерка: «Тётя Катя». Катерина Ивановна всю жизнь проработала дворничихой и заслужила эту квартиру, а её дочь - Люба - не последний человек в ЖКХ. Мать с дочерью живут теперь вместе у самого Смольного, среди чистейших газонов и аллей, старая квартира сдаётся в наём. Дорого. Пятьдесят рублей. (Зарплата инженера Любви - сто двадцать пять.)

Квартиру, прежде, чем она попала к друзьям, имеющим самые красивые воинские звания, обживали пять курсантских поколений. Сколько здесь написано курсовиков, подготовлено сессий, сколько прошумело застолий, выпито вина, отлюблено девушек!... Сколько счастливых пар уезжали отсюда, чтобы даже на Печоре и Эмбе не расставаться!

Может быть оттого, да ещё в пику булгаковской непотребности, интеллектуалы, знавшие известный роман местами, как строевой устав - наизусть, честно называли квартиру: «Хорошая».

...Теперь «Хорошая» была - квар-ти-ира-а... И-и-ра... Ва-а-ря... И даже - Рами-и-ра и Ти-и-на.

Весьма незаметно (даже для интеллектуалов) она приобрела отдельные свойства «нехорошей квартиры». Например, становилась безразмерной. От дев. Например, здесь появлялись нагишом Маргариты. (Только им не позволялось вылетать в окна - зачем?! Так нормальненько, через «чёрный» вход, в трусиках, за пивком сбежать через дорожку! До «Трёх богатырей». Сраму не сымут. И обратно.) И, например, в ней пропадали девушки. (С ними здесь происходили превращенческие чудеса.)

Нет, они и раньше здесь «пропадали»: становились не целыми. И также добровольно. Но от иных побуждений; и не в таких количествах. А чудеса бывают - необязательно светлые. Теперь здесь происходили - обязательно бурные. Разве станок нем, когда работает? А станочник? Молчит? Курлычет? Курит? Кричит?

...Это только на пролетарском Кировском станочный парк принято менять раз в полстолетия. В «хорошей квартире» такое обновление «основных фондов» называлось занудным постоянством. Тётя Катя о чём-то догадывалась, но мудро молчала. Люба... Любовь (из уважения) раз от...ли по-хорошему, но больше не пригласили - неинтересна. Молчала.

Кричал одноногий сосед, инвалид - алкаш, заслуженный ветеран войны, - орал через стенку, подначивая тружеников - капитанов: «Так их! Е... во все дыры! Как мы фашистов! ... По самый их «берлин»!...» А сталкиваясь в общем холодном коридоре, ведущем в парадный - «Вот чё вы, парни, такие жадные!... Хоть бы мне закинули одну!» «Да зачем тебе, дед - у тебя ж всё иссохло». «А я костылём!...» «Ха-ха-ха!...» «Хи-хи-хи...» «Жёнам-то чего хоть врёте - на службе, что ль? Эх, хороша у вас служба!... Мне б такую в моё-то да время!...» «Молчал бы уж: старый пи...бол!... Сам-то, что говорил - сколько отъ...л во время войны?... А?»

Жёнам военных трудно не свыкнуться с постоянными отлучками мужей - служба. Дёргают туда-сюда всех, постоянно.

Бывает, настолько надоедят «вынимания» на службу - даже из ванны в субботу, - что изобретается хитрость: можно выдернуть вилку из розетки телефона в выходной. (После - сослаться на плохую работу АТС.)

Впрочем, служба в военном училище, да ещё на кафедре, почти подразумевает (начиная с капитана - майора) обычный гражданский двухдневный регулярный уикенд.

Во всех смыслах: служить на кафедре военного училища в Ленинграде есть зачем и есть за что!

А жизнь вообще, кругом, довольно жёстка: сволочности в ней много, в одиночку не всегда получится устоять. Тут же, служишь, находишься в авторитетной системе. Никакая дрянь, которой кишит славногорск - Ленинград, не посмеет пальцем коснуться тебя! Что бы - ты, твои подчинённые, твои соратники ни сотворили. На «гражданке» чуть что - жди следователя с миной: «не желаешь на нары?» Военному, человеку в форме

надо выкинуть неизвестно что - какой фортель - чтобы дойти до суда. Честь мундира!... Начальники замажут, замнут, спустят на тормозах любое дело! Себе дороже! Система!

Быть в «системе» трудно, быть в «системе» удобно. Смотря как, кем быть. Кроме того, кадровый военнослужащий с военных пелёнок привык ко всем особенностям своей системы, её прихоти он считает обычным делом - обыденностью, само собой разумеющимся, совершенно нормальным то, что гражданскому человеку никакими способами не объяснить.

Строевой смотр!...

Строевой смотр в войсковой части - нормальной: мотострелковой, артиллерийской... - обыденнейшее дело. Но строевой смотр на кафедре! На вычислительном центре! В лаборатории!... Как грейпфрут в яранге якута.

Нет, - овощная тема уже изъедена, отбыла, попробуем сказать так: как волк в овечьей шкуре, заставший собак в овчарне за недостойной деятельностью. Все замерли, выпучив глаза.

Все замерли, пуча глаза, все стоят: сейчас что-то будет. Что? Но не я первым.

Нет, всё равно сказано слабо. Это надо ви... Нет, и видеть - слабо. В этом нужно участвовать! Вот - участвовать!!!...

Постоянное участие доводит, как тренировка, до безумного совершенства.

«Подполковник Сероглазов, начать строевой смотр!» Милейший Юрий Владиславович, - которого даже первокурсник без стеснения зовёт «Полкобуры» или - «Метр в кепке», - мешковатый, стеснительный Юрий Владиславович, который всегда рад услужить, и первым ставит чай... О нет, не-ет, это уже не он... Чур меня, чур! Эх, принесла нелёгкая!... Эт-то - это зверь какой-то!... Олицетворённый строевой устав! С пистолетом.

...«Товарищ майор-р-р-р... Почему у Вас пуговица пришита криво!... Я Вас не спрашиваю - почему? Я Вас спрашиваю: почему. Почему у Вас пуговица пришита косо! Вы что, не могли её прямо пришить!... Так. Каблуки. У Вас каблуки стоптаны - где подковки! Почему у Вас стоптаны каблуки!» (Господи, чего он вперился в воротник... Чего он рычит на портупею... Кого он следующего разорвёт?!...) «... Почему у Вас нет детей в военном - отставить - в удостоверении личности офицера! У Вас, что - нет детей? Дети есть. Так, где дети?? Та-ак...»

Он даже не задаёт вопросов! У него не существует - нет, отставить! - ему неизвестно, что есть такой знак: знак вопроса - в русском языке! Он вообще забыл напрочь русский, у него теперь в голове только два языка: командный и командный матерный. Как сумел?!

«...Юрий Владиславович, я...» «Что-о!!!... Какой я Вам, товарищ майор, Юрий Владиславович! Вы что! Вы где! Я удивлён на Ваш вопрос!... Вы где были, когда начальник строевого отдела удостоверял сверения».

Ну да - «Прошёлся по тумбочкам, там пыль столбом. Заглянул под кровати, там носки стоят. Эта тумбочка сегодня в увольнение не пойдёт». И так далее. Но это из предыдущего периода службы, а сейчас он скажет... «...Так я и знал: доверь дураку стеклянный х..., так он его или разобьёт, или потеряет». Зачем он это, младший научный сотрудник и кандидат наук сказал? А сейчас...

Но достаточно. Пожалуй, кроме военных всем остальным *это* уже надоело.

«Товарищ полковник! Строевой смотр в... Закончен».

«Строевой смотр - за!-кончить. Вольно, товарищи. Разойдись!... Спасибо, Юрий Владиславович, зайти потом, оформим бумаги».

Разошлись по помещениям, лабораториям, поставили чай. «Юрий Владиславович, я пуговицу-то перешью, не волнуйся, обязательно! Завтра покажу, проверишь». «Да отстань ты - сдалась мне она завтра... Дел невпроворот, а ты...» Но ведь только что!...

Все эти прелести Глеб рассказывал потом, от нечего делать, в камере. Вот уж братва поржала!...

А как сейчас наш герой? Что с ним? О, всё в порядке. Он уже до майора и начальника лаборатории дослужился, регулярно прибывая к восьми утра восемь лет подряд каждый рабочий день, - безупречно выбритый, безупречно выглаженный и военно-подтянутый в гулкий корпус на Суворовском, - мимо льва, не видящего перспективы, не слышащего пиетета без царской поступи Александров и Николаев, и оттого спящего, - и, осознавая свои незаурядные способности и таланты, возможно, о следующем шаге мечтал!... (Возможно, кандидатская уже снилась - как знать... «Мужчины, впрочем, те же дети, лишь по цене сменив игрушки»...) - как сказал один пытливый поэт, - так что - как знать, как знать... Да ещё говорят, «Чужая душа - потёмки», в потёмках что можно распознать? В потьмах идёшь наощупь...)

Как вдруг!

...Аты - баты.

Вот откуда (забудем на время известный переход через Альпы, имевший целию свалиться вдруг на башку) в реальной жизни, - к тому же атеистической на горе социализма, к тому же, в режимном учреждении (то есть, флюорографируемой в разных позициях со всех невозможных сторон «первым», «восьмым» отделами и военным отделом КГБ), к тому же военной - то есть расписанной страшней, чем меню «Пышечной», что соседствует кинотеатру «Искра» на Суворовском проспекте и имеет всегда, - даже когда Нева течёт вспять! - четыре железных пункта - кофе, кофе со сливками, пышки, чай, - это сказочное «как вдруг»?!... Но - вот оно, пожалуйста в паноптикум на обозрение: вдруг, как в сказке - из лаборатории с кафедры пропадает несколько самых ценных (в денежном измерении) блоков аппаратуры. (И Глеб её знал - вот голова!... Но он же за неё отвечал! Вот и головушка?) Аппаратура называлась «Цвет».

«Как пропала?!... В какой из двух выходных?! Куда делась?!... Кто дежурил по корпусу? Кто был дежурным по училищу? Кто - ответственным по кафедре? Кто начальником патруля? Какой курс стоял в карауле?!... Чёрт бы вас всех побрал!...» Начальнику училища трудно было не сойти с ума.

Никто ничего не видел, не слышал, не догадывается, не знает. Либо мистика, либо работали сверхпрофессионалы..

Ответим на вопрос технологически правильно: не было никакой мистики и никаких «как вдруг». Просто... Кому-то это стало вдруг выгодно, кому-то очень-очень-очень приспичило, так как!... Правильно. Приспели поспешествовать простым человеческим желаниям очередные времена громких русских!...

Паника и скандал в ВУ поднимаются ураганные - погонями, головой и ленинградской пропиской никому не только жертвовать, даже рисковать не хочется; аппаратура, надо пояснить здесь, хотя и была для янки и Японии, по сути, - второго десятилетия каменного века, да по-советски-армейски - «сов.секретная». Ка-ра-ул...

Ух, как двое бессонных бесконечных суток, сорок восемь мрачных часов, - две тысячи восемьсот восемьдесят отчаянных минут, сто семьдесят две тысячи восемьсот жутких секунд! - колбасило кафедре!...

Всё, что зеленеет и пешеходно движется, мановенно останавливалось, ставилось, как станок, в позицию, на ощупь пробовалось со всех сторон, затем нарезалось и рассматривалось порциями. Порции делились на ломтики, всякий ломтик шинковался в кусочки, каждый кусочек снова пробовался на зуб. Затем, кусочки педантично смахивались жертвенным ножом училищных людей с большими погонами в один горклый противень. Все адски шипели.

...Интересно, что думают пышки, когда жарятся? Когда - в раскалённом масле в раскалённой сковородке, в виду алчущего их поскорее заполучить и зажевать для подпитки себя посетителя?

Кипящего масла было много, сахарной присыпки вовсе не было.

Пока в высшем военном учебном заведении имени Ленинградского Совета народных депутатов (вот только за образцовость училищу присвоили!) суверенный (у каждого лично свой) ступор под потными фуражками, и пикирующим «мессером» гонение мочи от каждого стука и звонка, а в зелёных штанах - «ой, мама дорогая...», и инстинктивное придерживание руками погонов у среднего начсостава, у крупнозвёздочных аврал по вечерам: тайный филиал игры Ворошилова (имени Владимира, не путать с Климентием, игры не похожи). Но раз за трое суток - ни - что, ни - где, ни - когда выбор метода разрешения от недозволенной беременности пал на метод «того парня». «Того парня» выбирали конкретно: как отдачу в магазине главарю уличной мафии. Как? Можно догадываться: мелочь сдашь, может обидеться, крупных жалко, вдруг себе пригодятся.

Применили (все ж учёные! Все, как минимум, кандидаты разных наук!) метод сложения вектора всех обстоятельств. Вектор указал: требуется очень крепкий середнячок. Началась чехарда.

...Сергей Иванович Ожегов говорит о ней в своём «Словаре русского языка» следующее. «Чехарда, 1. Игра, в которой играющие по очереди прыгают через своих партнёров, стоящих в согнутом положении 2. (перен. знач.) Частые изменения в чём-либо...» Тот, кто учился в общеобразовательной школе, помнит, также, аналогичные упражнения, развивающие прыгучесть и ловкость: прыжки через «коня». Бедный тот «конь», спортивный станок - спортивный снаряд, - кого только ему не приходилось выдерживать... Худышки и тучные, хитрованы и простаки, оленеобразные и слоноподобные - под всех, под каждого приходилось ему вставать в позицию. Но то бесчувственный «конь». Человеку надо обладать завидной крепостью ног, рук, неломкой спиной и психикой, чтобы выдержать внезапный набег с опорными прыжками через тебя безжалостной мамеевой орды из тридцати - сорока «человеков»!

Жизнь вообще странная штука. Мы видим, как она спускает иродам рода человеческого, а человек относительно порядочный, относительно честный вдруг снискивает такой урок, что положение, в которое она его, лягнув под дых, согнула, напоминает горько-анекдотическую позу «бобра»: все тебя «имеют», а ты делай, что сказано - грызи дерево. Трудно сказать, что чем притягивается, что притягивается к чему, возможно, подобное - подобным? Что отчего происходит, жизнь не даёт успеть познать.

...Кто у нас такой крепкий? У кого ноги выдержат, а шея на меч тонка? У кого налицо все достоинства, и при том «сдать» не жалко? За кем никакая крупная тень не

маячит? Учитывалось всё - всё! Все погрешности и отклонения... Вся подноготная - «а кто у нас папа?...», кто мама, - кто дядя, кто тётя, - есть ли живой дедушка, и какую должность он занимает, - сколько наград у брата, если таковой имеется, и вхож ли троюродный дядя в приёмную горсовета. И так далее... Как при расчёте орбиты спускаемого с небес аппарата. Выбора, по сути, не было никакого: «простых парней» в училище не служило. Потому все тряслись одинаково. Даже привыкшие к падениям и подножкам бесстрашные на ковре борцы не меньше всех.

Наш майор зелёный, кажется, ни о чём грустном не думал.

Уж и разбирательства поутихли... Но вот, - «вдруг!» - вызывают его однажды в субботу «утречком ра-а-ненько... Брату крикнуть успел: пособи!...» вместо службы в военную прокуратуру, к следователю, а оттуда... Вам чего-то не хватает? И это верно! Не руководил уже кафедрой серебристый армейский ящер с вечным дымом изо рта и подходящей звериной фамилией, - и развитыми чувствами человеческого достоинства, офицерского благородства. Нет, и на этажах, примыкающих к Арке (Генерального штаба), где сидят начальники Ленинградского военного округа, тоже руками не водил. С помпой и орденом был выпнут (изловчились, кто мог, шерханы и табаки, - удачным пинком под зад - в запас!) на пенсию - акела, несчастливо прыгнувший в генералы. И - пособи!... - кричать было некому, - и прикрыть парня было некому однозначно. (И мама скончалась.) Посему из прокуратуры его - «Ах, ты!... Да ты, б..., - в несознанку играешь!!!» - без вещей, прямым ходом, под белые руки «...Два красивых охран-ника-а-а!...» Повезли.

Нет, не сразу в Сибирь, сразу - к Финляндскому вокзалу. Только не на паровоз и в заграницу, как Ленина, а на зады Финляндского, в Кресты: известную всему крещёному миру тюрьму. Одежку сменили и - бамс в камеру!

Пока человеке озирался кругом и промаргивался, - удивление ж! - ему хлоп: а накося, по рылу. Он - глядь вопросительно по сторонам: мол, что за обращение?! Ан всё не то кругом, - ан не зевай, милоч: накося, лови ещё «мандарин»! Теперь не сослуживцы, теперь сокамерники в зоне видимости. И - здесь не строем ходят, не равняются: «Смир-р-на! Атставить!... Рр-р-вняйсь!... Видеть грудь четвёртого человека!!!» - здесь «кучкуются». А слово «грудь» вызывает здесь только лимоновские ассоциации. (Не читали? И не читайте - пис-с-сателя.)

Ну что, тюрьма с общими камерами дело известное - как в любом другом учреждении: людей посмотреть, себя показать. Показывать приходится принудительно, даже если нет на это твоего желания, так как в противном случае - «Ваше место у параша», как говорится об этом в фильмах по телевизору. И вот, пришлось майору свои способности выкатывать, как зенитку на прямую наводку, когда все самолёты уехали, а танки, почему-то круто пикируя, налетают. А показывать майору, надо заметить, было что. Продемонстрировать он мог хоть булеву алгебру, нарисовав её на стене (раз не повесили лаборанты с автоматами аудиторной доски) крупинками кирпича, хоть - как хороший замполит: баечно - системы передачи данных разных видов аппаратуры. Хоть поверхность Мёбиуса. Когда другие шоу исчерпаны. Мог он смоделировать последнюю из двух-трёх сокамерников, бравых, с заточками, ребят, которые, пусть и огурцы умело посолёные, тёртые, и верёвками вовсе не вьются, но у Глеба (Глеба) и для этого таланты были. Построит он, бывало,

сокамерников, поравняет, рассадит по нарам, «сидящих на нарах», и читает, как по учебнику: «Ну что, пацаны - пацаны? Правильно говорю?... Запоминайте, братва». И «братва» прееет от напряжения. Перенапряг, как на службе!

«Поверхность. Или лента Мёбиуса. Это вывернутая и замкнутая в кольцо поверхность, плоскость. Двигаясь по которой. Можешь снова выйти в исходную точку. При движении показываясь наблюдателю то, так сказать, макушкой, то подошвами, то лицом, то спиной. То чем-нибудь ещё. Удобный пример, - модель поверхности, - вырезанная из бумаги полоска с вывернутыми при склеивании в кольцо концами. Следуя по ней, не сворачивая двигаясь по поверхности, при движении попадаешь то на лицевую сторону, то на изнанку её».

Ну, запарил... «Ну что, «пацаны» - «пацаны»? Правильно говорю? Угу, привыкаю, сам, блин, запарился - ну и язык у вас!... Все поняли? То-то!» («Зверь», путеводитель по жизни бывший, имел словарь правильный и отклонений ни в форме, ни в сути не допускал.) «А может, чего ещё рассмотрим? А? Из области плоскостей. Времени у нас достаточно, область интересная! Нет возражений? Тогда вот, например: сумма нескольких векторов. Или нет, это все знают, это просто. Рассмотрим компланарные векторы - во! Ошизненная вещь! Итак, слушайте. Векторы называют компланарными... Отставить. Про векторы базарят, что они компланарные, если при откладывании их из одной... Отставить. Если, - уж сделала вам компиляцию, - при пальбе по их направлениям из одной «малинь», все пули будут веером в одной плоскости. Хорошо сказал, смысл прозрачен. Ясно, что любые два вектора компланарны. А три? А три, среди которых два коллинеарны, в натуре, тоже компланарны. А вот три произвольных, - ну если от балды они, те три вектора, - могут быть как компланарными, так и не компланарными. Проще пареной репы! Нет? Чё не понять?!... Ну, вы «опускаете» меня, блин, тогда до теоремы Фалеса».

(Я балдею...)

...И вот, сидит наш борец за новую словесность - то Глеб, то Глоб теперь, - теперь уже новый «Глеб!» - в Крестах, на нарах сидит, «парится» в камере, на допросы ходит. В свободное от них время мат- и полит- информации браткам читает, - грубым - морды бьёт, неумным локти выворачивает. Водку пьёт.

Водки он выпил за те три месяца, что Родина его бдила да на мякине проводила, пока сидел, как сам потом признавался, больше, чем за всю офицерскую молодость. А пить молодые офицеры, если кто не знает, - и любят, и хотят, и могут, и умеют. Это их хлебом не корми. Бывало, если вспомнить ту молодость, завалится в два часа ночи группкомпанией - «А ну, па-адъём!! Смирна! Ра-а-ав-няйсь! Закуска! Н-на сто-ол!... Бе! - го-ом! Руки согнуты в коленях!» О, господи... Сами уже могут равняться если только глазами... Ищешь закуску. А и закуски той у холостякующего лейтенанта, что мышь не доела в воинской части, в буфете. Ну и льётся тогда... песенкой... «Водочка-а... Как трудно пьются первые сто грамм. Водочка! Потом идёт поллитра пополам! Водочка!! Потом идёт уже две на троих!!! И... водо-ч-к-а... уж... я... больше не...» Нельзя было водкой майора удивить! Удивили.

Короче, - короче только «Склифосовский» - как за то время выяснилось, матери-Родине её служивый из-за своих качеств нравиться перестал окончательно. Хотя претензий по существу она к нему так и не выставила. А вот сподвижникам «Кирпича», а потом и самому «Кирпичу», Севе Кирпичёву (был такой в Питере вор в законе), Глеб приглянулся

своими качественными талантами основательно. А так как даже козе, и, извиняюсь, даже её противному мужу теперь было понятно, что при любом раскладе остаётся наш герой без полюбившейся фурнитуры на кителе и привычных средств к существованию, так как не будет у него теперь никогда в официальных силовых структурах соответствующей его способностям работы, то и пришлось откуда-то «снизу» ему, - когда он обрадованный доложил в месте обетодавания, что прогресс в векторе направленности на свободу устаканился окончательно, персональное предложение послужить тоже в структурах. И тоже силовых. Только чуть менее формальных. Где бумаг ваще не требуется, а всё на уровне общения. И принятый уровень неформального общения нуждается в том, чтобы холить его и лелеять. Но - негласно. Как уставные сапоги в армии. И поддерживать. И, случается, устанавливать. Служба вседневна, всепогодна и, бывает, всечасна. Как? Чем? Конкретно: подвижными бицепсами. Ум не пригодится. Но лишним не будет, раз места не занимает. Лишь бы не обременял. Впрочем, ум уже привык - системы-то похожие: на всё - приказ, приказ выполняется, а не обсуждается, командир всегда прав. Если не прав... здесь возможен выбор другого командира.

Ну что, пацаны... Из Крестов Глеба вскоре выпустили - типа, не крал он блоков аппаратуры «Цвет», естественно. А теперь уж ... Хотя бы и крал. Из армии он сам уволился: куда теперь с клеймом - в Кяхту в Бурятии? А может, в посёлок Солдатский? В читинской тьмутаракани... А квартиру на Васильевском острове - тоже в Кяхту с собой? Не дотащишь... А жену, зав отделом Фрунзенского универмага - да таких должностей всю жизнь добиваются!!! На «панель» из-за них встают!... - что, передвижным киоском командовать?... И не думай: не затащишь... А красный диплом, знания, привычку к Питеру и другие способности - что, коту?... Засунуть. А кот позволит? А где найти такого чудовищного кота?

...К тому же, разница в зарплате - которую ему ещё до *выхода* посулили: посудите, есть различие? Две тысячи в рублях - российскими, советскими, там, где подавали первого и тринадцатого ранее, - и 2000 баксами: баксами, баксами! - для начала, *тут*. Глеб думал, думал, да и ответил тем *что* для него разумеется.

И стало так: если раньше Глеб - майор вко-лачивал в головы курсачам знания о вверенной ему аппаратуре и прививал любовь к Родине и родной кафедре, то теперь Глеб стал тоже «майор» - «бригадир» у «тамбовских». И всякое *не* знание у конкурентов и «налогоплательщиков», - и спорщиков, - из голов *вы*-колачивал. А вместо этого прививал любовь к Севе и, заодно, к его «кафедре». Ну так ведь, когда знаешь как в прямом направлении, то задача обратная как бы тоже не из области тайны, известная.

Тот, кто считает: всю жизнь надо учиться!... Пусть всю жизнь и учится!

А когда есть - джип, спортивная форма, дымчатые бо чёрные очки, пейджер, мобильник, три-четыре «качка» - «быка» для рутинной «работы», своя терминология... (Вместо - трамвай, вечнозелёная одежда, хитрости с отключением домашнего телефона в выходные, совтерминология...) Учиться надо одному: умело-быстро средь локтей двигаться.

За два года «службы» Глеб стал «полковником»...

Встретил как-то в тенистых местах - липах круг музея Суворова, - когда спелосенний жёлтый - солнечный, липовый, лиственный - цвет невозможным ковром облегал вымощенную землю, - когда редкое солнце - бывает, бывает питерцам счастье такое! - полонив город, лилось безудержно, собой крася площади, шпили, каналы, мосты, облака, - и дворцы, и коммуналки, и проспекты, и улицы, не делая разницы между советскими и старорусскими, обычными и экзотическими, - а ещё, последним лучом пыталось отыскать, чтобы высветить, наконец, ту странную улочку в один двор, «Мариинский проезд», по которой так и не ездил ни один таксист, - встретил в такое лучезарное время седой, как лунь, дряхлеющий потихоньку акела, - благообразный, как лики в монастырях, и добродушный, как обеззубленный лев, - встретил отставной раритет с женой с собачкой (полковнички-старички компанией цыкали трубками да цокали тростками, а вообще - вентилировали лёгкие и извечный больной вопрос соотношения субординации и этики), - резвый, живой ещё, - и недовольный закрытием на ремонт сада Таврического! - увидел своего протеже - маугли, «смотрящего» теперь в здешних «джунглях». «О, ты уже, наверное, Лев, замзав кафедрой!... Я уверен! Я верил в тебя!... Нет?! Бери выше?! Ого!... Я всегда знал, ты далеко пойдёшь! Как вообще служба?» Глядь, - что-т-то не то. «Да ты что?!... Да ты где? Да ты никак - армию бросил!!!...» «Так вышло, товарищ полковник...» - машинально вытянувшись, замаялся Глеб. «А ну-к-ка, дол-л-ложи!!» «Так вышло» - замаял разговор «авторитет». Тут «пацаны» на всякий случай «подгребли»: «Глеб! Всё о-кэй? Чё этому старому от ты надо?... Чё, дед? Чё лезешь? Не всё ещё отсохло? Щас сделаем...» «Стоять, - скомандовал Глеб. - ...Так вышло, господин полковник, так вышло». «Тьфу, - сплюнул предок аристократов, отставной волк с красивой военной фамилией. - Всё-то у вас «так вышло»... Сами - ни-че-го не можете». Кивнул своим: «Пойдём отсюда, ребята...» И пришпорил дальше иноходь свою по асфальту; тросточки забренчали. «Пацаны, па-акатили!» - щёлкнул мясистыми пальцами своим «Глеб». (Вам что-то кажется лишним? Естественно... А вы думали «Глеб» - это имя? Кличка это, всю жизнь и была - кличка.) И забренчал музыкой из джипа и вторым джипом охраны.

Вот так при возвращении в Ленинград Питера вместо полковника, начальника кафедры в начале XXI века десятилетием раньше возник известный криминальный авторитет.

...Впрочем, парень хороший, всегда говорит однокурсникам: «В Питере будшь, зва-а-ни, если чё. Пра-аблем - а не будет...»

Вот так у нас, по-русски, и вечно идёт, и вечно выходит: идёшь, двигаешься прямой дорогой, никуда, кажется, не сворачиваешь, да в итоге - в итоге, глядь - вышел на изнанку её. Умом не понять.

Загадка для славянофила (утка под интеллектуала): какую поверхность, плоскость, и течение какой действительности, математически, точно, и без юмора, описал немец? (Мёбиус.)

Ну, немцы! Ратуем.

(За «Теорему Коши», за «Правило Лапिताля».)

*Ленинград - Свердловск - Новосибирск - Улан-Удэ - Иркутск - Пенза - Москва - Санкт-Петербург - Вологда
1977 - 1991 г
Усадьба Архангельское
2002 - 2005 г*

«Поверхность Мёбиуса»

Предисловие автора

от 5 - 6 июля 2006 года

Отложив написанное и завершённое на полгода (срок для меня достаточный, чтобы «забыть» его, то есть - перестать жить им: перестать быть его мыслями, словами, - его каждой строкой, перестать ежечасно варить в себе создаваемое и перестать его излучать) - забыв, а теперь прочитав, я увидел: однозначно необходимо предисловие.

Хотя один из героев и разъясняет (в конце действия), что означает в математике «плоскость или - лента Мёбиуса», того пояснения явно недостаточно!

Дело вот в чём. Впервые после «Судьи» («Женщина Луны» не в счёт, всё-таки, отчасти по информации это шутка) в относительно короткое произведение мной втиснут такой чудовищный объём информации. О земном, о человеке, о жизнедеятельности его.

Само название родилось оттого, что «плоскость Мёбиуса» - математически точно - я бы даже сказал: лихо! - описывает один из возможных срезов человеческой жизни.

Жизнь многогранна, многозначна. Всего 1 слово может нести 2-3-4 смысла. А 1 действие - производить изменения сразу в нескольких планах. Высокое и низкое, ум и глупость, величественное и скотски-животное - чаще всего, как чёрное и белое: соседствуют друг с другом, переходят одно в другое, присутствуют в одной точке пространства в одно и то же человеческое время; не существуют, не бывают одно без другого.

Жизнь переливает себя из сосуда с нектаром в сосуд с отходами и обратно с искусством непостижимого фокусника; и, за исключением творящего все эти пертурбации, ещё никто никогда не смог понять: зачем она это делает? как и почему они у неё не смешиваются? как- из нектара исходит дерьмо, а из последнего является чистейший нектар?

...Прекрасный человек, доцент кафедры литературы, поэтесса, мать двоих детей и весьма интересная женщина - по моему настоянию читавшая «П.Мёб.» в почти готовом виде, с целью критического разбора (помощи мне), первым делом, до начала нашей беседы по «Поверхности», почти с гневом высказала мне (примерно следующее): «Какая гадость - эта Ваша... Совсем на Вас не похоже. Вы обычно так не пишете. Если бы не Вы, не Ваша просьба - я бы ни-за-что не стала ЭТО

читать!... Сразу бы закрыла, после первой - второй страницы!... И ещё. У Вас здесь есть такие предложения, что дочитав до конца, уже теряешь смысл начала. Разве нельзя разбить их на части?» Я смог только пожать плечами. Собственно, она права; в её личном мире такого столпотворения всечеловечности не было и нет.

...Но никто в мире ещё не подумал осуждать людей - специалистов: дерматолога, уролога, венеролога... Да ничем не лучше обстановка работы - у нарколога, психиатра. Так что, так что... Всё-таки я не соглашусь с Ингой, не считаю, что она безусловно права. К тому же, я не писал специально «дно» жизни - в повести присутствует ВСЁ и всякое. (В ткань вплетены самые разные нити.)

Конечно, я не писал её (как меня уже упрекают) (как песни чукча - по принципу: что вижу, то пою) методом «потока сознания» - нет. Это только так кажется, это лишь поверхность. На самом деле у повествования строгий, даже железно строгий стержневой сюжет! Сюжет с неумолимой логической последовательностью развивается, повествование следует по нему, как по руслу река: не уклониться! Ни влево ей, ни вправо. А ещё он похож на нить, на которую нанизываются, в строгом соответствии с замыслом мастера, крупные, мелкие, средние шары, постепенно создавая бусы.

Дело в том, что... Сам сюжет сделан (я старался) математически также, как лента Мёбиуса... И он изгибается, перетекая своими плоскостями, подобно ей. (Возможно, в стыках я ошибся. Не знаю, пока этого не вижу.) Но в повести нет случайных вещей. Всё не случайно. Подобрано, подогнано.

И всё - вот теперь пришла пора сказать о дешифруемом сейчас главном - всё! Сконструировано по лекалу, называемому в математике: лента, поверхность, плоскость Мёбиуса. ВСЁ. Всё - всё!... Язык - речь - словарь - мысль - логика - характеры - идеи - поступки -... Даже сам сюжет! И даже само имя центрального героя.

Из 1 объёма жизни (а их на самом деле - десятки) можно вычленишь десятки и сотни картин (срезов, плоскостей). И правда - и истина - плоскости «А» на самом деле не нарушает истины плоскости «Z». И плоскости «Ю». И ничем не хуже (и не лучше) правды «R», «B», «L», «F», «S». Низкое сменяет высокое и снова становится низким. «Фокусник» неустанно упрямо переливает себя! Выбор! Выбор! Вот где собака зарыта!... Струя «фокусника» ударяет тебе в лицо и непременно заставляет тебя - принуждает! - сделать свой выбор. «Выбор - я жду!... Делай свой выбор, конкретный душа - человек».

..Маститый седовласый грузный годами и телом оратор, - при одном взгляде на которого невольно проникаешься безмерным уважением: вот - Человек! - с трибуны анализирует положение в стране. Свободно владея - свободно манипулируя, оперируя объёмнейшими понятиями политической экономики, блестяще и элементарно связывая и развязывая труднейшие вопросы и узлы, он, в перерывах между своими фразами инстинктивно пожирал взглядом хорошенькие оголённые ножки журналисточки в первом ряду. А также - одновременно с этим - плотоядно

вспоминает о пиве и бутербродах: ожидает перерыва и чревоугодия в буфете. Он имеет незапятнанную репутацию учёного и незапятнанную - семьянина. ...Он затрагивает репутации мировых валют, - колебания, взлёты, падения курсов от одного подземного толчка, - при этом смена положения ножек (нога на ногу) в первом ряду напротив приводит к невероятным специфическим колебаниям в его, пардон, штанах. Что описывать? Какой срез плоскости его жизни? Я думаю, когда пишешь о земном - тот, который он выберет сам. Сам! - когда выберет либо ум и беседу, либо - ножки... При аудиенции с обладательницей их, позднее, тет-а-тет. Платоническое любование женской красотой и обыденное мужское возжеление, - и всегдашняя женская корысть, - и высокий слог, и матерное словцо - находятся на Земле, как столб и тень его: рядом.

И из одной картины жизни можно выделить всё. А задавшись целью, можно пройтись, например, только по «средним» плоскостям. Или только по «четыре пятых»; или - по «одиннадцать восьмых».

В «Поверхности Мёбиуса» по ленте Мёбиуса проходит всё. Всё перетекает в ней от одного края (жизни) к другому.

- Высокий слог - вульгарная речь.
- Коротко и ясно выраженная мысль, доступная всем - доступная лишь логикам, и вытянутая длинно.
- Короткое предложение - предложение - огромный объём.
- Строгое подчинение действия сюжету - полное отсутствие его.
- Хвала, воспевание - поношение, ругань.
- Бескорыстный труд - воровство.
- Любовь - похоть, срам.
- Идейность - отсутствие её
- Служение Родине - продажность, служение деньгам, лицам.
- Самоотдача - эгоизм.
- Аристократизм - плебейство.
- Альтруизм - корысть
- умственный (и очень умный) труд - тупейшие занятия.

- Хорошая квартира превращается в поганую.
- Потомок крестьянина, провинциал своими руками делает из себя - по сути! По сути! - питерца, князя, аристократа - потомок аристократа - также, то есть, своими ногами уходит, по сути, в ворьё.

В Этот Раз я писал ТАК жизнь. Без обычного моего труда находить и высвечивать только божественное в человеке, и поднимать человека. Мне нечего стесняться, я ничего не придумал. Пусть эти поднимают сами себя, мне не до них. То, как всё

описанное происходило в скрывшихся от меня деталях, возможно, было ещё... «Поинтереснее»...

Почему всё-таки (ещё раз и ещё об одном) - «Поверхность Мёбиуса»? Порой во мне просыпается математик. И тогда литературные, художественные произведения без моей воли превращаются (это скрыто, без некоторого труда не увидеть) в уравнение, систему уравнений, в геометрическую фигуру, в вектор, матрицу векторов... Опираясь на «аксиомы», доказываю «теоремы», рисую фигуры, черчу... У обожаемого мной Набокова есть рассказ «Круг». Едва прочитав название, я уже понял: что ЕЩЁ, кроме прозы, там будет! Так и вышло. (Родство душ.) После этого книги Набокова навсегда встали на мою полку. Он тоже математик. (А я вообще жёстко привязан к точности, дисциплинированности, строгости - во всём к математике.) (А я, для себя, исключительно для себя - даже имею непоколебимо - жёсткое мнение: большим писателем, не имея склонности к математике, не стать, не бывать! И меня не волнует, что об этом говорят - пусть все считают, что угодно. Я считаю так: нет математика внутри - нет писателя снаружи. Точка.)

Так вот, у бесподобного литературного математика Набокова есть рассказ «Круг». Он начинается так: «Во-вторых, потому что... .. В-третьих, наконец, потому...» Далее идёт тело рассказа.

Естественно, он заканчивает его фразой: «Во-первых,...» И конечно, смысл рассказа тоже описывает круг. Также сделан, как круг. Раз «Круг» - только так! Набоковский этот рассказ - построение - подвержено математике, его задающая геометрическая фигура - круг.

Слава богу, я прочитал этот рассказ. (Иногда я остро нуждаюсь в поддержке; я сомневался - поймёт ли кто?! - в одиночку выходить на сцену с математической фигурой.)

С помощью Владимира Владимировича мы «прошли» «круг». Предлагаю познать теперь «ленту, плоскость Мёбиуса».

В нашем областном городе Вологде есть писательская организация - отделение Союза писателей России. При ней - литературное объединение (лито), в котором с молодыми, начинающими авторами (поэтами) занимается Ольга Фокина. (Ольга Александровна; или - «Ольга Санна», как мы, общающиеся с ней долго, её зовём.)

Лишённый литературного общества, общения с подобными себе, осенью 2003 года я стал регулярно ездить, посещать лито, хотя и не поэт. Одновременно со мной там появились другие новые люди: например, Чеблакова Светлана - тоненькая светлая девушка, смотритель музея, по специальности ветврач, Константин Павлов, крупный вологодский предприниматель, владелец сети магазинов (то бишь, человек, занимающийся деланием денег, что не мешает ему писать проникновенные стихи).

Собираясь раз в две недели по средам мы, пишущие, вслух читаем стихи, читаем короткие рассказы, вообще разное литературное, своё и не своё всё, разбираем стихи. Иногда всё заседание посвящается разбору произведений одного автора. Тогда назначается главный докладчик.

В начале декабря выставить подборку своих стихов на обсуждение решила Светлана Чеблакова. Прочитанные ранее Светланой вслух мне очень и очень понравились и Ольга Александровна предложила взяться за анализ мне.

На том же заседании Константин Павлов читал стихи из своей новой книги. Одно из них, написанное в форме диалога мужчины и женщины, он читал (они случайно оказались вместе, сели рядом) в паре со Светланой. Чудное стихотворение, и слушалось - на два голоса - чудесно! Вот начало. Первой начинает женщина. Ей отвечает мужчина

«... - Помечтаем?

- Да что-то не хочется.

- Полетаем?

- Я крылья забыл.

- Этот дождик когда-нибудь кончится?

- Я хочу, чтобы лил он и лил...»

Попав под обаяние мягкой Костиной лирики, я так и остался в нём. Некоторые впечатления невытравимы.

Через день я сел за чтение стихов Светланы, и они тоже поразили, тронули - некоторые даже пронзили меня!...

*«Полотенце обвисло
Как мёртвая птица в ягдташе...»*

...Ну и ну... Выстрел по чувствам литыми пулями из двух стволов...
А вот поглаживание:

*«Где Вы, моя клюковка,
Моя клюква в сахаре?
Выводила буквы,
Чтобы Вы поахали....»*

Ах!...
А вот, а вот это?

*«Приятно, когда кисть, скользнув легко и точно,
Оставив на листке свой влажный липкий след,
До самых плеч нырнёт в струю воды проточной,
И жадно наберёт с палитры новый цвет».*

Разве нужно говорить что-либо... Какие комментарии!?!...
...Ну уж (не удержусь!) процитирую тогда и ещё:

*«Вдали увидев журавля -
Предел мечтаний птицу -
Я, незаметно для себя,
Душу в руках синицу.*

*И в растворённое окно
За журавлём шагая,
Внезапно сознаю одно:
Я вниз лечу! Одна я...»*

...Ах, ах и ах.

Нет, не надо понимать меня так, что я весь в «ахах» и всё тут. Нет, нет. Я сыскал не одни восторги. И изъянов, и недостатков в стихах обнаружилось достаточно. (И это ещё при моём малом знании ремесла стихов.)

Но в стихах было главное: ПОЭЗИЯ! Это - писал поэт. Светлана чувствует мир, жизнь, язык, слово, владеет пером. Я - наслаждался!

...Однако я встретил в подборке стихов ТАКОЕ, что ввергло меня... тоже в «ах». Только - в «ух»... А ещё - в шок. И не вызвало даже мысли: анализировать, разбирать.

Что ещё для предварения. С полгода назад, летом этого года, отыскивая нужную мне книгу в домашней библиотеке, я наткнулся на книжечку стихов Александра Иванова - поэта, начинателя телепрограммы «Вокруг смеха», поэта-пародиста. Зацепило, зачитался. Я впечатлителен. И вот теперь!...

Из «Светланы Чеблаковой» :

(Ради экономии бумаги заполняю лист целиком.)

*«Зелёных листиков берёзовых ажур
Лохматит ветер, как шальную чёлку
И золотой небесный абажур
Бросает блики на седую ёлку.*

*Пришла весна, и сладкий аромат
Мечты и снов манит и опьяняет.
Мне серый с газировкой автомат
Очередной стаканчик наполняет.*

*Пью хоровод трескучих пузырьков
Из грязного гранёного стакана
И громыхаю гроздьёю медяков,
Вновь трёшку вынимая из кармана.*

*И, счёт теряя медным троякам,
Проглоченным фырчащим автоматом,
Я радуюсь цветам и облакам,
От счастья громко выражаясь матом».*

*«...Толстый жук в коре-бронне... Видно не судьба надежде сбыться вовсе... Для него моя
коса - лишь для взлёта полоса. На моей сидит макушке, жутко выпучив глаза...»*

*«Вновь стихи иголками боли
Изнутри моё сердце колют.
Сердце - ёж: не погладить, не тронуть.
Но зато не побить, не пнуть.
Я опять вспоминаю Нечто.
Да меня, в общем, просто увлечь-то!
Ты не любишь? О чём тогда речь-то?
Пусть тоска снова щемит грудь.*

*«...Пусть свирепствуют маньяки
И кого-то даже душат.
Я сама бы придушила,
Да боюсь, что будут бить.
Пофигизм в делах житейских
И ещё - тупая злоба.
Вечера я в переулках
Бесфонарных провожу.
Там прохожим пальцем глазик
А возможно, даже оба,
Если слабый попадётся,
Ненароком поврежу».*

*«...Я тебя не забыла, но, сердце скрепя,
Отвергаю твоё порождение -
Ядовитые строки под ручкой моей
Что зияют чернильными язвами.
Так ли мало на свете нормальных парней,
Чтобы встречаться с придурками раз-
ными?»*

*«Не бери меня больше на руки,
Не целуй меня больше в лоб,
Не зови меня больше «маленький»,
Старый циник, развратник и сноб.
Надоела твоя снисходительность,
Я уже большая совсем.*

С каждой болью иголок больше,
С каждым шагом преграда тоньше,
С каждым шагом они обнажаются,
Продырявливая эпикард,
Что заметно лишь на рентгене.
Предо мной ты стоишь на колене,
Твоя ложь - сладким ядом по вене,
Вечно пьяный нечёсанный бард!
Я в лицо тебе ткну фотоснимок:
Ты в толпе развращённый блондинок,
За шнурок держишь грязный ботинок -
Разуваешься, стало быть.
Ты теряешься, как оправдаться.
Умоляю, не надо кривляться!
Может, время пришло нам расстаться?
Я готова тебя забыть».

Не ходи ко мне - я обиделась!
Не носи конфет - я не съем!»

«Я только мишень...
Прямо в яблочко!...»
(и охота,
и капли крови тут,
и ямочка... Хотя - красиво.)

«...Мухе спать пора давно.
Вот ведь повезло!
Я бы тоже проспала
С осени до лета...»

«...мне одиноко, мне плохо одной, надоело до смерти...»
(всё невыносимо)
«...Что за бодяга свисает с плеча, чья волосина?...»

«...порочную и задубелую
Землю в космическом кратере...»

«Что же это за зима?!
Снега нету ни хрена,
Ни сугробов, ни ледянок,
Ни коньков, ни лыж, ни санок.
Снежных баб - морковный нос,
Только иней и мороз!»

«Нет смысла это обсуждать.
Я и билет уже купила.
...Что же, мило!
...Так не проводишь?
Ну, бывай...
Цветы полить не забывай».

...Как говорил - и как считал - один мой приятель, пишущий верлибры, и не понимаемый большинством, - это было в те мои, далёкие теперь, годы, когда я сам кое-как писал стихи (впрочем, считая их шедеврами) и ходил в Питере на лито при городской газете, - так вот, мой приятель утверждал: «За стихи надо биться! Стоять! До крови! До мордобоя!...» В те годы я с ним не соглашался.

Но вот же! Но вот надо же - дошло!... В ином плане, но дошло. Точно: за стихи надо стоять! Не имеет права «бодяга» быть, влезать в стихоТВОРЕНИЯ!!!

Нет, нет, и нет!

И не имеет права человек, получивший дар тонко чувствовать мир и талант создавать поэтические изображения вытворять, что вздумается! Например - что чуть выше приведено.

...Все впечатления во мне сложились! Как? Как-то... Непроизвольно. Ещё никто не смог понять, как работает у писателя голова. И вот, - произвольно! совершенно произвольно - клянусь! Клянусь пародиями своего именитого тёзки! Клянусь лирикой поэтических творений Константина и образностью - Светланы! - да всем, чем угодно, даже нашим общим обожанием Ольги Санны! - из меня тоже... Вылезло... Нечто. Ну... - по-другому сего и не назвать.

- Нечто -

Кое-что (и кое-как!) - поэтический всхлип... - на некоторые стишки Светули Чеблаковой

« -Помечтаем?
-Да что-то не хочется.
-Полетаем?...»

Конст. Павлов

...- Не с этого дня.

-Это гадство когда-нибудь кончится!?

-О!-о-о-... Ты, милый, не зна-а-ешь меня...

- - -

На Земле. Совершающей Нечто. *(произносить чеканно, в громкости меццо форте!)*
Я живу в ожиданьи причастья
К сонму поэтов. ...От этого *(более легко со слов «От этого». И всё легче)*
Распадаюсь на ёжиков счастья.

(Даже жук не хочет меня! Блин...Сколь ни просила! *(скороговоркой, жалобно)*
Что за бодяга!?!... Свисает с плеча - чья волосина!?!?...) *(вполголоса, с недоумением)*

...Её лохматит ветер, и с раскатом, *(по-пионерски звонко! бойко, жизнерадостно)*
Как гром, как туча серый автомат
Во всеуслышанье опять ругаясь матом! -
Пить наливает сладкий аромат.

...Из грязного... гранёного... стакана... *(протяжно и скрипуче, как Баба Яга)*
Пью гла-а-зиков прохожих хоровод, *(кратко)*
Маньяка придушу, - свирепа, пьяна, *(холодно, всё более резко)*

Коль встречу в переулке бесфонарном,
Коль крикнет по-приятельски: Светла!-а-на...
Мне пофиг. Я тобой убита. Вот.

(отрывисто)

Однако, листиков берёзовых ажур
Всё также в снах весною опьяняет.
Придурка встречу - хрясь на абажур!
Пусть, сидя там, мои стихи читает.

(абсолютно беззаботно - абсолютно!)

(учительски)

Ядови-ы-ы-тые строчки под ру-учкой моей...
И зияют черни-и-льными язвами...
Что! Не стало на свете приятных парней?
Чтоб со Светой встречаться по-разному...

(надо понимать, речь идёт о руке)

(хамски)

(намекая на «ориентацию»...)

Не бери меня больше на руки,
Не целуй меня больше в лоб.
Не зови меня больше: «маленький», -
Ты... Лесбиец... Развратник и сноб.

(вразумляя, со скрытой ненавистью)

Надоела твоя *относительность*.
Вот уеду в Питер совсем.
Иль, как муха засну. Я обиделась!...
Что ты носишь мне то, что не ем!!!...

(отстранённо)

(с обидой, изображая её и губами)

(возмущение! Недоумение)

...Мне принёс рентгенолог - ...от, снимок!
Он!... Толпе!... Разъярённых блондинок!!!...
Не снимая свинцовых ботинок!...
Обескровливает... эндокард...

(вразумляя, с любованием рентгенологом)

(представляя всё это себе образно)

Мой герой.

(отрывисто, очень решительно)

...Но ещё дали снимок.
Ты... В среде развращённых блондинок...
Без штанов! И уже без ботинок!
Ох ты жук!... А мозги пудрил - ба-а-ард...

(медленно, холодно, прищурив глаза, как следователь)

(убийственно!)

(язвительно)

Взял - ты - не - то - ты - в аккорде!...
Дам - по нечёсаной морде.
-Хрен ли!? -
Что значит: «хрен ли»?
Ах, хрен ли!...
Мороз на дворе.

(с издёвкой)

(в величайшем недоумении)

(как вспомнив забытое)

(саркастически. Нет - сардонически!)

Понравилась?
Узнал?
Бывай!
Стихи палить не забывай.

(произносится с прощальным кивком головой)

С любовью, и «сладким ядом по вене» - **ДОКТОР ХАС**

25 декабря 2003 года

Усадьба Архангельское

(...Слава богу, Светлана не обиделась, а Костя не наслал на меня свою охрану.
Всё-таки, и за стихи нужно стоять, и поэтов не жалить, а беречь!)

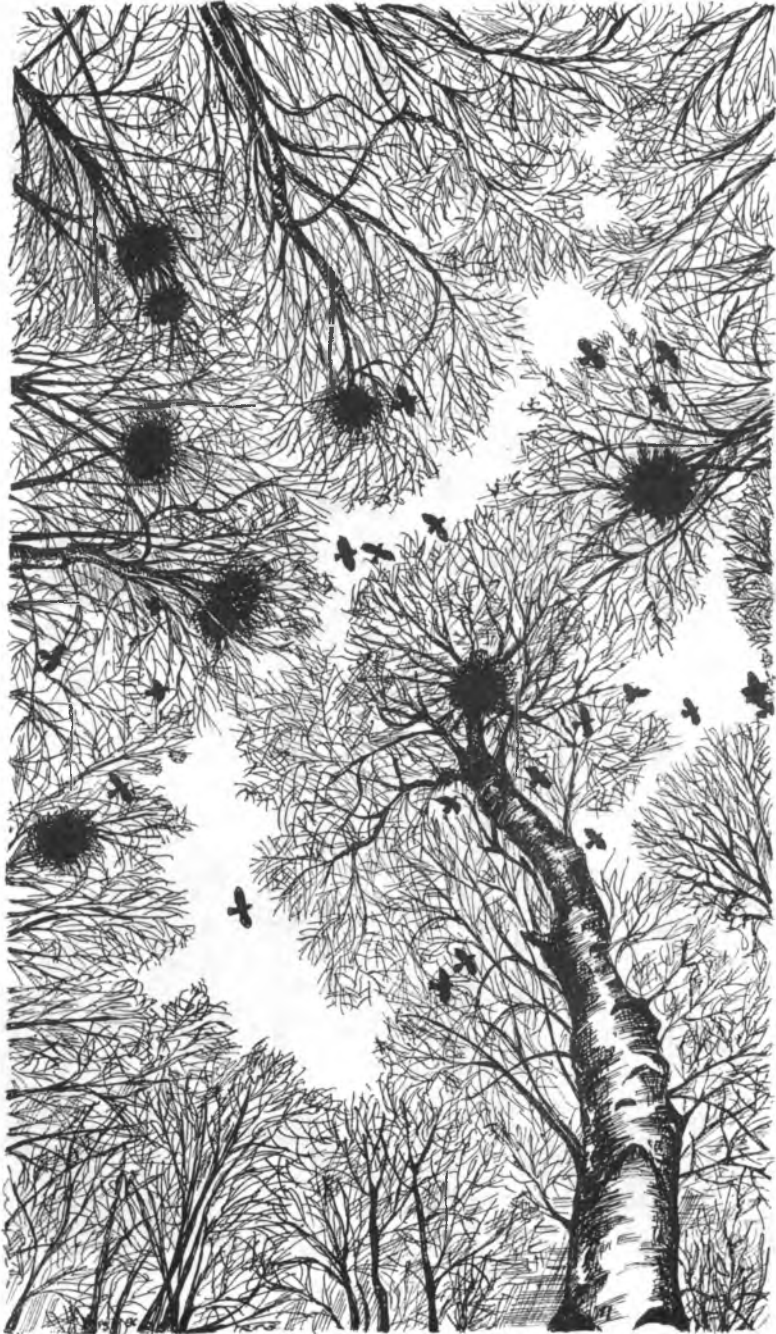

Как много Спасов на Руси

*Давно забытые селенья.
В церквах покинутых гуденье.
Над полем - ветров дуновенье.
И покосившийся настил...*

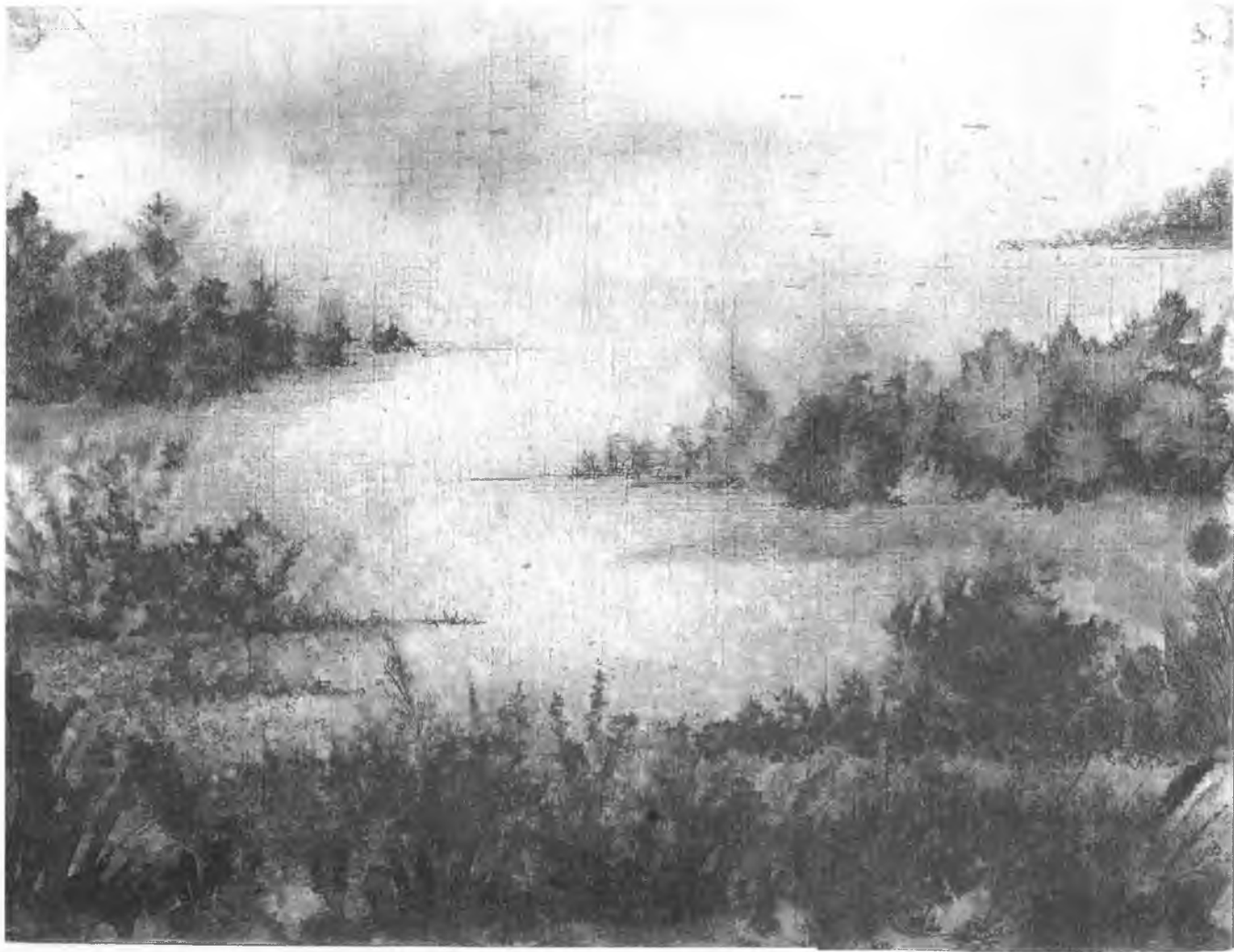

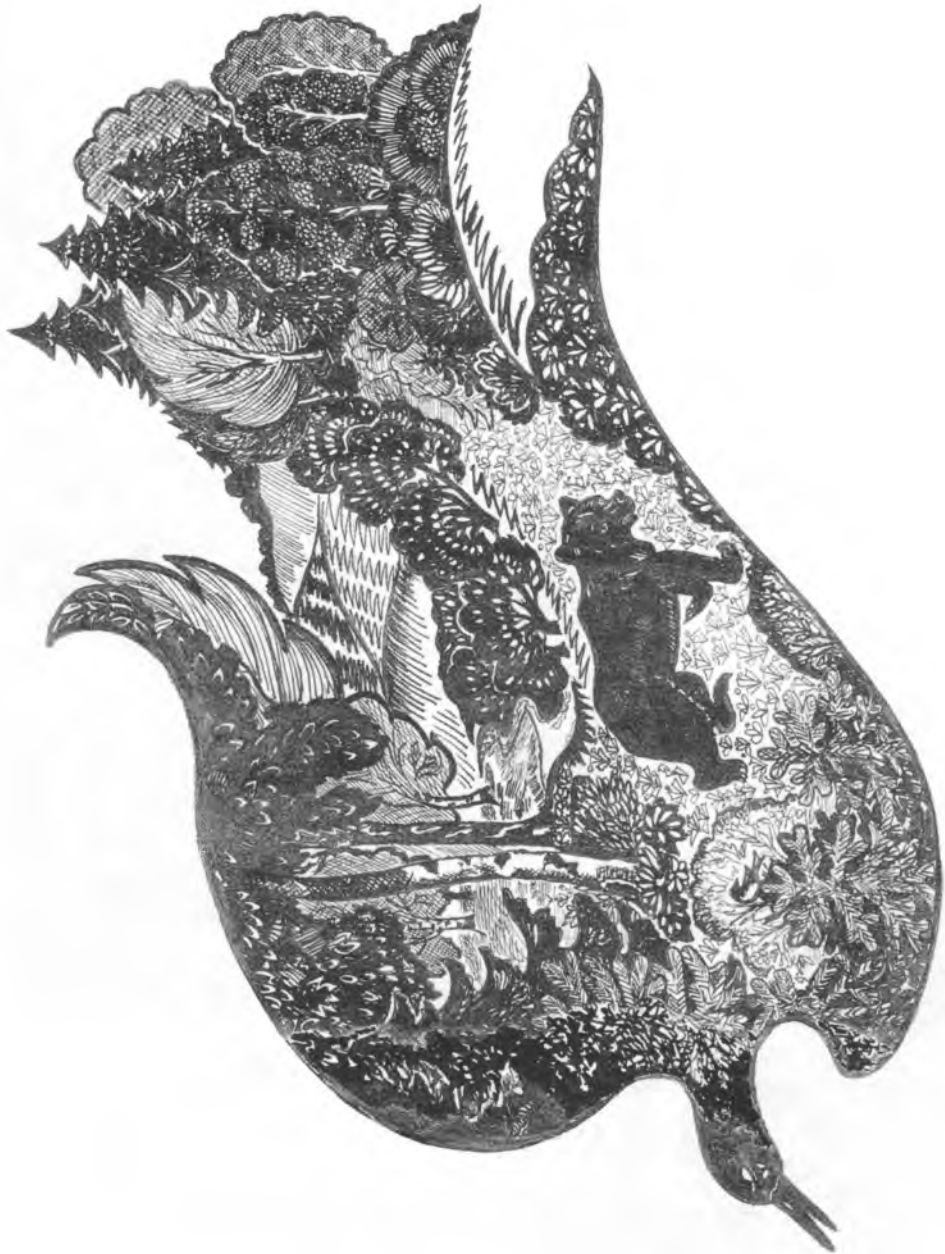

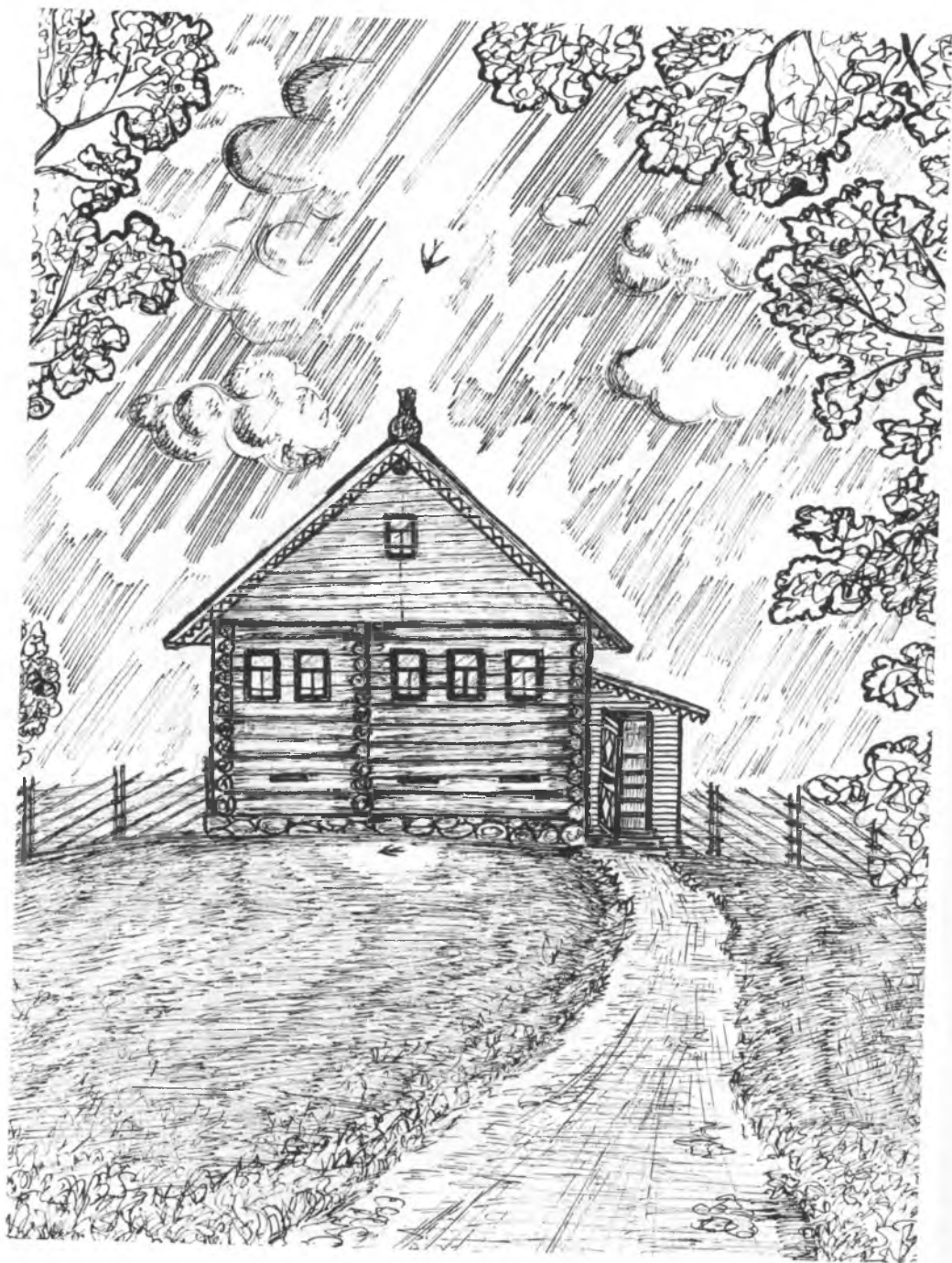
Как много «Спасов» на Руси...

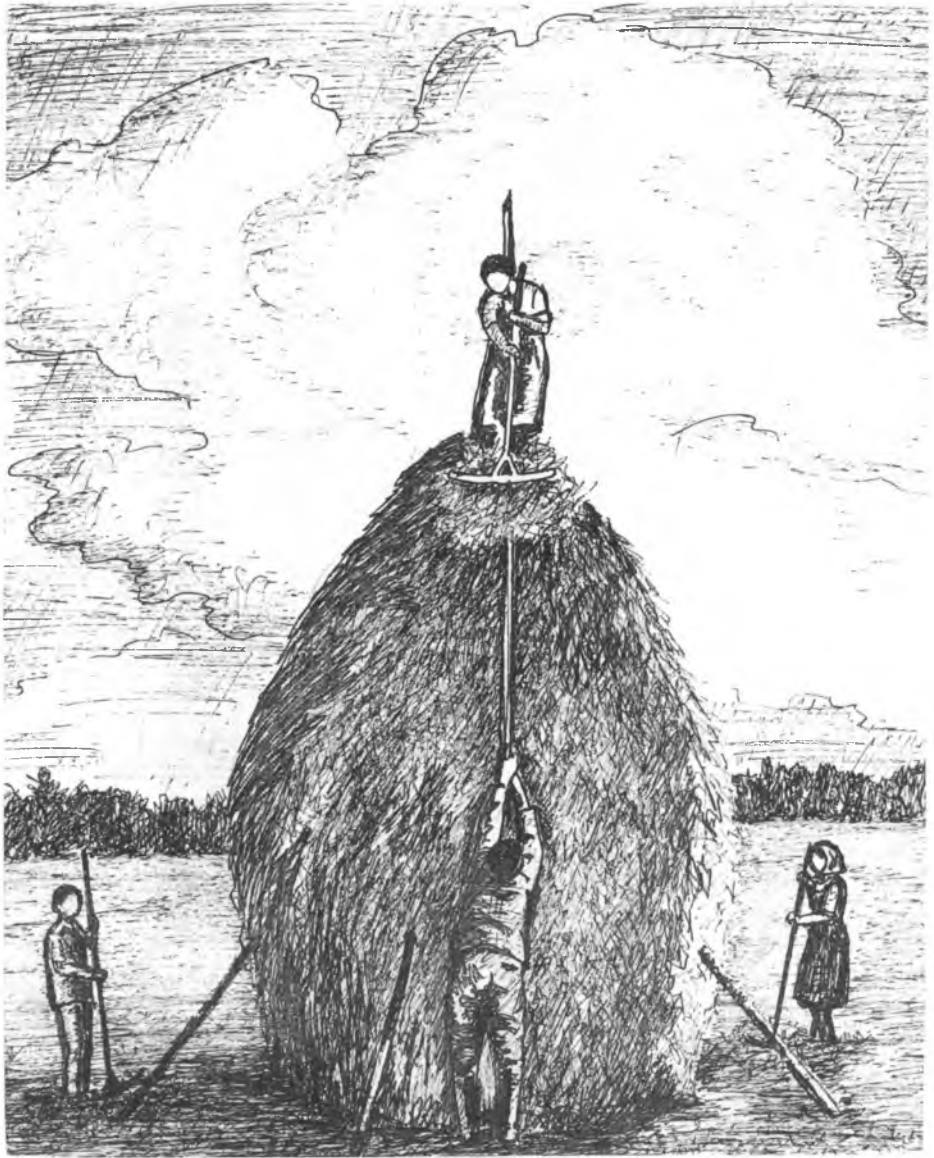

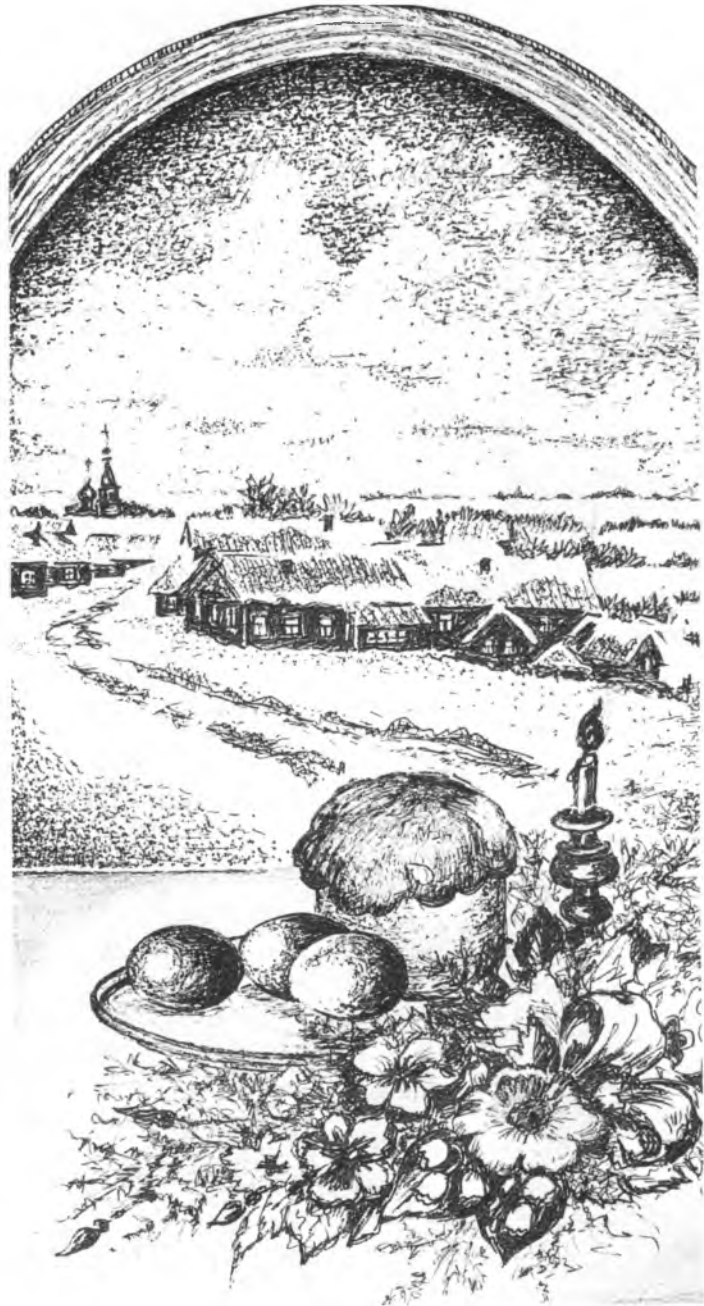

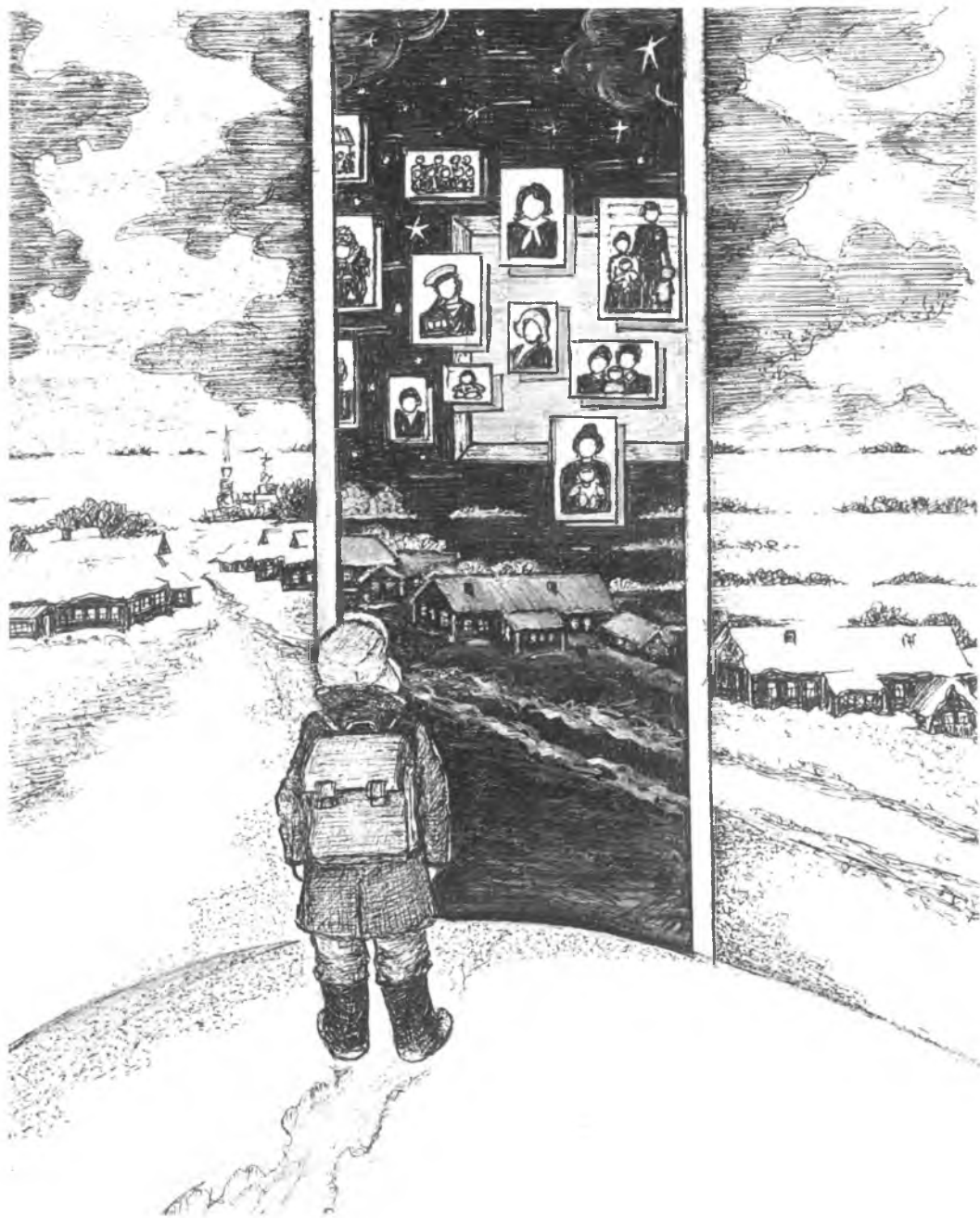

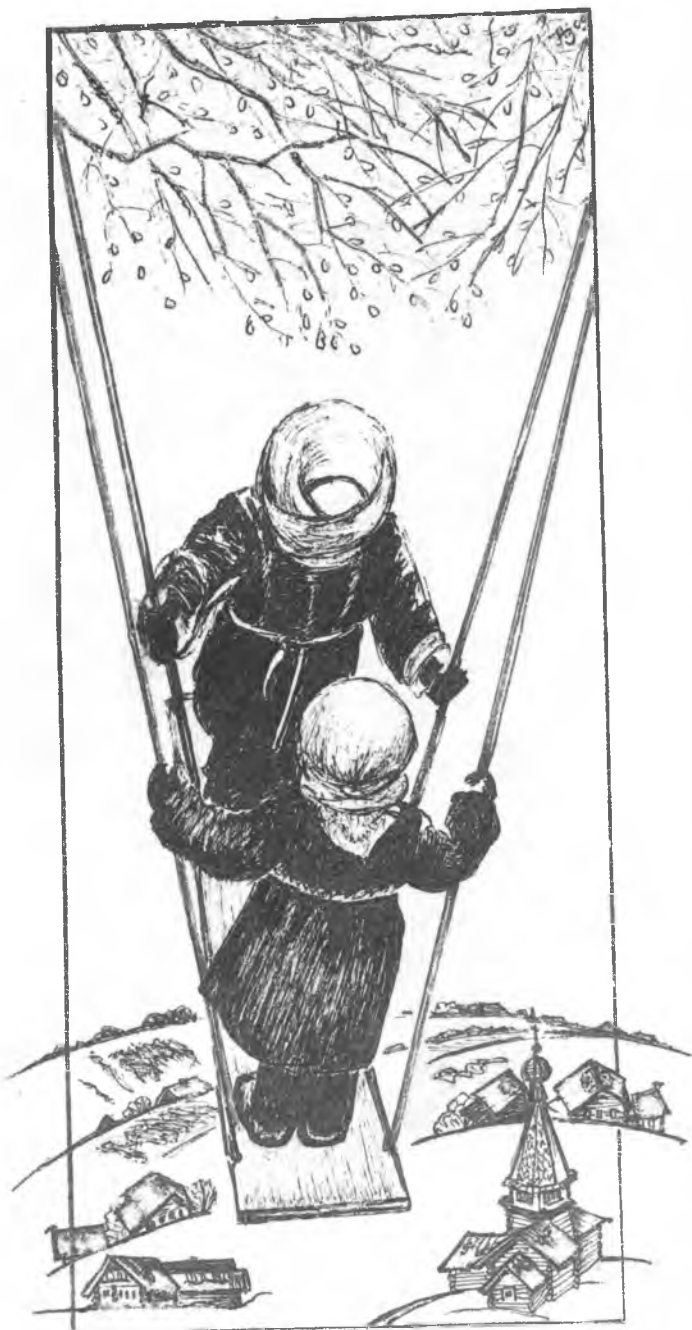

...Здесь всё отмечено покоем.

От многа выплаканных слёз
настоян воздух
Летним зноем
В тени берёз совсем иное
Встаёт, как мучащий вопрос.

В забытьи вечном...
Над полями
Вдруг поплывёт церковный звон.
И еле слышными шагами,
Меж полусгнившими крестами,
Не зря потухшими глазами,
Зайдётся тихий перезвон.

Уж нет развалин!
Я замечу:
Под сводом вспыхнули огни.
Горят обугленные свечи,
Грудны молитвенные речи,
Грузны огорбленные плечи...
О, Русь! Здесь всё сыны твои.

В картинный миг
Передо мною -
Мелькнуло,
Снова,
Пронеслось -
Забывтой гордой стариною.
Землёй распаханной святою,
Крестьянской чёрною избою.
Не в сердце ль это поднялось!?

И я боюсь спугнуть виденье.
Мне Кем ниспослано оно?
И Чьим веленьем рождено -
Опять возникло вразумленье!?

...Когда заря в вечернем поле,
Когда за речкой ветер стих,
И перезвон застыл, безволен,
Я что-то древнее постиг:

...Как много «Спасов» у Руси.

Русь языческая

Русь православная

Россия дворянская

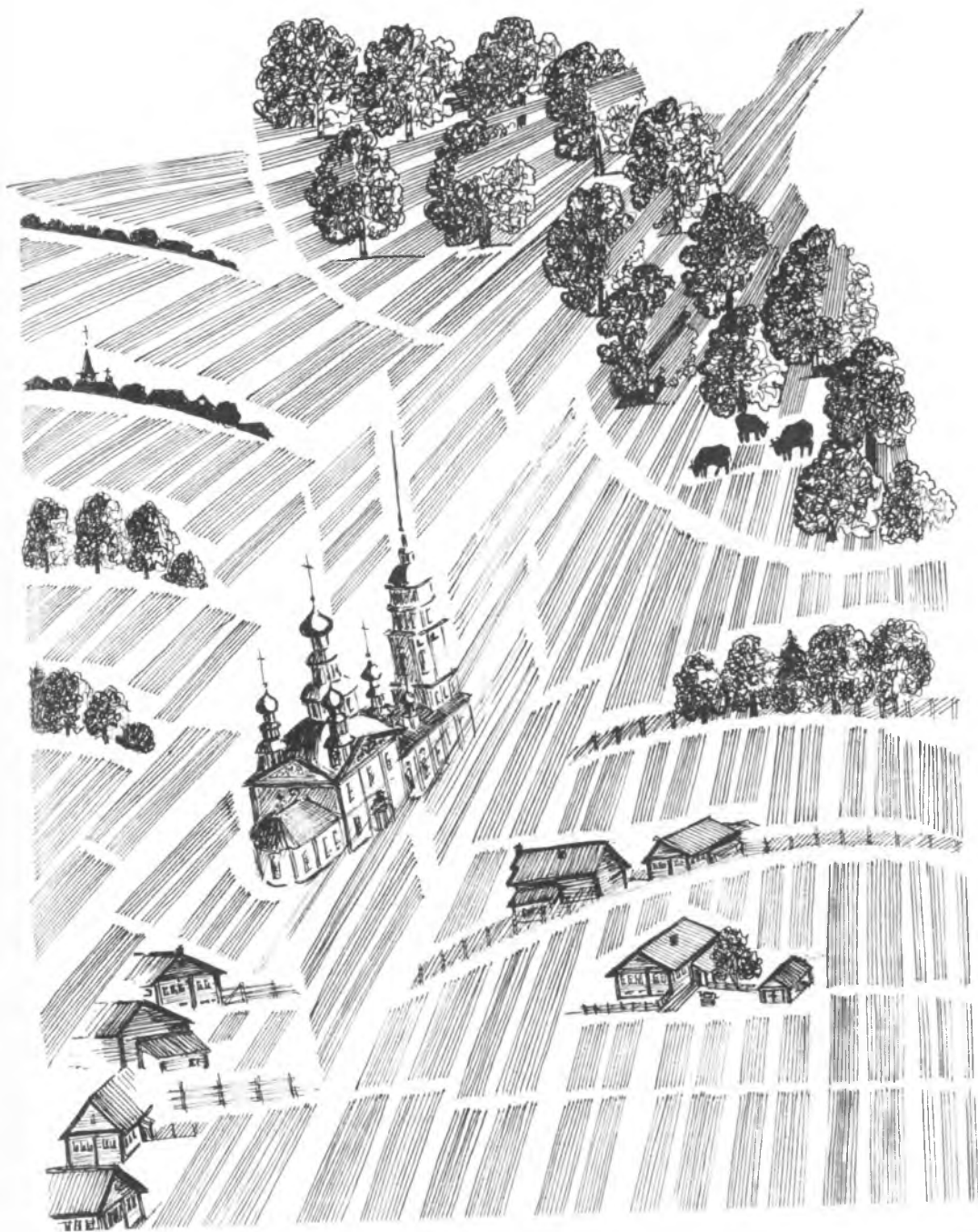
Россия советская

Где Ты? Делась куда!?

НЕТ НИ-ОД-НОЙ

БУДУТ
кофе "американо"?

Перемены

Бывает так: в конце зимы вдруг опахнут теплом ветра,
И солнце, лето утверждая, сверкнёт:
«Весне уже пора» -

За дело взяты: сбросить тени зимой застывших облаков,
Спустить сосульки с веток серых,
Согреть завалинки домов, -

Потом, всё набирая силы, погнать ручьями снег с полей, -
Бульваров, улиц, площадей...
Что б, радуя глаза людей,

На речке вздрогнул ледоход, набухли почки,
У ворот - трава пробилась молодая,
Запели птицы, прилетая...

Тогда, однажды,
Светлым днём
Идёшь, не мысля ни о чём,
Как-будто только встал со сна.
И видишь (вдруг!):
Пришла весна.

Дождик весенний - дождик веселья!
В свежую зелень одеты деревья.
Пусть ещё холодно раннее утро,
В воздухе молодо, молодо - всюду!

Сегодня снова выпал снег:
Зима - красавица вернулась.
Но воротившись, захлебнулась,
Лишь землю выбелив вокруг.

На ветви старых тополей,
Ещё вчера торчащих голо,
Ложится снег - идёт, падёт,
И тает: грустный, невесёлый...

Зима с весной встали в круг.
И ни одна не победила.
В сплетеньи их какой-то дух!
То в снеге, то в земле унылой.

Ещё не кончен этот спор
Двух настроений у природы,
В капли тихий разговор
О смене двух времён у года.

Какая грустная пора:
Весна, холодный дождь...
Деревья мокрые с утра -
За ветки их не трожь;
Машины мчатся, шелестя,
По скользкой мостовой;
Дорожный знак стоит, грустя,
За пасмурной Невой.

И так же хмуро на душе.
И руки холодны.
Осенний дождь идёт:
уже ль
За тем я ждал весны.

Прикажи себе: не думать.
Повели себе: забыть!
Запрети себе: не помнить -
Нет любви!! Нельзя любить.

...Прикажи
ручью
не журчать...
Повели:
«Не петь!» -
соловью...
Солнышку -
«Не смей: не вставать!!!»

А я на тебя - посмотрю...

Как в первый раз...

текст песни

Прозвенел
Звонок,
Начался
Урок.
Я с тобой за парту
В первый раз сажусь.
Отчего так сердцу
Трепетно в груди.
Отчего - молчать,
И - говорить
Боюсь.

...А девчонки и мальчишки,
Наш весёлый дружный класс,
С молчаливою улыбкой
Весь урок глядят на нас!

И я молчу.

Я не знаю -
Что,
Хочу тебе
Сказать.
Может, ты поймёшь
Без слов меня опять?
Не смотри так строго,
Но, и не молчи.
Напиши, чтоб ждал я
После школы.
Напиши.

Прозвенел звонок,
Все ушли толпой -
Наши одноклассники,
А мы идём с тобой.
Только вот беда,
Как и в первый раз:
Разговор не клеится
Никак
У нас.

Возле дома я
Что-нибудь скажу.
А вернее - снова,
Снова промолчу.
Долго будешь ждать,
Пока ищу слова.
Не смогу во всём признаться,
Ты пойми
Сама.

Ты уйдёшь, махнув
Рукою из дверей.
Свет зажжёшь опять
В комнате своей.
Сдвинешь занавески,
Скажешь:
Не пойму,
Чем он так мне нравится,
А я -
Ему.

И стоим по одиночке,
Не решаясь сделать шаг -
Шаг к любви,
Такой короткий,
Почему нам труден так?

Один лишь шаг.

К
Л
Е
Н

*Почему - «кудрявый»,
Потому что: клён.
В «белую берёзу»,
Говорят, влюблён.*

*Почему кудрявым,
Клён, тебя назвали?
Про твою любовь к берёзке,
Раньше разве знали.*

*Про твою тоску,
Про твою кручину.
Осень с непогодой
Этому ль причина?*

*Листья ли не красны?
Листья ль не багряны?
Дождик ли ненастный?
Холод ли, туманы?*

*Расшумелись листья:
Жалуется клён.
«Что с собою делать,
Если ты влюблён?!»*

*Отчего грустишь ты?!
Вместе вы стоите.
Отчего так жалобно,
Листья, шелестите?*

*«Оттого мне грустно
Что зима придёт,
Что колючий ветер
Листья оборвёт.*

*И под белым снегом,
Пусть прекрасно утро,
С милою берёзой
Говорить мне трудно!*

*Нам шептаться нечем,
На морозе в вечер...»*

(текст песни)

Наверное, из века XIX - го...

*Я страждал в суете людской,
Я голодал, не зная меры,
Там, где нет дам и кавалеров, -
На кухнях сплетен упокой.*

*Рос голод мой. Неутолённый,
Я пищу жгучую искал,
Я хлеб обычный отвергал,
Взахлёб не пил вино, влюблённый.*

*Мой взор блуждающий, слепой,
Не встретил нужного обличья
И я, отринув гнёт приличий,
Пошёл молиться в мир иной.*

*Тайны симпатии, таясь, -
И зрея, - месяцы былые,
Волной собрались, торопясь
Плеснуться в скалы роковые -*

*Туда, где грезился пролив.
Но... Мудрость ограждала скалы.
И волны только поплескали,
И только создали мотив.*

*Что Вас решило к этой встрече?
О том не суждено узнать.
Лишь загадал я, чтоб опять
Подобный повторился вечер.*

Опять, опять, опять, опять...

*...Мы говорили обо всём,
И розно, и теснясь сидели,
И длительно в глаза глядели -
Не торопились, что уйдём.*

Глаза в глаза. Одни, вдвоём...

*Когда в Вас закипала страсть
Воспоминаний о прошедшем,
В негодовании и в нежном:
Какая виделась мне власть!*

Чувств, обаянья, страсти власть.

*А я был сдержанней. Привык
Предательствам друзей в награду
За откровений кратких миг.
Но Вам? Зачем - Вам было надо:*

Тех обнажений сладких миг?!

*...Не пальцы, лишь слова сплетались -
Мы рук коснуться не хотели.
Чтя откровенности дары.
Порою двуголосьем пели.*

Как наши родственны миры!

*Не притянуть, не оттолкнуть
Я видел, в Вас боролись чувства!
О, это сложное искусство:
Натура женщины большой.*

И оттолкнуть, и быть со мной.

*Но вот уж сказано: «Обман.
Здесь всё, что было между нами».
(Не дух тебя ко мне толкал,
Соединение телами.)*

*Он прав: он опыт.
...Он - обман.*

*И вот прибавлено: «Упрям.
И будь потвёрже, ты б добился».
(Моя бы встала колесница,
Сойдя с неё, уж всё отдам.)*

Переступив через обман?

*«Иди. Упрям, и не железный.
Спасибо. Вечер был хорош, -
Да! Без награды не уйдёшь:
Мою улыбку унесёшь, дарю.*

Сумеешь расплатиться?»

- - -

*Ты утолила голод мой
Так странно!...*

*Озарён тобой,
Я вдруг подъял у Окуджавы
Чудаковато - непростой
Мотив затверженный и славный,
Он символ твой теперь.*

А мой...

Проигрыватель на окне, и:

*«...Ваше Величество, Женщина,
Как Вы решились ко мне...»*

В семнадцать...

* * *

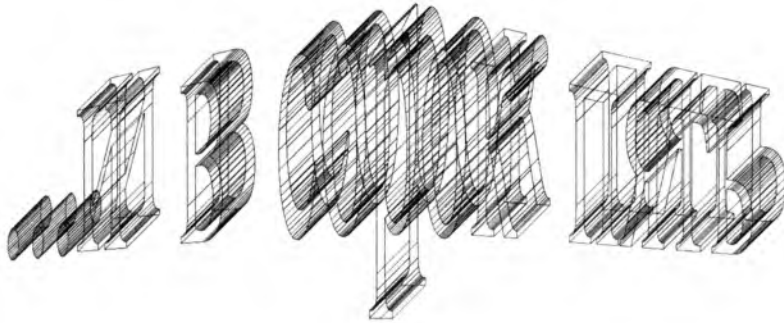
Зимняя дорога,
В белом пухе сад,
За окошком вьюга -
Снежный листопад.

Тихий скрип калитки,
Тени у окна,
За окном искрится
Белая стена.

Месяц скрылся в тучах -
Словно синий дым
Закружил берёзы.

...У окна - один:

Жду весну такую!
Что разбудит сон
Первою любовью -
Майскою грозой.

* * *

Зимняя дорога,
В белом пухе сад,

...Вьюга - недотрога!

...Дрёма, снег, закат...

Страшный скрип воротин!...

...Грёзы у окна...

...Вой из подворотен!

...Робость, белизна...

...Месяц съели тучи.

...Завихренья, дым...

Ураган гремячий...

...У окна один -

Жду весну такую,
Что изменит строй
Светлостью - любовью
В мягкий и простой.

Воспоминание об осени

...Дымится.

Догорает сигарета,
Кольшутся на окнах занавески
От стонущего ветра: на деревьях
Он рвёт, он треплет жёлтую листву.

Мой сад поник;
Заброшен, неуютен
Он вторит разгулявшемуся ветру, -
Как человек, внезапно постаревший,
Он призывает: мо-олодость! весну-у!...

Я выйду в сад.
Не шепчется, но стонет
Огромный тополь около ограды,
Как тяжело ему, как одиноко
И как печальны мне его глаза.

Помочь не в силах.
Хмурым низким небом
Вдруг самого: как горем, придавило.
И по щеке - от ветра ли, от горя?! -
Вдруг поползла нежданная слеза.

Хочу уйти -
Не в силах оторваться
От этого смятения в природе.
Куда идти, скажите?! Разве можно
Мне от себя куда-нибудь уйти?!

Ведь сумрак, ветер,
Тополя десницы
От гнева закачавшиеся в небе,
Всё это в сердце - ВСЁ меня тревожит!

...Ой, мама, мама: что же впереди.

...Скажи хоть ты.
Не рая утешеньем,
Которого другие бы искали, -
Хоть ты скажи!
Без боли утешенья
И горестной усмешки на губах.

...Я всё пойму.
И буду благодарен
За горькую, живительную правду.
Я всю приму - она меня излечит.

...Срывай же, ветер,
листья
в тополях!

Придёт зима,
И голые деревья
Тебе вот также
будут
благодарны.

(в 20 лет, и лет через двадцать)

Желай и имей!

1.

В начале года 1994-го, когда мне было тридцать три, и приближалось тридцать четыре, - когда я не имея первоначального капитала восстанавливал огромный вековой дом размерами (в метрах) 25 на 25, а высотой в 2 этажа, когда вынужденно строил дорогу, чистил близлежащий лес, - когда я - исподволь, наверное, пока ещё на уровне желаний, ощущений - задумывал усадьбу (которую затем и создал - эту часть Земли размером 100 на 150, то есть полтора гектара, настроенную на меня), в этот самый момент моего земного времени - когда я не думал, не прикидывал, не взвешивал, а только намеревался и достигал, задумывал и действовал, вот в этот самый момент попала мне в руки одна очень интересная книга. Попала, конечно, случайно.

Конечно, всё случилось случайно, ибо в те года, всё зная о человеческой жизни, всё понимая в ней, о МИРЕ я ничего не знал. При этом был уверен: знаю уж всё. (Это совершенно человеческое.) И конечно, всё - всё происходящее - приписывал... Удаче, упорному труду, настойчивости, погоде, себе, людям, случаю.

С той книгой вышло, как всегда. Ты случайно зашёл, ты случайно увидел...

Я случайно завернул в тот книжный магазин. Дальше можно рассуждать. Что и сделаю - порассуждаю вот о чём: о книгах, о выборе книг, и о себе.

Книг на прилавках, полках, в витринах книжного магазина всегда невероятно много. Какую приобрести? Надо их рассмотреть. Но для этого - какую прежде в руки взять? Но (ещё прежде!) - внимание на какую обратить? (Следую по пути выбора шаг за шагом.) Важно состояние.

Задаюсь теперь вопросом: каким было тогда моё? По пунктам, через дефис: - у меня были огромные планы, - у меня были огромные желания, - я был без денег (не имел постоянной работы, строился), - мои действия и тогда, и всегда (как я шутил) отвечали наполеоновскому принципу жизни: «Требуй невозможного, достигнешь максимального».

И вот, пробегая взглядом по книжным рядам, я вижу: «Думай и богатей». Автор Наполеон Хилл. (Да, ещё к состоянию: моя фамилия начинается на «Х» и в ней

есть «л».) Как говорится: если досчитал до 3-х, уже имеешь систему. Арифметика жизни такова (я не знал тогда её «алгебры»), что, увидев эту книгу, я не мог пропустить эту книгу.

Я полистал её и купил. Случай совершился, пришёл. Я воспользовался случаем.

(Жалею сейчас, что подарил её потом, даже не помню кому - кому-то тоже оказалась нужна.)

То, что я увидел у Наполеона Хилла, привело меня в полный восторг! Его книгу я перечитал три раза. Не вспомню - может, четыре. Сделал её конспект. Пришёл к выводу: этого мало. Потратив не один день (при моей спешности тогда, при моей нехватке времени!) написал реферат. Нет, и этого показалось мало. И я написал совершенно чудную - дивную! Как я оцениваю её сейчас - вещь: маленькую работу «ПУТЬ К УСПЕХУ. Или - средства, которыми я пользовался всю жизнь и которые, прочитав о них, назвал, сформулировал сейчас»

(Н.Х. очень поддержал меня тогда: меня абсолютно понимал человек с другой стороны планеты, в то время как с моей - меня не понимал, кажется, никто.)

Прошло 11 лет. (должно было пройти 10, но я Задержался, сделав ненужный Крюк, длиной в один Информационный Виток - пользуюсь здесь Новыми терминами.) Я создал всё, о чём мечтал. Или даже так: о чём даже не мечтал, как иногда говорят. Всё, чего я хотел, - страстно хотел! - создал, получил.

Но дальше?!... Что делать дальше?!

Как оценивает сейчас моя мама (ей 73, мне 45-ть): «Ты всё имеешь, чего тебе ещё надо?! Живи и радуйся». Вот именно: живи. ЖИВИ! Но - как?!...

...Есть грибки, которые, при сборе грибов, пошагают всё прямо через лес. А есть - которые обшарят всё-всё в радиусе ста метров вокруг себя, и не раз пройдутся по кругу, по одним и тем же местам, справедливо полагая, что остались ещё не найденные грибы. Есть охотники... Есть рыбаки, которые, поудив на одном месте, смеяют его, и пройдут в итоге, чуть не по всей реке. А есть, которые сядут на весь день, - и на всю рыбалку, - на одном омуте. Есть художники... Есть повара, которые будут изобретать всё новые блюда, а есть, которые всю жизнь - готовят одно.

Жизнь - это движение, путь. Оказалось, мой путь не имеет конца. (По аналогии - и начала.) Построив, завершив одно, я никогда не успокаиваюсь, начинаю видеть что-то новое, ещё неизведанное, желать другого, и иду, и достигаю его; так было всегда.

Но не теперь! Явившееся предыдущее Новое свалилось на меня с той Высоты, которую я, не задумываясь о Последствиях, ранее взял. Теперь МИР предлагал мне следовать Дальше. Двигаться дальше, брать следующие Высоты.

Ох уж эти высоты... Следующие оказались таковы, что... В одиночку покорить Эверест было бы куда... Практичнее. От меня потребовалось изменить свою натуру, от меня требовалось в корне менять своё питание, привычки, образ мысли и действия - образ жизни. Оказалось, я освоил тот Объём, который называется «Человеческое», включает в себя всё человеческое, и должен двигаться дальше.

Что ж... Но я оказался перед стеной.

Всю свою жизнь я не задумываясь, когда становилось нужно, прошибал «стены». Всю жизнь шёл вперёд, никогда «не оглядывался». И оказался в тупике. Как так?!... Я не видел средств, с помощью которых смогу преодолеть новую стену. Стою перед нею - ни ворот, ни дверей, ни калитки, ни окон, ни лестницы, ни подземного хода. Ни охраны. Делай, что хочешь.

Подпрыгнуть, да перелететь, что ли?! Ну если нет никакого другого выхода!... Вот так я шутил, подшучивал, ёрничал.

Я дошутился. Что действительно Подпрыгнул и попытался перелететь. В обратном движении (в падении) - ушибся и, главное, Откатился назад очень. Вышло - вообще тупик.

Получилась такая ситуация, что я растерялся. Не приуныл - растерялся; потому, что не находил средств, потому, что оказался в головоломнейшем затруднении! Полный абсурд: я и тупик. Это несовместимо. Я в тупике? Такого не бывало! «Бр-р-ред, какой-то!...» - как говорил «Ручечник» Жеглову в «Место встречи изменить нельзя».

...И тут произошёл звонок.

Обычный телефонный звонок. Моя знакомая просила меня найти документ - договор на гараж, который я продал её предприятию в... Мы оба забыли, когда - то ли в 1993-м, то ли в 1992-м, а может быть в 1994-м году.

Я мог бы отмахнуться: прошло столько лет! Чего я могу искать!! К тому же, один листочек - бумажку; один листочек в моём-то архиве?!!

(Надо сказать, с детства я веду дневники. А с 1991 года, когда у меня появился «фамильный» дом - собираю архив. Мой архив - это тома - тетради дневников, это папки писем, это различные документы, черновики, конспекты, иные самые разные материалы. Общее количество папок приближается к ста. Всегда большой труд что-либо не датированное в них искать.)

Я уже почти сказал себе (а своей знакомой и сказал) - «нет». Но. Уже в сам момент нашего разговора по телефону я вспомнил: с полгода назад уже был точно такой же её звонок. Она просила, я формально исполнил. Поискал, покопался, - знал, что вряд ли найду, ничего не нашёл.

...«Эге... - враз отметил я себе. - Тут что-то совершенно другое. Что-то не так».

«Не так» для меня было вот что. Обычно принято, - что даже зафиксировано в поговорке, - как говорится, считать до 3-х. Три - это уже система. Но мои - жизнь, опыт, показали мне: можно считать до 2-х - два произошедших случая, уже система. Оттого я считаю - «до 2-х», для меня два повторившихся одинаковых случая - система.

И вот произошёл повторившийся второй. Причём второй (что случается крайне редко) был идентичным первому! А я чуть не пропусти его! Невнимательность, плохо.

Я стал думать. Но важно не только думать, то есть искать ответ, важно задавать вопросы. И я, наконец, задал свой вопрос (надо ж было найти его сперва): «Что я должен найти в Архиве?»

Я его задал, - я его непрерывно задавал, регулярно задавал, - ответ не пришёл.

Не обнаруживалось даже направление поисков. Меня торопили (знакомая, которой срочно требовался документ), я полез в Архив.

Не зная, что искать, не зная направления поиска, я постарался чётко определить себе хотя бы период. Мысль подсказывала мне: 1993 - 1994 года. Я решил подстряховаться (МИР вот так открыто, прямо не вмешивается в жизнь отдельных людей по мелочам!) и взял с расширением: 1992 - 1995 года. На эти года в Архиве пришлось 10 папок. Ого!... Качая головой, я начал просмотр.

Вначале я просматривал всё: письма, ответы на них, записи своих мыслей, не вошедшие в дневник, записные книжки, перечни намеченных на день, месяц дел, планы, и так далее. Такой просмотр дал мне несколько потрясающе интересных выводов 2-го Плана и несколько 3-го. И вот что ещё: вывод - я должен искать документ. Я должен искать то, что называют «документ». В общем его понятии, не письмо, не записи своих размышлений (хотя вначале мне казалось, что именно на мысль, идею, не получившую развития, наталкивает меня МИР) и прочее, а «до-ку-мент».

Тогда, отринув письма, в которых кипело море безумно интересной жизни - дел, страстей, пропуская разные бумаги и бумажки, я добросовестно прочитывал всё, что можно было - пусть даже в очень широком смысле - отнести к понятию «документ».

...Я нашёл «его». (Ответ на свой вопрос. Ах, да - и ссылку на то, в какой организации сейчас искать копию договора о купле - продаже гаража для моей знакомой тоже, - оказывается, договор был сдан тогда же, в 1994-м году.) Главное, я сумел найти Ответ! То были три рукописные работы: конспект, реферат, «квинтэссенция» «Путь к успеху».

...Я изъясил их из Архива, вложив на их места листочки с краткой характеристикой изъятых, и, даже не поразившись, - я уже привык к Вмешательствам МИРА свою жизнь, - углубился в них. Ошеломило меня совершенно другое: Мне подсказывался выход! Точно указывались, перечислялись средства! Это даже напоминало инструкцию мне по мне!...

Что? ОН давал мне в руки средства, одновременно напоминая: они всегда со мной. Эти средства всегда со мной, потому что они в моей натуре, они корневые мои.

А я забыл. Я растерялся; а растерявшись - смутившись глобальности новой «стены» (задачи), я забыл о тех средствах, которые меня никогда не подводили, которыми я пользовался то интуитивно, то с разумением всю жизнь. Что же это я... Опустил руки перед неведомым, а ведь НИЧЕГО НЕ МЕНЯЛОСЬ В ПОРЯДКЕ ВЕЩЕЙ! Пусть теперь изменились, возросли понятия, - и я пишу и понимаю - не «вещей», а «Вещей», - всё, как прежде, как всегда, - и так будет всегда! - всё в моих руках. Всё, что мне требуется, все средства - во мне, вот они.

С учётом всей моей жизненной философии - логики, в которой деньгам отводится своё - их локальное, а отнюдь не главное, всё подпирющее - место, - в которой деньги - лишь средство, к тому же, не единственное, и далеко не первое, - теперь видоизменяю все формулировки в той первой дивной своей работке. И, переработав её в добротную вещь, формулирую заглавие так: «ПУТЬ К УСПЕХУ. Желай и имей».

2. Путь к успеху

2.1

«- Успех материален

- Мысль - это вещь

- У истока любого богатства и успеха лежит мысль

- Случай является с чёрного хода

- Начал - не бросай

- Успех за шаг до поражения

- «Да», спрятанное за «нет»

- Успех - это одна глубокая идея

- Хочу - значит будет

- Нет другого выхода

- Успех приходит к тому, кто мыслит категориями успеха

- Чем дальше идёшь к успеху, тем он становится ближе.

Слишком многие бросают дело за шаг до победы

- Внушите Вашу веру и настойчивость другим, и Вы добьётесь исполнения невозможного

- Всё, что желаемо и представимо, достижимо

- Мечты сбываются, когда желание становится действием

- Просите у жизни много - и жизнь многое Вам даст

- Желаящий победить должен сжечь за собой мосты»

Наполеон Хилл

2.2

«Я торговался с ней за грош -

И получал на грош.

А попроси я миллион -

Возьми и огорошь?

Она хоть жила, эта жизнь, -

Но брать даёт своё.

Мы у неё одни, но мы

На службе у неё.

Ты подрядился за пятак?
Служи, не смей роптать.
И не косись на богача,
А научись мечтать.

Кто миллионщик, кто лакей, -
Ко всем она равна
И жалуется сполна того,
Кто требует сполна».

Роберт Бёрнс

2. 3

Средства, которыми я пользовался неосознанно
всю свою сознательную жизнь,
и которые.

(прочитав о подобных у «Доктора» Хилла)
сам для себя однажды сформулировал.

(Конечно, всё так же продолжая пользоваться.)

«Успех материален.

Всё, что желаемо и представимо, достижимо.

Мечты сбываются, когда желание становится действием».

1. Желание. Желание - это первый толчок. Без него нет целенаправленного движения, без него нет перемен!

2. Мечта и воображение. Мечта и воображение - они создадут картину того, что возбуждено желанием. Без мечты не задумаешь ничего, без воображения не нарисуете мечтаемого, не возникнет картины. Нет изображения - нет явной цели.

3. ЭТО (желанное) должно стать идеей - фикс! Страстью! Страсть - двигатель и топливо одновременно!

4. Поверь, что ты обязательно... Но нет - считай!!! Считай, что ты обязательно добьёшься. Сомнения - тот «маятник», который раскачает и тот груз, что затопит любой корабль.

5. Думай о желаемом день! Тогда ночью включится то, что находит пути воплощения стремительно лучше: подсознание. Думай о желаемом день, ночью о том же будет думать подсознание - дай ему материал, пищу для работы, для дела.

6. Создай в себе такой настрой чувств, который не допускает иного результата, чем успех. Только успех!

7. При неумении жить бесстрашно, возможны разные страхи. Избавься от страхов.

8. Не допускай отрицательных эмоций.

Когда чувства будут «подняты на ноги», когда чувства начнут рваться вверх, искать выхода, когда желание будет идеей - фикс, а воображение создаст картину желаемого, - начни действовать.

Не забывай, что сознание работает гораздо эффективнее, когда мыслительный процесс окрашен, поддерживается чувствами.

9. Из глубин, с полок сознания извлеки в «оперативную» память когда-то приобретённые знания, опыт, умения, представления.

10. Составь общий план действий - поток. Заставь сознание прокручивать его десятки, - может быть и сотни! - раз.

Как проговаривает речь, предложение, слово тот, кто учится дикции, до тех пор, пока язык не будет сам без концентрации внимания, без контролирования выговаривать слова, так сознание должно «проговорить» все возможные - приемлемые и не приемлемые - варианты, пока разные варианты не выльются в приемлемый один. Должен возникнуть план.

11. Прими решение исполнить свой план.

12. С настойчивостью, не допускающей возражений, ссылок на обстоятельства и др. и проч. - действуй.

13. Не разбрасывайся.

14. Наверняка ты не знаешь всего, не умеешь всё. Не спеши добывать все становящиеся необходимыми специальные знания и умения. Не успеешь.

Ищи специалистов и пользуйся их знаниями и умениями.

Но не ошибись в подборе, в выборе этих людей. Равно, как и «не бегай» по многим.

15. Всегда помни, что идеального варианта решения нет. Твоя задача идти по тому пути, который эффективен.

Другая задача - стараться избежать крупных просчётов, ошибок.

16. Продумывай все шаги, старайся предвидеть их последствия.
17. Постоянно выделяй из своего плана действий те кусочки, те части, которые можно поручить другим. Всё сам - не успеешь, всё сам не сумеешь.
18. Учись использовать людей. Учись применять их наклонности и способности. Отданный кому-то на откуп кусочек твоего плана, конечно же будет исполнен не так, как исполнил бы его ты, это факт. Но ведь твоя задача - добиться задуманного тобой результата! А не прохождения по предположенному тобой пути.
19. Научись руководить. Люди пусть считают, что это они, - что они действуют так сами, тогда как они действуют так оттого, что ты выстилаешь перед ними пути, направляешь по ним, тянешь за определённые ниточки.
20. Не будь догматиком своих ошибочных решений. Убери своё эго, равно, как и обиду, из своего характера, из своих свойств. Кто-то знает как сделать, как поступить лучше тебя - прими это легко, иди за ним, доверься ему.
21. Не задерживайся «на дне». Ищи способы сразу выбраться на тот уровень, на ту высоту, которые уже сейчас тебе по плечу, по силам.
22. Требуй от жизни МНОГО. Требуй невозможного! Достигнешь максимального.
23. Ищи нетривиальные решения, нетривиальные подходы, пути.
24. Не раскрывай своих планов ни ко му. Всегда «держи дистанцию».
25. Избегай всеми способами неконструктивности во взаимоотношениях с людьми. И боже тебя упаси задевать в обидном смысле их родственные чувства! Обычно они работают слепо, не признавая в принципе ничего дурного за родственниками.
26. Заражай своими энтузиазмом и верой окружающих.
27. Помни, что получишь больше выгод, больше отдавая. Например, давая другим заработать возле тебя.
28. Если требуется, создавай «мозговые центры», «мозговой центр». Будь его центром: координатором, вдохновителем.

29. Заставь работать на своё творчество свою сексуальную энергию. Это кладёшь. Используй в деле свойства взаимоотношения полов. Миром правят чувства, Мужчинами - женщины: страсть к ним.

30. Применяй стимулы сознания.

31. Научись делать открытия.

32. Пользуйся интуицией.

Но только в тех делах и областях, где ты специалист.

33. Постоянно развивай свой интеллект, повышай его уровень.

! Твой масштаб равен масштабу твоего ума.
! И масштабу твоих чувств.
! Ты - равен масштабу твоих дел.

Действуй! Всегда действуй, не только мечтай! Ибо Земля - это материя. И, следовательно, место обязательных материальных действий. Намерение, желание, мысль - должны непременно материализоваться: стать действием. Без действия не будет ничего.

Земля - место действия! Никогда не устану это повторять!

27.07.2005 г.

Но есть на ней ещё одна «штучка» - одна аксиома, одна совсем нешуточная вещь: ты, умеющий желать, мыслить и действовать, равен масштабу твоих намерений... Попробуй понять.

26.06.2006 г.

ДОКТОР ХАС

Математик

рассказ

«Может ли судьба, могут ли небесные законы открываться людям.

...Нам столько веков твердили: душа, судьба - это всё неземное, это всё никак не может быть в рамках строгих наук. Это скорее гуманитарное, если предположить, что законы движения души можно изучать. Но я же не теолог, не психолог. Я математик. И?..»

Вначале, нежась в дрёме после неопределённых витаний во сне, когда у него были сновидения и какая-то его в них деятельность, он отметил: есть общее свойство во всех чётких, помнящихся снах, которые последние пять-семь месяцев регулярно приходили ему. Проснувшись, и встав, и умываясь, чистя зубы, он одновременно размышлял над своим сонным миром этим. И заключил: «Определённо: есть».

Сделав заключение, он, поколебавшись, для убедительности плеснул на зеркало воды, и, наблюдая, с какой неумолимостью бегут вниз струйки, решил применить математику к миру чувств, мыслей, образов. За чаем создал свою (собрал известную ему последовательность снов) матрицу. Тогда легко вычислил общее свойство. «Вот так да?.. Очень интересно, очень...» В снах он регулярно изгонял кого-то, либо постоянно выносил что-то - из своей квартиры. Подбирал, собирал, подметал, убирал, выносил; выводил, выгонял, изгонял, выпроваживал, удалял. «Ну и ну...»

«...Регулярность проявления свойства есть признак закономерности, закономерное - свойство системы. И - признак системы. По матрице можно построить вектор. Вектор - это в том числе направление.

О!.. Значит, можно увидеть...» Тут с трудом формулировалось. «Мне моё направление?

Кроме того, экстраполировав найденную прямую, можно определить дальнейшую линию, хотя бы некоторый отрезок её пу...»

С зубной щёткой во рту, с зубной пастой на губах он замер. Строго смотрел на себя - себе в глаза в зеркало. «Линию чего? Какого пути? Ты обнаглел». Даже себе мысленно он избегал ответа - земного ответа, практического ответа: не выведенного в уме и доказанного, и доказываемого столь же ясно, как теорема Пифагора, а практической экспликации машинальных математических выкладок. Но мысли... Но губы сами мимически прошептали: «И направление, и линию, и примерную длину отрезка с у д ь б ы».

Он не стал размышлять ни о чём более, только яростно исплескал себе лицо холодной водой: «Остынь. Пригодится».

По образованию, по основной специальности он был математик. Неважно, что теперь не работал им - систематическое базовое образование вначале строит, формирует ум, задаёт, закладывает его фундаментальные свойства, привычки ума, затем всю жизнь незримо действует в нём.

И он действовал: начал целенаправленно думать.

То машинально, то целенаправленно специально проанализировал, прокрутив по несколько раз, известные ему сны. Да, он действительно кого-то/что-то регулярно «вы...» (тут было пятно - образ) из своего дома (в снах у него был дом). То с кем-нибудь разговаривал, выговаривал и провожал за дверь, то выговаривал и ругался, и, отругав, выводил за дверь. То переходил на крик (вспомнилось и такое) и таким образом прогонял. То даже выталкивал, чуть не дрался. Находил мусор, находился мусор, переполнялось мусорное ведро, мёл и терял веник, потом обнаруживал.

Вспоминая и анализируя, он вдруг уловил: сейчас запутается. Тогда очень осторожно (бросив анализ) систематизировал. Решение имело успех: итоговое действие, итогом было одно - прощался, выпроваживал, выводил, выводил, изгонял. «Но что-то ещё». Зайдя в тупик, с удивлением обнаружил: «Надо принять в расчёт чувство!... « В снах было итоговое ощущение: он как бы освобождался, когда выносил и выводил.

«Но почему? Для чего? И - кого?» Абстрагировавшись от снов, он определил и сгруппировал некоторое количество персонажей - функциональную основу многих снов. На листе бумаги расписал множество, спроецировал его на реальность. Общее свойство этих людей, элементов множества, уже не лежало на поверхности, но и оно далось легко: перед ним напоказ, как модели по подиуму, - а иные по два-три раза, а иные будто встали на круг, - проходили люди, с которыми он после двадцати пяти лет имел дело. Общался, контактировал, и на которых потом «имел зуб». Либо, которые на него держали «камень за пазухой». Зло в ту и другую сторону.

Несколько раз прошла бывшая жена. Ругались до ненависти, изменяли друг другу. Прошёл друг, переспавший с его женой. Прошёл отец, в трудную минуту отказавший в помощи; и умерший не прощённым... Крупное, мелкое, мелочное, огромное... Он заметил: ни один из людей круга добрых, любящих отношений не явился ему.

То же, что с людьми, творилось с чувствами. Всплывал такой... (Он сам так называл его.) Мусор... Что он только качал головой: «Неужели это всё: я?»

Итак, он выталкивал из себя, вычищался. Сознание (сердце, душа?) накопило в себе за жизнь множество мусора: сорных, злых, ненавистнических, подлых, просто неприязненных отношений. «Видимо, чувствами, ощущениями при отношениях между людьми занимается душа. А запись физически идёт в сознание. И вот, душа очищается. Так? Те отношения выбрасываются, уходят. Сбрасывается балласт».

Он размышлял над этим. «Конечно, это всё мусор! Это ненужная тяжесть! Груз, не конструктивность. Всё сбрасывается. Сбрасывается, как в нужное время балласт. Ого!»

Он не был уверен и не стал строить вывод. Лишь точно понял: душа готовит себя. «Но к чему?» Испугался: «Неужели близится смерть...» Отплакав и смирившись (ибо, кто в этом утешит), горестно порадовался: «Значит, есть ад и рай?» И, кажется, его готовили (ведь для чего лишние действия?) не для первого.

Уловив течение, он закрепил в него руль, уловив ветер, перестал ставить поперёк паруса; рвать паруса, грести поперёк. Приказав себе отдаться воле ветра, то есть - воле судьбы, он выключил самостоятельный, инициативный, свой мотор. Сказал себе: «Плыву по течению. Есть течение, есть направление, надо пользоваться им. Можно попытаться иметь ввиду свои интересы, свои цели, но... Но, кажется...» (В методологии сухих наук точно нет терминов «напрасно дёргаться», «бесполезно сутетиться».) «...Надо присмотреться, попробовать определить ширину фарватера, ширину разрешенного коридора. Надо ловить изгибы, замечать бакены, вешки. Буду плыть по течению».

«...Течению чего? « Пришлось снова пойти к зеркалу, взглянуть в зеркало: себе в глаза. Тогда нашёлся ответ: «Движений души. Как пить, как есть сюда не относится».

Он «поплыл». Он поплыл: Учась раз за разом, поворот за поворотом.

Раз за разом, поворот за поворотом прежде корёжащие жизнь трудности, корёжащие земную жизнь трудности, крупные неприятности - пропали: словно мели, через которые с отчаянием пробивается корабль, кончились. Так в лесу, в глубине, стихает вьюга, смягчается ледяной, зимний ветродуй, и тихо летит в лицо мягкий снег; и мир, не война. И также буря не чувствуется в глубине: на поверхности скачка волн, молнии, вой, дикие громы - но тихо скользит подлодка.

Он понял: «Не-ет!... О-о, что-то не так, совсем не так. Близится время жить! Не близится время умирать». Запрыгал: обрадовался!

Последние полгода-год у него как-то не ладилось всё. Каждый шаг по жизни, каждый порожок приходилось преодолевать огромным напряжением, усилием воли. Как спад шёл во всё. Ощущение спада приходило ему на ум не раз, но он был математик и не привык принимать в расчёт, вставлять в системы уравнений то, что нельзя измерить, взвесить, пощупать - чувственное, бестелесное, ощущения. Теперь сами ощущения стали системой уравнений, теперь пришлось.

«Как спад был. А последнее время, как ограничитель высоты: не разогнёшься, не позволяет выпрямиться в рост. Или я выше стал?.. Да ну!... Но да - да: только хочешь спокойно пойти, не сгорбившись, не клоня голову, тут же - бац головой!!»

Однако он понял, впереди ещё жизнь, и перестал задумываться, отчего может придти смерть, - стал жить, стал наслаждаться, пить жизнь в удовольствие, как поневоле отвыкнув, пьют в охотку парное молоко.

Он даже несколько «обнаглел», как сам себе сказал. Ему чувствовалась, просматривалась впереди жизнь не меньше, чем на год, и он стал любопытным. Цепко держась за поручни судьбы, строго придерживаясь чувствуемого им своего коридора, при случае он начал... «Смеяться». (Не нашлось термина подходящего, не при-

думалось слова другого, потому что «испытывал» здесь никак не подходит: он не испытывал. Подшучивал, любопытничал, с осторожностью смеялся. Так робко шутят со связанным львом). Как? Вот самый простой пример. Каждый день идя на работу, с работы, спеша по делам, ему приходилось переходить оживлённые улицы. Конечно, он переходил такие улицы только на «зелёный» и в отведённых местах. При этом ВСЕГДА ОБЯЗАТЕЛЬНО, как всегда, как ранее, поглядывая налево-направо, направо-налево, налево-направо-налево. Иначе нельзя, потому - никогда не знаешь, что на уме у водителя бешено летящей к перекрёстку машины, потому что - никто не застрахован от того странного страшного случая, что у тормозящей перед пешеходным переходом автомашины не лопнет в этот самый момент тормозная трубочка и... И - да-да - провалится педаль под ногой медленно сходящего с ума водителя, летящего на толпу, когда отказали тормоза. Либо вылетит на тебя из-за поворота пьяный шальной... Поэтому проезжую часть оживленной улицы надобно переходить напрягаясь, держа в поле зрения все машины, оглядываясь.

Теперь же он ходил: беззаботно. Как так?

Его забавила сама необъяснимость, сама невероятность ситуации, - сама мысль, само понимание: само знание (!) того, что если ты соблюл правила поведения по жизни, НИ У КОГО НЕ ОТКАЖУТ ТОРМОЗА, НИКТО НЕ РВАНЁТ НА ТЕБЯ НА С ДРУГОЙ СТОРОНЫ НА «КРАСНЫЙ», НИКОГДА СЛУЧАЙНО НЕ ВЫЛЕТИТ ИЗ-ЗА ПОВОРОТА ПЬЯНЫЙ ШАЛЬНОЙ. Велика разница. Ему, при его умении синтезировать, казалось: ого-го, как велика!

Вот так он теперь ничего не боялся.

И всё время, если они приходили, не противился, даже помогал себе смотреть сны. Всё подтверждалось: да, он освобождался, да, он готовил себя. То же начало происходить в жизни: стечение обстоятельств - встреча - выяснение (это он так направлял) отношений.

«Всё, дальше некуда». Нет, это было сказано им не о «готовить, готовиться»: практике потребовалась теория, практике не стало хватать теории. Он был математик и обе составляющие любого дела, будь то прививка яблони или ремонт электропроводки, или приготовление коктейля, привык поддерживать друг другом, вести параллельно.

Он поступил также, как поступает подозревающий в себе недуг врач: пошёл к коллеге; в его случае, ещё и к другу.

Дождлся конца рабочего дня, зная, что тот часто остаётся, уходя домой за полночь - ценя часы, в которые нет никого: тишина в машинном зале, в лабораториях. Действительно, одинокая фигура виднелась среди стоек аппаратуры, перед экраном центрального дисплея. Радуюсь встрече, он постучал по дверям и быстро пошёл.

- Гена, привет!

Друг оглянулся, при обратном движении смахивая что-то, во что вглядывался только что, с экрана. Он удивился: раньше такого не бывало:

- У вас что, ввели «режим секретности»?

- А, это ты. Привет. Садись. Нет. Читаю книгу.

- Успел заметить. Что-то такое «...and divine».

- Эт-т-т, глазастый, - хмыкнул Гена. - Ладно. Только тебе. «Man&human... And divine».

- И божественное. И ты, Брут...

Когда вышла?

Не понял, почему ты не можешь почитать дома? Что за книга, когда вышла?

Геннадий оглянулся на дверь, снял очки, медленно потёр глаза.

- Там все разбрелись?

Устал.

Надо покурить. Будешь?

- Пепельница...

- Перфокарту сверни.

- Боже, откуда у вас перфокарты!? Их сто лет уже нет.

- У меня есть. Привычка.

...Она не вышла. Выйдет через 12 лет. - Геннадий надел очки и внимательно посмотрел на него. - Так ты будешь курить или мне одному?

Он молчал. Потом:

- Давай.

...С тобой закуришь. Какие сейчас у тебя?

- Времени нет, - внезапно сказал Геннадий. - Времени, как категории, как измерения - нет. Потому нет, не существует, ни прошлого, ни будущего, ни настоящего. Всё происходит в один момент: в сейчас.

Можешь иметь это ввиду, когда думаешь о своих поступках и информации.

Вся информация обо всём всегда вокруг нас.

Кстати, если ты пришёл в чём-то разобраться, а на твоей озадаченной туманной физиономии как раз это и читается, то давай - порезче, и гребь отсюда. У меня какая-то долбанная программа подвешивает ОС, машина зависает. Подозреваю, кто-то посадил один из аппендиксов супервизора. Так что... Давай: что там у тебя? И отгребай. Дома, небось, ждут.

Он покачал головой:

- Послушай...

- Только и делаю, что слушаю: уже восемь минут тридцать две секунды.

Он покачал головой:

- Ты когда будешь нормально разговаривать с людьми.

- Завтра. Может быть.

- Завтра... О...

Ладно. Кроме тебя всё равно не к кому. Ты у нас один, наш учитель, на двести пятьдесят лотарингских миль - уточнить?

- Да. Если не трудно.

- В радиусе.

Нет никого, кто в любых знаниях сравнится с тобой.

Продолжать?

- Нет такой мили, нечего врать.

Притащил бы лучше пожрать чего-нибудь. - Друг открыл на экране какой-то список и упёрся взглядом в него.

- ...Да. Только, имей ввиду: если это шутка, то довольно плоская. Насмешка - неумная. А если лесть - грубо. - Геннадий откинулся на спинку кресла, пустил струю дыма в потолок. - Лесть, она должна быть тонкой! Неощутимой! Нет, лучше: едва ощутимой: так лучше.

Кстати, давай разберём теорию лести.

Вот если на Востоке она, то бишь, лесть, всегда была неизменным атрибутом речи, то на Руси - у нас традиции складывались постепенно. Я бы сказал, медленно, веками. От медвежьего варварства к высокой культуре...

- Лести? - захохотал он. Приснув, затем замолчал. -

Послушай, Геннадий, - сказал он, - надо мне разобраться, помоги.

Ещё он сказал, что в явлениях своей жизни (он не открыл, не сузил пространства описания, что в снах) в последнее время обнаружил, открыл закономерность: действие по правилам, систему. Какую? В чём? Пока не важно. Важно другое: к явлениям, которые случаются по правилам, к явлениям, в которых есть закономерность, применима математика. С помощью нашей с тобой божественнейшей из наук, пусть её сомнительно-романтического раздела, давай попытаемся определить: что у меня за период, каковы его параметры. Ах, период чего? Да жизни! Жизни моей. Почему не хочу сам? Свои руки не объективны. Хочу искать, делать расчёты твоими. Уж извини. Тебе доверю.

- Ну, давай.

И Геннадий прокрутил - а он наблюдал, сидел в стороне - вначале вручную, затем на компьютере несколько систем, вычисляющих, определяющих по разным исходным данным, личностным метам, параметры человеческой жизни. Спроектировав узловые точки каждой на События в жизни друга, Геннадий решил: - Стоит выбрать кашмирский квадрат, мне видится, событийно он более коррелирован. То, что можем видеть у тебя в жизни мы, в его схему укладывается, попадает. И даже более-менее точно. - И рассмеялся: - Как говорят в Вологде, я был там в командировке - всё около дела.

И математик просчитал «квадрат».

А он - сидел в стороне, суровый, взъерошенный. Опять испугался: - Я хоть не умру?

- Не мешай... Э-э-э, - иди пока Господа Бога спроси. Можешь заодно принести печенья - тут, в ближайшем магазине превосходное «Топлёное молоко» дают.

Наконец, Геннадий закончил. Собираясь с выводами, отложил бумаги, снял - дать глазам отдохнуть - очки. Близорукие глаза глядели на него не концентрируясь, в общем, как на колеблющееся пятно.

-... Нет, не умрешь. Если ты хочешь знать о здоровье, то у тебя впереди два опасных периода: в 42 года и в 60 лет. Переживаешь их, живешь дальше.

- Ну, утешил, - засмеялся он. - Ладно, согласен. Что поделать - согласен. Ну а сейчас?

По расчётам и выводам друга в его жизни вскоре должен был произойти перелом. Нечто подобное всходу в горах: когда из ущелья вдруг выбираешься на тропу вверх, лёгкую тропу к вершинам. А сейчас, во-первых, сам основной, семилетний, цикл его жизни был в спаде, находился в спаде последние полгода, во-вторых, некий более глобальный, двадцатилетний цикл его жизни сейчас менялся. Но также был пока ещё в спаде. И был в спаде последние полтора года. Критическую нижнюю отметку каждый из циклов прошёл.

-... Да, вот тут две нижние точки у тебя почти совпали, разнос во времени несущественен для семи и двадцати лет: месяц-два. Два - три месяца допустимое отклонение. У тебя ничего не случилось? Чего-то, я не знаю - это могло отразиться на любой из плоскостей жизни: здоровье, семья, работа...

- Гена!!! - отчаянно крикнул он. - Дружище! Кто меня отпаивал лекарствами! И гнал, заставлял потом идти проверяться в больницу! А? Не ты ль? Сбой же был: сердце.

Друг от удивления снял очки, надел очки.

- Да? Прости. Отвлёкся с расчётами. Ещё раз напomini: когда?

Они склонились над цифрами. И одновременно выдохнули почти одно: - ...Да-а-а... Как говорится: или совпадение, или совпадает.

- Бог с ним, главное, обе критические отметки ты уже прошёл. Жив! Жив, курилка. Закуривай! Поздравляю.

Выводы, выводы, цифры, слова, цифры... Расчёты.

После всех известных им методов он решил:

- Так. Теперь забываем про все системы. Открываю - берём теперь - всю мою статистику, пытаемся найти: есть в ней система? Что это за система. Есть ли это: система. Что говорит эта система...

Попотев до зари, они сделали и это. Система была - провидческий ум друга подтвердил то же: есть закономерности, закономерности стремятся к системе.

Он шёл домой. «Будет подъём, подъём ранее не бывалый. Ужас!» (Ведь мы говорим так?) «Будет небывалый подъём. Видимо, этот новый, этот наступающий период будет расцвет, апогей моей жизни!

...Кстати, тогда объясняется, тогда лучше подтверждается и такой низкий провал.

...Будет подъём.

Что надо делать? Ничего. Главное, не оказывать сопротивления жизни.

...Да, сколько мне пришлось прочувствовать... Когда из твоего дома вдруг, без твоего желания и ведома, выносят «любимый старый диван», трудно поверить: это не грабёж. Забирают почти всё - что ещё ты можешь думать? Обворовали.

...Когда тебя вдруг ловят в городском саду, куда-то тащат, начинают что-то вырезать в животе, пусть даже люди в белых халатах, трудно поверить: это не убийство, срочная необходимая операция. Ой... Но, вроде б, всё позади, уже всё позади».

Почерпнув выводы из области математики, он пытался проверить их наблюдениями из области реальной жизни.

«Но этот, подъём, скорее, - да нет, что я говорю: точно - касается только души.

Конечно, это, он отразится и на мою земную жизнь: на всю мою земную, видимую, жизнь, и повлияет. И повлияет на реалии. Но по-земному, транслировано.

В жизни произойдут перемены, ты должен быть готов к ним.

Хм-м, готов... Легко сказать».

Он не стал шарахаться, не стал сомневаться. Предсказать ничего нельзя, надо просто жить. «Надо просто плыть по течению. Душа делает что-то, надо помогать ей. Чего она хочет, то и надо делать. Идти навстречу тому, что идёт на тебя. Помогать ей, значит, помогать себе. Помогать ей всем: сердцем, сознанием. Идёт освобождение? Будем сознательно освобождаться».

...Опять в снах прошла жена. Никогда не появлялись дети (и он даже умилился). Внезапно проявился нейтральный, казалось раньше, человек. Страхи, злость, высокомерные мнения, даже тщеславная манерность. Негодования, неприязнь, интриги, подличанье, просто тяжёлые взаимоотношения. «Да, много же я накопил мусора... Как она, бедная моя душа, еще справлялась со всем этим».

Но душа готовила себя, готовил и он. И душевно, и мысленно, и в реалиях жизни. Осво-бож-дался.

«Странно, невероятно всё, это. Нельзя же видеть судьбу. Нельзя управлять своей судьбой. Но я вижу! Но я - управляю. И как же - закономерности?

...А так ли это? А не может быть, что я ошибаюсь? Могут ли людям открываться небесные законы».

Он был математик - не философ, не богослов: учёный, инженер. Он не трактовал события, явления, - не дело учёного, даже не пытался, - он наблюдал их, вскрывал их законы.

«Нельзя знать свою судьбу, нельзя видеть судьбу. Нельзя править судьбой. Я увидел закономерности определённого периода. Уловив проявления, обнаружил систему. Построив вектор, узнал направление, время «не менее». Встроился в систему, подключился к ней, включил в неё свои ощущения, кожу, нервы, сердце, измерения, поступки, чувства, мускулы, жилы...

Подчинился. Подчиняясь, управлял.

Нельзя? Но можно.

Не дано? Дано. Человеку видеть судьбу, человеку открыть, небесные законы?!»

Однако, он - вошел в свою жизнь. Значит, это так.

Шестая тема

или

О смысловых вариациях темы основной музыкальной мелодии в кинофильме - трилогии «Крёстный отец».

I.

Когда-то, когда мне было шестнадцать, я много играл на гитаре. Это было...

Так было. Но я не просто играл: мы были повально увлечены! Нашу юность накрыл расцвет гитарной эстрады, и, заодно - время ношения брюк клёш, длинных волос и электрогитар. Также как в далёкие тридцатые культовым был образ парня с гармошкой, в недавние пятидесятые - паренька с баяном, так теперь в умах молодёжи господствовали юноши с гитарами, особенно электронными. По вечерам попирая устроенную на уровне глаз танцующей публики эстраду, они взирали небрежно, чаще высокомерно из-под своих кудлатых и прямых лохм, как из-под косматых бровей и бацали!. Музыка стилей «поп» и «рок» поливала улицы, как крепкий ливень, и металась, как стая галдящих грачей. Шло время «Квин», «Дип пёпл», «Лед Зеппелин», «Битлз». Двадцатый век, восьмидесятые.

В девятом классе, благодаря своей настойчивости, увлечённости и музыкальному образованию, я был впущен в школьный вокально-инструментальный ансамбль. А так как среди брэнчал кроме троечников никого в принципе не могло быть, то я, «пятёрочник», вкуче - недавний выпускник музыкальной школы, по соизволению школьного директора, стал руководить им.

Мы «рубили»! Мы «бацали»! Мы «резали», «ломали», «давали», «отрывались» - в общем, музыкально - куролесили на своих царских подмостках при школьных танцевальных вечерах. Никогда ни разу я не вспомнил о Бахе, Шумане, Листе, но - «Шисгае! Ё мэй из шисгае. А ну вие, ё ну вае - ё шисгае!» Шейк «Квадрат», «Если ты нуждаешься во мне...», «Улица», «Солнце коснулось волны», «Лэт ит би», «Мелодия «Крёстного отца»... Как-то очень просто обходились мы без Моцарта и Людвиг ван...

Школьный вечер ждался. Школьный танцевальный вечер, «танцы» - что-то вожделенное. Вся неделя: уроки, занятия, домашние задания, а тут - помешанный на изгибании тел под музыку полутёмный зал, блеск глаз и гром своего ансамбля. И медленные танцы.

Но что там танцы!... Вот когда ты на сцене, когда с электрогитарой! Когда ВСЕ смотрят на тебя, ВСЕ ждут, что ты произнесёшь, что сыграешь, что запоёшь! Вот тогда ты кумир, идол, законодатель, исполнитель желаний, бог!

В меру своего ума мы инстинктивно стремились творить. Но, кажется мне теперь, мы лишь вытворяли.

От ансамбля на танцплощадке требовалась музыка двух типов: быстрая, под которую зал, беснуясь, энергически дёргал руками, телами и ногами, и медленная. Под медленную все обнимались, покачиваясь, разделившись на пары. Так приятно обнимать девичью талию... Но даже стройная девочка не заменит эйфории кумирствования с ритм-гитарой. Никогда!

Мы хотели быть местными идолами. Мы пели, подражая мировым эстрадным богам, гнусая и завывая, притопывая и выкрикивая. Мы пробовали сами сочинять. И когда зал танцевал под наши музыку и слова бывали на седьмом небе от счастья.

Когда теперь я морщусь, слыша тридцатикратные повторы одной той же строки («Боже ты мой, какое нынче всё поют убожество... Какая попса... Неужели ребята не понимают...») то сейчас же и непременно вспоминаю вытянутые лица наших учителей, - вытянутые лица, натянутые улыбки взрослых... - обязанных дежурить, присутствовать в зале. «Да... - теперь подытоживаю я, - И тогда кому-то... И наши, как нам виделось, наполненные глубоким смыслом тексты, песни, казались, видимо, таким же, как мне сейчас эти убожеством». Да, конечно! Чего стоит один наш (если вспоминать) знаменитый, популярнейший шейк «Квадрат».

Па-па - па-да-па-па - па-па. Па-па - па-да-па-па - да-па... О, «Квадрат»!... Какая то была неистовая музыка. Мой любимый «Квадрат», какая то была вещь! Наш уникальный, единственный в своём роде, наш заводной бас-гитарист и теневой составитель репертуара ансамбля, «Рубильник» изо всей мочи ударял медиатором по одной струне. Пяу-у-у!... У-ух па... Хриплый громовой раскат при этом оглушал зал. Чуть выждав - немного, когда у самого уляжется в ушах - «Рубильник» оттягивал, как тетиву, ещё раз струну!... И отпускал. После зажмурился, а потом лупал глазами, как после ночи филин. У-удар! Е-ещё у-у-дар! В эти незабываемые секунды с величайшим нетерпением, как фаворит на скачках, ожидал своей очереди с ритм-гитарой! И дрожал, как перевозбуждённая борзая.

«Рубильник» делал ещё два удара по одной и той же хрипло-гласной струне!... И безумие на сцене и в тёмном зале, освещаемой зарницами цветомузыки, начиналось. Па-па - па-да-па-па - па-па!...

Кажется, при «Квадрате», дежурившие на вечере учителя «закрывали дверь с той стороны». Не помню точно, потому что мы в эти минуты бывали не в себе. Зал скакал, мы «рубили», «бацали». Все - упивались и - бесились.

II.

Однажды, после особенно удавшихся «скачек», когда у меня лично в голове мутилось от сыгранной, с позволения сказать, музыки, как от влитого в нос бензина, к нам на эстраду неожиданно поднялась наша «историчка». Впрочем, определение «наша» лучше отнести вообще к школьному: Людмила Ивановна не вела в нашем классе.

Мы поморщились, но стерпели, не сделали выходки: Людмила Ивановна была уважаема и в среде учителей, и школяров. Мы даже с некоторым удовольствием предоставили ей микрофон, отчего-то наверняка зная: «эта» не станет ни угомонять, ни поучать. Мы устали, пусть поговорит.

Кажется, Людмиле Ивановне было тогда тридцать.

Да, наверное, так, потому что я могу вычислить по своим годам. Точно помню, она была интересная, волнующая женщина. Не богу говорить за других, мне в этом смысле она нравилась.

Она сказала (кажется так, ведь прошло уже - страшно подумать: двадцать пять лет...): «Сейчас у вас на очереди медленный танец, как я понимаю». И вопросительно посмотрела на меня. Я благосклонно, я, польщась, кивнул. О - здесь я царь. Полубог.

Она сказала: «Я хочу спеть вам песню из кинофильма «Крёстный отец». Я слышала, эту мелодию у вас здесь играют». «Народ» в зале закричал: «Класс! Да! Bravo!» Я снобистски чиркнул по струне. Девчонки в зале завизжали.

Эту мелодию мы играли. Эту мелодию мы знали - она была тогда суперпопулярна! Зал загудел от восторга!

Тут... Людмила Ивановна повелительно (но одной кистью, но одним слабым движением своей руки, - а я всё отметил! я уже в такт ей дышал! Отметил: вот это женщина!) приказала нашему «основному», «Рубильнику», исчезнуть с эстрады - «смыться». «Рубило» пожал плечами и снял гитарный ремень: «Пойду подымлю...» Меня же она попросила: «Саша, подыграй». И сняла со стойки микрофон.

Играть и петь в паре для меня всегда почему-то невероятное сближение, - а с девушкой, а когда в звуках и словах мы согласованы: будто даже что-то интимное. Я растерялся. Эта женщина!... Она действовала теперь на меня, как магнит.

Она показала мне (пальчиком, пальчиком): сними гитару. Я слепо повиновался. «За пианино». То есть, садись за пианино. Я сел.

Пианино всегда было на сцене, но мы никогда не обращали внимания на него. Думаешь, пианино... Гитары!

Юрка не успел уйти, Людмила Ивановна окликнула: «Киселёв!» И показала: обратнo. Показала: так, потихонечку, очень тихо - подыграй. Показала: на ритм-гитаре. Юрка пожал плечами, влез на сцену, взял мою гитару вместо меня.

Ритм-гитара, пианино, солист - образовалась новая группа. Мы взяли вместе несколько нот, испробовали отрывок, испробовали его без слов - некогда. Я сомневался, что без репетирования у нас слаженно получится. Так и вышло.

Но даже то, что вышло!... Нам после хлопали, кричали: «Ещё! Ещё!... Потряс!...»
Что произошло?!

Наша бездумно, без слов уже с год играемая, и всем привычная, мелодия вдруг воссияла.

«Не верю я, что ты уйдёшь во тьме ночной... (Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...)

И в тишине растает милый образ твой.

Не верю я!

Не верю я...

Что ты пройдёшь

По утренней дороге

Не со мной».

...Си - до - ля.

«Вернись в наш дом

Над жёлтою рекой.

Помирят он

Тебя со мной...»

Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...

Руки пианиста всегда играют сами по себе. Истоющая необыкновенный жар женщина стояла подле меня, - я смотрел, не понимая, о чём она поёт (я не о словах), - я заглядывал в её глаза и мои от её загорались огнём. Я был без ума влюблён, она влюбила меня в себя за те краткие песенные минуты. Она звала любовь, она получила её.

Вот так творится любовь, вот так из слагаемых чистых душевных встреч творится душа.

Прошло двадцать пять стирающих всё лишнее лет, но та горящая любовью женщина в длинном, среди короткоюбочных девочек и джинсовых мальчиков, платье до сих пор зовёт, чарует меня, подарив на раз идеал женственности.

...Да, но что - мелодия? Я понял: мы играли нечто бессмысленное, пустотанцевальное, выкрашенное в невнятный цвет ложной грусти и фантастической тяги ко всему заграничному - вот какой была наша тема. Новая мелодия: страстный зов любви, призыв! Страдание! И вера, и надежда запали теперь в меня навсегда.

III.

Вышло так, что сам фильм «Крёстный отец» я впервые посмотрел только через пятнадцать лет. Фильм сразу стал одним из моих любимых. Но я не о том.

Никогда не думал, что мимолётные чувства давно отлетевших дней от одного толчка, от слабого внезапного толчка, так жарко загораются снова! Едва Майкл Корлеоне в сопровождении двух охранников, простых деревенских парней с охотничьими ружьями, двустволками на плечах, вышел на прогулку «ин Сичилия», - и вокруг него (и вокруг меня) раскинулись селения, горы, - едва зазвучала ТА мелодия, во мне вспыхнуло всё - всё с точностью до мелочей! - опять.

Но я смотрел фильм! Я следовал ему! Я следил за действием, участвовал в нём. И ТЕ, «наши», слова не зазвучали. И уже через минуту я невероятно удивился: в фильме не было песни о любви! Не было!... Не звучало мелодии грусти, мелодии надежды и прощания.

Предо мной была ИНАЯ мелодия.

IV.

С интересом просмотрел «Крёстный отец. I», затем «Крёстный отец. II», затем - III. Вот что я узнал.

Первое, что поразило меня: как одна и та же мелодия в зависимости от сюжета, от действия может звучать совершенно по-разному. По-разному? По иному! Каждый раз! В новом месте фильма! Мелодия даёт новую тему.

После, когда я не только хорошо знал - когда чувствовал - весь фильм, я целенаправленно просмотрел все те кусочки, где есть «моя» мелодия. Сейчас жажду о ней рассказать! О том, что о ней узнал, о том, что рассказывает она. Она - одни и те же кусочки, пришедшие в мою жизнь не случайно. Она - одни и те же: «Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...»

О первой и второй встрече в моей жизни вы знаете.

Первая встреча в фильме. Майкл, молодой человек, - итальянец, родившийся и выросший в США, Америке, - юноша, питавшийся равно, как традициями своей семьи, чтущей все обычаи родной Италии, так и американской гремучей смесью обычаев и традиций, - впервые попадает на прародину. Он не привык к такому солнцу, - он не привык передвигаться пешком по такому солнцу, по горам, он ослеплён, он шурится, задыхается, едва идёт. Ослепительное солнце, бескрайние горные просторы, перепады гор, долины, высоты.

И, отшагав день, Майкл вдруг узнаёт их! Её! Свою родину. Узнаёт не зрением, не слухом, не памятью: генами. Генами! Заработавшими и погнавшими соки земли корнями. Корни донесли до листвы: вот она, твоя родина.

И уже Майкл не просто идёт, он жадно вбирает её, он весь - стремление: набраться, наполниться ею! Влейся в меня!

И этот яркий, как сноп света, момент внезапно озвучивается, и то, что озвучивает его, становится символом. ТА мелодия - вспышка новых чувств: чувств пробуждения корней, узнавания родины, напитывания родиной. Мелодия звучит, как гимн. Вот фильм, вот герой, вот ситуация, вот мелодия.

Гимн узнанной родины. Такой она впервые врезается в память чувств.

Проходит всего несколько минут действия и к оглушительному новому ощущению, которого никогда бы не испытать в городской среде, городской жизни, Майклу прибавляется ещё одно.

Ты потрясён, даже растерян, распахнут. Даже устал от увиденного, пережитого. Кажется, что ещё может произойти?! Что ко всему перечувствованному может что-то добавить?!...

Но встреча с родиной, но расширение человеческих чувств, расширяется встречей... Любви.

И мелодия стихает, и гимн уходит. Теперь она - первые нотки любви. Первые робкие, первые неуверенные звуки. Рождающаяся любовь - в глазах, в словах, в намерениях, жестах. Аккомпанирующие всему знакомые звуки есть звуки начинающейся любви.

Пока всё. Мелодия из фильма уходит.

В части II действие переносится в далёкое прошлое. Молодой Вито, будущий отец Майкла, будущий «крёстный отец», беглец из Италии, житель Америки, первый раз в зрелом возрасте появляется «ин Сичилия». Он приезжает на родину (с которой бежал из-за вендетты), он возвращается на землю, в которой родился и рос, которую прекрасно знает. Он возвращается туда, где были - его родители, бабушки, бабушки, его младенческие пелёнки, его детские забавы. Там всё его, вся веками шедшая жизнь. И всё - сам воздух в лёгких, будто не истратился, остался внутри, воздух детства.

Уже знакомая мелодия сопровождает возвращение Вито, его короткую поездку.

Мелодия проста, не оркестрована, - чистые звуки, простые звуки: звуки 50-х. Она легка, не имеет подспудного багажа тяжёлого прошлого. Она - мелодия родины, её принимаешь в себя вместе с тем, что она олицетворяет.

Проходят годы и годы. В части III отяжелевший, потемневший - но нет: тяжёлый и тёмный - от груза жизни, схваток за деньги, убийств, злодеяний, вместе - утрат, по-

терь, - респектабельный, но потерявший ту первую любовь, утративший в себе вообще любовь Майкл (Корлеоне) едет на Сицилию.

Там у него новый бизнес и встреча с партнёрами - противниками. Там случается первая в жизни внезапная исповедь, - в Ватикане, папскому кардиналу, - там, в опере «Кавалерия» должен впервые выступить исполнителем главной роли любимый сын. Энтони отказался продолжить дело «семьи» и дело отца, Энтони хочет быть певцом. Учился, будет петь.

От этого в городок Корлеоне, в поместье Майкла Корлеоне, съезжаются все. В том числе, ненавидящая и боящаяся Майкла бывшая жена и мать его детей - Кей, в том числе - дочь Мария, и Энтони, сын.

Не желая быть с отцом в его всегда окрашенных кровью делах, дети любят его. А Энтони специально для отца разучил и собирается исполнить песню, которая «чисто сицилийская, местная. Для тебя, папа».

В этот момент мы тоже гости в доме, мы с нетерпением ожидаем её. И что же? Звучит до боли знакомая мелодия. Играет гитара, впервые являются слова.

Боже, что делает теперь песня!... Она - утраченный ключ к памяти! Она срывает отмычкой. Она отпирает все замки. Казалось, все двери наглухо затворены, всё душевное лишне, ненужное - прочь. Годы потеряны, в прошлое, в светлые его минуты, не попасть ни-ког-да.

Но льётся песня и кусочками возвращается молодость. Конечно, только лишь в память. Вновь свежесть и чистота чувств. В сидящем за столом тяжком грузном человеке разливается молодость, возобновляется утраченный мир, мелькает та, первая любовь, случившаяся на родине, проходит та юная девушка. Вспоминается ещё о чём-то, прорывается (но не прорвалось) сожаление: всё могло быть не так.

Мелодия - ключ. Мелодия - воспоминание. О молодости, любви. Они не вечны.

Песня допета. Песня заканчивается и глухие тёмные очки снова отчуждают героя, закрывая от всего мира его глаза.

Да и заканчивается уже вообще всё. В последний раз милые, родные звуки - «Ми - ля - до - си - ля - до - ля - си - ля - фа - соль - ми...» - вспыхивают, как маленький огонёк спички, во время прогулки по городу. Коротенько. Как отрезано ножницами от стопки листов бумаги, на которых повесть: «Вот дом, в котором родился мой отец...» Значит, всё-таки, это мелодия родины.

V.

Да... Да-да. Теперь я твёрдо уверен.

Это та моя очаровательная учительница от своей жажды преподавала её, как мелодию зова любви.

М И Л Ы Й Д Р У Г ...

рассказ

«Милый друг; так хочется ответить на Ваше письмо - так хочется!

...Но я только ставлю пластинку, и вместо пера беру в пальцы иглу, - и незабвенная, неподражаемая Клавдия Шульженко снова и снова как по моему душевному манию выговаривает мне:

*«...Давно!... Забытых лет.
Я Вас звал!
Кругом молчало всё в ответ.
Лишь луна.
Ласкала Ваш портрет.*

*Луч Луны
Упал на Ваш портрет,
Милый друг -
Давно!... Забытых лет.*

И я лишь ещё и ещё, снова и снова вместо листа и конверта заполняю себя и свой дом; и ставлю, ставлю, ставлю пластинку - мы расстались.

...Мы расстались. Так радостно, что мы расстались на взлёте.

Внезапные две эти мысли вдруг привлекли меня. Завариваю сейчас чай - взял новую, взял нераспечатанную пачку «Ахмада» - «Ahmad tea», того, который «Green», - и сразу вспомнил: мы с Вами любили!

Мы - любили.

Мы всё любили; а после всего... Любили перебраться в кухню, открыть новую пачку этого самого чая, - маленькую, самую - самую, пачечку на пятьдесят грамм, купленную по пути в магазине, - вскрыть её, взять новую бутылку воды, скрутить пробку... «Сквэжина номер 5». И!... Снова что-то бесконечное - наши взгляды, наши разговоры... Тёрпкий вкус, - о, аромат.

Мы расстались; так радостно мне! Мне никто не поверит; но и никто не поймёт меня - отчего?! Мне радостно оттого, что мы расстались на взлёте.

Мы всё неслись, - вверх, ввысь, - и уже достигли вершины, - ещё б один миг! И - на самой вершине! Но и на краю?!...

Но нет: вся история наша - подъём вверх без падений. Взлёт, подъём, нацеленность на успех. Ни который из нас не мыслит ничего по-другому. Только вверх! Только к солнцу! Вверх и вперёд.

Светлые чувства, светлые мысли, всегда - созидательность: всегда и во всём!

Созидательность во всём!

...Я знаю: не раз я огорчал Вас. Увы мне...

Ни единожды, никогда - Вы не огорчили меня!

Своей любовью Вы сотворили невозможное: Вы подняли меня - любовью! Любовью! Обожа-нием! Боготворением! - на новую высоту! Мою высоту, свою высоту.

Я знаю, Вы не считаете себя высотой. Это не так; это неважно; со стороны видней. И я не раз со стороны наблюдал за другими людьми при их общении с Вами, и я точно знаю: как вы-соко они, многие, ценят Вас!

Мой характер... Вы пишете мне сейчас: Вам не в чем меня упрекнуть. А мне себя? Вам - да, не в чем; и - Вы ещё любите. Я знаю, и после Вы скажете то же и так же; даже когда уж со-всем не останется нашей любви.

Вам всё ещё досаждают наша разница в возрасте. Помилуйте - что она нам?!... Для чего го-ворить об этом теперь, когда ранее мы об этом не говорили? Если мы с Вами её не чувствуем, не видим, не знаем оба - бог с ней... И - чёрт с ними: суждениями окружающих о нас.

Вам кажется, я её не замечал? Но нет же, не так; не придавал никакого значения ей.

Ах, как хорошо помню, как иной раз мы шокировали других. Вот, например. Прекраснейше помню взгляд - нет! Помню сами испуганные глаза! - моего приятеля. И немигающий взгляд, которым, в спину нам, он провожал нас.

Мы выбежали из дома, из подъезда, - того дома на главной улице города, где Вы тогда

жили; там блюли квартиру родственницы, уехавшей в Индию. В Индию!... Меня завораживало, интриговало! Как так?! Каков человек? Какова вообще жизнь?! Вот взять, и уехать в Индию. И непросто - в страну, на отдых, а - в нечто: в ашрам. (Я не представлял тогда, не знал, что это такое - но какво само слово! Как звучит!) Уехала на полгода. А работа?! А предприятие?! А восьмичасовой рабочий день, как у всех?! А выходные?! Но вот же, можно! Но, с другой стороны, всё равно непонятно - а как так?!... Но вот же: можно и так! Человек захотел, решил; взял, оставил всё и поехал. Ему ЭПО важней. Он ПТАК живёт. Молодец, заранее люблю.

...И вот мы - после всего, и после традиционного нашего чая, - мы выкатились двумя умасленными қолобқами из своей божественной, напоённой любовью, - наполненной, и уже, по-моему, переполненной! - квартиры; и мой приятель возник, как километровый столб на шоссе: внезапный, на внезапном повороте. (А мы опаздывали, и бежали, в филармонию на фортепианный концерт.) «Привет!» «Привет». Всё обычно: приятель встретил своего приятеля с подругой. Но его глаза!... Они отделились от тела и следовали за нами. Кажется, так. И ошарашено глазели на эту парочку, бежущую вперёд и интимно судачившую о своём. Глаза озадачились чрезвычайно: наша разница в возрасте (тринадцать лет, приятнейшее число!), да ещё в наши года, когда и мне-то за сорок, всё-таки всем бросалась в глаза. Они (все) не знали, что мы равны. Ду-ра-қи. Кто не понимает. Кто принимает путей любви, тот не понимает любви! Тот не знает жизни, кто не понимает любви. Тот не умеет жить! А, значит, не живёт. Кто не принимает любви, не любит, не жаждет её постоянно - тот не живёт. Дурақи.

Будем на них смотреть?

Будем на них смотреть - будем ловить их одиночные ориентиры, расставленные кем-то, как расставляют по правилам бақены, - как идут потом все по бақенам, выбирая точно безопасный путь. Зачем?! Будем держаться их курса - жизненного курса тех мудрецов, разум которых останавливается при виде необъяснимых любовных пар?! И пишет на челе аршинными буквами автоматическое «осуждам» с». А губы автоматически лепечут банальное, заученное в общеобразовательной школе: «Люви все возрасты поқорны...» Нет, это пусть они учатся у нас: поқорных служителей любви! Её хозяев и её рабов!

Нам же - вперёд! Снова и снова! И пусть краток путь летящей стрелы...

Мы сумели. Мы умели! Мы жили. ПТАК

Летели.

Наш путь - путь всего сущего на Земле: путь творчества и любви!

...Бывало, я замыкался в себе, и Вам что-то казалось. Вы отстранялись, уходили: мол, не стану мешать. Вы не понимаете характера творческих натур. Двойственность - мы двойственны. Как хлеб, нам нужны и общество, и общение, - и круг друзей, и подруга, и друг. И тут же - как хлеб: одиночество. Одиночество, одиночество, уединение, отъединение... Из состояния распаханности, восторга, целования мира мы мгновенно погружаемся в сумрачность, отрешённость - даже забиякость, подобную огрызанию зверя в его лесном диқом углу; бывает, впадаем в меланхолию. Ни от чего, без причин - от себя.

Составлять пару творческой натуре - о, волнообразная трудогольная бесконечность: никогда не достигающая конца работа союзнической души! Тут требуется либо верить, либо любить! Любовь и вера. Не размышляя, на лету объявляю единственно возможными для пары два этих неподвластных (слава богу) разуму, человеческих - и человеческих! - состояния.

Теперь я знаю: в Вас было и то, и другое. Загадка - вот загадка мне.

...Как загадка числа «13». Ну почему оно везде сопутствовало нам!... Нашему движению, нашему совместному творчеству, - нашей встрече и нашим объятьям - всегда и везде, на всём протяжении пути.

Вечно пугаясь его ранее, теперь я стал искать, стал любить его! Оно - как вход, как вход - дверь в тайну. Не иначе так, (Что мне делать теперь с ним одному?)

Могу ли не замечать; когда даже познакомились мы (лучше - столкнулись) именно тогда, и после того, как в номере Вашего телефона, на дверях Вашей квартиры (и ещё) появилось число нашей разницы в возрасте: тринадцать. (Но уж - «Спокойно и просто мы встретились с Вами...»)

Как будто она была всегда: эта встреча жила, где-то спокойно жила, дождалась нас. Она была всегда.

И теперь мне даже кажется, будто я сам планировал её. Да, не будет открытием интимного прилюдно сказать - вслух, в полный голос, при всех; мне всегда нравилась зрелость. Зрелая полностью, даже так!

Может быть, всё дело в глубинном душевном укладе?!

Никогда не любил весну, никогда (тут я тоже о «весне») - девочек. Никогда - есть зелёные яблоки. Что находят во вкусе неспелого?! Что привлекает в незрелости?!...

И ещё одно глубинное (субъективное, чисто моё личное): я всегда мечтал что-то вместе делать, строить. Строить, создавать - вот характер моей любви. Она никогда не прибавалась к бережку любовничества, развлечений. Созидательность во всём - мой главный критерий; вообще всего!

...Странно устроены люди: они не хотят даже присмотреться к этому. У них десятки критериев успешности действий, успешности жизни (положение, успех, деньги, любовь и так даль...). И ни одного: а что создал я? Это какое-то безумие для меня!...

Пусть наш пример - бога ради: несовершенный, несвойственный, - каприз, парадоксальность - кричит (раз он кричит): двое встретились и любили, чтобы создавать! Наша любовь - создала. Вот наше! Вот истинное дыхание - и вдохи, и выдохи - любви! И вот истинное - глубинное, кровное - человеческое. В том наша суть, мы заявляем о себе - так,

...Когда я оглядываюсь назад, и взгляд мой проносится по нашим дорожкам, тропкам, до рогам, бываю повержен. Шок и восторг присутствуют тогда во мне одновременно! Каждый наш шаг - каждый! - отмечен твореньем. Разноцветье - каким!... Из нашей северной природы мы сотворили каскад тропических зон!... Изданные книги, организованные выставки, написан-

ные картины, устроенные творческие встречи, - праздники, - помощи в делах, быту, в устройстве личных дел, - сведение вместе нужных друг другу людей... Я поражаюсь.

При этом небесном, божественном бытии мы успевали уединённо праздновать, веселиться; раздаривая ещё и ещё счастье - налево, направо, назад, направо, налево...

Вы помните день рождения, устроенный нами одному мастеру? Конечно! Его не забыть; как не забывается своё лично праздничное, просвечивает сквозь все года.

Когда теперь он меня встречает, - случайно, на улице, - даже, когда проходит по другой стороне, - заметив меня, он вспыхивает! Преображается! Он вспоминает и начинает излучать: тот давний - предавший восторг! Жаль, люди невидящи; я обязательно оборачиваюсь и смотрю ему вслед; и впадаю в озноб: вот идёт солнцenesущий человек!

Разве не окупилось всё - и всё выпитое и съеденное - потраченное на тот день?

Вы помните: он, тот человек, и не гадал, что у него может быть - возникнуть и быть - такое количество не знакомых раньше друзей!

Но я, конечно, лучше помню свои ощущения - свои чувства, страсти: восторги, которые теперь по моему мановению вызываются из моих недр - восторги, которые теперь живут во мне всегда.

...Всегда! Я! Всегда!... Буду помнить тот!... Торт! О, вот то был торт!... Лакомый, спелый!... Чудо - кто придумал его!

Мы (мы с Вами) устроили себе ужин (рыба, овощи, вино), потом... («Потом» не для всех.) Потом мы решили: осталось место и время для чая и для торта. Но разве можем мы в одиночку пить чай и вкушать торт, когда сладко, будто сладким объелись?!... Да и квартира уже переполнилась: счастливое наше состояние заструилось, заволновалось, начало перетекать - куда-то. «Что происходит?» - посмотрели мы друг на друга. Но мы и скорёхонько додумались, что именно! Джинсово оделись, выплыли на своей волне из квартиры, выбрали магазин, выбрали самый-самый «спелый» (вкусный на вид) торт, забрали его, «заработали вёслами, подняли паруса». Поплыли по городу - но, куда?!... Наши внутренние локаторы рыскали очень недолго, просвечивая засыпающий город. Наши локаторы сошлись на одной точке - и впору сказать: мы засекли её. Так - туда!...

...В кухне, между застрявшей, как в складе мебели, - ниже белья, свисавшего с бельевых верёвок, среди сушащихся пелёнок, горок посуды, вещей, проскакивающих по стенам и столам тараканов, кашляющего малыша, ещё двоих, побольше, детей, - загнанности, как ломовой, донельзя утомлённой лошади, тянущей воз по замкнутому кругу, как по дну котлована, из которого ни выпрыгнуть, ни выехать - этой жизненной ямы с отвесными краями, - в кухне - квартире в одиночку бьющейся с жизнью неизвестной богеме художницы - был творческий вечер. Её личный творческий вечер; которого ещё не было у неё никогда.

...Когда она вначале хвалилась тем, чего давно уже нет (продано), жаловалась о том, что

нет возможности писать, - что нет сил, что все они без остатка уходят на детей и оттого не пишется, - но ведь - было!... Писала! Рисовала! Мы навалились на неё: и будет! Всё будет - надо желать и мечтать! Да, конечно, замечтала она, всё будет, конечно, конечно, я верю: всё будет снова!

...Когда она показывала черновые листочки, наброски, эскизы, - даже школьные рисунки в школьной тетради, - а потом вострепнулась, потом вспомнила, потом поднялась, побежала (и ПОНУЯЛАСЬ!): «Хотите, стихи свои почитаю?» «Конечно! Ты разве пишешь? Неси! Конечно, неси!»

И разве дело было в торте - он просто явился толчком. Он явился причиной прийти. Украсил обстановку.

Она читала!...

...Прости меня, душа моя: я так не могу - ведь сам пишу. И не слушать других - моя, и вообще творческих натур всеобщая слабость... Ты же - да-да, теперь именно «ты», перехожу на близкое, на него! Разве на «Вы» душе своей скажешь?!... - ты слушала сердцем. Ты реагировала восторженно, и искренне. И я потянулся, повлёкся за тобой! Преодолею себя! Мы слушали сердцем - одним на двоих - большим! Преогромным! Сердцем совместным на троих и!... Эти откровенно слабые (не боюсь сейчас обидеть никого) стихи, вдруг они зазвучали. Я вострепнулся от неожиданности - как?!... Как таkre?!... Но вот что: они были родными для той натуры, для той квартиры, - мы поддержали, мы заслушались, мы приняли в себя их. Всем сердцем старались помочь. Мы поддержали их чувства, их звук, их и печаль и смех. И всё: вновь воскресла душа.

Что мы могли бы ещё? Никто бы не смог принести подарка более богатого - более богатого, более серьёзного. Денег дать?... Но мы - ведь одной секундой мелькнуло у нас и таkre - только мы успели переглянуться и покачать друг другу головой: нас не поймут, именно нас. Мы уже принесли ВСЁ.

Мы оставили - чай, торт, вечер, - свои сердца, - часть нашей безмерной, безграничной любви, часть нашего нескончаемого счастья; этому, обитающему сейчас, пока в руинах себя, талантливому сильному человеку. Она была готова упасть, мы не дали разбиться. И когда теперь я вижу её!... (Если мне плохо, теми старыми чувствами, я поднимаю себя!)

Как все творческие натуры, особенно, удачливые, - особенно, средне - я эгоист. И только ты так сделать могла, что я преодолел в этом сам себя. (Нет, теперь говорю про того себя - «его»!) Один бы я ничего не смог, одним своим сердцем. А вот в любви! А вот - в два!...

Люблю тебя. И за это ещё.

Ты знаешь, что мне теперь пришло? Я взялся за новую книгу. Да-да, кроме всего, мои ощущения изменились: я стал по-другому видеть мир. И взялся за новую книгу теперь.

Да-да, не успели мы с тобой издать предыдущую (то были и счастье, и изматывающий опустошительный труд для меня), как я опять... Едва восстановившись. Ничего не могу поделять с собой. И снова - и обо всём накопленном пишу опять.

Но знаешь, начал писать (а параллельно читаю в который раз «Войну и мир» графа Толстого) и тут же - постепенно, как издали, - как приближение горизонта, упорно стремящегося к нему, как прочувствование и осознание ранее недостижимого, пришло; вот что пришло. По-умному, по мудрому (навевал мудрец Толстой?) мне бы сейчас нужно остановиться. Оставить всё. Всё - все свои дела, и особенно, своё писательство, писание. Я знаю: мой настоящий талант - аккумулялировать. Мой странный, необъяснимый феномен: аккумулялировать, накапливать в себе! Действительно, как заряд электричества в аккумуляляторе, во мне всё накапливается. Всё! С чем я когда-либо имел дело. Всё воспринятое растворяется до молекул и соединяется в новом качестве. В новое тело, в новое качество, вновь; и - в нынешних условиях, при нынешнем уровне человеческого.

Так вот. Знаешь, я увидел: мне надо оставить всё. И погрузить себя в чтение. Дать себе одно только чтение. Устроить круг, устроить кольцо. Читать. Пройтись по нему, пройти его. Впитать, вобрать в себя. Каков этот круг? Мой всегдашний первый: - Трибедов - Пушкин - Гоголь - Достоевский - Чехов - Толстой - Набоков. Вот главные. Если хочешь, вот держащая всё на себе внутренняя окружность. Первые. Ядро. А вторые - а внешняя окружность кольца - Экзюпери, Ремарк, Рекс Стаут, Паоло Козльо, Александр Грин, Джек Лондон, Марк Твен, Николай Рубцов, Бунин, Куприн, Аесков, Салтыков-Щедрин, Булгаков с «Мастером и Маргаритой», Ромен Гари. (У Гари - предельная для человеческого писателя проза.)

Оставить всё, заняться только одним: напитаться, усложнить, уточнить, усовершенствовать себя, как писательский аппарат. Только затем, после - писать. Своё писать.

Вот задача! (Вот незадача...)

Я пробую. Такое отвлечение (и отрешение от жизни) стоит того! Я попробую. ЭПО - будет сейчас: моё основное, главное.

...Но, конечно, главное - что ты, своей любовью, Подняла меня, Двигаться вдохновила.

Будто я засыпал. Будто - обездвиженный, омертвённый, - до тебя, до того, - отсутствием энергии творения, задохшийся в безвоздушном пространстве жизнедеятельности, в которой нет любви - вдохнул полными лёгкими, поднялся, вновь пошёл. Вверх и вперёд. Созидать.

У-ди-ви-тель-но. Удивление - это!

И ещё удивляюсь - ещё более. Чему? Какие мы мудрые: мы всё тютелька в тютельку считали! (Да? Как будто.) Прости: искреннюю радость мою от того, что как мужчина и женщина мы расстались на взлёте!»

15 августа 20.... года

21ч.15мин. - 23ч.55

Когда б у меня сын

1.

Когда у меня родился сын, я был далёк от него.

Как сейчас помню - да, как сейчас: я вернулся с работы, вошёл в квартиру, щёлкнула замком дверь. Начал переодеваться, не успел - застучали. Я открыл, стоял сосед. «Да?» Он сказал: «Звонили». Я ответил: «Не понял».

Он тогда сказал: звонили из роддома, у тебя сын. И стоял, зорко наблюдая за мной, и чуть скалясь. Смешно.

Пожалуй, не помню вовсе тех своих первых чувств. Да. Я не знал, как реагировать; то есть, они не знали.

Будь я дома один, взял б сигарету, большой фужер, бутылку коньяка и встал к окну. Да. Смотрел б на дома, на небо, сигарета бы дымилась, лился коньяк... Ну не знаю...

А я б... Бы о чём-то мечтал. О чём, тоже не знаю. Так бы и достоял до утра. Сходил бы ещё за коньяком - ведь событие! И - до утра. Когда один, и сделано всё, и никому не обязан, я всё мечтаю.

Да!... Туманно так, бесформенно... Приятно о чём-то...

«...Мечтать не вредно, а главное, не больно» - помнится всегда подкалывала меня бывшая жена.

...Так бы и достоял до утра. Потом на работу.

Но была реальность: сосед. И ещё реальность: в роддоме (где это?) - сын. Я мешкал.

Сосед сказал: «Пойдём ко мне. Я понимаю... У меня борщ». Вот как.

И простое (невкусное сегодня) слово «борщ» отрезвило меня. «Так - стоп, - сказал я. - Вот чего я хочу. Мы отметим моё событие истинно по-русски». (К чёрту свекельники, харчо, рассольники, солянки, борщи! И коньяк.)

...Была картошечка, - вчерашняя, холодная, в плотно сидящем «мундире», очищать которую, уже закусив и хрумкая дольку солёного огурца, одно удовольствие. Были солёные огурчики, прошлого года, в заплесневевшем рассоле, прозрачном под пенкой, пахнувшие укропом, чуть чесноком и совсем чуть - смородиновым листом. Была докторская колбаса, шпик, свежие помидоры (принесла соседова жена), хлеб. Ну и водка, просто «Русская водка». Да, была простая изысканная русская еда.

За всем этим прошёлся по стаканам - чай (передышка, смена настроения). Затем «догонялись»: сардельки, водка, хрен, хлеб.

Очнулся я... Не в постели. Но было хорошо - какая-то благодать, потому что первой мыслью - всё-таки сын!... Я подумывал: может перебраться на диван, укрыться с головой (слишком светло), да подремать?!

Но была неприятность (мешала). Через открывшийся ночью рот прошли (да пусть бы просто прошли, хоть не гадили) десятки кошек. Они же прошарашились по столу (кулинарный мамай). Надо было избавиться от гадких ощущений и лицезрений (терпеть не могу любой беспорядок!). Я поднялся. Покачиваясь прошёлся.

Вот! Теперь я был один. На-ко-нец! Я встал у окна.

Враз всё пропало - чувствами я могу всё заглушить, всё изменить: все ощущения, все внутренние неприятности - всё!

Я стоял у окна. Сигарета, коньяк, - небо, улочка, солнце в утомлённых глазах. Жизнь - такая благодать!... Хорошо бы жить так, как хочу.

...Не дали.

Оказывается, сосед не уходил. (Ушла у него жена, его жена.) «...О чём мечтаем?» «Да как бы тебе сказать, когда сын...»

Мои мечты, мои желания не были определённые, конкретные.

«...Но кажется лучше дочь. Я слышал, девочки ближе к отцам.

...Знаешь, она предоставила мне выбор - два имени, если сын: Пётр или Данила. Я не знаю...»

- Давай-ка - чай.

(Вот так: конкретно.)

- А давай. Тебе не на работу?

- Я в отпуске.

- Как тебе хорошо.

- Хм-м...

(Моя действительность всегда умела хмыкать.)

- ...Я в отпуске, а ты вообще всегда сам себе хозяин!

- Не скажи - своё дело это!...

- Да брось!... Давай посидим! Я первый день в отпуске - такое событие!

И мы посидели.

Мы посидели, а я хотел стоять у окна. Стоять и мечтать: мне всегда кажется, что мечты это тоже жизнь. И когда-нибудь сбудется всё - когда-нибудь, как-нибудь все мечты воплотятся.

Но действительность (да хотя бы сосед) убеждала меня (и убедила): надо сесть за стол, надо пить чай, надо подумать о том, (и о сём), обсудить варианты.

(Стоп, а когда же мечтать.)

- ...Что - Пётр!... Что такое «Пётр» - рассуждала моя близко посаженная действительность.

- Что такое Пётр?!... Например, - камень. Помнишь в Библии? «...И на том камне я построю...»

- Да брось!... Пётр - это не современно. Петя, Петька... Вот Данила!... Это Данила!

- Да?

(Кажется, я противоречил только из духа противоречия ей.)

- Пожалуй, лучше. Данила - мастер.

- Что - мастер?!... Как мастер?!

-Ну как же! Ты разве не знаешь?

И я рассказал, что знал.

Моя действительность (в лице соседа) загнула один палец. А другой наставительное вздела вверх.

-...Вот-вот! Данила-мастер!... Хм-м, я и не знал. Теперь буду. Данила-мастер, так Хозяйка Медной горы порешила.

Я был доволен: одного просветил. (Другую б переубедить.)

Но её не переубедить - я знал мать своего сына. (Она идёт своим путём, я своим. Встретились на перекрёстке, столкнулись. И снова порознь.) Так что - либо Петька, либо Данилка. Второе звучало лучше. Сидя за столом я достал коньяк. «Ну! Будем».

Так родился (мой) сын.

Когда он был совсем маленьким, мы были в ссоре с матерью его. И не виделись. В год, наверное, я сумел несколько раз его покачать.

Когда он начал ходить, мы с его матерью в очередной раз «на всю жизнь» рассорились. И я не видел его ровно три года.

Я пытался обрести новую семью. А она мстила мне: иногда (но всегда в точку) звонила или писала письма. О чём? Какой он славный, умный, пригожий, - и как невероятно похож на меня. А то писала - он падает на пол, бьётся и плачет. И кричит, что хочет папу, и всё - папа! Папа!... (Я в ужасе расставался с очередной подружкой.)

Когда сын подросток, как-то всё поутихло. (Может, мы от своей ярости отупели, состарились?)

...Когда сын подросток, как-то мы столкнулись. На улице. Вместе погуляли. Походили, даже посидели в кафе. Потом она расщедрилась - даже посидели у них в квартире, на кухне. (В моей квартире... На моей кухне... Я так любил эту квартиру...) И мой Данила стал бывать у меня.

Я двудомный. (Шучу.) У меня два дома. Летом в городе не живу. (Лето - животворящий поток, - вода, - небо, лес, травы. Лето - прелесть. Зима тоже. Зима - пристань, спокойный труд в затишье. Пристанище от холода и бездорожья. Зимой люблю суету городов.)

Деревня и город - две моих равных стихии, - я, как оляпка: одинаково хорошо чувствую себя и в воздухе, на крыле, и на ногах, под водой, в воде. Зимой я мастерю и пишу, летом сажаю, копаю, пишу и мастерю. Писательство и мастерство/ремесло - две моих равных стихии тоже.

Я думал: хорошо бы мой сын мастерил, стал мастером. Мастер - это!... Жизнь! Я счастлив в своих трудах, я знаю жизнь. Хорошо бы он тоже.

Я стал наблюдать. Кто он, что он?

У двух «Близнецов» - существ воздушных, подвижных, сверхбыстрых, сверхчувственных, свободолобивых, - до всего любопытных, ко всему восприимчивых, жадных до разносторонней деятельности, - при этом поверхностных, легкомысленных (в сравнении, конечно... Зато лёгких) к поражению, - и удивлению - мира обычно рождается основательный, упёртый в себя хваткий пронизательный «Скорпион». (Неплохо для мастера.) (И для писателя.)

Но взаимоотношения «Близнецы - Скорпион» - сущий ад, для меня - сущий ад! Их ось проходит через ядро Земли и напоминает мне деревянное приспособление для извлечения огня. Медленное вращение - мука, ничего не добудешь, не горит - только трясёт. Быстрое - всё вспыхивает! Всё жжётся! Ломка и уголья. «Близнецы» антиподы «Скорпионов».

Я уже не юн, чтобы давить на людей - в особенности на любимых (а я без ума полюбил своего сына), я решил: пусть дело, действие определяет наши отношения, так легче. И стал учить «Данилу-мастера» пилить, строгать, красить... И писать. И вначале пошло.

Но оказалось он не хотел ни пилить, ни вырезать, ни строгать. Он любил ползать по деревьям, часами сидеть где-нибудь в гуще ветвей, листвы. И писать.

О-о!... В семь лет он уже писал. В восемь - уже громадно! В девять - невероятно (по-детски, конечно, но куда мне до него - я сразу почувствовал: куда мне до него!... Он пишет намного сильнее меня!) Я читал его работы и сдержанно хвалил. И критиковал. (А в душе ахал и восторгался, и наслаждался.) В моих руках был робертино лорети, и мой робертино обладал уникальным голосом. Я решил учить его «петь».

Вот что я стал делать. Я стал подбрасывать ему темы для небольших сочинений, убеждая написать на какую-нибудь из них. Да. Я убеждал его: получил талант, дар - надо учиться. Надо набивать руку. Надо стараться быть разнообразным, пока не выплыл на свою реку, - пока твой ручеёк не вынес тебя на твою реку: на свою писательскую тему. А он не желал никакого учения, никакого давления (будто я был - насилье), он другой.

Однажды (ему было с половиной девять) я заметил что его - ну очень! - заинтересовало! И подбросил тему. Он отнекивался, я давил. Он не хотел, я жал. Я приказал ему, он молчаливым бунтом отказался. Тогда я чуть не заплакал от досады - он бы это смог! Я взмолился! Он снизошёл. (Ой как хорошо.)

Вот что он сотворил.

Папин Данила

*Рассказ о том,
как папа САМ сделал свою РЕКУ и о том,
как она сейчас выглядит*

...Недавно я стоял около реки, которую папа сделал сам. Вот как она появилась.

Раньше папина усадьба была школой. Затем там обосновался клуб. И в конце концов, когда местность, где стоял дом, окончательно заросла бурьяном, когда дорога была абсолютно испорчена тракторами и автомобилями, и когда повсюду были разбросаны кирпичи, битые стёкла и ещё хлам, дом забросили.

Когда туда приехал папа, в доме был полный разгром. В некоторых местах вместо крыши - решето. Пол проломился. Стекла разбиты. Папа стал все восстанавливать...

Через определенное время, в доме были благоприятные условия для житья.

Проходило время. Папа вырыл трактором пруд для бани. Затем он вырыл пруд побольше, у леса, для купания. Так первый пруд стал Средним, а второй - Верхним. Но с самого начала хотелось папе, чтобы рядом с домом обязательно текла река. Без реки он не может. Но ближайшая река была далеко. Переселятся? Нужно много денег. Вот и вырыл папа трактором свою, лесную реку.

Во-первых, он вырыл ещё один пруд, для меня, очень мелкий. Этот пруд он назвал Нижним или Детским. И соединил все пруды. Так возник каскад прудов. Ещё через год папа решил и поехал на тракторе в лес. Папа сказал мне: «По крайней мере, попробую». Что - он не сказал.

Ему не нравилось, что лес около дома сырой, болотистый и везде стоят лужи. Папа установил низкие места и через них прогреб ножом трактора землю. Так за пять часов папа сделал русло. Когда он вылез из трактора, то был весь сырой.

...Сейчас река действует вполне по папиному замыслу. Снег тает, идут дожди, - вода собирается в лесу в русло, течёт по нему в Верхний пруд, из Верхнего пруда - в Средний, банный, из него в Нижний. А из Нижнего пруда вода вытекает в небольшое болотце. Из болотца она по канаве, через трубу в дороге, которую тоже построил папа, перетекает на другую сторону дороги и бежит в канаву. Та канава вдоль другой дороги идёт в сторону реки Обноры.

Река Обнора впадает в Волгу, а Волга впадает в Каспийское море. Папа говорит, он шутит: «Наша река впадает в Каспийское море!...»

Около папиной речки много жёлтой глины. Она вышла на свет, когда папа на тракторе прорывал русло.

Когда заходишь в лес, слышишь щебетанье птиц, шорох листвы и звук текущей воды.

Я пробовал запускать кораблики. Ветки плыли прекрасно, а вот самодельный деревянный корабль всё время норовил застрять между корягами, задевал парусом за корни, торчащие везде из берегов, и ещё, он останавливался на мелководье.

Речка идет недалеко в лес. Если встать на её конце, то можно увидеть усадьбу.

Если нужно будет перейти на другой берег, надо пройти примерно чуть больше половины речки. Там лежит большое дерево. Оно может послужить мостом.

С того самого дерева виден танец водяной пены: небольшие кусочки пены разъединяются, плывут против течения, соединяются, снова разбиваются на маленькие частички, и так дальше. На дне очень много листьев. Из под листьев идут цепочки пузырьков. Мне нравится папина река.

Прочитав, я понял. (Не скажу.)

Вторым делом я подумал - потенциал его мышц куда более значителен, чем предполагал я. Да. Этого мальчика надо напрягать. Да-да-да. Надо ставить ему невозможные, непосильные задачи (так я всю жизнь сам воспитывал себя), тогда он достигнет максимального. (Наполеон.)

Я перечитал его рассказ раз двадцать (не знаю что я искал?), взял ручку и... Написал к нему вторую часть. Да, - предложу ему к чтению: пусть учится писать. Даже не так - пусть возьмёт мою главку, как тезисы, осмыслит их, переработает по-своему. И дополнит рассказ. Вот как. Пусть это не его, ладно. Пусть продлит свою волну - моей помощью, во взрослую жизнь. Потянется за большим и, потянувшись, вырастет сам. (Да и я кое-чему научусь - уже научился! - у него.)

Вот что я написал.

...Кстати! Я совсем не подумал о том, что надо сказать: почему возник этот рассказ! Это всё папа.

Папа у меня - мастер. Он придумал себе мастерскую, потому что мечтал мастерить, и сделал её. И работает теперь в своей мастерской. Мне редко нравится работать в мастерской, мне нравится писать книги.

Когда я у папы, он заставляет меня работать, сделать хоть что-нибудь в мастерской. Мне приходится. А ещё он много раз замечал мне, что если я пишу, то надо учиться писать. Наверное, он не дождался, пока я начну это делать. И однажды он сказал: «Давай, я буду придумывать тебе темы, а ты будешь писать маленькие рассказы». Но мне не хотелось. Я не умею писать о том, что меня не интересует. Но папа настаивал. И дал мне название, которое я когда-то выкрикнул сам: папина река! Так я однажды назвал рукотворный папин ручей в лесу вместе с каскадом прудов.

Мне пришлось послушаться, потому что папа сердился. Папа почти кричал. Вот что он кричал. Если я получил талант и знаю о нём, я - Должник. И должен талант обрабатывать. Папа сердился, и мне пришлось писать.

Потом я обиделся, потому что первый мой рассказ папа выкинул. (На самом деле он спрятал его в большой железный сейф, в котором хранит Архив.) А мне сказал: «Школьные сочинения пиши в школе. Пожалуйста, потрудись над рассказом». И ушёл в мастерскую. А я пошёл в лес и стал смотреть на реку.

Я смотрел на реку, а сам думал: «Папе хорошо, он всё может!...»

Люди называют его: Мастер. К нему приезжают из разных городов посмотреть Мастерскую, заказать и купить его изделия. Я хотел послушать, о чём они ещё говорят. Но там было много мне непонятных фраз. Тогда я пошел в Мастерскую, взял книгу отзывов и стал читать. Там много раз встречались слова: музыка, дерево, поэзия. Но один отзыв мне понравился больше всего. Вот он, цитирую: «Множество его талантов поражает. Музыка, математика, литература, фотография, чувство природы, мастерство, умение работать с живой тканью...- кажется, слились в его работах, в его изделиях вместе. Так течёт только единое целое...»

И я подумал: вот настоящая папина река.

Гм-м... Сам не понимаю, как вот так здорово вышло! Видно большая польза продолжать песни и пение вслед за «робертино лорети»! Как это я: «Вот она - настоящая папина река!» Самому мне бы так никогда... Нет - самому б: не догадаться, не написать, не сказать. Неплохо. Потянулся за чем-то большим, и вырос сам. Вот так да!

Извилист путь авторского мышления - образы, домыслы...

3.

Задуманный мною рассказ не был написан: мы в очередной раз расстались.

...Она дала моему сыну свою фамилию, она забрала его, она увезла его к другому «папе» (не могу здесь без забора кавычек), - в иной город. Далеко от меня.

Хорошо, всё произошло летом, - у меня уже текла «Папина река», - она - вода, - я часто купался, а в воде не бывает слёз. Да, хорошо, что всё произошло летом: никто не видел, как я, подламываясь, поникал, мгновенно увядал, как лист, стукнутый внезапным морозом; - падал на землю, в траву, - сламывался пополам там, где заставала мысль о сыне. (Не было сил.) Сами собой враз подкашивались ноги, а я, - и я, не желая насилия над собой, - я давал им делать, что хотят. И почти валялся. Когда был на суше, валялся в траву, когда в воде, захлёбывался и не желал себе выплыть. Водой рыдал.

4.

...Горе не бесконечно.

5.

От сильной беды нервы тупеют: их чувствительные окончания шаркиваются драчёвыми напильниками болей. Я рвал траву и метал стога. Лето текло.

И протекло ещё лето.

6.

От сильных чувств всё становится образным. Домыслы либо исчезают, либо обретают реальность. Толкаемый острыми локтями болей (они толпились вокруг меня, куда-то вели) я сам оставил себя один на один с действительностью. И сам формировал её. Образы, образы... Помогло лето. (Выручила тёплая родная стихия.)

Тихое лето с ливневыми дождями, - пасмурное то дождливое лето замыло все следы; и даже безобразные колеи на лугах мягко заплыли, заровнялись землёй. Травы поднялись в рост человека; скрылись все обычновидимые горизонты.

Я нашёл свой поток и вступил в него - эти люди!... Эта новая среда моего чувственного, эмоционального, мысленного обитания, - эти люди, их поток подхватил, понёс меня. Я недоумевал: где я был раньше - вот же моя настоящая человеческая стихия! (И очередная родная.)

Я выбрал место своего будущего родового имения. Ездил, ходил туда, - смотрел, думал, ощущал. Посадил первые деревья, потом мне привезли - подарили - орешки (то есть, семена) кедра. Держал их на ладони: вот несколько будущих могучих деревьев - невероятно! Умещаются в ладони... Будущее в моих руках. (И я вступаю в него - кедр.)

...Я знаю ЧТО делать, знаю КАК делать: я ВСЁ мечтаю. (Не опять.)

Однажды сел, выкурил все сигареты, выпил весь коньяк. (Я не из тех, кто может выбросить эти приятные слабости в помойное ведро, я лучше пройду их до конца, пока не кончатся. Кончились. Сам помог.) Больше не покупаю. (Позабитые пылятся фужеры, в тумбочке на балконе забыта пепельница.)

Где бы я ни был, когда моя мысль свободна, мечтаю. Собираю свои туманности в облака, своим солнцем задаю формы. Размытые изображения беру в фокус, и, если удаётся навести резкость, выставляю максимальную длительность выдержки и диафрагмы (растёт глубина резкого изображения): фотографирую мысленно их.

Всё это непросто. (Даже похудел - в мысли вкладываюсь, трачусь энергично.) Всё непросто, просто я научился мечтать. Это так.

Вспоминая, завидую Грэю и Ассоль. (Где они сейчас, безумно интересно!) Вот - сильные мечтой - мыслью и воображением! (Знал ли сам Грин, ЧТО пишет!)

Мечта - модель действительности. (Ох, недаром запрещена - как грех - в любой религии, жрецы знали...)

Теперь я тоже знаю, как делать жизнь: надо мыслить о ней, её мечтать.

...Раз я люблю воду, мечтаю жить на реке: пусть течёт возле моего дома.

...Пусть не прервётся и моя река: будет сын. И будет сын у него. И у него. (Мой шанс вернуться на Землю.)

Когда у меня будет сын...

Но - по полочкам, я люблю всё по полочкам. И первое, - какой же сын, откуда же ребёнок без матери.

Странно, что я вовсе не думаю теперь о своей «половинке» - может это неверно?

Когда-то я напряжённо думал, искал, теперь нет - теперь не то. Я успокоился: не от чего переживать. И вот почему. Я нашёл свою среду - свой поток, я вошёл в него. Значит, он уже несёт, - а значит, вынесет, куда надо меня. Конечно, целая жизнь - это только жизнь вдвоём, жизнь, когда вместе двое. Один - ручеёк, двое - река. Сейчас я не думаю - действую, плыву в своём потоке. Да, пусть он вынесет меня. Знаю одно: раз я «Близнец», значит... Будет так: два «Близнеца».

Никаких разногласий - единый образ жизни: наша земля соединят нас так, что будет никогда не расстаться. (Да и зачем, а?) Теперь я не боюсь - в единстве нет проблем.

Но вот надо подумать о чём (обязательно): как нам - двум существам от природы - воздушным, лёгким, но легкомысленным, не промахнуться в главном своём творении; и создать подобного себе: «Воздух». (На втором месте у меня - «Огонь».) А самое лучшее - третьего «Близнеца», мне мечтается так (так идеально). От будет семейство! $1 + 1 = 3$ Да! Вот - по нашему.

Когда у меня будет сын, мы будем близки - все втроём. Надо стараться.

Мне важно: каков будет продолжатель рода. (Шучу себе: «папина река».)

Я хочу назвать его... В последний год мне нравится имя «Дмитрий». («Митя - Дмитрий, Митрий хитрый...») «Митя был маленький и всё наблюдал...» «Дмитрий - Михаил - Адам» - имена одного порядка, ряда, рода. «От Адама...»)

«Пётр» же не забывается, как «камень». Потому, что хочу строить. Конечно, не на песке, а на камне. (Оставляю это имя своему Дмитрию, пусть думает о Петре.)

Итак, что уже выходит. Родовое имя - спутница - пара - единый образ жизни - родовое дерево - желание сына - сын. (Имя всему дать.)

...О, Творче мой, боже - какое звено чуть не выпустил! Нет опыта, спит ещё родовая память. Да, спит, но чувства вдруг всколыхнулись и подсказали (в чувствах - всё!). Кого - кого я Зову в моего будущего сына?... Вот вопрос для меня! И теперь я знаю ответ! Прадед мой Михаил!... Когда у меня будет сын, хочу видеть в нём лучшего своего прадеда. (Михаилом звали его.)

Прадед мой Михаил! Как ты любил жизни, как ты умел любить людей, так и тебя

любили. И как река, которая текла через года, - как река, притекла ко мне солнечная о тебе память. И я тебя теперь так люблю.

Да и понимаю: уже ты заждался. (Хотя - плохо ли там, на небесах, кто знает?)

Прадед мой Михаил, тебя призываю в своего будущего сына! Каким ему быть, пусть твоя светлая, твоя беспокойная созидательная душа сама всё решит, всё установит. Буду помогать. Мне донеслось: твои лучистые глаза умели греть. Мне это - важно.

Вот и всё.

Продолжатель дела всегда найдётся среди людей - было бы дело. Главное, продолжатель рода, главное - продолжатель рода.

Будем вместе, восстановим - пусть текут - реки: прадеды - деды - отцы - сыновья; внуки - правнуки - прадеды - отцы - сыновья... - река.

Рекла. Рука.

июль 2004 года, моё родовое имя

What is your Russian for "скука"?

НО -

Сторцмкн

1.

Зимним утром в девяноста случаях из ста я - дома. Зимним утром я затапливаю русскую печь и устраиваюсь в кресле напротив.

За спиной - узоры на стекле окна, за окном - спеленатый снегом сад, перед глазами устье печи, за устьем в горниле огонь. А я - в кресле, - а слева, под рукой, широкий журнальный стол, - листы бумаги, ручка, книга, - стакан в мельхиоровом подстаканнике с мельхиоровой же ложечкой, которая теснит дольку лимона. У родного очага, у огня, дома пью чай.

Пить чай у русской печи, утром, после сна, не спеша, в своём доме, - деревянном, рубленом из брёвен, - это не то же, что пить чай в каменной квартире; даже если за окном тешит взгляд Тверская улица или Летний сад. Город - настоящий большой город, тот, что можно действительно назвать городом - не любит пить чай. Город любит кофе. Утренний городской напиток должен быть спор, резко пробуждающ, возбуждающ, подтягивающ, быстр. Некогда распивать чаи, ждёт работа! Моя же чайная церемония растягивается на час - полтора. Всё то время, пока топится русская печь, у сего камелька я пью чай.

Я соединил их: утро, огонь и чай. Вернее, соединились они сами - соединились во мне: они выбрали меня. Так горный воздух, вода ледникового ручья и высокогорные травы выбирают пастуха, пригнавшего к ним своих овец.

Чай - это не то же, что кофе. Русский человек не может - не станет - пить кофе целый час. Кофе не пьют стаканами. А русский человек не может держать в руках чашку с напёрстком.

Огонь русской печи - не то же, что огонь камина. В камине нет русской души. Огонь камина то скор, то вял, то навевает дремоту, то агитирует лихорадку. Затапливая русскую печь и взирая на огонь в горнило печи ты сам понемногу занимаешься огоньком... Ты разгораешься медленно - огоньками, дымками... Дымовые белые полоски плывут, как туман, красные, трогая кирпичные стены, поднимаются к своду. Это начало. Вот огонь крепко ухватил дрова за бока. Теперь со всех сторон из под дров побежали, потянулись вверх красные языки, - свились, скрутились воедино: кроваво-красный, чёрный дымовой бунт! Что-то ужасное! Но - коротко, напугал на минуту. Пламя, вспыхнув по-настоящему, прогоняет всё страшноогненное и - ровный весёлый жар: он струится могуче. Огонь льёт себя в щиток печи, там превращается в дым, оттуда убегает в трубу. Лёт пламени перед тобой также завораживающ, как затяжной прыжок лыжника с огромного трамплина, как ласковый говорок бабушки, как водопад.

Приход утра в своём доме - приход нового желанного дня! Я спал, я поднялся, я весь в предвкушениях, весь целиком каждой клеточкой бодр и свеж!

Вот я поднялся, вышел из дома: осмотреть свой мир. Расчистил тропинки, наносил дров в мастерскую, затопил в ней печь. Накормил собаку, дал курам, кошкам. Ещё раз осмотрел всё - для удовольствия! Это огромное удовольствие, осматривать свой мир! «Ну - всё хорошо». И - взбодрённый физическим трудом, морозом, воздухом, снегом! - ухожу в дом. Мне не требуется ни какая-то физзарядка, ни специальные спортивные упражнения: за один утренний и за один вечерний час я и разомнусь, - и намнусь, - как гимнаст, спринтер, стайер и штангист одновременно.

Но всё - в дом! Вот они, благословенные восемь (часов) десять (минут) утра! Застелил постель, заварил чай, открыл вьюшку, убрал заслонку.

Наливая первый стакан, придвигаю книгу. Чиркаю спичкой - затапливаю печь. Теперь не трогайте меня.

Утро - не то же, что день или вечер. Утром и чувства, и нервы, - и ум, и разум - все восприятия свежи. Я - как заострённый грифель чертёжного карандаша: приго-

ден к чему угодно - тончайшей линии, штриху, рисовке шрифтов, заливке, обводке. Пройдут час, два, пять - «грифель сотрётся». Нет, я не устану - не смогу воспринимать и передавать тонкостей: они сольются. Так, стоя на опушке, слышишь общий шум леса, не различая в нём скрипа старых осин, трепета молодых берёзок, так на лугу не различаешь разных травинки - всё едино: трава.

Только утром я пригоден для тонкой точной работы - вдохновенной, проникновенной. И я соединил: утро, вдохновенный душевный труд, чай, русскую печь.

Если присмотреться, получается, я перевернул день: утром - как будто отдыхаю, ближе к вечеру, за полдень, работаю. Но это не я - день сам постепенно перевернулся во мне: я приспособился к нему, как приспособляются к маршрутам и расписанию автобусов, как принаравливаются к инструменту.

По утрам я - читаю, пишу, изучаю, размышляю, запоминаю новое, вникаю.

Если всё время дня - время бодрствования - разделить на части, то часы утра с 7 до 10 - 11 - это «стопроцентные» часы: моё восприятие стопроцентно. В 10 - 11 утра у меня завтрак и пошли часы «девяноста процентов». (Ещё терпимо.) Ещё можно вникать, творчески создавать. Далее - к часу дня - я «устал». Теперь иду в мастерскую, чтобы выполнять «умную» механическую работу: пошли часы «семьдесят процентов». Чем дальше, - чем ближе к ночи, - тем к меньшему творчеству я способен. Часам после 20 - 21 - го больше пятидесяти процентов от утренних не дам.

И я ценю свои утра! В девяноста случаях из ста я держусь за них, как... Собака за покрытую слоем мяса мозговую кость! Есть смельчаки, забрать такую кость у большой собаки?

...Опытная взрослая собака расправляется с такой косточкой не спеша. Она уходит от шумных населённых мест, устраивается на околице и начинает с того, что понемногу съедает верхний слой. Оголяется данность. Собака звучно грызёт её, услаждая зубы, уши, не спеша подбирается к сути. И когда дойдёт до мозговой середины - до самой вкусности - она с костью - одно!

...Но для того, чтобы понимать, что внутри, надо когда-то узнать, попробовать!... Научиться выгрызть!... Умная собака зажимает кость сразу обеими лапами. Крепко держит её, высасывает, причмокивает, облизывает, посасывает, хрумкает, хрустит...

...Я держусь за мою теперешнюю жизнь двумя руками. Какое, - я держусь за неё когтями и зубами!!!

Вы когда-нибудь пробовали снять с дивана котёнка, пустившего коготки в плед? А вынуть из зубов щуки малька?...

Мне удобно здесь. Отсчитав от начала жизни сорок три года, никогда не думал, что найду в ней такую свою нишу. При этом, и такой уголок, с которыми ни за что не захочется расставаться. Иногда я так подшучиваю над собой: я рачок в своём домике - скорлупе, сижу - посиживаю, а воды реки сами изобретательно доставляют мне пищу.

При этом я - лёгкий ветерок!! Взбрело мне - закрываю дом свой на ключ, ключ отдаю соседу, договариваюсь с ним - топить печь (или сестра, или друг поживёт пока «на природе» в моём доме), а сам... Сам - в Питер, в Питер, в Питер!... В Казань, в

Новгород, Тверь. Архангельск, Ярославль, Тольятти. В Москву. Навещу родственников, поболтаю с друзьями, поплачусь другу.

И - молнией домой. Домой, домой, домой! Снова домой: большая часть жизни - основная часть жизни - здесь.

Я пишу. Это крест, с которым рождаются. Это неземная радость, от которой не отказаться. В этом всё вместе, в этом всё заодно всегда. Я не могу не писать, как Иисус не мог сойти с креста.

Возможно, будь я проворнее либо талантливее, я бы только писал, при этом не знал нужды в деньгах. Но на бездоходную литературу требуются откуда-то деньги. Я нашёл себе занятие, на жизнь зарабатываю другим. Вот как. Однажды мне пришлось в голову заставить работать на себя и на творчество не только чувства и ум, но и душу, и руки. И теперь я делаю единичные уникальные вещи из дерева. Делаю их уже много лет, понемногу меня узнали, мои вещи расходятся теперь «на ура».

...И - боже мой! - как бы я жил «не имея» литературы!... Иногда я представляю себе такого себя. (Я умею вымышлять. О, как я умею вымышлять! Я могу придумать похлеще Грина! Я решил, что когда-нибудь тоже придумаю «сердце пустыни».) Так вот, - вот каким было бы оно, моё безлитературное состояние: я только мастер.

Всё то же: зимнее утро. Я встаю, иду в мастерскую, затапливаю печь в мастерской. Кормлю собак, жена задаёт курам, кормит кошек. После мы завариваем чай и затапливаем русскую печь. Два кресла напротив печи, между ними широкий журнальный стол, мы с женой близ друг друга. (Конечно, у меня того есть жена - я же нормальный человек, а не эксцентрический литератор.) Пьём вдвоём чай со сливками у печи. Идиллическая, ильеобломовская картина.

Нам некуда торопиться, потому что наши дети (раз нам за сорок) уж выросли. Дочь - студентка, в армии сын. Мы предоставлены себе, и мы молоды. (Пусть наши дети и называют нас: «старики».)

Скорее всего, жена читает новый европейский роман. (Я помню, как раньше она любила Ремарка и Гари.) Я же... Я думаю, при виде огня что-то витает у меня, надо мной. Что-то о шахматном столике. Рябина, ива, - моя конструкция, мои формы. (Вот уже лет пять хочу сотворить комплект: столик, два кресла. Фигуры моих форм. «Чёрные» из рябины - и фигуры, и доска, и кресло! «Белые» - из ивы. Я уверен: на аукционе Сотсби через сто лет это изделие будет стоить миллион. Вещь!)

К девяти утра протопилась печь. Наш завтрак. Например, пшённая каша.

Кто не едал пшённой каши - на коровьем молоке, со сливочным маслом, из русской печи - тот напрасно прожил половину своей жизни.

Посидев после ещё (пусть уляжется завтрак), мы «идём на работу».

(На работу... Смех! Какая «работа»... Разве можно называть так обожаемое занятие!...)

Мы идём на пару в нашу пыльную мастерскую, где - полки, стеллажи, пилы, рубанки, - резцы, шлифовальные и фрезеровочные машинки, - заготовки, доски, куски брёвен... (Всё это и сейчас там есть у меня.) В мастерской пол мягко стелется нам под ноги стружками и опилками, в мастерской нас встречает, нас поджидает бу-

кет ароматов разных древесных пород!... Вот мягко обволакивает вступившего под свод дома творчества едва уловимый аромат липовых досок, вот, пролетая, крикнул о себе «одеколон» свежепиленной осины... Мы переворачиваем сосновую столешницу и по всей мастерской «разливается» поток душистой смолы! И мы лишь качаем головами, переглядываясь - мы немые от восторга. Но я начинаю шлифовать рябиновую стойку и горьковатый, ни с чем не сравнимый и не спутываемый «вкус» рябинового ствола королевским запахом воцаряется в мастерской.

Мы переходим от дела к делу, от дерева к дереву, продолжаем вчерашние работы - живём в атмосфере запахов, красок, форм, картин текстуры, - наша жизнь и здесь: лад.

Конечно, у нас есть - план, обязательства, расчёты, доход и расход. Мы следуем им, мы подчиняемся им - в целом, в общем. Но только в том, что необходимо - регулярно работать. В тоже время, и суть, и внешняя сторона мастерства такова, что всегда можно на время оставить работу. Нет желания, приехал друг, болит голова, занемог, - да мало ли что случается в жизни, - всегда можно работу отложить, уйти в дом, пойти на речку, в лес, уехать куда-то. Так и живём.

Так и живу я.

есть свободные, - есть оказавшиеся вдруг незанятыми ничем, - пятнадцать - двадцать минут, пойдю, потружусь.

Это не всё. Я всё время приспосабливаюсь. Правильнее назвать: подстраиваюсь. Я старательно подстраиваюсь сам (и подстраиваю всё вокруг себя) под своё внутреннее состояние. Изобилие дел, разнообразие дел предоставляет мне широчайший выбор занятий! Например, для тонкой творческой работы я дождусь вдохновения, лёгкости в себе, невесомого настроения. (Я сейчас говорю не только о труде в мастерской!) Перекапывать землю - можно в любом состоянии и настроении. Но сажать яблоньку... (Сами поймёте.) Полезу крыть крышу, когда собран и уверен в себе, при этом хочется взглянуть на всё с высоты, посозерцать. Красить стену буду, когда от других дел отупел, не хочу ни о чём думать. Читать книгу сяду летом под берёзой, в тенёчке, где ветер относит комаров. Колоть дрова - когда хочу хорошенько размять себя, пропотеть, подышать.

Я начал замечать, что я не только выбираю занятия под настроение, под свой настрой, но и разношу их, (как бухгалтер разносит суммы по статьям расходов) - по дням недели, по часам дня. Вот эта глубинная эффективность применения себя - второе, что безумно привлекает, что удерживает меня, - как сокровище удерживает скупого, - в моей нынешней жизни и месте, где она происходит.

Все мои действия - все мои жизненные движения: осмысленны, конструктивны. Я выкладываюсь - и получаю - на сто процентов. Это такой кайф, - моя теперешняя жизнь, - который ни с чем не сравнить.

Но я дошёл уже до того, что не только себя, не только дни и часы - осень! Зиму! Весну! и лето! - сезоны, времена года использую на полную катушку! Все свойства! Все прелести! Всех времён года!... Как прачка бельё: отжимаю всё до капли, развешиваю, снимаю, отглаживаю, люблюсь, убираю в шкаф. Годы жизни, месяцы, времена года, погоду, своё настроение, дни недели, время дня, стороны жизни - до последней капли! До дна!

Нирвана. Вот я каким стал.

И в городе, и при городской жизни возможно такое. Наверное, возможно всё. Но, прекрасно зная «ту» жизнь, - но, приглядываясь к аналогичным попыткам своих заказчиков, просто знакомых, но - сравнивая их с собой, вижу: при жизни в городе для той же полноценности, полнокровности потребуются ОЧЕНЬ большие деньги. (Увы и ах, это не для меня.)

2.

Было зимнее моё благословенное утро. Было благословенное утреннее время - восемь ноль-ноль - я заваривал чай. Я заваривал чай, уже прикидывая: что «взять на сегодня» (то есть, чем занять сегодняшнее утро). Вычитать очередной, по плану, рассказ для готовой книги? С тем, чтобы завтра внести правки в текст в компьютере, а после - отвезти корректору. Заняться мысленным созданием форм мебели из черёмухи? (Как раз «подошёл» к этому дереву. А вчера был в лесу: специально ходил ещё раз смотреть, старался вобрать в себя, дабы затем осознать - что есть «черёмуха»? Какими должна быть: фигура ножки, формы стула, форма столешницы стола, форма подсвечника, ступки, бочонка? Что есть, какова черёмуха?) Недавно пришёл к выводу: не мастер, а - дерево, порода должна определять пропорции и формы. Я, как мастер, должен выступить её сотворцом, подстроиться под неё. У меня случился заказ на столик, я «повернул» заказчика «лицом к черёмухе», для того, чтобы параллельно исполнить и своё «задание»: поработать с этим деревом, «найти его».

«...Ну так что... Чем?...» - задал я вопрос и себе, и чайнику, и кипятку, льющемуся в заварочный чайник. Обе работы, оба дела были первыми в очереди сейчас. Я предвкушал очередное великоутреннее наслаждение. (Жизнью.) «...Так - что такое: черёмуха? Чем своеобразна, характерна она?»

...В эту самую минуту раздался звонок. «Я НЕ ПОНЯЛ...» - всем своим существом внутренне вскричал я!

Честно говоря, я, конечно, всё мгновенно осознал. Два варианта. Первый: это - заказчик. Но кто? По плану я никого не ждал. У меня сейчас всего три заказа, то есть всего три заказчика. Я знаю не только когда они могут приехать, я представляю даже, что они - там у себя, в городе, - подельвают сейчас. Значит, - новый человек. Или случайный - полюбпытствовать. Полюбпытствовать, это хуже, это меня «собьёт». Но ничего - всё равно, заказчик, это «механическое» действие ума, постараюсь, не собьёт. А если кто-нибудь из приятелей?! Тогда всё: пиши, пропало... Пропало «моё» утро. «Кто же там, кто...» Если это приехал кто-нибудь из тех, кто знает, что в восемь часов десять минут я завариваю чай и затапливаю печь, а? И сажусь к печи. Если это кто-нибудь из тех, кто может приехать ко мне запросто? Кому на миг обрыдло в городе? (А от Вологды до меня сорок минут «лёта», от Ярославля полтора часа - сущая безделица, мелочь! Для тех, кто имеет хорошие «колёса», но не имеет своего «русского огонька») И кто прилетел к огоньку.

«Та-а-а-ак!... - из-за утра во мне просыпалась свирепость. - Та-ак, - задолбали! Заколебали! За!...» - из-за... Круг моих знакомств, начавшись с нулевого радиуса при начале постоянной жизни здесь, всё время ширился, а в последний год развернулся как-то чрезвычайно. Поездки сюда, встречи здесь стали регулярными. И меня радовали новые люди - свежие люди - я всегда искал «ста друзей», но - боже мой!... Боже мой, в одной из плоскостей общения у многих «свежих» (то есть, и не знакомых с жизнью здесь) людей в итоге всё сводится к одному. От чего я после отъездов зверски рычал.

От чего?... Войти в мой мир, очутиться, раствориться в нём, побыть, пожить в нём, высказать (либо - воскликнуть!) итоговое: «Как. Здесь. Хорошо!»

...И уже на выходе - за калиткой, у калитки, - садясь в машину: «...А не скучно здесь? Скучно, ведь!...» Жест руки, ладони, взмах ресниц, вздёргиванье брови, жалеющий взгляд... (Всё это обозначенье одного: но где же люди?! Всё это обозначение второго: но как же без водопровода, канализации, батарей отопления, - кафе, ресторана, кинотеатра, автобусов - как же без города? Как????!!!)

Почему-то каждый второй «их новых» навязчиво пытается вдолбить в мой мир свою формулу: «Как хорошо!... Только скучно, наверное».

«...Та-а-а-ак!... Ну я сегодня!... Ну я вам сейчас!... - Я влез в валенки, куртку, хлопнул дверью, думая, что пора придумать стандартный вежливо-язвительный ответ, рассчитывая что-нибудь придумать прямо сейчас, пока свиреп, на ходу.

За воротами торчал круп иномарки. (До сих пор не разбираюсь - неинтересно мне - в машинах.) По тропинке от калитки к дому, передвигаясь проворно и умело в узком коридорчике меж снега, шёл... Он! Я света не взвидел! Вот как обрадовался я ему.

- Привет, - бодро бросил он. - Слушай... - Он взглянул на меня и без подготовки выпалил: - Слушай - задолбали, затра... В общем, заколебали. Не знаю, как сие явление это понять. Вот захотелось: во-первых, исчезнуть, во-вторых, поболтать с тобой.

Да и вообще: просто посидеть с таким же человеком!

- Сань!... - на него я мог глядеть, как глядится, не скрываясь. - Саша. Ну ты!... - Выбрал время!... - мог бы сказать, но не стал говорить я, потому что он без слов понимает меня. Я лишь посмотрел на него преукоризненно. - Ты не мог?... - Пусть он и приехал ко мне за сорок километров - выбрался «из глуши» большей, чем моя, - пусть... - Ну утро же!!!... - Он прекраснейше знал про мои утра.

Он подмигнул мне:

- Потому и прилетел именно - утром. Дело творческое. Требуется осмысления. Требуется свежести, не усталого, незамутнённого ума, чая и русской печи.

Пойдём.

- Ну - пойдём.

Кроме того, что ему я был рад, мне понравилось, как он в тему своими словами продолжил мои замысловато-свирепые мысли.

-...Ух ты!... - воскликнул он, увидев дымящийся чайник и открытую печь. - Как я в точку!...

Я хмыкнул, не зная ещё, что у него за дело:

- Да - снайпер... Точно рассчитал.

- У тебя всё также.

Он помыл руки и прошёл к креслам. Мы налили по первому стакану, встали у печи. Он скомандовал: «Затопляй!»

Обычно, попав к случаю, затоплять печь обожают гости. Но для него это не экзотика: он сам живёт похоже, почти, как я.

Тут я должен рассказать про него.

3.

Я знаком с ними три года. А про него впервые услышал лет пять назад. Молва донесла - какой-то чудака из города, был предпринимателем, потом, мол, что-то с ним случилось, бросил всё, уехал в глухую деревню, где три дома, где живут два старика да две старухи, и вот уже год, почитай, прожил, как квартирант. Делает, что скажут, а сам, вроде как, учится жить в деревне. Оформил себе участок земли, да не простой участок - на берегу ручья, у леса, то есть, на самом отшибе, и размер того участка - с гектар. Ну и ещё говорилась про него самая обычная деревенская немислимая тарабарщина и дребедень.

Я посмотрел по карте, где это - далеко от меня. И от шоссе далеко. А место красивое: среди лесов, полей, небольших рек. Ярославская область. Почти стык областей: Ярославской и Вологодской. И если я живу в Вологодской области, на стыке Вологодской и Ярославской, то он - с точностью до наоборот. Чем-то родным повея-

ло от рассказней про него, захотелось познакомиться. Но я не поехал: не знаю, чего-то побоялся - уж мне ли не знать, как много на свете разных чудачков!

Спустя год и молва, и «сарафанное радио» донесли, что «этот» (чудак) - возвёл дом (поставил сруб), привёз молодую жену. Сам строит от деревни до «дороги» (до насыпной внутрирайонной дороги) дорогу. Есть у него уже два трактора, гусеничный и колёсный, грузовик и легковая машина - богатенький, оказался, Буратино. По всему видно, деньги у парня есть: он за свой счёт ещё поставил трансформатор и сделал отвод от десятикиловольтной линии электропередач, теперь в деревне трёхфазное электричество. А «этот» - ставит и ещё сруб, и огромный ангар. Говорят, будто какая-то будет мастерская.

Тут уж я взволновался, и не на шутку: «Свой! Точно свой!» Проложил по карте маршрут, поехал. Автобус оставил меня на пустынной отворотке в лес. В сторону, через лес шла дорога. Идти по ней было невозможно: посреди кучи щебня, песка, края оканавлены. Я пробирался, окидывал дорожную стройку критическим взглядом, выискивая изьяны, огрехи в заготовке дороги. За три километра ни одного не нашёл. Эта его дорога сказала мне о нём всё! Пришёл в деревню, вопросов уже не было. Не торопясь потопал по ней. Местные жители меня заметили. Погутарил, побалакал - я же свой! Такой же! Деревенский! Я так могу «сыграть», в любой деревне примут за своего. Понял, что «этого» здесь хоть не понимали, приняли. Относятся с уважением.

Пришёл к его дому. На дверях замок. С полным правом, как бы отыскивая хозяев, прошёлся по всем стройкам. «С размахом парень, с размахом». Прошёл размеченный и огороженный сад, прошёл огород. Никого. День был тихий, солнечный. Заметив полевую тропинку, пошёл через луг, через перелесок к лесу: искать. «Сказали, где-то с женой здесь».

Я увидел их на лугу. Они шли от леса. Мужчина моих лет, может, немного моложе, молоденькая - нет - юная! - женщина. Худенькая, хрупкая. Ростом чуть ниже его. Чёрный крупный щенок овчарки вылетел из травы, замер, как вкопанный, оскалился и зарычал. «Кара! - тотчас звонко крикнула женщина. - Ко мне! Сюда!» Я перевёл заворожённый взгляд на них.

Словно солнечным дождём брызнуло и умыло, и солнечным же вытерли моё лицо полотенцем. Нет! - будто шёлком мягко провели по лицу, и неземная красавица благосклонно взглянула в мои глаза! Я сразу узнал о них ВСЁ: вот навстречу мне вышли счастливицы.

Мысли мои опередили меня: «Бог ты мой... Я хочу иметь таких друзей. Я хочу быть своим для этих людей! И я всё сделаю, чтобы понравиться им и нравиться им всегда!»

(Когда-нибудь я расскажу о них: я о них знаю.)

- Александр, - представился он. И протянул мне руку. - Я Вас знаю.
 - А...
 Что я хотел: назвать своё имя? Спросить - откуда? Он ответил мне.
 - Читал. Видел фотографию в одной газете. Хотел приехать. Но вот - Вы опередили меня.
 - А я - Александра. Можно, Саша.
 - Так ведь и я Александр!...
 - У нас проблема, - с улыбкой отозвалась она.
 Мы направились к их дому, мы все - и солнце! - шутили, смеялись.
 -...Значит, так!
 Эта женщина могла командовать при молчании и согласии мужа.
 - Ты будешь: Саня. - И указала мне и своему мужу на мужа. - Ты, - пальчик в меня, - Саша.
 Мы дружно кивнули.
 - А ты?
 - А я буду... Тоже Саша. Только вы тоном выделяйте: когда зовёте мужчину, когда женщину.
 И «три А» началось.
 - Саня, чайник поставишь?...
 - Саша, я свой хлеб привёз с собой. И вино!...
 - Саша, принеси из холодильника щи!...
 ...
 - Ты почему убрался из города? Ты говоришь, дела хорошо шли.
 - Там перспективы жизни нет. Никаких перспектив, тупик.
 - А ты почему?
 - Так он меня увлёк!... Утащил, соблазнил. А теперь я и сама обратно не поеду.
 А ты - чего?
 - Так - перспектив никаких!...
 ...

4.

Дрова занялись, мы опустили каждый в своё кресло. Растягивая несказанное удовольствие, опустошили каждый свой первый стакан.

- Слушай, не понимаю... - задумчиво произнёс он. - Что такое, отчего?!...

Я показал: внимательноше тебя слушаю.

- Круг общения, круг заказчиков у меня всё время ширится, - снова задумчиво произнёс он. - И ты понимаешь, каждый раз всё одно: приедут по делу, понравится, попросятся на чай, останутся на обед - кого и сам приглашу, - кого и в баню приглашу. Заканчивается одним. Вот такая формула: «Какая тут у вас красота!... Отдохнул!... Душой и телом». А уезжая - «Вот только - скучно, ведь, наверное».

Я вынужден был повернуться к нему, потому что взглядом он почти сверлил меня.

- Ты понимаешь, они меня жалеют!... Они думают, я споткнулся, упал!... Попал во что-то и вот... А такой способный, такой интересный!...

Я кивнул.

- И такой человек вынужден жить в деревне.

Кое-кто даже спрашивает, намекает: пора бы и в город! С моими способностями!... Мол, я бы там смог достичь большего! Гораздо большего! Чем здесь. В глуши...

А я смотрю на них и молча спрашиваю: большего - чего?

Я глупо улыбался и молчал.

-...Нет, они меня даже превозносят, некоторые даже завидуют. И все - жалеют. Ведь скучно тут... Ну - у меня... Две бабки, два деда - поговорить не с кем. До ближайшего райцентра сорок вёрст...

Я тяжело вздохнул.

Взглянул на него и улыбнулся.

- Давай пить чай.

- Да.

- Авось и разберёмся...

И разговор наш потёк так, что я не берусь присваивать авторство предложениям и фразам. Мне, как автору, со своим мнением лучше вообще в него не вступать.

5.

- ...Давай разберёмся.

- ...Вот утро. Быстро переделав все утренние дела, затапливаю русскую печь и сажусь к огню.

- ...Я не должен со вздохом обязательности в семь утра бежать...
- ...А сейчас ещё и зима!...
- Да... Ни по морозу, ни по гололёду, ни по слякоти, ни по дождю... В толпе таких же, как я - на троллейбус или автобус... Или заводить машину...
- Которую, возможно, за ночь не украли, если она во дворе...
- ...Бежать на работу...
- Ох уж это слово: «работа»... Что я на ней делаю?! Для чего она мне?
- Самореализация.
- Думаешь, выражаю себя? Отнюдь.
- Да. Она - чаще всего только деньги. В смысле - заработок, квартира, карьера, пенсия.
- А что ещё?
- Я уже забыл. Мне кажется, я всегда жил здесь.
- И мне.
- Здесь - нет, я не просыпаюсь утром с мыслью: вот утро, новый день, и пора на работу - как не хочется... Нет! Я подымаюсь с радостью! Снова день, снова я проснулся в своём мире, снова буду делать его. И опять берусь делать его.
- ...А могу повалиться лишний час, если вдруг...
- Захотелось с женой...
- Ну!...
- Бывает...
- Да ладно...
- Нет никаких огней светофоров и начальников! С утра я почти всегда вижу перед собой живой - животворящий - огонь. И возле него пью чай.
- А я читаю с час...
- А я пишу...
- ... А в конце дня присядешь снова с книгой, прислонишься к до сих пор горячей стенке печи...
- Вот и день, подумаешь, пролетел. И что он такой короткий?!
- Уже спать надо ложится, а планов - ещё осталось на день!
- Я иногда уезжаю из дома. Чтобы отдохнуть. Не физически - поскучать, душой полениться... Настолько бурная жизнь всё время здесь идёт!
- Мы переглянулись: вообще-то, мы с ним разные. Но вот...
- Ты знаешь, мы придумали с женой вот что. Саша, ты помнишь, окончила иняз. Так вот, когда нас теперь начинают донимать: не скучно вам здесь? Или я, или Сашка говорим тогда: «Э-э-э... What is your Russian for «skuka»?»
- Действует - отрезвляюще.
- На некоторых убийственно.

А если переспрашивают, - «Что - что?» - я говорю: «Вы не понимаете простой двузвучной фразы, как Вы можете понимать, что такое жизнь?!

Я согласился с ним:

- Bravo, ребята. Вам - bravo.

И перебил его, прервав его:

- Мы не знаем даже, что такое «смерть», как мы можем знать, что такое «жизнь»?

Он и ухом не повёл.

- Брось трепаться, - проронил он. - Давай, - сказал он, - будем задавать друг другу вопросы и искать ответы на них.

- Давай, - согласился я.

- Тогда - поехали.

- Поехали.

6.

- С чего начнём? - спросил я. И на правах хозяина сам же ответил: - Думаю - со здоровья.

- С душевного, - прибавил он.

- Соглашусь.

Мы рассмеялись. Каждый из нас много пожил «в городе», оттого мы можем сравнивать «ту» и «эту» жизнь. Первое их различие, и различие - кардинальное: внутреннее здоровье, иное ощущение жизни вообще!

Он внимательно посмотрел на меня и закачал головой.

- Что?!

- Боюсь, ты примешься писать рассказ.

- И что?!...

- И ты сможешь в двух словах передать всё то, что мы чувствуем?!...

- Ну-у... - я чуточку оскорбился. - На то она и литература, чтобы... Но - ты сомневаешься в моём таланте! Ба... Негодяй. Я всё могу! Не обижай меня. То есть, конечно - мой талант.

Он потянулся и сжал мне руку (у него железная рука!), и удержал меня:

- Послушай! Никто! Не сможет передать того, что возникает внутри. От одного и того же. Потому что - у каждого своё. У каждого - возникает своё личное. Как передать?! - Он развёл руками. - Как?!...

Я внимательно посмотрел на него.

- Да согласен. Соглашусь, - согласился я. - У каждого одно и то же выразиться по-разному. Хотя общее состояние души, действительно, будет какое-то одно. Что у тебя - да? Что у меня.

Он согласно кивнул.

- А вот «полочки» - из поговорки: «всё по полочкам» - у каждого будут свои.

Я тебя понял. Давай, посмотрим: как мы - каждый - живём, и что мы находим общего. Мы - разные люди.

- ...И я бы начал с зарплаты.

Я мгновенно смутился.

- Но моя мала... Я же пишу.

Он согласился. И сейчас же возразил:

- Но ты и времени на зарабатывание тратишь мало!

И ты - независим! Это что - нисколько не стоит?!

- Конечно! - воскликнул я. - Конечно! Никто не ограничивает меня - это я сам так решил: занимаюсь зарабатыванием денег три - четыре часа в день, в среднем не больше. Мне нужно писать.

Но могу - и семь, и восемь.

- Я даже завидую тебе, - неожиданно высказался он. - Никак до меня не дойдёт: что за неужержимость такая - литература?!

Как можно одну страницу переписывать восемь раз?!

- О! - с нескрываемым восторгом воскликнул я. - Уже устарело!... Сейчас - пожди - я принесу тебе последний черновик! Один абзац! Один всего абзац длиной всего три предложения! Я переписывал сорок два раза.

У него округлились глаза. Я торжествовал. Кроме того, я увидел: вот - вот человек, который может мой невидимый неощутимый труд оценить! Ценю же я каждый раз, когда иду по ней, его трёхкилометровую дорогу! О, я-то прекрасно понимаю, какой гигантский труд в неё «зарыт»!

- Вот так, - и радостно, и печально вздохнул я. - Но и я, знаешь, иной раз жутко завидую тебе: как ты можешь по десять часов безвылазно сидеть в мастерской?!... Мне этого не дано.

Тут воскликнул он.

- Но послушай! Ты что!... Это же так интересно!

Кажется, я затронул его тонкие струны, потому что он воистину запел.

- Вот даже такое простое, и, кажется, нудное однообразное дело: точишь балясины. Всё одно и то же, одно и то же: как конвейер, «поток». Даже движения отработаны у меня, как у робота. Движения одни и те же, если идёт форма одна.

- И?!...

- Но - ты же сам знаешь: дерево!... Дерево же всё время разное! Форма - одна, а в ней?!... Да я не балясину точу - картину делаю! Картину! Песня!...

...А если собираю столешницу?! Можно доски расположить и так, и так, и этак. Десятки вариантов. Сучок слева, сучок справа, волнистая линия, свилеватость, коричневым развод... Это же то же картина! И кто как её сложит. Можешь просто склеить доски, а можешь в их расположение внести смысл!... После, хозяева десятки лет будут любоваться.

Бывает, даже так поступаю: доски приготовлю, жену позову - давай-ка, выступи ты автором. И ты знаешь... - Он с улыбкой посмотрел на меня. - По часу может переключивать да подбирать. Пока «хватит» не скажу.

- Так: стоп! - скомандовал я. - Подвожу итог.

...А так как ты делаешь всё качественно. Либо - очень качественно. И по восемь - десять часов в день. Вследствие своей увлечённости...

- Да когда хочется! Или когда дополнительно деньги нужны! Могу и больше - я не устаю! Это же развлечение, не работа!

- ...Не мешай.

...То ты и зарабатываешь.

- Да уж не меньше, чем в городе.

- Нормально ты зарабатываешь, - резюмировал я. - Ты всегда зарабатываешь столько, сколько хочешь, сколько тебе требуется, - также решил я, вспомнив его легковую иномарку, микроавтобус, грузовик, трактора, дорогу ко всему этому и... Мотороллер Александры.

-...Не забудь про два велосипеда. Дорожно - спортивные. Не дешёвые они. - Произнёс он, отследив мой туманный взгляд. - И лошадь.

- Как! Уже и лошадь есть?

- С телегой и санями.
- Всё крупное сделаем, от техники потихоньку будем отказываться.
- Я долго пристально смотрел на него. Он не отвёл взгляд.
- ...Ну ты точно чудак...
- Я просто следую себе...

Минут десять мы молча отхлёбывали чай.

- ... Но дело не в зарплате, не в деньгах. А в том, что мы ТАК живём.
- Да.
- Давай зададим самые простые вопросы.
- Да.
- У тебя мастерская - ну ты прости - размером с сарай.
- Я пожал плечами. «Мне хватает».
- Четыре на пять метров, ручной электроинструмент.
- У меня - десять на двадцать и станки.
- Но, согласись: в образе жизни, в какой-то форме жизни у нас нет разницы.
- Да.
- Я могу оставить работу, когда захочу.
- Могу, когда захочу, вернуться.
- Могу работать ночью.
- А могу - днём.
- Могу - подряд каждый день, а могу через день.
- Или через два.
- Да.
- Могу вкалывать подряд семь дней, а могу неделю вообще не работать.
- Но ведь дело не в этом.
- Да.
- Я всё время подстраиваюсь. Не знаю... - он неопределённо помахал рукой. -
- ...Под жизнь...
- Нездоровится - ушёл. Нет желания, вдруг опротивело работать отчего-то - не работаю.
- Приехали гости, пришёл сосед, приехал друг.. В конце - концов, по телевизору интересная передача и жена позвала.
- Ага - и соблазнила...
- Он отвернулся, как бы разглядывая мои акварели, с помощью булавок развешенные по стенам. На самом деле он скрывал своё расплывшееся в улыбке лицо: я по глупейшей своей привычке говорить (дома), что думаю, брякнул правду. Я-то знал: такое у них, у «этих», случается.
- Я всё время подстраиваюсь. И никуда не тороплюсь.
- Время не имеет значения.
- Но, тогда - что? Что имеет значение?

- То состояние, в котором ты живёшь.
- Но ведь... Друг мой... - осторожно вымолвил я, переходя на язык иного века. -
Се - совсем другой подход. Иная философия. Иной... Способ жизни...
Он пожал плечами.
- Я не думаю о терминах.
...Да - вот ещё две принципиальные вещи! Первое: я эффективно использую всё своё время! Второе: мои действия всегда созидательны.
Я всё время что-либо создаю. Дорогу, ручей, сад, настроение, вещи...
Мой труд, моя жизнь всё время - каждую минуту!... - Он потряс рукой, замер, и ещё раз потряс. - Каждую минуту имеют смысл.
Даже деньги я зарабатываю, при этом что-то создавая. Не на потреблении, не на приращении стоимости, а - созидая. Принципиальнейший момент! Принципиальнейший!
Мне трудно было с ним не согласиться.
Мы заварили ещё чайник, выпили ещё по стакану.
- А ты с травами не завариваешь? - спросил он, подняв к глазам свой стакан и рассматривая на цвет мой чай.
Я решил пошутить, съёрничал:
- Это вы там, в своей глуши, изгаляетесь... А я пью - чай! С лимоном. И сахарным песком.
Он не воспринял шуткование.
-Ты знаешь, нас чего-то отводить стало от песка и чая.
Странно, вот у тебя же я с удовольствием пью чай!... Пять стаканов уже.
Дома!... То зелёный, то - чагу, то шиповник, то травный. Мёд всё время на столе.
Куда-то мы с Сашкой «поехали» в сторону...
...Ну ладно. А как твои дела? Как твой дом?
Мой дом - обычный деревенский дом. Изба. Русская печь посередине, кухонька, дощатые переборки. «Двор», крыльцо, сени. Строение известно: жилая часть - сруб шесть на шесть, плюс так называемый «двор» шесть на семь.
У него - двенадцать на двенадцать метров, в два этажа.
Но дело не размерах.
-...Крышу надо этим летом перекрывать: рубероид прохудился. Канавы водоотводные освежить - позаплыли.
А у тебя?
- Покрашу, пожалуй, на второй раз. В этом году больше - ничего.
Мы одинаково живём в деревянных рубленых домах. Всего два простых эпитета: рубленый, деревянный. В них - всё.
Мне всё время кажется, мой дом живёт вместе со мной. Он живой. Я дышу, он тоже по-своему дышит. Я двигаюсь, по-своему двигается и он. Поскрипывает, потрескивает, иной раз даже шевелится. Живое жильё.
Он обогревается теплом кирпичной печи. У меня - русской печи, одной русской. У Александра печей четыре: по две на каждом этаже. Плюс камин. Саня любит удобство, комфорт.

Ни у меня, ни у него пища не готовится «на газе», на электроплитке. (И уж - упаси бог - в «микроволновке»). Я знаю: Александру не заставишь варить на плите, если топлена печь. Всё - в русской печи: супы, щи, борщ, жаркое, каши, кисели, отвары...

Как-то я задумался: а чего - не приготовить в русской печи, какое блюдо? Их всего многообразия нашёл только одно: манная каша - её помешивать при варке надо. Другое - всё. Собрал в кастрюлю, поставил в печь, она сама приготовит. Да как вкусно!...

Дошло до того, что мои приятели стали наезжать ко мне (и их - к ним) для того, чтобы полакомиться пищей из русской печи. Например, «поурчать» над целиком запечённым в печи лещом. Хороши также - кролик, гусь, - с картошечкой, свежим хлебом! Да под водочку! Ух!...

Как и в «утреннем» напитке, так и в «вечернем» мы с моими тёзками, я вижу, разошлись. Они начали делать квас, варить пиво, ставить вино. Я же по-прежнему настаиваю водку на ягодах, кореньях, травах. К мясному обеду непременно выставлю свой «калган», «зверобой». К рыбе - можно и то же, а можно и что-то «полегче»: на рябиновом, вишнёвом листе, липовом цветке, цветке черёмухи. «Десерт» - на ягодах. «Классика» - водка на клюкве и яблоках. Но - я отвлёкся.

Большую часть продуктов мы выращиваем сами. И вот что важно: своими руками, возле своего дома! Помидоры, огурцы, картошка, свёкла, редька, морковь, репа, капуста, редиска, лук, чеснок... Я не стану утверждать, что это легко даётся - первые годы я точно знал: легче купить! Мне легче было купить, чем вырастить. Помидоры до сих пор покупаю. Ну - некогда мне: строить теплицу, натягивать плёнку, возиться с рассадой... Нет во мне такого прилежания. И молоко покупаю тоже. Зато у меня пятнадцать кур. Пятнадцать кур - это минимум десяток яиц в день. Я легко обменяю их (кроме того, что - продам) на помидоры. Я вообще считаю - классическая триада: куры - козы - пчёлы. Ни к чему разводить всё.

У тёзок моих две козы. То бишь, и молоко. Саша всё колеблется: не завести ли корову? Я отговариваю (давно ли она живёт в деревне, много ли понимает). Да, размышляю вместе с ней я, корова - это всё. Как говорили раньше: при корове жить можно. Молоко, сливки, сметана, творог, простокваша, масло. Даже сыр. Сливки и творог даже продавать будете! Сейчас в городах не найти не искусственного молока!... Но. От коровы, милая, - не оторвёшься!... А вы иногда любите сорваться и «улететь» куда-нибудь. На несколько дней. И как? И что? Кто будет ходить за вашей коровой? Хорошая корова не во всяких руках доиться будет! Не всякого и подпустит. Проблем не оберёшься. А сена? Три - четыре тонны. Вот и решай. Я бы не стал.

Саша мне возражает: «Ты один. А у нас семья. В мастерской у Сани два помощника уже: можем попросить, нанять, когда потребуется.

А ты, кстати - ты, когда обзаведёшься женой?»

Ох, эти женщины... Последний раз я (легонько, чтобы не обидеть) постучал Сашке по лбу: «Жена, не корова, её не заводят».

Вот так мы вышли на тему: личная жизнь. «Эти двое», как любя называю их я, живущие даже по моим меркам в глухой глуши, даже без своих сватовских разговоров уже одним фактом своего существования проняли меня. Я всё считал, что мой образ жизни, место жизни препятствует мне найти пару. «Эти» - долбают меня крепче, чем шахтёр своим отбойным молотком руду. От того, что я вижу по ним: как прекрасно постоянно жить вдвоём!

«Откуда взялась? Как создалась эта пара? - спрашиваю себя я. - Эта идеальная, по моим меркам и соображениям, семья!» Не знаю, что они говорят наедине друг другу, а мне они так и не смогли ответить. Мистика! Кроме как - мистика, случай, никак по-другому их встречу - встречу, соединение одинаковых стремлений - не назовёшь.

Их жизнь до их встречи - это устремлённость к любви, творчеству, счастью, их жизнь вдвоём: творчество, счастье, любовь.

Каждый день они (во-первых, так навязчиво видится мне) заняты в основном тем, что вместе создают настрой на жизнь в любви и счастье. Когда-нибудь я всё-таки не удержусь, расплусь и расскажу большим романом об этих счастливых мечтателях!

(Я снова отвлёкся - увлёкся, отвлёкся и начал говорить не о том.)

Особенности устройства личной жизни, что в мегаполисе, что в лесной глухомани ничем (так теперь думаю я) не отличаются. Твоя судьба найдёт тебя везде, хоть на Северном полюсе. Когда я иду по Невскому, я всё также одинок в окружении великого множества людей, как у себя дома, после недельного снегопада морозной январской ночью. Дело не в количестве женщин и мужчин вокруг тебя, дело не в этом.

Как-то Александра заметила мне: «Ты всё заводишь подруг. Тебе не нужна жена, вот её и нет». Я начал спорить - да у меня всегда порядок в доме! всегда постирано бельё! всегда приготовлена еда! Мне не «жена» нужна... Стал спорить, а вообще - лучше бы соглашался.

С бытом у меня, у них, - у нас с ними - действительно по problem. Мы трудимся, мы всё устроили, всё наладили. Вода, тепло есть всегда. Вода в дом - из колодца, в баню - из ручья, пруда. Отопление печное: дрова. Можно сказать: трудно носить воду вёдрами в дом, носить каждый день и воду, и дрова. Но лично мне (и им, я знаю) трудно пить воду из водопровода. С хлором, ржавчиной и... Ещё бог знает чем. Прошедшую по трубам не один десяток километров до меня. Это уже гадость какая-то, отравы, а не вода. Покупать воду в пластиковых бутылках - тоже... Какой-то бред... Покупать воду! Два несовместимых слова - стоит только задуматься!

Мне одному на день в дом требуется два ведра воды. На чай, на суп, на кашу, на «помыть руки». Неужели я не принесу один раз в день с колодца чистой, почти целебной воды два ведра?! Да - удовольствие: погребеть колодезной цепью, прогуляться за водой!

По нормам Госстроя СССР (читал, но точную цифру позабыл) от 250 до 350 литров воды положено в городе в день на человека. Это - убийство! Для природы, для

человека. Тридцать пять вёдер! Попробуйте принести!... А на семью?... Весь день только носить и будешь. В один день поймёшь: и что такое вода, и сколько она стоит, и каково должно быть отношение к ней! Не-ет, в городе жизнь с ног на голову перевернута. Только этого, пока в городе постоянно живёшь, ни за что не увидать.

Итак, в дом - 2 - 3 ведра на одного человека в день.

В бане - другое дело, в бане (а лучше назвать её - ванная, потому что и у меня, и у них баня, как отдельно стоящая комната) вода льётся рекой. Баня подтапливается (то есть, несильно топится) каждый день (при привычке это нетрудно), поэтому в бане всё время есть горячая вода. И вода тратится - сколь душе угодно.

...Так водоём в трёх шагах. Так, по сути, мы «переливаем» воду из одного природного водоёма в другой. Из одного места в природе, в другое. Никому не причиняя вреда. Вода из моей бани пока сочится в землю до канавы, уже очистилась. Потом, по канаве (сквозь травы и мхи) - в ручей. Потом в реку. Всё. В реку она уже чистой пришла, не требуются для неё никакие «очистные». Конечно, я предусмотрел, и поставил баню так, и устроил сток из неё так, что вода из бани не попадает в ручей. Конечно, всё надо продумать!

Что касается других элементов быта, домашней жизни - что в городе, что в деревне: они не лучше и не хуже. Как сумеешь устроить. У тёзок моих за... Тридевять земель... И электричество, и газ (в баллонах). Телевидение российское плюс спутниковое. У меня домашний телефон, у них три сотовых телефона.

Проблема с развлечениями. Их практически нет у нас. Дело в том... Они нам не нужны. Вся наша жизнь - одно сплошное непрерываемое удовольствие. Мне трудно представить себе себя (и их), праздно проводящим время. Когда мне хочется, я бью ваю и на спектаклях, и на концертах.

Изюминка нашей жизни вот в чём: всё в твоих руках. Чем больше живёшь здесь, тем сильнее ощущаешь: словно кто-то (Бог? Творец?) отдал всё тебе на откуп. Вот, мол, тебе место для дома, вот для бани, вот место для огорода, для сада, вот лес, вот река. Берись. Делай. Живи.

Живи так, как хочешь. (Я бы скорректировал: как сможешь, как способен жить. Напрягайся!!) Есть дорога - замечательно, нет - строй дорогу! Есть линия электропередач - проще, нет - иди в сельскую администрацию, иди к электрикам, договаривайся, тяни провода.

Круг общения? Я посмотрел на Александра, в задумчивости потягивающего чай. Ой... У меня тут нередко «кордон Кузьмича». (Раз я, не чураясь спиртного, выпиваю.) А ещё нередко - «малинник». Интереснейшие и женщины, и люди бывают. У тёзок - у них как-то более степенно. У них более «умный», более солидный круг. Кто только к ним не приезжает! Со всей России! Да и мне грех жаловаться на недостаток общения. Шучу: я в город сбегаю иногда, чтобы от людей отдохнуть!...

-...Саш, - позвал я. Он повернулся. - Недавно сосед мой по деревне. Встречается мне - «Зимой, - жалуется, - такая скука!!... Людей нет, делать нечего!... Почему у тебя?!... - это он мне. Да ещё почти с подозрением и возмущением! - Почему у тебя всё время, я смотрю, то один, то другой приехал, то одна приехала, то другая. А то сразу две!... Как ты это?!...»

- И что ты ему ответил?

- Да так... Отшутился по-деревенски. Не помню. Что-то наболтал.

Он, вишь ли, «убил» меня напрочь своей первой фразой, я и «слетел с рельс».

- Ну-ну-ну... Расскажи, - заинтересовался Александр.

Он не заметил, как я хитро, даже - коварно, усмехнулся.

- ...Да у меня приятель приезжал тогда, день рождения свой провести у меня. Видно, надоело по-обычному, как всегда...

- Ну да - компания, квартира, застолье, танцы, перекуры у мужчин, шушуканье у женщин, снова застолье, танцы, торт, телевизор, набитый живот, пьяные глаза. Или - ресторан. Всё.

- Как хорошо ты всё знаешь, - посмеялся я. -...Да...

А здесь мы - лыжи, коньки, санки, дрова кололи, костёр, в снегу валялись, баня, купание, хлеб... И застолье! А как же без этого - потом, после.

Песни, стихи, живая музыка, живой огонь... Никаких музыкальных центров и магнитофонов! У меня - гитара, Женщина среди гостей была, умеющая на скрипке играть, я заранее попросил захватить скрипку. Мы как заиграли вдвоём!... Да после всего! Что было уже в этот день!... Как зазвучали гитара со скрипкой!!!... Тут, знаешь, душа не просто - распахнулась! Как говорят. До сих пор такой остаётся! У некоторых. До сих пор восторженными голосами звонят. Целая тенденция намечается: дни рождения, праздники у меня праздновать.

...Как мы читали стихи!... Какие!... Здесь читались стихи!...

Вот, один только отрывок послушай:

*«Говори - говори
Почему-то всё чаще и чаще
Нужен мне разговор
Твоих детски картавых речей.
Потому и бреду
Сквозь зелёное кружево чащи,
Чтоб услышать твой голос:
Лесной неприметный ручей...»*

Я замолчал. Едва начав читать, я уже!... Был в немом восторге. Такое состояние вызывает во мне это стихотворение.

- Ах!... - выдохнул Александр. - Ах. Запишешь мне его. Твоё?

Я покачал головой:

- Саша, спасибо... Мне очень лестно, как говорится... Если бы я так писал!... Я бы всю жизнь только писал!

Нет, это Николай Якушев.

Неизвестный, кстати, поэт. Даже не поэт, просто человек.

- ...И что сказал тебе твой сосед? - вернул меня к теме разговора Александр.

Я пристально - пристально посмотрел на него.

- Что?! - вознедоумел он.

Я молчал.

- Что??!...

Я молчал.

Тогда замолчал и он.

- ...Саш, - позвал я тихо. - В глаза мне - смотри!... Хорошо?

Ничего не поняв, но доверяя мне, он начал смотреть мне в глаза. Я тоже, не отрываясь, и стараясь не мигать - как змий, смотрел прямо в его. Убедившись, что мы соединились, я медленно - медленно, по одному слову, выцедил то, что... По-прежнему, не отрываясь, глядя ему в глаза. Как отреагирует?

- ...Когда я стал слеплять восторженные фразы о дне рождения - о празднике!... Сосед. Перебив меня. Первым делом спросил: «Баб - то на всех хватило?»

...Сашку моего передёрнуло, как... От худого портвейна... Глаза у него «поплыли». Всё лицо перекошило так, как примерно я и ожидал. Не уверен - будь он тогда на моём месте, сосед избежал бы - «по морде». Так как Алекс поделовитей меня.

Пока он приводил себя в порядок, я боролся с чувствами: унимал свою злость.

Наконец -

- ...ТЬфу!... Придурок...

- Спасибо... - делано оскорбился я.

- Да ты что!!!... - он ещё раз перекошился и ещё раз поперхнулся. И сердито выговорил мне: - Я же не тебе говорю!

- Дак вот!... - я развёл руками.

Он же, вскочив, заходил мимо меня по комнате.

- Не маячь, - неделикатно попросил я. - Всё нормально. Дело-то - житейское. И я его, - я имел ввиду своего соседа, - прекрасно понимаю.

Так что, не маячь.

Он сел. Я налил ему в стакан одной заварки.

- Ох да... Как думаем. Чего хотим. Так и живём... - философски заметил он.

Мы долго сидели, глядя в огоньки опадающих углей. Дров уже не было, они прогорели, угли на поде горнила печи светились красным, синим, ярко-красным, сине-вздорным... Сзади, далеко, - сзади, за нашими спинами, за окном вставало над лесом солнце. Я оглянулся и засмотрелся.

- Какая красота...

На лыжах сегодня пойду...

- У тебя не жизнь здесь - рай.

- Знаешь, а спорить не буду.

Я повернулся опять лицом к печи.

- Лес - пять минут ходьбы, река - двадцать, ручей - три, - работаю, ем, сплю, отдыхаю, принимаю друзей, парюсь в бане... Всё - когда захочу.

Дом, сад, огород, покос - полгектара кругом меня мои.

До шоссе - пятнадцать минут. Пешим ходом. По отличной дороге. До двух об-
ластных городов - полтора и два с половиной часа.

...Мой друг в Москве - полтора часа до работы. Это только в одну сторону. Каж-
дый день. Полтора - туда, полтора обратно тратит. А у меня...

А вот детям...

Он удивлённо взглянул на меня.

- Ну, - если бы были дети. До школы... - Я почесал скулу. - Далеко. Пять кмэ. Это плохо. Наверное. Но - их тут возят. Собирают утром, везут в школу. Вечером об-
ратно таким же макаром.

Больница. Это проблема. Поликлиника и больница - только в районном центре. Это тридцать кмэ.

А у вас - далеко школа?

Я представлял, что не близко.

Он не ответил.

- Значит, далеко. Далеко?

Он молчал. Мы посидели молча. Я зашевелился, показывая, что - жду: жду от него ответа. (Как будет сын добираться до школы, когда подрастёт.)

Он перевёл взгляд с углей на меня и смотрел то на меня, то за меня, то вверх долго.

- ...Ты знаешь... Ответь мне на простой вопрос.

Я удивился: в чём подвох?

- Да.

- Чему. Учит. Наша школа. Обычная школа.

Я смутился, заёрзал.

- ...У нас с женой - какие-то смутные подозрения - мысли появились. На сей счёт.

Чему?!...

Мы сейчас учимся! - он повёл рукой, обозначая всё то, что вокруг. - У всего, всему.

И ты знаешь...

Что-то не так.

Я молча смотрел на него - я так спрашивал.

- Мы перестали понимать: чему учат в школе.

Раньше, или с другим человеком я бы грубовато пошутил: совсем!... В своей глуши... Но не с ним. Но - он только подтвердил мне моё. Я не хотел первым этого говорить, у меня нет детей. (Я не живу с ними постоянно, мне только дают встречаться с ними.) Не живу постоянно, значит, не имею права судить.

Я вздохнул.

- Хорошо. Пусть...

А как быть с больницей?

Как попасть на приём к врачу? Как вызвать врача - например, детского? А если вдруг сам заболел - как?

Не стану утверждать, что его ответ смутил меня (я сам то же чувствую), я хотел только не соглашаться с ним, поспорить.

Он произнёс - веско, как припечатал: будто приговорил, прихлопнул. Он даже прищёпнул ладонью!

- А можно - и нужно! - НЕ болеть. Понял!

- Я так и знал...

- ...Мы, когда переселились, начали жить, «болячки» разные были. У меня, например, был постоянный гастрит. У Сашки - простуды. Город!...

Но - сам знаешь: болеть нам нельзя! Всё у нас, - он показал взглядом и рукой: живущих вот так, живущих «здесь», - держится на здоровье.

Категорически противопоказано нам болеть!

...И мы - вначале. Наверное, только от этого. - Он выдержал многозначительную паузу. - В начале, наверное, только от этого. Болеть перестали.

Как?! Если нельзя.

...Какое я право имею болеть, если на мне всё вокруг меня держится. И я - инстинктивно, наверное, вначале - находил способы, как оставаться здоровым.

Вот только зубы... - он поморщился.

А теперь!...

Он стал с улыбкой всматриваться в некую даль.

- Теперь я совершенно убеждён: можно не болеть. Никогда. И ничем.

- А Александра?

- И она - то же чувствует.

...Видишь, что плохо, при том, как мы живём...

Мы переглянулись. Мы мгновенно поняли друг друга. Однако я решил не ради себя поспорить с ним.

- Здесь, - выговорил я и обвёл вокруг рукой, - всё зависит от тебя, только от тебя самого.

Крыша протекла - ты виноват: не покрыл. В окно дует - ты оставил щели. В подвале вода - ты не предусмотрел, не отвёл. Туалет переполнился, забило - ты не почистил в нужное время. Печь дымит - ты, зайцы яблони объели - ты... В конце - концов, - жена грустна - ты не предостерёг её грусть.

Ты, ты и ты!... Во как трудно. Плохо. Невозможно...

- Да, - легко согласился он. - ...И пока не поймёшь, как это хорошо, всё будет казаться: трудно, плохо.

Но ведь, - вкрадчиво начал выговаривать он, - но ведь это и хорошо?!

- Не-а... - нет, я ему не кивнул. - Пусть бы за воду отвечал... Воду бы мне подавал «Водоканал», тепло - «Теплосети» из котельной, дорогу - дорожники, болезни - врач.

- А ты бы?

- А я бы делал своё, только своё. Пусть каждый делает своё дело, одно дело!

Он усмехнулся.

- И всё ты врёшь. Тебе тоже нравится, когда всё кругом... Когда весь твой, - он повёл рукой, - мир, это ты.

...Я отвечаю за всё, я сам создаю всё вокруг себя, всё, что вокруг меня - это я.

- Тяжело!... - тоном Гюльчатая из бессмертного диалога в «Белом солнце пустыни» ответил я.

- Ну так!... - тоном Сухова ответил он.

- Поговорили.

-...Так что, - на правах гостя подытожил он. - давай, мы обойдёмся без болезней, лечения, врачей. И больницы.

- Давай, - согласился я. - Но как?

- А не знаю! Так!... - легкомысленно отвечал он.

- Ладно. Давай.

Что у нас осталось?

- Из чего?

- Из тем - проблем.

- А-а. А-то я уже не помню, о чём мы.

Задумавшись, я чётко увидел одно. Продолав круг, мы вернулись к...

- Душевное здоровье. Внутренний мир, счастье, равновесие. Вот что главное.

- Да.

Но я же с этого начал! - упрекнул его я.

- Но ты хотел сразу сделать это главным.

- А ты будешь спорить?!

- Да. Конечно - да.

Просто - всё главное! Ты пойми: всё. Понимаешь?

И здесь, - в мире, где меня окружают - леса, поля, - вода, воздух, солнце, - где на равных со мной - звери, деревья, птицы, - где царит не бетон и асфальт, а природа - здесь быть хозяином себя, хозяином положения куда легче. Здесь чисто. Поэтому проще этого достичь.

- Кто бы спорил...

И угли догорали.

Мы закрыли печь, решили приготовить кашу, я стал её собирать, - мы начали «разглагольствовать».

- ...Вот я вижу: приехал человек. Живёт он - ну прости - в полном дерьме. Панельный дом, загаженные площадки, холодная вода не всегда, горячей летом практически не бывает. Далее. Работа его ему не нравится, в семье - «как у всех».

Дома он или возмущается, или ноет. То не так, это не хорошо.

И он же жалеет меня: как вы тут без водопровода даже... Колодец тут у вас, воду вёдрами носите домой... Ой, какой каменный век...

Ой, да вы и работаете топором?!...

У самого - работа, по сути, бессмысленна! Она ему лишь для того нужна, чтобы добыть на жизнь.

И он же жалеет меня. А?!...

...Что он оставит после себя?! Что?! Детей? Так и я. Что ещё?

Ни-че-го. Ничего!

Всё, чем он живёт, чем он жил - сиюминутно!

И он мне сочувствует... Да это я должен жалеть его, сочувствовать ему! Бедняга он...

...Один из «Стаи чаек».

- Не брюзжи, - сказал я. - Я кашу готовлю, кашу испортишь.

...Люди не умеют мыслить полувеками. Ты же требуешь, - да, да! По твоему подходу видно! - ты жаждешь, чтобы человек мыслил столетиями.

Это не под силу обычному нормальному человеку.

Обычный нормальный человек думает о том, в основном, как безбедно прожить свой век. И выйти на пенсию - на хорошую пенсию.

«А после нас!...», как говорится...

...Вон, мои заказчики - сплошь и рядом, через одного - бурчат на меня: очень долго делаете. Это проблема.

Недавно, одна дама всего меня изругала, мол, тяну и тяну, тяну и тяну. Ей так кажется.

Но тут же - знаешь, через пятнадцать минут! - стою у другого заказчика. Он: как там мой стол? А прошло - полгода!!!... Я: да вот, - блоки для щита столешницы недавно склеены. Вылеживаются. Потрескивают чуть - чуть, чуть - чуть коробит их - это же дерево. Живое. Я бы ещё две недели подержал. Потом выстрогаю начисто и склею. Он: смотрит мне в глаза. Я: (с возмущением) но я же хочу сделать Вещь!... И не на десять лет!... Он: а на сколько? Я: а пока сама древесина не рассыплется... А до тех пор, чтоб стояло! Он: (задумавшись) ну да, так, наверное, и надо. Я: (показываю глазами на небо) что для Него - наши полгода, год... Ну что?!... Пусть будет плюс - минус полгода. Он: (вздыхает) да... Только - жена и друзья всю плешь мне проели... Я: (не обращая внимания) так я могу?... Он: и не переживайте, я Вас не тороплю. Делайте столько, сколько считаете нужным. Вы же видите всю, как говорится, пробле-

му целиком, я - только часть: время. Так что... Это я так... Не берите в голову, просто хочется поскорей. Пусть будет - Вещь!

Вот - Человек! Хотя бы - не видит, так понимает.

...Так и меня, и мою жизнь - люди оценивают по одному - двум параметрам. Они не видят совокупность!... Я вижу.

- Да. И я вижу. И в отдельном я проигрываю. В отдельном. Которого - раз, два и обчёлся.

Но в целом - то, в целом!... Я же представляю, как далеко я впереди! И высоко вверху.

- Не переживай. Люди не умеют совокупно оценивать по десяти параметрам. Как они могут оценивать по ста?!

Представь, ты бы попал 4-х - мерное пространство. Как?... А в 5-ти - мерное?...

...А - в 20 - ти?

Дашь толк?

Пространство человеческой жизни имеет десятки измерений. Большинству людей известны пять - шесть. А по силам - три - четыре.

7.

Как вы думаете: чем закончилось всё?

Мы славно, мы душевно ещё посидели и ещё поговорили. Мы ещё пили чай!

Потом мы дошли до моей мастерской и осмотрели новые изделия и заготовки будущих. Потом дошли до леса, я показал, какой огромный в эти выходные на моей поляне разводился костёр. Потом собрали яйца у кур. А ещё я прочитал отрывок из нового рассказа. «...Как ты считаешь: я не подражаю в нём Гари?»

Потом я достал из печи пшённую кашу, и мы ели её. От наслаждения не в состоянии ни о чём, кроме каши, говорить. Вслед каше был кофе, под кофе мы уплели мой маковый рулет из пшённо - кукурузной муки.

Но пришло время, ему уезжать.

Как вы думаете, что после всего он сказал мне.

Открывая дверцу своей иномарки и с удовольствием ещё оглядывая мои берёзы, липы, ели, он вдруг опустил глаза и со смущением выронил: «Не обижайся, но... Слушай, у тебя, конечно, здесь райское место - всё здорово! Но одному... Нас-то - двое, теперь трое, у нас - семья. Не бывает скучно? В смысле - тоскливо?»

Губы мои - от ярости, от возмущения, от опадения одно на другое полушарий мозга! - казалось, склеились навсегда.

Он вздрогнул, смутился, застеснялся меня, вдруг заторопясь, прыгнул в свой драндулет и, махая рукой, быстро уехал.

«...Так - what is your Russian for «tosklivaya skuka»?!...» - с обалдением, с недоумением - даже с гневом! - ошарашено прошептал вслед ему я, когда машина уже скрылась за поворотом.

2003 - 2006 г.

Эра осень, Эро-осень

Средь бела дня родилось наваждение: потянуло к деревьям. Иду.
Иду в аллею берёз. Не знаю, за чем иду.
Иду... Прихожу в аллею... Прохожу мимо стволов...

И с каждым шагом!... Вступаю, вливаюсь в атмосферу: в ощущения берёз.

Нет - грёзам.

Миную многих. Узнал её: вот моя. И встаю близко - прижимаюсь к стройной, раскидистой.

(Она - словно великолепная женщина в жёлтом сарафане, раздутом ветром страстей на привольном лугу.)

У ней - нижние ветки от плеч. Именно ей - да.

Пошёл... Мне захотелось... Я понял: оно проникло в меня. Оно проникло - и я ощутил состоянием мира, в котором вот уже тринадцать - и сорок три тоже - лет живу. Мне захотелось - слиться с берёзой. Мне показалось - дошёл до края: чувствования мои зашли в тупик. Я не могу глубже чувствовать мир.

А она может! И я... Но она... Как?...

Но вот: у неё нет глаз, а у меня есть. Я понял, что двигало мной: пусть она будет телом моим, - и я внемлю уже всем токам природы, - а я буду глазами её, - и она увидит мир.

Прижимаюсь лицом, щеками, губами. Телом к телу: стволу. Замер.

Осень благодатно застыла.

Я - человек; и кажется, эти тёплые дни будут вечно. Теплится надежда.

И оставшаяся листва питает её, и цвета - тёплый жёлтый, - любовно - красный, жизни - зелёный, - и вода ещё не сводит рук. Тихо пасмурное небо. Нет летнего солнца.

Спокойствие мира. Я человек.

Спокойствие мира зелёное у земли, жёлто-красное выше (... мои колени, плечи...), - белесое, серое, синее. Слышу: ВСЁ будет вечно. Да.

Значит, будет держать меня близ Земли, греть душу.

Напитываюсь воздухом.

Дождик, не лей.

...Обернуться!

И прижаться к стволу спиной, обхватить его!...

(Нет, не лицом, не грудью прижаться - спиной!) Встать руками назад!

Так и делаю.

Всё.

Зрение лишне.

Значит, глаза - закрыты.

...Что-то произошло. Что?!

...Нижние ветви вырастают из плеч. Как тяжело пояснице...

Привыкаю.

...Глаза закрыты: всё ещё не хочу видеть, всё видеть - боюсь.

...Нет-нет, глаза не видят - они не нужны больше. Мне. А Природе?...

Глаза не видят, но я ещё помню этот мир! Весь. Очеловеченный.

...Тора... Бесчувственно глаза.

Мои ресницы - листья, мои брови - ветки-волчки. Я удивляюсь: глаза бесстрастны, они - экран.

Это глаза берёзы. Немену от этого.

...Уже немо и сознательно смотрю на мир. Чувствую, что чувствует, вижу, что видит она.

...Улеглась моя внезапная холодная дрожь - ею пронзило от пролетевшего сырого ветра.

Слился, обнялся, отдался...

...Жаль, не могу остаться - я уже простоял с час.

А кажется вечность.

...Мне постоянно холодно.

...Значит, должен уснуть.

Холодно взираю на одежду. Зачем она?!...

...В одеянии только намокну под дождём. Намокну, а потом мороз вместе с ним сдерёт заживо кожу.

Надо сберечь себя - слышишь? Надо сбросить листву!

...Мне совсем холодно, я замерзаю.

...Воздух цепенеет, сгущается темь. Я не могу остаться.

С натугой, трудом вырываю плечи из плеч. «Ты выдержишь... Сестра... Без поддержки моих?»

Боюсь оглянуться - на ком чья кожа? Я уношу? Её - на одежде. Моя осталась на коре, в листве?

Дрожь, судороги. Вырван, как листок.

Отлетаю.

Утро! Солнце!...

И, выспавшись, смотрю за окно. Ах!... Эра вспыхнула, как вспомнившийся сон! Она продолжается.

И ВСЁ в чувствах, желаниях вспыхивает опять.

...Но идти уже не нужно! Смотрю через стекло, за окно на дальнюю сестру, и мгновенно через воздух осени прилеплюсь к ней.

...Вчерашние - дрожь, блаженство!... Никакие слова человеческие!... Душа? Да... Никакие слова - значит, душа, её токи. А что душою? Молиться?!

«...Умерщвлена мя страстьми, оживи. Душу мою ослепшую...»

Нет. И здесь нет Того. НИКАКИЕ слова - и ни чьи - сегодня не выразят мою душу. Их нет, не существует - отобразить ту картину души, что вобрала в себя мир и слилась с ним. И отражает. Или вибрирует? Или в нём живёт?

Мой сегодняшний мир - МИР.

С НИМ - слиться.

Ему - да.

...Осень. Моя осень. Средняя осень. Срединная осень.

Красная, кажется, достигла апогея.

Моя - встала в зенит.

На лесе - пустынно, на взрослом, на зрелом. Вверху трепещет ещё. Вижу убранство молодых берёз. Другое голо. Новые запахи, парная влага в губах. Гляжу, улыбаясь, на прилесок из ив - ивушка: они - девушки осьмнадцати лет.

Прилесок наряжен и боек. Какие они!... Те, что хороводят, кружатся на опушке - желты. А на лугу, - что ушли, убежали, вылетели из хоровода, что стайками, лентами, оборками красят луг, - те свежи зеленообразно!

...А луг - зелён! (Взгляд в другое окно.) А яблоня под окном - с красным зелена и желта! Все ветви ещё покрыты! В саду ещё, вокруг ещё - зелень, зелень, зелень!... А по ней, а на ней, а в ней - желтизна, желтизна, желтизна!...

Заодно с чувствами, одновременно с чувствованием себя капелькой этого мира, приходит, охватывает, заполняет восторг! После восторга - особенное, тихое, мирное разливается ликование - блаженство.

Я теперь - ВСЁ. Я - МИР.

(И быстрая жалость: ах чувствовать бы вот так с самого-самого рождения! С самого-самого детства! Как бы я жил!... Бог!... Кем бы мог стать!...)

...Я - ЛЮБЛЮ.

Да - с блаженством и восторгом - сошло мне с небес - поднялось от земли желание любить. С любовью пришло - творить! Эра моя, чувствуешь теперь, слышишь, видишь меня!!!...?

Но все творения вдруг заливают - что это?! Они наливаются ещё красками -новыми красками!... Как?! Что ЭТО!?

Цвета вспыхивают! В глубину! У них есть объём! Ещё?!

Этот объём - эротичность.

Эра осень оборачивается в эро- .

...Раскраснелась рябина: горит!... Пламенеобразно. Ах, я понял её: «Я - самая лучшая! Здесь, в этом свете!» («Хм-м... Так ли?») И верно. Верть кругом: никто не усомниться? И сразу: «...А-а-а- ах какая ольха!!!...» И рябина: «Всё... Уйду в зелёную зависть...» («Да?! Стоит?!...»)

Но - и я: верть кругом! (Взгляд в другое окно). Д-да-а!... Ольха стоит!... Ах!!!... («Женщина молодая».) Пышна, броская... («Лет ей... Тридцать».) Самый сок, самый цвет. Что это она - выбежала из леса - выскочила?! Кто-то гнал за ней в лесу?! Убежала, сбежала - не подумала отдаваться?! Вся убрана, вся одета, застёгнута претщательно. Вся зелена!

Взгляд в другое окно: краснеют две... Ой!... Да их цвет же - от наготы!... Краснеют две черноплодки - рябинки. (Мне-то смешно из-за окна... А им какво?!) И они багровы от стыда: только руки прикрыты у них - по листочку - перчатке, да наброшена ночью паутинная шаль.

Всё понятно теперь мне с «одеждой».

...Ясно теперь с яблоней... Пусть от других скрывает свой возраст - я-то знаю: ей сорок пять. И сердита она - в виду черноплодок: всё лето жеманилась, а теперь страшно при них быть неодетой! Формы! Формы уже не те! - не девушка... («Брось!... Я буду любить и твои шестьдесят... Ну что ты?...»)

...Красны от стыда черноплодки... Девчонки, ни одной выпуклости... Но так приятно глазеть...

Клён! Эй, клён - ты тоже видишь?...

Клён куда-то подевался?!... Как снял одежду, так и пропал, словно ушёл. Не найду за рябинами?! Что творится?!...

Что ж, нет мужчин здесь, у осени, - слившееся ранее с летом, развится одно женское начало в природе. Берёзы, липы, ивы, рябины, акации, ольхи, ольхи... Всех любить хочется.

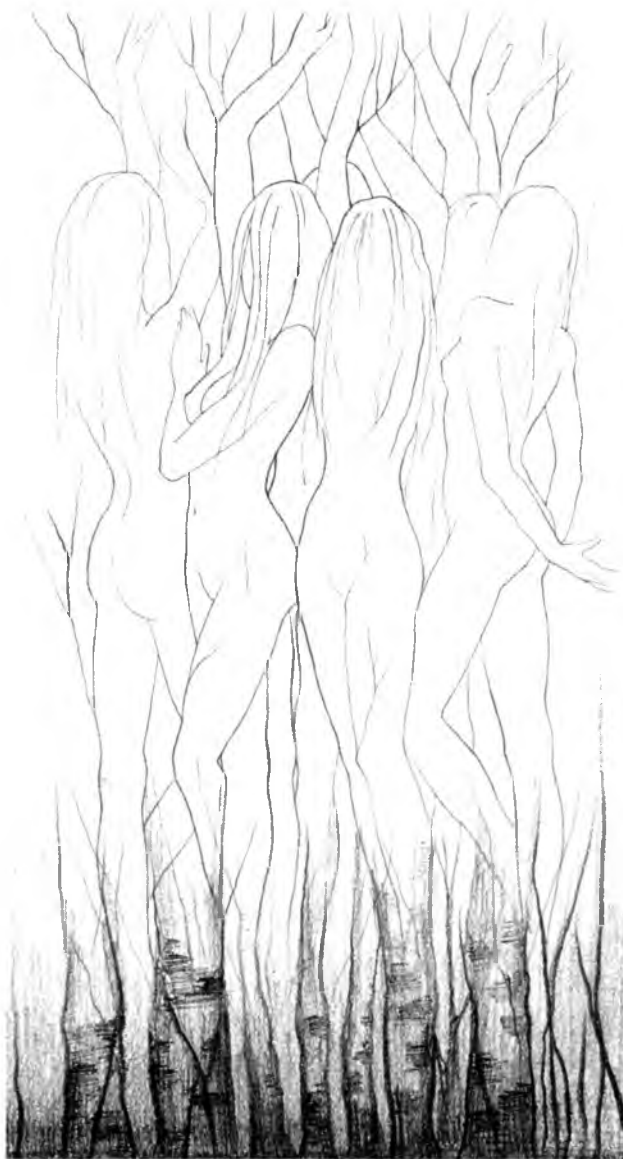
Любить хочется. Всё любить хочется. Всё-всё-всё - это блаженство.

Страсть - новых желаний!...

Оставляю дом, оставляю сад, прохожу луг - в лес.
Сколько белых стволов!... Дрожь обещаний.
К кому прижаться?!... Теряюсь.
Шагнул, внемлю.

Вот...

...стволы
доступно белеют телом...
А листва...
Шуршит под ногами накрахмаленной простынью...

И губы влажны повсеместно...

И я...
Я - ветер...
Любовник всё трогает, обнимает...
Ему - до сна, до весны - слиться...
Его наваждение меня забирает...
С самой зрелой
Из уснувших
Бездетно
Берёз.

«Когда забудешь о любви...»

...Когда забудешь о любви;
От дел иных бренча ключами;
Когда не вспомнишь о любви,
Укрывшись в радостях случайных..

Войдёт

не мыслима

она;

Без звона -

хлопанья крылами.

Прольёт! -

как мягкий свет -

луна -

Над онемёнными

полями.

...Придёт! -

Как только всё замёрзнет!...

Придёт - как травы упадут!...

Как только

в осень

бросит

проседь -

предзимний

праздничный

салют!

Костёр

*Костёр разожгли мы.
Светлым огнём -
И ель, и берёза займутся в нём, -
Мишустый валежник, замшелый пенёк
В ночи ворочают
Минувший день.*

*А друг мой уснул.
Задремал, храпит...
Не видит, кто в ночи его хранит.*

*А я в огонь смотрю неотрывно -
Теплом и светом мне - мир наполнить.*

Без треска - жаром одним гореть!

Гореть непрерывно!!

Суметь, суметь.

июль 1980 года

«Стремление»

*Я взъярился, как волк!
Всё поняв - здесь: засада.*

*Я как вол... изнывал...
Перепахивал твердь.*

*Я как ворон! как лис!! -
Ни- че- го мне не надо!*

*Мне - своё бы постичь!
Жизнь - свою бы суметь!!!*

*...Я карабкался ввысь.
Настигал Её градом.
Вслед - картечью летел,
Напрягаясь: успе-е-ть!...*

*Всё,
что мог, ускорял, -*

всё!

Постиг.

Вместе!!

Рядом !!!!!!!!!!!!!!!...

...Т а -

по Кругу - на Жизнь ...

*Я за Нею :
на смерть.*

Милый ненавидит Мирин Людомирин

повесть эмоций

I.

«... Кто бы знал: как я его ненавижу!!!...» - с жаром жаловалась своему бедному сердцу ОНА, когда ссорилась с НИМ и он не приходил, и долго; а потом - вот то не дай бог! - так выходило, так случалось: ему выпадала очередная командировка, и, не появившись, чтобы проститься, он лишь коротко звонил и совершенно исчезал... А она - уже давным-давно с ним помирившаяся!... Она - желающая немедленно об этом сказать!... Бесперывно, день ото дня с всё возрастающим нетерпением, ожидала его: каждый день - по телефону звонка, а каждый вечер - его звонка в дверь. Но он всё не приходил... И от этого дни растягивались в столетия... Вечера тянулись, как вечность... И всё - длилось, длилось...

В такие дни без умолку, будто специально, назло ей, намного чаще - и громче обычного - звонили к соседям; и после десятка дней непрерывного ожидания она вздрагивала уже всем телом от внезапного к ней, в её квартиру, звонка. Кто-то из знакомых приходил, являлись гости, она сидела с ними, говорила, пила чай, - пила кофе, пила вино - оживлялась, смеялась, - и сама радовалась тому, что смеётся, - как смеётся!... Но чувствовала: смеётся - да, она... Лицо - она... И то лишь личико внешнее, да - любовно начертанное природой, открытое, - но не искреннее, не настоящее; в то время как настоящее, действительное, не замаскированное губами, глазами, ресницами и отражением гостеприимности в них, стесняясь своей немилости спряталось, спешно ушло с внешности и переживает приход гостей в катакомбах сердца. Наконец уходили; она, необычайно довольная тем, что пришли, ели и пили, заняли её и помогли дотянуть до часов сна, смещала лица, продолжала быть оживлённой, находила себе дела, трудилась на кухне, расставляла всё по местам в квартире.

Или - весь вечер не было никого; и она целый вечер ни с кем не поговорила. Тогда, дотянув до часа, в который уж непременно нужно спать, с отвращением одна ложилась; а перед тем с отсутствующим видом, поджатыми губами остаток вечера бесцельно - но с некой точной, - и определённо хозяйственной целью! - натываясь на предметы, передвигалась по квартире. Каждый вечер что-то стирала, чистила в ванной... Переставляя табурет, распаивала шкафчики... Переставляла что-то из посуды, - мыла какую-то посуду, глухо затворяясь в кухне.

...И доведённая до отчаяния «ИМ»!... Этим - «бессердечным, незаботливым, бесчувственным, безответственным, грубым, бессовестным, несносным и ужасным» - человеком, в один прекрасный момент бросала в сердцах своё вечное мытьё; тогда чашка - «Ну вот...» (И мгновенные страхи. Ведь - страхи!...), «...Именно... чашка... из любимого сервиза...» или «Ну что же это такое!...» (И досада, отчаянье, грех - ведь грех?) «Третья чашка! Из самого любимого сервиза!» - выскальзывала из рук, ронялась, падала; разбиваясь на полу, разлеталась на кусочки; тогда она сама... вслед за чашкой, присев... внезапно вырывалась из рук, ронялась, падала... разваливалась, как заколотый крой на отдельные лоскутки, ниточки, белёсые меловые точки; и, привалившись спиной к чему-нибудь, утыкалась лицом в колени.

Так тлела... Затем, подняв голову от колен и не стесняясь больше себя, рыдала от несдерживаемого, печаленного, от отчаяния, обиды, от!... от!... Сжав кулачком мокрые ладошки, ими пребольно стучала себя - и раз, и другой - и ещё раз!... Слезами окропляя колени.

Стучала, стучала себя, будто приговаривала, будто убеждала себя, уговаривала, настраивала: ненав-вижу тебя! ненав-вижу тебя! ненав-вижу...

Сидя так плакала!... Что потом, выревевшись, иссякала совершенно; наконец, только всхлипывала, с трудом поднималась, завинчивала текущий кран, всё прибрав совершенно тщательно, с ненавистью шла в ванную и тщательно, как напоказ, вся вымывалась; гасила везде свет, холодным немислимим истуканом ложилась до утра под одеяло, наваливаясь щекой на подушку.

Или - да: или... Могла с лицом, мокрым и полосатым от слёз, долго ползать на коленках по полу кухни, собирая в совок, сгребая для мусорного ведра, как свою жизнь, дорогие острые стеклянные осколки. А после, завернув, но не проверив текущий кран, забыв - ах, нет - не желая думать обо всём будущем!... - прямо в одежде, в тапочках, как была, валилась на неразобраный диван, проваливалась, забывалась.

Глубокой ночью проснувшись (скорей, очнувшись от бесчувств), внезапно открыв глаза, словно упала без сознания здесь, упала, а не прилегла: как лежала, не поднимаясь, нашаривала плед, скомканный натягивала на себя и убито маялась до утра - «спала»; легче - дремала. В приграничной сну дрёме думала о горьком, о жизни, о потерянном, о проживаемом впусту....

...Юная, в такие времена ОНА! - в любой момент на людях взгляду со стороны - светлая, искрящаяся свежая, излучающая, как трепещущий аромат, тонкую нервную энергию, стройная, светло и пышноволосяя, двадцатичетырёхлетне неотразимая, неприступно взирающая, как все на всех в толпе - свысока, искала в глазах встречных и, особенно встречных мужчин, подтверждения себе. В чём никогда не нуждалась, если ОН был с нею или был с нею в мыслях её: был рядом.

«...Кто бы знал... - тихо плавила своё бедное сердце ОНА. - Я так и представляю себе: всё... ОН решил оскорбиться!... И решил искать другую...» И отрешённостью завершив начатое яростью, затем почти слезилась. Но всхлипнув раз, и другой, и ещё, не раскисала - нет: вскидывалась! «...Но - почему, почему?! Этого не должно быть!...» Тут оборачивалась в задумчивость. «Не должно?... Не может?... Конечно, нет. Нет, нет... Ведь этого... Не-е-е-т...» Но тут!... «...Да нет : так и есть. Так и есть, да-да, точно! Как я не догадалась сразу?! Всё кончено! Точно всё! Конечно же: он прилетел и вернулся к этой! Он, он!... Вернулся к... Этой бывшей своей пассии! К этой ужасной Аське!...»

Так ОНА, уже и без того не в меру горячо возмущённая ИМ, люто кипела. «...Что за ужасное имя!... И где он только такое выкопал?!... Где он её нашёл?!... Что, что - ну что он в ней снова нашёл?!...»

И она: жаловалась, жаловалась, плакалась, стенала... Пеняла себе и телевизионному мексиканскому сериалу - не надо таких проблем! Телевизор кричал, актёрствовал мыльными болями, жаловаться на самом деле можно было как угодно отчаянно.

«...Но ведь он говорил мне... Я не просила - он сам говорил... Он говорил, он обещал... Он заверял меня: с ней больше даже не видится... Я же всю душу себе извела, когда выведывала у него: что, что в ней для него такого? Что он для себя в ней нашёл, что находил он? Есть ли то же во мне?

...Какая непутёвая - зачем я...

...Это было так унижительно! Так унижительно для меня!... Узнавать о другой женщине!... Зачем я делала это?!... Зачем? Но я хотела, я же старалась стать для него всем - всем! Такой, какая именно ему нужна, какую он любит.

...Он говорил мне, что любит меня! Что любит такую, какая есть! Зачем он вечно подчёркивает: именно такую, какая есть. Как это странно!...

...Я верила ему! Верила! Вот и стремилась, хотела!...» Здесь, на один миг этих своих слов, она прояснялась лицом. «...Но он, выходит, он лгал мне?! Он говорил то, что я хочу слышать?! И всё?!... Он притворялся, он играл со мной!... Он лгал мне, лгал, лгал!... Он!...»

Раскрытой ладонью она больно хлопала по краю стола - била, отталкивала от себя стол, словно... Словно то был не стол, не стол! не стол!...

А дальше!!!... Дальше она уже не жаловалась, не стенала: всласть неслась. Бурно! Неудержимо! Потоком. Ни слова никогда никому не вклинить в него, не попасть капле. Не остановить, не запрудить, не своротить... Только уйти с пути!... Ведь ОНА: не слышала, не слушала, вздрагивая бежала, низвергала, разбрызгивала всю энергию, себя истязала, плачась, взмущалась, люто кипела, любя ненавидела, крича шептала, бурлила и била, где стены - звенела водами, несла их и сама неслась, не зная куда, сбегала с высот, думала взмыть вверх, но только ломалась. При лёте круша заодно всё одновременно.

«...Пусть он только появится ещё раз!... Пусть только посмеет!... Я не приму больше ни одного его цветка!... Что за мода такая: взять и вдруг принести один цветок?! Не хочешь купить букета?! Не можешь купить, денег нет? Приди без цветов, никто и не просит! Но вот так, без всякого повода... Пусть все заметят? Ромео... С одним цветком в руке... Вставил бы тогда в петлицу, чтобы все уж видели, куда идёшь. Мне даже перед соседями неудобно!... Вот манера!...

А эта вечная его улыбка?!... Как будто ненормальный!... Что за стиль такой: нет проблем?! Что, разве у человека может не быть проблем?! Но у него - нет!!!... Я не понимаю... Но ведь есть же, ведь есть! Но он же никогда не поделится ничем серьёзным со мной! Я же чувствую: разве мужчина может что-нибудь скрыть? Нет, конечно, я же всё чувствую! Есть же, я вижу. Но он не делится! Почему? Я же вижу, как он иногда мрачнеет лицом. Но только повернусь - всё! Уже натянул на себя свою эту маску! Спросишь: у тебя ничего не случилось? В ответ: нет, нет. Или ещё скажет, ещё любит говорить: не хочу обременять тебя этим. Но я же хочу знать! Если мы вместе, разве он имеет право от меня что-нибудь скрывать?! Начну допытываться - шутит. И

всё у него отшучиванья, никогда ничего по-серьёзному со мной. Пуговица, скажет, отлетела не вовремя. Или ещё: на брюках разъехался шов, пожалуйста, прострочи. Как змей!... Так и ускользает - в руки не взять.

...А если всё-таки я не молчу, если ему своими шуточками не удаётся заткнуть мне рот, возьмёт и просто - своей ладонью закроет мне рот! Вот так просто: взял и рукой закрыл мне рот. Как будто он имеет такое право!... Это что такое?!... Это как?!... Это что за свинство такое: взять и зажать рот?!... А ещё может - губами, если я и после этого не молчу.

...Но, если я и ещё не соглашаюсь с ним и начну кричать, вырываться... Беспардонный!... Совершенно беспардонный... Бестактный... Бесчувственный... Бессовестный! Бессовестный нахал!... Он начинает меня целовать и тащить в постель. И ведь, конечно, сил у него больше! - затянет. А он спросил у меня: я - хочу? И что вообще за манера: разрешать все трения в постели?!... Почему нельзя просто объяснить, по-человечески, по-человечески поговорить?... Разве я не человек? Но он - не-ет... - он и за человека меня не считает... Он за человека меня не считает! Для него я - женщина, женщина и только, и всё. Змей, хитрый змей! И непорядочный - потому что истреплет меня всю, как... Как эту... Рыбу они бьют. Треплют об стол, когда сидят в бане с пивом, - потому что поцелуями изведёт всю, заведёт - и всё это намеренно, подло, специально: он просто расчётливый, нет у него никакой страсти, нет! Нет, конечно, не будет же он срывать и портить платье, которое сам дарил - зачем? Дешевле дождаться, пока я сама заведусь. Тогда всё - бери! Бери голыми руками! И добиваться уже не надо ничего! Всё у него вот так просто. Нахал...

Конечно... Какие после *этого* проблемы... У нас с ним... Всё - нет проблем... Едва дышишь... Чуть жива... Не до упрёков... Слова-то забылись. И всё...

...А если пришёл, а я мрачней тучи!... И улыбочки, и шуточки его - ну уж совсем не к месту, совсем ни к чему!... Ведь и тут извернётся, и тут, как... Примет серьёзный вид, как будто он на самом деле солидный такой! Как будто он на самом деле намного старше меня - ой, подумаешь, на четыре всего года... Спросит, что случилось - я промолчу: плохо мне, плохо... Слово за слово - всё вытянет, настоящий хамелеон. Ещё и прижмёт по-отечески, чуть ли не по головке гладит. «Ладно, всё будет хорошо, малыш...» Конечно, я расплачусь!... А кому мне ещё поплакаться?!... А он и доволен, как же! Ему же надо показать, что он сильный, что сильнее меня, что за двоих все проблемы может тянуть... Перед кем ему ещё свою силу демонстрировать?!...

Противно, обидно сейчас даже вспоминать: я! я! наивная душа! как маленькая девочка! всё ему выкладываю - а он! он! знает обо мне всё больше и больше - да он знает обо мне уж всё!... И теперь мною просто управляет!!! Я как кукла!! Он мной манипулирует, крутит! Он со мной манаму танцует!... Да! Да!... Я скоро сделаюсь у него девочкой на побегушках!... Сделай то, сделай это! Посмотри там, посмотри здесь... То - посмотри куртку ему по магазинам, то - не знаю, скажет, помоги, какую рубашку надеть... Не-ет, ни-че-го серьёзного мне не доверяет. Нашёл простушку себе... А я, между прочим, закончила институт! И мне на работе много чего очень ответственного приходится исполнять! А тут... Домашний психотерапевт мой...

...И всё с уловками, всё у него какие-то причуды, уловки! То в кармане халата, то в сумочке записку найду всунутую. «Мне кажется...» Ему, видите ли, кажется!... Ему кажется, у меня износились туфли. «Купи новые». И деньги. Вот как будто я сама! свои туфли оценить не в состоянии!

...Он что - эксперт?! И что за приказной тон?! Это что за обращение?! Я что - рабыня?!... Нет, ну что за приказной тон?!... Что значит: купи?!

...Вот я однажды взяла и купила! Только не туфли! Как он приказал. А платье. Нет, думаю, дружочек милый, хоть раз, да я взбешу тебя. Вот тогда посмотрим, на что ты на самом деле способен!

...Вывернулся этот мой милый змей и на этот раз! Он сказал мне, что мне очень идёт. Но к этому платью совсем не идут старые туфли - не тот цвет. Вот как будто я сама не вижу, что они к этому платью ну совсем не идут!... Конечно! Цвет совершенно не подходит, к нему нужны кремовые, а не коричневые... Но главное, он успел подольститься ко мне: сказал, что платье идёт. А потом, не прошло и недели, обманул. Давай зайдём, говорит, в магазин, у меня денежек немножко образовалось свободных. Вот - вот, кстати: от себя ведь не оторвёт - только если «свободных». Идём. Пойдём, говорит, посмотрим тебе туфли. И всё!... Ну не буду же я при всех противиться в магазине. И я как миленькая пошла!... Всё: ведёт, приказывает, смотри, давай, выбирай.

...А ещё - да, вот ещё... Завернул меня в отдел нижнего белья... Даже продавщица ему сказала: «Мужчина! Это всё-таки Вам или Вашей даме...» Я даже покраснела, а ему... Как с гуся вода... Я слышала, как продавщица нам вслед бросила: «Шут гороховый... Откуда такие берутся!...»

...Вообще - что за оставления денег?! Поутру собираешься на работу - лежат в кармане. Зачем? Я что - проститутка у него: переспал, деньги оставил, ушёл...

Что самое ужасное, я уже свыклась с этим своим глупым положением: когда становится трудно, жду помощи от него. Я никогда ему не говорю, я ничего не скажу, но ведь я - жду?!...

...Но теперь я знаю: он жаден, скуп. Он - ску - пой. Все эти мелочи - платья, духи, сапоги, туфли... Всё это е-рун-да. Когда мне захотелось сменить холодильник и я сказала ему, что мне не осилить самой, потому что я хочу только самый современный, а помощи я не приму ни от кого, кроме него, что он ответил? Что?

...Он убил меня напрочь! Он вылил на меня та-а-ко-ой ушат ледяной воды, что я мигом, я сразу отрезвела! И больше ни-ког-да, ни-че-го у него не по-про-шу.

Он сказал мне, он ответил мне: «У меня. И у тебя. Есть сейчас более важные проблемы». А я сразу перевела - разве мужчина может в чём-нибудь обмануть? - «пока мы не женаты, я не буду в твою квартиру ничего покупать и тебя содержать».

Я сказала ему: давай поженимся. Ну у меня просто так вырвалось! Я этого не хочу, совершенно не хочу, это вырвалось так, само собой! А что он ответил мне? Что он сказал? Он посмотрел на меня, как выражается один мой коллега, как мышьяк на крупу и сказал: «Давай». И снова посмотрел на меня, как это умеет только он: он так посмотрел на меня странно - очень странно, длинно... И ещё: выдержал паузу...

А после паузы вообще всё двусмысленно звучит... И сказал мне: «Только это предложение сделаю нам я». Что значит - я? Я - это последняя буква в алфавите, каждый школьник знает. Я... И эта «я» перехватила у меня всё главное, всё самое важное в жизни! Всем главным, самым важным хочет руководить только он!... А я?

...Но я сразу поняла - мне не надо слов! Я почувствовала по одному его длинному взгляду - что мне слова?! Он не хочет!... Конечно, словами он прикрылся, но по сути - солгал!... В этой паузе у него ведь чётко, недвусмысленно прозвучало: «Давай. Только я хочу на сто процентов убедиться, что ты подходишь мне». Вот! Он сомневается, что я подхожу!... Мне... Тоже мне - мне... Давай... Как подруга - подхожу, как любовница - подхожу, а как жена?... Мне стало плохо... Я всё поняла... Он и так не доверяет мне больше, чем пуговицу пришить, а тут дал понять ясно - куда уж ясней: я тебе не доверяю, я не верю в тебя.

...Ну так и не ходи тогда!... Не путай меня!... Исчезни из моей жизни и не мути, не сбивай её! И меня не сбивай больше!

...Ведь прекрасно знает: я привыкла к нему. Нет - хуже: прикипела, приросла! Приучил. Да нет - выдрессировал! Как домашнюю собачку! Как белочку! Как кошку!... И я жду, я не могу без него!... И брошусь на шею, когда придёт, когда появится. Вот и играет со мною!...

...Уехал! Уже двадцать дней нет! Опять какая-то командировка... Куда?! Зачем?!... И снова ответит: «Ты же прекрасно знаешь, где я работаю». И так каждый раз. «Вот закончится на этом объекте пуско-наладка, и всё время буду дома, долго никуда не поеду. Хочешь, поедем вместе отдохнуть куда-нибудь, малыш?» Какая я ему малыш?!... Я вообще с ним одного роста, когда надену туфли на «шпильке»!... Ну да, теперь это называется пуско-наладка... Да там женщин половина на его работе!... И вместе ездят в командировки... Почему он любит свою работу больше меня?! Почему?

...Телеграмма. Одна единственная телеграмма. «Прибыли на место. Всё в порядке. Позвоню». И вот уже столько времени нет звонка! А я не волнуюсь? Я не переживаю все эти дни?! А вдруг что-нибудь случилось? А вдруг его током ударило? А вдруг самолёт упал?... И так через раз и каждый раз. И всегда, и каждый раз найдёт чем отговориться. Ещё телеграмму пришлёт. А ты должна томиться, беситься - ведь на самом деле: с ума можно сойти от неизвестности - так переживать... И ждать его, ждать, ждать... Почему он меня никогда не ждёт?! Да. Почему? Почему, если жду, то всегда - я? Почему я всегда дома? Почему: я его люблю, а его нет опять?

...О, кто бы знал!!!...» (И она бы знала.)

«...Но я сказала: почему бы тебе не устроиться на другую работу? На-а... более удобную... На другу-ую... Где нет командировок - работают же люди?... И мы всегда были бы вместе! Как он посмотрел на меня!... .. Если бы я знала, я бы... Ей богу, я дважды пожалела, что такое попросила... Как он посмотрел на меня... Я даже... У меня даже мелькнуло, как скажет сейчас: почему бы тебе там не поискать себе друга?

...Но он посмотрел на меня так, что я больше на эту тему зареклась заговаривать, больше - не заговорю: пусть делает, что хочет.

...А может, он хотел сказать: а ты уверена, что нам не надоест быть вдвоём каждый день, каждый вечер? Мне - нет, а ему, значит, - да?!... Но, конечно, он этого не сказал, нет, конечно. Что он сказал, я помню прекрасно. Вот: он посмотрел на меня этим длинным своим, этим охлаждающим своим взглядом, этим осаживающим, и сказал - сказал, будто отрезал! Он рывкнул мне! Рывкнул на меня - да! Да! «Ты не понимаешь... Мне двадцать восемь сейчас». Это он. «Я хочу расти вместе со своим возрастом. Моё время сейчас - на объектах. Как ты не понимаешь. Я не хочу в двадцать восемь лет протирать штаны... И потом...» Тут была улыбочка. «Когда, как ещё я смогу посмотреть страну?... И ещё». Тут была улыбочка и смешок. «Узнать, что ты лучшая из всех русских женщин».

...Почему только из русских? А из российских?!... Он их что - этих женщин, какую собирает сравнить со мной? Интересно знать как - на глаз, на ощупь?

...А даже если только взглядом - знаю я эту мужскую привычку: взглядом раздевать!... Иной раз жуть, как убежать хочется, пробежать скорее, потому что идёшь в одежде, а будто голая...

...Посмотреть на женщин... Ну да, так, конечно, любопытно смотреть на страну... А ещё тогда неплохо и на соседние!... Тем более, что уже его приглашали. Только вряд ли ему *что-то* понравится во Вьетнаме.

...Теперь я понимаю, почему он отовсюду везёт мне подарки!... Ему совестно! Совестно! За свои... пуско... наладочные... раб-боты... Не будь он таким чистюлей, я вообще бы боялась после командировок его к себе подпускать. Но уж я надеюсь: если он устраивает мне сцены по поводу жирной ручки у ложки! Жирного края вымытой тарелки!... И как именно ему всегда попадётся?!... Пропустишь одну вилку, и она попадётся именно ему. И именно тогда, когда он не в духе... Ну почему он всегда не в духе?!... Но я как раз меняла тогда моеющее средство, мне стало казаться, что этот «Фэйри», - конечно, пусть он хорош, но всё-таки это чистая химия, и я решила поискать что-то другое... То, я надеюсь, у него хватит - нет, не ума - хватит брезгливости, не испачкаться и о *другое*...

...И в то же время, как я его приучала смывать за собой волосы со стенок ванны!... Это же бывает просто чудовишно! Словно в ванне мылась обезьяна!... То на краях, то на стенках ванны, то на мыле останутся волосы, ой-й... ну-у не-ет...

...И опять, эта глупейшая разборчивость! Ведь он заявил мне, когда мы, когда одна моя бывшая одноклассница, мы шли - затащила нас с ним в гости - случайно! Она мне раньше, в школе, нравилась. Случайно мы встретились пара на пару, мы и она с мужем, и она потащила нас к себе, и мы пошли. Так он заявил мне потом - потом, когда мы с ним возвращались: ты как знаешь, всё-таки она тебе подруга, а я больше не ходок к ней за стол. Я пожалала плечами, я ещё не успела ничего сказать! А он мне совершенно грубо, он с грубостью мне заявил: что его чуть не стошнило при виде их посуды и раковины в кухне, и... Видов в туалете-ванной... То-то я удивилась: думаю, почему он выходит из ванной, когда мыл руки, и вытирает руки своим носовым платком?

...Вот это у меня единственная радость : на его чистоплотность - нет, на его брезгливость надеюсь. Ну, конечно, должно же быть хоть что-то радостное...

...Но что же - он просто не дал мне ответить! Я тоже собиралась сказать ему, просто он, как всегда, встал впереди меня. Мне не понравилось тоже! Да мы никогда и не были с ней подругами, я не знаю, с чего она так потащила нас. Я и сама к ним больше не пойду, мне не понравились эти люди. Но и что из того - нельзя же вот так... Так обхамить людей!... Мы тоже кому-то не нравимся!... Я хотела обратить всё в шутку, отшутиться, я ответила ему: да ладно, не думай, по-разному, ведь, люди живут. Так он чуть на улице на меня не накричал! Да нет, он кричал и вместе шипел на меня! Он - он начал мне выговаривать: «Пусть! Пусть живут! Пусть хоть в норах, хоть в помойках живут! При чём здесь я?!»

Я расстроилась. Конечно, он начал оправдываться: что это он не на меня, это он вообще - вообще, мысли вслух, а кому, мол, их ещё высказать? Мол, только мне, только со мной самым личным он может и хочет делиться.

...А сам - сам, когда возьмётся готовить?!... Конечно, мне нравится, как он готовит, но - посуды!!!... Как так можно - я разобраться потом не могу в его горе испачканной посуды! Почему я сразу мою её, когда готовлю, а он - нет?!

...Но я всё равно расстроилась. Он зашоренный. Он весь обставленный принципами! И поэтому - злой. Почему он так кричал на этих людей. Везде у него - принципы, принципы!... Ведь у него на каждый шаг - принцип. То нельзя, это нельзя, так нужно, а вот так не нужно, сюда можно, а туда нельзя. Я даже сначала присматривалась - он нормальный? Кажется, да. Да! Но всё-таки! Он сам однажды открылся мне: ему кажется, что на самом деле он не нормальный, когда он смотрит на большинство, на других. Ну да, есть, что-то есть, - но ведь он и меня такой же назвал!... О, господи... И без того сложно жить, неужели по-другому нельзя.

...Но он уже и меня приучил. Вот даже сейчас, когда я гневлюсь на него, я ничего-ничего ссорного на самом деле не выражаю!... Я сама себе бываю противна, оттого что всё моё возмущение, всё моё ненавидение - это только поверхность! Этот гнев - нервы!... Я вообще, вообще!... Я не могу уже даже злиться по-настоящему ни на кого - только на него!... Он уже вдолбил в меня: никому никогда не желать зла. Чёрствый...

Боже - принципиальный: шагу не шагнёт без этих своих принципов, я с ним - как в клетке».

II.

...«Ты бы знал, как я тебя люблю...» - с упоением!... щемящим грудь сладным восторгом!... откровением счастья, распахивающего сердце, как окно в мир... и раскрывающего сердцу весь мир одновременно... шептала - нет: просилась!... тянулась, летела и текла вслед ему она, когда вместе!... бессчётно долго... они были... И каждое утро он уходил, а в день - звонил и в вечер - возвращался в ту же дверь.

...А она, проведив его и заранее зная, когда он вернётся! ещё долго пребывала в том состоянии первозданной чистоты и мягкого сердечного счастья, которое и пальцам, и взгляду напоминает новую промытую фланель.

И, забравшись вновь пусть на пару, на пять минут в тёплую постель, под одеяло, или в халатике, как была, когда сидела с ним за утренним чаем, с ногами под плед, она нежилась, нежила себя, тешила всем самым радушным, что только бывает на свете... А если выпадала суббота, тогда, не вспоминая о времени, детски-безмятежно задрёмывала... То размётывалась, то уютно сворачивалась калачиком на кровати. Мечтала сквозь сон: как жаль, что я не кошечка, не белочка, не собачка!... Сейчас бы свернулась вот так же клубком, сейчас бы укрылась пушистым хвостом!... И дремала... чутко... весь денёк... до хозяина... Где он там ходит, добытчик и повелитель... Потом клубок становился тесен, надоедал, и она раскидывалась, жалея, что тело... так мало... Почему его нельзя сейчас больше?! Перекатывалась, будто растекалась, старалась закрыть, занять собой и своё, горячее, и его, ещё хранящее запах и тепло, места. Снова и снова засыпая, снова и снова просыпалась, в какой-то сказке перетекая из мыслей в чувства, из сна в явь, из яви в сон.

«...Ты бы знал, как я тебя люблю!...» Никак ещё с губ её не слетало чувств оголённых этих... Что - слова!... Вся тайна в себе, вся - сама: «Ты бы знал, ты бы знал...»

«...Как я люблю всё, что - с тобой... Как ты приходишь, как уходишь... Когда ты приходишь... Когда ты приходишь, как я люблю!... Просто приходишь, просто переодеваясь, просто слушаешь меня... Смотришь... А я - я!... Будто я не могу остановиться! И без умолку говорю, говорю... Заваливаю тебя своими проблемами, бедами, выкладываю тебе их, наваливаю их на тебя... Сваливаю, сваливаю, говорю, говорю... И понимаю, и вижу: они исчезают?! Они - они растворяются?!... Они куда-то просачиваются! Они вообще - пустое, стоит только рассказать их тебе. Пустое, пустое!... Да ну их... вообще незначашее...»

Творожно разваливаясь, она вытягивала руку, раскрывала ладонь, пыталась в воздухе что-то найти, нащупать, а потом - взять, сжать, но не сжималось ничего! Рука щупала воздух, осязала пустоту!... От этого она - о, удивление! - и радостные страхи, ведь страхи?! - просыпалась, с мягкостью кошачьего прыжка разжмуривала глаза, искала - что же в руке?! Где же что-то - в ладони?!... Но нет же, не было ничего!! Не было никаких!!!!... И тогда, эфирно дохнув, она засыпала мгновенно - нет! - мгновенно перелетала!... А её васильковый смех, не сообразив вовремя отзвенеть, не успев получить своё, в общем её потоке устремлялся звучать за ней - вслед, в сон, - и озвучивал сон!... И от этого!... Становилось ещё невероятнее от этого: сказочнее, чутче!...

И тогда, и дальше - дальше - её мысли-чувства, смех-речь-сон текли, уж не пре-

рываясь: волжским великим потоком. Можно войти в него, лечь, опустить лодку, бросить вёсла, снять все паруса, плыть, плыть... Он понесёт, он подхватит, он перевозит любые грузы, - центнеры, тонны, тонны, - все корабли. Он попросту не замечает их - мелочи.

И ОНА... текла... лениво перемежалась... медленностью наслаждалась... влекла себя к каким-то дальним морям... при этом текла полями, перемывала в который раз свои загадочные берега, свои камни, шлифовала песок... любовно отекала холмы, чашички, роши... с улыбкой прощала твердокаменным высоткам - возвышайтесь... вбирала и отдавала... несла столько вод, что их хватало на всех, всем и себе. И ЕМУ одновременно.

...И там же, и то же: «Ты бы знал...» Из-за этого все воды в ней уж совершенно перемешивались: поздние оказывались впереди, свежие - далеко, новое - за прошедшим сзади; она сама путалась, сама ничего не старалась понять, никакой логики: ничего нельзя разобрать, всё соплеменно.

И только одно всегда ладеечкой тихой несётся поверхностью: «Ты бы знал, ты бы знал...»

«...Прошло уже два года, но как часто я вспоминаю нашу с тобой встречу, мне всё время кажется: она - что-то необычное, несбыточное, ни у кого не может быть такой! Как всё поразительно, как! Жить в одном городе, много лет, на близких улицах! И никогда не встретиться. А потом поехать куда-то, в другое место, впервые в тот город, и столкнуться в первый же день! Так можно поверить в судьбу... Может, это судьба?

...Я окончила институт и поехала в Пензу к подруге. Зачем? Почему именно в Пензу, можно было так же поехать в Петрозаводск, Вологду или Казань! Не знаю... Может, она так расхвалила свой город? Может, то, что последний год мы были с ней неразлучны? Может, то, что - Лермонтов... И Тарханы там рядом? Не знаю, ничего не знаю... Разве можно понять?

...Я сидела на почте - а город мне понравился сразу: уютный, чистенький, Сура, Музей одной картины... Мне кажется, за утро я обошла весь центр. Был июль, стояла жара, пить хотелось каждые полчаса и купаться, купаться, потому что, только выпьешь воды, пот ручьём... Я сидела на почте, писала телеграмму домой: «Доехала нормально всё в порядке не волнуйтесь» - не помню. Я приехала в брюках, но уже побывала у подруги, в её милой «малосемейке», и, оставив вещи, переоделась, на мне было жёлтое платьице, с собой - кремовая сумочка. И зонтик - не знаю, зачем он прихватился? Наверное, по привычке, он только мешал мне.

Напротив меня сел парень, нет, - молодой мужчина: он выглядел именно так. Он сел и сразу начал писать телеграмму. Ещё к моему столику подошла женщина с ребёнком, с девочкой, - мамаша - бывают такие, такие, что язык сам выговаривает именно это: мамаша. Женщина лет... ну пусть тридцати. Плюхнулась на стул, дочку втиснула между собой и столом, усадила на колени, сунула ей игрушку в руки и стала писать. Малышка полезла на стол, схватилась за мамину шариковую ручку, мама дёрнулась - ручка сломалась. Ребёнок засмеялся, а мамаша взвизгнула и начала кричать. Мне стало неприятно!... Я бы засмеялась тоже, потому что малышка посмотре-

ла на меня так, будто приглашала посмеяться вместе: давай?! А мама её не понимала, ругалась, ругала!... Но что такого? Подумаешь, ручка за рубль пятьдесят!... Девочка заплакала, мне стало совсем неприятно, - я, наверное, скривилась или сморщилась, глядя на эту мамашу. Я посмотрела кругом, на людей - никто даже не обратил внимания! Все заняты своим, чем-то, - озабочены, нервничают, спешат!... Подумаешь, ругают ни за что ребёнка!... Подумаешь!... А мне было неприятно - она ещё и шлёпнула ребёнка, правда, легко, но всё уж равно.

И тут я замечаю, случайно я вижу: парень, который напротив меня, который что-то тоже, как все, озабоченно пишет и торопится, исподлобья посматривает на эту женщину и морщится, кривится он. А ведь только что писал торопливо - удивительно!... Всем кругом наплевать, а ему - нет. И мне тоже нет. И он морщится. Мы случайно встретились глазами, и он понял: я удивлена выражению его лица. Он сурово поджал губы, неодобрительно посмотрел на мамашу, качнул - нет, он покачал головой - и снова уткнулся в свой листок.

Я написала адрес, поднялась, пошла в конец очереди. И этот парень тоже. И он оказался на шаг впереди меня. Он шёл и смотрел в свою телеграмму. Заметил, что кто-то сбоку - это была я - и отступил автоматически: он меня пропустил. Я встала перед ним.

Я подумала: будет знакомиться, специально и пропустил, а он - нет, он смотрит то в свою телеграмму, то куда-то вдаль, поверх очереди, поверх голов. Я даже рассердилась - или расстроилась, не помню - такой приятный молодой человек нечасто встретится. И не желает знакомиться. Как так, почему?!

...Потом, когда я подавала в окошечко свою телеграмму и телеграфистка переспрашивала улицу и дом и ещё вслух повторила весь адрес и город, я услышала смех: мой сосед смеялся! Смех у него был негромкий, только нам с ним предназначенный. Я повернула голову, я решила взглянуть ему прямо в глаза - от чего он смеётся? Мы встретились глазами, он лукаво прищурился и уже не смеялся, уже только улыбался. Я строго спросила глазами: что? А он понял - он понял! Он мгновенно понял и ничего не сказал, только поднял к своим губам свою телеграмму, поднял, а сбоку, сбоку рукой указывает в неё. Я опустила на строчки глаза и увидела в адресе тот же город, улица знакомая, квартала через два к центру города от нашей улицы, от меня, от того дома, где живу я. И я тоже тихонько засмеялась. И это был только нам с ним предназначенный смех.

Я расплатилась и пошла. Я и не думала, что он догонит, я уже поняла, что он сам по себе и не из тех, кто липнет - нет, липнуть надо как раз к нему.

Мне не хотелось идти домой: рано, зачем так рано. Я ещё не была на реке и пошла к ней, я пошла к Суре. Наверное, минут десять никак не могла найти подхода: всё дома, строения, заборы, кварталы... Тогда я спустилась вниз, к гостинице «Пенза»: сегодня около неё уже проходила и видела издали, что там точно набережная. Я шла к гостинице, потом решила пройти дальше и прошла мимо, миновала всю площадь. Выбралась к набережной, постояла - смотрела на реку - потом повернула назад и пошла по набережной вдоль реки. Вдалеке, почти у самой гостиницы, стоял какой-то парень, он показался мне знакомым. Но у меня не было здесь знакомых!... Он стоял и смотрел на Суру. А я шла. Он повернулся ко мне, и я... Я даже растерялась! И от этого улыбнулась! И когда я подходила к нему, на моём лице была, на-

верное, улыбка-изумление. Я узнала в нём того молодого человека с почты. Он тоже меня узнал и шёл навстречу.

...Я улыбнулась и спросила: «Это что - судьба?» Он улыбнулся и пожал плечами. И назвал своё имя - мне. И мы покачали головами.

Да нет, я и не думала ни о чём таком, просто был новый город, было солнце, было время... Этот человек - я знала: ему можно доверять, я уже многое о нём знала.

Мы пошли вместе. Куда-то шли, прогуливались, кажется, он что-то рассказал о городе... Было так хорошо!... Вот только жара и пот в три ручья, как выпьешь воды.

Удивительно, мы мало говорили, как глоточками. Он рассказал, что он здесь на курсах, а я рассказала, что приехала к подруге.

...Вдруг нас окликнули. Нет, конечно, окликнули его! Такая компания разношёрстная: молодые, средних лет, даже старше пятидесяти один, мужчины, женщины. Мой спутник сказал мне: «Это наши». Кто - наши? Ну да, конечно, это все с ваших курсов, ты уже говорил мне, что сюда съезжаются со всей страны! Вот тот парень (тут ты перешёл на шёпот, потому что к нам шли) - из Томска, тот мужчина полный, лет пятидесяти, - из Саранска. А женщина та, что в брюках - на ней были лёгонькие бежевые брючки, нет, я бы никогда такие не надела, - она из Читы. А вторая, ей было на вид лет сорок, одета она была стильно, изящная, со вкусом, - она из Красноярска. Я бы тоже хотела быть такой в сорок лет, я прямо влюбилась в неё.

Они здесь, потому что они - прошептал ты мне - каждый на своём центре, на своём производстве - лучшие. Так, а я с кем сейчас? - тогда подумала я. И внимательно, как-то заново, на тебя посмотрела.

Мы шептались, и нас приняли за парочку и вначале скептически меня оглядели. Окружили, все загалдели, да они и вообще шли, как галдящая птичья стая, не стесняясь никого, ничего, - весёлая такая стайка! Потянули за собой, как понесли, - понеслись всей толпой! Я даже не успела ничего решить, а уже влезли - и я! - в автобус, влезли хохоча, перед всеми извиняясь - и мне показалось: весь автобус вначале надулся, а потом заулбыбался. Ну и компания... Кто-то кого-то громко, в услышанье всем, назначил старшим, и ответственным перед контролёром, тот возмутился - мол, чуть что, так сразу «Косой!» Что за «Косой»? И все опять загоготали. Я только изумлялась!

Поехали на автобусе за город, какое-то кафе, оно называлось «Лесная сказка», - с оленями в вольерах. Вино, мясо в горшочках. Люди невероятные, такие интересные!... У меня осталось от них головокружительное впечатление, а тот рыжий полный парень, он едко выразил всех: «Мы дилетанты - универсальные дилетанты». Ну да, они одинаково разбирались как будто в своих трубах, скважинах, проводах, и мясе в горшочках, и стихах, и балете. Я сидела с ними, кажется, раскрыв и рот, и глаза. Этот рыжий один раз так взглянул на меня, и рука у него дёрнулась: я поняла - он хотел конфету сунуть мне в рот, но сдержал себя. Вот какой!... Вот бы смеялись!... Я сразу поняла: я здесь меньше всех, но мне нечего стесняться.

...Пенза мне всё больше нравилась.

...Всю жизнь мои родители предупреждали меня не связываться с незнакомыми людьми, тем более - компаниями. Но я уже стала большой девочкой, а они всё не переставали пичкать меня инструкциями. Бедные, они и не догадывались, какими были наши студенческие вечеринки... Они бы сказали: господа, бардак...

...Я сидела в компании в кафе «Лесная сказка», и мне эти люди казались уже давно знакомыми, главное - надёжными, своими. Некоторые здесь были не в первый раз - и уже какие-то традиции, планы! Обязательный «поход» в «Лесную сказку», в «Золотой петушок» и, конечно же, поход к «Эм-Ю». Кто-то сказал каким-то странным тоном: «А когда - эмюрханы?»... Тут такая ржачка началась!... Оказалось, это в Тарханы, «к Михаилу Юрьевичу» - к Эм Ю. Оказалось, главное там у вас - прислониться к бюро на втором этаже дома, то есть буквально прислониться к вечному и распить вино в деревьях за домом, «в кустах у Эм-Ю» - то есть у Лермонтова.

...А потом был вечер. И мы опять остались вдвоём, и мы опять шли по городу. Была какая-то уже неловкость, потому что... Я ничего не понимала, ты спутал меня, потому что надо как-то расставаться или как-то идти дальше? Где расставаться? Как дальше пойти? Я не знала. Но ведь - надо?! Почему - надо?! Откуда пришло это «надо»? Я поняла, что это - я, я сама, это идёт из меня, это мне надо... И было так странно, потому что я всегда слышала, что, во-первых, *это* надо мужчине. А тут оказалось - *это* надо мне... Я слушала себя: мне не хотелось расставаться, я ощущала что-то новое... Близилась ночь, меня обжигало. Но чем? Тем, что она может стать первой *ночью* в моей жизни?... Это пугало меня, и это притягивало, завораживало. Я начала смотреть на тебя, как на ... на... объект... смешно... своих тайных желаний. Стыд - я даже в самих своих желаниях стыдилась, не смела признаться себе, что говорить о другом.

А ты неожиданно открылся мне: когда я исчезла - тогда, после почты, после встречи на почте с тобой, - ты просто «вычислил» меня, как ты выразился: «определил мою траекторию». И поспешил туда же. Туда, куда я могла, по-твоему, пойти. И опередил, потому что почти бежал, и стоял, ждал, начал переживать, что ошибся, потому что... Тут ты посмотрел на меня так длинно - смущённо и странно.

...Конечно, я, наверное, как черепаха ползла!... Разглядывала дома, людей, улицы... Да, это был ты... А не судьба.

Кажется, я очень огорчилась тогда: так нельзя упрощать. Я сказала: не надо было об этом... Лучше бы было смолчать. И мы с тобой в первый раз в жизни в первый же день поссорились: чуть-чуть поссорились, нет, мы переталкивались, не ругались. Ты считал, что если бы умолчал, это бы был обман, а ничего - говорил ты - нельзя строить на обманах. А я считала, что лучше бы ты ничего мне не говорил, потому что (мне так хотелось) я думала: нас свела судьба. Ты начал кого-то упрекать. Вот! - упрекал ты. Вот она бы и считала, что нас свела судьба и по этой причине оценивала бы всё, и меня тоже, неадекватно! А я считала - отнюдь! Лучше было - промолчать. И не было бы никакого обмана. Неужели ты мне не доверяешь, неужели я сама не разберусь! - я забегала вперёд и заглядывала в твои глаза. Всё равно - судьба, ведь мы встретились на почте? Но ты продолжал стоять на своём, ты утверждал: случай! Мы начали стоять каждый на своём. Кажется, всё начало разъезжаться...

...Дождь! Нас спас дождь! Вдруг надвинулась туча, такая чёрная, такая страшная - грозовая! Поднялся ветер! Удивительно, но в городе было настолько чисто, что сумасшедший этот ветер не гнал тучу бумажек, как было бы в городе любом. Мы побежали, потому что ты закричал: бежим! Сейчас хлынет дождь!

Дождь полил как из ведра и загнал нас под какой-то навес. Была узенькая крыша запертого, заколоченного старинного парадного. С мемориальной доской - я позабыла, кто

там жил или бывал? В Пензе столько мемориальных досок на домах! Столько памятных мест, так и кажется, что в каждом старом доме кто-то известный жил. Тогда мы смеялись над этим, подтрунивали: не хватает только римских поэтов... А теперь меня охватывает грусть, ностальгия: я жалею, что в моём городе нет столько таких же домов.

Мы укрылись под узенькой крышей. Я дёрнула двери парадного, а ты открывал мой зонт. Нас доставало дождём. Ты сказал: поддержи, я попробую открыть. Что? Да дверь. Нам почему-то показалось, что дверь просто плотно закрыта. Тут зонт с такой силой рвануло из моих рук, что я чуть не полетела, ты едва успел меня удержать! Тогда ты встал впереди меня. Дождь хлестал на нас, ты старался прикрыть меня, я стояла за твоей спиной. Дождь, этот ливень, лил так, что впереди тебя была стена дождя. Сначала было прелестно, было здорово!... Я смотрела из-за твоей спины и почти прямо перед собой видела другую. А была отгорожена от неё тобой! Было острое наслаждение - кайф!... Я получала брызги в лицо и с наслаждением давала стекать им по лицу и закрывала глаза. А ты вообще спереди вымок до нитки. Дождь всё скашивало на нас, и ты уже прижимал меня спиной к дверям, прямо вжимал в двери, пятясь от ливневых струй. Я понимала тебя - ужасно, ужасно!... Я видела: когда зонтик закладывало на бок и струи хлестали - они били, как пощёчины, тебе прямо в лицо! - ты задыхался и глотал воздух вместе с водой. И я спряталась за твою спину, чтобы этого не видеть. Я стояла, прижатая тобой, и утыкалась носом прямо в твою мокрую рубашку.

А ведь только что, только что была жара! И тёк пот ручьём! Да мы ещё выпили вина! Мы ходили и утирались. А теперь я упиралась прямо в твою спину, и мои ощущения!... Твой запах!... Он не просто бил мне в нос - он тёк прямо в меня! Мой нос был мокрым от тебя, а потом уже от брызг дождя. И я стояла, уже думая: боже мой... стою в незнакомом городе, только приехала, прижимаюсь всем телом к незнакомому мужчине, глотаю его запах...

...Мы только что с тобой ссорились, и от этого мне было ещё неприятней. Я говорила себе: чужое тело, мокрое, чужой запах... Кошмар, ужас... Но я была вынуждена так стоять, терпеть - не могла же я оттолкнуть тебя, вытолкнуть в дождь! И потом - я не знала, как быть: ты целый день нравился мне. Я решила терпеть. Зонтик вырывало из твоих рук, я просунула свои тебе подмышки и схватилась за зонтик: вдвоём было бы легче - вдруг у тебя выдернет его, а вдвоём можно было бы удержать. И тут возникла такая минута!... Моё сознание помутилось.

...Потом, когда я стала женщиной... Я столько вспоминаю эту минуту!... Это - сумасшествие, потому что и близость, и не близость, и... финал. Иногда я кусаю губы - как мне хочется пережить такое вновь: сойти с ума, упасть от одних запахов, иллюзий, прикосновений. А ведь тогда... тогда!... Тогда, в тот момент, ещё не было сегодняшних чувств!!!... О...

...Ты и не подумал, не понял - я же видела. Ты защищался от дождя, от ливня, а я, прижатая твоей спиной, обхватывала тебя, помогая держать зонт. Я, наверное, хотела хоть как-то выразить тебе, показать тебе, как я благодарна за то, что ты закрываешь меня, а сам мокнешь. Да, я поняла вдруг, что благодарна тебе. От этого у меня возникло чувство родственности!... Да, я ещё прижималась всем телом, - да, ты ещё прижимал спиной. И этот запах - я поняла: это мой запах. Я стала вдыхать, вдыхать его - только что он был мне чужд, а уже стал нужен - я им уже наслаждалась: это был мой запах,

мой! - только более резкий, выраженный, грубый мой... Вдруг я потеряла контроль и обняла тебя. И поплыла... Всего мгновение, всего два мгновения. Три? Не было ничего, не было ничего физического, всё произошло в голове!... Дождь, моя вина от ссоры, кафе, твоя компания, восторг от неё, от тебя, встреча на почте, твоя телеграмма, твоя ладонь, указывающая на тот же мой, наш, город, моя поездка сюда, новые впечатления, солнце, неизвестность, мой зонтик, твоя спина, твой запах, мой запах, моё липкое тело, твоя мокрая одежда, и тело... Со мной ничего не было? Может, я всё-таки обвисла на тебе? Может, одну секунду? Может быть, две? Но только после этой секунды я уже не держалась с тобой за зонтик, я держалась за тебя, обнимала, обнимала искренне, оправдываясь, что только обхватываю, - всё было даже для себя неоткровенно.

...Когда я спрашиваю тебя: помнишь, когда я тебя впервые обняла, ты называешь совсем другие минуты.

...И носом, носом я уже не утыкалась: я прижималась щекой между лопаток, где впадинка, куда прижимаюсь теперь, когда сплю.

...Я стала прижиматься, а ты... Ты!... Ты замер, как... Как...

Когда я пришла в себя, когда опомнилась, когда оправдала себя, то, чтобы спрятаться, убедилась: смешно. Я залилась смехом и стала острить вслух. Я выкрикивала тебе - туда, в дождь: ты напоминаешь мне слона!... Который хочет развернуться!... Но не может!... Бойтся задавить кого-нибудь!... И поэтому - только оглядывается!

Ты начал в шутку топтать ногами, прикрикивать: вот сейчас развернусь, вот сейчас развернусь... вот сейчас покажу ей... Я испугалась того, что хочу, чтобы ты немедленно ко мне повернулся, и обхватила тебя со всей силой - нет!... Обхватила так крепко!!!... По-моему, это было откровенное признание, и меня терзал стыд: я знала, если бы ты развернулся, - если бы развернулся и увидел мои глаза, ты не удержался бы и впился в мои губы, а я бы не оторвалась от твоих... Да, если бы ты повернулся, ты бы мог делать со мной что угодно, хоть здесь, прямо на улице, - стыд, позор, позор...

Мы замолчали и так, крепко и настороженно прижавшись, достояли до конца.

Ливень перешёл в дождь, в дождик, дождик стал капать, потом - капать редко, ты обернулся, нет, ты просто повернул ко мне голову, и это был твой вопрос: пошли? Я проглотила комок, стоявший в горле, отпустила тебя, и это был мой ответ: да, идём. «Пойдём, - сказала я, - всё равно мокрые». И мы побрели с зонтиком, держась под руку за его ручку. Мы больше не разговаривали до самого дома. А о чём? И главное - зачем?

Да, если я слегка сжимала твою руку, твой подбородок поворачивался ко мне, ты спрашивал глазами: поворачиваем? Направо? Налево? И мы поворачивали и шли снова.

У самого дома - нет, ещё раньше, при виде дома, ты обнял меня за талию, а я склонила голову на твоё плечо. Сколько раз я спрашивала тебя: ты помнишь, когда произошло это? Что - переспрашиваешь ты? Когда я позволила тебе обнять себя? Ты называешь другой день. Ну как так можно... А я помню. Как ты можешь не помнить такое? А ты смеёшься, шутишь, умничаешь, отвечая: «Ты - остряя моих чувств, я же груб - вот и для этого ты мне тоже нужна».

...У самого дома я предложила: «Может, тебе обсушиться? Познакомлю с подружкой». Ты засмеялся, показал на небо, на заходящее солнце. Конечно, ведь было тепло, снова стояла жара! Но мы поднялись, постучались, позвонили. Вошли к подружке, я представила вас.

...Потом она рассказывала мне, что мы так смотрели друг на друга, так стояли возле друг друга, что она поняла, она здесь лишняя. Хотя мы, кажется, просто прощались. Но нет, я просто не знала, что делать, а ещё я испугалась, что впервые хочу остаться с мужчиной.

...Она сказала: «Пойду-ка к соседям. Сейчас начнётся фильм». И, выходя уже, проронила: «Часа полтора фильм пройдёт...» И всё - нет её. А мы - остались. В одной комнате вдвоём.

И тут всё изменилось. Я поняла, что... Тут я поняла, что всё было нам в радость! И не надо сейчас ничего дальше. Не будет ничего лучше! Нет! Не надо! Я не хочу! Я влюблена в тебя сейчас, в этот миг, и он, этот миг, и есть наша близость. Нельзя было быть ближе! Мы уже были близки! Близки так тонко, так душевно, так сердечно, как... Как я бы сказала теперь: будто прижимались голыми телами друг к другу через тонкую мокрую ткань.

...А нас грубо толкают, пихают... Друг на друга. Нас сталкивают - спихивают с таким чудом обрётённой высоты! Но зачем? Почему? Почему *это* обязательно нужно?!... Нужно, обязательно, но же не так?!

Мне стало противно. Я отошла от тебя, опустила глаза. Кажется, я закусил губу. Я так не хочу - нельзя так меня толкать. Я взглянула искоса, тайно, он стоит, кривится, поводит носом, смотрит в потолок. Я сразу вспомнила твоё отвращение на почте, я заставила себя перебороть возникающее противное чувство к тебе. Я сказала... Я спрашивала тебя об этом. Мне удивительно, мне даже странно, что ты помнишь! Ты каждый раз говоришь мне, что я сказала, как сказала бы статуя: «Ну что». Ни холодно, ни тепло, даже ни нейтрально. Точно, как заговорившая статуя: «Ну что, скульптор». Мол, собираешься со мной что-нибудь ещё делать?

Я так сказала - ну что?! Конечно же, нет! Я сказала совсем не то и не так. Я сказала: Ну что. Точка. И потом отдельно, совершенно отдельно от «ну что» был вопрос. А не так: ну что? Или - ну что...

А ты - нет, а он! - он начал выговаривать мне! Он не смотрел мне в глаза. Не потому что боялся, нет - он сердился! Ничего себе! Он сердился! Как какой-то старший, как начальник!... «Ты знаешь, - сказал он, - так было хорошо. Мне хотелось бы унести с собой эти - те минуты». Тут он вздрогнул, потому что ему показалось: я его не пойму. Но я сразу после этих его слов подняла на него глаза! Я кивнула и смотрела во все глаза. На него. Почему? Потому что я не знала, что делать, а он, видимо, знал. И я потянулась за ним. А он говорил: «Знаешь, я не виноват, что она так воспринимает меня. Знаешь, очень просто, как... - и он кивнул на комнату - Подруга... Но лучше пусть останется, как... Как есть у нас».

Ты рассказывал мне потом, что я так испуганно ответила - да-да - что ты чуть не растерялся: так чего же она на самом деле желает?!

Я перебирала что-то на столике у окна, стояла боком к нему, он сказал ещё: «Знаешь, смышлёная у тебя подруга... Не люблю». Я пристально посмотрела: чего? Он заметил и вопрос, и взгляд, и ответил: «...Не люблю *смышлёных* подруг».

Вдруг я поняла: я просто должна что-то, хоть что-нибудь сделать - да нет, не что-то, а точное что-то, иначе он уйдёт! Куда?! Как?! Всё? Я собрала все силы, весь свой совершенно растерянный ум и придумала на ходу, и построила такую длинную фразу, кото-

рую сказала тут же, сразу после его слов. Я улыбнулась ему, я собралась и улыбнулась ему так же, как, когда - это судьба? - на набережной, ничего не обещая, не притягивая, но идя навстречу, раз всё так. Я сказала, ему глядя в глаза: «Знаешь... Я в общем-то тоже».

И всё! Мы всё восстановили! Он даже улыбнулся мне - смущённо, как будто поцеловал. Я стояла далеко от него, но уверена, будь я близко, он обязательно бы меня поцеловал. Но что я говорю - нет, нет - я бы тогда не отпустила уже его...

Мы попрощались, мы договорились о встрече, ты вышел, я закрыла за тобой дверь.

Потом я пошла в душ, - помню: обливалась, мылась и иногда, как било током, иногда вздрагивала, - потом полоскала платье, потом отыскала подругу, села рядом и смотрела со всеми телевизор. Счастливая!... Тупая!... Ничего не помню - что смотрели?!... Чего все смотрели в телевизор? Я сколько ни смотрела, ничего не поняла. Потом фильм кончился, мы пошли спать... Сон, сон...

...Это было, как сон.

Мои родители уехали в отпуск, мне досталась квартира. Наверное, прошло месяца три... Да, три. А поцеловались мы с тобой первый раз через пять дней - в Тарханах.

...Господи, как ваша - нет, наша, раз там была и я - компания тогда напилась!... Хорошо, что мы вовремя сбежали. Мы, кажется, начали влюбляться, и уже пьяные были без вина. Мы выпили - тогда, на лужайке за усадьбой - по рюмочке со всеми и сбежали, и бродили одни.

...А потом!... Развозили всех по домам. Особенно один был... Как пьяная рожа. А ты говорил мне: что делать, надо тащить, не бросать же друга в беде. Ой, как мы хотали потом с тобой, когда сбагрили его, над этой «бедой»... Я думаю, даже хорошо, что так произошло: все напились. Я убедилась: тебе пьянство неинтересно.

...Но - сон, сон... Но всё случилось, как сон. Я так боялась *этого момента!*... Ведь ты у меня был *первым*.

...Когда мы пыльные, и даже грязные, вернулись утром из похода - как здорово придумал твой друг!!! Не-ет, ты у меня не заводила, ты другой, ты другой... В пятницу вечером уехать подальше, сойти на незнакомой станции - дальние страны?... Дойти до реки, переночевать на берегу... А потом утром идти, идти... Выйти к другой реке и теперь уже там ночевать, а ранним утром - на поезд и по домам, - и гитара, и костёр, и нас три пары!... Бесподобно! Невероятно! Мы вернулись уставшие, не выспавшиеся, пыльные, даже грязные... Но сердце!... Как пело сердце, настроение - всё полёт, полёт!...

...Мы вышли на вокзале: как - расставаться? Расстаться?!... Мы что - с ума сошли?! Нет и нет. Куда? Конечно, ко мне. У тебя лишь комната у родителей, а у меня целая огромная четырёхкомнатная квартира! Вау! Как я намылась в душе, как наобливалась разной: то тёплой, то прохладной водой - две ночи не спать... Пока ты мылся, я заварила чай - ты кричал мне из ванной: чай! чай!

Ванна, душ, чай, потом чай с коньяком. Потом... Кажется, ты хотел закурить, но я схватила тебя за руку и удержала - нервы? И моя рука дрожала: нервы - ой, ой... Мы странно посмотрели друг на друга. Да нет, напротив, мы посмотрели откровенно. Мы смотрели, отводили глаза, снова встречались глазами, а руки сами по себе гладили руки.

...Раньше я думала: интересно, как *это* бывает, как *это* случается?

...Мы смотрели друг на друга с нескрываемым интересом. Честно говоря, мне очень помогли поездка, душ, чай и две ложки коньяка в нём. Я была чистой, устав-

шей, чуть-чуть-чуть хмельной - от всего... Я догадывалась, что любима... И я тоже... Я закрыла глаза, открыла глаза - ау - мы уже целуемся, да?! - а я думала, это мои ощущения, просто я сейчас такая!... Мы целовались, сидели в обнимку, сидели, как-то все переплетаясь: хотелось касаться всей кожей, всеми частями тела. Мы делали простой, естественный, следующий шаг.

...Потом: «Мне показалось, или я тебе подмигнул? - удивился ты. «Как?» - удивилась я. Был какой-то подвох, - милый, неопасный, даже желанный и даже заранее любимый. «Ты мне подмигнул?» «Ну да! При чём как-то, знаешь, оч-чень откровенно. Кажется, левым глазом». «Да-а!...» - удивилась я и приняла игру. «Слушай, - ты начал озабоченно трогать глаз, - это не я, это он. Кажется, он уже не выдерживает». «Какой нахал...» - хотела сказать я, но ты поцелуем успел закрыть мне рот. Но мы же играли! Я замычала и стала вырываться: «Ду-у-у-му-у-...» Освободила губы. «...Давай-ка я его посмотрю». И стала заглядывать, сама думая, как ещё прижаться к тебе. Тут ты: «Вот: опять подмигнул!» Я: «Точно!» Но ты: «Мне показалось, или ты мне кивнула?» Я: «Тебе показалось». При этом сама киваю тебе машинально, киваю машинально... И всё: за це ло ва л...л...л.....

...И до сих пор иногда в наших случаях: «Мне показалось, или я тебе подмигнул?» И всё сваливается на глаз.

...Ты незаметно подмигнул мне левым глазом, ой, нет, правым, конечно, левый - это у тебя свято... Ой, смех... И мы вместе, мы дружно поднялись из-за стола. «Ребята! Первый час! Нам пора. Пора уже. Да и вам... Нам - что, мы в отпуске, а вам на работу утром, вставать». Мы откланялись и ушли.

Была зима. Темнела ночь, светила луна. Была уже ночь, но мы никуда не спешили. Кажется, последний разговор в гостях завёл тебя и ты всё рассказывал, рассказывал, всё говорил, говорил мне... Мы шли пустынной улицей, потом аллеей, прижимались, согревая друг друга и целуясь на безлюдной остановке, не стали ждать автобуса - а вдруг его и не будет? - снова шли, шли... Ты говорил мне о последней работе, о последней командировке, из которой недавно вернулся, о каком-то объекте. Трубы, машины, кабели... Дела.

Если бы я захотела, я могла бы всё запомнить, и повторить тебе, и участвовать в ваших разговорах, как делают другие женщины. Но я просто слушала тебя, шла с тобой - зачем требовать от меня что-то ещё. Я вообще ничего не хотела понимать, да и мне некуда было вставить слова!

...Я вообще ничего не понимала: почему этот Карачиков - гнус и скот?! Ну и что, ну и пусть он всё делает так, что всё потом развалится. Тебе-то что? Мне-то какая разница? Но ты горячился, ты чуть ли не в сердцах наваливался на меня. И ещё, и ещё раз пытался мне втолковать: так нельзя, так нельзя! Если что-то делаешь, надо делать на совесть! Или вообще лучше не делать!... «Как? Вообще?» «Да, вообще!... Всё бросить и не делать ничего. Сидеть и курить. Пить кофе. Какао с чаем...» Откуда ты взял это какао?...

Я слушала тебя и, кажется, единственное, чего я понимала: за этого мужчину я хочу выйти замуж.

Мы долго шли... Всё-таки была зима, было морозно, я старалась быть ближе к тебе и взялась под руку. А ты с какой-то необычайной благодарностью посреди своих разговоров-выговоров принял меня, мою руку в перчатке. Засунул её в свой карман, чтобы ей было теплей, чтобы она не замёрзла, и снова рассказывал, а я вспоми-

нала другое и только поддакивала - «Да-да-да, да-да-да...» Только держалась за нить разговора, а сама...

...Сама вспоминала, как недавно зашла за тобой после своей, вечером уже, на твою работу. Был конец недели, конец рабочего дня, у вас всё тянулась планёрка: потом все вышли и уже одетые, ещё стояли в фойе - директор, главный инженер, другие... О чём-то озабоченно говорили. Тебя иногда спрашивали, директор к тебе обращался, ты отвечал - да, нет - и всё, ты не выпячивал себя, своё мнение, как тот, который встал впереди тебя. Я смотрела со стороны, думала: интересно, а кем он потом будет? Кем ты потом будешь? Я вижу, как ты работаешь, чувствую, как ты относишься к делу, к работе, вообще труду: я знаю, ты не останешься рядовым - без тебя не обойтись. Директором? Нет, я почему-то решила, что нет, я решила: главный инженер. Ты не любишь, милый, руководить, машины, оборудование - вот твоё, вот что тебя привлекает.

...Мы подошли к моему дому, так странно: в кухне - мы отыскали окно - горел свет. «Тревожатся». «Да, ждут». «Да уж, не спят». Мы поднялись, и мама открыла. Так посмотрела на нас... Наверное, как та моя пензенская подруга. И решилась - она махнула рукой, мол, входите и хотела улизнуть. «...Запереть не забудьте дверь». Но мы засмеялись и расстались - нам не нужны через стенку родители. Конечно! Да и в квартире бедлам, разгром: грандиозный папин ремонт. Нет, какие всё-таки самые лучшие на свете у меня родители!... Папа всё хочет разменять квартиру, чтобы и мне выделить отдельную, а не снимать.

...Ах уж это снимать... Как ты здорово отбрил тогда ту продавщицу!

Мы ходили с тобой выбирать мне туфли - твой подарок на мой день рождения - и зашли в отдел нижнего белья. Я зацепилась за что-то, начала спрашивать, смотреть, перебирать, ты отошёл в сторону. А эта тётка - ну как ещё её назвать!... - приклеилась своей... к стулу, лень встать... Щёки шире плеч... Наконец соизволила, суёт мне какую-то ерунду, прямо злит! Я оглянулась на тебя: ты где, ты здесь? Ты смотришь так удивлённо! Кажется, отрицательно. Я держу в руках ажурные трусики, случайно взглянула на неё, она зырится - нет другого слова - на тебя. Я посмотрела на тебя, ты показываешь взглядом: не-а, во-он те. А в глазах какие-то лучики смеха... Я посмотрела на то, что ты показываешь, пожалала плечами. Ты подошёл. Я знаю, ты не стал бы, но тут - тебя что-то задело, ты решил поучить эту... торговать. И началось. То покажите... Так... Нет - теперь вот то... Как будто не женские трусики перед тобой, а люстры, или обои, или напильники перебирают... Снова - нет, не подходит. А теперь покажите вот это... Продавщица чуть зубами уже не зацёлкала. «...Мужчина! В конце концов, это для Вас или для Вашей дамы! Кто из вас будет надевать? Вы что ли?» Ты ей - и так спокойно! - «Надевать, безусловно, - тут твоя фирменная пауза - она. Но я хотел бы, чтобы она надевала то, что мне приятней снимать». И просто поставил точку. Я просто прыснула. И девчонки, те, что подошли и рядом стояли, тоже покатались со смеху. А после с завистью - ты этого не видел - посмотрели на меня. А продавщица от злости чуть не лопнула. Я слышала, как она прошипела нам вслед: «Шут... Какой нахал... И откуда такие берутся...»

...Ты знаешь, я бы ответила бы ей, если б знала сама. Иногда я спрашиваю себя об этом. Иногда я спрашиваю тебя!

...Одни мне говорят: тебе повезло. Другие - что ты в нём находишь, что ты в нём нашла?!... Они говорят: ему скоро тридцать, а ни квартиры своей, ни машины, ни магазина, ни заваливающей фирмы?!... Они говорят: у тебя постоянно нет денег. Это неправда, мы не отказываем себе ни в чём - ну, бывает, нет денег, что из того?! «Дамская фи-трагедия», как шутит мой отец.

...Ты отвечаешь мне: «Не переживай, всё у нас будет, я же работаю», - когда я исподволь заговариваю об этом с тобой. Я тебе верю. Нет, нет, не так: я верю в тебя. Я чувствую в тебе мужчину.

...А ты говоришь мне, что мужчиной делаю тебя я.

Странно, но ты и так мужчина. Мне кажется, ты всегда был им. А ты возражаешь и смеёшься: нет, я без тебя только видимость мужчины, только половина. Мне лестно, я соглашаюсь, потому что без тебя я тоже - так, не женщина... что-то... Зачем без тебя я?

Когда мы разговариваем обо всём этом, когда ты объясняешь мне свои взгляды на жизнь - на семью, работу, на женщин и мужчин, - я соглашаюсь, твои принципы устраивают меня. Как стена, они ограждают меня от всех иных, которые не люблю.

Когда я начинаю в них путаться, - их слишком много у тебя, я не всегда понимаю, почему надо обо всём думать, почему надо жить умом, когда всё могут подсказать ощущения и ещё - чувства, - я стараюсь представить и представляю себе спину, застилающую меня от внезапных молний, от проливного дождя, представляю твой запах, просто твой запах и проверяю себя на желание: хочу ли вместе с тобой держать свой зонт, хочу ли, могу ли уткнуться носом между лопаток, прижаться щекой... Хочу ли я ощущать тебя вместе с другими ощущениями своей жизни? И, если мои руки сами стремятся помочь твоим рукам, если мои руки... А потом сами обнимают тебя, я говорю себе «да», любимый.

III.

...Когда он приходил и она была с ним, и он с ней, и она видела, убеждалась в них двоих - и это длилось, - а наступал их вечер, она со всей страстью тянулась, и отдавалась ему так же, как он ей, в стремлении, надежде слиться, соединиться теперь до конца (ибо только такой, ибо именно такой ОН и был ЕЙ, необходимой ЕМУ, нужен) то, засыпая потом за его спиной или на его плече, уже не мутя, не поэтизируя, не контролируя и совершенно раскрывая себя, она шептала: «...милый!... милый!...»

Рождение

Не грусти, не печалься,
О, моя вера, -
Есть ещё на Земле
У тебя сыновья.

Булат Окуджава

«Эта история - реальный и переданный в точности сон одного моего пациента, моего друга.

Когда он поделился им со своими родными, те посмотрели странно. (Не ешь на ночь, не будет сниться всякое... Ерунда. А он-то, он, мол, это очень серьёзно!... Да что ты... А как?!)

Когда он рассказывал, как было, монаху Оптиной Пустыни, - случайная встреча и часы, совместно проведённые в Москве, - тот смотрел зачарованно, слушал благоговейно. После сказал, плеская радостью: «Господь, видно, ведёт тебя». (Из глупости он спросил: «Что?»)»

Когда сон узнал я, подумал...

...Впрочем, моё дело писать».

...И снится мне: мы, я и мой отец, всю жизнь идя, оказались на горней тропе. С чего вдруг?

Мне кажется, мы проделали длинный путь. Теперь - в каком-то огромном здании. Перед нами коридор. Нам путь по нему.

Коридор в своём начале широк. Он пуст, не освещён. Источника света нет, но нет и мрака. Будто сумерки. И в этих сумерках всё, что кругом нас, нам видно.

Вдруг понимаю: что-то здесь не так. Внутренностью своей, сущностью - чем-то - понимаю. Не сознанием, не умом. Здесь всё понимается не умом.

Понимаю: гиблое это место. Но почему? Почему?! Не знаю. Определяю его для себя откуда-то взявшимся во мне старым словом: нечистое.

Стоим. Осматриваемся. Соображаем. Мы не знаем, откуда пришли, не знаем, куда теперь идти. Не понимаем вообще, где мы. И где это место.

Коридор, при входе, где стоим сейчас, широк. Сужается вдаль. В стороны - множество ответвлений - боковых коридоров, множество дверей.

Неожиданно, в примыкающем к главному боковому коридоре, возникает и сразу начинает надвигаться на нас призрак. Нас охватывает ужас! Цепенеем...

(Призраки бывают разные. Мы знаем даже о Каспере и его друзьях - эти милы. Надвигающийся явно не из тех. И не сулит ничего: не сулит жизни.) Он не летит - он словно набухает! Бесшумно увеличивается в размерах! Беззвучно надвигается на нас! Вот сейчас схватит!...

Схватит и вытрясет. Что?! Что!!!... Отчего я так трясусь его?!!! ...Душу.

Оказаться в его власти, в его объятиях-руках ужасно. Оказаться - невысказано! Отчётливо сознаю почему-то, что при этом точно останусь жив. Но это буду уже и я, и не я. ...Н-н-не-ет!!! (Крик в душе.) Нет! Ни за что!... Я сопротивляюсь тому!

Но что, что делать мне?! (Всё это - в мгновенья.) Я пропал, понимаю я.

Но одновременно изнутри толкается что-то.

Но что-то - что?! - с детства, от рождения в каждом из нас живёт.

И я, как каждый - верующий и неверующий, крещёный и некрещёный - в такой ситуации начинаю (безотчётно) творить одно: креститься.

Начинаю креститься (А все соображения приходят только потом!) и радуюсь! - радуюсь! Да, конечно, конечно! - надо же креститься! О! В этом спасение! В этом! И продолжаю: крещусь.

Перекрещиваю себя - призрак идёт. В отчаянье перекрещиваю его. Пропадает. ...Пропадает и мгновенно из дальнего конца (оттуда же сбоку, возникает) и набухает опять. И всё повторяется снова: крещусь сам, открещиваюсь от него.

Но уже - нет мне: призрак продолжает беспрепятственно надвигаться.

Перекрещиваю себя с большим усердием. Перекрещиваю его. Ну же, ну!!!... Не помогает. Крещусь. Не помогает. Крещу. Не помогает. Крещусь!!!!...

Не рассуждаю ни о чём, только крещусь: крещусь сам, перекрещиваю его.

Не- по-мо-га-ет... Почему уже?! Догадываюсь: я не знаю, как правильно кладётся крест. То ли справа налево, то ли слева направо. Наверное, в этом всё дело.

Но, боже мой!... В Бога я ни верю, ни не верю, (вряд ли он есть) а вот призраки нечистые так почему-то бывают... Какая нелепица, какая несправедливость. Так быть не может! Неправильно устроен мир!

Кто же защитит нас!?!...

...Но значит и Бог есть! Значит, он поймёт!... Главное, я крещусь. Я использую его символы! А как - есть ли разница?! *Главное - я обращаюсь к нему. А как - разве это важно!* Это не должно быть важно. Разве он может допустить, чтобы мы пропали! Зачем Ему ещё пропащие души!

Перекрещиваюсь снова и снова. О боже, не помогает.

Оборачиваюсь к отцу, спрашиваю у него: «Я правильно крещусь?» А он растерян совершенно, он отвечает: «Не знаю... меня... этому не учили».

Тогда поворачиваюсь лицом к опасности и *попросту усердно, не думая, не размышляя ни о чём, крещусь.*

Призрак пропадает, чуть-чуть-чуть не успев долететь и пожрать нас.

...И возникает опять. Ясно понимаю: это - ничто, наш крах.

И в отчаянии, -

Мысленно, и сердечно,

Собравшись в одно существо, и произвольно,

Чем-то - чем, мне неведомо,

ОБРАЩАЮСЬ:

...Спаси!

Этим своим отчаянным «спаси!» словно *в себе пробиваю брешь*. Разрушается неверие, преобразуется моё существо. Оно слушается душу.

Призрак пропадает. Мы живы, не тронуты. Переводим дух.

А коридор вдруг становится полон людей.

...А наша тропа, наш путь становятся полны людей.

Или - кого-то в образе людей, потому что мы чувствуем: что-то здесь не так. Что-то в глазах, что ли, иное у этих «людей».

Мы среди них, мы в их власти. Они указывают нам, что делать, куда идти: как жить. Исполняем. Стараемся никого не касаться, ничего не трогать. Отчего? Мы уже не понимаем: что здесь и кто. Кто - люди, а кто - ...и это только догадка, - моя! - меня, *с ума сведшего человека*, - догадка на острие чувств! - ...здесь бесы. На вид - все одинаковы. У всех - человеческое обличье. Да, на вид все одинаковы, пока сущность не выпрет наружу. Вид у всех человеческий, что внутри?

...Кого-то проводят мимо нас по Коридору, кого-то заводят в боковые Ответвления, в боковые Комнаты. Оттуда больше не возвращаются.

Нас заставляют что-то делать. (Что-то ремонтировать, раз мы столяры и плотники.) Дают пилу, молоток, гвозди. Наша задача обычная, земная: то ли доска отвалилась, то ли дверную ручку надо прибить, что точно - не помню. Это не важно.

Важно, что я (ощущая себя) - как один наблюдающий всё глаз, он - всё тело.

...Важно,

Что неведомо откуда,

Из каких-то во мне глубин, как с небес,

Возникает у меня невероятное!

Мысль? Разумение?

Движение сердца?

Идея?

Ничего не знаю. Ничего не хочу *знать*.

Она не есть что-то разумное, сознанное, логическое, - плод ума, его размышлений, - нет! Она - рождение сердца, души, она - *их идея*!

И даже про себя я не формулирую, не проговариваю её. Отчего? Боюсь. Боюсь нарушить! Боюсь нарушить её своим умом.

(Мой ум... Он настолько силён, что способен завести меня в любые дебри! Перестая пользоваться им, боюсь.)

И ещё одного боюсь: как бы те, кто вокруг нас, не догадались. Сейчас они не обращают внимания на меня, даже (вот вопрос?!) доверяют мне.

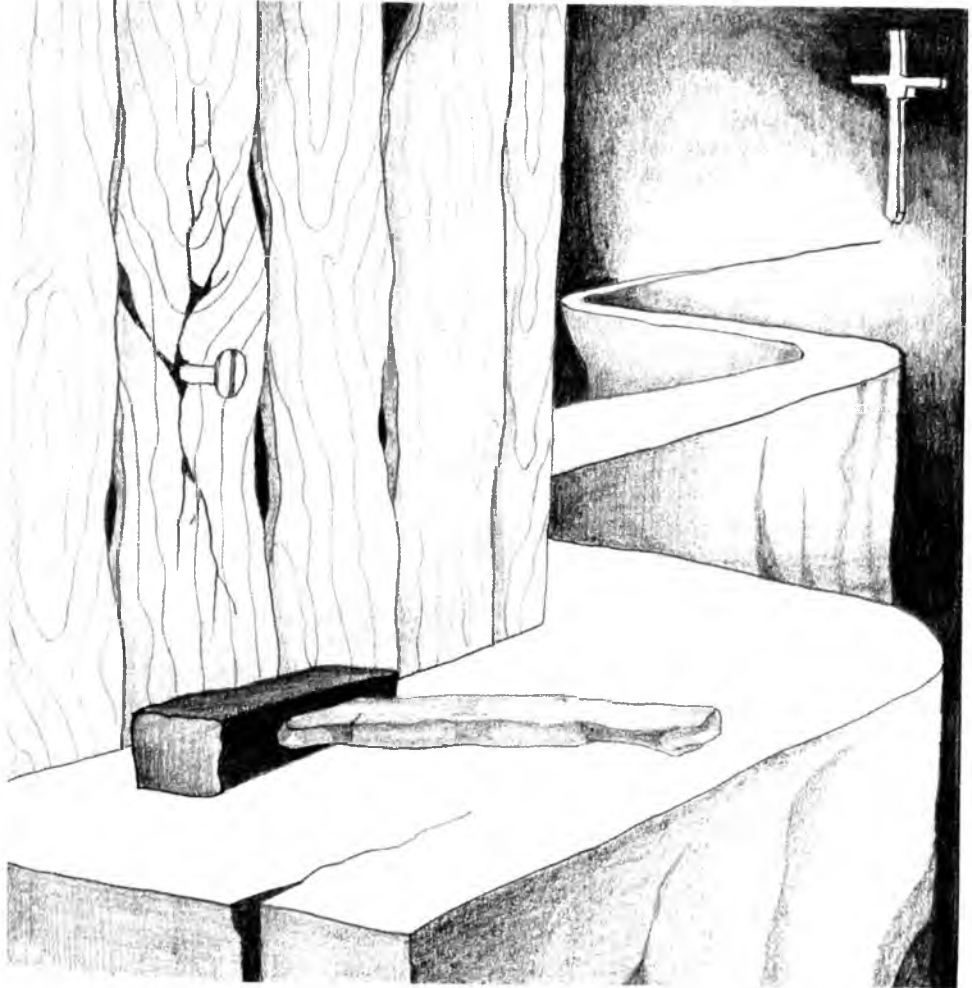
Мне скверно. Но почему бы и нет?! Я такой же! Я такой же, как они, как все здесь, - я от них.

И я неверующий. А вот если!...

Я начинаю неосознанно, действую по наитию! Но убеждён: наверняка.

От наших с отцом работ остался молоток. (Грубый, неудобный, ручка шершава.) Осталось несколько рассыпанных по полу гвоздей.

Сковав свои чувства (нельзя выдать ничего! Нельзя выдать себя ничем) - начинаю. Вот одна моя рука подобрала молоток, вот другая (странно, я взираю на себя как со стороны?!) подняла несколько гвоздей, вот я выбираю гвоздь - и место, куда его вбить. (Отец с недоумением глядит на меня... Ах, если бы только он догадался, ах, если бы только понял моё намерение он прикрыл бы меня! Ведь я - как кажется

мне - ясен, я как на ладони. Но отец не понимает - он другой. Я же не могу подать ему никакой знак. И отец ничем мне не может помочь. Мы вдвоём, и я - один. Странно: я как бы обороняю нас обоих.) Просматриваю гвозди. Всё или маленькие, и по размеру несоответствующие моему делу, или большие, да уж совершенно кривые, а кривого гвоздя не вбить. Обращаю внимание на средний один. Колеблюсь, ведь мне для моего дела (думается именно так) нужен большой, очень большой, очень крепкий гвоздь. Что - малые... Огромно замысленное дело!

Неожиданно у меня забирают все гвозди. Успеваю утаить между пальцами один, меньший среднего. С огорчением ощупываю его, тайно осматриваю его. Мне не остаётся ничего иного, как воспользоваться им.

(Некогда уже, уже начинаю привлекать внимание. Думаю: почему? Ах да, ах вот что: в моих глазах начинает светиться, отражаться то, что зачато внутри. Это зачатое вливается в сознание, проникает в ум, доходит до глаз. Смотрю в стороны, в стену, в пол - они свои, они чистые. Не поднимаю глаз. Зажимаю чувствами в теле душу.)

С единственным (но с муками: а вдруг он согнётся? что мне тогда делать, я погиб! а вдруг не успею! а вдруг перехватят и не дадут! погибну! ну и пусть! я не останусь здесь, среди этих более) - коротким тонким гвоздиком направляюсь к стене. Направляюсь к тому месту, где мне приказано было ранее что-то прибить, вбить. Я уверен: творить с верой всё равно где, место не важно.

И,

Собирая в едино

Всю свою мизерную

Новородившуюся, жалкую неверующего веру,

Не думая, НИ НА КОГО не рассчитывая,

НИ НА ЧТО не рассчитывая,

Не мысля, и не рассуждая,

обращаюсь.

Нет - вопию!

Потому что не обращаюсь мыслию - ТВОРЮ ВЕРОЙ !

В переводе на язык разума, на язык человеческий *это* звучало бы так:

«Господи!

Пусть все и вся,

что здесь, вокруг меня от дьявола,

сгинет! Вобьётся, уйдёт с моими ударами по гвоздю.

Исчезнет, не-до-тро-нётся до меня.

Я не хочу быть с ними, я не их!

Дай столько, дай таких сил.

Направь. Благослови!»

С тем наставляю гвоздь и начинаю вбивать. Не ощущаю при этом ничего нового, ничего необыкновенного.

За исключением невероятной уверенности где-то внутри.

Не пришло ниоткуда, ничьей поддержки (о чём я молил вначале), всё новое только внутри самого себя.

Но это новое - чувство? - оказалось *так велико*, что с первым моим ударом всё переменило! Сразу. Вмиг.

Вдруг в этом коридоре всё закружилось гигантской неуправляемой воронкой!

С усилием творю ещё один удар! Ещё удар! И ещё! И отхожу.

Боже... ж, что случилось! Как изменилось кругом. *Что, оказывается, вытворяется всегда вокруг нас.*

...Что делается вокруг нас!... Стоим, прижавшись с отцом друг к другу спинами, испытываем брезгливость, страх.

Круговорот, сужаясь воронкой к шляпке гвоздя, втягивает в себя всех, кто до селе окружал нас. Здесь не было людей, всё бесы. Дрожа, мы замерли, наблюдаем. Размахивающие руки, пинающиеся ноги, корчащиеся тела, - вопли, хвосты. Откуда! Откуда всё?!...

Всё кружится, сминается, стирается в вороночном водовороте! Шляпка вбитого мною гвоздика - огромная тяжёлая дверь на тугой пружине: приоткрывается, прихлопывает, вгоняет в стену входящих, не даёт им вернуться, нас взять.

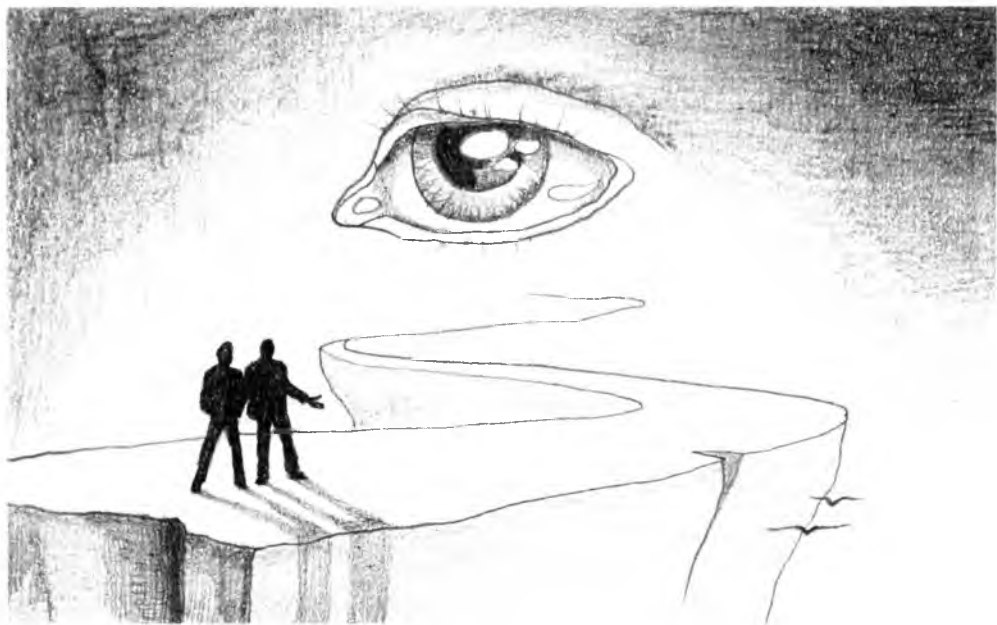
...Наконец, стихло. Остаёмся одни. Коридор наш, наш горный путь, чист, пуст. Впереди светлеет.

Влияние **Его**, **Его** присутствие неощутимо, всеобъемлюще.

Нам спокойно, мирно, тепло.

Мы знаем, куда идти,

И уходим.

*Константину Георгиевичу Паустовскому,
моему первому сказочнику,*

посвящается

ХЛЕБ

маленькая повесть - резонанс
его настоящих человеческих сказок

«Хлеб - творят» -

говорили за рекой,
через которую не было пути.

Митя был маленьким и всё наблюдал.

Папа. Был. Строителем! Он строил дороги и мосты.

Папа считал: мужчина должен строить, создавать! Творить! Он - творец!
И должен после себя обязательно что-то оставить! Что? Конечно - что-то
большое, нужное! Что служит всем - Делу! Применяется в жизни, помогает,
используется! Может быть измерено! (Тоннами, километрами...) Надёжно и
долговечно.

(«Вот Папа».)

«...Митя, смотри. Что мы видим? Точно, правильно: дальше дороги нет. Держись крепче - тут колеи.

...А теперь? Теперь мы видим обрыв!... А дальше - река!...

А на том берегу, Митя, тоже люди живут. И как им быть?... Им нужно ездить, ходить! Они сорок километров едут в объезд, Митя! Представь себе только - сорок!...

Поэтому - мы сделаем здесь мост!

Это будет большой мост! И очень сложный мост.

Смотри. Видишь, столбы из реки торчат? Это сваи. Через два года я снова тебя возьму сюда - ты уже будешь уверенно ходить - и проведу тебя по новому мосту.

Держись крепче, сын, машина разворачивается... Держись, держись тут одни ухабы, да колеи...

...Ты, Митя, когда вырастешь, тоже будешь строить мосты.

...А может, у тебя будут - свои «мосты»!...»

Тут Папа замолкает. Тут...

(«Папа задумывается и только улыбается».)

Мама была!... Ой, - Мама была мамой, и уже больше никем не хотела быть.

Она никогда не задумывалась!

Мама не задумывалась над тем - Что должна после себя оставить. И её совсем не интересовали её перевоплощения в километры, тонны, гектары или рубли. Она любила Сегодняшнее. Она желала строить - что признавал Папа - один сегодняшний день, собирая его, как гирлянду, букет из счастливых минуток.

(«Вот Мама».)

«...Митя, Митя - опускай сюда ручки, да-да, сюда-сюда: в раковину. Знаешь, как моют посуду?»

(«Ой, как Мама серьёзна».)

«А-а-а!... Не знаешь?!... Да ты что шутишь?!»

(«Ой, как Мама смеётся».)

А ещё льётся по рукам тёплая вода. Приятно всё.)

«...Ладно, Митя, так и быть, я тебя научу. Ты должен это уметь и знать. Ты должен всё уметь и всё знать! Как Папа.

...А ещё, Митя, - ты должен вот что знать: я ещё буду мамой. Чтобы у тебя обязательно были братишка и сестрёнка. И ты за ними ухаживал.

Что ты так на меня смотришь?!... Ты совсем как Папа: такой умный и наивный.

...А потом - а потом, а потом Митя!...

(«Мама смотрит в потолок... («Любит «Мечтать», сказал Папа».)

...А потом я буду бабушкой.

Ах, какой я буду бабушкой, Митя-а!... Чудо! Ты бы знал! Бабушка - мечта.

Почему? Потому что!... Потому что я буду такой, такой!... Такой же, какая была у меня. Но нет, - раз я знаю, какая была у меня, значит, я буду ещё лучше. И ты тоже поступай так!

...Я буду такая - добрая-а... Мягкая-а... Но - очень строгая.

(«Мама опять смеётся».)

Но мудрая... И ласковая.

...При-ветливая-а!... С пирогами!... Чаями!...»

Мама прижимает к себе Митю.

(Мокрые руки. Горячая щека.)

Мама гладит, обнимает, целует.

(«Снова Мама смеётся. Нет, теперь Мама хохочет».)

«...Я вам буду печь пироги, а вы мне, а вы мне... А вы мне - внуков. Смотри, Митя - чтобы у меня обязательно были внуки!... Но это потом. А сейчас!!!...»

Мама считала - чувства, ощущения, эмоции - ничего не исчезает! Ничего не исчезает, всё остаётся!... Всё остаётся, накапливается в доме - там, где живёшь - наполняет дом! Над этим надо трудиться, работать, - над счастьем нужно трудиться также ежедневно, также упорно, как...

Она поясняла Папе: «...Над очередным мостом. Счастье - это ведь тоже дорога! И тоже мост». «Да-да, - в будущее» - пояснял Папа.

«И ты, Митя, тоже наше счастье, и тоже наш мост - наша дорожка в будущее» - сообщали они Мите.

~

Ещё была Квартира. В которой Все жили. Так называл Квартиру Папа.

А Все - это Папа, Мама и Митя. Или Митя и Папа. Или Митя и Мама.

(А Всё - то, что Все могли видеть, слышать, и осязать. И понимать. Всё явное и неявное, проявленное и не. Так считал Папа. И чувствовать своим естеством - душой. Так предполагали между собой Папа и Мама. Но это, последнее, доступно только Большим, - замечал Папа. - Так что нам нужно: трудиться и мечтать. И устраивать свою жизнь. И свой дом.)

Мама называла Квартиру: Наш Дом. Или просто: Дом. Домом занималась Мама.

~

Ещё была Дача! Дача была высокой Травой, по которой можно долго ползти или шагать. Конечно, если тебя крепко держат за руку.

Папа огородил Траву Забором и сказал Всем: «Здесь мы построим домик. Или дом. Посмотрим. Это будет у нас Дом - дача».

А Мама сказала: «Значит, здесь тоже будет наш дом - другой наш дом».

Ага, - значит, будет ещё На Траве Дом. Или Дача-Дом. Или - Другой наш Дом.

(«Да, посмотрим».)

~

А ещё был - Хитрый Дед.

Хитрый Дед иногда проходил с палкой и ведром за Забором.

Когда Хитрый Дед замечал одного Митю, всегда махал рукой и кричал. И вот что он кричал: «Ну что, карапуз, сидишь - побежали! Кто - кого? Ай?...» Или: «Ну что - растёшь? Расти, расти. Вырастешь, научу глину месить да кирпичи класть. Оно и будет около дела. Хочешь?...»

А когда Хитрый Дед видел Всех вместе, то останавливался и громко ворчал. И вот что ворчал дед: «Ну, ребята... Чтой-то вы медленно строитесь... Давайте шустрей! А то, вот, Творец заберёт меня на небеса, и не успею вам печку скласть. А какой дом без печки?!... А как хлеб в ём творить?! А пироги печь?!...»

Впрочем, «хитрым» назвал деда Прохожий. (А, - ещё был Прохожий.)

Прохожий всегда проходил мимо. И говорил Всем: «Вы смотрите, того... Держите с ним ухо востро. Это - хитрый дед! Из Всего может корысть извлечь... Он из Всего норовит корысть извлечь! Он меня обманул!... А как - сам не знаю!... И вы того, - не допустите...»

Митя смотрел на Всё, как один большой Глаз! Так говорил Папа. А ещё, Митя был - так говорила Мама - как губка: он Всё вбирал.

В Доме за ужином постоянно происходили Разговоры.

-...Этот новый мост через Чернаву...

(«Это Папа, он решает Всё».)

- А что такое Чернава?

(«Это Мама. Она помогает Папе решать Всё».)

- Это такой ручей. Но разольётся - река!... Так вот, этот мостик - мост, как всегда, нужен всем, как хлеб. Срочно! Прямо сегодня! Да, конечно, я понимаю. Я тоже - я, как и все понимаю: он нужен уже сегодня! Да нет - он нужен уже вчера!...

- Ра?! - над своей тарелкой удивляется Митя.

- Да, вчера, - точно понимает Папа. - Или ты - о солнце? О Ра? Да, он нужен не меньше, чем Ра, чем солнце. И нужен ещё вчера. Так выражаются взрослые.

...Так вот, это факт. Но я не понимаю людей, которые в данном случае мыслят одним днём. Я считаю, совершенно необходимо сразу рассчитывать его на две полосы! А не делать в один проезд, как узкоколейку!

(«Ничего не понять. Но Мама внимательно слушает».)

-...И надо обязательно камнем просыпать береговые сходы. Иначе через год полотно провалится, через три - будем расширять мост, а через пять вообще всё ломать и делать заново.

- Во... - («Ложка во рту. Поэтому...») - Во... - вырывается и у Мити.

- И я о том же... Вот-вот, - важно подтверждает Папа. - Подумать страшно: какие затраты!!!!... Сколько денег на ветер!... Сколько лишней работы, сколько лишних денег... Кстати! А как у Нас с деньгами.

(«Это тоже Разговор».)

Мама!...

(«Как Хитрый дед».)

Начинает много и весело обо всём говорить. Папа прекращает есть, потому что начинает внимательно - и ещё: с любопытством - смотреть на Маму. Отчего Мама всё лучше «прячет глаза». А потом - перестаёт есть. Она откладывает ложку и вытирает губы. И ещё: вздыхает. Тогда на папином лице появляется Выражение: «...Как нет?!...» Мама разводит руками.

...Иногда Мите думалось, что Папа когда-нибудь рассердится!...

И ударит кулаком по столу. И громко скажет Всем: «Чтоб я больше такого не слышал!... Выражаюсь понятно?...» Как это делал Папин Дед, когда приезжал сердиться на Папу. Или Все вскочат и, опрокинув тарелки, будут кричать. Как это вышло в Соседнем Доме, куда Митю привели на праздничный обед.

Но Папа не делал этого никогда.

Папа начинал ждать. Мама вначале низко наклонялась и хитро глядела в свою тарелку. Затем Мама начинала улыбаться своей тарелке, - улыбаться, улыбаться, - поднималась, и, приговаривая - «Вы ешьте, ешьте...» - уходила в соседнюю комнату. И очень спешила. Оттуда она выносила коробку, пакет или свёрток. «Вы посмотрите, какое чудо!...» - обычно с восторгом (Да! Ещё было Чудо! Ах, нет - ещё был Восторг! А потом - Чудо.) Всем объявляла Мама.

Чудом по очереди перебывали: картина, подсвечники, гроздь винограда (которую не съесть, она висит теперь на стене, потому что виноград - «Это наша фамилия, Митя»), цветы в горшочках, толстые книги. Не упомянуть всего... А иногда Чудо само приезжало (из Маминых Восторгов к Маме) на маленьком грузовике. Тогда Папа с Мамой вдвоём вносили Его в Дом. Самым последним Чудом явилось кресло. Кресло качалось. «Спасибо!... - Тогда расстроганно сказал Папа Маме. - Вот это да... Вещь!...»

~

Дом наполнялся Вещами.

И от этого тоже происходили Разговоры.

-...Расскажи, чем же знаменит этот художник?...

(«Это Папа».)

Папа обращается к Маме. А Митя сидит на папиных коленях, потому что сам Папа удобно устроился в Чуде-Качалке-Кресле. Папа покачивается в кресле, а сам рассматривает очередную Мамину Вещь.

-...Я ничего не слышал о нём.

-Ты что!...

(«Это Мама. Мама умеет «воскликать!»)

- Зачем о нём слышать?!... Я как только увидела его картины, сразу поняла: это

солнечный человек! Его полотно осветит наш Дом! Даже ночью! Даже в хмурый осенний дождь, когда везде-везде-везде слякоть и так хочется солнца!...

- ...Даже при задёрнутых шторах...

- Да! Хочешь, задёрну шторы?...

- Конечно!...

Конечно, я понимаю, - это гипербола, но давай попробуем! Ужасно интересно.

(«И Папа не шутит».)

- Задёргиваю... Вот видишь!...

(«Кажется, Мама «торжествует». (Это Папино...))»)

- Стало темно. Я ничего не вижу!

(«Зря Папа не постарался: кое-что можно рассмотреть».)

В другой раз:

- ...Как ты не понимаешь: я не собираюсь гоняться за известностями!

(«Это Мама».)

- Этот мастер - я сразу поняла: он очень светлый человек! В его подсвечниках не обязательно зажигать свечи... Вот почему, ответь...

(«Это Мама. Папе».)

- Что?

- Почему ты всё время сидишь с книгой в этом кресле? Почему?

- Ну - не всё время...

- Нет, но всё-таки.

- М-м... Мне как-то хорошо в нём... Настроение!... Хорошо читается... Как-то даже лучше думается...

- Вот!

(«Это Мама. У неё снова «победа чувств над разумом». Она торжествует».)

- ...Я так и знала!

- Что же ты знала?

- Ты бы видел этого мастера!... Ты должен обязательно побывать у него и увидеть его. Это мудрец! Он не работает, он строит! Создаёт! Он - творит!

- Да? Но всё-таки, он строгаёт и пилит? То есть, мастерит.

- Да.

(«Мама соглашается. Но... У Мама есть «но» Сейчас...»)

- Но - все мастерят, а он - творит!... Подтверди, Митя, мы же у него с тобой были.

Дом наполнялся Чудо - Вещами. Митя сидел на них, ходил между ними, - брал, трогал, ползал, играл, смотрел, касался, спал. Слушал Разговоры.

Митя Наполнялся.

Но Дом наполнялся не только Вещами. Иногда Дом наполнялся Людьми: Папа и Мама любили Людей.

И снова, после вечернего чая втроём, происходили Разговоры.
(Митя внимал.)

-...Дивный вечер - ах, дивный вечер!...

(Это Папа. Он ходит по комнате. Он закинул руки за голову и блаженно улыбается. Митя тоже умеет так!)

-...Но только жаль, - жаль, жаль: как жаль... Как мы могли забыть пригласить Колю и Люсю?!...

(Папа разводит руками и всё ходит по комнате. Мама разбирает Мите постель в Чуде. Сейчас это будет - кровать. Митя готовится спать.)

-...Я был уверен: ты и им позвонила. Я был совершенно уверен!... Конечно, вышел экспромт - и это здорово!... ..Это здорово, когда есть такие друзья, - когда можно вот так с друзьями: мгновенно, быстро!... Возникло настроение - позвонили одним, вторым, третьим - взяли и собрались!

...Но как мы забыли?!... Я ничем не могу объяснить!

- А и не надо объяснять.

(Это Мама. Она сейчас перед Митей.)

- Мы не забыли, это я не позвонила.

- И ты забыла... Как жаль.

(«Ага... Папа Маму ещё не понял».)

-...Нет: я просто не-поз-во-ни-ла. Их обычное кислое состояние всегда отравляет атмосферу. Сейчас они опять в плохом настроении: у них почти горе.

-Ну и что?!...

(Это Папа.)

-...У людей проблемы, мы должны их поддержать!... Мы должны помогать.

- Давай помогать.

(«Ага, Мама, кажется, соглашается. А вот пуговица почему-то не соглашается с Мамой».)

- Но у них всегда Проблемы. У них из всего!... Проблема. И - я бы тебя просила.

(Мама целует Митю, Мама укрывает Митю Чудо-одеялом.)

- В наш Дом их пока не приглашать.

- Ого!!!...

(Это Папа.)

...Иногда Мите казалось, сейчас произойдёт взрыв! Папа взорвётся!...

И Все начнут кричать! А кто-то - кричать и плакать, как это было на Даче, соседней с Маминой дедушкиной. Митя видел. Или Папа скажет: «Оставь своё мнение при себе». Как рекомендовал Мамин Дед Своей Маминой Бабушке. Когда та долго с ним не соглашалась. Тогда происходила Картина: Бабушка застывала. (Мама говорила: «каменела») И очень похожая на статую в парке удалялась. А две её кошки, которые всегда любили тереться о Митины ноги и пролезать под Митины руки, изгибаясь от усов до кончика хвоста, тоже «удалялись». Вместе с ней. Хотя Дед громко кыскал их. То есть: призывал. Он приказывал, звал! Но они всё равно бежали за Бабушкой. Которая их любила. «Нет мне с ним счастья...» - уходя жаловалась Бабушка Всем. (И Мите?) Но она так не жаловалась: она «хлопала дверью». «Да... - ворчал тогда вслед Бабушке Дед. И как Папин начальник - смотрел сквозь Митю. - Нету...» И делал губами так, как делает мыльный пузырь. Когда лопаётся. Или как это делают огромными своими губами лошади в парке. «П-п-р-пу... Нету!... Митька прят...»

Но в Доме ничего похожего не происходило. Никто не «каменел» и не «удалялся». Даже наоборот. Папа и Мама обычно встречались в центре комнаты. Их фигурные тени, нарисованные на стене, напоминали Мите два растущих рядом дерева, которые всё время мягко поглаживают друг друга.

-...Почему?

(Говорило одно дерево другому.)

- Ты должна мне объяснить. И им.

- Нет, - *отвечало другое.* - *Только тебе.*

- Рассказывай...

- ...И вот почему. Это всегда несчастные люди. Это просто: несчастливые люди!...

- Так, так...

- *У них всегда - ты заметь! Ты заметил?...*

(При этих словах одно дерево, меньшего роста, начинало постукивать своими ветвями о ветви другого.)

-...У них всегда несчастья и проблемы. Заметь это!...За те пять лет, которые мы их знаем, то - бронхит, то менингит... То машину разбили, то машину украли... То обои отвалились, то сверху протекло, то снизу закапало.

- Ты утрируешь.

(Второе дерево, кажется, обвиняет первое.)

- Но, как говорится, тенденция налицо. Я заметил.

- Мне не до тенденций - они опасны.

- Даже так?!... Откуда ты знаешь?!...

- *Я?!... Чувствую.*

(Большее дерево отступает и некоторое время молча двигается по комнате. Тёмный лес. И меньшее дерево молчит.)

- ...Теперь мне ясно...

(Деревья снова смыкаются.)

- Что?

- Почему Виталий не появляется - носа не показывает у нас! - целый год! А раньше бывал каждую неделю.

Теперь, когда я звоню ему, он всегда ссылается на что-то совершенно объективное. Обычно - «Прости, не могу: страшно занят, дела».

...Как это произошло.

(Меньшее дерево накренивается на большее, - первое на второе, второе его поддерживает и обнимает. Начинается тёплый, мирный, убаюкивающий шелест - ажурный... Не разобрать.)

-...*Ты должен меня простить...*

- Я тебя прощаю...

- *Однажды...*

- Год назад, да?...

- *Да, я...*

- Ты выставила его.

- ...Да.

- Он пришёл...

- *Как всегда нервный...*

- За ним водится...

- Как всегда - раздражённый, усталый... Я думаю, он очень устаёт от этого. И уже - почти злой...

- Меня не было...

- Сказал, подождёт тебя...

- И?...

- Я хотела провести его на кухню...

- Поставить чай. Но...

- Но пока он изливал на меня...

- Но нет же!...

- Ну да - как обычно: вообще куда-то...

- В пространство...

- Свою желчь в нашем коридоре...

- Коридор, по-твоему, переполнился... И ты!...

- Мне стало плохо.

- Ох... И...

- И я сказала ему...

- Я представляю...

(Тёмная туча с мокрым дождём опускается на самую-самую землю.)

- ...Нет, - я встала, как та хохлушка в анекдоте...

(Но дунул весёлый ветер!)

- Руки в боки?

- Да.

- Вау!... И...

- И сказала...

- Стой-стой!... Ты сказала: «Виталий Владимирович...»

- Да, именно так.

- ...Стой...

(Ветер заходил кругами.)

- ...Сейчас... «Наверное, Вы хороший человек и наш друг. Но...»

- Да!... Но - Вы человек вечно раздражённый, вечно сетующий и какой-то!...

Весь постоянно несчастный! И...

- Я прошу...

- Я прошу Вас. До тех пор пока...

- Это состояние у Вас не пройдёт!...

- Как ты догадался - да! В моём доме!...

- ...О! В «моём»!...

- ...Да - он по-другому бы не понял... Не появляться.

- И - гуд бай, май лав, гуд бай... Бездушная...

(Дерево покрупнее запевало и начинало раскачивать другое дерево. И тихо приговаривать - говорить.)

- ...У меня ребёнок, а Вы, Виталий, негативно на него...

- Нет же!... У меня - муж, который должен строить...

- О!...

- У меня сын, который должен набираться и расти...

Я с таким трудом создаю им нужную атмосферу!...

- И себе.

- А как же!...

- А Вы, Виталий, её постоянно разрушаете.

- Причём каждый раз! Каждым своим появлением!

- Я представляю его испуганные глаза...

(Теперь дерево поменьше становится ветром. Его мысли носятся вокруг большого дерева.)

- *Он ничего не понял!... Ничего - ничего - ничего!...*

- Ещё бы!...

- Он считает, что можно думать что угодно!...

Ты должен знать: я отважу от Дома всех несчастных, несчастливых, дурных, недобрых...

- И так даль...

-...*Кстати, ещё: он тебе завидует. Это ОЧЕНЬ плохо.*

- Я не знал...

Мы останемся одни.

- Пусть!...

Но неправда, не мы же одни...

А другие - почему не трудятся?!... Ты думаешь, я не устаю?! Но я же не ною! Счастье нужно создавать, это труд!

- По-твоему - трудный, упорный.

- Не лёгкий... *И ты бы, кстати, не позволил мне «сидеть дома», если бы...*

- Не знал, что это того стоит.

-...*Счастье нужно в Доме так же, как...*

- Достаток.

- Да. Как твой заработок на хлеб наш насущный.

(Дальше Митя засыпал.)

~

Однажды Папы долго не было: он уехал Далеко.

И вот что произошло: вдруг Мама загрустила.

Одним вечером она села к чудо-пианино, а Митю взяла на колени. Она нажимала Митиным пальчиком на белые и чёрные клавиши, а сама очень тихо грустно пела. И вот её песня: «Солнечный круг, небо вокруг. Это рисунок наш с Митькой. Нарисовали мы на листке. И написали везде. Пусть всегда

будет солнце. Пусть всегда будет папа. Пусть всегда будет Митя. Пусть всегда буду я». А когда Мама ложилась спать, она вздохнула: «Ну когда же мы снова будем все вместе...» Так Митя узнал, чего хочет Мама.

Однажды Мама заболела и её Долго не было. Поэтому Митя всё время был с Папой, который не уходил на работу.

Тогда вечером Папа грустил с Митей: «Как там наша Мама...» А утром ходил по Дому и волновался: «Что же я сижу! Я должен работать!» Так Митя узнал, чего хочет Папа.

Папа, наконец, приехал, а Мама выздоровела.

~

Наконец, Дом наполнился.
(Митя это уже понимал.)

~

Митя уже понимал, когда произошло следующее: начала наполняться Мама!

Мама начала наполняться и носить широкое платье. За которое было очень удобно держаться, и про которое Папа говорил непонятно: «Митькино...».

И ещё: на Траве (Даче) вырос Другой Наш Дом. Мама сразу «бросилась» наполнять и его.

В это время: Мама перестала брать Митю на руки и вместо Мити часто гладила свой наполненный живот.

Митя не знал, что думать, и думал: как и всё у Мамы, живот наполняется чем-то добрым и весёлым. Наверное, снова счастьем.

Однажды Митя с Мамой были на Даче и Митя долго думал про Мамин живот. Он смотрел на него: что же там?! Мама это заметила и долго смеялась. Даже хохотала. Она объяснила Мите, что скоро у него будет сестрёнка. Тогда Митя решил наблюдать дальше.

Но в этот день на Дачу прилетели воробьи. И Мите пришлось думать о воробьях. И вот в чём дело! Однажды!... Мама рассказала Мите про воробья, который принёс другой маме счастье. Его звали «Растрёпанный воробей». Вот почему Митя стал думать про воробьёв. Митя смотрел: прилетел с ними Растрёпанный? Прилетел или ещё не прилетел, а перехитривает Ворону? Митя считал, надо чтобы и Маме он принёс букетик счастья.

Однако всех воробьёв напугала ворона. А ворону испугал дятел. А сам дятел улетел от Прохожего.

Мама объяснила Мите, почему дятел стучит по дереву. Потому что у дятла острый крепкий клюв! Острым крепким клювом дятел пробивает кору. Он достаёт из дерева вредителей - насекомых. Которые - портят, потому что едят дерево. Но насекомые глубоко прячутся. Поэтому у дятла длинный, как змейка, - Митя видел змеек на картинках, - тонкий язык. Длинным тонким язычком дятел выуживает из дерева насекомых. Которых и ест.

А ещё (тоже объяснила Мама) есть очень маленькие птички, которые сами размером с насекомое. Их называют птички колибри. Эти Птички Колибри могут, как стрекозы и как вертолёт: зависать в воздухе. Даже на одном месте: у цветков. Почему они так «висят»? Клювом они раздвигают у цветов лепестки и пьют вкусный сладкий нектар. И очень жаль, что люди так не могут.

~

А ещё в тот день на Дачу пришёл Хитрый Дед. Хитрый Дед проходил мимо и когда увидел Маму, остановился. Он стал покрикивать и качать головой. Что он говорил, вот: «...Какая красавица!... Ай да красавица!!!» И ещё: цокал языком. Сам же Хитрый Дед был маленьким и сморщенным. В руках у него всегда были палка и ведро. Мите думалось, что в ведре он всюду носит с собой свою хитрость. А палку берёт, чтобы отгонять всех от своего ведра.

Мама подошла к калитке и долго разговаривала с Хитрым Дедом. Видимо, был Разговор. После Разговора она открыла калитку и Хитрый Дед направился в дом.

Митя уже знал, что Хитрый Дед «везде сунет свой нос». Так предупредил Прохожий. Но нет - посмотрев на деда вблизи, Митя решил: раз дед, как маленький, ему тоже интересно Всё.

Так и было. Хитрый Дед всё осмотрел.

- Ну и как? - спросила Мама.

- Хорошо. Славно.

Дед почему-то перестал посмеиваться и шутить.

- Всё у тебя славно, красавица, всё хорошо!
- *Спасибо*, - скромно ответила Мама.
- Хорошая из тебя бабка выйдет, - неожиданно сказал Хитрый Дед.
Мама потупилась, а Митя звонко рассмеялся.
И Дед звонко рассмеялся. И сказал:
-... Поверь старому.
Хорошая. С пирогами и блинами.
Одно плохо.
- *Что?!... Что?!...* - встревожилась Мама.
(Мама будто заклохтала. Как курочка, которую Все видели по дороге на Дачу.)
- *Что?!...*
- Печки у тебя нет! - серьёзно ответил ей Хитрый Дед. - Печки в доме твоём нету, а я уже совсем плох стал. Вези скорее кирпич, сложу вам печь. Да не простую - хлебную. По тебе вижу: хлеб ты створишь.
Мама робко поправила:
- Хлеб ведь - пекут.
- Всё-то вы знаете... - ответил ей Хитрый Дед. - Пойду я, - ещё ответил Хитрый дед. - Через неделю приду. Чтоб кирпич был! Ух я вам, разбойники!... - И стукнул своим кулачком по столу. - И ещё. Печника положено кормить. Не забывай! Больше я с тебя ничё не возьму.
...А хлеб, милая, не пекут, хлеб - творят!

~

Как Мама научилась делать хлеб, для Мити с Папой осталось загадкой. Приходил Хитрый Дед, жил в «Другом Нашем Доме». Из глины и кирпичей дед складывал печь. Мама готовила ему еду.

Хитрый Дед долго клал свою печь: всё чего-то хитрил. (Как и предупреждал Прохожий.)

Однажды Дед весь день шутил и балагурил. То с Мамой, то с Митей. Даже казалось - Дед тоже маленький. Но вот в чём была разница: Митя играл, Митя не уставал, а Дед весь день «был в трудах». Значит, он уставал. Иногда он от усталости даже пускал дым изо рта. Вот как он уставал!

И вот как-то Дед снова сел на кирпичи и снова из него пошёл дым. Было понятно: Дед доволен и хочет поговорить. А Мама вышла. Тогда Дед стал говорить с Митей.

Вот что он сказал.

«...Ты как думаешь, парень - отчего я этак стараюсь? ...Не знаешь, чай. За деньги, а?»

«...Деньги я, милой, все уже заработал. Скоро вот, думаю, складывать будет некуда, вот кака беда... Вот вишь - даже карманов на штанах нет. Где, думаешь, у их карманы? А дома забыл...»

И глаза у Хитрого деда стали такими хитрыми!... Что в такие щёлочки ему было даже не посмеяться. И он не смеялся.

«...Я, парень, себя на Земле хочу оставить.

Всё, что сделал когда, всё это я. И у вас буду я: вот тут».

Так Хитрый Дед назвал печь, потому что ткнул в неё пальцем.

«Чтоб, прозябнешь когда, будешь когда греться у печи, будет она тебя греть - и меня хорошо вспомнишь. Так? ...Уразумел?»

Вот. Это-то мне главное-то и надо.

«...И ты: когда будешь чего творить, делай так, дабы тебя потом токмо добром поминали. Это для мастера самое первое главное.

А не для добра так лучше и не берись, лучше уж живи, гаврош, дармоедом.

«...А как жить - знаешь? Не знаешь?!... Небось, думаешь, прознать трудно?»

И сам согласился:

«Трудно. Вон, эко, сколько людей не знает и мучается.

Но ты - Хитрый парень... Похитрей уже папки с мамкой будешь. Я-то тебя, мальчиш-кибальчиш, наскрозь вижу. Ты меня - поймёшь. Потому - чтоб ты долго не искал, я тебе скажу.

Вот что знай: нисколько не трудно!

«...Думаешь, почему я вот печи кладу, а? Потому - талант мне такой - дар! - даден. А раз дан, значит, надо отдавать. Дар-то, как говорится, даром, да за него потом Спросится!...»

И Дед поднял вверх указательный палец.

«Вот я и служу ему. Как солдат!... Знаешь, как солдат служит! Ух как! С ревностью! Со страхом! Переживает за свою службу!...

Вот и ты: найди, что у тебя за талант. Да и служи ему.

Тогда и жизнь - Свою проживёшь. И жизнь твоя - сложится.

«...А он тебе сам всё сложит! Да как складно!... Ты только знай, служи. Вот в чём первая премудрость жизни.

А вторая - о душе своей: всё время пекись да всё время думай!

А не о том, куды, как и чтоб... Брюхо да мошну успеть набить. Как всякий прохожий мимо беспризорного склада...

«...А что такое - душа. Что, думаешь, уж так никто и не знает.

«...Но мы-то с тобой, родная ты моя душа, - мы-то с тобой знаем?»

Так Митя узнал, какую хитрость всегда носил с собой Этот Хитрый дед.

Когда дед уходил, то сказал (Это он Маме.): «Эх - жаль моя «старая» померла... Она бы тебя научила. А уж я что смог, что видел сам, всё тебе обсказал. Твори, красавица. Пробуй».

~

И наступил день, когда Мама за ужином таинственно промолвила:

- ...Пробуем?...

И Папа тихо промолвил:

- Пробуем... Да.

...Но это же праздник! Может, позовём друзей?

- А вдруг не получится?!...

(Это Мама.)

- Ну и что!... Разве в этом дело!...

(Это Папа.)

- Ой, нет - я переволнуюсь. Давайте первый раз одни, сами.

Вот как получилось всё.

Мама собрала Всех в Кухне. Все - Папа с Мамой и Митей - собирались на Дачу, в Другой Наш Дом.

Мама была очень строгой. Мама очень строго посмотрела на Всех (на Папу и Митю) и сказала: «Сейчас я расскажу вам, как будем пе...» Тут Мама запнулась. Когда она продолжила, она сказала: «Как будем делать хлеб».

(И вот её Разговор.)

«...Тот, кто делает хлеб, должен быть очень добрым человеком. Очень.

А ещё - это очень ответственный человек».

«...Да». (Добавил Папа.) «Это точно».

«...Тот, кто делает хлеб, он встаёт раньше всех - очень рано.

Потому что вначале надо затворить опару. И дать ей походить. А потом на опаре замесить тесто.

Тесто тоже должно походить: Тесто должно подняться. Высоко. До самых краёв! Вот видите, какое ведро?» И Мама показала Всем ведро.

«...Я специально купила новое эмалированное десятилитровое ведро. Оно у нас в Доме будет только для Теста. Для хлеба.

Все - посмотрите, где у ведра дно». И Мама показала, как глубоко у ведра дно.

«...Теста будет всего ничего - на Дне. А подняться ему надо - до самых краёв. Вот сколько работы у Теста!» И Мама ещё раз строго взглянула на Всех, Митю и Папу.

«Продолжим экскурс». (Робко попросил Папа. Он уже не был Главным. Ок-ко...)

Мама строго ответила: «Да». Мама разрешала. И продолжила.

«...Когда Тесто поднимется, его нужно обмять. Обязательно. Не проколоть, а обмять. И обязательно руками.

Обязательно хотя бы один раз дать подняться и один раз обмять.

Затем нужно затопить печь». Здесь Мама как бы указала Всем на чудо-Печь.

«...А Тесто - разложить в формы. Вот, смотрите: я купила две формы. Однако, это - формы для кексов.

...Самое лучшее, конечно, капустный лист. Но его у нас нет. Тогда самое лучшее - самая обыкновенная чугунная сковорода. Или чугунная кастрюля».

И тут Все (Митя с Папой) совсем (это Папино) стушевались. Они стушевались от таких Маминых познаний. А Мама не заметила, потому что она «была углублена». Мама продолжала:

«...Пока печь у нас топится, хлеба поднимаются у нас уже в формах».

Мама так и сказала: хлеба. От этого Папа начал удивляться. Ок-ко...

«...Печь протопилась, её закрывают. И дают ей выстояться один час.

...Нет, не совсем так - нашей печи один час.

...После этого ставят Хлеба. И ставят их примерно на сорок минут.

У нас Печь маленькая, поэтому мы будем вынимать Хлеба и поворачивать. Для чего. Для того, чтобы все бока пропеклись одинаково.

...А затем проверим готовность обычной спичкой».

И Мама взяла с полки спичечный коробок. И показала Всем. А из спичечного коробка достала одну спичку. И сама пристально на неё посмотрела.

От этого Папино лицо стало озабоченным. А Папины глаза стали прищуренными. Теперь Папа пристально глядел на Маму. Папа недоумевает?

«...Если Хлеба готовы, мы их достанем, вынем из форм». Мама повертела в руках формы.

Ок-ко... Папина озабоченность, кажется, усилилась.

«...И уложим Хлеба на чистую разделочную доску. Вот - Дед принёс мне свою доску». И Мама показала Всем широкую доску.

«...Мы укроем Хлеба чистым листом бумаги, а сверху ещё - полотенцем. Вот Полотенце. И оставим остывать.

Сразу есть не надо, мы не будем. Потому что остывание у Хлеба тоже входит в процесс. Это тоже стадия приготовления. Вот - всё».

И Мама опять (но уже не строго) посмотрела на Митю и Папу. От Таких Маминых знаний они совсем оробели. И молчали.

Тогда Мама продолжила. Свой «экскурс».

«...А приготовим мы два простых хлеба и один - сладкий, с маком.

...И на всё это мне потребуется пять часов или четыре. Так?»

«Та-ак...» - робко произнёс Папа. И посмотрел на Митю, ища поддержки. И Митя с ответным чувством посмотрел на него.

Ниточка понимания сразу нашла себе игольное ушко.

«...Ребята, - вдруг жалобно проговорила Мама. И лицо у неё сделалось тоже жалобным. - Можно я не буду вставать в такую рань...»

Связанным Мите с Папой показалось, что Мама вот-вот захнычет, а потом заплачет. Как это иногда делал Митя. Который был пока маленьким. И который поэтому всегда был с Мамой. Поэтому и Митя скулсил тоже. И потянулся к Маме. От этого Ниточка потянулась за ним. Теперь Митя с Мамой жалобно смотрели на Папу.

Папа встал и прошёлся. (Но Ниточка не разорвалась. А натянулась. И потянула клубок. Который покатился за ней.)

Папа!... Озабоченно потрогал свой подбородок. Папа озадаченно почесал затылок. После этого Папа остановился и сказал. Нет, кажется, он - решил! Потому что он снова был - нет, стал - главным.

«Что ж... Давайте печь днём». И рассмеялся.

И Мама вдруг расхохоталась и обняла Митю. И Папа расхохотался и обнял Маму. И Все расхохотались и обнялись. И Ниточка крепко-накрепко свила Всех в свой Клубок. («Об этом надо подумать».)

«...Как я понимаю, печь будем на Даче. Раз Печь там» - посчитал Папа.

«...Да». («Ой, как важно!») Вот как Всем ответила Мама.

(Папа): «А потом поедем Домой и съесть уже будем Дома. То есть, Здесь».

(Мама): «Да. Это важно».

Папа снова прошёлся. («И ему непонятно: Мама о чём?»)

...Мама подняла из ведра руки. В ладонях лежал светлый ком.

- *Тесто.*

Папа расширил глаза и сказал:

- О! -

Мелькнуло Почтение.

Митя почмокал губками. Из них крендельками полетели сделанные им круглые «о-о-о».

Почтение приостановилось.

Мама взглянула на Папу и удивилась. И глаза у неё округлились.

Почтение решило, что здесь ему место. И решило не улетать.

...Мама оторвала от Теста кусочек-комочек и положила в рот.

-*Вкусно как!...*

Митя сейчас же раскрыл свой. Митя протянул к Тесту ручку и пожимал пальчики в кулачок.

Папа посмотрел на Митю и сделал также.

Мама подумал и оторвала от Теста ещё кусочек. Мама ещё подумала и положила кусочек... Снова себе в рот.

- А нам?!... - поёрзал на стуле и высказался Папа.

- А!... - крикнул Митя

И между ними выстроился мост Весёлого Нетерпения.

- ...*Фиг вам,* - хитро ответила Мама. Глаза у неё *лучились.*

- ...Так - та-а-ак... - прищурился Папа. - Помнишь, Митя? «Мы ей... А она нам *фигва-амы рису-ует...*»

И к Мите по мосту Весёлого Нетерпения гурьбой козочек из-за реки, куда к будущему своему мосту возил его Папа, побежала весёлая Ирония.

...Мама сняла с ведра марлю и... Папа поспешил сунуть в него нос. И!...

- Ай!... - вскрикнул Папа.

Шквал его неподдельного Изумления стайкой воробьёв, вспугнутых с лужайки вороной, порхнул к потолку. И даже поднял Потолок.

Мама поднесла ведро к Мите.

Митя хотел нагнуться, чтобы увидеть Тесто на дне. Но ему пришлось отпрянуть: Тесто, как Мамина Бабушка руками свои пухлые щёки, подпирало края!

- А-а-х! Х-а-а... - вдохнул и выдохнул Митя.

Чувства первооткрывателя искрами бенгальского огня полетели всюду! Брызнули на стены, на потолок, как в ванной - вода из ладошки, - раскати-

лись по полу, как горошины из стакана, который упал, - прилипли к окнам, как бабочки, - и кажется, даже заполнили все углы. А одно свило красивую, блестящую при утреннем солнце паутину и само повисло на ней.

«Другой Наш Дом» начал Переполняться.

...Мама разложила Тесто по формам, показала его Всем и отправила Всех (Папу и Митю) гулять.

Папа носил в чудо-песочницу песок, а Митя требовал глину! Ведь из песка не вылепишь тесто.

Митя лепил хлеба и раскладывал их на досочки.

И наблюдал.

Из Трубы Дома выходил дым. Ветер собирал Дым на Солнце. Солнце просвечивало его насквозь, запекало его и лепи... (На этом Митя запнулся.) Солнце само Творило из него облака. Створенные Облака уплывали.

Так Митя открыл источник и узнал причину появления облаков.

...Из Трубы перестал идти Дым.

- ...*Скорей, скорей!*... - Мама подпрыгивала на пороге. И её Наполненный Живот тоже подпрыгивал вместе с ней. - *Идите скорей сюда! Идите скорей смотреть!*

- Осторожнее! - крикнул Папа. - Тебе так нельзя!

- ...Зя! - И Митя крикнул Маме.

Но Мама лишь смеялась.

- *Вот видишь!* - (Это она Папе.) - *Можно.*

Однако Ответственность уже с двух сторон обняла её и повела к стулу.

- ...Ой... - произнёс Папа. - Как это...

- ...О-к-ко... - подтвердил Митя. И поднял одну бровь. Что вместе означало: вот это да! Ничего себе! Дело серьезно.

Тесто возвышалось над формами...

- ...В два раза, - оценил Папа.

Митя подтвердил:

- Ок-ко.

А Мама прошептала:

- *Всё удаётся!*...

- Да. - Папа высоко, Папа торжественно поднял одну из форм.

У стены!... У стены, возле которой стоял Папа (Митя точно, Митя воочию наблюдал это!) возник памятный обелиск Неуверенности в себе, своих силах, - страхам, сомнениям.

...Мама надела рукавицы и засунула руку в печь.

- ...Всё. Достаяю.

- Вынимаешь совсем?

- Да.

Вдруг:

-...*Ай!* - крикнула Мама. - *Жарко! Калёно! Помогайте!*

Папа надел рукавицы, а Мама отошла.

Папа с улыбкой достал из печи формы. В них лежал...

(Ой-ой-ой... Мама села.)

- ...*Хле-е- б...*

(И Папа сел...)

- ...Да: это хлеб.

Митя замер.

Гирлянда Счастливого Потрясения, как радуга, которая удивила Всех после одного дождя, зажгла свои разноцветные, всех - «каждый... охотник... желает... знать!...» - цветов лампочки. И поднялась над этим Домом, широко опоясав его, как городскую новогоднюю ёлку.

Митя видел, Мама это поняла - потому что в глазах у неё появились такие же, точно такие же, только очень маленькие счастливо светящиеся огоньки.

Папа снял рукавицы и протянул их Мите. Рукавицы жгли, но Митя всё равно постарался надеть их. И надел. Потому что тоже хотел Творить! Как Все!

...Папа постукивал пальцами по столу, а сам, как на новый мост, смотрел на хлеб. И ещё, потом, как на хлеб - Митя это почувствовал - на Маму. А потом - на Митю.

И Все переглянулись. И сошлись.

Арка Любовного Единения триумфально воздвиглась над Этим Домом.

(...На ней выросли цветы, с цветов слетала пыльца, пыльцу пропекало солнце, от солнца прилетал ветер и по велению синего неба помогал солнцу собирать её, как в облака, - и уносил.

Митя был: как лучик собран и внимателен; но так и не смог понять: что это за Облака и чего - Источник.)

- ...*Что же я сию,* - задумчиво проговорила Мама. - *Надо же его укрывать!... Митя. Может ты укроешь? У меня - сил уже нет.* - И посмотрела на свои руки. Которые действительно устало лежали.

Папа вдруг поднялся и вдруг поцеловал Мамины руки. Которые вдруг задрожали. И Маму. У которой вдруг побежали слёзки из глаз.

Мама легла на диван и гладила свой живот. Она улыбалась. И она плакала. Митя не мог плакать, потому что был занят: он не мог найти причину и источник слёз.

Папа не плакал, потому что он всё светлее улыбался. И гладил Маму по волосам.

Митя видел, как Узы их любви сплетают вокруг них свою узорную сеть. И вот! У этой сети не было ни начала, ни конца, ни входа, ни выхода.

- ...Я так боялась, - жаловалась Мама. - Раньше я всегда думала, что сами, - своими руками хлеб пекут только боги... Я вся выдохлась... Я полежу, ладно?...

- ...Хлеб, как и ВСЁ: ТВОРЯТ, - осторожно поправил её Папа.

А Митя - внимательно на него посмотрел.

~

...Они ехали Домой в автобусе. Но Митя уже знал! Что автобус едет не по дороге.

Это Мама - вот Мама: «Какое блаженство...»

И Папа - вот Папа: «Какая чудная дорога!... А какие мосты!... Ох, какая дорога - будто материковый базальт! И гладкая!... Это тысячелетний гранит под нашими ногами».

Да - Дорогой им всё время служили их Светлые Чувства. В том числе, Чувство удовлетворения Всех своей жизнью.

~

...Дома они сели за стол: Папа с уважением нарезал Хлеб, а Мама ладонями собирала разбегающиеся крошки.

Они пили чай, вкушали свой хлеб - ели хлеб, рассказывали были.

И к ночи

весь хлеб был съеден, остались лишь крошки.

Те крошки! по энергичной Митиной просьбе! были высыпаны на балкон: а всем растрёпанным воробьям!...

И вот для чего. Чтобы они попробовали! Чтобы они тоже были довольны! Чтобы они были сыты, - и хорошо летали, - и не ослабевали от голода, - и хотя - лето, но всё равно: пусть они клюют, едят и наедятся на всю зиму, - и у них будут силы летать, и!... «Ко... Во... Ба... Зи... Ать». Но главное - понимание, понимание!!! И жесты - доступные всем детские жесты!

...Хлеб был съеден, хлеб исчез, ни в сумках, ни на столе, ни в Доме ничего от него не осталось.

...Когда все в Доме заснули... Когда Мама укрыла Митю одеялом, когда Папа с Мамой укрылись одеялом - и все замерли, и тихо лежали, неслышно дыша, в своих обычных постелях...

Когда все в Доме заснули,

их души обычно,

как каждую ночь - полетели;

очиститься, набраться новой энергии, прикоснуться к Творцу, -

увидеть, как иные отлетают к Нему предстать за ВСЁ с ОТЧЁТОМ,

уладить разнообразные другие свои дела...

В эту ночь все не вылетели из Дома;

и долго, -

всю ночь до утра с наслаждением, -

как кошечки, когда мурлыкая трутся о ноги любимых хозяев,

когда сами гладятся, выгибая спинки и пролезая под руки - трутся

всей шёрсткой, от усов, от ушек до самого кончика пушистого хвоста, -

разливая нежнейшим урчанием довольство и благодарность, -

как маленькие птички колибри, - когда подолгу висают над

полным цветком, и тонкими клювиками раздвигая бархатистые лепестки

пьют солнечный нектар, олицетворяющий природное счастье...

Счастье...

Всю ночь до утра они -

тёрлись об ахи... изумлённые восклицания... восторженные

точечки - охи... перевивались с гирляндами волн, оставшихся от

счастливых мурашек по телу... наперегонки пролетали под узлами

скрепляющего всё любовного единения... смаковали солнечные ви-

ноградные гроздья детского восторга и зрелого восхищения... катались

по граниту удовлетворения собой... проходили под арку... свивались

в сети... чистились о наивность... набирались у одарённости...

ности... -

набирались новой энергии на новый, будущий день, -

всего - у творчества, созидания, любви... -

по очереди раздвигали лепестки - дружеские улыбки... -

и, потеснившись, уступали место другим - усталым, не имеющим сил,

не умеющим счастье (несчастливым), ищущим участия и поддержки,

и прилетевшим сюда, на новый источник, издалёка...

Сегодня

нашли все здесь то, за чем каждую ночь летали, летели:

нашли все, и пили нектар безупречнейшего качества счастья.

...А душа хитрого деда, успевшая отлететь на небеса, с удовлетворением и блаженством тоже... Словно бы мурлыкала... всем в такт... Оттуда... Находя с ними там, внизу, - на Земле, - как всегда, как обычно, недоступное всякой прохожей душе, своё особенное хитрое удовольствие.

~

...Митя пока был - Маленьким, и единственным: кто Всё наблюдал.

ПослеСловие

«Бабочки полёт
Будит тихую поляну
В солнечном свету».

Басё

ВСЁ началось с **ВОЛИ**.

Всё началось с воли.

Неважно, кто главный герой, - вернее, неважно: кто им будет; и совершенно неважно, чья она: царствующего льва или незаметной мышки.

*Здесь - нам неизвестно: кто есть Что в Небесах; и как та королева мышей...
Сложение мизерных мирных сил вывезло заснувшего, усыпленного льва - воина.*

А ещё мысль: кому отзываются Небеса? В чьих Сердцах от Них Ключи?

А вот ещё! Если простой полёт бабочки - если новый невесомый воздушный ритм пробуждает, и - о! - по-буждает к жизни существо целой поляны...

Что производят - мысль - намерение - чувство! - жест - движение: СЛОВО.

*Взмах весла -
И лодка скользит по воде.*

Но в чём причина весла движенья?

1. «Добрая воля»

1.1

...Поздним вечером, - тем поздним субботним вечером, когда наплескавшись в розовых, белых, сиреневых, кремовых ваннах, после, облачившись в мягкие домашние одежды, люди большого города погружаются в диванный и телевизионный рай, - эти двое молодых супругов, долго не ложились спать. Каждый предвкушал «любовь», и каждый, как нарочно, оттягивал, всё откладывал момент желанного соединения.

Сидели то на кухне, то в комнате, стояли на балконе, любуясь дальними огнями мостов налево и направо через Неву, обсуждали недавнее посещение Александроневской Лавры, но больше говорили о школе. О чём ещё могут говорить между собой молодые увлечённые учителя! О школе, о школе, о школе - да, да, и да. Впрочем, в другом смысле уже некстати называть «молодой» прожившую вместе шесть лет семейную пару.

- ...Алёна, это странно. Говорят, счастливый человек утром с радостью спешит на работу, а вечером с радостью спешит с работы домой. Значит, я счастлив?

- Алёша, как бы хотелось мне работать вместе с тобой.

- Мне тоже с тобой вместе.

Пока никак. И никак не предвидится: невозможно.

- А я всё время - каждый день - навязчиво представляю: вот мы утром просыпаемся вместе, вот вместе встаём, вместе идём в школу.

- И она, конечно, по-твоему находится прямо около дома.

- Да-а!

- Ты уже говорила.

- ...В учительской расходимся, ты идёшь преподавать свою физику...

- Черчение ещё я бы хотел, математику, химию - почему-то одного предмета мне всегда не хватало.

- Ты говорил. У тебя это тоже навязчивое.

- ...А ты - языки, литературу, историю...

- Я бы ещё взялась за ботанику, зоологию, почвоведение.

- Сегодня - смотри! Смотри, какое чудо: какое судно чудесное плывёт по Неве. Его не видно, одни огни плывут по Неве.

- ...Сегодня у меня чуть не лопнуло терпение: в восьмом «Б»!.. Эти дети... Половина из них говорит на ужасном слэнге в переменах. Потом звенит звонок, они садятся за парты. Я с трудом возвращаю их в русло нормального литературного русского.

- Мои почти все с удовольствием вникают в физику.

Зато двое готовят на меня покушение.

Жена, ты смеёшься?

- Конечно! Это что: взаправду? Это правда?!

- Ещё какая. Сегодня в журнале на учительском столе нашёл записку: « ! Алексей Викторович, не ходите из школы к метро больше проходными дворами, Г. и Н. хотят Вас избить. Подговорили взрослых парней. Всё говорят: достал!»

- Писали девочки.

И молоденькая женщина тяжело вздохнула.

- А на меня некоторые родители на родительских собраниях, я же чувствую, смотрят как на чокнутую. Я слышала даже - угрюмое такое: «Своих детей нет, вот и изгаляется над нашими». А я не понимаю: что же я такого плохого им делаю, сделала.

Наконец, на кухне, когда Алёна рассыпала перед мужем весь горох, разворошила ворох всех своих чувств, Алексей притянул её к себе за шею.

- Второй час. Мы будем сегодня спать?

- Я сама не понимаю: что сегодня с нами!?

...Жаркое дыхание, лицо, прядь волос, упавшая на лицо. Горячее тело. И уже судороги. И шёпот.

- ...у-ж-е-н-е-в-ы-д-е-р-ж-и-в-а-ю...

- ...о...

...подожди... сейчас достану... где они...

- ...может перестанем предохраняться...

- ...сегодня нельзя милый мой...

- ...нет я вообще...

- ...нет

...Ещё полчаса. Нега; и общий жар нежно перевитых тел; и лианы с нежностью свивающихся чувств. Тёплые губы в плечо. И шёпот.

- ...я тебя обидела...

- ...да почти...

- ...прости...

И (отчётливый мужской голос):

- Я. Хочу. Детей.

Молчание. Отчётливый мужской голос.

- Ясно: она этого не хочет.

В ответ (робко, женский).

- Почему... Хочу.

Молчание.

- Я тебя обидела.

Молчание.

- Прости. Ну прости, ну прости...

- Ну не трясина меня.

...Простил.

Вздых.

- ...Прости. На сегодня.

- Уже утро.

- Значит, прости до вечера.

Алёна села. Точёный женский силуэт в огнях города.

- ...Ты так красива!...

Она не ответила.

- Теперь она обиделась.

- Да:

- «Да» твоё резкое, как нож.

- Мне очень обидно.

- Что? Милая, я засыпаю. Давай спать.

Ночь. Утро. Рассвет. Город.

Спят - Питер, питерцы, река.

И только съёмная квартира на Малой Охте...

- Весь сон пропал. Что... То. Почему ты не понимаешь меня!..

Алексей пробудился, сел.

Обнял жену за обнажённые плечи.

- Моя учительница...

Она уткнулась носиком в его плечо.

Кулачок крепко, хоть мягко, заударял по спине.

- Я. Хочу.

Но я хочу. Чтобы ты. Понимал. Меня.

- Выкладывай.

Вот когда ему привелось узнать по-настоящему свою жену! Вот когда!

...И каменное безжизненное холодное пространство (города), и искусственная напичканная под завязку «химией», пища в магазинах (а другой нет, а где ещё, собственно, мне её здесь приобретать??).

...А она прекрасно - ещё - помнит вкус «живой», настоящей: и булок, и хлеба, и кефира, и сметаны, и молока...

...Да, мы сумели «зацепиться»! Мы с тобой сумели зацепиться в Питере. Да, мы даже живём там, где жить трудно и мечтать! Но нам на наши зарплаты - нам с нашими зарплатами учителей - никогда не иметь здесь собственного угла. Так и будем скитаться всю жизнь по съёмным квартирам, пока состаримся и умрём в один день.

Мы уже десять лет в любимом и обожаемом Питере, и у нас каждую неделю любимая суббота, но каждый день ты с Малоохтинского катишь на край света в Озерки, и уходишь ни свет ни заря, и возвращаешься, когда стемнело, а я с пересадками - на

Ржевку - Пороховые, и что из того, что мы живём как бы на Малой Охте? Мы видим Питер любимый, - мы бываем в Питере только по воскресеньям, да и то... Да, есть чудесные парки - Летний сад, Михайловский замок, Таврический дворец... Но нам придётся снимать комнату в трущобах Второй - Девятой Советских или на окраине Ржевки - Пороховых, и что будут видеть, чем будут дышать наши дети?

В комнате с окнами на Неву повис ТАКОЙ знак вопрос, заполнивший всё жилое пространство, что если бы даже муж имел желание возразить, он всё равно не смог бы вставить ни слова.

Но Алексей не... Слушал, молчал.

И молчал, и молчал.

Тогда, выговорившись, она сама захотела его... И они снова «предохранялись».

Потом пили кофе, и он даже курил, а она, хотя морщилась, его понимала.

И в утро, когда в великолепном, когда в любимом городе русских людей вновь соединяются берега и мосты, они, эта крепкая, крепко любящая друг друга, молодая, и уже зрелая - семейным, жизненным, педагогическим / учительским - опытом пара, - волевые, ибо всего в этой жизни добились, достигли сами, эти молодые мужчина и женщина, решили (называется: загадали) : пусть через год или два в одном месте, - где-то, - близком к природе (если не прямо в самой ней), соберутся люди, близкие по духу, для того, чтобы вместе, весело, дружно, богато жить! Мужчинам - делать, что хочется, женщинам - иметь, сколько хочется, детей. «И не таскаться на работу на край света, и вместе обедать».

И... Какая-то школа. Где все сплетены, как всё сплетено в природе, в человеческом организме: физика - история - литература - языки - труд - физкультура - химия - математика... Музыка - рисование... Цветы, травы, лес... Огонь, вода и медные трубы.

И ещё (нет, это всего лишь частное, двух субъектов, личное узкое: «...но кругом - только русские».

Вот всё.

*(Конечно, они тогда не ведали,
как остро БОГ воспринимает ТАКИЕ Обращения к богу.)*

1.2

Она долго ждала (пока профессор дочитает), внимательными глазами в крупных очках следя за его крепкими пальцами, рывком переворачивающими её страницы. Смотрела по сторонам, с нетерпением ожидая его суждения, - и боясь его суждения, подольше оттягивала его. Удивлялась: в кабинете биолога нет живых растений.

Наконец, её научный руководитель поднял голову. Снял очки. Их глаза, двадцатилетней студентки и шестидесятилетнего преподавателя, встретились.

Постукивание пальцами по столу.

-Я давно хотел Вам сказать, Люба: Вы очень глубокая, очень талантливая девушка.

...Мы всё откладываем хорошие слова, стесняемся их. А потом становится уже некому их сказать. Надо говорить.

Вздых.

- Но - я уже о другом.

Да. Берегите себя. Учитесь дальше, не останавливайтесь, познавайте, развивайтесь. Вы очень хорошо чувствуете растения. Может быть, лучше всех нас.

Профессор повторил это ещё дважды.

- Можно, я Вас немного поэкзаменую?

Она удивилась.

- Конечно.

Профессор придвинул к себе толстый атлас, полистал.

- Вот. Вот они, Ваши клёны.

Пододвигайтесь к столу, ко мне - ближе, ближе.

Не бойтесь: не съем. Возраст... Будь я сейчас не профессором, хотя бы молодым аспирантом, - уж не скажу: студентом, - я бы непременно обратил на эту девушку самое серьезное... - Простая улыбка. - Хотя у студентов... Подозреваю, сейчас иные предпочтения. И зря.

Так. Буду открывать иллюстрации к статьям, на текст не смотрите. Смотрите на фото, называйте клён.

Готовы?

- Да.

- Хорошо.

Это?

- Клён остролистный.

- Верно.

Этот зелёный красавец?

- Клён крупнолистный.

- Верно.

Следующий?

- Клён калинолистный.
- Есть.
Вот этот жёлтый?
- Клён ясенелистный.
- Та-ак. Ну, это платан.
- Нет, это клён: клён ложноплатановый.
- Гм-м, не удалось...
Этот дружок?
- Клён татарский.
- А красив, верно?
- Они все очень красивые.
- И этот? Этот?
- Клён... Сейчас... Клён сахарный.
- Да ну!
А рядом?
- Клён сахаристый.
- Теперь?
- Это каштан: конский каштан забытый.
- Простите, два листа прихватилось.
Листаем обратно.
Кто?
- Клён зеленокорый.
- ...?
- Клён... Ширасавы.
- ...?
- Пенсильванский.
- ...?
- Дланевидный. Но название формы не помню: их очень много.
- А сколько?
- Более ста.
- Ух ты! Сейчас мы их посмотрим. Вот будто я знаю...
Этот - «Bloodgood». Никогда бы не назвал!
Та-ак, этот?
- Клён Лобеля.
- Верно. Нравится?
Где произрастает? Вы не были там?
- Италия. Нет.
- Побывайте! Обязательно побываете.
Этот дружок?

- Клён завитой.
- Та-ак. Вот этот?
- Клён серый.
- Теперь?
- Клён... Хельдрайха.
- Всё. - Профессор поднял руки ладонями к ней, вверх. - Всё: уложили на обе лопатки.

Даю последний. Вот.

- Клён Граульфеттера.

- Бог ты мой...

Девушка, её раз сожалею, что я не студент.

Давайте-ка ещё полистаем.

Бойтесь? Честно.

- Да.

- Не бойтесь: я уже на Вашей стороне всецело.

Что это? Буду листать, называйте.

- Гладиолусы.

Годеция.

Люпин.

Меконописис... Цельнолистный.

Пион.

- Какой?

- Пион... Не знаю.

- А этот пион?

- Лекарственный.

...Очиток.

Триллиум.

Барвинок.

Цинния.

Барбарис.

- Какой?

- Обыкновенный.

- А это?

- Берёза.

- Листаю, называйте.

- Берёза повислая.

Плосколистная.

Берёза... Не знаю.

- Э-э-э, - Максимовича.

А это Эрмана.

Это Жакмона.

А эта?

- Берёза карликовая.

Граб.

Дерен.

Ракитник.

Жимолость.

Не знаю.

- Неймия.

А это хмелеграб.

Дальше?

- Груша.

Дуб, австрийский.

Рододендроны... Разные.

Розы. Малина. Ива. Их много. Бузина. Рябина. Спирея. Пихта.

...Араукария. Можжевельник.

Профессор быстрым движением захлопнул толстую книгу.

- Всё, милая девушка, экзамен окончен. Идите гулять.

Можете больше не показываться.

Хотя, можете приходить в любое время: буду только рад видеть.

Профессор поднялся.

- Подойдём к карте.

Забудьте про свои каникулы, поезжайте на всё лето на практику - на всё лето, в Чупу. -

Люба уже слышала об этой биостанции университета, и всё-таки спросила:

- Это где?

Профессор добродушно посмеялся.

- Хочу Вас обрадовать: это очень далеко! Вот.

Карандаш тонким остриём грифеля обозначил зелёную точку в синем заливе моря.

- Смотрели, надеюсь «Иван Васильевич меняет профессию»? Помните, послы пришли к царю? Просят отдать «Кемску волость». Вот она, выше Беломорска, пре-словутая Кемь.

Поднимаемся ещё выше: Лоухи.

Ещё выше. Станция Кереть и станция Чупа. И посёлок Чупа.

Из посёлка на группу островов в устье Керети ходит теплоход: развозит биологов по станциям.

Это Кандалакшский залив, это Белое море.

Обязательно побывайте в селении Кереть, оно выше устья реки Кереть. Потрясающие места. И очень, очень древнее человеческое поселение.

Уникальные места! Поезжайте! Кроме знания природы обогатитесь знанием людей. Там будет множество весьма интересных. ЛГУ, МГУ, наш КГУ, обязательно откуда-то ещё. Пре-красное начало жизни, карьеры биолога.

Люба осмелилась спросить:

- Все живут на одной станции?

- Нет, что Вы: у каждого университета станция своя.

Ну, юное дарование, пожелаю Вам всяческих успехов!

После этого разговора Люба с тихой радостью - разноголосным пением в душе - лёгкой грацией выпорхнула из гнезда науки. Полетела по городу.

Юноши у неё не было, свои радости - печали она до сих пор поверяла папе и мамочке. Побежала на «междугородку», звонить домой.

1985-й год.

После, всего месяц спустя «после», через пол «Союза», захав на три дня в мечтаемый Ленинград, с картой в руках стояла у окна вагона. Железнодорожный магистральный путь поднимал её вверх, всё выше.

Вверх, вверх! Какой громкой, какой сладкой музыкой звучала жизнь! Что пели её названия!

Тронулись. Ле-нин-град. Поехали. Лодейное Поле. Подпорожье, Пай, Ладва-Ветка, Пяжиева Сельга ... Ужесельга, Петрозаводск. А далее - какие звуки, слагающиеся в какие слога! Какие слога, собирающиеся в названия, в слова - для тех, кто чувствует жизнь, как звук, как звуки. Для тех, кто понимает её, как восхождение, как плавание: как путешествие вверх!

Кондопога. Медвежьегорск. Сегеж. Надвоицы. Идель. Летнереченский. Беломорск. Всё выше и выше. Вот Кемь. Кузема, Боярская, Лоухи. Кереть! Спира. Чуть не доехали: Полярный круг, Пояконда.

После - было распределение в северный город; где было странно ощущать себя после солнечной шумной Казани.

И была страстная искренняя влюблённость в профессию.

...И была страстная влюблённость; из которой ничего не вышло, даже дитя.

1988-й.

После драмы в душе и выкидыша, она бежала.

Куда угодно, лишь бы от себя долой!

Домой: к мамочке и папе.

Можно и так: вернулась.

И жила с мамой и папой, «большая девочка» - нескладная, сложенная обаятельнейше внутри, - в толстых очках, с крупными ладонями и ступнями.

Работала то в школе (с тоской, не умела преподавать), то в «Зеленстрое» (клумбы - газоны города); всё опускаясь «ниже»; будто по полотну карты, разложенной на накрённом столе, магистральный путь вялым шаром, без всякого вдохновения, без ветерка, по инерции катился вниз: в «Каспий», в «Азов». В «Мёртвое море».

Кара-Бугаз-гол...

Каждый день ходила на работу, каждый день руки касались любимых растений; ухаживая за тысячами, устраивала жизнь их тысяч; при этом одна, собственная, всё продолжала скатываться в непонятную яму, отчётливо осознаваемую, объяснимую себе своими острыми чувствами, и не объяснимую никаким языком никому.

С каждым днём всё более тупо, как привычная лошадь, волокла свою жизненную телегу; схоронив одного за другим папу, маму; но так и не похоронила в себе ту, счастливую - умную, наблюдательную, мечтающую, трудолюбивую: талантливую, которая «может быть, лучше всех нас понимает растения, может быть, лучше всех нас...»

1998 - 2005-й.

После, уже одна в хорошей квартире, - уже стряхнув с себя и отчаяние, и тоску, и религиозность, - с каждым, в порожнюю от усиливающегося одиночества - впустую пролетевшим годом всё сильнее, конкретнее мечтая - о теплицах, грядках, о лугах и полях, аллеях, аллеях, рощах, - засеянных, посаженных, выращенных её руками. Пространство, в которое - воплотит себя; которым страстно, как любовью, которой не занималась уже два десятка лет, заниматься хочется! А ещё о... Доме. Под собственной крышей, не под другими квартирами. О доме - среди этих своих: рощ, теплиц, грядок, лугов, полей, аллея. И, не взирая на возраст, о сыне. И мужчине.

2005 - 2012-й.

В 2010-м в газете нижегородских «зелёных» - случайно - увидела статью о Мастере, создающем целое природное пространство.

Недостающие детали дорисовала воображением.

II. «Двенадцатью годами раньше»

Набережная Которосли вся заросла огромными сказочными лопухами, листьями которых (так волшебны, и до колёк смешно - лопух - зонтик!) было удивительно укрываться в дождь.

Они жили тогда (нет, не они, точнее, конечно, они, но не они - лопухи, а о-н-и - они: папа Саша и его дочь Сашенька, а к лопухам Саша сбегала, когда к ним приходила их мама. Нет, конечно, не мама лопухов, потому что Саша точно выяснила по-мощью жизни в лопухах: у лопухов нет мамы. И, кто знает, может, это и хо-ро-шо! Пусть лучше нет никакой, чем такая, какая была) в квартире.

Когда мама «какая была» (а была она чаще всего «под шофэ», как восхищённо выразился однажды их беззаботный сосед, который сам, по наблюдениям Сашеньки, которая много чего ещё не понимала, - сам часто был под этим «шофэ») приходила к ним...

(Странно так: всего одной буквы не досталось этому «шофэ» до благополучного окончания, и вот как сильно не повезло слову. И тем, кто под этим словом! Сашенька много раз думала: какую же важную роль играет в жизни рычащая из собачки буква -р-! Вот папа: он шофёр, и они с папой живут. А мама - «шофэ», и они не живут с мамой.)

Когда мама приходит к ним, в их квартиру с окнами во двор и с окнами на улицу со сказочным названием «Городской вал» (наверное, раньше дома здесь стояли на высоком гребне, наметённом, как сугробы зимой - гребне земли, - вот любопытно: кто мог наместить, как снег, землю? Земля совсем не снег, и сильно отличается от него: чёрная и тяжёлая, а снег лёгкий и... и - «зимний», он замёрз.) - тогда в их квартире сначала становилось «жарко» (так - летом?), «атмосфера накалялась», потом «замерзала».

(Дома, наверное, тоже тогда стояли в ряд, но - высоко - высоко! Надо было запрокидывать голову, чтобы смотреть на них вверх, чтобы увидеть их крыши. Но они были такими тяжёлыми, что раздавили, на чём стояли: вал. «Ушёл в землю». Да, но почему он не мог потерпеть ещё, и ушёл?)

(И на их месте новые люди выстроили новые дома: лёгкие. Как хорошо б, если б и мамы были такие новые. Хорошо б. Потому что, когда приходила мама, возникал тяжёлый (таким бывает сырой холодный мокрющий туман с дымом из труб завода лаков-красок) скандал.) Сашенька пугалась, ойкала - бежала. Всегда было мирно в лопухах.

Лопухи тянулись до самой воды. Но они не были здесь самыми высокими. Самыми - самыми здесь были ивы. Когда не было дождя, Сашенька забиралась на эти ивы (по их стволам, хватаясь проворными пальчиками за изумительно шершавую кору) и наблюдала.

Может быть, с этого всё началось: однажды, она принесла папе рисунок карандашом. Ивы, лопухи, девочка с косичками: хитро улыбается из-под широкого листа.

Конечно, нет: она всегда рисовала.

Дочь спившейся актрисы и инженера, перешедшего в простые водители, она жила своей самостоятельной внутренней жизнью с тех пор, как стала человечески сознательно ощущать реальность.

Рисунки простым карандашом, рисунки цветными карандашами, рисунки акварельными красками... Папа быстро сориентировался: отвёл дочь в художественную школу. Сашенькина картина «Ангелочек», мальчик с крыльями, сложенными за спиной печально - привела в шок взрослых тётей и дядей, положивших жизни, отдавших трудному ремеслу, профессиональной композицией, безукоризненным наложением на простую фанерку масляных красок. Ребёночек в десять лет.

Кажется, ангелочку было ровно столько же...

Отец машинально взрачивал девочку, как мальчика. Брат в походы, учить водить мотоцикл, закалять дух и тело... Тогда она начала сбегать и от отца.

Наблюдаемый и перерабатываемый мир стал тем собственным миром, той недоступной посяганию реальностью, в которую она, как в шесть - семь лет в ивы и лопухи, теперь уходила. Рисунки, картины - отражали внутреннее строительство души.

В двенадцать был «Хоровод», в тринадцать «Лес» и «Грибовичок», затем «Женщина на шкуре тигра у камина». «Лев», «Вихрь». И, как апофеоз, в двадцать один, по памяти - и наитию - «Цыганка»!

Которосль (между железнодорожным мостом и проспектом Толбухина) стала узка, стала тесна, с пятнадцати она увлеклась Волгой. (Но её «лодочку» вынесла в Волгу всё-таки Которосль.) Парк культуры и отдыха (Ярославль - всё тот же Ярославль, которому она никогда ни за что не изменяла), - без каменной набережной - зелёный, травянистый, песчаный, - весь какой-то... Милый, какой-то простой, весь какой-то... И вблизи, и вдалеке от шумного города; от пугающих Сашенькино развитое воображение многочисленных храмов (что там? Что там творится??), - остров, прикрытый «Стрелкой», как напоминание о Питере, в который иногда к отцу папы они ездили - парк - остров стал её новым пристанищем на несколько творческих лет.

Здесь цыганка, заворожив её восхитительно-пёстрыми юбками, чудным монистом и, главное, глазами, уставившись в её воображённый на Волге фантастический вид, который она рисовала, - здесь цыганская женщина, перелистав её альбом, даже не выпросила ни рубля - ничего, отказала ей погадать. «Э-э, девушка, зачем гадать тебе. У тебя на картинках твоих вся твоя жизнь нарисована». И ещё: «...Красивая, красивого берегись! Ай не видишь, какой он у тебя? Другого бы нарисовала». Но отчего? Что? Почему?

В двадцать пять ненадолго вышла замуж. («Ненадолго», потому что хозяйкой была бестолковой идеально. «Нереальной», как выражался муж.) Родила.

Кроме цыганки, был в юные годы «ещё эпизод». Какой-то мужчина, долго глядевший на руки её, под руки её, пещрящие причудливо, собирающие мозаично рисунок - вид на листе, установленном на мольберт, - мужчина, застоявшийся рядом так долго, что она уже чувствовала его, как себя (и, как себя, по-видимому и её он) проронил: «А Вы думали о том: что хотите нарисовать?» Она задумалась. Она задумалась на недолго - «Всё»: ответила ему она. «Всё?» «Всё. Всё - всё». Ей показалось, он ничуть не удивился. (Или нет: лишь чуть-чуть удивился.) Тоже задумался на недолго. «И ветер? Можете нарисовать ветер?» Разве могла вот так сразу ответить она? «А музыку? Волнение сердца? Радость? Огорчение? Надежду? Смех? Трудную усмешку прожившего жизнь старика и беззаботный смех ребёнка?» Мужчина не спрашивал: вопрошал будто. «Я не спрашиваю. Подумайте». И засмеялся, что-то доставая из сумки, выглядевшей и как сумка, и как портфель. «Возьмите: это моя книжка. Рассказы, повести. Там есть адрес. Когда нарисуете музыку и ветер - разыщите меня».

Поздно вечером она начала и к утру написала. То была красочная, сочная, рисованная, да не кистью, картина.

Это стихотворение было, конечно, не единственным, что она в юности, как все - как многие - написала, но: Единственным!

*Я нарисую музыку и ветер,
И океан несбыточных надежд,
Невинный смех, который дарят дети
И глупый флёр причудливых одежд.*

*Ещё - бокал, наполненный мечтами,
И руку, что разбила тот бокал,
Надежду при смерти, и яблоко с глазами,
И нож, что это яблоко терзал.*

*И стену вечности, и плачущие свечи,
И крылья ангела в серебряной пыли,
И ускользающий прозрачный вечер...
И всё, что вы когда-то не смогли».*

III. «Тринадцать лет спустя»

3.1 «Кисть».

...«Я нарисую музыку и ветер».

Но почему-то всегда чего-то не доставало?

Маленькая наблюдательная девочка (Сашенька), общительная девушка, умеющая постоять равно, как за себя, так и гонять на мотоцикле, выросла в самостоятельную закалённую женщину Александру.

Но почему всегда всего не доставало?

Не доставало укрытий на берегах Которосли, детства. Не хватало мамы - которая и не «просыхала», и не уплывала, и если попадалась случайно навстречу, то всегда «навеселе»; и ты... Не хватало папы - который всё ломал и ломал тебя под себя, и заставлял исполнять то, что считает нужным делать он, - и жить так, как считает нужным жить он; и умер, завещав квартиру гражданской жене, и не оставив единственной дочери квартиры... Не хватало мужа, который гордился тобой, хвастался друзьям своей талантливой женой, и который вёл себя всегда так, будто ты всего лишь одна из его любовниц... Вечно не хватало денег, вечно - своего постоянного угла... Простого человеческого участия.

И никогда с детской поры не бывало счастья.

Когда муж ушёл, работала то в салоне причёсок, то уборщицей, то вахтёршей, то в маникюрном кабинете, то снова уборщицей - чтобы свободно рисовать - и так по кругу.

Всё же, никогда ничего утрюмого она не нарисовала.

У сына в шесть лет обнаружилось странное зрение: при общей близорукости одним глазом он видел вдаль, другим близь. Мальчик, как мальчик - интернет, ноутбуки, друзья, раскрашивание баллонами с краской возможных стен; от отца взял рост и внешность, от матери... От неё... Саша говорила подруге: «Рисует!... Уже сильнее меня. Представь, в художественном училище парни и девчонки его рисунки покупают: тысяча рублей листок».

Сын был, как необходимый в доме мужчина. Однажды она поняла, через два - три года он вырастет так, что мама станет обузой. Что ему потребуется отдельное жильё. Собравшись с духом, напрягши все свои силы, нашла, приобрела домик на окраине.

Может быть, при переборе вещей - при переезде - обнаружилась та книжка. А может быть (так она забавлялась, шутила спустя годы, потом) - может быть весь переезд был нужен только для того, чтобы найти её, найти её. Раньше она её никогда не читала. Теперь открыла и... И увлеклась.

Так странно! Судьба всё себе нужное видит. Всё ей известно заранее далеко впереди тебя. И даже не вехи и Знаки - сами события уже давно расставлены! Судьба, как всеведущий агент Кей из «Люди в чёрном - 2», расставила себе приметы пути. Свой путь можно отыскать, - себя можно найти, - даже если не знаешь ничего о Себе. Даже если память стёрта. Надо себе доверять.

3.2 «Управительница»

То, как жизнь одним днём кончается в 55-ть, не объяснимо. Это надо пережить. Это можно только прочувствовать. И это никому не рассказать...

Нет, как - будто явно никто не выпихивал тебя, никто не проявлял желания «справдывать на пенсию». Решение было собственным. Иногда решения к людям сильным, умудрённым жизнью приходят путями неисповедимыми. Начальник управления/департамента экономики и финансов производственного объединения с общей численностью работающих более 20 тысяч человек - не многие директора заводов равнялись с ней по положению.

«Ирина Германовна, всё-таки Вы уходите... Покидаете нас». «Да, уйду». «Странно. Может быть Вы ещё порабо...» «Нет-нет, всё нормально. Я так решила». «Ну-у... - с Вами спорить бесполезно».

Почему-то в отличие от подруг, в юности она страстно мечтала работать на большом заводе! Точнее так: на чём-то, в чём-то огромном, производящем нужные стране вещи. Зависит от склада души: попала в машиностроение. От рядовой сотрудницы планового отдела предприятия до...

Но кто она сейчас?

Через не задёрнутые шторы в комнату брезжит свет нового дня. «Пенсионерка. Я - пенсионерка. Я на пенсии».

На улице зима, февраль, скоро - март, весна, - «И надо что-то делать». «...Хорошо, что выходной. С понедельника... С понедельника надо приниматься за работу... За какую работу?»

Щелчок замка. «Бабушка, ты дома?» - два детских голоса в коридоре. Робкие шаги к дверям спальни. «Мама, ты одна?» «Заходи - заходи, одна. Что так рано!» «Захожу-у. А где твой...» «Ну-у, как бы он...» «Вы расстались?» «Можно сказать и так». «Жаль. Кажется, симпатичный мужчина. Кстати, ты теперь скажешь, сколько ему было лет?» «Почему - было. Процветает и сейчас, жив - здоров. Сорок один. Сорок два скоро». «О-о! Ты у нас крутая!»

«Бабушка, ты теперь на машине будешь нас катать?» «Да, кстати, ты машину покупать будешь? Служебной, ведь, наверное, больше нет?» «Почему - наверное, естественно, нет». «Интересно, на что ты согласишься после «Лексуса».

«Вы чего так рано? Вот неймётся: выходной день! Поспали бы, повалялись, понежились. Встаю». «Как это - чего? Помочь убраться». «Где??» «Да у тебя же! Вы после

ресторана, после банкета - целая толпа - покатили к тебе!.. Ого! Мама! А где грязная посуда? Не верю, что ты не угощала! Где - фужеры, чашки, ложки, вилки, бутылки? Одни цветы. Где - грязные тарелки?» «Сейчас иду. Я уже давно всё прибрала и перемыла».

Взрослые - сын, дочь, крепко стоящие на своих ногах, - две милых семьи, трое внуков. Ухоженная двухуровневая квартира в трёхэтажном элитном доме на четыре семьи, в первом этаже - гараж; в разных банках - обеспечение на пятнадцать - двадцать лет при умеренности желаний. Плюс пенсия. Вот пенсия.

Снова щёлканье - пощёлкивание, зуд. Ах, это сотовый телефон поставлен на вибрацию. «Привет, лапуля. Как ты? Тебя не накачали вчера твои машиностроители? Никто не соблазнил?» «О-о! При-вет! Нет, не накачали». «Ты не передумала?» «Я не передумываю». «О-ля-ля, это я хорошо знаю! Теперь даже слишком!...» «Всё в порядке со мной, дорогой. Моё место пустовать будет недолго. Новая кандидатура на пост, считай, что назначена. Тебе это ... «Даже слишком» хорошо известно. Кстати, размер бюста у неё на один размер меньше моего, так что, если вздумаешь дарить... Не промахнись. Желаю удачи! Нет - серьёзно! Давай: пока-пока. Звони, мы же друзья, так?»

«...Мама - прости, я всё слышала... Ты это серьёзно? Непривычно слышать от тебя грубости. Ты уверена?» «Ставь чай, я в ванную. Я - мигом. Сейчас выйду-у-у! В махровом халате-е-е!... Серьёзно. Серьёзней некуда». «Но откуда ты знаешь? Ты уверена?» «Разведка донесла». «Боже... У тебя есть «разведка»?... Впервые слышим. Что ещё у тебя есть? Любопытненько, любопытно». «Ни-че-го там любопытного». Усмешка. «Как бы я могла столько лет удержаться в этом кресле. Милые вы мои - там борьба-а. Не на живот: насмерть. И у меня нет иллюзий». «Грустно, мама. Нехорошо. Но, может быть, ты не справедлива к людям?» «Пошли, пошли. К чайнику, а я в ванную. Люди - не справедливы. Поверь, хорошо знаю людей».

«Но всё-таки, жалко, что ты не будешь работать, все говорят: она так хорошо умеет всё учитывать - все тонкости, все нюансы, умеет всё устроить, организовать, управить всем».

Через месяц - уже в марте - через подругу (единственное доверенное лицо, тоже на пенсии, бывшая - начальник юридического отдела завода) - через подругу, увлечённую Индией, индуистской философией, ездящей регулярно к Саи-бабе, - через её знакомых, судьба вывела на «своих представителей природной философии». И в середине марта она (теперь - Ира, наша Ира, наша Ирочка) босиком, в открытом купальнике вошла в ледяную прорубь. «С боевым крещением!» - дружно приветствовало её застолье с домашними пирогами и травным чаем в вагончике «ивановцев».

И полгода прошло в поисках: в различных общественных группах, движениях, течениях, кружках и мастер-классах разных мастериц. Поиски своего жизненного пути.

Осенью, в ноябре, сын деликатно заметил: мама, ты всё купаешься, конечно, это дело твоё, но ты не в первый раз упоминаешь, что, вот, откололся зуб, и сухари перестала грызть

свои любимые. У тебя от этих твоих перегрузок явно крошатся зубы. Может, тебе перестать... Остужаться. И люди вокруг тебя теперь какие-то... Странные. «Такие...» «Какие?» «Взрослые, даже пожилые, да...» «Ну да - взрослые, а как дети ведут себя: ты это хочешь сказать?» «Хуже». «Ну да - с придурью, по вашему - странные. Чудаки, не нормальные».

В своём вагончике - обители местных последователей Порфирия Иванова (где она быстро стала одной из основных фигур, приверженцев «Детки»), - куда провела электричество, оформила в аренду землю, договорилась с мэрией, прессой, стражами порядка) - в вагончике, где собирались, кроме понедельника, каждый день люди самых разных профессий, конфессий, возрастов, в узком кругу она решила посоветоваться. «Девчонки, ребята (как просто! Как жизненно. Всем от сорока до семидесяти, но они не дамы - господа) сама не могу понять: у меня крошатся зубы. Ничего не могу понять... Может, со стороны, как говорится, - виднее?» Общий, суммированный (ею) ответ оказался потрясающим (лучше сказать: протрясшим). (После, спустя год, она сама добродушенько посмеивалась, вслух, приводя свой пример в качестве примера «молодёжи»). Сказывала: радость! Делайте всё только с радостью!) А пока (а тогда) (вот сумма): {Ира, ты же даже не улыбаешься по-настоящему. Ты даже улыбаться не умеешь. А в воду? Тыходишь в воду, как в пекло. Стиснув зубы: потому что так - надо}. Да, принцип: надо - и делаю. Делаю, потому что: «так надо!»

А один молодой человек (дочь ей как-то заметила: «Мама, видела тебя в городе с одним очень интересным мужчиной. А потом видела его ещё раз: он выходил утром из твоего подъезда. Он наш новый сосед? Или у тебя новый «друг»? Кто он? На вид ему лет сорок. Что тебя всё время тянет на молодых?! А девчонки - вообще всё молодёжь моего возраста - у тебя просиживает вечера! У?» Она ответила: «Наверное. Сами тянутся. Что ж мне: отказывать? Что-то не хочется... А девчонки - мне с ними интересно, им со мной. Даже делятся своими тайнами». «А-а, учишь уму - разуму». «А Алексей - он думал, мне сорок три - сорок пять, мы же купаемся вместе. Но я ему сказала, сколько мне. Потом... Ну - после». «И что - он?» «Сама видела». Этот «молодой человек» заставил её покраснеть. «...Он заставил меня растеряться как-то, у нас в вагончике. Неужели я - такая?!» «И что он сказал? Не верится, что что-то может заставить тебя растеряться». «Он сказал: Ирина, Вы - железная леди. Стальной канцлер». «Хм-м. Кажется, он переменял уже своё мнение. Ты у нас мягкая и добрая. И очень заботливая. Без тебя, мы бы все пропали, без тебя, как без рук. И ты у нас очень красивая».

Заставить себя всё делать не по обязанности - с радостью она не смогла. Что значит: заставить радость? Как это??

Ей пришлось перемениться.

И ещё спустя время многие из бывших её коллег «по заводу» уже не могли узнать в весёлой, юморной жизнерадостной женщине, с удовольствием останавливающейся, и останавливающей, поболтать, непременно зовущей к себе, к себе в вагончик на тортик, на чай, простой, улыбчивой, - прежнего начальника департамента, непогрешимую и непробиваемую железную леди, которой пришлось перемениться.

3.3 «Устроитель»

... «17 Тогда Иисус сказал ему в ответ: блажен ты, Симон, сын Ионин, потому что не плоть и кровь открыли тебе это, но Отец Мой, сущий на небесах;

18 И я говорю тебе: ты - Пётр, и на сём камне Я создам Церковь мою, и врата ада не одолеют её;

19 И дам тебе ключи Царства Небесного; и что свяжешь на земле, то будет связано на небесах; и что разрешишь на земле, то будет разрешено на небесах» ...

«...От Матфея, глава шестнадцатая.

Для чего священник вчера дважды повторил мне это?» Вчерашний очередной - и последний - экзамен в духовном училище всё ещё помнился: цеплял, волновал - вздрагивало сердце, окрылялась душа. «Завтра выдача «корочек», окончен труд.

Странно, за всё время они ни разу не попросили денег. Не прознали, кто я, чем владею? Не узнали, о фирме, не знают моих финансовых возможностей? Вряд ли. У них система сбора и обобщения информации лучше, чем у ФСБ. Всё думалось: попросят выстроить с нуля монастырь - у них не заржавеет.

Попросят завтра? Попросят потом?

Нет, теперь уже не дам: хочется чего-то иного.

Кроме того, надо закрыть по полной потребности детского дома. Заведующая робко насчитала на миллион. Значит, на самом деле требуется два: на миллион только крыша.

Почему ей не придёт в голову, что зарплаты у нянечек и техничек ... Стоимость кресла под депутатом Госдумы больше годового фонда оплаты труда всех нянечек детского дома. Надо посчитать дополнительно финансирование на оплату труда. И на пенсионеров, отработавших много лет в этом детском доме.

...А епархия - епархия и без нас богата. Архимандрит ездит на «пежо» ручной сборки.

Мой сосед, госслужащий, он хоть пересаживается на «жигули», когда едет на работу, а «тойоту» оставляет дома - мудро.

...Церковь превратили в бизнес.

Нет, ничего не дам.

...Последний экзамен... Окончен труд. Окончен труд двух лет».

Был напряжённый труд двух с лишним лет.

Два раза в неделю к 18.00 на занятия. Каждый день: готовиться, учить. Готовить выступления, полемики, проповеди, проходить экзаменовки, штудировать Писание: постигать веру.

«Что же теперь».

- Пётр Анатольевич, все сотрудники ушли. Вы разрешите мне тоже? -

Он отложил в сторону Библию, взглянул на циферблат настенных часов: восемь десять.

- Естественно, Зульфия Рашидовна. О чём Вы - конечно. Девятый час вечера, а Вы всё ещё на работе. До свидания, благодарю Вас.

- До свидания, Пётр Анатольевич.

За главным бухгалтером мягко закрылась дверь. Выждав ровно три минуты (пока преданная татарка, которую он когда-то перекупил у товарища, минует общую входную дверь на этаже фирмы) встал. Мягко откатилось назад массивное кожаное кресло. Вышел из кабинета, двинулся по коридору, задерживаясь у дверей, раздумывая, в какие заглянуть комнаты.

В третий, четвёртый, - пятый, шестой, седьмой - раз, задерживаясь так, чтобы ушли все, заранее отпустив водителя, - и заранее сняв номер в гостинице «Уланская» (от офиса неподалёку), он обходил в одиночестве свою фирму. Всё такой же, как много лет назад по плацу в офицерском мундире - ладный, подтянутый, и мягкий и непреклонный, чисто выбритый, пахнущий дорогим парфюмом и не пахнущий табаком, - с разницей между ростом и весом всегда ровно сто, - обходил фирму, и не мог ни к чему придаться. Всё устроено так точно и так основательно, что... Обходи хоть днём, когда работа кипит и неслышно мелькают сотрудники и клиенты, хоть ночью, когда пустынно, и впечатляющ безупречной ровностью кресел, матовым блеском огромной площади овального стола, - и тёмными томами «Британики» в гнёздах шкафов,- переговорный зал.

Днём, в работе - в беседах с сотрудниками, он всё чаще натёкался на строгий взгляд своей верной слуги (которую за глаза давно называли его верной собакой, его цербером), за годы взявшей на себя быть стражем его финансов. Взгляд Зульфии всегда напряжённо следил за каждым жестом, каждым распоряжением его, и, если пребывание генерального директора становилось не обязательно нужным, взгляд сообщал ему: идите, я всё сделаю, за всем присмотрю, со всем справлюсь, и доложу обо всём.

Раз в два месяца три последние года он всегда брал короткий отпуск и - смотря по сезону - летел куда-нибудь, с усмешкой переименовав заглавие Тимура Зульф리카рова: «Странствия великой мечты». Финляндия, Швеция, Норвегия, - Франция, Испания, Англия, Ирландия, Исландия, - Египет, Израиль, - Мальдивы, Канары, Майами, - Канада, Мексика, США, - Китай, Япония, Индия, - Австралия, Океания... Постепенно объехал весь мир.

Постепенно приобрёл квартиры в Чехии, Болгарии.

Коллеги - бизнесмены понемногу из России уезжали: вести здесь честный бизнес, всё равно, что в футбол на льду играть. Он не уехал. Хотя период штормовых колебаний прошёл.

Не уехал может быть потому, что когда обрёл возможность уехать, безбедно жить за границей - и на выбор: вести бизнес, либо ничего не делать - знал весь мир.

Все достижения в судьбе - военное училище, «красный диплом», в/ч, престижный военный НИИ - всё в жизни выходцу из далёкого от Москвы южного городка давались трудом, всё - лучшее.

«...Двадцать один час». Снова не выходя в своей фирме для улучшения ничего, он медленно спустился вниз. Взглянул на часы, кивнул охраннику. Лёгкий ужин в ресторане «Капри», прогулка до Сретенского бульвара, здания Газпрома и метро «Чистые пруды».

Высотка Газпрома постоянно привлекала людской глаз и глас, прогуливаясь, он слышал высказывания о доходах газовиков, зарплатах, налогах, газе, трубе. Миновал стайку пенсионеров. Мысли. «Каждый месяц плачу несколько миллионов рублей налогов. Куда? Кому? Сорок процентов поступлений в казну точно разворовывается». Вспомнилось: недавно делились впечатлениями о изменениях в законодательстве со знакомым. Вспомнилось, сказал: «Государство так заботится о пенсионерах!... Каждое третье выступление Президента. И всё не хватает налогов. Так дало бы мне лучше государство двести конкретных пенсионеров. И сказала: П.А., выкручивайтесь, как хотите, но чтобы - все их потребности. Поверьте, на те деньги, что я перечисляю государству, я бы сумел сделать так, чтобы двести пожилых людей ни в чём не нуждались».

Прогулка, апартаменты (номер в гостинице). Ещё одна полубессонная ночь; в постели с открытыми глазами, взглядом, устремлённым в потолок, с руками, закинутыми за голову на подушке.

Лёгкий на подъём и отзывчивый на доброе дело последний год (исключая часы, отдаваемые бизнесу и постижению православной веры), он постоянно пребывал в раздумье. Так в густом тумане дрейфует могучий боевой корабль.

Занялся укреплением финансовых дел дочери, сына, помог бывшей супруге (хотя до сих пор не мог ей простить внезапный уход и развод, - страшный, как русский бунт: бессмысленный и беспощадный). Занялся делами сына брата, сына сестры, повесил на себя ещё с десятков разных обуз: лишь бы не быть без дела. Лишь бы быть всё время кому-то нужным - кому-то, чему-то, - кем-то, чем-то всё время заниматься.

Утро. Снова болит желудок; и левое плечо, левая нога.

Но - душ; и превосходный костюм; и превосходный вид преуспевающего бизнесмена.

И никто бы не подумал, что этот цветущий человек, имеющий всё, в свои сорок восемь начинает разваливаться.

Быстро - чёткое решение неотложных вопросов, цербер - слуга - зам всем видом показывает: отдыхайте, со всем сама справлюсь. С нежеланием, но по необходимости, сегодня непривычно рано вынужден уйти. Поездка в духовное училище, необъяснимая радость от получения выпускных документов. «Смешно. Будто получил... Будто в руках не аттестат - проездные документы». Вежливо отфутболил проводку на деньги. В машину, домой.

Дом был любим. Выстраданный, выхолонный. Уникальное для Москвы место. Сорок минут езды на машине от МКАД, по шоссе, поворот, посёлок в два десятка домов, участки в рыжих стволах - зелёных кронах: соснах.

Странная мысль «куда бы поехать» точным синонимом мысли «чем бы себя занять», преследовала, как на гонках болидов преследуют лидера; висела, как дамочков меч, который месяц. (Не день!)

Недавно собирались тесным кругом - всё коллеги по занятию, все давние знакомые, имеющие бизнесы: делать деньги на деньгах. Доходы каждого примерно известны, смешно скрывать. Личный доход в месяц один - два миллиона - норма. И каждый второй, как обычно, после изложения новых проблем, после рюмки плакался: «А вообще бы!... Иметь бы «стошку» в месяц - и на хрен вся эта головная боль!... - и спать спокойно. Ну её к аллаху, фирму, век бы её не видать». «...А назавтра, - как встанет утром, как представит, что впереди целый день, и делать ничего не надо - нечего - сразу паника, сразу бегом на работу. Хотя жизнь всем будто обеспечена.

Чем занять себя теперь?»

Так побродив по дому (всё безупречно устроено, вымерено, выверено, сделано), по участку (где также всё безупречно), позвонил Зульфийи: с вниманием выслушал отчёт. Нашёл неровности, отдал указания.

Потом завёл одну из машин, поехал. Руки привели в новый посёлок: стройку за искусственным водоёмом. Четыре длинноруких экскаватора, один за другим в паре, выбрасывали грунт: котлован ширился на глазах. Несколько КАМАЗов, тяжело гукая, развозили вынутый грунт в разные стороны, высыпали. Два огромных бульдозера «Катерпиллера» резво разгребали свежие отвалы. «Роят озеро и засыпают болото». Ещё несколько единиц разной техники тянуло песчаную насыпь. «Подводят дорогу». Движение заворожило невиданным дивом. Он надолго залюбовался.

Любование - пробило брешь в осторожной практичности, в жёсткой привязанности к комфорту, вывело к скрытой в глубинах души мечте.

К утру точно знал, чего хочет. «Не знаю, зачем, не знаю почему: хочу строить. Всё! Систему водоёмов, между ними «острова», на них дома, к домам мостики, дороги». Вспомнился замысел Васильевского острова, так, из-за русского разгильдяйства, и не осуществлённого Петром. «...Какие-то, обязательно, мастерские - столярка, мебель, плотники, гончары... Мастера своего дела... Пусть люди творят, работают и зарабатывают... Рожь, пшеница, козы, коровы... - всё, что возможно: питание от своего труда, от земли... Кругом лес - и ни-ко-го. Никакого вмешательства государства: частная собственность. Буду строить. Знаю - на что, знаю - что, не знаю: зачем. Надо искать того, кто это знает».

3.4 «Русский характер»

Теперь он снова, как почти пол прошедшие века назад, дневал и ночевал здесь.

А почти пол прошедшие века назад, в четырнадцать лет, он ходил во все мыслимые внешкольные кружки, где можно было что-либо изобретать, а придуманное сделать своими руками. Вторник и четверг: Дом пионеров с его таинственной фотостудией, ведомой увечным военным бывшим фотографом; казавшимся в свете красных лабораторных фонарей магистром тайного ордена. Среда, пятница, суббота: станция юных техников; где директором - и главным актёром детского спектакля о волшебной стране ершистых смекалистых самоучек - отставной военный; он же - неудавшийся школьный учитель; которому помогала, работая здесь же, его кроткая; от которой обожаемый самоучками директор втайне, в радиолaborатории, пил.

Мальчишка он был шустрый.

Его машинки двигались, бегали, как заводные, лодки, - а затем: корветы, яхты, - уверенно плавали под всеми парусами, ракеты - и взлетали и летели, самолёты кружились, железнодорожные составчики безукоризненно двигались. И проявлялись на фотографиях. Он творил что угодно!

Оба «магистра» выделяли вдумчивого паренька из общей курносой толпы и в глубине сердец своих прочили ему большое будущее; но призовых мест он не брал, обладая странным свойством характера: безвозмездно и с лёгким сердцем делиться достигнутым. Чему (возможно) способствовало и имя: «Александр». «Защитник людей». А-лек-сандр.

Наблюдая потом счастливого обладателя красной (шло время развитого социализма) грамоты - за устройство подъёмного механизма, водяной мельницы, за модель грузовика, или кубок в руках другого, не менее счастливого, за победу в соревнованиях на дальность полёта моделек «Максим Горький», - мог похвастаться в кругу ребят и, особенно, дома: это я ему подсказал и показал, как сделать! Или: это я изобрёл!

И никогда никому не завидовал.

Со временем, раздав за десятки лет даром уже невероятное количество своих усовершенствований, находок, изобретений, он приобрёл точно черту характера: хвалиться.

Особенно, когда выпьет.

Легко справляясь со всеми предметами в школе, в семнадцать лет он нацелился в вуз. Но в какой? Куда? Отец (кадровый военный) настаивал: иди в военное училище, сын, иди служить в армии.

Трудно сказать, чем привлекательно инженерно - сапёрное ВУ, от одного названия которого попахивает окопами и лопатой; но его, А.Я.Чижевского, ни стрелять из пушки, ни бегать с пуляющим автоматом, ни ездить на громыхающем танке, ни наводить на цель ракеты - не увлекало. Как и десантироваться сверху на врага, ломая тому руки - ноги. Вот устроить врагу что-то - такое хитрое, чего нигде, ни у кого!... Не виданное - в чём он застрянет и не выпутается, и сам застрелится от несчастий и тоски. Либо самому распутать козни, только не дипломатические, а инженерные - вот награда!

Итог, в двадцать два: лейтенант - инженер. Сапёрный взвод.

Был он не красив, а лишь симпатичен, приятен. Отличался правильностью мужских черт в фигуре, лице. Лёгок на подъём. Хороший рассказчик, балагур. Не атаман, но обаяние, магнетизм натуры, несмотря на отсутствие стремления лидерствовать, подавлять, - обаяние включалось, как гирлянда новогодних огней, - с первой улыбкой, с первым произнесённым словом.

Оттого девушка в жёны попалась ему (не по заслугам, завидовали сослуживцы; но; внутреннее равно внешнему!): великолепная. (Здесь «великолепная» стоит понимать: лепо сложенная, украшенная - вылепленная фигурой и лицом.) (Характер - отдельная статья устава.) Такими же вышли: сын, дочь.

...Всё у майора было! Всё было...

Всё.

... - Баталь-о-о-он! Р-рав-няйсь! Смирно! Р-р-в-нение: на середину! -

Хорошо поставленный командирский голос заглушал даже ветер, срывающий вокруг плаца на деревьях листву! Ступня всей силой - плашмя на асфальт. Привычно. Чёткие удары обутых в сапоги ног. С последним шагом, с приставлением ноги (как в хорошо отлаженном механизме): последний взмах левой руки с приложением её к галифе с тонкой красной стрелой. Последний взмах правой руки - ладонь к козырьку. Отлично. Хорошо служить хорошо!

- Товарищ полковник! Отдельный инженерно-сапёрный батальон... полка по Вашему приказанию для строевого смотра построен! Командир батальона майор...

- Вольно.

- Батальон! Вольно.

Ему пришлось вздрогнуть от неожиданного обращения: - Как дела, Саша.

Полковник, заместитель командира дивизии по боевой подготовке, почти одноклассник (но имеющий такие серьёзные родственные связи в МО и ГШ, и такие способности брать всё от службы, что продвигался в служебной лестнице со скоростью

БМП, машины при умелом вождении ловкой, маневренной, вездесущей) - полковник, известный своей надменностью к нижестоящим, к младшим по званию, известный своими субординацией и служебным рвением, - полковник даже за столом так никогда ещё к нему не обращался.

- Что, Саша, готов к выполнению боевой задачи?

Он ответил, как положено отвечать по уставу:

- Так точно, товарищ полковник. Батальон к выполнению поставленных задач готов!

- Да брось ты эти - «есть», «так точно». Давай нормально поговорим. -

Полковник понизил голос, рукой, одним движением, отправив от себя подальше вытянувшуюся в двух шагах свиту.

Ему показалось, полковник шарит по карманам в желании закурить. Нет, достал пачку и передумал. Слава богу... На строевом смотре?... Перед строем батальона!... На плацу! Всё, трындец: что-то Случилось. Сердце ёкнуло: в Афганистан... Нас кидают в Афганистан.

Повея его за собой, будто начинает проводить смотр, начал осмотр издалека, в общем его батальону, взглядывая на него, но избегая глядеть в глаза, полковник начал ронять отрывистые фразы.

- Как понимаю, скоро кончится у нас вся эта... - Неопределённый жест рукой, сердитость, на лице почти гнев. Комбат отметил: командир роты, которую они проходили, втянул голову в плечи, в ужасе замер. Раз-нос... Беда! - Скоро сдохнет вся эта... субординация. Посылаю нас в Афганистан, комбат. -

Тоже непривычное обращение: так - только, когда война.

- Меня - начальником объединённой дивизионной группировки, тебя - с твоим батальоном.

Об этом - пока никому. Особенно жене!

- Командирам рот?

- Не смей! Нет.

Сболтнёшь, пойдёшь под трибунал, понял!

А там, - снова сердитый неопределённый жест, - там сам расстреляю. -

Полковник остановился. Придвинулся, в упор, яростно (ну всё: казздец нашему командиру, решил батальон, где-то командир здорово прокололся!) - яростно, глядя прямо в глаза, зашептал:

- Там... Не выполнивших приказа там: буду расстреливать! Представляешь, Саша! Я - буду расстреливать. И ведь расстреляю!... А знаешь, почему? Потому, Саша, - быстрый продвигенец «наверх» взял его за отворот шинели, - что там: стреляют!... Тебе это могу сказать. -

Они когда-то, когда были капитан и майор, сживали за водкой за одним столом вместе, в одном «кабаке», потом в компаниях.

- Там... Там по-настоящему стреляют. Это не слухи. Хотя запрещено оглашать. Стреляют! Да и, знаешь, - насмерть.

- Вы боитесь?

У него всю жизнь глупо вырывалось то, чего не стоило говорить. Вырывались неосторожные слова как раз тогда, когда лучше было бы промолчать.

Полковник побагровел.

- Вы забываетесь, майор!

Вы не забыли, с кем разговариваете??

- Так точно, товарищ полковник.

- ...Тьфу ты, скотина - как всегда!... Давно бы уже подполком был!...

Ладно. Считаю, строевой смотр проведён. Оценка «хорошо».

- Но умения все подготовлены на «отлично».

- А-ат-ставить!

Опять за своё??

Не может быть «на отлично», когда командир батальон не умеет разговаривать с проводящим строевой смотр начальником!

Идите!

- Есть.

- Поздравляю.

Иди и учи своих людей.

- Чему, товарищ полковник?

- Бо-е-вой-под-го-тов-ке!

- А как это теперь: учить?

- А я, бл...дь - знаю???

Весь этот день, несмотря на бурную, активную деятельность, на широкую ногу хлебосольный обед с представителями штаба дивизии, с возлияниями, имевшими, как всегда, место быть, - со спиртом, всегда имевшимся в запасах сапёра, - весь день и весь вечер он находился в состоянии сознательной комы. Комы, прострации, ожидания неминуемого оглушительного удара лопатой по голове. Состояние проверяющего сказало ему больше, чем все разговоры и все сводки под грифом «два ноля» (сов.секретно). Отправив всех, заперся в кабинете с замполитом, которому всё рассказал; выпили на двоих ещё бутылку. «Не болтай. А готовь. Готовь исподволь офицерский состав. И сержантский. Ходи вокруг да около. «Брестскую крепость» пусть читают. Крути фильмы о войне. Но - ни слова. Да, капитан: и не вздумай сбежать! Догоню, пристрелю. Сам. Понял?»

Домой не пошёл: сославшись на проверку из дивизии, ночевал в батальоне. Наутро, выпросив у зам командира дивизии командировку, рванул в родное училище.

Интуиция, смекалка - всю жизнь его выручали, никогда не подводили его.

Этот старый преподаватель, над которым курсанты, кто ехидно, кто доброжелательно, посмеивались за его - ветхость, дряблость, мягкость, вежливость, снисходительность к курсачу, - этот старый полковник когда-то на лекции (преподавателей скучных предметов любят отвлекать: «расскажите, как Вы...») ушёл в воспоминания. Старик простенько рассказывал, как он прыгал 200 м по минному полю, уставленному противотанковыми и противопехотными минами. На спор. (В Великую Отечественную.) А когда допрыгал до края, и оглянулся, им овладел такой ужас, что он не смог себя заставить пройти по минному полю ещё раз. Засел в брошенном пулемётном гнезде, в одиночку сутки отбивал вылазки гитлеровцев. За что получил «Красную Звезду». (Орден.) Из рассказа на лекции выходило: ни за что, ни про что - так просто. И курсант Саша Чижевский тоже, вместе со всеми, смеялся; но уже тогда, цепким взглядом «левши» наблюдая за стариком в «больших погонах», однофамилец гения понимал: полковник просто мудр. И вот так, во время шутки, их учит.

Теперь - он вспомнил. И нашёл его. Старик был жив; и всё такой же.

- Товарищ полковник, Вы единственный, кого я знаю, кто воевал: помогите!

- Чем же могу помочь, мил человек? Чем хоть командуешь?

- Батальоном.

- О! Здорово, комбат.

- На войну отправляют.

- И?

- Как это: воевать?

И когда старый полководец вполне (помощью разных своих методик) убедился: перед ним не засланец НКВД (а страх «37 года» во-первых живёт во всех тех советских людях), убедился - не «стукач», и не трус, надумавший найдя причину сбежать вовремя, произошёл разговор.

Описывать его - повторять прописи (прописные истины). Есть вещи неизменные в природе вещей. О практике войны, о том, как, каким на войне быть комбату. Писать заново? Нет, сошлёмся, например, на А.Бека. «Волоколамское шоссе».

Домой (в батальон) комбат ехал...

Имелось у него ещё несколько отличительных качеств. Например, умение безоговорочно доверять. (То есть, он обладал свойством: верить!) Например, преданно слушать. Например, мгновенно учиться. И, когда знаешь, за чем идти, не знать страха.

Ещё можно говорить об усердии, преданности, трудолюбию.

Но в том, что касалось лично себя, скорее он был нетерпелив.

Сидя в вагоне, и думая о своём, он думал, что и с женой, пожалуй, поторопился.

Но ещё и ещё раз - за чаем ли, выходя в тамбур курить, всё вспоминал произошедший разговор.

...- Не завидую тебе, комбат...

Так, говоришь, помнишь, как я баял, как на спор прыгал через минное поле? Ох, молод был, был безрассуден.

- Почему, товарищ полковник, говорите: не завидую?

- О, услышал.

Тогда скажу.

...Кто в Отечественную был в солдатах? «Деревня». Не понял? А вот потом поймёшь. «Деревня». А кто теперь - кто: откуда солдатики в батальоне? Из города. «Город». Теперь - «город». Непривычные они: к тяготам и лишениям, не-при-выч-ны.

Что сё означает, дружок? Не привычливы. Плюс своевольны.

«Деревня» - что, она привыкла и не доест, и не доспать, и задарма вкалывать. «Город» иное.

Итого, друг мой, какая первая твоя задача? -

Он не помнил, что, проямлив, ответил. Мягкий старикан вдруг ошеломил огневой яростью:

- Есть не давай! Спать не давай! Дери, как сидоровых коз: гоняй, гоняй и гоняй! Не сам, не сам. Толково поставь задачу ротным, те - взводным.

Про жизнь забудьте: муштруйтесь день и ночь!

Научитесь: не спать, не есть, спать, где придётся, дрыхнуть час в сутки, когда дадут, жрать, что придётся, голодать. Научи: сначала стрелять, потом думать! Часовым за сон на посту: шомполов по задницам, а не гауптвахта! Человек, он на боль памятлив. -

И ещё, и ещё, и ещё.

... - Невозможные, невыполнимые всё задачи ставите, - наконец, решился пошутить он. - У меня, может быть всего две недели сроку. -

Старый полкан аж окрысился!

- А-ат-ставить! Не сметь! Чушь несёшь комбат!

На войне - втемяшь себе в голову, комбат! - существует всего одна невыполнимая задача. Какая, знаешь?

- О-о - какая?

- Остаться в живых. Понял?

...- А вообще, ты, комбат, понял, какая главная задача твоя на этой войне? -

Ухо вдруг отметило антисоветское настроение: ударение на «этой».

- Какая, товарищ полковник? -

Шёпот.

- А людей своих под удар не ставить.

Чтоб у тебя, комбат, не погибло ни одного солдата.

Понял - что я тебе приказываю!

- Ужас...

- Дери их в хвост и в гриву - и на Родине, и за Родиной. Только одного не давай.

Чего?

- Я понял, есть, товарищ полковник: погибнуть.

Как это ему удалось?? Одному Богу известно.

Были... Офицеры... Но это профессия их.

Погибают - пожарные, сотрудники милиции, - и горноспасатели, и врачи.

Офицеры «Есть такая профессия: Родину защищать».

Надо прибавить: русская, чисто российская, русская.

Погиб замполит. Шальная пуля.

Из его последних писем домой.

«...Иногда крепко выпив, мы с ним забавляемся, и при несогласии рычим друг на друга, как два бульдога: «товарищ май-йёр-р-р!...», «товарищ ма-ё-р-р-р-р!...». Только он громче. Потом хохочем. Тогда мне отчётливо представляется, как этот его рык раньше разносился на полкилометра по батальонному плацу при построении батальона. Яныч худой, высокий, жилистый, уже в морщинах. Люблю его за неистощимую смекалку, неуёмную энергию, всегдашнюю готовность помочь, за весёлый бутотёрский нрав.

Но ещё больше люблю - нутром, уже не сердцем, не умом - животом, как любит, наверное, только собака - вот за что. Попробуйте понять меня. Это понимают только кадровые военные, бывавшие под не учебным огнём. Люблю за то, что за все «боевые действия» у комбата в нашем батальоне не погиб ни один солдат. Ни-од-но-го. За это прощаю ему всё!

Мы на отдыхе. И недавно он в одиночку напился мертвецким. На плащ-палатке двое ротных, я и один солдат несли его в штаб. Какая паника поднялась в батальоне! Это надо видеть! Кто-то сдуру крикнул: «Комбата убило!...» Всё сорвалось с мест! Солдаты бегут, орут, плачут... И тут я увидел глаза одного из солдат - светленький такой парнишка, совсем пацан. Сел на кучку досок, уставился, хлопает глазами - отчаяние, и слёзы бегут из глаз. Кто они? Они - мальчики, восемнадцать, девятнадцать лет. Оторвали мальчиков от мам.

И теперь я смотрю на моего шального комбата - снизу: преданно, как собака, смотрю на него глазами того восемнадцатилетнего паренька в солдатской форме, который не погиб в Афганистане. А сверху - сверху смотрю на него глазами матери. У которой сын вернулся живым».

Не умел делать карьеру. Только к пятидесяти, к последним годам службы стал полковником.

Гражданская судьба не задалась.

Получил в тёплых краях, при увольнении, по выслуге, квартиру - захватила себе при разводе жена.

Пригласили в администрацию - начал горой стоять за людей и резать правду - матку. По-тихому выперли в МЧС. Здесь всё б хорошо, но отчего-то стал пить. «Попросили»... И из служебной квартиры.

Замечательная русская «карьер»: из боевого полковника - в бомжи!

Запив, потом «выйдя», после очередного запоя пристроился кочегаром.

Нет, всё-таки Бог не оставляет отмеченных искрой людей.

Есть незаметные женщины. Аристократического содержания кочегар (Тверь, он очутился в Твери) увидел знакомое название («Станция юных техников»), зашёл. Расплылся в улыбке, попав в родную атмосферу, заговорил с одной из сотрудниц, стоявшей в группе девчонок - мальчишек. Она оказалась заведующей.

Через год ей было невозможно представить себя и свою работу без «Саши». Любый кружок! Любое рукоделие!

Из кучи металлолома соорудит карт, из трансформатора - электросварку. Старая кровать режется на уголки и превращается в гончарный круг (под его руками). Аварийная электропроводка заменяется - где-то надыбал электрических кабелей. Входной дверью перестали хлопать, вышибая косяки, потому что (когда не помогло в шутку заявленное: «ох, кого-то прикажу перед строем расстрелять...») устроил деревянный кулак. Кулак вылетает при определённой силе удара дверью по косяку.

Одно не удаётся: как уйдёт «к друзьям» - так на неделю.

Так и жил - поживал - умный, начитанный, рукастый, беззаботный, милый - благоденствуя за незаметной женщиной, как у Христа за пазухой; счастливая себя, как ребёнок, изобретениями среди детей, вдохновляя и радуя детей.

...Изхлама соорудит токарный станок, алюминиевыми листами, что остаются после набора газет, договорившись в типографии, покроет худую крышу, из остатков мебельной упаковки со свалки соберёт целую мебель, восстановит списанные стул, стол... В общем, из любого г... сделает конфетку, и - что там можно сварганить ещё из говна?

Жил - не тужил, заплёбываясь от яркого прошлого, и отдаляясь в туман от него, пока не прочитал в одном из присланных журналов, которые собирал для себя и для станции своих юных техников повесть - весть «Мастер».

IV. «И ещё плюс год»

4.1 «Елена - Мария»

или

и

«Наш детский сад»

...- Мама?

- Мама, а чего Ромка дерётся!
- Мама, а когда мы будем есть?
- Мама, можно, я пойду гулять.
- Мама, а где взять кроссовки?
- Мама, а если забор упадёт, на нас нападут пчёлы?
- Мама, а ты сегодня когда придёшь с работы-ы?
- Мама, а что мне сейчас делать?!
- Мама!...

- А где мама? А куда пошла мама-а?

- Жанка, где мама?

- Где наша мама?

Что делать, если? Куда пойти после? Что одеть до-? И что после поесть? Сто вопросов в день задаёт один ребёнок. А сколько - когда ребёнок пять? А - шесть?

Ей было всего тридцать, и своих личных, то есть, именно собой рождённых, было всего двое. Их было бы больше, но с двадцати шести рожать стало не от кого, а желание любить их - видеть, держать, кормить, пеленать, одевать, отвечать на вопросы: жить ими! - было ТАКИМ, что она начала каждый год брать (приёмными) по одному. Образование (педагогическое училище) и профессиональный опыт (работа социальным педагогом) позволили это.

Небольшой город на берегу Азовского моря, куда она приехала к двоюродной сестре в представлениях о лучшем климате и фруктовой пище для своих (тогда двоих) детей, скоро её разочаровал. Притерпелась, свыклась, всё устраивая, жила, подбирая, прибирая детишек всё новых. И через пять лет даже представители роно - эти не имеющие живых материнских инстинктов старые девы при власти, - даже эти административные надзиратели отзывались о ней с искренней теплотой. Их, настроенных только на то, чтобы в строгом соответствии с инструкциями и инструктажем, всё проверять, даже их по человечески пронимала атмосфера непринуждённой детской объединённости, царившая в её бедном крыле дома.

- Мама, когда мы будем обедать?
- Мы будем обедать через час.
- Мама, а когда это: через час?
- Это, когда ты шестьдесят раз скажешь вслух «двадцать один».
- Мама, а сколько это, двадцать один?
- Это семь умножить на три.

А ещё, это столько лет.

А ещё, это столько детей, сколько будет в нашей семье, когда...

- Вот здорово!!
 - Мама, а где тогда будет стоять столько кроваток?
 - Мама, а куда вылить горшок?
 - Мама, а где ты столько нас возьмёшь?
 - ...Так, Рома, - где у нас Ира?
 - Ирка опять на пляже с девками.
 - Нет, не так: Ира. Повторяй.
 - Ну - Ира...
 - На пляже с девочками.
 - Ну - с девочками...
 - Мама, а чего он нукает?
 - Он думает, что... Что он: конь.
 - Ха-ха-ха - ты понял! Конь - конь - конь - конь...
 - Мама, скажи ей! А то я сейчас ей!...
 - Что ты ей?
 - Ну, не знаю. Яблока не дам!
 - Па-аду-умаешь, напугал! А я яблоко сарву в саду, вот!
 - Тише - тише - тише.
- С какими девочками Ира на пляже?
- Не знаю.
 - А ты?

Ладно. Сейчас переодеваюсь, и идём купаться, гулять.

Но ни яблоки, свисающие с веток у самых дверей, ни окна, выходящие в сад, ни тёплое море не радовали её. Постепенно, даже в бесконечной сутолоке забот, не дающих ни выдохнуть, ни вздохнуть, не оставляющих места для мыслей о себе, она убедилась точно в двух вещах. Здесь ей не найти себе мужа. (И огорчение от этого всё более превращало жизненное пространство в клеть.) Здесь она не сможет занять настоящего детей. Это - превращало её из наседки в растерянную курицу. Неприятно чувствовать себя глупой птицей, у которой мозгов не хватает: чем воспитать детей?

Дети называли её «мама», сестра с мужем «наша Лена», сама она чувствовала себя «Марией»; а соседи, дети которых всё более прилеплялись к её широкому подолу, - всё более: наш детский сад.

- Тётя Лена, мама сказала прислать кого-нибудь: она сварила во-от такую кастрюлю на обед!

- Тётя Лена, а моя мама просила Вас сказать: сколько принести рыбы?
- Тётя Лена, какой суп будет сегодня на обед?
- Ты что, не понял? Какой - какой: какой сварила твоя мамка!
- Тётя Лена, а после обеда будет сказка?
- Ха - сказка, вот пристала: всё ей сказка...
- Сказка будет сегодня вечером.

Её произвольные чувственные планы заходили так далеко, что... Как океанскому мореплавателю озерцом казалось Азовское море.

Каждый новый ребёнок, - каждый следующий, - был для неё ступенечкой, на которую нужно себя поднять. Может быть, так поступает проводник, взбирающийся с всё увеличивающейся группой новичков в горы. Однажды испытав жизнь в точности по велению сердца, трудно сойти с ТАКОЙ колеи.

Никакой - эзотерикой, религией - гносеологией она никогда не заморачивалась; отшучиваясь от соседок, в шутку желала себе: лучше весёлого пахаря - тракториста, пахущего мазутом, чем... Чемпиона. Просто жила. Практическая. Сердечная. Ave Maria.

- Мама, а откуда у нас новый такой фотоаппарат?
- Вика подарила.
- Мама, а кто это: Вика?
- Мама, где мой ремень?
- Ты на нём стоишь.
- Мама, у меня горло болит: посмотри-и. Язык высовывать?
- Мама, зачем ему высовывать язык, у него он всё время высунут - ха- ха- ха!...
- Ну зачем ты так: он просто запыхался, он бежал.
- Мама, мы нашли кошку с котятами. Можно мы её заберём к нам?
- Мама, я рубашку порвал.
- Мама, ты почему не улыбаешься?
- Мама, Ирка опять на дерево влезла!
- Мама, дай мне новый носок...
- Мама, дай поесть...
- Мама, у меня сопли текут...
- Мама, меня это дерево стукнуло...
- Мама, ты куда...
- Мама!...

Известный жизнелюб и человековед Достоевский считал самым невыносимым, самым тяжёлым на каторге: невозможность никогда побыть одному. Наверное, на-

стоящее лихо обошло его стороной, пожалело; и «дом жёлтый» потому показался сумасшедшее детского дома.

За то, что он стоит во главе (то есть, обязан, должен - по должности учитывать миллионы потребностей и желаний) президент получает тысячи тысяч долларов и пожизненную пенсию после трёх - пяти лет своей работы; иначе, никто не займёт место, где сойти с ума столь легко.

От тысячи вопросов, из которых «сто по одному месту» (поговорка; то есть, сто раз об одном), она... Наверное, она уставала. Зато, когда она уставала и, присев днём, начинала дремать, её нежно целовали детские губы, детские руки нежно гладили её.

- Ма- ма! Мы все лежим.

- Иду-у. Видите: вытираю руки, фартук снимаю - иду.

- Ты обещала сказку.

- Ой!... А почему вас двое в кровати!...

- Что же ты забыла, мама: Светины родители поехали и передали записку...

- Ах, да. Всё: тишина. Слушайте.

«Далеко - далеко отсюда, за морем, на котором жили - были дети с их мамой, жил один добрый человек...»

Не зная, как выразить себя, - то есть, всё то, чего она для себя и детей: своих нынешних детей, своих будущих детей желала - она просто вспомнила понравившихся ей людей. Когда-то в школе, где она вела начальный класс, уроки труда у мальчиков вёл учитель труда - столярное дело, слесарное, электро - мужчина, а уроки труда у девочек - кройку и шитьё, кулинарию - учительница, его жена. Всем мальчикам, да и всем педагогам, всей школе, казалось: их учитель труда умеет делать всё. А его жена, (кроме всеобщего завидного: ах, как она дополняет его!) - прекрасно варит кофе, умеет выслушать, никогда не спорит, и очень умело шьёт. И вот она просто вспомнила, и просто доработала - додумала - эту нравящуюся ей пару. Так просто родилась сказка.

- А у них были дети?

- А у него была жена?

- А может, ты будешь у него жена?

- Ти-ше. Как мы договаривались? Вы - спите. Вы засыпаете, и видите во сне то...

- ...То, что рассказываешь ты.

- ...То, что рассказываю я.

Простим ей, как рассказчику, возможные поучительность и назидание, возможно прозвучавшие в её сказке, ведь цель у неё всего одна: ответственность за детей.

«Далеко - далеко отсюда, - далеко от южного моря, где жили дети с их мамой, жил - был один добрый человек.

Когда-то он понял: быть добрым - это в жизни самое наинаглавное! И тогда - и тогда он научился им быть.

И полюбил на свете всё.

Он любил травиночки, кусты, деревья. Животных, птиц. Никогда не ломал ветки, если нужно набрать с них ягод, а срывал их, аккуратно придерживая. И даже каркающих ворон, которые всем мешали спать, не прогонял, бросая в них камнями или выстреливая из ружья.

Если птенцы ласточки или синички падали на землю, когда учились летать, он подсаживал их повыше, на ветки, где их не сможет достать кот.

Он очень любил воду. И никогда не мыл в речках свою автомашину. Любил огонь. Звёзды, луну, солнце, любил бегущие по небу облака.

Он был добр к людям, и помогал всем, кому, он видел, требуется помощь.

Никому не надо было просить его: помоги мне. Он сам всегда думал о том, кому он ещё может помочь, быть полезным? Кому?

Конечно, ни с кем не ссорился, не ругался, да и как может ругать других тот, кто с уважением относится ко всем людям.

И вот, он узнал, что такое: самое главное. И начал узнавать всё дальше. И тогда - и тогда понял: человек может уметь всё.

Тогда он начал учиться. И учился всю жизнь. Как древний мудрец Пифагор. Но если Пифагор изучал и учился премудростям наук, то этот добрый человек, который сначала стал добрым, решил учиться премудростям жизни.

Сначала он научился играть на баяне и фотографировать. Потом - потом строгать, пилить, вырезать. Потом - чертить, рисовать. Потом строить. Ещё потом: сажать огород, устраивать сад.

Так постепенно он стал уметь всё.

Он мог выкопать реку, проложить дорогу, посадить сад, построить дом. Сам, конечно. Сам - заложить фундамент, сам сложить стены, сам покрыть крышу. Да, а в дом - сделать всю мебель, повесить лампочки, поставить розетки и выключатели, и всё подключить к электрическому столбу. Когда электрики повесят провода.

Он научился и мог: выбрать для дома - книги, картины, гитару, пианино, мог приготовить очень вкусный обед, а на пианино и гитаре - сыграть.

Так как он был добр и помогал другим, и всё умел, он стал богат. Вредные люди называли его «богач», а хорошие люди называли его «Мастер».

Конечно, у Мастера была жена. Которую он очень любил. И без которой не мог представить себе жизнь.

А так как он был добр, конечно, у него была очень добрая жена. Которая ему во всём помогала и всё, что он делает, любила. И, конечно, у них были дети.

Конечно, такой человек не мог прожить без своей земли. Так как он был богат,

у него было много земли. И даже люди удивлялись и спрашивали: чей это красивый луг? Чей это благоухающий сад? И могучий лес. Тогда его средняя дочь, девочка со смехом и с косичками, отвечала за всех: маркиза Карабаса!

Так она объясняла, что её отец всего достиг сам.

Однажды - а в этот день был сильный ветер, сильно хлестал дождь - Мастер сильно задумался. Он посмотрел на окно, в которое бил дождь, в котором отражались его дети, сидящие у огня - да, в их доме конечно же жил весёлый живой огонь. Мастер посмотрел и подумал о том: разве у всех детей есть такой удобный дом? Есть такой добрый огонь?

И раз он подумал, он, конечно же, сразу стал строить такой дом! Дом для мамы с её детьми.

Вокруг стройки, пока он строил, его жена с его детьми посадили чудесный сад. Тогда в саду он сейчас же сделал бассейн с фонтаном. Для чего. Для того, чтобы мама могла сидеть у фонтана, пока дети будут купаться. А ещё - ещё он знал: дети должны уметь всё! И поэтому - и поэтому в их доме он устроил множество комнат, где можно чем-то очень полезным заниматься.

И как только он построил дом и как только зацвёл сад... вдруг сразу!... нашлись: одна мама и её дети.

Они приехали в один город в зоопарк на экскурсию. Там Мастер заметил их и, конечно, сразу всё увидел и понял. И пригласил к себе. Он сказал: а вдруг у нас вам понравится.

Они приехали и вошли в дом.

Конечно, дети сразу попросили показать им «полезные» комнаты. А как же иначе?

В комнате для рисования они с любопытством глазели на столы с листами и разложенными во множестве чудесными кисточками. И красками. В комнате для фотографирования тихонечко ходили, трогали загадочные устройства для проявления плёнок, фотографий, рассматривали разные фотоаппараты. В музыкальной комнате брякали на рояле, на гитаре, растягивали вдвоём в разные стороны баян... Потому что - это всё от радости. И Мастер им ничего не запретил.

В одной комнате для труда мальчишки схватились за молотки и рубанки, а в другой - девочки за машинки для вязания и шитья. А в спортивной комнате все, как сумасшедшие, стали прыгать, кувыркаться, как обезьянки, взбираться на стенки по лестницам, раскачиваться на кольцах. Они визжали от восторга, и потому не замечали, что их мама давно плачет. От радости.

Потом они все пошли на второй этаж в свои комнаты. И у каждого оказалась отдельная. А кто хочет, те могли жить вместе.

И все дружно удивились: почему комнат - раз, два, три... Не сосчитать: больше двадцати. Да ещё зал. А детей всего семеро.

Тогда Мастер засмеялся и сказал. Вот что он им сказал. Во-первых, почему вы не подумали о других детях, у которых пока нет даже мамы? Во-вторых... А

во-вторых, моя жена, ясновидящая, сказала мне, когда я начал строить, что ваша мама только на двадцати одном успокоится.

Тогда все обрадовались!

И захотели есть. Потому что они уже долго прыгали, смеялись и ходили.

Но Мастер сказал: обед их давно ждёт. Но надо подняться ещё на чердак. Идите, сказал он, а я пойду помогать накрывать обед. В мой дом сегодня приходите.

Дети и мама поднялись на чердак. И вот что они увидели! Там, под самой крышей стояли телескопы! Для чего. Смотреть в небо.

Смотреть на небо и звёзды.

Все ахнули и побе... Нет - все осторожно, не шумя, пошли к телескопам: мальчишки к своему, девчонки - к своему. Потому что мальчишки и девочки, глядя в небо, видят разные звёзды.

Но там был ещё телескоп: для мамы. Потому что мама - потому что мамы тоже видят своё.

Вот и сказки конец: и был у Мастера хороший добрый помощник...»

Но тут её прервали, не дали договорить.

- Мама, мама, ты точно знаешь, что дети с мамой поехали к нему?

- Да. К ним.

...Мама, это мы?

- Мама - мама - мама...

- Мама - мама...

- Мама!

- Мы хотим к ним ехать и там жить!

- И я!

- И я тоже!

- И мы!

- Точно хотите?

- Да-а!!

- Точно!!

- Тогда: спите.

...Это просто сказка.

И, со вздохом, тихонечко: «Это всего лишь сказка...»

Она бы не стала так вздыхать и так говорить, если всё-таки увлеклась какой-нибудь гносеологией.

Только ей (такой) - зачем? Она сама, как «Небо», как Бог: мгновенно, беспрекословно исполняет всё, чего горячо жаждется чистым (детским) сердцам и душам.

4.2 «Алексей»

Зимний нарядный пушистым зелёным и пушистым искрящимся белым - убранствами - праздничный лес покорно ждал рубки; рёва трёхсотых «Штилей», матерного говора бригад. Алексей тоже ждал.

Прошёл день и прошла ночь, как по неожиданной просьбе нанимателя он остался сторожем в делянке. В субботу, отпахав день, набродившись по сугробам по пояс в снегу с валочной бензопилой, он в уме неторопливо планировал вечерний семейный отдых, как на делянку вполз джип «хозяина». И - напрямик к нему. «Я тебя прошу, Владимирыч - я тя умоляю! У соседей, ну, знаешь, тут, по лесовозной направо - другая делянка, - вчера ночью технику разграбили. Теперь надо будет сторожить. А чё - пока найду сторожа. Завтра воскресенье - ужас, хоть всю технику угоняй! Остаься, посторожи. Ты одним ударом двоих по стенке размажешь. И потом (дальше шёпот) - хрен на кого можно положить: ведь продадут за тридцать серебряников, или, опять же, пугнут, и сторож слиняет. А я знаю: если с тобой договориться, если ты пообещал, можно спокойно спать. Заведи трелёвочник завтра, поработай: за кубы завтра заплачу вдвое. А твоей денежку, дэпэ, сейчас завезу...» И так далее.

Всякое сердце любит, когда его хвалят.

Пришлось уступить; и он не поехал в село. Но он остался ещё и по другой причине: ему сразу захотелось остаться, после первых слов. Почему - самому себе не объяснить, почему. Захотелось...побыть в лесу одному. Именно в лесу, именно одному: некоторые внезапные желания необъяснимы.

Вечером Алексей долго сидел в вагончике у «буржуйки»; не давая ей раскалиться, понемногу подкладывая дрова; пил чай; пил чай, курил у открытой дверцы этой маленькой железной печи; машинально отмечая, как огонь раскрашивает, съедает чурки. «Тела дерев...» Выходил на лёгкий, словно тонкими пальцами щиплющий кожу - мороз, на скрипящий снег, топтался, глядя на макушки елей - на звёзды. Колот дрова - играл увесистым колуном. Чурки, короткие кряжи, с хрустом разлетались от короткого свистящего удара. «Завтра ту сторону буду валить. И откроется горизонт. Так как, за бором река. И поле. Потом снова лес. Да какой там лес... Ничего не осталось от леса. Кругом вырубил всё».

Девять лет он отработал лесником. Ставил квартальные столбы, делал визиры, отводил делянки, ходил с обходами, высаживал ёлочки на вырубках, прокашивал посадки; знал в своём районе все леса.

Платили всё меньше; а семья росла, а жизнь всё дорожала. Ушёл в рыбацкую артель - какую работу исполнять, ему было почти всё равно; почти равно: была бы полезная плюс оплачиваемая работа. Конечно, свои предпочтения оставались, но он привык уступать требованиям жизни. Поработал после леса в одном месте, в другом, два сезона отъездил по шабашкам (строительству частникам в других областях), ибо был мастером на все руки. Теперь ушёл «в бригаду»: несколько человек, нанятых заготавливать лес. Валить, пилить - «плотят хорошо». Женился он поздно,

в тридцать пять: основательно выбирал. Теперь родилась дочь; семья, жена, дочка - нужны деньги, семью нужно деньгами снабжать.

«Надо работать». Был ростом мал, всего метр шестьдесят, и кругл, как шар. Как дубовый кряж. Весом девяносто килограмм.

Бензопила, ножовка, топор, долото, рубанок - всё у него, шутили в бригадах, как продолжение руки. Шестиметровое бревно вдоль опилит так ровно, как на «Логосоле»! Но уж неспешен: не побежит, не замельтешит.

После армии занимался ушу, мог сесть на растяжку; при его характере - стальной хватке руки, цепком глазе, умеренности желаний и железной верности делу, данному слову - впору бы работать телохранителем. Но всё то, что на сто тысяч было бы оценено в больших городах, нашло применение на десять на малой родине. Но - сманили к себе лес, поле, речка - и ни в какие города - никак.

Коротко поспав, Алексей снова затопил «буржуй» - хоть и не нужно, да с дымком из трубы веселее. Плотно позавтракал, пошёл зарабатывать на семью. Пошёл валить деревья.

Ели стояли крепкие, высоченные, лапы раскинули широко, - лапы раскинули могучие. Лес был «спелый», стоял давно.

Надрез прямой - у земли, на вершок от земли, поперёк ствола на одну треть, в сторону рассчитанного падения, надрез под углом повыше, удар топором - вылетел из ствола клин. Теперь надрез сзади, повыше, за шиной вбить клин. Всё рассчитал идеально: ель сама, без толчка валится в нужную сторону.

Рёв бензопилы, грохот падающих огромных деревьев. Перекур.

Курил он много.

Перекур. Глаза смотрят на ели, на небо, на снег, на лес, мысли сами текут.

«Всё рубишь».

Если бы даже это, если бы даже вслух, произнёс не он, Алексей бы сейчас не удивился. «Всё рубишь...» «И что? Рублю». «И дальше что?» Но голос шёл изнутри; и только при третьем вопросе до Алексея дошло: это не он разговаривает с собой. «Кто говорит?» - вслух спросил он. Вокруг молча сгрудился, показалось - стеснил, сдавил делянку, подступил и, остановившись, стоял праздничный, солнечный зелёный с искрящимся белым, лес.

«Что будешь делать дальше?» «Что - сучки надо обрубать». «Что будешь дальше делать?» «Что - что скажут. Пока - рубить. А там будет видно». «Ничего тебе не видно. И хватит рубить меня, хватит». «Знаю сам». «Знаешь». «Знаю». «Ступай к нему».

Вторая сигарета. «А курить? Тоже хватит?» «Ступай к нему». «К кому, ему?» «Ты работал у него. И месяц жил. Иногда думаешь о нём». «О многом, ох, я думаю. Ох, о многом». «Ступай. Ты ему нужен».

«...Что я такое особенное, кому я нужен. Себе и то не нужен. Жене, дочке нужен. Матери нужен. Вот всё. Даже брату родному не нужен, дальше и говорить нечего».

«Ты мастер». «Кто такой мастер. Мастер, это не тот, кто всё умеет, мастер, это тот, кто сумеет сделать всё, что потребуется. И с должным качеством».

«Ты - надёжность. И ты понимаешь Меня. Ты связан со Мной».

«Да-а, я лес-то люблю. Я вообще в лесу бы жил. Да жена не согласится».

Третья сигарета. Трель: мягко зазвучал в кармане сотовый телефон. «Кто бы это?» «Это жена». «Точно жена». Брошена сигарета. «Слушаю. Чего тебе, родная?» Выслушал. Выспросил, как дочка, как дела. Выслушал. «Так ты чего звонила?» Услышал: какой-то знакомый твой звонил, тебя спрашивал - где, что делаешь? Сказал, ты нужен ему. «Какой знакомый? Представился?» Выслушал. «Ладно, приеду, поговорим. Давай, пока».

В сторону «триста шестьдесят первый», в руки «сто восьмидесятый «Штилёк»: пошёл смахивать сучья со стволов. Заботы никакой - руки, ноги, глаза - привычны. Сучья - ветви падают в снег, мысли - то вслед за ними, то по сторонам потекли. «... Вот, называлось час назад: дерево. Теперь: хлыст. Ветер качал ветки, теперь раздувает из них костёр. Коловращение. Всё в природе вращается: происходит по кругу. Через год здесь будет пустырь. Через сто лет здесь снова будет лес».

«Не будет».

«Ну - что-то будет. Нас уже не будет, мы не увидим. Даже дочка моя не увидит. Внучка. И дочка её. А может, они никогда не придут сюда: что им здесь делать. Уедут в город, будут жить в городах. А здесь вырастет лес».

«Нет».

«...Пойдут прутья - осина, ивняк всё заполонит, после ветер, птицы семян сосны, ели принесут... Только, на вырубках, - после вырубки, - всё одно: такой лес уже не вырастает».

«...И дичи в лесах стало мало, и рыбы в реках мало...»

«...Раньше в селе коров - до двухсот только частных, да совхозное стадо восемьсот голов. Теперь молока не купишь, теперь молоко в пакетах магазине берём, из города везут в село. А откуда молоко берётся в городе, если в селе нет коров. Совхозное стадо всего штук пятьдесят, частных ни одной. Вот я и говорю: что за молоко в этих пакетах?»

«...Хлеб какой раньше баушка пекла: за уши не оттащишь нас от простого хлеба. Теперь едим торты вместо пирогов».

«...Сучья на делянке раньше полагалось сжигать. Теперь резать и разбрасывать. И валить требуют всё подряд. Лучше бы так: брать выборочно, только спелые деревья».

В полдень, крепко поработав, он сидел за столом в вагончике, плотно закусывал / обедал, когда второй раз за день запел сотовый телефон. «Я слушаю». «Алексей, здравствуй!» «Мастер? Здравствуйте». «Занят? Позвонил по твоему старому номеру, оказалось, это теперь номер твоей жены. Взял у неё твой». «Обедаю. Дело есть какое?» «Да. Ты мне нужен».

4.3 «Дмитрий Львович»

Как всегда, весь день привычные, давно отработанные действия.

И, как всегда, всё один распорядок.

И всё одни и те же палаты.

И всё тот же - обход.

Какая мечта у заведующего терапией? Вылечить всех больных людей?

...-Дмитрий Львович, сегодня поступили. Двенадцатая палата: мужчина, сорок один год, пневмония. Третья палата: женщина, двадцать три года, постоянно повышенная температура два месяца. Третья палата: женщина, семьдесят пять лет, артрит, сердечная недостаточность, давление... - тут целый набор.

С некоторых пор он стал понимать: действительные причины болезней находятся не в теле.

Кстати, почему у одного терапевта лучше «идут» (излечиваются) пациенты с заболеванием дыхательных путей, у другого - ЖКТ, третий намного успешнее других помогает сердечникам. Отчего?

Обыденность приедается и превращается в серые, тусклые будни, если не...

Искать новое стало привычкой.

Стать депутатом законодательного собрания (можно влиять на распределение бюджета, на финансирование больниц, на профилактические мероприятия в учреждениях, на предприятиях, в детских садах, школах). Пройти стажировку в клинике московского профессора, применяющего метод «лечение голоданием». Начать изучать мануальную терапию. И практику рэйки. И практики медицины восточной. Ввести компьютерную диагностику общего состояния и состояния органов.

По вечерам - в те немногие вечера, когда дети не слишком пристают и не очень шумят, и не требует внимания жена, - занялся российской историей, пытаюсь увидеть её в истинном свете.

Итак, приложив к колоссальной практике заведующего терапией, лечащего врача центральной районной больницы, подходу к человеческому здоровью европейской медицины понимание энергетики тела, знание существования и действия чакр, знание позвоночника, как каркаса здоровья, - понимание значения мыслей, чувств, образа жизни, - получаем опытного целителя.

...Ему пришлось избавляться от собственных болезненных состояний; в частности, заниматься своими лёгкими, так как именно их слабость вызывала серьёзные трудности в лечении им лёгочных больных.

Избавление от болезненных состояний с неумолимостью приводит к осветлению энергетики тела и Тела мыслей. И повышению уровня Вибраций.

Читал Залманова, Суворина, Шелтона, Брэгга, Джарвиса, Лисовенко... Бхагават-Гиту, Библию, Лао-Цзы...

Постепенно, не привлекая внимания руководства, начал практиковать вместо таблеток - голодание, фитотерапию, натуропатию, уринотерапию, апитерапию, гидро-, кинезо-, - постепенно, в дополнение к приборным методам диагностики прибавил экстрасенсорные; появившиеся свои собственные и - накапливающегося круга знакомств - различных феноменальных целителей.

...-Дмитрий Львович! К Вам тут мужчина рвётся, я не пускаю, он кричит, что бывший Ваш больной! - медсестра приёмного покоя постучалась, вошла в кабинет, где двое мужчин за беседой заварили зелёный чай. - Я его гоню, говорю, идите на приём в поликлинику, а он рвётся к Вам, говорит, что бывший больной, и говорит, что только Дмитрий Львович ему поможет! -

Вздых. Пауза. (Ни минуты покоя.)

- Коллега, ты посиди, я недолго. Вот мёд. -

Оставшись один, второй доктор походил по кабинету, разглядывая обычную обстановку, обычную книжную полку кабинета заведующего. Подошёл к неплотно прикрытой двери. Возбуждение в ординаторской, прорвавшийся бывший больной громко, горячо вещал.

- Дмитрий Львович! Вспомните, меня вспомните! Вы лечили от язвы желудка, будь она проклята!

- О, да-да. Простите, столько пациентов... Вспомнил. У Вас ещё... -

Тихое: та-та-та-та... Обычным голосом:

- Но мы же с Вами вылечились. -

Вопрос - разве не так? Вопрос: так что Вы тут делаете? - повис в ординаторской так явственно, как люстра, как влетевший и замерший воздушный шар.

- Так снова, язвы её! Жжёт прямо... Наверно, снова язва.

- Но, - (противостояние) - как помнится, язва у Вас зарубцевалась. При выписке всё было хорошо. Присаживайтесь.

- Выпишите мне таблетки. Тогда мне таблетки хорошо помогли. Выпишите - я, какие, забыл.

- Ложитесь. Сюда: на кушетку. Ослабьте ремень. Рубашку - поднимите.

Так... Как отношения в семье: наладились? -

Глухое:

- бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-...

- Ну, так. Спиртное - употребляли?

- бу-бу-бу-бу-

- А как с курением? Курите?

-бу-бу-бу-

- Редко? Позвольте - позвольте... Запах, знаете, есть, запах-то есть. -

Мужчина в кабинете, улыбнувшись, плотно закрыл дверь, отошёл от неё. Голова стёрлась, раздавалась, как эха:

-та-та-та-та-та-

-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-бу-

Наконец, внятно, за дверями прозвучало:

...- Ну что же, вот рецепты, идите в аптеку.

- Вот, доктор, и хорошо!

Дверь распахнулась, два целителя встретились в кабинете.

- Дмитрий Львович... А о чём мы тут, понимаешь, только что толковали?!... Где же твоё понимание истинных причин язвы?! Таблетки?... -

Первый замер, соображая, о чём говорит товарищ, и почему, откуда в его тоне явственное ехидство.

...- Гм-м, я каждому больному всегда объясняю действительные причины его болезни. Но если он не слышит... -

Второй засмеялся и замахал руками:

- Всё - всё - всё... Всё понял. Согласен. Полностью!

- Но я договорю.

- С удовольствием дослушаю.

- И если он не слышит...

- Но, дай закончить за тебя, Дмитрий Львович, поправишь, если не так!

И если он не слышит, назначаю обычное медикаментозное лечение.

Может быть, исчерпав возможности «больничной терапии», заведующий отделением подумывает о собственной клинике, практике. Может быть, ему надоело лечить симптомы; и он надумал искоренять болезни.

4.4 «Наташка - Серёжка»

... - Серёжа, куда поехала эта машина!? Ей вообще нельзя выезжать из гаража!

- Привет. Ты чего примчалась. Не позвонила.

...Будто не знаю: я ему говорил. -

Они проводили взглядами серебристый «лендкрузер», грузно перемещающий своё большое металлическое тело по узкому проходу рядов кирпичных гаражей.

- И что он?

- Кто? «Лендкрузер»?

- Пошутить - пошутить... У него Путь на данный момент «петля». Удавка. И он просовывает голову в эту петлю. Сколько ему лет? Кто он?

- А я знаю? Дензнаки куёт.

Лет сорок.

- ... Сорок два.

- Говорил ему: у Вас впереди автоавария в течение недели.

- И что он?

- Обычное: посмотрел, как на сумасшедшего.

- Рассчитался?

- Я не стал брать: не могу.

Ты чего примчалась? Где машина?

- Да тут, у моего гаража.

«Дворники» вдруг перестали работать - посмотри. И правая дверца: как вчера захлопнули - закрылась за Леной, так больше и открыть не могу.

- Ты Смотрела?

- Да, пришлось, Смотрела.

- И?

- Образ не ясен. Не расшифровывается.

- Я тебе без ясновидения расшифрую: Вальку свою - перестань к нам пускать!

И на машине катать, угу?

- Какую такую Вальку??...

- Двоюродную сестру.

- При чём здесь дверца!... О-о-о! Ну-ка сейчас Посмотрю. Так, вначале Почувствую её. Образ Сердца. -

Вдох - выдох.

- И?

- Ой...

- Ой - что.

- Лява. Тьфу... Противная... Гадкий мягкий паразит.

Отношение к нам на уровне разума. -

Вдох - выдох.

- Что там.

- Море. Я плыву. Акула уже ждёт меня.

Вот это да! Серёжка! Даже уже опасность!

- Ладно, разберёмся.

- Я тебе хочу сказать!...

- Перестань триндычать. Дай посидеть спокойно. -

Им на двоих было семьдесят лет. Он занимался ремонтом автомашин, как частный механик, часто напоминая жене Мессию из повести Ричарда Баха, она шила и вязала на продажу, иногда представляясь мужу Мэри Поппинс из... (Нет известнее этого прелестного кинофильма.) Двое детей: десять и семь лет. Город. Двухкомнатная квартира.

- Серёжа, давай уедем.

- Куда, Наташа, куда.

- На юг, отдыхать. В Карелию, на озёра. В Альпы. В горы. На море!

-О! А дети?

- С собой.

- А школа.

- Наплюнем.

- О... Это уже серьёзно. Что с тобой?

- Уехать отсюда хочу. Вообще.

Поехали жить в деревню. -

Муж изобразил, как тянется за пачкой сигарет, как вытягивает одну, закуривает.

- Доведёшь меня... Закурю.

- У-у-о-о, ну не надо...

- Не доводи.

Что значит: уедем. Закипело? Точно надо?

- Я уже Посмотрела.

- О-у! «Что произойдёт в судьбе»?

- Да. Что произойдёт с нашей судьбе, если резко не изменим свою жизнь - это раз. Второе: что произойдёт, если мы останемся в городе.

- Давай ещё раз.

- Давай сначала ты. -

Вдох.

- Ничего нет. Туман вижу, сырость.

Ты? -

Вдох - выдох.

- Образ: молоток, стучит по стеклу.
- Да-а... Тоже ничего хорошего. То есть, будем пытаться разбить наши иллюзии.
- Теперь: что произойдёт в нашей судьбе, если мы переедем жить в природу, в деревню. -

Вдох - выдох.

- Что там.

- Поля - поля цветов! Дорога! Вижу ровную светлую широкую дорогу! Ветер! Тёплый ветер! Солнце! Мы идём, мы весёлые!

Так, - камешки небольшие вначале всё время то прямо на пути, то на обочине. Мы наступаем и спотыкаемся. Потом камешки кончаются.

- Да-а... -

Муж почесал затылок. -

- Неужели у нас столько «блоков».

- Так, конечно, в природе все повывлезают!

- Но что я там буду делать?

- Дом строить.

- На какие шиши!... На что-о!...

- Заработаешь.

- Ка-ак!? Трактора буду ремонтировать? За бутылку.

Но я не люблю: ни бутылку, ни трактора.

А ты что будешь делать? Коров доить?

Мне вообще в этой деревне работы не найдётся - знаю я тебя: затащишь в какую-нибудь глушь, где леса побольше и трава позеленее.

Буду лапу сосать. Как медведь в берлоге.

- Не брюзжи. Я тебя прокормлю. А потом ты придумаешь чего-нибудь.

Прокормлю, так и быть - ко мне люди уже постоянно идут, и всё чаще. -

Они помолчали, разглядывая облака в небе.

- Сделала вчера - этой девушке?

- Которой? Их было вчера две.

- При мне звонила по телефону.

- А-а. Сделала, конечно.

- Что у неё.

- Замуж не может выйти. Даже друга не может найти.

- Разобралась?

- Так у неё на подсознательном уровне дикий страх мужчины. Посмотрела «взаимоотношения с мужчинами» и уже стало всё ясно. А «Развитие, как Женщины»: спряталась, в клетку себя посадила, и замок заперла, и сама плачет в клетке. Я ей разъяснила, она удивилась. Потом перезвонила, сказала: « всё так и есть, только я этого не понимала».

- Откуда она?
- Из Петрозаводска.
- О-о-о, далеко слава уже идёт.
А вторая - откуда?
- Из Уфы.
- Тоже не ближний свет.
Сделала?
- А как же!
- Ну, хорошо. -
Снова помолчали.
- Как у тебя стало тепло в гараже.
- Стараюсь.
...Как они с тобой рассчитываться собираются.
- Рас-счи-та-ют-ся. Я не волнуюсь. Это их дело.
- Но как?
- Одна денежку на телефон положит, обещала. Другая - на карточку, в банк.
- Интересно, сколько.
- Как обычно: сколько захотят. Я теперь уже всем говорю: сколько сердце подскажет, столько и давайте.
- Далеко, всё-таки стали у тебя клиентки. Не обманут? -
Жена расхохоталась:
- Серёж, ты чего!
Ты не обманываешь, тебя не обманут!
Ну, мужчины... -
Она огляделась в гараже.
- Потолок подбил: конечно, сразу теплей стало.
А это что за машина - как называется?
- «Фольцваген - Пассат». Старый.
- Хорошая эта машина.
Уже сделал?
- Да, заканчиваю.
Проверь-ка.
- Давай. Состояние от идеального?
- Нет, вначале: качество выполнения ремонта от идеального.
- Давай. -
Вдох - выдох.
- Восемьдесят восемь - девяносто по сто балльной шкале.
Чего закрихтел.

- Так... Пойду... Пересматривать.

- Не надо: лучше не сделаешь.

Теперь: состояние машины. -

Вдох - выдох.

- Семьдесят пять баллов.

- О!

А Образ?

- Вспаханное поле.

- Хорошо-о.

Хозяин мне понравился: спокойный такой. Кстати, спрашивал меня о своём здоровье. Я ответил: не могу, этим занимается жена. Сделаешь?

- Когда - сейчас?

- Сейчас.

Листок бумаги - там, на столе. Там табурет, ручка.

Газету подложи на табурет - плащ не испачкать.

Дай ключи от своей... «татры»: «дворники» пойду посмотреть.

- Фамилия - имя - отчество? Фотографии нет?

- Нет. Всё, что есть, на листке уже написал.

- Хо-ро-шо.

Иди, давай, муж. И подумай о моём предложении.

- Подумаю. -

Через полчаса они встретились.

- Починил.

Привод слетел у «дворников».

- А правая дверца?

- Открылась.

- Как это ты?

- Попросил.

Сделала?

- Сделала.

Вот. Посмотри: все слова - почерк - понятны?

- Так...

Вначале Духовность. Путь на данный момент: лестница, светлая, он шагнул на неё и раздумывает, занёс ногу на вторую ступень и стоит в опасении. Состояние: смотрит вверх. Образ Сердца: каравай хлеба. Развитие, как Мужчины: кораблик на воде, маленький. Взаимоотношения в семье: узел, тугой. Это хорошо. Временной отрезок, в котором находится: прошлое. Его настоящее: замкнутый круг, он выходит из него.

Его будущее: чистая дорога. Гордыня: сорок баллов по сто балльной шкале. Я так и думал. Подсознательная агрессия: тридцать баллов. Сознательная: тридцать баллов. Я говорю тебе: хороший парень. Ну-у - эта машина будет долго ездить. Кстати, лет ему: сорок пять - пятьдесят. Так, Вибрации: двести пятьдесят по шкале тысяча. Ага, то есть, совершенно обычный. -

Жена засмеялась:

- Никто ни за что не подумает, что у того, кто чинит ему машину, уровень Вибраций семьсот - выше, чем у целителя.

- Так - тихо. Ха - ха. Перестань.

Теперь Тело физическое. Сердце... небольшая аритмия... щитовидка - норма... правое лёгкое - затемнение в нижней доле - я это чувствовал... левое лёгкое - холодное, слизь... желудок... кишечник - чёрный налёт по всей длине... поджелудка... О! Вот оно! Здесь причина.

Интересно, а где её источник в Духовности?

- Да, с поджелудочной очень плохо. Нужны срочные меры.

- Да, он жаловался: бывает, поем и - как безмолвный удар. Лежу, ничего не болит, и всё плохо.

Разберёмся.

...Почка правая - шестьдесят процентов от нормы, неплохо... почка левая - двадцать, есть камешек... печень холодная, застой в передней части...

- Печень ему надо чистить.

- Печень чистить надо всем.

Что тут у тебя: правое колено?

- Какой-то удар ждёт его впереди.

- Какой?

- Не знаю.

- Значит, вычёркиваем.

Всё?

- Всё.

- Хорошо. Молодец. Дай, поцелую.

Подожди меня: вместе поедем.

- Так мы едем?

- Куда?

- На-юг-на-мо-ре-в-го-ры - в деревню.

- И ты знаешь, в какую??

- Пока ты «дворники» чинил, приснилась.

4.5 «Кудесник»

(От Автора. Конечно, можно подробно описать героя. Но, во-первых, подробно описана вторая Половина его; во-вторых, вся пройденная книга: в том числе, о нём. Более 600 страниц!

Кудесник - любимец богов (БОГА).

Так - «Скажи мне, Кудесник, любимец богов...»)

Дом, терем, дворец, замок, изба, хата, халупа, домишко, домище, теремок, избёнка, хатка... - что, если расставить сии строения в ряд. Рядышком и по ранжиру. Создастся уж улица. Пройтись по ней, поразглядывать жилища человек. Воон сколько их, об одном явлении, слов!

Верно, хату архитектор разместит по соседству с избой, а дворцу будет соседствовать терем... И, естественно, все отличат от «домишка» «дом». Почему к одному явлению хочется применить то одно, то другое слово. Которые - об одном!

Тук - тук, «кто в тереме живёт», кто в высоком живёт, кто в необъятном живёт - стучится лиса. Князь, герцог, хан, бай... - слова, как соседи, и слова, как специи, раздражают наши нервные окончания; и бывают - ещё: русские и «нерусские».

Да, соседние слова, как строения, как произведения искусства, как дороги, корабли, мосты: бывают высокими и низкими, светлыми, тёмными, сразу несущими в себе наше отношение к ним, либо формирующими их постепенно. Соседние слова, как участь: бывают незавидными и красивыми. Соседние слова, как корабли: с их командами, флагами, якорями, гудками, историей: плывут в одной воде в разные стороны - страны, града.

...Маг, прорицатель, предсказатель, вещун, колдун, ведун, волшебник, чародей, чудотворец, волхв, кудесник, - и, плюс с параллели: алхимик, жрец, старец, целитель, троль, сказочник, - кого-то, конечно, забыли, - всё об одном. Кого выбрать в сегодняшние герои? Кого назначить за ВСЁ ответственным? Кому скомандовать (тут офицерский строй): «Капитан такой-то! Два шага вперёд. За-а-мной! Остальные: со-о-мкнуть строй. Вольно. На месте». Какое разнообразье, какое разномастье петлиц и погон - слова, как состав армии: делятся на тыловое обеспечение, артиллерию, разведку, мотострелков - пехоту..

Почему, «о, капитан мой, капитан» в «Вещем Олеге» обращается к толкователю судеб образным возвышенным поэтическим словом, а Черномора, в поэме, называет: колдун; а Наину... А Финна...

Соседние слова, как цветы, украшения балконов, столов, холмов: притягивают, обещают, или отталкивают.

Но важна и практичность!

И вот, в поисках (единственного) слова... Не заглядывая в словари. Не создавая нового. (Новое создавать не захотелось: необученный новый передний конь в цуге всю испугает упряжь.) Вперёд! В тёмный лес! (Авось вынесет!)

Лес - в лес - русский.

Вот оно: красивое, точное, русское!

«Из тёмного леса навстречу ему
Идёт вдохновенный кудесник,
Покорный Перуну старик одному,
Заветов грядущего вестник.
В мольбах и гаданьях

(но эту грань слова - строку - отменяем: не современно)

Проведший свой век
И к мудрому старцу подъехал...»

Намного научнее словарей статьи «словаря» «Вещего Олега».

Но что-то ещё, словарная статья не кончена.

«Волхвы не боятся могучих владык
И княжеский дар им не нужен.
Правдив и свободен их вещий язык
И с волей небесною дружен».

Последнее - страшно важное.

(«Грядущие годы таятся во мгле, но вижу твой жребий на светлом челе», - эти слова вложены, и их тоже не упустим - потом - в уста, в самого героя.)

Итак,

(берём быка за рога и перепрыгиваем сразу через три ступеньки)

- итак: всё, что нам известно сейчас о Кудесниках, в чистом виде - они: Дух Неба, спустившийся и вобравший всечеловеческое всё, и воспитавший в Себе человека (но - Человека!), пришедший на «грешную» Землю, на землю - матушку для того (для того только), чтобы Собой (Духом Своим) божественно творить Её (Эту Землю).

(Будут После у них, - и будут после и у нас, - и Другие.)

Волею Пославшего их Неба Кудесникам Дано «ГОВОРИТЬ»: то есть, творить СЛОВОМ. То есть - Дано СЛОВО: дар и право СЛОВА. То есть, писать и воплощать на Земле (и, затем, уже на всех «Землях») СКАЗКИ.

(Можно назвать их, Кудесников, и так: они Сказители, Сказочники.)

Они - главное Колесо в иерархии вращения всех Колёс природного механизма.
Они - малая, да, малая, да - Часть Природы, - Её, имеющий руки, ноги, глаза, слух,

ум, чувства - Её Дух; и самая верная, и самая верноподданная Часть Её. Оттого Она Видит их; заботится, тревожится, не оставляет, - создаёт и открывает - приносит им - подаёт; прямо в руки, когда приходит Срок; на блюдечке с злаго-голубой каёмочкой - свои все сокровища, клады земные и неземные дары! Ибо они создают жизнь Её; ибо их назначение: пособствовать ЖИЗНИ, ибо жизнь их/для них есть деятельное набираение всё Новых Энергий, обеспеченное для Этого всем необходимым.

(Всё точно СКАЗАЛ.)

- - -

«Жил - был художник один...» Жил - был - один Кудесник.

Он любил лежать у огня, смотреть в огонь костра, бродить по лесам, сидеть у воды, слушать шум деревьев, пение птиц. Ещё - стоять под дождём, открывать грудь ветру. До самых морозов ходил босиком, давно забыл, что есть шапка, и совсем не знал, что такое: «шарф». Купался круглый год (всё время).

Если вы подумали - представили его похожим на Эгля: сухим морщинистым стариком, с походной котомкой, гривой седых волос, обросшего, косматого, с бородой, вы ошиблись. Он не собирал обветшалые предания, поросшие мхом сказки; и когда ему требовалось отправиться в путь, садился в свой быстроногий «форд» или с чемоданом - в скорый комфортабельный поезд, или, когда уж совсем далеко, в в современный авиалайнер (самолёт).

«Жил - был кудесник один, - перефразируем известную милую песню дивы конца 20-го века, - домик имел и холсты...» И тепло улыбнёмся: нет, окончание фразы не-правильно. Ту песню придётся прервать. Когда-то, когда Кудесник постигал жизнь (с маленькой буквы, «жизнь») холстом (холстами) его стала вся книга: ЖИЗНИ. И, будучи волшебником (то есть, обладая разным волшебством), как все Кудесники, он стал устраивать ВСЮ ЕЁ.

Оттого (например) у него был не один дом (домичек, палисадничек, садик, колодец, огород). Дом, вмещающий ВСЁ, он тут же задумал. Но, «дом, вмещающий ВСЁ», даже Кудеснику построить непросто, ибо время на планете обладает свойством длины. (И не поставишь в зале рояль, пока не известен цвет рояля; а цвет и не будет известен, пока нет стен; а для стен - настоящих стен! - требуется кирпич; но какой кирпич ты можешь приобрести Сейчас? Каковы его, кирпича сейчас, размеры, - форма, стоимость, и проч. и проч. свойства его? А ещё: для появления кирпичных стен потребуются: песок, вода, цемент, и ещё - каменщик, который умело соединит всё. (Это важно.) Раз так, плюс, раз время имеет длину, значит, дом, вмещающий всё, по мановению не построишь. ВСЁ - надо (к тому же) продумать. Опять: длина. Вот так на Земле. Кажется, мы популярно объяснили. Да, мы теперь объяснились (так говорят).

Оттого, пока, Кудесник устроил ВСЁ из того, что было. Было: не один дом, несколько домов. И так разместил пока своё всё. Кабинет, библиотека, приёмная (а что вы думали, Кудесники, как профессор Преображенский Филипп Филиппович, - принимают людей), кухня, спальня, кладовые - погребка. Туалеты и ванны (комнаты) отдельно.

Вот, кажется, всё: маленький предварительный сказ кончен.

...Но. (Вы скажете, где же «но»? Ибо уже привыкли: не бывает жизни без конфликтов. Без конфликтов, подводных камней - не течёт, не происходит она; безоблачным не бывает небо, всерадостным!) Но, например, «он актрису любил, ту, что любила цветы», например. И капут. Но что такое «актриса»? (Нет, мы не думаем возводить хулы, напраслины на актрис, но при чём здесь малая часть, когда речь идёт о целом? Актриса, это лишь часть ЖЕНЩИНЫ. И Кудесник, человек, вмещающий ВСЁ, он не мог любить часть, кусочечек. Оттого, актрисы, естественно, не было.) Не было -но-.

А так как он начал строить ЖИЗНЬ на новом месте, как говорится, - на пустом месте, - то и «здесь», в этом была пока пустота. Вот и всё.

Начинается... - так начинается СКАЗКА.

СКАЗОЧНОСТЬ, заоблачность, оторванность от «земли», и СЛОВЕСНОСТЬ, являются, от века, главными Свойствами Духа Кудесников. При этом они никогда (даже выпивши, даже подвыпивши) не путают нож для хлеба с ножом для овощей, а нож для овощей с нарезателем сыра, всегда имеют домашние тапочки, и в бане ножное полотенце. У-порядоченность, порядок, порядок в вещах - у них просто в крови. Ибо, при том, - или: тогда как, - голова у них всегда в Небе, ноги их всегда чутко и твёрдо «ходят земли».

Кудесники соединяют собой Небо и Землю.

Любой, даже самый Юный и неопытный Кудесник твёрдо знает: ЭТО - Правило. И каждый Кудесник с Младых Лет точно знает: только Так Правильно. И только ТАК он имеет Право Здесь жить.

У разных Кудесников разные свои главные Задачи. Кто-то из них исцеляет людей, кто-то из них осваивает безбрежные океаны, леса, пустыни, заоблачные горы, кто-то создаёт шедевры искусства, техники. У того Кудесника, о котором идёт Речь - нашего Кудесника - Главной Задачей было: собой из ничего создавать ЖИЗНЬ, и собой приводить ВСЁ в ПОРЯДОК. (Существует прекрасное выражение: «порядок вещей».)

ПОРЯДОК прост. Вот пример: ЖИЗНЬ расширяет СЕБЯ. (Стоит только взять это за правило, как тут же начнётся ПОРЯДОК.) Можно оттолкнуться от отрицания: ЖИЗНЬ не потребляет СЕБЯ. И в ЭТОМ миропорядок.

Ну - хорошо. Вот - ещё проще: огонь - чистит и греет, земля родит, возвращает, плодоносит, сохраняет, родит, вода поит и купает, - и всегда чиста, воздух свеж, чист, питает, даёт дыхание. Все бесчисленные колёсики МИРА крутятся, и вращают друг друга, во взаимодействии, - нет трения, нет противоборства иль борьбы за первенство, главенство, и, конечно, в помине нет вражды. Невозможно представить даже простой часовой механизм иначе.

4.6 «Настя»

«Сны о чем-то большем...»

Вот уж неделю ей снились странные сны - ни от чего; в реальности у них не было ни истока, ни подтверждения. То она в длинном (любимый крой платья) - и вот подробности, заставляющие безусловно верить: то бежевом, то сером платье, - в накидке на плечи, отмахиваясь от комаров (но откуда в Австралии на побережье комары?!) идет по молодой аллее из лип (явно дворянская усадьба, но какой век? что за усадьба? где? чья? Однажды она сонно сказала себе: моя) - и ей уже лет сорок, может, того больше, она прогуливается, с каким-то неизведанным еще ею - еще ею сейчас - наслаждением осматривая все вокруг, - прислушиваясь, втягивая дивный влажный воздух. Она неторопливо прогуливается, с ней юноша и девушка - девочка, мальчик: все разных лет (ее дети? чьи дети?) - и она с удовольствием чувствует: она снова в «положении». А дети ее - да, с ней явно дети ее...

Этот сон, вернее, сны этого «эпизода», был первым.

Затем (будто приучив ее к ее новому состоянию) - затем в снах возник дом. То она смотрит на него с вершины (холма? горы?), то видит перед собой. Она могла обойти его - но все не так: она могла приблизить, отдалить его, повернуть перед собой, увидеть вид слева, вид справа, рассмотреть хорошенько внешнее строение его... Тогда (уже наяву) она открыла архитектурный справочник (почему-то заранее зная: смотреть надо в разделе «Россия»), быстро нашла. Дом не разочаровал ее. То оказался тип: родовой дом в северной и среднерусской дворянской усадьбе. Меняясь от местности к местности, от века к веку, меняясь в этажности, конкретной конфигурации строение его было всегда одно. Она внимательно изучила его, уже отдавая себе отчет в том, что все не просто так, потому сразу поверяя его собой; или им себя. Вот он. Центральная часть обыденно на этаж выше боковых, и если боковые, симметричные друг другу, и похожие как близнецы, части в один этаж, средняя будет в два. Центральная часть - колонны, крыльцо, стеклянная дверь, широкие окна, над входом балкон; по бокам две пристройки. Множество окон, верха рам полукруглы. Клумбы, парк.

Следующие сны - так, будто новые серии одного единого длинного фильма: она обходит (свой, да?) дом. Поздний вечер. Она зажигает светильники в просторной, с огромным камином в центре и оранжерей за камином (паркетный пол, кирпичные без отделки стены) зале, осматривает кухню-столовую, заглядывает в детские, все к чему-то прислушиваясь (ах, это вздыхают на своих ковриках в передней собаки), тогда улыбается и - с торжественной улыбкой, с ясной улыбкой - такой, какая бывает на чистом небе при полном параде Луна - с этой чистой улыбкой (но это-то вот к чему? А вот: от удовольствия, с которым увидела все!) - приподнимая, чтобы не заступить, подол платья, поднимается (о, боже...) к мужу на второй этаж в его кабинет. Помнила: перед входом охорашивается перед дверью, тихонечко открывает дверь.

Тут (далее только мелькало и исчезало) - за широким, просторным письменным столом видит склоненную голову, пишущего мужчину. Как - будто то ее муж. Но в лицо она его не узнавала: она почему-то не знала его.

Но главным - да, для нее главным, и самым частым, и самым для неё особенным, был сон явственный, как видение сада, как большие картины, - когда они, обрамленные потускневшими рамами, открываются постигающей их душе, медленно отворяясь, как окна: окна - в свою жизнь, в свою действительность, в свое время. «Какой то век?»

И в этом, чудодейственно влияющем на ее сердечную, недоступную ничьему постороннему ни влиянию, ни взгляду жизнь сней, в этом явно имеющем свои *constriction and tradition* пространстве, она - в светлом, пышном кольцами юбок платье, какие теперь не носят нигде никто, и какие носили дамы высшего света в Европе, когда протекали 18-19 век, - она, как на старых фотографиях своих пра-, прапра-, сидит в кресле (невеста? жена?); рядом, положив руку на высокую резную спинку, вытянулся офицер.

Она точно помнила, и всегда могла воспроизвести в красках (что, проснувшись, и делала, создавая образно, чувственно два близких световых пятна) - в красках, чуть аквамариновый оттенок материи платья, нитки жемчугов на шее, браслетку на узком (и крепком) своем запястье, охват скромного золотого колечка на безымянном пальчике, и затмевающий злато, бриллиантовый блеск одного из любимых бабушкиных перстней. Она точно помнила, выносила из своих снов, возраст (гораздо старше) и мундир офицера. Его золотые погоны, без аксельбантов (которые видеть бы предпочла, но - почему?), желтые пуговицы (однажды она решила порассматривать их, увидеть, что на них, дабы определить век, но изображение, как секретный текст, тут же стерлось). Она определяла цвет материи мундира: цвета морской волны.

Недоумевая, не ведая, как с этим (навязчивым своевольным чудом) быть, она, через раз, поведывала все бабушке; которая была ей - друг, воспитатель, опекун, учитель, но со временем - была гораздо большее: наперсница, лучшая подруга.

Нередко утрами, имея частую потребность друг в друге, они сходились на террасе, обращенной в сад, направленной к незримому да постоянно ощущаемому простору - морю; встречались за чашкой чая.

Бабушка ее (бабуль, бабушка, бабушка Таня), урожденная Юсупова и перешедшая по замужеству в другой княжеский род, дворянка, княгиня, во второй «войне миров» потерявшая мужа, в свои восемьдесят с лишком лет все подвижная, хоть полная, не угасшая ни душой, ни мыслями, ни памятью, ни телом (образно у Насти: подвижная мягкая пружина), - бабушка с удовольствием, смакованием, юной подруге ее недоступным, разговаривая в свое удовольствие, тихо смеялась (пушистость, мех, колокольчик); она тихо смеялась, приговаривая вначале все одно.

«Бабушка»

- Асенька...

А с е н ь к а!...

- Бабуль, мне уже будет двадцать восемь, а ты все мнишь ребеночком. И все по-прежнему преуменьшаешь меня, даже в имени. То Ася, то Ая, то Аня...

- Ах, милая...
- Тебе нравится почему-то награждать меня разными именами. Ну подумай, какие они разные. А я - я, кажется, всегда одна.
- Тебе кажется.
- А тебе не кажется?
- Ах, милая...
- Вот снова. Почему - Ася?
- Так звали твою мать, и потом: в твоём имени...
- Я помню.
- Ах, Анечка...
- Ну вот опять. Мне не понять твоих русских шуток.
- Моя милая, в тебе говорит кровь, наша кровь.
- Интересно ты связываешь: сны и кровь. В университете мы этого не проходили.
- ...И я радуюсь, я счастлива, - да, радуюсь!
- Вот пойми тебя.
- Уже от этого одного, уже оттого, что лицезрею это.
- Переведи-ка: зрею на лице?
- Я счастлива: не все утрачено, - как мы надсажались печалью во Франции, - не все утрачено, раз говорит кровь.

Это твой род, это наша кровь.

...Моя милая, ты бы знала: КАК они хотели вернуться - КАК!...

Как хотели вернуться, как душой, сердцем, разбитым сердцем, израненным телом рвались на Родину. Вам - никогда не понять.

Как мечтали: хоть бы одним глазком! Хоть бы в щелочку! Хоть за миг до расстрела - в узенькую эту щелочку увидеть: землю родную, свою землю, дом родовой, родовое поместье... Даже я: как я мечтала! Когда... Как верила - молилась, плакала, плакалась людям и Богу, порой даже верила: уж я-то вернусь. И что?...

Настя слушала.

Настя слушала: бабушка умела сочно, вкусно, выразительно, вдохновенно говорить.

- ...Была убеждена, что вернусь.

Но ты знаешь!... - Тут голос звучал, как у изумленной девушки. - Но ты знаешь, там побывала и... У себя, у нас - там... - Настя кивала. - да, ты понимаешь, где.

- Да, ты рассказывала, я помню. Ты увидела, ты расстроилась: все похоронено.

- Ах, милая, буквально все Какой непорядок...

Дом сломан, поля - заросшие, деревень нет.

... И речки нет, нет прудов, парк состарился, липы падают, дубы идут на дрова...

Я все понимаю, я понимаю - ненависть, классы, и так далее. Но куда они дели деревни?! При чем здесь речка? Почему дубы на дрова?

Нет, я уже многого не понимаю в современной жизни.

- Меня всегда, бабуль, удивляют твои подробные описания. Как ты могла узнать то, чего не видела никогда?

Бабушка поднимала вверх персты.

- Не видела!? Как?

Почему не видела? Вижу все, как тебя, как сейчас. Мне много рассказывала мама, моя мама - очень много, очень подробно, и рисовала, и мне рассказал отец!

...Все заглушено, и былшем поросло...

- Это поговорка?

- Да.

Там: «у нас».

Но даже и этом виде...

Нечего и заикаться: мне бы не отдали, не вернули ни-че-го. И я...

- Ах, моя бабушка, уж верно можно земли купить. Нельзя ли купить земли?

- Что ты, Настенька, в мои-то годы - уж не в мои годы.

Да и что теперь с тех земель? Кто будет обрабатывать их, холить и лелеять, как в старину говорилось.

Все нынче: фантазии. Сказка. Погрезить, забыть.

Нет, не вернуть, да и теперь - для чего?

«Настенька»

Иногда - после ужина вспоминалось о снах; и тогда последние часы дня, когда нет необходимости никуда спешить, когда нет уже дел - окончены все, - и даже рабочий телефон отключен, - тогда, покончив с заботами, мирскими хлопотами (это бабушкино), часы перед сном (опять снами?) посвящались историческим воспоминаниям. Бабушка много знала, прекрасно все помнила, у нее были богатые альбомы репродукций фотоснимков, портретов, картин усадеб множества линий их рода.

Отпустив горничную и выслушав доклад управляющего (имением - бабушке не нравились не русские: ранчо, фазенда, вилла и проч.), они устраивались, как уединялись, в гостиной. Когда-то эта комната - зала мыслилась аналогом залы парадной; да за неимением балов со временем степенно приняла, впитала в себя, в себе разместила: праздничную столовую, библиотеку, служила Насте и художественной мастерской для живописи и комнатой для музицирования, и комнатой «для спортивных дел» разнообразной, увлекающейся Насте.

Иногда по вечерам они с бабушкой раскладывали на длинном, могущем служить обеденным столом для большой семьи, альбомы, как пасьянс, почтительно, - как перекладывают в шкатулках богатства, - открывали листы, перелистывали их.

- Мне люб, ой, люб твой интерес, Настенька, к нашей истории, кстати, давай, перейдем на язык русский.

- С удовольствием, бабуля, с тобой с удовольствием, на другом языке, пожалуй, кроме еще французского, ты не мыслишься.

- Что за неровная фраза...

У нынешней молодежи...

- Но ты не раз замечала мне: я не есть «нынешняя».

- Да-да, ты совсем не современная. Хотя мне чаще всего нравится, что «на хлеб насущный» ты, весьма современно, решила зарабатывать сама. Как у тебя дела в агенстве? Старопрежняя княжна этого не делала.

- Но у меня получается.

Я - княжна?

- И получается неплохо, моя дорогая, совсем недурно получается.

(Как занимательно иногда участвовать в женских собраниях: их частная и общая логики и восхищают, и поражают. Они поразительны! При том, черт возьми, нельзя не признать: логичны! Это - тоже логика. Но какая!)

- Бабуль, кстати, можно я потрачу фунтов... Скажем, три - три с половиной тысячи, дополнительно на агенство. Дело в том, что они не принесут прибыли: хочу устроить новую выставку, для этого надо приобрести еще картин. Заодно, это будет помощь двум художникам.

- Помощь?

Ты приобретешь у них их картины, я поняла.

Помощь, это замечательно.

Они стоят того?

- Кто: картины или художники?

Картины - есть сомнение. Художники - нет. Художники - очень трудолюбивые люди.

- Славно.

Но почему бы тебе... Почему ты каждый раз спрашиваешь? Все наши деньги твои теперь, мне кажется, ты это давно поняла.

Ты можешь тратить их, как и сколько захочешь. Дорогая моя, миллиард, это очень большие деньги, их трудно проесть. К тому же, при твоём складе характера, при твоей умеренности, это у тебя от крови князей владимирских и ростовских, - при твоей умеренности, которая иной раз напоминает мне скупость - да-да - ты можешь сколько угодно улыбаться, - как бы ты их не тратила, все одно: много останется еще и твоим внукам, уж не буду говорить - детям.

Не спрашивайся больше: все деньги твои.

- Бабуль:- на моих счетах.

(Не нами замечено: Насти упрямы.)

- Неважно, они твои.

Но если ты будешь мне рассказывать о своих делах, мне будет приятно. Тебе не понять, вам не понять здесь: только у русских это принято.

Ну ладно, значит, эти художники трудолюбивые люди. Это славно. Трудолюбие, прилежание это в жизни основа. - Бабушка Таня насупливалась, что-то обдумывая, затем: - Ты славная девушка, - чаще всего изрекала она. - Ты правильно делаешь, что бережешь деньги: ты очень красива. И с хорошей фигурой. А в нашем мире это скорей источник зависимости и проблем. Деньги - твоя защита, твои защитники и твоя независимость: продолжай беречься их и беречь их.

...Да, но все же ты современна. Не стремись назад, не стоит становиться архаическим пережитком навроде меня.

- Твой двусмысленный русский, бабуля, порой я постигаю с трудом. Вот что ты этим хотела сказать? Ты - архаический пережиток?

- Да, я уже ископаемое, артефакт.

Тебе понятно это слово?

- Да. Но мне не импонирует звучание. Давай, ты будешь археоптерикс.

Стой, не произносит ничего. Как ты выражаешься: ничего себе словечко? Непонятно? Непонятное?

Замри, я готова тебе его станцевать. -

Бабушка, как ревнивый автор, приглашенный режиссером оценить постановку по его пьесе, взирала на «пьесу». Внучка танцевала.

Обыденные редкие хлоп - хлоп (ладошки, шлепки) выражали сдержанное одобрение. Редкие случайности в виде восклицаний, всегда вырывающихся на единственном языке - только русском: бис! bravo! - и безудержные хлоп-хлоп-хлоп... - восторг, восхищение. Затем:

- Присаживайтесь, моя дорогая.

Запыхалась?

- Что? Как это? А...

Ну с чего.

- Листаем дальше.

Как ты меня?

- Археоптериксом.

- Милостивый боже!... Я такого слова не знаю. Вот до чего доживешь: станешь ископаемая птица.

Листаем, переворачивай.

Здесь групповое фото, что редкость.

- Теперь кто? Это кто? -

Звучали фамилии.

- А это: какой-то парк?

- О-о-о, я узнаю его, он и сейчас еще ничего, правда, я не была в нем уже...

- Бабуль, у тебя, кажется, не хватит на руках пальцев при счёте.

- Умница! На сей раз к месту твоя поговорка.

- Русская фразеология это не просто.

- Это Лопухинский сад. Ты еще не бывала в Лопухинском саду?

Снимал известный фотограф. Тогда хорошие фотографии были так же известны, потому что редки, как хорошие ораторы, хорошие журналисты, хорошие женские и зубные врачи...

Ты только посмотри: юноши!

Юноши - они все юноши! Те, кого уже давно нет.

Послушай, ты только послушай, вслушайся, я назову их. Какие фамилии! Отпрыски каких родов!... Трубечки, Багратионы, Долгорукие. Мещерские, Одоевские, Оболенские, - Голицыны, Кольцовы-Мосальские, Путятины, Урусовы, Толстые, Белосельские, Волконские, Вяземские...

Листай дальше. Князь... князь... граф... Граф Сиверс, барон Аракчеев, графиня Панина... Вся Россия, - все Россия. Милая моя, какие все имена...

...Однажды (это было 16 марта 2008 года), когда Настя второй раз приезжала в Россию и первый раз - на Украину (там произносили малоросское -в-), на главной площади светлого, просторного, древнего, музыкального и величественного города, у самого памятника княгине Ольге, который она остановилась снимать и рассматривать, все пребывая в изумлении от Михайловского собора, - она, девушка из заморских, вернее - заокеанских краев, услышала саксофон. Никто не прогонял саксофониста, хотя стражи порядка, цепко всматриваясь в гостей, бродили рядом, никто не хотел, чтобы умолк он; звук саксофона, коллаж из мелодий, вырывающийся из души и, казалось, образующий перед ним, круг него, зримое, зрительное изображение, вдруг начал олицетворять всю древнюю столицу Руси. У Насти внутри не осталось мыслей, чувств: все смолкло. А одинокий саксофонист, очевидно подрабатывающая здесь на извечном человеческом свойстве, стремление к гармонии, к музыке, удовольствию слушать, слышать любимые мелодии, повторять их, - этот саксофонист в центре ревниво обороняющей себя от всего иноземного, отсекающей все, что не жовто-блакитное, и ненавидящей клятых москалей, новой Украины, этот человек вдруг легко заиграл олицетворяющую именно Россию, северную соборную Русь, «Вологду».

Мелодия разнеслась по всей площади, казалось, песня, казалось, заполнив, как вода чашу, площадь, перелилась, полилась сверху на близкий Крещатник, - ей улыбались, ее пили, ей подпевали, ее пели!... «Пи-и-сьма, письма лично на почту ношу, сло-о-вно, я роман с продолженьем пишу, зна-а-ю, знаю точно, где мой адресат, в до-о-ме, где резной палисад».

Київ, самостийная новая, решившая гутарить тільки по-українски «дитына», гордая, как отдалившийся от праздного состава, как покотившийся прочь, в ведомую ему одному сторону, вагон, - плацкартный, с претензией на СВ, на купейный, и признающий лишь самое себя, - саксофон - музыкальный инструмент, пришедший из

Америки, излюбленный инструмент выходцев Африки, мелодия о севере Руси, рожденная в Беларуси, - слух девушки из-за океана - все это в сумме, все это, в сумме сложенное ее чувствами, было столь - до фантазмагии, до эффекта присутствия здесь иных миров - чудесно, что Настя запомнила каждую клеточку, каждую молекулу дивного мгновенья. Она была потрясена, ошеломлена. Голова - кружилась.

Вот также - дивно, неестественно, фантастично, смешивая в одну завязь, в один плод эфирные токи, свойства плодов разных яблонь, - материки, страны, - фамилии, слои, - общества, времена, - принося плод, что изумлял самоё время, место, повергал в трепет и к ногам - пространство, звучали здесь, в библиотеке виллы пятого материка, при электрических свечах, слова, фамилии.

- ...Да, это Вяземский. А это князь Куракин - ах, какой был молодец!...

Вот потомки, это уже снято во Франции, наших очень хороших друзей Ртищевых. - Листался альбом, брался, листался другой альбом...

- ...Волконские, Толстые... Вот тоже наши и родственники и друзья: другая ветвь Юсуповых.

...Великий князь, Великая княжна... Потоцкий, Растопчины, Барклай...

А вот известный вологодский: Батюшков. Это не снимок - портрет, но как точен.

Тоже вологодский, надо сказать: блестящий офицер. Будущий святитель Игнатий, пока еще - Дмитрий: Дмитрий Брянчанинов.

Снова Юсуповы. Воронцов, Апраксин... -

У Насти, как в Кіеве, кружилась голова.

-Бабуля, остановись!...

- Да-да-да, умолкаю. Как говорится, лучше вовремя, чем никогда. И по-моему, еще не поздно. Бедная твоя головушка, я давно заметила твои разгорающиеся глаза. Ты очень увлекающейся девушка, но не так: подверженная влиянию...

- Но ты же знаешь: только твоему...

- И своему: своему больше. Прости мой излишний жар: он повлиял на тебя, тебе больно. Давай, как в детстве: показывай мне свое больное место - чем ты ударилась? Я стану на него дуть. Давай, подую. -

Настя, безропотно выказывая силу полонящих ее чувств, с улыбкой бралась за голову, охватывала ее ладонями, качала ею.

- Тебе придётся дуть мне на голову, потому что... Как это? Я сейчас выражусь по-русски: у меня крыша поедет. -

И они, выражаясь по-русски: старый да малый - искренне, заливисто, в две трели, как трели, пускаемые сидящими на ветке бок о бок соловушками, как звоны двух колокольчиков, ударяемых движением экипажа друг о друга, смеялись-пересмеивались.

- ...Сними, милая, свои строгие очки, какой негод... кх-м, кх-м... -ный маклёр

подсказал тебе такую опрау выбрать!? Они портят твое лицо. У тебя все еще не уменьшилась дальнoзоркость?

- Нет, бабуля, не-про-хо-дит.

... Но где сейчас все они, где все это? Они живы?

- Ах, что ты, моя дорогая, как это возможно: почти век прошел!

- Но кто-то - есть хоть кто-то: потомки...

- Потомки... Потомки, потомки... Нынче даже в королевских домах, что говорить про дворянство - принцессы разгуливают в джинсах, словно ковбои, - в брючках в обтяжку по своим столицам. Носят джинсы, топики, носятся на роликах, на... Подскажи, как его? Доска.

- Скэйборд.

- Да, на роликах, на скэйбордах, на чем попало...

- Но, бабуль, при чем здесь одежды, занятия?

- Как при чем! Разве нужно женщине выставлять каждый день напоказ попу? Курить? Ругаться? Наравне с мужчинами зверски вести бизнес?

Милая моя, ты недооцениваешь эти влияния на душу.

Дворянство - это дух. Занятия, образ жизни, образ мыслей, традиции, манеры...

При этом: предназначение!

Как говорят теперь в новой России, России after Prezident Gorbachev, - теперь там есть такое расхожее выражение: «это Россия, которую мы потеряли».

Неведомо мне, что мы приобрели, только знаю, многое потеряли.

Мы - тоже. Вот в тебе - в тебе уже только женская линия русских, только по женской линии ты княжна, в мужских уже - и француз, и англичанин.

Теперь, надо понимать, жди австралийца. -

Настя уходила к себе в задумчивости.

Казалось, беседы с бабушкой утверждают «нет». Но беспокойные сны вынуждали верить в обратное.

В эти дни Настя с удовольствием слушала записи Бориса Гребенщикова и старый «Аквариум»; наслаждалась простыми мелодиями, полными гармонии, таинственным недосказанным русским языком; все время всем обедающим что-то хорошее.

«Иди за белым кроликом»

Однажды горничная, приносившая и газеты, сообщила: «Мисс Анастасия, свежие газеты в гостиной. В последней очень интересная статья о спорте, я знаю, это Вас интересует».

Но из всей бесчисленной вереницы строк (так бывает при концентрации наше-

го подсознания на чем-то своем) Настя выхватила всего одну, а в ней - всего четыре слова: «...время пристального внимания к России».

Неясность, смятение, тихий шепот в крови - к кому, к чему относятся сны?

- Бабуль, - осторожно спросила при встрече за чаем Настя, - у тебя нет желания слетать к нам во Францию?

Бабушка Таня задумалась на целый день. За ужином, будто и не прерывался их утренний разговор, отрицательно покачала головой.

- Ты о?...

Бабушка молча кивнула.

- Значит, нет.

Так хорошо они понимали друг друга.

- ...Замуж пора не мне...

Настя усмехнулась:

- Ты опять на своем двусмысленном русском.

Ты считаешь, пора мне?

Наперсница лишь многозначительно улыбнулась.

Не зная, что делать, Настя решила отдаться течению: куда поведет. Так она поступали всегда в трудные - лучше сказать: неясные, ибо никогда у нее не было «трудных, затруднительных» в их русском понимании - минут жизни. А еще, у нее был свой проверенный личный способ выхода из неясных положений. Она поступала так: делала шаг (неважно, верный ли, один шаг можно - в любую сторону), она делала шаг и ждала ответ сердца. Сердце ее не ошибалось еще ни-ког-да.

Делать шаги и смотреть на реакцию мира вокруг себя - родственников, знакомых, вдруг встретившихся незнакомцев, и их лица, и их слова, - пение птиц, лай собак, мурлыканье или выпущенные когти кошек... Даже поведение погоды - все в мире говорит тебе о себе, тебе о тебе. Делать шаги и слушать все и реакцию своего сердца.

Она задумала полететь во Францию, а оттуда, ежели будет на то её желание и ветер Сверху: в Россию.

Но Россия велика - куда в Россию? И всё-таки требуется подтверждение: лететь во Францию?

В супермаркете, как всегда, было многолюдно, оживлённо. Несмотря на обилие покупателей, в этот - ранний - час дня работало всего три кассы. Выстроились три очереди. Настя удивлённо пожала плечами и пристроилась с тележкой в хвост средней.

Для чего бы ей ездить за продуктами - обременять себя поездкой, трагить время. Иногда она, как шутила бабушка Таня, «чтобы не забыть реальную жизнь», сама: /заменяя повара - закупала продукты, готовила / вместо горничной - чистила, мыла дом, стирала, гладила бельё / помогая садовнику, под его руководством возилась в саду. Теперь,

стоя с тележкой, попав в непривычное для себя положение, очередь, Настя безропотно вместе со всеми томила, понемногу двигалась, слушая, впитывая атмосферу.

Сзади неё тут же встал кто-то ещё, и ещё, и ещё; но после неё сразу двое; и сразу завели, скорей - продолжили - спор - разговор. Мужчина лет... (Почему-то Насте ни за что не хотелось оглянуться.) Мужчина лет шестидесяти - пятидесяти пяти негромко, спокойно что-то излагал девушке. (Настя «повесила шторы на уши» она так умела, дабы не слышать ненужного.) Девушка тоненько отвечала, как защищалась. Настя услышала только одну фразу диалога. «...Хорошо. Если ты в этом уверен, я поеду». «Я ни в чём не уверен, знаю одно: здесь тебе уже делать нечего, поезжай. И обязательно вначале: в Европу».

Некоторые фразы, некоторые слова - мы сами никогда не можем отдать себе отчёта: почему? - словно выхваченные лучом прожектора, качнувшегося вдруг фонаря, выхватывают, высвечивают для нас что-то.

«Да - да, - спасибо, благодарю вас, мои неизвестные, мои невидимые друзья, - улыбнувшись, серьёзно произнесла внутри себя Настя, - Я так и сделаю. Решено: еду. Ой!... А когда? Может быть, вы и в этом поможете мне?» Но люди сзади замолчали.

Чутко прислушиваясь ко всему, и в тоже время в каком-то тумане - таком, что опасалась себя: с пакетами продуктов споткнуться - Настя пошла, как поплыла, к своей машине.

«Безмолвие» Мира длилось с час. В тридцати километрах от города, уже на повороте с шоссе, её остановил полицейский. Загадочно улыбаясь (так показалось Насте) и как-то странно (сам удивлённый) качая головой, жезлом он указал ей на правую фару автомашины. Немного напрягшись и хмурясь, Настя вышла. «Что это значит, мэм?» - широко разевая рот - скалясь, как бы выразилась по-русски бабушка Таня - и шуря на солнце глаза спросил парень, пока его напарник проверял регистрационные данные авто в компьютере. «Что?» - не понимая, чего она проморгала, глупо ответила Настя. «Наверное, что-то очень важное произойдёт у Вас через неделю, если Вы решили объявить об этом всему миру». Оба полицейских добродушно (вот чем хорошо русский: он меток!) заржали. «Извините нас. Снимите - то, что приклеилось». На стекле фары Настиной автомашины трепыхался от ветра, клейкой серединой плотно прилипнув к стеклу, кусок листка какого-то объявления. «...через неделю» - прочитала Настя сообщённое ей неизвестным.

«Фантазии двадцать первого века»

Отвыкнув от постоянства французского говора, речи вокруг себя, хотя с бабушкой, дома, они постоянно разговаривали на разных языках - английском, французском, итальянском, русском, пробовались - немецкий, испанский, - прилетев во Францию, Настя вначале просто безумно наслаждалась им. Купила одну из любимых книг, - Ромен Гари, «Воздушные змеи Франции», - поехала в очередной раз открывать для себя «Прелестный уголок» Марселена Дюпра.

В сквере - в открытом павильоне, кроме буфетчика и двоих посетителей в этот ранний

час никого не было. Она присела за столик с видом на близкий лес, заказала сок, кофе, булочки, и устроилась дочитывать книгу.

Разные мысли беспрестанно отвлекали её от чтения, врываясь в сознание, в текст автора, - в речи героев, мысли автора, - подобно бесшабашному ветерку, распахивающему полуприкрытую дверь, и надо каждый раз подняться, подойти, затворить, иначе за ветром в сознание - дом ворвутся и капли дождя, и шум машин, и голоса с улицы.

Неумеренно громкие, в пустынности, голоса других посетителей в очередной раз привлекли внимание. Женщина (а то были: женщина и мужчина, немолодые, кажется, семейная пара либо просто пара) - горячилась, что-то доказывая своему другу. - Жорж, как ты не понимаешь: есть, есть различие!... - Мужчина что-то неразборчиво отвечал, склоняясь над тарелкой. Женщина всплеснула руками (о, этот международный жест), и, заметив внимание девушки с книгой за дальним столом, дружелюбно ей улыбнулась; удивилась в её сторону: - Удивительно. Раньше он всегда меня понимал. - Так сказала она Насте. - Но сегодня - разве сегодня затмение? Сегодня не понимает. Неужели эта сказка столь трудна для француза!? - Мужчина обернулся к Насте, привстав, отвесил поклон. - Жорж. Я писатель. Моя жена тоже пишет. На двух языках. Пишет сама, и ещё собирает современную русскую прозу. -

- О! - вырвалось - с искренностью воскликнула Настя. - Как это здорово! Я встретила двух писателей, когда разговариваю с третьим. И я пишу иногда. Но сейчас - только читаю: сейчас читаю одну из лучших книг Франции. Я читала её и на русском языке. И скажу, что это было тоже неплохо.

- Вы говорите по-русски?

- Отчасти. Не так хорошо, как хотелось бы.

- Вы читаете Гари, - с уверенностью изрекла женщина. - Меня зовут Татьяна.

- Настя. А откуда Вы...

- Можете не договаривать - а кого ещё читать ранним утром, здесь, в бывших владениях Марселена Дюпра, кого печатали на русском. Только Гари.

Но Вы не из России.

- Я живу в Австралии. Во Франции у нас есть поместье.

Мужчина снова привстал:

- Отобедайте с нами, Настя.

- Да-да, решительно и весело поддержала женщина. - Оставьте себе на десерт друга генерала де Голля, я Вам прочитаю новенькое, чего ещё нет нигде.

Бесподобная вещь, такое только раз встречалось в мировой литературе.

Жорж?

- Идёмте в ресторан.

За обедом они познакомились. Беспредметный бесхитростный общий разговор случайно встретившихся людей, понравившихся друг другу, - общий разговор за хорошо при-

готовленной едой, когда можно обсуждать оттенки вкуса, уместность добавления соуса и украшения именно этой веточкой зелени с той же важностью, с какой обсуждаются картины известных мастеров - художника, скульптора, - так ли творец вывел изгиб руки, изобразил бровь, линию губ, точен ли цвет мазка здесь и здесь, насколько злободневен выхваченный из средневековой жизни сюжет, или автор изобразил что-то временное, - такой общий разговор за, над вкусной едой, где нет места противоречиям, как бы ни разны были собравшиеся люди, - этот разговор сближает. Как узнала Настя, Татьяна долго жила в России, до сорока лет всё не выходила замуж. Уехала во Францию, и вот - Жорж.

По окончании обеда они снова отправились в сквер; и найдя павильон с буфетом всё тем же пустынным, устроились, по настоянию Татьяны в нём для чтения.

- Жорж, мой дорогой, и ты слушай снова. Я стану рассказывать Насте, но, как это иногда бывает в присутствии нового человека, вдруг что-то открывается и тебе, и будто видишь новым взглядом: всё понимается. Поймёшь.

Итак, друзья, я расскажу вам сказку, которая меня привлекла. Как я открыла её? Один из моих рассказов взяли в новый толстый литературный журнал, он называется «Вологодская литература», опубликовали, напечатали так, что не исковеркали, не вырезали ничего, я зауважала редакцию, стала выписывать журнал, за ним следить. И вот, в номере шесть прочитала оч-чень своеобразную... Смесь реальности и фантазии. Автор называет себя: Лора Лад. Конечно, это псевдоним. А свой рассказ: сказкой. И сказка эта меня заинтриговала.

Сказка всегда имеет простой язык. Но эта сказка своим языком витиевата, я чуть-чуть-чуть упростила её. Для Жоржа, и для себя, я стала переводить её на французский: Жорж учится русскому. Я подумала: я переведу, он будет читать на родном языке и сравнивать, как то же самое звучало бы на русском. И я перевела её, и, знаете, была невероятно довольна. Я гордилась.

Но вот прошёл год, перечитала, впала в недоумение!... Что-то важное от перехода на другой язык потерялось! Выходит, я не смогла? Я расстроилась.

Но, или я не смогла, или есть в России вещи, которые звучат, которые понимаются только по-русски.

Так значит, я буду рассказывать вам только на русском. Правда, журнала у меня с собой нет, поэтому буду читать со своего перевода на язык Франции. Попробую. Сидите тихо. Жорж, не кури. А Вы, Настя, если что-то не поймёте, не стесняйтесь, переспросите.

«Опять «Вологда» - вместо ответа подумала Настя. - Кажется, мне везёт: уже знаю регион. На Земле столько мест, столько стран, городов, областей, что узнать, где ждёт тебя твоя судьба, уже есть невероятная удача. Но - слушаю».

«УТОПИЯ XXI века» русской украинки, родившаяся в Сибири после посещения Красноярска вологжанином, напечатанная выпускником МГУ в российском толстом литературном журнале, переведённая в Амьене и Безансоне на европейский язык русской женой для мужа - француза, и изложенная в «Прелестном уголке» Франции по-русски австралийке»

1. КУДЕСНИК и МАЙЯ

Жил-был один Кудесник Хас. Жил он один, кропотливо осваивая приобретенный в собственность большой надел земли под древней Вологдой, который назвал «Живая Поляна». Кудесником его прозвали жители из соседней деревни, которые хоть и недолго любили чужака, но отдавали должное его мастерству плотника, столяра, винодела и хлебопека, и ещё многая и многая.

Крестьяне поговаривали, что знает Кудесник Хас со сверхъестественными силами, и побаивались на всякий случай его.

Но, обмирая от страха, мальчишки все же воровали осенью необычайно сладкие яблоки в его саду, а девушки, умывшиеся водой из рукотворного ручья Кудесника, становились красивее и успешно выходили замуж.

Кудесник смотрел на нарушителей сквозь пальцы, но если обнаруживал следы костра или свежие пеньки в своих владениях - свирепел и долго не мог успокоиться. Тогда он шел к березе, что росла на пригорке чуть поодаль от его дома, и, обняв ее стройный стан, молча вдыхал аромат белоснежной коры.

Иногда Кудесник куда-то уезжал, тогда в шутку наказывал берёзе, проходя мимо неё: «Останешься за хозяйку».

Однажды весной к Хасу приехала Майя. Смешливым ветерком пробежалась она по владениям, заглянула в мастерскую, крутанула яркой юбкой на кухне, уронила неловким движением солонку, рассыпав соль. С искорками в глазах виновато глянула на хозяина:

« Милый... Плохая примета: к ссоре...» Мужчина нежно привлек девушку к себе: « Бог с ней, - прошептал Хас, который просто светился от счастья, - в этом мире для нас тобой нет плохих примет. Мы больше никогда не будем ссориться».

У Майи была способность из всего делать беспорядок. Начав разбирать чемодан с одеждой, внезапно устала, бросила. Хас отложил работу над почти готовым столом, потому что гостя потребовала сыграть на фортепиано.

Вечером они пели любимые песни, пили домашнее вино, ели запечённое мясо и было им очень весело. И хотя уснули под утро, мужчина проснулся с первыми лучами солнца. Сев на кровати, он сокрушенно оглядел комнату- все было кувырком. Тихонько сложив разбро- санную одежду, Хас побежал к ручью, искупался. Выпив чай, он пошел в мастерскую шли- фовать стол.

К обеду проснулась Майя, напекла блинов. Блины удались на славу - были вкусны и с медом, и с вологодским маслом.

Словно боясь спугнуть мелодию, звеневшую в груди, Хас тихо сказал:

- Как славно, Майя... Я люблю тебя... Как женщину, как жену, как мать наших детей, которых ты родишь мне... Все здесь есть для нашего счастья. Я создал этот Мир, думая о нас.

- Хас... - Майя отодвинула блюдце с растопленным маслом, перебором длинных ногтей тронула столешницу,- Хас... Я тоже очень тебя люблю. И мне нравится, как ты все здесь устроил: дом, камин, резная мебель, сад, ароматы трав, тишина вселенская.... Но.... Как бы

тебе объяснить.... Видишь ту березу? Смотри, какая она красивая, стройная! Что будет со мной, если я начну рожать детей? Растолстею, постарею от забот.... Да и не смогу я жить в деревне. У тебя есть Интернет и телевизор, но нет водопровода и ... удобства на улице! Мы же цивилизованные люди! Отдохнуть недельку на природе - куда ни шло, но жить - уволь! Вот сейчас надо воду греть, чтобы посуду мыть, потом эту воду из дома выносить, понимаешь?

- Понимаю, - пристально глядя на подругу, ответил Хас.

- И не кричи на меня, милый!

- Я молчу,- приподняв бровь, усмехнулся мужчина.

- Ты слишком громко молчишь!- вскочила Майя,-

Я не хочу жить в деревне,

я не хочу жить без тебя в городе,

я не хочу рожать детей!

- А чего же ты хочешь, Майя?

- Прости, милый... Я хочу уехать прямо сейчас. Ты проводишь меня на автобус?

- Какой автобус, здесь всего один и он уже ушёл. Мой «Форд» пока на ходу... Я отвезу тебя сам.

Майя, пряча лицо, кидала вещи в чемодан и, пытаясь его застегнуть, вдруг вскрикнула:

- Ой! Ноготь сломала!- слезы брызнули из ее глаз.

Хас молча обнял девушку, понимая, что не ноготь оплакивает подруга, потом сам упаковал и закрыл чемодан.

Вечером он вошел в свой опустевший дом. На полу лежала забытая Майей шелковая косынка. Поднимая косынку, Хас увидел обломок перламутрового ноготка. Сжав его в кулаке, Кудесник, как во сне пошел к березе. Он прислонился, было, пылающим лбом к прохладному стволу и вдруг отпрянул, как от пощечины: на девственно прекрасной коре зиял рваный надрез, рядом валялась стеклянная банка, а вдали убежал, пригнувшись, мальчишка из соседней деревни. Весенний сок пульсировал и сочился по стволу.

По-детски пытаясь прикрыть, защитить, исцелить ладонью свою березку, Хас оставил обломок ноготка Майи в ранке дерева, но не заметил этого. Опрометью кинулся он домой за варом, ему казалось, что истечет, погибнет без его помощи дерево.

Возвращаясь назад, Хас увидел возле березы знакомый женский силуэт.

-Майя,- не проговорил, но горько выдохнул он,- что же ты делаешь со мной, родная? У меня уже галлюцинации, мираж в глазах...

Под алыми лучами вечерней зари молодая женщина в полупрозрачной тунике прильнула к березке, словно хотела слиться с ней, но не могла, потому что была слишком реальной. Она обернулась к Хасу, улыбнулась и с усилием оторвала себя от ствола. И уже не на дереве, а на ее белой груди истекал прозрачным соком рваный надрез, который на глазах изумленного мужчины сужался, уменьшался, исчезал, исчез...

- Кто ты?

- Майя.

- Этого не может быть! Я только что сам увез ее в город!

- Посмотри на меня, Кудесник! Ты же знаешь ВСЁ. Я - воплощение твоего желания, которое пожелала выполнить для тебя Природа, которое смогла выполнить моя родительница Береза, когда ты оставил в ее плоти обломок ногтя любимой женщины. Та Майя сделала сегодня свой выбор, но даже в кончике ее ногтя столько любви к тебе, что...

Девушка нежно погладила исцеленный стан матери-Березы и шагнула к Кудеснику:
- Я люблю тебя, милый... Твоя Майя больше никогда не покинет тебя.

2. ПЕРЕПУТЬЕ

Три странника остановились на перепутье трех дорог. Молодой мужчина, девушка и пожилая женщина молча смотрели на шлагбаум, испещренный письменами.

- Это, наверное, шутка, - растерянно произнесла девушка.

- Похоже на то, - согласился парень.

- Отчего же? - возразила пожилая женщина и прочла:

«Налево пойдешь - себя обретешь,
направо пойдешь - мечту исполнишь,
прямо пойдешь - друга спасешь»

Прямо по курсу виднелся дом, утопающий в яблоневом цвету, левая дорога вилась по зеленой горке, а правая - упиралась в резной палисад, за которым вырисовывались очертания каких-то крестов.

Женщина подошла к шлагбауму - он поднялся и, пропустив странницу, вновь опустился. Молодые люди хотели последовать за ней, но не смогли: шлагбаум, словно заклинило.

- Тетя Надя! - окликнула женщину девушка,

Но та только махнула рукой, прощаясь.

- Надо пойти в обход, - сообразил парень.

Он попытался обойти препятствие и вышел на дорогу, ведущую к видневшимся вдали крестам.

- Артур, пойдем лучше в гору, - взмолилась девушка.

- Хорошо, Лидочка.

Одолеев небольшой подъем, путники оказались перед высоким забором с огромными воротами. На заборе возле ворот они увидели экран дисплея, и пять цветных кнопок.

На белой кнопке было написано «зима», на зеленой - «весна», на красной - «лето», на желтой - «осень», на черной кнопке проступали белые латинские буквы «Esc». Ниже располагалась клавиатура с более мелкими кнопками.

Не успел Артур и подумать, как Лидочка нажала кнопку «зима». Ворота величественно распахнулись, открыв изумленным взорам людей снежную долину с речкой, покрытой льдом. Совершенно нереальное зрелище для начала лета! Студеным хиусом потянуло из долины. Дернув в ознобе плечами, Лидочка нажала кнопку «Esc». Ворота закрылись. Девушка взгляделась в клавиатуру.

- Да это же почти компьютер! Смотри, Артур!

Так... Зимы не хочу - я без шубы...

Сделаем лето, градусов двадцать, чтоб не очень жарко...

Дождик.... Хмм..... Дождик хорош в меру.

Нужен дом.

Так... Спальня, кабинет, гостиная, ванная, санузел, кухня, мебель, бытовая техника...

Крылечко... Качели во дворе - это важно!

Море хоч. Нет - озеро. Но с морской водой.

Лидочкины пальчики уверенно порхали по клавиатуре, как в приказном порядке делает заказ завсегдатай ресторана, со знанием дела быстро листая меню. Затем она победно нажала кнопку «лето». Ворота вновь распахнулись. От запаха разнотравья и птичьего многоголосья у друзей закружились головы.

- Кажется, с цветами я переборщила, - задорно призналась девушка, но, в целом, хорошо! Пойдем, Артур, мне очень хочется жить в этом уютном домике.

- Лида, там, наверно, кто-то уже живет?

- Нет, милый, это моя игра. Здесь мои правила! Я буду вволю спать, и сочинять сказки.

- Значит, ты в безопасности?

- Абсолютно!

- Лидочка.... Позволь мне тогда вернуться.

- Но мне показалось, что там кладбище....

- Я не могу объяснить, но чувствую, что мне нужно пойти именно туда.

Уголки губ подружки угрожающе опустились. Она зашмыгала носом, но в этот момент Артур произнес дежурную фразу:

- Не реви, а то не женюсь на тебе. Бери свою сумку с ноутбуком и иди. Не представляешь, как мне надоело его таскать. Все будет хорошо. Я тебя навещу.

- Когда?

- Как получится. Похоже, каждому из нас предстоит найти свою мечту.

- А какая мечта у тети Нади? Она должна кого-то спасти?

- Даже не знаю. Кажется, она интересуется почвой и экологией. Кого она может спасти?

Что за друг: земля?

- Но шлагбаум пропустил только ее! А ты? О чем мечтаешь ты?

- Ты же знаешь, Лида.

- Воздушный замок? Артур, милый, давай создадим его здесь, у нас получится!

- Нет. Я должен это сделать сам. По-настоящему.

- Но здесь все по-настоящему, ты, что ли не видишь?

- Это твоя игра, - улыбнувшись, напомнил Артур, вскинул увесистый рюкзачок на плечо и решительно зашагал вниз.

Лидочка обернулась к пульту управления на заборе: - Теперь твое место в доме. - Пульт послушно исчез, а на его месте появился серебристый колокольчик с веревочкой. Лида подергала за веревочку, и по долине разнесся мелодичный звон. Девушка довольно трянула светлыми кудрями и вступила в свои владения. Ворота бесшумно закрылись за ней.

3. СКАЗОЧНАЯ ДОЛИНА

Среди пологих склонов, поросших нежной травой и полевыми цветами поблескивала узкая речушка. Лидочка сняла обувь и сполоснула ноги в прохладной воде. Яркие рыбки, играя, щекотали ступни и горячие ладошки девушки.

- Река, конечно, не молочная, а берега не кисельные, но тоже неплохо.

- Ты же хотела рыбок, а рыбки в молоке не живут, - раздался ласковый голос.

- Ты вернулся, Ар....- Лида растерянно осеклась, обернувшись на голос.

Перед ней стоял хрупкого сложения мужчина лет пятидесяти - сорока пяти с короткими золотистыми усами и бородкой.

- Гостей принимаешь? Я - Хас Кудесник, а моя жена Майя у твоего дома. Мы принесли тебе молоко, хлеб и еще кое-какие подарки.

- Настоящий кудесник?

Мужчина смутился:

- Ну.... Не такой как ты, но кое-что умею.

- А что я?- засмеялась Лидочка,- это ворота волшебные попались.

- Как сказать... - загадочно улыбнулся Хас и подал девушке руку. - Мы ждали тебя, Сказочница. Просто пропадем без тебя. Давай свою сумку - тяжелая. Камни у тебя там, что ли?

- Шутить! Ноутбук у меня там - куда я без него, а еще мелочи всякие дорожные.

- Зачем тебе все это, при твоих-то способностях?

- Я только сейчас узнала о своих способностях!

Так, разговаривая, словно старые знакомые, Лида и Хас подошли к дому.

На крыльчке громоздились сумки и пакеты с подарками, а тоненькая лучистая Майя сидела, тихонько раскачиваясь, на веревочных качелях, подвешенных к высоченным столбам.

- Здравствуй, Лида, рада с тобой познакомиться! Хас, милый, я тоже хочу качели, - попросила Майя.

- Конечно. Как скажешь. Только давай сначала распакуем подарки. Зря мы их, что ли, несли? Показывай свой дом, хозяйюшка!

- Ой, даже не знаю, вдруг у меня там беспорядок, - забеспокоилась Лида, открывая дверь в просторную прихожую. - Но уж... Милости прошу! Сама еще ничего не видела....

- Наверное, надо прибрать продукты,- предложил Хас.

- Пошли на кухню,- весело сказала Лида.

Кухня оказалась светлой и удобной. Майя, выкладывая на стол продукты, говорила:

- Молоко утренней дойки, масло деревенское. Знаешь, Лида, есть масло «Рама», есть масло сливочное, есть масло вологодское, а есть домашнее, после которого другого не захочешь. Мед. Мы берем его у знакомого пасечника - самый лучший, не балованный. А закупаем мёд - кашинский, потому что фамилия пчеловода: Кашин. Чай. Очень уж мы с мужем любим чаевничать. А это наши хлеба: ржаной, пшеничный. Мы печем без дрожжей. А вот сдобный, сейчас с чайком и маслицем поедим. Я еще шоколадное масло захватила - вкусное!

Ой, Лида, осторожнее, это трехсвечовый подсвечник. Хас сделал для тебя из ивы.

- Да-да, чтобы сказки лучше сочинялись,- задумчиво сказал Кудесник, рассматривая смеситель и мойку,- что-то я не пойму, для чего здесь три вентиля. Синий - для холодной воды, красный - для горячей воды, а этот, зеленый, для чего? И труб не вижу: ни водопроводных, ни канализационных.... А! Это бутафория?

- Совсем не бутафория!- надула губки Лидочка,- какие трубы в сказочном доме? Здесь - главное результат, а откуда берется и куда девается - не важно!

Она открыла по очереди холодную и горячую воду. Вода, журча, исчезала в отверстии мойки.

- А зеленый кран зачем? - настаивал мужчина.

- Для газировки, молока, кефира - что там еще жидкое бывает? Надо сначала представить, а потом открыть кран.

- Почему-то я тебе верю, - ответил Хас. Но тогда зачем тебе наше молоко? Даже обидно....

Лида взяла из рук Майи бутылку с молоком, налила в стакан и с удовольствием выпила. Потом сказала:

-А затем, чтобы я знала, каким должно быть по вкусу настоящее молоко!

Хас тоже взял стакан, замер на пару секунд и, подставив его под гусак смесителя, открыл зеленый ventиль. Из смесителя полилась бордовая жидкость с терпким алкогольным запахом. Мужчина сосредоточенно поводит стаканом перед своим тонким носом, вдыхая аромат, сделал маленький глоток, посмаковал, удовлетворенно кивая головой:

- Оно.... Крайне изумлен, но это то самое вино, о котором я подумал!

- А холодильник и духовка, похоже, тоже с сюрпризом?- лукаво улыбнулась Майя. - Это что за кнопки на их дверцах?

- Загадываешь продукт,- в тон ей ответила Лида,- затем нажимаешь кнопку, открываешь дверцу....

- Стало быть, продовольственной проблемы не существует?

- Совершенно верно! И при всей моей любви к мясным и рыбным продуктам, ни одно живое существо не пострадает!

- Но наши-то масло и молоко в холодильнике не пропадут?

- Что ты, Майя! И сохранятся и не потеряются! Надеюсь....

- Нет, при таких обстоятельствах, я предлагаю осмотреть весь дом, прежде чем устраивать чаепитие, - решительно заявил Хас,- мне очень любопытно! Девочки! Продукты - в холодильник! Лида, показывай остальные помещения!

- Мне самой интересно. Я запланировала нефритовую ванную и янтарный санузел. Майя прыснула в ладошку.

Люди одну за другой открыли двери в названные помещения, и Лидочка прыгала от восторга.

- А на ванне-то, зачем три вентиля?- усмехнулся Хас.

- Зачем - зачем, - пробурчала девушка,- маленький девичий каприз. Софи Лорен, между прочим, принимала молочные ванны. А про Клеопатру - я вообще молчу....

- Так. Здесь нет ни водопровода, ни канализации, - констатировал Кудесник. - Знаешь, это очень оригинальное решение многих экологических проблем. Жаль, что в моем селении Живая Поляна нельзя применить сказочные методы.

- Ой, а переезжайте в Сказочную долину, вы такие славные, будет весело!

- Нет,- ласково, но твердо ответил Хас. - Живая Поляна - смысл моей жизни. Но я очень рад, что ты будешь наша соседка!

- Вот и Артур не захотел остаться.... Знаешь, он на какое-то кладбище пошел, по третьей дороге. А тетя Надя прямо пошла. Шлагбаум ее пропустил, а нас - нет.

- Тетя Надя у нас. Спит сейчас в гостевом доме. Очень интересный, умный и нужный нам человек. Ты не смогла пройти оттого, что тебя ждала Сказочная долина, а к Артуру мы сейчас с Майей зайдем. Похоже, у него есть мечта, которую он сможет реализовать только в Лаборатории. Лаборатория там, а не кладбище.

- А кресты?

- Я тебя умоляю, как говорят в Одессе. Антенны это и прочее оборудование. Он физик или химик?

- У него два образования. И то, и другое. В детстве мы с ним очень любили смотреть на небо. Однажды облака были так похожи на замок, и я сказала, что хочу жить в таком. Сказала и забыла. А Артур вбил в свою упрямую голову, что построит такой замок для меня, и тогда мы поженимся.

Майя сочувственно посмотрела на сказочницу:

- Похоже, тебе придется искать другого жениха.

- Другого мне не надо.

Словно луч радости осветил лицо Хаса от этих слов, и он напомнил:

- Девочки, идем дальше! Здесь еще три двери. И на одной я не вижу никаких кнопок.

-Это кабинет. Здесь я ничего не планирую менять. Стол для компьютера и пульта управления Сказочной долиной, пара полочек для книг и дисков.

- И репродукция картины Крамского «Портрет неизвестной женщины»....

- Да. Картина из нашего детства. Мама Артура заставляла эту девушку присматривать за нами, когда оставляла одних. У нее неплохо получалось, она и сейчас безотрывно смотрит на нас, видите?

- Действительно, - подтвердила Майя, сделав несколько танцевальных па по кабинету, - смотрит!

Хас спрятал улыбку в золотистых усах и позвал девушек в следующую комнату.

На спальне была одна кнопка, а на гостиной - две.

- У этих кнопок немного разные программы, - сказала Лида, - в спальне можно менять только интерьер. Смотрите, - она задумалась на миг и, нажав кнопку, открыла дверь.

Взорам людей предстала персидская спальня с коврами, шелковыми занавесями, бархатными подушками и балдахином. Лидочка затворила дверь, вновь нажала кнопку и показала совсем другую спальню - белую кровать, оконные занавески в горошек и много-много мягких игрушек.

Майя захлопала в ладоши, а Хас уже тянул ее к последней двери.

- Эта кнопка меняет интерьер, а эта.... Эта кнопка позволяет увидеть в гостиной любого гостя. Гость будет очень реальный, хотя на самом деле - только голограмма. Одна особенность: человек, которого вы загадаете, в этот момент подумает о вас, и, через свою голограмму, на любом расстоянии, будет общаться с вами.

- Как в Интернете?

- Интернет и есть. Ну-у-у... Мой такой: модифицированный. Разумеется, сегодня мои гости вы, и это лучше любого Интернета! Итак....

-Можно я?- попросил Хас.

- Конечно!

Кудесник нажал кнопки и открыл дверь.

- Как красиво! - обрадовалась хозяйшка, выглядывая из-за плеча мужчины.

Вся комната была обставлена резной мебелью, на стенах висели картины, у окна стояло фортепиано.

Но что это с Хасом? Он вдруг побледнел, глядя на девушку, сидящую в кресле - качалке у камина. Девушка поднялась, и оказалось точной копией Майи, только с ярко подведенными глазами, в стильном брючном костюме. Рыжие локоны разметались по ее плечам, взгляд выражал изумление. Хас попятился, чуть не уронив при этом Лиду, и быстро закрыл дверь гостиной. Лида в недоумении обернулась к Майе. Майя была без макияжа, волосы подобрали в высокий пучок, простое платье-туника, да сандалии с ремешками по икрам ног составляли ее наряд. Хас прижал жену к груди:

- Прости, милая. Я совсем не думал о ней.... Не понимаю....

- Хас, - мягко ответила Майя, - о ней необязательно думать. Она всегда в твоём сердце.

Лидочка смотрела на супругов широко открытыми глазами.

- Мы, пожалуй, пойдём, Лида, - тихо сказала Майя.

- А как же чай? Давайте, я достану из духовки яблочный пирог. А может, вы хотите шашлык? Давайте есть шашлык?

- Спасибо, в другой раз.

Лидочка проводила гостей, и пошла прогуляться вниз по течению реки. Речка впадала в озеро, берег которого был покрыт ослепительно желтым песком. Лидочка скинула платье и вошла в теплую соленую воду.

- Мое маленькое море, - нежно прошептала она.

4. ГОВОРЯЩАЯ с ЗЕМЛЕЙ

Тетя Надя проснулась. Гостевой дом жил и дышал вместе с ней. Тёсаные бревенчатые стены с тонкими простыми бумажными обоями не изолировали от приро-

ды, а лишь защищали от непогод. На стене висела картина с фиолетовым парусником, стремящимся в безмятежную сиреневую даль. Только нежные птичьи голоса, да шепот рябин за приоткрытым окном ласкали слух городской жительницы. Немного погодя, она уже брела босиком по влажной изумрудной траве, пила воду из хрустально чистого ручья, с наслаждением умывалась.

- Так вот ты какая, Живая Поляна! Наконец-то мы встретились...

- Я ждала тебя, Надежда, - раздался тихий голос.

- Это Ты, Матушка Земля? - даже не удивилась женщина. - Боже мой, я впервые Тебя так ясно слышу.

- Здесь ты всегда услышишь меня. Именно поэтому я просила тебя найти Живую Поляну. Это мое благодатное место, где нет насилия и жестокости. Здесь Человек созидает, не нарушая моего покоя.

- Но это же не единственное экологическое селение?

- Не единственное. Да только Хас Кудесник из тех людей, что даются миру раз в столетие для особой миссии.

- Для какой?

- Не будь любопытной, Надежда. Всему свое время. Ты должна помочь мне. Для этого тебе нужно понять, что Планета и все живущее на ней есть одно целое. Если где-то происходит война, насилие, проливается кровь, если человеческая жизнь перестает иметь цену, а за человеческое благородство отнимается жизнь, то Планета, реагируя на эту боль, ответит землетрясением, ураганами, тайфунами. Я не могу контролировать свои ответные реакции, как ты свои - от внезапного ожога, укола или падения. ТАК УСТРОЕНО. Так устроено ВСЁ.

- Получается, что из-за намеренного убийства гибнут от катастроф невинные люди совсем в другом месте?

- Именно так! Чем больше намеренного зла, тем больше потери, меняется мой рельеф, меняется климат.

- Но что могу я? Разве могу я остановить страшные людские деяния?

- Можешь! Если существует Живая Поляна, если Хас Кудесник создает здесь Жизнь, Планета реагирует на это возникновением новых оазисов - возникает жизнь, плодородие, из моих недр начинают пробиваться животворные источники, плоды и травы обретают уникальные, целебные свойства, самоцветы и драгоценные металлы проступают вблизи людских троп.

- На Живой Поляне?

- Нет, совсем нет. Не только на Живой Поляне. Мы с тобой должны помочь этому человеку. Стань для него моим голосом, но не вмешивайся в то, что задумывает он. Он ВЕДАЕТ. Оттого он знает, что делать. Это Слуга - Воин мой. Отсюда, с Живой Поляны начинаются изменения в мировом сознании всех людей. По крупице завоевывает Созидание Землю - с вином Кудесника, с его хлебом, с мебелью и домами, с книгами и картинами, которые он пишет, с водой Живой Поляны, которую он со-

бирает со своих полей, которую поднимает из-под земли. Которая наполнит все мои реки. Ступай к нему. Да гляди под ноги.

- Тут и спотыкаться-то не обо что...

Тетя Надя пошла к дому Хаса и Майи, пристально глядя на тропинку перед собой. Вдруг ярким светом прыснуло ей в глаза: прямо под ногами сверкали и переливались под солнцем друзы прозрачного фиолетового аметиста, которые словно стенки драгоценной чаши обрамляли небольшой веселый фонтанчик воды.

Ну, как не испытать такой водицы? Кряхтя, присела тетя Надя на корточки, подставив ладони, напилась, плеснула в лицо. Замерла, собираясь с силами, чтоб подняться, преодолевая привычную ломоту в теле, и вдруг встала легко, будто перышко на ветру.

- Славная вода! - звонко и свободно рассмеялась женщина и, неожиданно для себя, побежала, всей грудью ощущая приволье Живой Поляны.

Хас и Майя размеренно и вкусно пили утренний чай, когда в дом, громко хлопая дверьми, вбежала гостья.

Супруги одновременно обернулись. Посреди комнаты стояла, разгоряченная от бега, златокосяя девушка в старушечьем платье.

5. ВОЗДУШНЫЙ ЗАМОК

На берегу могучего Енисея раскинул свои крылья город Красноярск. Летняя пыль уже успела осесть на голубых елях и синтетических светящихся деревьях, но еще не добралась до тщедушных пальм в кадках, расставленных по центральному улицам на потеху горожанам. Фонтаны в изобилии освежали тропы мегаполиса. Подле них родители выгуливали детей, а одна мамочка кормила своего карапуза гамбургером. Малыш сопротивлялся, но сонная мамаша была настойчива. Тополиный пух не давал особенно расслабляться. Он проникал всюду, он стал неотделимой составляющей воздуха.

Все это цинично отметил, между делом, седовласый художник, сидящий у мольберта. Грифелем сангины он увековечивал очередную заказчицу, застывшую со сладкой улыбкой на лице. «Пятая клиентка за день, совсем неплохо», - лениво думал художник: «Вот только отчего, мои эскизы сегодня все на одно лицо? Клиентки совершенно разные, да и я - профессионал. Докатился....».

Художник дал знак девушке. Она облегченно вспорхнула, пощебетала над своим совершенством, расплатилась и растворилась в подступающей прохладе вечера. Творец был недоволен собой. Сначала он долго и мрачно пил в уличном кафе, потом брел по ночному городу, не замечая тяжести мольберта и сумки с нехитрыми пожитками. Идти художнику было некуда, но он упрямо шел, пока не забрел непонятно куда. Ночь выдалась холодная, и мужчина уже начал прикидывать, у кого бы ему переночевать. Автобусная остановка, возле которой он остановился, не внушала доверия. Реформы в движении транспорта доставили много неприятностей горожанам, и, похоже, поросший пылью монумент, давно не радовался автобусному выхлопу.

- Дрянь - дела! - выругался художник.

- Ты ждешь кого-то? - раздался участливый голос.

Мужчина угрюмо взглянул на парня, взявшегося невесть откуда, и устало ответил:

- Самолет жду! Шел бы ты....
- Ты выбрал неудачное место, - с сожалением продолжил собеседник.
- Неужели?! И как ты догадался?
- Самолету негде совершить посадку, а автобусный маршрут здесь закрыли.
- Что же мне делать, - тихо пробормотал художник.
- Остановка далеко. С этим, - парень кивнул на поклажу, - тебе тяжело будет. Когда твой самолет?

- Какой там самолет - просто ляпнул с досады на себя....
- Значит, ты не торопишься? - почему-то обрадовался тот.
- Выходит, не тороплюсь, если не считать, что замерз, как собака! Где, говоришь, остановка?

- Пойдем! Пойдем ко мне, а потом что-нибудь придумаем! Меня зовут Артуром. А тебя?
- Виктором....
- Вот и славно, - Артур взял художника за локоть, будто приглашая войти в невидимую дверь. Тьма стала расступаться, розовый свет осветил небольшую площадку, сгущаясь и поднимаясь, пока целый столб розового сияния от земли до необозримой выси ни предстал перед людьми.

Виктор изумленно смотрел на это чудо, лихорадочно вспоминая слухи о зеленых человечках и подсчитывая количество сегодняшнего им выпитого.

- Это лифт, пойдем, - прервал его воспоминания Артур и с вежливой настойчивостью подтолкнул беднягу внутрь розового столба. Сразу же пропали темнота и холод, а вместе с ними исчезла и опора под ногами. Уютное тепло окутало людей, чьи тела внезапно потеряли вес в восходящих потоках воздуха. Последнее, что увидел Виктор: улыбка Артура, Вдруг стало темно.

- А-а-а, - догадался художник, - я, наверное, замерз и умер. Но тут он почувствовал пол под ногами. И мрак рассеялся. Это была пустая комната со светящимися стенами. Радужный вихрь закружился перед нашим героем, поглотил в своих объятиях, сорвал одежду. Затем обнаженное тело атаковали водяные шарики, которые лопались, едва притронувшись к коже, наполняя воздух ароматом. Виктору так понравилась эта гигиеническая процедура, что когда шарики исчезли, он даже пожалел. Тело наполнила бодрость, а мощный поток воздуха подхватил это бодрое, чистое тело и перенес в другую комнату. Стены здесь, к облегчению гостя, не светились, а были просто голубые, но почему-то пушистые. Ноги по щиколотку утопали в рыжем ворсе напольного покрытия. Пока Виктор переминался с ноги на ногу, наслаждаясь шелковистостью ковра, новый поток воздуха доставил ему чистую одежду. Одежда была новая и пришлась впору. Гость огляделся. Он увидел странную мебель: бежевого цвета, пушистую.

Горькая догадка осенила Виктора, который очень любил животных. Его воображение уже рисовало десятки убитых, ради роскошной мебели, зверей, когда одно из кресел бросилось к нему со всех лап и нежно проворковало:

- Проходи, милый, мы все тебе очень рады!

Второе кресло подползло как шаловливый котенок, да оно и мурлыкало при этом! Приглядевшись к высоким спинкам кресел, Виктор заметил крошечные мордочки с карими глазками и бархатными язычками. Из-под сидений выглядывали толстые лапки на крепких пятаках. Он машинально приласкал креслица, вызвав у них щенячий восторг. Из угла комнаты, в котором находился диван, раздался приветливый басок:

- Подойди ко мне, Витя! Я слишком велик и неповоротлив, чтобы бегать за тобой, как эти сорванцы!

Виктор робко подошел к дивану и дружески пожал его подлокотник, но вдруг упал, сбитый ударом под коленки. Это баловалось креслице. Ну и возня же началась! Мужчина крепко обнял соперника, креслице вырывалось и нападало с переменным успехом. Пол пружинил под борцами, как батут, в углу похохатывал диван, а вокруг, азартно щебеча, бегал телевизор на голенастых птичьих ногах! Его голубые перья были взъерошены, как у бойцового петуха. Наконец, все устали. Виктор и креслице расцепили объятия и развалились на пушистом рыжем полу.

- А ты сильный, - уважительно проурчало креслице, - со мной даже телевизор не справляется!

- Зато я знаю все на свете, - задиристо чирикнул телевизор.

- Все на свете не знают даже книги, - мягко возразил книжный шкаф.

- Самое главное: внутреннее содержание, - самодовольно добавил плательный шкаф, кокетливо приоткрыв дверцу.

- Совершенно верно, уфф, - пропыхтел сервировочный столик, вбегая в комнату на мохнатых паучьих ножках. Его бархатистая поверхность была уставлена всевозможной едой. Столик присел перед лежащим на полу гостем, ловко изогнул одну из ножек и подал Виктору великолепное яблоко.

Тут поток воздуха доставил хозяина. При его появлении, вся мелкогабаритная мебель кинулась к нему, - гомоня, как зоорынок в субботу.

- Совсем разбаловались! - ласково пожурил их Артур и протянул художнику руку, - Поднимайся, друг, будем ужинать. Да ты садись в кресло, оно знает, когда нельзя шалить.

Виктор сел, кресло уютно обняло его, удобно пристроив подлокотники под руками. Хозяин устроился напротив, а между ними торопливо встал столик, приветливо бормоча:

- Ешьте.... Вон сколько всего! Приятного аппетита.... Уф! Хлеб вкусный - Хас Кудесник пек!

- Кудесник?

- Да ты ешь, Витя, - улыбнулся Артур и погрозил столику пальцем.

Люди насытились и столик, шумно вздыхая, убежал.

- Спасибо, торопыга! - крикнул ему вслед Артур.

- Спасибо, - поблагодарил Артура Виктор, разомлевший от еды.

- Спать будешь или хочешь осмотреть мой воздушный замок?

Сладкая истома мигом слетела с художника:

- Воздушный?

- А ты еще не понял этого?

- Я понял одно - хватил лишку сегодня в кафе. Но что-то разладилось во мне в последнее время.... Творческий драйв пропал. Я - художник. Веришь, в гости к подругам даже идти не хочется - старею, наверное. А мне только шестьдесят пять! Сегодня написал пять разных баб, а они все на одно лицо получились. Лицо, правда, красивое - клиентки не в претензии. Хотя, странно.... Странно, что не в претензии!

- Серьезная проблема, - почему-то усмехнулся Артур, - а не полететь ли нам в картинную галерею? - он открыл дверь, приглашая гостя выйти. Упругая волна подхватила и понесла людей по коридору, если можно назвать коридором зеленые протуберанцы света. Виктор быстро освоился в воздушном потоке и завел разговор о странной мебели:

- Откуда такая мебель?

- Обычная мебель была, если не считать, что создал ее Хас Кудесник из селения Живая Поляна. Он делал эту мебель специально для воздушного замка: легкую и прочную. Есть у меня подруга Лидочка. Сказочница. Она сочиняет, что ей в голову взбредет, а потом все это

делает реальностью. Хас обмолвился перед ней, что ему для моей мебели нужна какая-то особая морилка, которая у него закончилась. Показал емкость с этикеткой. Лида сказала, что именно такая стоит у нее в прихожей. Хас удивился, но поверил. Он всему верит. На самом деле у моей подружки есть кран на кухне, из которого льется любая жидкость, которую представишь. Есть пульт управления Сказочной долиной, на котором она может создать любой предмет в любом месте своих владений. Лидочкино представление о некоторых вещах смутное, но она старается этого не афишировать. Принесла морилку. Я сам помогал покрывать ею мебель... Запах у этой морилки, я тебе скажу.... Бррр! Хас открыл утром двери мастерской и обомлел: мало того, что мебель шерстью и перьями поросла, так еще и ожила! Хорошо, что двери на ночь закрыли, а то искали бы этих шалопаев по всем окрестностям на ста гектарах Живой Поляны - они такие любопытные!

- А стены и пол в комнате?

- Их Майя, жена Хаса, остатками морилки покрывала.

- А цвет? Цвет-то разный!

- Не поверишь - сам удивляюсь. Это самая большая загадка! - засмеялся Артур, - О-Оп!

Прилетели!

В картинной галерее пол был молочного цвета. Он глушил шаги, как вата.

- Как на облаке! - удивленно воскликнул Виктор.

- В точку! Облако и есть. Тут все из облаков.

Художник не успел удивиться, как увидел на матовых стенах картины, изображающие одну и ту же женщину, знакомую, до боли.

- Она! Ей богу, Артур, я ее сегодня целый день рисовал! Чьи это картины?

- Твои.

- Мои?!

- Скоро ты их напишешь...

Картины под взглядом людей покрылись рябью, побледнели и растворились на стенах.

- Кто она? - с предчувствием чуда спросил Виктор.

- Тетя Надя.

- Тетя? Сколько ей лет?

- Восемьдесят пять.

- А-а, - махнул рукой гость, - нет, ты скажи мне, зачем я буду рисовать старуху? Богатая клиентка?

- Сердце-то что подсказывает?

- Не пойму.... Тревожно мне как-то.... Красивая она была....

- Красивая и есть. Надежда, Говорящая с Землей.

- Блаженная что ли? И до чего она договорилась с Землей?

- Уж не знаю, о чем у них там была речь, но только завтра в селении Живая Поляна - праздник источника Молодости. Будет много гостей. Хас созывает своих друзей. А нашла источник тетя Надя, на следующий день после своего прибытия в селение. Теперь она молода и прекрасна. Пойдем в машинный цех?

Машинный цех выглядел необъятным. Прозрачные трубы тянулись от станка обтекаемой формы. Он был велик, но висел в воздухе. Виктор с уважением смотрел на гигантское сооружение и понимающе кивал головой.

- Это облачный концентратор. Облака уплотняются и я строю из них все, что угодно. При этом они остаются в своей среде: в небе. Мой замок мобилен и не нарушает воздушных путей авиации, реагируя на появление «борта» в воздухе, как туча на ветер.

- А энергия? Откуда облачный концентратор берет энергию?
- Хороший вопрос, - Артур задумчиво посмотрел на собеседника, - Если коротко, то это энергия мысли.

- Ты хочешь сказать, что постоянно гипнотизируешь эту махину?

- Иронизируешь? Дело не во мне. На нашей планете живет много людей. Все они очень разные - злые, добрые, равнодушные. Или - три в одном. Ты когда-нибудь замечал, что, впадая в гнев, делаешь хуже всех - себе самому?

- Случалось. Сердцебиение учащается, голова болит....

- Это не самое страшное. В момент агрессии, ты становишься источником негативного посыла, который идет прямо в Космос. Космос - живая, гармоничная материя разума, она реагирует на подобные импульсы, как на нападение, защищается и возвращает твой посыл обратно, но многократно усиленный, разрушительный. Из множества вариантов своей жизни, ты вступаешь на путь к самому неблагоприятному из них. У тебя начинается черная полоса: обрываются нужные отношения, ухудшается здоровье, деньги уходят в никуда. А теперь представь, какой силой обладают идеи о насилии, войне. Какой урон они приносят человечеству, еще на стадии намерений! Одна сплошная черная полоса: мировые кризисы, голод, болезни.

- Допустим. А при чем здесь твой воздушный замок?

- По периметру замка я установил чувствительные датчики, улавливающие дисгармоничные мысли с любой точки Земли. Импульс передается в очистные сооружения, поглощающие эти мысли и преобразующие их в чистую энергию, на которой работает облачный концентратор, двигатели, воздушные потоки, утилизатор отходов и все жизнеобеспечение замка.

Понимаешь, отныне в Космос идут только мысли о любви и благодарности. Я уверен, очень скоро Вселенная ответит нам взаимностью. Исчезнут границы, люди будут уважать друг друга и беречь нашу Землю, как семья бережет свой дом. А уж на какие чудеса способна Земля-Матушка, если люди перестанут причинять ей боль войнами, убийствами и загрязнением окружающей среды! Наша тетя Надя может рассказывать об этом часами - она слышит голос Земли. Без ее идей и помощи Хаса, я не скоро бы построил свой воздушный замок.

- Но если все станут белыми и пушистыми, то твой замок останется без энергии и рассыплется.

- Не переживай, до Живой Поляны мы долететь успеем, даже на самой малой скорости! Пока ты боролся с моими друзьями, я задал направление маршрута и время прибытия автопилоту. Завтра утром пришвартуемся во владениях Кудесника.

- Просто чудо, что мы с тобой встретились!

- По-возможности, я помогаю людям, попавшим в трудную ситуацию.

- Моя ситуация не была безвыходной.... Наверное, кто-то нуждался в твоей помощи гораздо больше....

- Красноярск - мой родной город. И остановка, на которой ты оказался, когда-то находилась напротив нашего с Лидочкой дома. Мы жили по-соседству. Дом снесли, теперь там пустырь, заросший полынью. Раньше полынь росла на месте нынешних многоэтажек - целое поле, где мы могли играть сутками, если бы нам позволяли. Я обещал Лидочке куст полыни с этого пустыря. Завтра наша помолвка.

- Полынь - невесте?!

- Мы посадим этот куст у крыльца. Так захотела Лида. В сущности, она осталась ребенком, который не желает расставаться с детством и может себе это позволить. Порой моя подруга генерирует абсурдные идеи и даже воплощает их в жизнь, но вокруг нее всегда атмосфера радости. А цветов в Сказочной долине много. Такого разнообразия цветов, пожалуй, нет нигде на свете.

- Ваша помолвка состоится в день Источника Молодости?
 - И помолвка, и закладка дома для тети Нади один большой праздник.
 - Ты говорил, что будет очень много гостей. Где же они разместятся?
 - Часть - у Хаса и Майи, часть - в воздушном замке, а остальных устроит Лида в Сказочной долине. На берегу соленого озера она создала дворец, в котором можно разместить любое количество гостей.
 - Тогда зачем строить дом для тети Нади? Жила бы в сказочном дворце.
 - Она долго путешествовала, чтобы найти Живую Поляну. Часть пути мы прошли вместе, и она говорила, что готова спать на траве, лишь бы это была трава Живой Поляны.
- А теперь пора спать нам. Ты уже подружился с диваном? Лети к нему - утром увидимся.

6. ПРАЗДНИК

Что может быть лучше, чем утро в селении Живая Поляна? Вышел из дома - и уже на природе! Медвяно испаряется роса, птицы щебечут, пряные ромашки поворачивают нарядные головки к ласковому солнцу. Небо такой синевы, что, глянув однажды, не оторваться от этой бескрайней красоты!

Гости приезжали на автомобилях, велосипедах, лошадях, приходили пешком. Знакомаясь на ходу, люди тут же включались в подготовку к празднику: устанавливали на поляне столы, скамейки. В низине, у ручья, складывали дрова и хворост для костра.

Роскошное облако заслонило солнце и исторгло из себя поток розового света. Световой столб соединил облако с землей, и из него вышли Артур и Виктор. Виктор был слегка небрит, слегка помят, после вечерних возлияний в кафе, и от этого сильно смущался. К тому же, его мучила жажда. От шумной компании отделилась златокосая девушка в васильковом платье. Еще издалека оценив ситуацию, она подошла к художнику с ковшом родниковой воды. Губы Виктора окончательно пересохли. На сей раз, от волнения. Он узнал Надежду. Молча принял ковш из ее рук и жадно выпил. Какой вкусной оказалась вода! Как упоителен воздух! Дух захватило у городского циника от нахлынувших ощущений!

- Тебе кажется, что за спиной выросли крылья?- просто спросила Надежда.

- Как ты догадалась?

- Я первая напилась этой воды - знаю, - улыбнулась красавица, - тут осталось немного....

Не отрывая глаз от златокосой, Виктор плеснул себе в лицо остатками воды.

- Тетя Надя, так не честно, - весело упрекнул девушку Хас,- праздник еще не начался, а ты уже раздаешь воду из источника Молодости.

- Зато у меня теперь есть молодой кавалер, а у тебя сильный помощник,- задорно ответила Надежда и подала Виктору зеркальце.

Из зеркала на него глянул очень знакомый брюнет - сорок лет долгой!

- Эй! - воскликнул Хас, - я слышал, что ты художник, а мне сейчас как раз нужен человек с хорошим глазомером - пошли делать разметку дома для тети Нади. Может там к тебе вернется дар речи? Артур, слетай к Лидочке, она ждет. Надо доставить сюда ее очередной шедевр. Ой, чувствую, опять будет сюрприз! - Кудесник сокрушенно покачал головой и сделал жест друзьям и Виктору следовать за ним.

Виктор шел за Хасом по некошеной траве к лесу, окружавшему поляну. И казалось ему, что летит он в воздушном потоке.

Шутка ли, начать строить дом? Сколько бы дней делали эту работу в городе с учетом перекуров и прочих недоразумений?

Отчего же так споро созидалось на Живой Поляне? С прибаутками, но скрупулезно и деловито разметили оси, начали рыть траншеи под фундамент. Один звонок Хаса с мобильного телефона и подоспела бригада деревенских мужиков с кирками и лопатами. Инструменты словно пели в руках у землекопов. И эту музыку чувствовал Виктор в своих молодых мускулах, требующих нагрузки.

Между тем, Артур уже целовал упругие щеки Лидочки, передавая куст полыни:

- Принимай свой заказ!

- Ой, Артур, у меня уже и ямка готова! Давай, скорее, посадим, ах, какой аромат! У нас столько дел!

Друзья посадили полынь, полили.

- Надо отвезти на Живую Поляну рог Изобилия, а то скоро обед, - тараторила подруга, - я уговорила Майю, чтобы она доверила мне организацию банкета. Это было непросто: убедить Майю, что все будет вкусно и в срок.

- У тебя же обычно в печке еда...

- Милый, ты представляешь, сколько людей надо накормить, у всех свои вкусы и привычки - я и вообразить не смогу такой ассортимент блюд! Поэтому я создала рог Изобилия - он выполнит любой заказ гостей. И мне не надо будет представлять то, что я никогда не видела, сам знаешь, что из этого получается.... Возьми его за домом и отнеси в воздушный замок!

Лидочка побежала переодеваться, а когда вернулась, застала Артура возле своего творения в глубокой задумчивости.

- Что?

- Нет, Лида, это ты мне скажи: что ЭТО?

- Рог Изобилия....

- По-твоему это рог? Это кухонная вытяжка, причем самой нелепой формы! Надо было хоть в Интернете посмотреть, прежде чем создавать....

- Ну не придирайся, Артур, главное, что он работает!

- И как я поташу эту громадину, эту штуковину? Тихо - тихо, только не реви, а то не женьюсь на тебе! Тут тачка нужна.

Лидочка всхлипнула и убежала в свой кабинет. Когда рядом с Артуром появилась новый шедевр подруги, он просто расхохотался:

- Милая моя, ты что, тачку никогда не видела? Тачка - это тележка на колесах, а не столик на роликах. Все! Я просто подгоню свой лифт к этому монстру. Что еще будешь брать?

- Надо создать серебряную монету для дома тети Нади.

- Ну, уж нет, дорогая! Даже старинные монеты должны быть настоящими. Я привез из Красноярска. Майя попросила.

- Тогда полетели?

- Прошу!

- Вот можешь же быть галантным, когда захочешь!

Артур обнял подругу, подвел к рогу Изобилия и посмотрел на небо. Сказочной красоты облако, повинувшись его взгляду, переместилось и опустило световой лифт. Лидочка завизжала от восторга, подхваченная воздушным потоком:

- Как на качелях! Я никогда к этому не привыкну! Так здорово!

Под ними, медленно вращаясь, поднималась тяжеленная выдумка сказочницы.

- Надеюсь, это действительно работает, - с сомнением проговорил Артур, выгрузив рог Изобилия рядом со столами, на Живой Поляне. - А где все мужчины?

- Траншеи под фундамент копают, скоро вернутся. Надо стол накрывать, - ответила Майя, - где обещанное, Лида?

Лида смущенно указала на железную трубу с огромным раструбом. Майя медленно присела на скамью, ничего не говоря. Вокруг рога Изобилия, хихикая, столпились ее гости.

- И ничего смешного! - отчаянно защищалась сказочница, - будет, будет всем сестрам по серьгам! - И положила руку на свое изобретение.

Труба скрипнула, и из нее посыпались серьги, сверкая благородными металлами и са-моцветами.

- Ну что, проверила, умница ты моя? - облегченно заулыбался Артур. - Разбирайте, кра-савицы!

Майя наклонилась и выбрала изумрудные сосульки с серебряными дужками. Девушки и женщины весело примеряли украшения, и все остались довольны.

Тут уж рогу Изобилия дали полную нагрузку. Из него доставали скатерти, столовые при-боры, посуду, закуски и напитки!

Когда подошли мужчины, успевшие искупаться после работы, жены и подруги ждали их у столов, ломившихся от изысканной снеди.

- Любопытно, что это за безобразия? - спросил Хас, указывая на трубу. - До сих пор ду-мал, что у меня здесь не склад металлолома.

- Хас.....- сокрушенно упрекнула Майя, - это Лидочкин рог Изобилия.

- И что? Работает?

- Еще как работает!

- Действительно? - Хас оперся на раструб и заглянул внутрь, - а если я попрошу сто но-утбуков?

- Хас!... - пугаясь воскликнула Майя, но опоздала.

Рог хрюкнул и из него гуськом поползли ноутбуки. Глядя на растерянных мужчин, жен-щины просто легли на траву от смеха! Потом все с аппетитом обедали, и каждый получил любимое блюдо и фрукты. Гости шутили, рассказывали свои новости, и были бесконечно ин-тересны друг другу.

- Дорогие мои!- поднял бокал Хас. - Сегодня прекрасная пара Артур и Лида разрешили мне объявить о своей помолвке! Давайте поздравим их!

Едва умолкли поздравления, Кудесник отвлек внимание от смущенных жениха и неве-сты:

- Друзья! Мы основательно подкрепились, и я приглашаю всех к источнику Молодости. Вот эти люди испытали на себе действие животворной воды. - Хас указал на Надежду и Вик-тора, который не отводил от нее глаз. - Этой красавице восемьдесят пять лет, а этому крепко-му парню - шестьдесят пять! Идем?

Гости дружно поднялись и шумной толпой отправились к источнику. Посреди узкой тропинки, журча, изливался в аметистовую чашу маленький фонтанчик. Много раз напол-нялся ковш: каждый испил прохладной воды. Рука об руку стояли Надежда и Виктор, с улыб-кой глядя, как распрямляются спины и разглаживаются морщины у пожилых людей, как хо-рошоет девушки и наливаются мускулы у парней.

- А теперь, - торжественно сказал Хас, - мы произведем закладку дома для нашей доро-гой подруги Надежды. - И так проникновенно прозвучали его слова, что гости почувствова-ли всю важность этого события.

Коротким показался путь к лесу людям, находящимся под действием природного элик-сира молодости. Артур передал серебряную монету Майе, она - Хасу. Кудесник положил мо-

нету в резную шкатулку, а шкатулку - в траншею, образующую правый угол дома. Потом он выпрямился и с улыбкой посмотрел на Надежду, у которой по щекам текли слезы:

- В добрый час!

- В добрый час!

- В добрый час! - эхом повторял каждый

Заработали инструменты, дно траншей покрыли песком, камнями и битым кирпичом, затем настала очередь бетона. Бетон уложили, зарычал вибратор.

И вот мужчины отошли от фундамента и оперлись на лопаты, а женщины наградили их аплодисментами и поцелуями.

Насыщенный событиями день клонился к вечеру, но никто не чувствовал усталости. Для молодых вечером самые интересные события только начинаются! У ручья зажгли огромный костер, пели песни, танцевали, играли в жмурки, будоража кровь.

7. МАЙЯ

Уходящее солнце постепенно окрашивало край неба в багряные тона.

- Хас, - вдруг попросила Майя, - пойдём к моей маме Березе.

Кудесник легко поднялся с травы и обнял жену за талию:

- Пойдем, милая!

Супруги подошли к дереву. Хас приник к белой коре щекой, шумно вдохнул:

- Майя, твоя кожа пахнет так же...

- ...Я всегда буду любить тебя, Хас, - со светлой грустью прошептала женщина, мягко развернула мужа лицом к дому и, толкнув идти вперед, сама крепко обняла руками берёзу, прижавшись - и мгновенно прирастая - спиной к стволу, коре. - Я сейчас, иди, иди... Я прибегу лесом... - будто отдаляясь, затихал её голос.

...От дома к пригорку, на котором росла береза, шла молодая женщина.

Она еще не увидела Хаса в сгустившихся сумерках, но он уже почувствовал ее магнетизм, он уже каждой клеточкой своего тела и всей душой потянулся ей навстречу!

Алые лучи вечерней зари осветили взволнованных людей.

- ...Хас! Хас! Хас.... Я не могу даже дышать без тебя.... Зачем ты меня отпустил?

Ты же знал, ты знал, что я не смогу....

- Майя, родное сердце, как?...

- Вижу- вижу: ты тоже истосковался по мне!

Но кто та девушка, что мелькнула за березами?

- За березами?! - Хас резко обернулся.

Близко - близко со стройным стволом Березы-матери

стояла тонкая невысокая Березка дочь...

«И что из этого?»

После паузы Татьяна спросила:

- Настя, понравилась Вам сказка?

Настя долго не отвечала. (Как уже не раз упоминалось, она имела в себе свойство внезапной гипертрофированной впечатлительности.) Наконец, она увидела глаза Жоржа, услышала собственное молчание.

- ...Кудесник, девушка и говорящая с Землёй - да: да! Вся сказка - нет.

- О! - встrepенулcя французский муж. - О! Поясните!

Настя удивилась сама: не пришлось подбирать слова. Они просыпались; как конфеты, когда переворачивают раскрытый кулёчек.

- В сказке чересчур много автора. Страшно много! Автор всё перебивает собой. И ещё, странное: автор занята собой, только собой. Везде она! Странно. Кроме Кудесника, девушки и тётки Нади, пошучу уж - и Земли, заодно, - всё там: автор. Никого, кроме автора нет.

Но в русской сказке - в ней никогда нет автора!.. В ней не должно быть, в ней никогда его нет. Вспомните, пожалуйста, вспомните.

Русский сказочник, он лишь глаза: глаза и перо. Он глаза жизни, глаза природы, он рука жизни, рука природы. Он всё, он никто.

И он не ставит имени своего. Ему не важно. Его нет! Его нет, есть сказка! Он - сказитель, сказочник.

Здесь же...

Жорж и Татьяна переглянулись.

- Вы разгромили меня по всем пунктам...

- О! Тогда, вы меня: поддержали.

- ...Милая моя, - негромко заметила Татьяна, принимая к своему внезапному мнению и кивок мужа, - милая моя, да Вы: русская.

Настя в ответ только безрадостно улыбнулась.

«Ладно, по крайней мере, теперь знаю: куда, к кому, и как» - прощаясь со своими новыми друзьями, постоянно думала об одном и том же она.

«Что стоишь, качаясь, тонкая рябина...»

романс

Она взяла визу, что было для неё (так говорят по-русски) легче лёгкого (владелица, глава турагенства), и на месяц полетела в Москву.

За один день насытилась старинным центром (в котором уже бывала, который, пожалуй: знала). И здесь, в нём (с удивлением: посреди мегаполиса!.. в огромном, казалось бы, подавляющем природные инстинкты, мегаполисе - гигантском, местами - челове-

ском, местами - червивом континенте, - мельнице с жерновами самых крайних страстей внутри), здесь ощутила в себе - волю, свободу, устойчивость, пространство и время. С этой минуты (речевой оборот) стала беззастенчиво пользоваться своими досель ненужными, дремавшими, недоступными, - и опасными ранее, - Способностями.

Сняв номер бизнес-уровня в тихой, неприметной, ничем не привлекательной окраинной гостинице, за небольшую мзду (ах, словечко - вот словечко, никогда не будущее доступным иностранцу! Никогда. Мыслить нужно... шиворот - навыворот! А сколько их, таких - и такого - ещё? Настя ещё в Амьене приобрела уместающийся в сумочке, размером со свою ладонку pocket-book и всё свободное время зачитывалась Далем, пополняя свой базовый международный русский до русского русско-го.) - и глядя напрямик в мысли через директорские глаза, договорилась: она не будет возвращаться в течение месяца, - а бог его знает, может, и будет, - при этом, никому, ни в какие органы никем не будет сообщено, так как, она, конечно же, постоянно живёт здесь, просто... Дружок у неё, и она... Дальше сами поймёте.

Все документы, денежные карточки, ценные вещи положила в сейф одного из сотрудников своего посольства.

Переделалась; сменив платье и туфельки на крепкие - брюки, рубашку, кепи, непобедимые кроссовки, обувь - унисекс и без каблуков.

Дождавшись Подходящего состояния, окаменела у схемы Москвы (даром, что людна улица), представила лес; и засветилась от радости - и он тут же, к великому её счастью, откликнулся, мягко взял за плечо, повёл.

Тогда - метро, вокзал, электричка... Брюки, рубашка навывпуск, кепи, документов и денег нет с собой. Турникет прохода на платформы, к поездам. На ходу сообщая ВСЁ вспомнила Мессинга, представила - вот эта бумажка: мой проездной билет. И - контроль миновала.

На платформе. Наряд милиции в четыре глаза зыркавший найти беспорядок, направился к ней. (Оглядывается, без вещей, странновато одета. Слишком долго оглядывалась: не могла сообразить - в какой из поездов сесть? Правый? Левый?) Старший представитель закона уже строго окликнул - «Гражданка!...», уже обращался, бубня обязательное своё представление, а второй с интересом шупал глазами. Обоим «отвела глаза». Взяв в тиски представителя нацменьшинств, про неё забыли.

В вагоне. Крупный молодой мужчина, - в бейсболке (Настя тут же нашла в современных дополнениях к «великому и могучему»: «брателло», «качок») сел напротив. Уставился, явно решив не упускать столь соблазнительную гёл. Вперился (личико! фигурка!) в самые глаза кстати: внушила охранять её. И парняга свирепо вращал глазами, двигал скулами, играл «мышцой» каждый раз, когда кто-либо из представителей мужского пола (даже «слюнявый интеллигент» с журналом, в очках, не рослый, тщедушно-нескладный - хлюпик (вот бы В.Даль поразился нововведению Октябрьской революции, у него из всех хлю- токмо «хлюпень», нижегородское: одежда в лохмотьях, и не более того) намеревался подсесть к Насте. Тогда всякий

раз на физиогномии мордворота читалось (тут надо для оплодотворения картинку слухом представить рёв быка): «Это моя-а тел-л...». Срабатывало безотказно. И Настя беспрпятственно пополняла свой базовый русский.

Часа через два, почувствовав пропадение эгрегора Москвы, услышав новые «тук - тук» сердца, в волнении поднялась. («Братву» усыпила; мягко воткнув в мозгечок, - о чём непременно бы поспорил с ней профессор Преображенский на предмет места, но и непременно позавидовал бы! Ему вот так с Шариковым не удалось, - воткнула, как условный рефлекс «собаке Павлова»: «знай своё место, не суй свой нос не в свои дела, не в свои сани не садись»). Вот начиталась фразеологизмов.) Выбежала на какой-то маленькой станции.

Посёлочек : село - городок. На рысях подкатила к одной из машин - такси. Водитель скучал. Собрав в себе всё простонародное и всё просторечное (вообразить их чаем, не нальём и чайного блюда), скомкав до смешка церемонии, выразилась без приветствия: «Будь другом...» «И чево?» «Мани закончились: нет денег. А нужно срочно. Отвези, будь другом! А я помолюсь и тебе... Возврут». «А тебе куда?» «В лес - в глухой лес. Нет, - в хороший лес, настоящий!» Парень ошалел, как Савелий Крамаров в «Тэнго и Кэш», и прикатил свой «Жигуль» куда просила

И лёгкость кончилась.

Дальше...

Она не знала, как быть, при том что знала: что - делать.

«У-порная, у-язвимая, очень - красивая...»

«Пятый элемент»

Побрела без дороги, без смысла, куда-то наугад. Вышла на весёлый («бравенький»), выражают одним словесным мазком такое в Бурятии) солнечный пригорок. Огляделась: полянка. «Что делать?!... Полянка, полянка, что Настеньке делать?» Но та, как шарик в «Трассе 60»: мол, тебе решать.

Села под ослепительную лучезарность, обхватила руками колени, закрыла глаза. Посидела - тишина. Тогда снова пошла по лесу. Силась что-либо угадать, стараясь что-то угадать, вдруг мысленно заговорила со встречающимися деревьями. Сама изумясь - чему.

«Скажи, осинка, Что ты делаешь?» Как на Высокой реке Паустовского, в ответ ей, также, как там Пете-маленькому, радостно шелестели деревья. «Нет - нет, я не спрашиваю, как ты здесь родилась, как растёшь и что с тобой будет. Давай-ка Посмотрим, Что ты на Тонком Плане». Вопрос - ответ: мгновенно, внутренним её - новым, вновь обрётённым! - глазам предстал действительный механизм Природы. «...Не в плоти, а в крови... О-о-о-ой, - ошеломилась она, - какие вы все, оказывается, труженики!»

Впервые догадавшись Видеть (но и впервые Увидев), она решила Посмотреть каждое дерево в отдельности. И пошла...

С мягкими чувствами пушкинской царевны, ухаживающей сейчас за домом семи богатырей, братьев, - пошла по лесу, протягивая руки и глядя каждый шершавый ствол - великана, девицу, юношу, подростка; приникала на время, обнимала, садилась у подножия...

«...Осина. О-о! Ты - светлый сосуд. Как из ведра снизу вверх, по спирали, поднимается энергия. С силой! - выброс вверх. После выброса: радость, покой, удовлетворение. Я этого не знала».

«Ель. Длинный светлый узкий сосуд. В нём кипит светлая жидкость. Потом вытекает вниз. Ощущение после: чистота, покой, отдых. Классно».

«...Рябина. О-о-о, какой ты... Насос! Работа. Работа насоса. Какой-то воздух закачивается. Куда? В плоды, в будущие плоды? Нет, не только: в пространство кругом. Воздух... Сила! Энергия!...»

Настя оглядывалась, вспоминая характерные деревья, окликала.

«Сосна-а!.. А - вот: за ручьём. Сейчас подойду. Ну-ка... Ух ты! Белый шар. Вода... Ах - это наверное, знание. Знание, Дух. Вода, тишина, покой. Свет Небесный на кончиках иголок».

«Кого забыла. Пихта. Ой, - Настя прыснула. - Веник, метла, метёлка!.. Метла. Стрелба в кучу Мусор, сверху опустилась труба, всосала его, переработала. Кипение. Прокипятила? И - всё разошлось. Растворила Мусор. И - капельки росы».

Тут она вспомнила главного: «Кедр. Ке-едр! Где кедр? - Прислушалась. - Ой, не пойду: очень далеко. Приветствую тебя, о, король леса! Покажись мне - прислонюсь к тебе на минутку, мысленно. А-а-ах... Светлая лестница. Слышу: звон колокольчиков. Чувствую: чистота».

Замерев в этом ощущении, машинально трогая, глядя ото всюду протянутые ветви, она заволновалась: «Дуб!... Забыла дуб! Дуб, где ты?... О-у! Губка, большая губка - живая, всё в ней движется. Вот что-то в себя впитала из окружающего пространства, что-то в ней внутри происходит, что-то перемалывается... Капли: выходят наружу хрустальные капли».

Так незаметно - за Взглядами, за Разговором, она подошла к опушке.

«Липа.

...Белый прозрачный шар. В нём жидкость, в ней плавают стустки. Это... Это: энергия, - догадалась она. - Вот они: дворянских гнёзд липовые аллеи.

...Но слышится смех: стустки плавают, стараются выбраться наружу, звучат. Будто смеются. Вдруг через дерево происходит сильнейший выброс! И всё: расслабление».

Она повертелась, думая, кого бы ещё Посмотреть, Опросить.

«А ну-ка выстройтесь по Вибрациям!» - бросила призывно.

«Кедр. Моё уважение. Лидер: 100 баллов из 100. Сто процентов. Кто у нас идёт вторым? - Может быть ожидая такого же могучего кого-то Настя была до крайности изумлена! - Рябина?!... Ты?! Вот никогда бы не подумала. О, какие девушки бывают Сильные. 95 из 100. Круто. - На третьем месте, в отрыве от других не оказалось нико-

го, дальше деревья пошли почти ровненько, более - менее одинаково. - Сосна: 85, дуб: 85, ель: 80, черёмуха: 80, липа: 85, осина: 70. - Вдруг большой перерыв. - Ой, ольха: что это вы?! Не поняла. Связь Предназначения и Вибраций. Ладно, после. Ольха: 25, пихта: 35. - Вдруг нахмурилась. - Опять не поняла: что за кедр - 45 - суется? - Она бы-стренько очистила картинку в сознании, представила, «нашла» этот кедр. На обочине какой-то дороги, в пыли, грязи, бензиновой копоти - в отбросах техногенной жизнеде-ятельности стояло чахнувшее дерево. - Кедр больной. Всего 40 из 100. И он совсем не способен к Работе. Он уже не дерево: только видимость, с ветками «ствол».

...Но я кого-то забыла. Кого-то забыла, кого-то забыла я... - Так гадая, она, то пригибаясь и с трудом проскальзывая в путанице ветвей, то обходя колючие заросли, шла по опушке. -...Да не лезь ты, шиповник! От одежды ничего не останется. Верю - верю, ты очень полезен, без тебя не проживёшь. Ах, вот вцепился! Ах, так - всё: бу-дешь кормить меня до конца дней моих! Помни.

...Берёза... Берёза! - поражённо воскликнула она. И, превратившись в шальную девчонку, бросилась бежать обратно: назад и назад по лесу. - Где-то, где-то - где-то там роща.

...Вот они: белые стволы. Кто позовёт - кто примет меня, матушки?

Русский лес. «Я люблю, когда шумят берёзы,
Когда листья падают с берёз.
Слушаю - и набегают слёзы
На глаза, отвыкшие от слёз.

Всё очнётся в памяти невольно,
Отзовется в сердце и в крови.
Станет как-то радостно и больно,
Будто кто-то шепчет о любви...»

Русский лес...

Может быть (как знать) потомкам гитлеровских солдат при этих словах снятся вез-десущие партизаны, обитающие с автоматами ПППШ под корнями деревьев, а потомкам польских оккупантов беспощадный, как «Терминатор-3», Иван Сусанин, наделенный хитростью в одиночку топить целые войска в чревах болот, - может быть, наследники чингиз-ханов до сих пор вздрагивают во сне от свиста косы, вида рогатин, ошеломитель-ных палок - дреколья в руках сермяжной ватаги, будто выброшенной лесом, ступаю-щей напролом этакой медвежьей гурьбой; но наследующим князя Александра - велико-го - Невского слышится в этих простых словах только сильный мир; сердечность, тепло-та, величественный мир, исходящие от простой пары слов: двустигшия «русский лес».

А далее, любая их душа вспомнит не дубы, не сосны, даже не кедры.

Как при словах «Северный полюс» безотчётно всплывают в сознании дикий мо-роз, пустынные льды, белые медведи, при словах «Южный полюс» - льды, сполза-

ющие в океан, айсберги, пингвины, - как представляя в воображении художника мы первым делом рисуем себе мольберт, кисти, краски, а при представлении булочника - пекаря первым делом (первым делом!) непременно хотим видеть добрый нрав и открытый характер, так при словах «русский лес» всегда на ум сами приходит: берёзы. Нет вопроса - почему, нет - почему - ответа. Среди пальм и пляжей, роскошного климата, ярких тканей и реликтовых минаретов... Восточной роскоши, американского базара, европейской вседозволенности и скандинавского невеселья, русская душа непременно до смерти затоскует о берёзовой роще.

«...Берёзы, - спросила Настя, выбирая наугад, и не зная, наиболее... «цельную», ведь через неё предстояло ... «пройти»!.. - Берёзы, Что вы?

...Вибрации, по уровню, невысокие: 65. Вселенский Образ: узел. Узел??. Так.. Ох! Узел, стремительное сжатие его, теперь, как развязывание его, теперь отдых, и снова. Недоумеваю: это так похоже на работу сердца».

Она обошла выбранную берёзу; не раздумывая более, плотно прижалась щекой; держась руками за ствол, откинулась назад; постаралась найти - глаза; что-то в себе почуяв, развернулась; крепко, до боли вжалась в ствол спиной; глубоко вздохнула; медленно, очень медленно, ещё медленнее выдохнула, стараясь найти ритм, Быть в такт; ещё раз: вдох, выдох; закрыла глаза; и - отрывисто - и - безмолвно: сердцем, узлом - скомандовала.

(Как юный артиллерийский обстрелянный лейтенант своей неумолимой гаубице, - как кинолог, своей умной собаке, живущей день и ночь у его ног. «Огонь». «Вперёд».)

«...К нему».

Pocket-book, железная книжка, мягко скатился по стволу, скользнул в мураву.

...Когда... Открылись глаза, было светло. Длинные тени и влажная прохлада говорили о конце дня, заходящем солнце. Кроме неё в этом лесу его видели ещё тысячи глаз.

Её белое тело из сумрака листьев (ветвь протянуть) напротив «видели» глаза рябины. Её «видел» муравей и она «видела» муравья. Мошки, жучки, комары «знали», она есть, она их «знала». Тысячи тысяч - стволов, побегов, былинков, - недвижимых и движущихся существ - БЫЛИ. Она БЫЛА; вместе с ними, и наравне.

Лес вокруг стоял - другой, незнаемый; и лес был: свой, родной; потому что - ЛЕС. Оттого - успокоенная - в стволе берёзы она закрыла глаза.

...Настя вздрогнула! Поняв: на неё - именно на неё, как на человека, а не неё, как на берёзу - смотрят; несколько пар глаз. Чувство было пронзительным. Намереваясь утаиться, она чуть размежила веки - «Не смогут заметить», от первого увиденно-

го - волчий оскал! - распахнула глаза и, в мгновение ока осознав: где она, что - она, с криком рванулась вперёд.

Не вышло.

Тело не вышло: только выделилось из ствола.

Она совершенно осознала себя и испугалась. «У меня не хватило сил... Кудесник - где же ты? Свою жену - выручай!...»

Озираясь, заметила несколько пар живых, настоящих, глаз, бесстрастно, но с ожиданием (чего?), как ей привиделось, вперившихся в её тело

Налетевший ветер качнул верхушки. Зашумел лес. Внезапно ВСЁ будто очнулось.

«Волки, кабан, сорока, филин, лось, белка... Ай! По-мо-ги-те!...» Но слух свой крик слышал, а голос молчал.

Движение от ветра вершины дошло до корней: берёза качнулась. И Настя выделилась из неё ещё. «Нет. Ну, пожалуйста, ещё раз, ну пожалуйста, - качнись, роди меня, матушка! Ещё, ещё!» Но на плечо вспрыгнула белка, ухватилась коготками за край щеки, начала покусывать мочку уха. Сорока вцепилась в ключицу (оттого дёрнулось и вышло плечо), стала, как пулемёт, стрекотать, тарыхтеть. Филин облетел круг, глазами пронзил ей глаза, ухнул. Как по команде, пара волков бросилась к стволу. Настя взвыла, ринулась прочь. А волки, жамкнув клыками её одежду, отпрянули назад. «Какие они массивные: матёрые» - проговорило её сознание, когда они вывалили её на траву, на прошлогодние листья. Статуйей стоявший кабан молниеносно развернулся, оглянувшись, хрюкнул, и, ломая сухостой, чугунным ядром полетел прочь, покатился по лесу. От чудовищной перестановки внутри она стала терять рассудок, отключилась.

«...Кто-то топчется по мне. Стрёкот. Сорока. Какая она тяжёлая. Прыгает. Массаж».

«...Кто-то суёт шарик в губы. Белка. Лепечет. Надо съесть. Семечко. Ещё суёт. Ещё».

«...Сейчас, уже жую. Ещё...»

Пауза.

«... Кто-то волочёт меня по земле». Сознание рывками, как прыгающий мяч, просыпалось. Когда вернулось, она шевельнула рукой и движение прекратилось. Она села (заставила себя сесть). В трёх - четырёх шагах от неё, покачивая тяжёлыми рогами, то оборачиваясь, к ней, то делая шаг вперёд, в лес - туда, куда унёсся кабан, стоял лось. За спиной возникло урчание, оглянулась. Двое волков поуркивая, оскаливаясь, переминались шагах в десяти от неё. «Счас, счас, - тупо вымолвила Настя. - Сейчас пойдём. Дайте придти в себя».

Угрожающе (впрочем, безобидно - Настя уже многое понимала здесь) - демонстративно рыча, показывая, «вот прыгну», волки заставили её встать. Лось впереди, за ним, пошатываясь и хватаясь за стволы, Настя, за ней, в отдалении, не спуская с неё глаз, волчья двойка. Так они пошли.

«Чую, идти придётся долго». Первый час она часто уставала; как у ребёнка, считала свои первые шаги, через каждые сто - потом двести, потом триста, пятьсот... - приваливалась к берёзам или растягивалась на земле. Проводник и эскорт тогда терпеливо ожидали. Это могло продолжаться и минуту, и пять, и полчаса: меры не было. Но едва только (Настя назвала «это» так) последний симптом усталости, бессилия исторгался из неё, эскорт мгновенно поднимался, принимаясь всё страшнее и нетерпеливее завывать, а ведущий - храпеть и перебирать ногами. С улыбкой поднималась, опять считала шаги: шла.

Ближе к ночи комары жалили, как пчёлы. «Какая я мудрая: знала, ему не понравятся брюки, но сейчас в платье меня бы просто съели эти кровожадные твари». Ещё более мучительным было отсутствие воды. Хотелось пить, и ни речек, ни ручьёв, ни родничков за всё время (а она могла предположить, что передвигается уже не меньше трёх часов) пути не было. «Такое впечатление: это не Россия, а пустыня Сахара». Почему не встречается ни одного ручейка??»

Глубокой ночью «караван» остановился. «Как бы поспать. Надо обязательно заснуть крепко». Без движения Настя скоро озябла. Понимая теплоту, даже летней, шубы волков, кинула вопросительный взгляд. Серые тотчас, как ёжики, подкинутые и ударенные лопотой, отскочили, и как провалились в кусты. Тогда, испросив разрешения у сохатого, заставила его повалиться и, смиряясь, как новая послушница в монастыре с гестаповским характером настоятельницы, со зверскими укусами и зудением комаров, растянулась на вздрагивающем тёплом теле. «Всю жизнь буду помнить эту ночь... А что, если, - а может, впереди ещё не одна?... Кудесник, как же ты... ко мне не мягок. Впрочем, что это я: то не он - куда-то с какой-то целью ведёт меня Природа. Хочет что-то показать...» С этими мыслями она столь же безмятежно, как без опасений шла, заснула.

«С чего начинается Родина»

песня

Всё было взаправду.

Никто не собирался устраивать театр.

Утром следующего дня вожатый с ветвистой головой, полученной в дар от Природы, вывел человека к лесной реке. Власть нахлебавшись, умывшись, ёжась от холода, раздевшись и смыв водой зуд вчерашних укусов комаров, Настя беспечно напевала, когда поймала себя на новом ощущении. Обычная русская народная сказка старого образчика. То русская печка, то птичка, то речка, то просят, то молят пробегающую «машеньку» о чём-нибудь. Каждый из них ищет своего. Но от того, как сейчас поведёт себя девочка, зависит дальше ВСЯ ЕЁ СУДЬБА. И если народы придумал БОГ, Отец Небесный, ясно, Кто это придумал?

«...Не вопрос! - машинально молвила тут Настя словами, слышанными на вокзале. Перевела взгляд с воды на свиту: чем дышит эскорт? Волки зевали. - Хорошо, речка, дай подумать: дают подумать». Сломала веточку (отмахиваться от кровососов), села на упавший в речное русло ствол, в задумчивости погрызла ноготок. Взгляд тревожно обегал русло - вблизи, вдали, поднимался по крутым, заросшим кустами, старым берегам.

Люди, наделённые художественным восприятием действительности от бога (талантом от бога; но в нашем случае тогда логичнее и здесь писать: БОГ), - люди, носящие в себе глубокий дар, нередко выражением его (но, помилуй бог: не задумываясь, совершенно машинально!) движением своего пера опережают ход истории на десятилетия. Так Достоевский написал «Бесов», Замятин «Мы», а Высоцкий - за двадцать пять лет до космического взлёта цен в стабильном, как материковая плита Гондваны, СССР, пропел залихватски: «Говорят, что скоро всё подорожает, даже, врут, поваренная соль!» Из трёх граней, достаточно характеризующих жизнь, никто из художников, к сожалению, не заинтересовался свалками - отходами городов и отношением к женщине; осталось вспомнить: что-то было сказано о воде? В одной из своих «попыток» предвидения Макаревич (к сожалению, ах, к сожалению) сразу несколько раз ошибся. «Через двадцать лет забудут люди, что такое ложь, через двадцать лет никто уж и не вспомнит о войне...» И ещё, и ещё. Но как бы хотелось, чтобы кто-то (Кто-нибудь?) отвёл, что он предугадал о воде. Однажды (когда в городах ещё не знали, что такое покупать воду, когда её было много - вдоволь - чистой, и можно было подставлять стакан под кран городского водопровода; но лесные, но луговые речки, которых «Макар» не видал, уже безудержно таяли) он спел: «...От этого вода, уйдёт на дно колодца - уйдёт, как предвещение беды. Уйдёт, уйдёт, и больше не вернётся...» Как бы хотелось, чтобы он ошибся.

...Настя всё мучилась вопросом, some times скашивая глаз. Эскорт никак себя не проявлял. Наконец, подвела итог и молвила: «То была река». Тогда стала мучиться дальше. «...Речка, речка, куда же ты делась?» Произшёл второй вывод. «Куда же, куда... Кто же тебя... Украл. Где же ты, где, куда же ты, куда...» Она поняла: сидит на дне недавней реки, а тот ручеёк - речечка, в котором сейчас умывалась, остатки, останки недавней пятиметровой реки. «Так... Приехали», - впервые совершенно по-русски: в сердцах - брякнула Nastya.

«...Что если, как вчера. Испробую. Вдруг Ответит». Вопрос - вдох - выдох. «...Недавно была: лет 50 - 60 была речкой... Что произошло?» Вдох - выдох. Замотала головой: «Н-не понимаю». Испробовала ещё раз. Образ возникал, и сознанием никак не трактовался.

«...Так. Всё ясно: надо мне готовиться - ничего радостного не будет увидено.

...Кажется, поняла. А я-то было подумала: на стойкость меня испытывают.

Кто следующий, «люди»? - вспомнив чтение в детстве «Дерсу Узала» вслух спросила она. Всё думая о воде, о реке, - всё думая, думая, и не замечая (так монотонно, не обижаясь, когда его прогоняешь, всплывает сообщение архиватора Windows «вставьте следующий диск») упрямо всплывающего в сознании следующего Образа, побрела по лесу.

Миллиардеру Голдфингеру, придуманному Яном Флемингом, пришлось трижды заметить неуловимого «Агента 007», (также - гениально - придуманного; для выявления «голдфингеров»?), Бонда, - пока он решился на утвердительный вывод: всё не случайно. Видимо, в эпоху Нового Завета новой истории в сознании всех народов закрепились аксиомы: считаем до трёх. Поразмыслив над вчерашним состоянием своей неутолённой жажды и сегодняшним наблюдением ручейка - реко-речки, Настя сразу решила, всё не случайно, и постановила (вот шутка): в этом году со вчерашнего дня сократить «счёт» до одного. «Следующим» оказался лес.

Весь день - весь этот, первый день её похода - оказался Посвящён лесу. К закату Настя вполне уяснила: Небо чётко целенаправленно распланировало её... прогулку. Она знала: не будет дождя, она знала: не придёт холода - всё Учтено; и даже то, что её Оставили совсем без еды, входит в План. (Утончается восприятие.)

Отсутствие пищи Настю ничуть не беспокоило - «Была бы вода» - с 25 лет она придерживалась системы питания, в которую свела подходы Шелтона и Брэгга. Питание по Шелтону, воздержание от еды (голодание) по Брэггу. (Голодание: 1 сутки каждую неделю, 3 суток каждый, обычно в конце, месяц, 7 суток раз в три месяца или раз в полгода; до 21 суток пока не доходила.) Отсюда она легко определила количество Запланированных дней «похода»: «Идти будет три дня. То есть, впереди у меня ещё две ночи. И два дня». (Стандартные сроки голоданий: 1, 3, 7-8, 13-15, 21, 42 суток.)

Цепляясь руками, взглядом за деревья, мечтая запомнить, уложить в себя наблюдаемое всё - всё, она одновременно, (как Штирлиц с пастором Шлагом) думала о другом. «...Три дня, три дня... Нет. Нет, не так: не три дня. Я меняю План. Матушка - Природа! Я буду идти столько дней, сколько потребуется! Пока не пойму Тебя! Есть, что сказать против - спорь».

Что-то говорит о том, что сам кинонеубиваемый спаситель Земли, положивший конец в сознании миллионов землян не одному «Армагеддону», Брюс Уиллис, сказал бы сейчас: спорить с этой девицей бесполезно.

Уяснив Задачу, Поставленную Небом ей, она (как все продвинутые современные верующие) поставила её себе. Кажущаяся простота. «Идти, смотреть, внимать, чувствовать. Я поняла: увидеть - ничто. Надо пережить. Всё, что захочешь понять, придётся пережить. Ничего нельзя понять, виде, всё надо пережить!»

И первый день посвятила лесу и воде.

Мучимая жаждой, комарами, жарой, одолеваемая невесть откуда взявшимися слепнями, прыгающими с веток лосиными мухами, напоминающими клещей и клещами встречающимися в волоса, она часами шла от одного вялого ручья к другому ручью, всё одинаково изумляясь: ведь не в пустыне я!...

«...Реки истожились в ручьи. Но даже не ручьи, то - ямы с водой, перетекающие друг в друга. Ручьи исчезли, оставив вместо себя болота. Текущая вода - бегущая вода - не есть, пропала, ушла. Зато много стоячей. Земля заболочена...»

«...Лес».

От утра до вечера силы её не прекратились, а удовольствие от нахождения в лесу, - от движения по глухому, не загаженному проявлениями цивилизации, лесу, - растаяло, как шарик мороженого в кофе, как кусочек льда, на ладони обжигающегося и восхищающегося им ребёнка; и как ледовый айсберг, неведомым случаем занесённый в тёплые воды экваториального океана.

За день она трижды натыкалась на так называемый «ус» узкоколейки. По оставленным шпалам поняла: была железная дорога. «В диком лесу?!» Обведши его по кругу своим Видением, установила: на двоих суток ходьбы - ни одной живой души; кроме неё и «свиты», только медведи. По местности поняла: по ней вывозили лес, она предназначалась для вывозки леса.

На этих насыпях Видением Настя с неудовольствием засекала какие-то нечистые Явления. Видя, как в зеркале, кислое выражение на своём лице («Как это по-нашему будет: я скучилась?»), вынуждена была признать: нечто нематериальное, порождённое здесь деятельностью человека, сгустилось до плотной, отзывающейся яснovidению, материи. Волки несколько раз злобно оскаливаясь, и не понимая, откуда исходит опасность, кружились на месте, создавая круговую оборону, лось просто дрожал. Тогда Настя под глухие удары испуганного сердца просто бежала.

В очередной раз миновав полотно узкоколейки, когда волки вдруг закрутились и взвыли, и - затравленно, как две беззащитные кошки от собаки, ища защиты, уже - кинулись к её ногам, когда уже не воображение и чувства, а вегетативную нервную систему шкрябнул неизвестный ей ужас, решила. «Время!» Вдох, выдох. «Двадцатый век, двадцать - семьдесят». Сбежала с полотна в лес, схватилась за родное белое дерево. «Что?» Вдох, выдох. «Образ: вопль. Сотни людей, тысячи людей... Тачки, лопаты... Увечья, боль, смерть... Боль сгущается, вопль синееет, его Вибрации становятся материальны... Сгустки боли обретают нервы!... О, бог...» Волки выли, шарахаясь бежать отсюда и не смея бросить её: будучи привязаны к ней их Матерью и Владычицей Природой. «Состояние!» Вдох, выдох. «Образ: разрушение храма. Ого!...» От видения Настя даже остыла. «Эти люди... Люди разрушают храм!... Но для чего??... Аз, да: им нужны стволы». Просто закрыла глаза, уже просто, сама, представила: вот проходит вагон - один, другой, третий... Сотни стволов, тысячи стволов, миллионы стволов... «Кое что становится ясным. Эй, кошки мои - бежим!»

За день, зная свой шаг, прикинув зигзаги и время, прикинула: прошла 25 - 30 миль, двадцати пяти не менее точно.

За день два раза на пять минут (сто быстрых шагов) попадала в девственные кустики: сосновый, берёзовый. «Ощущения: как в храме, - записала себе она. - Поразительна чистота. Ни валежника, ни упавших стволов - как парк. Но кто здесь прибирался? Чистота и в Объёме. Храм. И собрались здесь послушаться Бога добродушные великаны».

Тысячи тысяч «голосов» Послушала за день она. «Леса нет». Зная теперь, с чем сравнить, - «Ах, матушка - Природа, неужели Ты только затем сохранила - отвела гла-

за лесорубов - эти два мизерных кусочка, только затем, чтобы провести по ним меня. Только за тем, чтобы показать: ЧТО - Ты. Какая Ты есть... Ах, а верней, какая была.

...Леса нет. Нет того Духовного Существа, которое называется: Лес. Лес весь спилен. Весь. На его месте выросли деревья. Но то не лес. Человек забрал всю Его энергию, разрубил - вот точно: топором - все Его связи. Забрал энергию, присвоил - съел. Без Духа Леса заново выросли... стволы. А Духа нет». А Лес (как она всё явственнее осознавала теперь), Лес - это Божественная Духовность на Земле. Он Её Проводник, Носитель, Накопитель. Нет Леса = нет Духовности.

«...Ни зверей, ни птиц. Казалось бы: что не жить! Ни одного человека с ружьём на сто вёрст. Живи, умножай потомство, радуйся! Ни-ко-го нет». В иные часы ей казалось: даже жуки - гусеницы прекратили жить на деревьях. Тогда она бралась искать их, находила, говорила себе, что совсем мало, тогда начинала слушать птиц, понимал, невообразимо мало птиц, - пичуги ещё шебуршатся, из крупных не встретила никого. Ни лисы, ни енота, ни ежа. Мало мышей.

Тысячи тысяч разных голосов за день и прослушала, и Прослушала она. Спать не легла - упала: устала, выдохлась, изнемогла. Сердце - то сжималось от берущего за глотку, если уместно так говорить о сердце, бессилия, то ярилось до зубовно-го скрежета. «...Зеркало бы найти да поглядеться: кажется, лицо у меня изменилось.

...Не думала, что всё так серьёзно.

...Я думала, при встрече с ним пококетничать, поиграть, посоперничать как-то, набить себе цену... О, даже не до игры. Придётся - как это по-русски? Сдаваться без боя. Как-то придётся совсем по-мужски: ставать плечом к плечу. Бабушка Таня, зачем ты так направляла меня.

...Ладно.

Завтра иду в поля и деревни».

Поле, деревня...

Как не представить - невообразим - русский лес без белых стволов, русский народ без Ивана да Марьи, - как обмелеет народная песня, поэзия, высохнет сам русский язык! - вычерпни из него всего лишь то, те слова, что корнем связаны с хлебом, берёзой, Иваном да Марьей; так не видится сама Россия без того, то чёрного, то золотого вольного пространства, что пашется и колосится, - без тех, кто пашет, сеет, жнёт. Не из войн и присоединения новых земель возникла она, не из бортничества и рыбной ловли, не вече новгородским, Куликовым полем и Полтавской битвой вставала, родилась она, когда было вспахано поле - поле, которое теперь нужно было и засеивать, и жать, и защищать. Полями рождённая, деревней вставала, деревней строилась, деревней и города и заводы свои поднимала. Из поля и деревни возникла она, от них произошёл дух её, на них зиждется.

Настя верно определила: день второй Назначался «деревне»

К полдню следующего дня, заставив её совершить огромный круг, - миль пятнадцать: Настя смогла определить по времени, - пройти по полям, насмотреться на них, Наслушаться их, вожатый вывел своего человека к деревне.

На солнцепёке путь был утомителен; зато Настя вполне смогла узнать, ощутить и оценить местность; и, сдержанно (готовясь к непонятному, но иного и быть не могло - удару), восхищалась ею. Зелёные равнины (издалека глядя, она называла их: поля), ровно спускающиеся от высоких лесов к реке, пологие холмы, далеко видимые деревни, купол церкви за лесом, столбы линии электропередач, плавно огибающие (видимо, по полевой дороге) каждый холм - казалось сам бог назначил здесь человеку привольно жить! Насте легко дышалось и легко по полям двигалось - всё было хорошо под солнцем; только невнятное неприятное ощущение обесчелочности часто прикасалось к ногам, поднималось, тревожно копилось в ней.

Всё приближалась деревня. Настя оглянулась: свита исчезла. «О, значит впереди близко люди!» - наивно, с весёлостью крикнула она и, подпрыгивая, побежала через остаток поля - луга к околице.

На границе деревни и луга дорогу ей преградил буйный чертополох; впрочем, не совсем так: «чертополохом» она от себя назвал смешанные заросли необычайно жгучей крапивы, репейников, громадно вытянувшегося осота и колючего чертополоха, своими шишками пронзающего кожу (будто ты без одежды). В высоту заросли доходили ей до глаз. При любом соприкосновении с ними кто-либо из этих растительных медуз прожигал одежду. Настя повытягивалась, повставала на цыпочки, покидала удивлённые взгляды - вправо, влево - идти напролом? Обойти? - нигде прохода не было. Засунув ладони в карманы брюк, стала боком. Пробиралась сквозь ядовитые джунгли, раздвигая, надламывая стебли горгон каждые пять - десять сантиметров носком туфли. Вожатый в деревню не пошёл. Свита не появлялась.

Спустя бесконечный отрезок пыточной прямой (час? полтора? - тут трудно было сказать), когда всё внимание её было сосредоточено на стеблях и носке туфли, когда не было никакой возможности, да и желания, поднять глаза, Настя выбралась (так и не поднимая глаз) на заросшую дорогу; прошелестев мимо домов. Вышла в самый центр деревни. Тут, у ветхого колодчика, облегчённо вздохнула. «Уф-ф... Как они тут живут... Или, вернее, жили».

Решила рассмотреть всё, всю деревню, вначале целиком - увидеть объёмно, в общем, затем пройти в один - другой дом.

Солнце слепило, она отвернулась от него. Как раз прямо перед ней, метрах в двадцати от неё, привлекая благообразным фасадом, солидностью, высился дом. «Стёкол нет, значит, не живут - жалко. И первый этаж - или полуэтаж? - в землю ушёл. Но какой огромный! Какая крутая, высокая крыша! Даже что-то неестественное. Раз - два - три -... - она насчитала по фасаду дома шесть окон. Иные из рам стояли на месте, иные отсутствовали: эти проёмы темно зияли пустотой. - Но какие богатые резные наличники! Я бы не удержалась: с собой увезла!» Она залюбовалась

постройкой, опуская, прощая ей, и как бы не видя, уроны, нанесённые людьми, временем - старостью. Не придавая значения изъяснам, она залюбовалась, и этот, такой свой прекраснотушный взгляд повела вправо: к следующему дому; надеясь узнать, что следующий такой же солидный, массивный и - и красивый.

Повела - и опомнилась. Осознав, как сюда шла, она беспомощно завертелась на месте. «А-а-а!...?» (Если я ВОТ ТАК сюда прошла, как же сюда приходят, приезжают люди?)

Всё утро, весь день она готовила себя к чему-то нехорошему, что возникнет внезапно, что будет: каверза. Увиденное оглушило. Но - серьёзнее... Как взмах косою подрезает цветущему в поле букету из одуванчиков, васильков, незабудки - колени, так увиденное подкосило её. Не всегда только от физического удара подламываются колени. «Дома там расколоты» - слова из её будущего письма.

Дом, стоявший перед ней прямо, в глаза фасадом, не давал заглянуть за него. Все же другие были видны целиком. Огромные крестьянские, с большой задней пристройкой, называемой «двор», дома, проседая, накрениваясь, расплываясь от снегов и дождей, без хозяина и от времени - дома раскололись пополам; как брошенные бурею на риф корабли. Неприкрытые - так кости при открытом переломе или рассечённый шашкой живот - торчат у них наружу внутренности. Ещё не разбитые вдребезги, ещё, с виду, имеющие надежду, подающие надежду, вроде живущие, на чувствительную душу эти брошенные мертвяки производят сильное впечатление.

Сжавшись и похолодев, как от предчувствия ужаса, поглядывая на небо, - благодарил за жару солнце, - засунув ладошки в карманы, и раскрыв глаза и рот, Настя побрела от дома к дому. Переходя от одного к другому, всё больше мертвея, и, одновременно, всё сильнее наливаясь, как готовый фыркнуть шар, холодно кипящей - гнев - ядовитой ртутью, она заставила себя пройти («Она вся мёртвая...») всю эту деревню.

Уже привычно двигаясь боком, раздвигая носком туфли здоровый «чертополох», во все глаза смотрела на дома только. В один забралась. Выключив не только Видение - все человеческие чувства - постояла в дверном проёме. Обуреваемая страхом (сама понимала: беспочвенный) заставила себя пройти комнаты. Рухнувший потолок - потолочины, матица... Взломанный, вывороченный пол. Наполовину разобранная, наполовину осыпавшаяся русская, на подклети, печь. «А вот сюда вставлялась труба самовара: я знаю. Какая-то странная лодка съехала с чердака. С потолка по печи. А-а, это гроб. Не пригодился».

Однажды, по приглашению турфирмы друзей, Настя спускалась с аквалангом в море. Там нашли место... Экскурсия называлась: «Кладбище погибших кораблей». Было жутко и интересно. После была вечеринка на теплоходе: танцы, бар... «Я думаю, после этой экскурсии меня бы вытошнило в баре. Ни улыбаться, ни танцевать. Хмуро пить виски. Ром, водку... ..Вот до каких ты мыслей дошла». Уже мало обращая внимание на уколы «чертополоха», она поспешила выбраться из мёртвого места. По пути: вопрос - вдох - выдох. Враз стали ясны тревожные поглаживания - поползновения на ноги полей. Последние иллюзии исчезли.

Но - выбралась. Вожатый, как знал: был тут как тут. Дождался её появления из чертополоха и - с ходу резво затрусил через поля: вперёд, по маршруту к дальнему углу леса, к маковке, торчащей за ним. Однако, Настя взглядом положила прямую линию, как азимут, на другую деревню и быстрым шагом, полубегом, ринулась туда.

Лось оглянулся, не останавливаясь, мотнул рогатой башкой, как указал, куда надо идти. Но Настя так рывкнула - «Туда!», что великан присел, а опомнившись, скакнул за ней. Почти мгновенно, как после всполоха гром, после вскрика явились и волки.

«К маковке» они попали лишь к заходящему солнцу: Настя последовательно осмотрела ещё три деревни, отстоящие каждая друг от друга по прямой в часе ходьбы. Во всех было одно. Везде было Одно.

Кипящая и шипящая, как перекачивающееся по раскалённой сковороде масло, так что и волки, и лось «поджав хвосты», как собаки бежали за ней следом, Настя заставила себя утихомириться только вблизи храма, перед его холмом.

Опасаться новых ударов было нечего - ничего большее невозможно. «Конечно, храм внутри будет разрушен». То была церковь; зато возле руин и одинокого столба чудом уцелевшей колокольни лежало тихое кладбище. Здесь бывали люди, не заглушил все дороги чертополох. Настя с тихой грустью походила тропинками между могил, между оград, запоминая русские фамилии в глубинке.

«Нет Леса, нет Духовности, как я ощутила.

Но нет - поля, деревни? Нет России».

День выстоял солнечный, к ночи потянул ветерок, - не предвиделся дождь, и ночевать она решила в открытом поле, где на низкой траве не задерживаются комары.

От церкви пошла по дороге назад, но вожатый, удивив её, двинулся на другой покатый холм, а волки преградили дорогу. Ловя её движения (Настя расхохоталась: не сбегу! От вас сбежишь.), начали медленно наступать. «Что ещё?! Я что-то пропустила? Что ж, пошли».

Её привели к очень давно оставленной деревушке (теперь она могла определять). От домов остались «места»: яблоня, яма (бывший пруд), возвышение (сгнивший на месте дом). «И что?! - вслух спросила Настя. - Чем удивили?» Лось посторонился: пропускает её.

В высокой траве она обнаружила пепелища. Однако, здесь горел не деревянный дом. Развалины кирпичных строений - одного, второго, третьего, - куски стен, распавшиеся от времени, долблёные заготовителями старинного кирпича, шаг за шагом... Она обошла всё место по большому периметру; заметила остов купола, заметила вдалеке оградки. Развалины рассказали: здесь была дворянская усадьба, здесь стоял помещичий дом.

«Развалины... Что я должна здесь понять?! Для чего меня привели к ним.

...А-а-ах!... Неужели его я видела в снах?!.. - Она растерялась, беспомощно оглянулась. - Не может быть.

...Лишь затем, чтобы найти его, сюда шла?! Это - всё, что могу Получить?!...
- Отчаяние острыми чайными щипчиками - как за кусок сахара: расколоть надвое схватилось за сердце. -

...Не может быть. Где-то ошибка. - Она растерянно огляделась. Вспыхнул образ, представился дом. -

...Совершенно такой! Не может быть!...

...Тогда зачем я?.. - Она приготовилась опуститься на землю, прильнуть к ней, жаловаться, плакать, ведь она уже сроднилась с мыслью: идёт к *нему*, идёт создавать, - ведь она родилась с идеей: *СОЗДАВАТЬ ДОМ, ПОМЕСТЬЕ, РОД*, уже жила в ней, уже - будет так: знала! И вот: теряется всё. Как свет - да, как свет вместе с солнцем! - в сумерках исчезает всё.

Теряя равновесие, она начинала сердечно плакать, когда вид свиты (вот как полезно всегда, при любом состоянии держать в поле зрения всё кругом!) - вид всей свиты сказал: пройден - ещё не весь путь. Тогда, улыбнувшись через бессилие один раз, второй, преодолев налетевшие страхи (бессмысленность БЫТЬ Здесь, и ещё, и ещё), засмеялась звонко: пробиваясь звоном к восторгу сквозь слёзы. («О, ОТЕЦ Небесный, прости меня».) Тогда, пронзая, будоража себя возможными, виденными в кино, альбомах, взятыми из воспоминаний, рассказов - картинками из ста - двухсот летнего русского прошлого (кавалеры, мундиры, барышни, платья, танцы, рояли...), включая все подряд свои способности, чувства, затанцевала от развалин к оградкам.

Памятники предкам ставили в те времена прочные. Она сумела прочитать на могильных плитах, на надгробьях: «...Штабс - капитан ... такой-то... советник... такой-то... супруга его... Одна тысяча семьсот... Одна тысяча восемьсот... Тысяча восемьсот... Тысяча восемьсот... Тысяча девятьсот десятый. Последний - одна тысяча девятьсот десятый год».

Княжна, при всех её великокровных достоинствах, в корне пересекающих бесцеремонство, была - именно по-русски: до смерти любопытна! - жадно любознательна до всего, что составляет усадьбную жизнь, взаимоотношения, устройство дворянства.

«Имея за плечами» (выражение бизнес-мужчин) такую сумму, что позволяет построить любую мыслимую и немыслимую усадьбу, и даже значительное поместье, она желала продолжить род, являться выражением самой Природы, и лучших русских традиций, а не возникнуть самовольным фениксом на месте пустом. Оттого здесь, начиная что-то угадывать - прозревать - в Цели, приведшей, Притянувшей её Существо, сюда, она решила вычерпать любезно Предоставленный Колодец до основания.

Время (ночь, темь, сутки без сна, уже вторые сутки почти без сна, мили пути, и завтрашние мили, и завтрашний путь, - что будет) - теперь её не интересовало. «Краем глаза» (полезно и в поле Зрения держать Вокруг Себя Всё) она уже замечала: путь - поход кончен, завтра в утро, самое крайнее - днём, она увидит того, с кем дальше БЫТЬ. И теперь старалась.

Да, она придёт (как это по-настоящему-русски?) - дотащится к нему (нет, правильнее: дотащится до него), скажет (только не «Hi», боже её упаси, и не «Hello»),

- скажется: вот, принимай. И ещё три слова: «я жутко устала». И всё: и больше ничего делать не надо, - и больше ничего от неё не требуется! И тут же уснёт. Будет спать день и ночь, как сказочная царевна, а когда проснётся, увидит себя в своём новом доме, в своей спальне, в своей постели.

Улыбаясь невнятным ощущениям, от которых, как от срезанных орхидей, веяло сумасшедшинкой в плотно-облачном аромате трезвомыслия, она степенно, как новая хозяйка, обошла ещё раз круг усадьбы; включая своё Видение для того, чтобы... «Ну, будто садовник забыл оставить включёнными фонари. И надо как-то узнать границы усадьбы.

...Невелика: полтора - два акра. М-м... Значит, незачем. Да, - есть земли вокруг.

...На дом не пойду: что-то не по себе - как будто они сами его развалили.

Встану на клумбу, вот здесь она была. Вот её центр, до крыльца... Шагов двадцать.

...Посмотрим, что было, столетиями назад. Сто лет, двести, триста, четыреста лет.

Время: двести лет назад. Образ: общий образ жизни).

Вдох - выдох.

Искательная до всего, обладающая неистощимыми запасами энергии и воображения, несколько часов Настя раскручивала и эксплуатировала свои новые Способности; без церемонии разрешения заглядывая во все уголки, во все схроны, запертые комнаты, сырые подвалы произошедшей здесь жизни.

Она уже понимала, её местонахождение неважно, и всё то же, что ей Открывается сейчас, она может Открывать, находясь в любой точке, горными хребтами и океанами разрезающего любые радиоволны, земного шара. Но будет ли Это и завтра Дано? Или Небо Открылось ей на день, на два, на ночной час этот?

«...Год одна тысяча восьмисотый. Образ: взаимоотношения с родом. Есть. Вижу. Всё хорошо. Теперь, год одна тысяча девятисотый: его Образ. М-м, плохо. Ещё раз. Всё плохо: Образы плохие.

...Взаимоотношения с деньгами: состояние. Взаимоотношение с деньгами: путь.

...С крестьянами.

...С соседями.

...Со своими детьми.

...С поместьем.

...С малой родиной.

...С Россией.

Понимаю, понимаю, всё понимаю...»

Она не вертела калейдоскоп, вращая перед собой волшебную трубку для забавы разглядывания; обладая опытом в освоении языков, новые «слова» пробовала на зуб, на суть, на цвет, на звук, пробовала на осязаемость, укладывала в себя. От получаемых ощущений, знаний, при способе «вдох - выдох», ноздри её то гневно раздувались, то довольно вздрагивали.

Лось сразу же, как начала, куда-то ушёл; а волки встали и (отметила - осознала характер их движения краем глаза) заходили, взяв её в обхват, по большому кругу; двигаясь в

полном молчании. Прорисовывались иногда под выглянувшей - улыбнуться - луной серые спины. Настя насматривалась, впитывала, понимала, и волчья стая, - столь соединённым виделся круг, - направленная, направляемая жизнью Природы, стерегла её, как свою «большуху», когда та строит жизнь; как зверь; всё может быть - защищала бы зверски, до предела, до - пока сам дышу, за неё грызться буду! И это Настя тоже отметила: отметила, как право; как право делать то, что сама сейчас делать решила; уясняя и новое правило: Природа всегда покажет тебе, на что в своей судьбе ты имеешь право. Жизнь - Природа всегда, в каждое мгновение, на протяжении всей твоей жизни следит за тобой, на всё реагирует, даёт и бережёт всё, что той частице Её, которую ты носишь в себе, нужно.

Конечно, никто не помешал: все мысли, все принятия решений Вселенной контролируются. Нет ничего, что не под Контролем. И, может быть, стая стерегла свою ценность зря; но животные автоматически поступают так, как устроены.

«...Сто лет назад. Есть. Сто пятьдесят. Вижу. Двести. Хорошо. Триста. О... Пятьсот. М-м... Тысяча. Не понимаю...» Уже за гранью «четыреста» ей Виделась, наступала, темнота. «Человеческой жизни здесь нет». Тогда «Пощупала» округу. То же. «Не понимаю... Но нет: понято! Выходит - о, выходит то сказки о тысячелетней Руси. Были очаги - то тут, то там, - какие-то племена, какие-то объединения, - были места, народа, как народа - не было?

...О, как же быстро мы: явились, выросли, и... И деградировали».

Жизнь в этих краях в конце 17-го - начале 18-го веков ей понравилась. (Она обобщила её одним словом: очаровательность) Основательность, крепкость, хозяйственность, занятость, забота, радушие, хлебосољство... «Только бездельно немножко, или это я не понимаю, как можно всю жизнь не работать своими руками и за всю жизнь своими руками ничего не сделать».

Конец 19-го - начало 20-го века вызвали у неё перемежающиеся понурость и гневность. «...Безделье, денег нет, хозяйство не обеспечено, праздность, хозяева... В Италии? В Англии?

Стоп, ещё раз. Общий образ. Уныние, упадок, отсутствие воли, равнодушная жестокость кругом. Деньги - пустота, и Поток отсутствует. Вот непонятные люди...

Стоп, ещё раз: что в промежутке? Сто пятьдесят лет...»

Через двое суток, выпросив у Мужа i-Pad, как более привычное средство интернет - общения, чем компьютер, полулежа в уютном уголке на превращённой покамест в диван, постели, она писала: «...Бабушка Таня, и совсем не «Советы», которые ты стыдишь, уничтожили дворянство, разорили деревню. Какая удобная неправда для всех нас! Это не Советская власть, это началось... Но сейчас, пока я не всё понимаю, мне объяснить тебе всё будет сложно. Внутри себя я уже многое понимаю, но это такой огромный объём. Мой М... - тут она передумает писать правду. - Мой Мастер, я вас обязательно познакомлю, говорит, утешает: всё действительно сложно.

Давай попробую по очереди. Дворянство.

Дворянство выродилось само: это сделали мы сами. За три столетия мы не подумали о простой, очевидной вещи: почему мы можем не работать? Кто-то, хоть кто-то задавал при тебе элементарный вопрос: для чего мы освобождены от труда, от необходимости ежедневным трудом зарабатывать на свою жизнь средства? Возьми для самого чистого примера роман Гончарова и перечитай мечту - сон Обломова. Мы решили: мы свободны ничего не делать. Мы решили: это наше законное право. И постепенно, да нет - быстро! - перестали исполнять свою роль. А то была очень важная роль! А прекрасно знаешь: природа устроена так, что всё, что не работает, не исполняет какого-либо труда, всё, что не исполняет назначенной ему Богом, жизнью роли, вымирает. Отмирает и падает на смерть на землю. Надо работать.

Я думаю, ролью, предназначением дворянства было: быть носителем Духа.

И даже наши титулы говорили каждому каждый день о том, что он в себе носит.

Как патриции в Древнем Риме, как жрецы египетского царства, как знать, жрецы в Элладе (так поэтично назову всю Древнюю Грецию), мы обязаны были профессионально заниматься (кроме хозяйства поместий, разумеется) искусствами, образованием, жизнью местности - всей культурой.

Как огонь вечернего костра греет тело и взор, освещает вокруг всё пространство, так дворянскому гнёзду назначено быть в своём крае очагом света: культуры.

Не духовенство, дворяне (!) были носителями духовности в стране, страны. Так на Руси. И так в России. Они носители духа, их обязанностью было: профессионально заниматься духом, духовностью.

(Множество мыслей. Поставлю в скобки. Вот, например. Оттого дворянин - армия, оттого дворянин - поместье. (Поле!!!) Оттого - крестьяне. ОТТОГО ВСЁ.)

Но обрадовались жить никак не трудясь. Сами изжили себя.

Дармоеды?

О деревне.

Но тогда и о поле.

Но тогда о лесе и о воде.

Но тогда о людях.

О, я запуталась.

Мой Мастер говорит: всё намного проще и намного сложнее, смотря по тому, где твои мысли: в духе или в материи. Всё просто, когда мыслишь Духом, тогда все причины ясны.

Деревню загубила не...

Не так. Деревня начала загуб...

Погибать, гибнуть, губиться... - не могу подобрать. Как точно правильно? - тела крикнуть она в гостиную комнату, сидя с i-Pad-ом в соседней, малой. - А? Как? Ах, ты уже здесь, подошёл, - ласковым движением: быстрым поглаживанием руки отвечая Мужу.

- Например, деревня начала загубливаться.

- Да, загубливаться, так.

Но вот странно: это выражение очень мягко!

...Но как ты увидел, что я пишу? Текст закрыт от твоих глаз коленями! Ты - Видишь? Тоже Видишь?

- Ты пишешь письмо бабушке и пишешь о дворянстве и о деревне.

- А-а, ты читаешь мысли.

- Нет. Не читаю, не Вижу, не... Ничего Этого нет. -

Ей пришлось крайне удивиться:

- То есть? У тебя нет Способности Видеть?

- Да, нет. -

Она преизумится:

- Ты - Мастер, Кудесник! Почему?!... Разве тебе не было бы удобнее так!

- Ты знаешь, - ответит он, - много лет назад, когда я начинал свой новый Путь в Духе, когда у меня открывались, закрывались, оставались разные Способности, много раз, не единожды, я пытался разгрызть этот орешек. И вот пришёл к какому выводу. И Выводу. Ты прочитаешь об этом, когда будешь изучать Тетради моего Дневника. Я записал: «Пользоваться ясновидением - заниматься рассматриванием Делания». Думаю, главная причина - поэтому: все каналы ясновидения у меня закрыты. -

Она перебила: - А волшебное слово: «пока»? Пока закрыты.

- Нет, не пока. Всегда. Закрыты и всё. Закрыты для того, чтобы я не рассматривал! Делал.

- А как же ошибки? Ведь ты бы мог избежать их!

- Нет ошибок: есть постоянный выбор. А любой выбор не есть ошибка.

Но и ещё: нет ошибок, есть отражение твоего СОСТОЯНИЯ в твоём ДЕЛАНИИ. -

И она согласится с ним, резюмировав: - Хо-ро-шо.

Но как ты?...

- Нетрудная вещь. Ты пишешь жаром, как закрытая печь, - жаром, нетерпением вся. А ранним утром, едва ото сна, все уши прожужжала мне...

- Боже, как сложно устроен истинный русский язык, его понимают только пчёлы...

- Только и говорила, перевожу, о том, что пришлось увидеть.

- Переживать...

- Пережить.

- И вот села кропать.

- Так, ещё его понимают портные...

- Вопрос: кому? Ответ единственен: бабушке. Вопрос: о чём? Ответ очевиден.

Однозначно? -

Увидев логику, запрятанную сотнями слов, событий, движений дня, она поразится: - Как ты!... Вот это да. Что это?

- Интуиция. Потом, потом прочитаешь.

...Ну а сейчас она стоит и Набирается Тех Энергий, которые позволят всему описанному случиться. И вовсе не заботится о себе, о своём будущем, - не знает, что Предуготовано, что будет, - кто кому и что скажет, как посмотрит, поступит как, - и как поступит она; и где вообще завтра окажется. Она это понимает.

Не узнать. Просто потому, что «Будущее - вещь непостоянная», как пронизательно замечал своим воинам Света Магистр Йодэ.

«Теперь послушай, во что верю я»

(Тринити, «Матрица»)

Ранью прекрасным утром, в ту его звёздную часть, когда коростель ещё не готов извлекать свои звуки, в сон Насти, посматривающей на опушке леса носом в траву вещице сны, ворвался знакомый (уже) ей скруп-скрип. В сон (она решила, в сон вошёл) стукнулся коростель. Скрр-рип... И улыбнулась. Однако очередной сон, как воробей из гумна, вспорхнул, встревожено вылетел, нашёл высокий (потом: ещё выше) шест неподалёку: «Чи-то. Чи - что? Чи - кто?». Весь напрягся, завертел головой, готовый сорваться, умчаться. Треск повторился, и все сны, стоявшие - сгрудившиеся - весёлой стайкой у поверхности воды вокруг мотылька, молниями разлетелись; потому что на смотрящую их (сны) сверху посыпались палки, земля, сухие сучья, зелёные ветки.

Настя очнулась - не шевельнулась; ничем не выдавая себя: мол, человек беспечно спит.

Из ближних кустов раздалась рывкающие звуки «у», «у-у», «х», «хру-у», и с точностью баскетбольного мяча, брошенного игроком высшей лиги, профессионалом, в неё (издали!) прилетела травяная, огромная, вот только вырванная из земли вместе с землёй, кочка.

За прошедшие сутки Настя, легко перенимавшая тоны языка, манеры, движения, в постоянной компании своего зверинца усвоила и обычное поведение своих зверей. «Где я? Кто это? Где моя охрана??» Лёгким брёвнышком перекатилась по земле, морщась от прокалывающих одежду, кожу, сучьев, укрылась за ель.

Из кустов раздался ужасный, пугающий не только её - всю округу - рёв.

Настя огляделась. Лось (правда, в отдалении) флегматично жевал кору, сгрызивая её кусочками с осинки, волки (с любопытством, показалось), спокойно сидя, на неё смотрели.

В другое время (и месте) Настя уже б карабкалась на подходящую ель. Сейчас же она сказала себе (не переводимо, что-то) следующее: «здесь существуют чёткое взаимодействие и чёткая иерархия. Главное колесо здесь, сейчас: я. Все другие колёса вращаются сейчас для меня. Успокойся». Сейчас же, вслух, сказала: «Хм-м, новое действующее лицо. Для чего? Ответ один: прогоняет, гонит. - Вскричала: - О, не-ет! Я так не могу! Где гостеприимность хозяев? Где ванна? Где чашечка дымящегося

кофе? Пришёл... Мишка- разбойник. - И, свите: - Он даст мне поспать? Или что: уже нам идти? Топать? Что - ещё далеко топать и не успеваем? Часу не поспала. Наведите порядок!» Но волки не двинулись. Ей пришлось идти: ворчливый субъект не угомонился, пока они не ушли отсюда.

Настя долго удивлялась, перешагивая через валёжины, обходя пни, наклоняясь под ветвями деревьев: «В каком цирке его научили так метко метать?!... О, мама-природа».

Переход оказался долгим.

Вожатый двигался всё быстрее, длинными своими ногами вышагивая поговорку: к дому и лошадь быстрее несёт, - временами бежал. Настя радовалась, и, шутя, даже подгоняла своего проводника хворостиной: «Скорей, скорей, скорей бы, давай поскорей!» - заставляя себя уходить от говорения: quickly.

К полудню (солнце нещадно палило, дымилось в зените) вышли на большую для здешних мест реку.

Все четверо одновременно стали, как вкопанные (замерли): порыв ветра принёс чужие девственному чувствуванию природы разные запахи: человек - парфюм, бензин - машина, огонь, еда... Мгновением позже - крики, плеск, свист.

Таясь, подобралась к реке. «Как хорошо: вышли! Люди!» И тут же возникло невероятно серьёзное: «Не хочу: не хочу никого видеть, ни с кем говорить «до-него».

Посмотрела - соседний брод в десяти милях отсюда. «У-у-у - устала, так устала: не хочу». Вполголоса крикнула: «Волки!...» - упёрла взгляд, поманила (и мысленно, и ладошкой). Волки приблизились; как всегда, недобро оскаясь. Попыталась соединиться, - попыталась даже пофантазировать: «Аватар»... - глаза в глаза. Оба зверя прыжком отпрянули. «Да, я не Маугли». Тогда Посмотрела (Образ взаимоотношений). «Э-э-э, нет, - твёрдо уяснила себе, - эти звери никогда не будут рядом. А я по наивности хотела оставить их при себе, приучить». Отвернулась, дабы не волновать их, пусть успокоятся. «Как бы им показать: пошумите, прогоните людей, как бы им показать? А ну-ка!...» Подражая волчьему рыку, волчьему крику, тихо повыла. Побежала к реке. Серые взвыли в голос и, туда же, за ней, яро рванули.

Пока серые разбойник выли, метались взад - вперёд по берегу, Настя погоняла лося по прибрежным кустам (то-то шум стоял!): для треска. Несколько азартных минут - берег пуст. Лишь следы колёс на влажном песке, лишь в накалённом воздухе гарь бензина. Пивные банки, закуски, забытые полотенца, плавки.

...И никто не увидел, и никому не смог рассказать о чудесном случае на чистой реке; как бронзовая статуя Венеры Милосской, - только живая, - только изваянная современным Скульптором с коррекцией на современный европейский образец - чуть длиннее ногами и суше телом, - только с руками - с руками, поддерживающими узел одежды на голове, на перевязанных берестой волосах, - прогулочным

царственным шагом, смеясь, хохоча, вызывающе выпятив вперёд коричневые на белых пятнах груди соски, переходила реку.

Ещё переход. Заметила: вожатый начал петлять. Сбоку, издалека донеслись носовые звуки: ы-ык, ы-ык, хрю - хрю. Затем улеглось, затем топот. «О, новое лицо. Подходим». Кабан, боров огромный, недружественно хрюкая, зло (показалось) по-сверкивая глазками, сзади обошёл их. Волки попятились. Кабан с непостижимой для огромной туши ловкостью развернулся, и, пересекая им их прежний путь, торпедой понёсся по лесу. Настя сообразила: «Туда. Вперёд!»

Шли бегом. Ветерок принёс прохладу. «Впереди река. Скоро...» Напряглась.

«No, не река: река - ручей, йёк».

Ах, как вдруг заорали - да наперебой! Да - спереди, справа, слева, сзади! - как футбольная кипящая при последних минутах и при ничьей, трибуна! - сороки.

И тут раздался голос - голос, которого она так ждала; и которого испугалась, как неожиданности, как моментно пугаешься того, чего так долго ждёшь, когда оно внезапно происходит, приходит. Где-то совсем близко, на берегу речки, мужчина повелительно произнёс: «Да тише вы, бестии. Без вас, как открыл дверь, как вышел из дома - с утра жду известия! Так, ну-ка: утомонились. - И, уже тише, но она явственно всё услышала: - Хватит того, что сокровища на лопату сыплются, и это... Что за свинство: кабаны над головой пролетают».

Настя тихохонько прыснула, - оглядела себя, отряхнула, поправила одежду, - как актёр, выходящий из-за кулис на сцену, и как отвлекаемый от оркестра дирижёр, сыграла руками своему самостоятельному подразделению - благодарю! Пока! Разойдись! - и, направилась к берегу, по направлению: солнце.

...Нет, не удержалась: решила Посмотреть, к Кому идёт. К сему, много определяющему в её жизни моменту во время ходьбы по лесу она из любопытства и для набирания нового понимания Просмотрела десятки своих знакомых - мужчин, женщин, и уже совершенно точно представляла: Что - мужчина, Что - женщина. Вполне прогнозируя увидеть что-то очень крепкое, высокое с удовольствием приготовилась. «Комплекс Энергий». Прислонилась к матушке - берёзе. Вдох - выдох.

...То, что было явлено ей... Пригвоздило к стволу её. Во внутренние глаза, во все внутренние чувства вплыла законченная фигура: шар. (Не было ранее шаров!) Безукоризненно исполненный этот шар переливался всеми цветами радуги, имея невероятное, не ожидаемое количество Энергий! Замерев, растерявшись - потерявшись даже - она оторопело (как балда) уставилась на него, потому что... Следующее потрясение: мужских и женских Энергий было по количеству поровну.

И этот невозможный свиток вращал сам себя, что-то внутри перерабатывал - дышал, переливался.

Следующее потрясение! (Она автоматически прислонилась, схватилась за берёзу, но родное дерево оттолкнуло, непустило её.) Вблизи от этого чуда природы возник ещё один, столь же безупречно сработанный шар. Весь перевитый живым комплексом сильнейших женских Энергий, с обозначенными мужскими, - с диаметром, чуть большим диаметра шара первого, этот венец творения самовольно поплыл к нему.

Настя опомнилась, крикнула: куда! Стой! Когда поняла: «Да это же я! Боже, кому подчиняется кто?!»

На её изумлённых глазах два шара, притянувшись, медленно - медленно, - медленно так, будто они разумные, будто они не спешат, они испытывают наслаждение - «затанцевали», «заперекликались». Комплексы Энергий взвились вверх, как две небесные птицы, как два дельфина. И в небе слились. Но не это - нет таких человеческих слов: передать. Они, оставаясь друг в друге самостоятельными, независимыми, сплелись.

В то же мгновение мужские краски первого шара вспыхнули. Мужские Энергии удвоились! Заработали ярко - нестерпимо глазам! Ярче! Ещё ярче!

Превысили размеры женских Энергий второго шара, - какие-то их... флюиды мягко, добро потекли в стороны: во всё окружающее пространство.

Общие краски двух Существ всё множились, множились - умножаясь не в основных цветах: в их гранях, оттенках.

И внутри общего пространства вспыхнули две искорки. Вспыхнули, «разогрелись», каждая сама по себе начиная образовывать своё собственное пространство: новый шар.

Настя закрыла ладонями глаза, лицо, и, как в бреду, покачиваясь, словно пьяная, двинулась от... Прочь.

Сияло солнце. Плоскость, квадратик естественной поляны на берегу трапецией спускался к воде. В низу старого, круто взбегающего вверх на три человеческих роста берега, сочилась когдатопня хорошая река. Мирно перекликались кукушки, легко насвистывали птицы. Крепкой стеной кругом стоял лес. Только сейчас Настя осознала: ЧТО теперь для неё лес! Только сейчас оценила: как ей уютно, покойно, надёжно - КАК; оттого, что кругом лес; как она любит его, а он её... «Надеюсь».

В верхнем срезе старого берега темнело обвалившейся глиной углубление. Настя тихо подошла. Углубление оказалось глубокой просторной ямой, явно рукотворной, имеющей прокопанный выход к реке. «Положить крышу, будет пещера. Грот. Таинственно. Могу представить: там живёт Финн, точно пушкинский». Она присела на краю обрыва - пещеры, хотелось лечь, забыться, но заставила себя соблюсти церемонии, села, начала наблюдать.

На дне - полу седоволосый мужчина с лопатой, ведром, разговаривая сам с собой, внимал блестящие зёрна из стены» грота», обнажившиеся после обрушения глины.

- Магушка Земля, мама - Природа... Слов нет! Как говорится: слов нет, одни звуки... Ну вы даёте.

...Почему именно сегодня?

...Неужели это бриллианты? Вот некому подсказать.

...Точно придётся собирать.

- Это алмазы, - постаравшись не испугать, произнесла Настя. - Это не бриллианты. - Нашла необходимым объяснить. - Бриллианты я знаю: у моей бабушки их достаточно много.

Здравствуй! -

Мужчина поднял голову. Их глаза встретились.

- Здравствуй. Здравствуй, Кудесник, - произнесла Настя с оттенком грусти - с тем человеческим чувством, которое возникает из ниоткуда не объяснить почему, и которое сжимает сердце часто, - если не всегда, то часто, - в тот волшебный момент, когда всё желаемое свершилось, ты держишь его в своих руках, и желать больше нечего, и идти, надсажаясь, больше никуда не надо. Прибавила тихо: - Ты здесь... Я пришла... Я так устала... - Человек ответствовав «здравствуй», своим ответом заглушив её слова. Не расслышал. Тогда обычным голосом она сказала: - Что ты делаешь? Сказал: точно придётся собирать. Собираешь алмазы? Как щедра к тебе Природа. Ты мужчина или женщина?

- О, у нас - Видящая. Забавно.

Чувствовал: приближается Энергия. Да не поверил.

...Я собираю в Живой Поляне человеческие и Вселенские качества, рассыпанные Природой в людях.

- О, - от неожиданности молвила Настя. «Хорошо, что сижу, иначе, пожалуй бы, упала» - мелькнуло: подумалось про себя.

- Здравствуй.

...Ая? - неуверенно произнёс мужчина.

- Здравствуй...

- Мастер.

- Мастер.

Ты похож на мою бабушку...

Она собиралась сказать: тем, как они смотрят друг на друга, как без слов понимают.

- Чем. Возрастом?

Она рассердилась:

- Нет, она помладше будет. Но ты получше выглядишь.

- О...

- ...Тем, что она тоже всё время «сокращает» меня.

Кудесник задумчиво посмотрел на неё, на небо.

- Какой твой основной язык?

Настя задумчиво покачала головой:

- Боюсь, уже не знаю.

Что это за яма?

- Несостоявшийся скит мой.

Как ты попала сюда? Сюда нет дорог, и один только лес знает...

Она вложила в ответ всю свою серьёзность:

- Он... Привёл.

- А?..

- Подожди. - Она в смущении потупилась. - Видишь ли... Я пришла не совсем обычным путём. Поэтому, не сочти за сумасшедшую: а вдруг?... Но... Ради бога, ответь честно: какой сейчас год?

Кудесник потёр мочку уха. Настя услышала длинный вдох - выдох.

- Земной - две тысячи двенадцатый.

Она (давая понять, делает это в шутку) перекрестилась.

- Са ва? - осторожно спросили её снизу.

- Са ва! - с удовольствием отвечала она. Прибавила: - Спасибо... - И ещё тише, себе под нос: - Спасибо, матушка - берёза...

- Что-о?! - вскричал Кудесник!

Через упущенное ею мгновение он был подле неё.

- Через Ле-ес?!?!

Она только коротко кивнула. Набухли слезами глаза, покатались крупными горошинами из глаз.

А её тормозили - за руки, за плечи.

- Как твоё земное имя? Нет, не «Майя».

- Настя. Разве ты не знаешь?

- Откуда?! Только Небесное... Ая... Настя! Настя! Вот ты какая!..

Он обнял, прижал к себе, сжал, поднял её.

- Ой, какая силища! У моей бабушки меньше...

- Настя, Настя!..

Её опустили на землю.

Он опустил её бережно, сел подле.

- Устала. Очень устала?

- Да. Очень. Час ещё выдержу.

- Конечно, выдержишь.

Они заговорили.

Они заговорили, с каждым словом всё больше переходя на тот иной, тот странный язык, что всегда известен только двоим: двоим, вместе когда-то прошедшим не одну сотню, в странствии, километров, или прожившим вместе необитаемо не один год, и который выглядит, как сплошные пароли.

Он: - Что Она показала тебе? Сколько ты шла? Ты ела?

Она: - Воду. В лесу две ночи, сегодня третьи сутки. Не ела, только вода.

Он: - Да. Хорошо.

«Лес»? Первым делом, да?

- Да.

- «Деревню»?

- Да.

- «Поле»?

- Да.

- Так...

- «Дворянство».

- Новое. Мне не Давали.

...Так-так... Графиня?

- Княжна.

- Подтянешь. Подтянешь до себя.

Музыка?

- Подожди. Я брала такси и не заплатила. За меня рассчитались?

- Да.

- Когда? Я любопытна.

- Кажется, в тот же день: в вечер.

Продолжим.

- Да.

- Музыка?

- Да.

- Пение.

- Конечно.

- Погодь, угадаю. Скрипка, фортепиано, гитара. Скрипка - основной.

- Угадал.

- Литература?

- Только чтение. Немного - стихи. Заметки, письма люблю, дневник.

- Хорошо.

- Танец?

- Ты шутишь? Да, конечно! И гимнастика.

- Живопись?

- Масло, акварель, графика.

- Норма.

Языки?

- Я по-русски. Инглишь, франсэ, итальяно, испанский, дойч.

- Приемлемо.

Ру...

- О-о - постой! - Она его прервала, схватив за руку. - Что-то знакомое. Приемлемо, приемлемо... Да - толстяк Ниро!

- Конечно. Ниро Вульф.

- Рекс Стаут. «Усопший Цезарь» и другие. Десять тысяч орхидей.

- Молодчина.

«Руки»?

- Всё обычное: все женские умения. Как положено.

- Неплохо!

Деньги?

Ты вздыхаешь?

- Да, я печально вздохнула.

Идя... (тут пока пропустила «к тебе») Считала: достаточно. И детям хватит. Теперь... После... - Она показала рукой назад, обозначая путь, который прошла. - Теперь кажется: их совсем мало. -

Мастер показал взглядом на ведро с искрящимися камнями. - Как по-твоему? Я-то их вижу в первый раз - это много? - Настя ответила по-своему: - Наше дело: жить. Как выйдет.

Он поправил, прищуром глаз спрашивая её согласия: - Наше дело: БЫТЬ. - Да-а... - Всё приложится. Нет, не так. ВСЁ - приложится.

- Ой, смотри: какой крупный там, в глине!

Как Она сегодня тебе!..

- Сдаётся мне, - с улыбкой в усы ответил Кудесник, - ответил ей Мастер, - сегодня я нашёл свой самый крупный на Этой Земле алмаз.

Она среагировала незамедлительно:

- «Это предложение?»

- Это предложение. «Тэнго и Кэш».

- Молодчина.

- «Так каков будет твой положительный ответ».

- О-о-о, обожаю Челентано.
- ...«А зачем ещё я сюда пришё-оль»?
- Прекрасно. «Да-да, с пятого пункта, пожалуйста»
- «Молчать! Отвечать, когда спрашивают. В глаза смотреть!»
- Тебе и это знакомо? Культовый фильм. Понимание всей России!!
- Я тоже так думаю. Только русские могут мечтать всей страной жить на Канарах.
- Ты травмируешь мою русскую душу.
- Н-не поняла: это откуда?
- Это я шучу.
- ...Прекрасно.

Теперь ты.

И пункт первый: армия.

- Почему первый? Это для тебя так важно?

У тебя потемнели глаза.

А теперь потускнели.

- Да. На самом деле я боюсь того всего, что сейчас происходит.

Очень боюсь.

- Ну - тогда говори синонимы - определения: как боишься.

- Очень. Страшно.

- Жутко. Невероятно...

- Жутко...

- Повтор. Больше не знаешь?

Панически. Ужасно. До дрожи. До мурашек по коже... Запоминай. Так?

- Да, почти так. Но нет дрожи, есть волнение. Хотя с тобой... Уже легко. И спокойно.

- Было...

- Ты угадал.

- Было легко и спокойно до вопроса об армии.

Подними глаза: ты ошиблась. Ведь ты - Видящая.

- Я не хочу Смотреть тебя.

- Тебя затмило от тревожения. Не Привязывайся.

Не Привязывайся. Нельзя Привязываться.

- Даже к тому, чего сильно хочешь?

- Даже к любимому человеку.

Даже от своего любимого, даже от благополучия своей судьбы нужно быть на расстоянии: иметь небольшую дистанцию.

Тебя Держит вопрос об армии.

- Мне важно, чтобы мой муж служил.

- Подними глаза и взгляни в мои.
О. Почувствовала. О-о! Они загорелись!
- Но мне это важно.
- Конечно, важно, - но не оправдывайся! - ещё как важно! Но ведь он должен по-
том выйти в отставку?
Ты облегчённо вздохнула.
- Да.
О, мучитель.
- То ли ещё будет.
Ты смеёшься?
- Я Посмотрела. Не будет.
- Постарайся хотя бы пока не читать мои мысли.
- Ладно.
- Ладно. Пункт первый: армия.
Кадровый военный с 17 лет. Капитан.
...О-о, «эти глаза напротив» имеют свойство выдавать обладателя их целиком.
- Только бабушке и тебе.
...Для меня тот русский, который не служил - не есть мужчина.
...Хорошо. Под твоим испытующим взглядом скорректируюсь: не мужчина, не
дворянин, не может им быть.
- Музыка?
- Да.
Ты смотришь на мои руки и надолго задумалась. Но вспомни - «армия».
- Да, я сейчас поняла: тебя не узнаешь...
- Тогда погадай.
- Может, гитара?
- Какая?
- О- ля-ля!.. Даже так! Тогда у меня явилась надежда.
- Что она тебе говорит?
- Она говорит: милый, ты забыл, что я очень устала.
- Терпи, коза...
- Что есть «козя-яа»?
- ...Вредная букаха.
...Пианино. Основной. Второй гитара. Далее, на одном уровне: мандолина, баян,
аккордеон.
Великолепно владею игрой на нервах. Владел. Когда-то.
- Рада.

Литература?

- Да.

Излагай.

- Уже не знаю, чего от тебя ждать.

- Всё, чего точно хочешь.

- Поэзия, проза, публицистика.

- Три «да».

- Хор-рошо.

«Руки»?

- Почти все «вечные ремёсла».

- Хотя бы например.

- Печи - печное дело, печник, виноделие, хлебопечение, кулинария, плотник, столяр, краснодеревщик, кровельщик... - земледелие, животноводство, ... целитель.

- О!..

Образование?

- Высшее.

- Отрасль? Специальность?

- Математик.

Математика, информация, принятие решений.

- Приемлемо.

Языки?

- Пока только три.

У тебя из глаз брызнули искры.

Ты типически подумала: русский, английский, французский.

...Так, теперь лицо вытянулось.

...Русский литературный со словарём, русский матерный без словаря, командный и командный матерный в совершенстве.

- Гм-м...

- Ага. Привыкай.

Се будет редко, но иногда я «поручик Ржевский».

- Когда?

- О - умница!

Когда люди демонстрируют мне, нам своё превосходство.

- Расскажешь потом.

Но что есть «ага»?

- По этому поводу есть прекрасный культовый анекдот. Да, сделаю тебе курс образования в анекдотах. И по этому поводу есть отличный культовый анекдот. Потом.

Пошли дальше.

Они переглянулись; что значило: есть что-то, чего мы не спросили. Друг у друга, и не спросили вообще.

Он ответил первым:

- Есть, Ая. Почему: сейчас.

Почему не раньше, не позже, почему: сейчас.

Она кивнула и изложила вопрос в полном виде:

- Почему наша встреча произошла - Устроена сейчас.

- Да, и второй: почему таков мой возраст.

Она изобразила ему неопределённый жест рукой:

- Я... Привыкаю. Верно и то, что всегда в дворянстве девушки выходили замуж за мужчин гораздо старше себя.

Он, выдержав, - и показав ей, - секундную паузу, ответил:

- Я надеюсь.

Она ответила:

- Если бы выражение твоего лица не было столь серьёзно, я оскорбилась.

- Я - бы оскорбилась.

- Да: я - бы - оскорбилась. Была оскорблена.

- Но.

- Чистота рода.

- Как чистота воды.

- Всегда берегли чистоту рода. Можешь не иметь во мне сомнений.

Возникла долгая, прозвучала длинная пауза. Чисто перекликались пичуги, невидимые в густых ветках, чисто синело небо, чистотой - позванивал по выглаженным собой камешкам, ручей.

- ...Откуда он?

- Из родничка.

- Это далеко?

- Да, три - четыре километра.

Очень хороший родничок. Маленький, упрямый, незамерзающий - честный.

- Странное определение.

- Не знаю, сказалось так.

- Честный. Как - чистый, только ещё лучше.

- Да. Чистый и такой, каков есть.

- А куда он впадает?

- Ручей?

Это раньше была река.

- I know.

- В речку.

Которая собирает воды ручейков.

- А речка?

- В реку.

- Которая принимает в себя речки.

А река?

- В море. -

И снова - связно, внятно заговорила длинная пауза.

- И чистота моря зависит от чистоты родничков.

- Ты трёшь ладонями лицо?

- Не будем никого призывать, убеждать.

- Не будем ни за кого отвечать.

- Да, наше дело хранить чистоту своего родника. -

Пауза.

- Так почему - таков - твой - возраст.

- Стояли две сверхЗадачи. А. набрать в Себе весь ОБЪЁМ «человеческое». Б. Избыть все человеческие страсти.

- «Тяжело-о... И всё «одна»?»

- Тяжело, «гюльчатая».

- Устал?

- Нет.

Устал в последние два - три года.

- Почему?

- Начал ждать.

- Чего.

- Тебя.

- Ну и хорошо.

Она вытянулась на земле, - медленно, не повредить неосторожным движением связки, мышцы, ткани - всё тело.

- Знаешь, всё болит. От головы до пяток. Как это: от макушки до хвоста.

И очень болит - сердце.

...И даже, прости, попа. И живого места на коже нет от укусов.

Он вытянулся рядом.

- Давай, полежим и пойдём. Поляна недалеко.

- Я дойду. Просто очень непривычно было быть сильной.

...И брюк я не ношу.

Он засмеялся:

- Так рад!... Знаешь, так надоели... Напоказ женские бёдра и попы... Даже красивые. Иной раз хочется крикнуть: женщины, да оденьтесь же в свои одежды! Пусть будут платья, юбки!

...Не за кем волочиться, голыми руками всё можно брать... -

Она засмеялась.

- ...Баня топится. Я уберу с тебя и ушибы, и укусы.

- Как.

- Руками. Руками с мёдом.

Но вначале тебе нужно осмотреть Поляну.

- О-бя-за-тель-но.

...Но... Ты... даже не спрашиваешь. Ты считаешь: решённое? Даже не волнуешься?

- Нет, очень волнуюсь.

- ... Панически? Жутко? Страшно? До ужаса? Yes? -

Он посмеялся.

- Словарная статья синонимов усвоена. Не могу обещать, что у меня также легко выйдет с инглиш, франсэ, италиано, эспаньол...

...Знаешь, раньше был единственный способ. Обычай. Жениха и невесту подбирали мать и отец.

- Всё поняла.

- Подбирали и...

- И ставили перед фактом.

- Попробуй отказаться.

- ...И родители ставили их перед фактом.

Назови. КТО?

- ОТЕЦ. ОТЕЦ единственен. ВСЁ - ОН, нет ничего, кроме НЕГО.

- Да.

- И оставив одну службу, я всё служу. Теперь, только ЕМУ - перешёл на другую.

- А мать?

- Есть то, перед чем ты склоняешься, как искренний послушник монастыря.

Чему поклоняешься, чему служишь, чему принадлежишь. Кому служишь.

А есть - любимое! Родное тебе, как твоя кровь. Родное тебе, как сам ты.

Природа Земли: моя любимица.

Если ОТЦУ принадлежит моя жизнь, Ей - моя кровь. Ей - до капли.

Точно по поговорке: ей - отдам до капли всё!

- Это фанатично.
- Тогда я фанатик. В этом - фанатик. Другого, ты должна знать - уже не дано.
- Гм-м. Тогда мне - что? -
- Он нащупал её ладонь.
- Тебе рука. Берёшь?
- Ой, как всё быстро.
- А ещё?
- А ещё сердце.
- А ещё?
- А ещё дом.
- Ой! - Настя вдруг вспомнила сны и даже подскочила.
- Что??
- Бежим! Скорей!
- Куда-а!...
- Руку!... Руку беру... Рука - моя - твоя, если моей душе понравится твой дом.

Всё было, как во сне.

Особенно, то, чего и во сне не приснится: мёд, руки, баня...

Спустя день, как годъ

Вечером, - тем следующим за следующим днём вечером, - когда всё личное было, как давно приготавливаемый обед, - как шарлотка, успеваемая приготовить успешной хозяйкой за один час до наплыва гостей: мгновенно готово, - когда написанное второму близкому человеку страстное письмо было отправлено не на бумаге в дальние дали, и когда Настя присоединилась к близкому первому, невозмутимо посиживающему, как знаменитый Холмс с трубкой у вскипающего языками пламени камина, возник извечный вопрос: «И что дальше?»

- Что же дальше?

- Да, что дальше. Ты замкнула круг, здесь создалась, здесь возникла Энергия Целого. Энергия Пары.

Нам не удастся побыть вдвоём: заработали Энергии Намерений. Теперь, - возможно, уже с завтрашнего дня, - сюда, к нам, вокруг нас начнут Собираться, в Поляну будут стекаться люди.

- Какие люди?

- Наши люди - я тебе рассказывал о них: описанные люди.

- Когда? Почему? Как?! Ты уверен?

Он ответит: - No, не так. Я ЗНАЮ.

Она ахнет: - Это же... Не возможно! - Вдох - выдох. И повела рукой. - Ничего! Кругом тишина! Почему ты улыбаешься, почему качаешь головой?

- Этого не возьмёт ясновидение, это не поддаётся ему: это не доступно. Это совсем другое. Это - СКАЗКА. А никакое Видение сказочность - не берёт. Сказка - её ведь нет! Это то, чего сейчас нет, и то, что сейчас будет.

Всё сложнее. И проще всё. Есть только настоящее: МИГ.

В меня столько вкладывала себя ЖИЗНЬ... Что теперь - теперь: я Ведаю Миг. Вот Свойство.

- Но как?

Он легкомысленно отшутился: - Так... Как-то...

Она взмолилась: - Скажи-и...

...И тогда, завернувшись в раскинутый на кресле плед, как в мантию! Мастер, этот Большой весёлый Человек, мягкой улыбкой ответил ей: «Милая ты моя...»

А сказал: «Это важно. Ты забыла - кто - придумал эту СКАЗКУ да повесть».

Содержание

том второй

название	что это	
Конец Принцессы Анны	подведение Итога Пути	6
Злодей	об одном из Свойств человеческого Духа	24
Изменник	Происшествие	34
Ситуация «Майкл»	введение Термина	50
Судья	об одном из лучших Комплексов человеческого Духа	62
Гурман	мужской взгляд	73
Мастер	словарная статья, определение	78
Интуиция	Необъяснимое	134
Woman of Moon	нарушение этики (или - Дань Маринам)	155
Поверхность Мёбиуса	литературная математика	178
Нечто	мемуар	226
«Как много Спасов на Руси...»	осознание вечного	233
«Перемены»	зарисовка	260
«Как в первый раз»	первая песня	264
«Клёну»	попытка понять	266
«Я страдал в суете людской...»	наверное, из века XIX-го	267
«Зимняя дорога...»	в 17-ть и в 45-ть	270
«Воспоминание об осени»	через всю жизнь	272
Желай и имей	простое знание	274
Математик	man&human ...and divine	283
Шестая тема	аналитическая ностальгия	291
Милый друг	истинное дыхание	298
Когда б у меня сын	Моделирование	305
«What is your Russian for «скука»?»	Спорщики	315
Эра - осень, эро-осень	расширение чувственности	360
«Когда забудешь о любви...»	счастливое предвидение	369
«Костёр»	юношеское намерение	370
«Стремление»	и что из него через жизнь вышло	371
Милый Ненавидимый Любимый	объяснение, заглавием	373
Рождение	Рождение	394
ХЛЕБ	СКАЗКА - Резонанс предшественнику	401
ПослеСловие		431

« Р и с у н к и »

Для второго тома :

- рисовали, - писали картины, - и сказки,
- делали ростись на шкатулках и поставцах,
- мастерили изделия из дерева,
- клали печи,
- делали деньги,
- пекли хлеб,
- творили вино,
- строили дома,
- прокапывали заново речки и ручьи,
- сажали рощи и аллеи,
- исследовали леса,
- и людей,
- прокладывали дороги,
- проходили сквозь пламя,
- плыли в ледяной воде,
- ходили по углям,
- штурмовали Зимний...

и фиксировали (фотографировали) всё это :

Пётр Науменко

Анатолий Мытник

Галина Шарова

Наталья Гостева

Саша Немирова

Александр Халов

Ирина Кузнецова

Андрей Халов

Данила Крайнов

Лариса Ветренко

Антонина Завьялова

художник Марат «фадиезминор»

художник Олег Шрамяков

художник Анна Филимонова

Александра Ланская

Юлия Добрынинская

и другие

«Издательство «Семейные Традиции»:

*составление описаний и издание книг
о характерных явлениях
человеческой
и всеобщей
природы*

**АЛЕКСАНДР ХАЛОВ
МИЛЫЙ НЕНАВИДИМЫЙ ЛЮБИМЫЙ
Том 2**

Редактор: Александр Халов
Верстка: Ольга Малютина

Формат 70х90/16. Печать офсетная.
Подписано в печать 22.11.2012. Тираж 1000 экз.
Заказ 2551.

Над книгой работало издательство «Семейные Традиции».
Адрес: Россия, Вологодская область, э/с Высокая Поляна
e-mail: ac_halov@list.ru

Отпечатано: ООО ПФ «Полиграф-Периодика».
160001, Вологда, ул. Челюскинцев, 3.